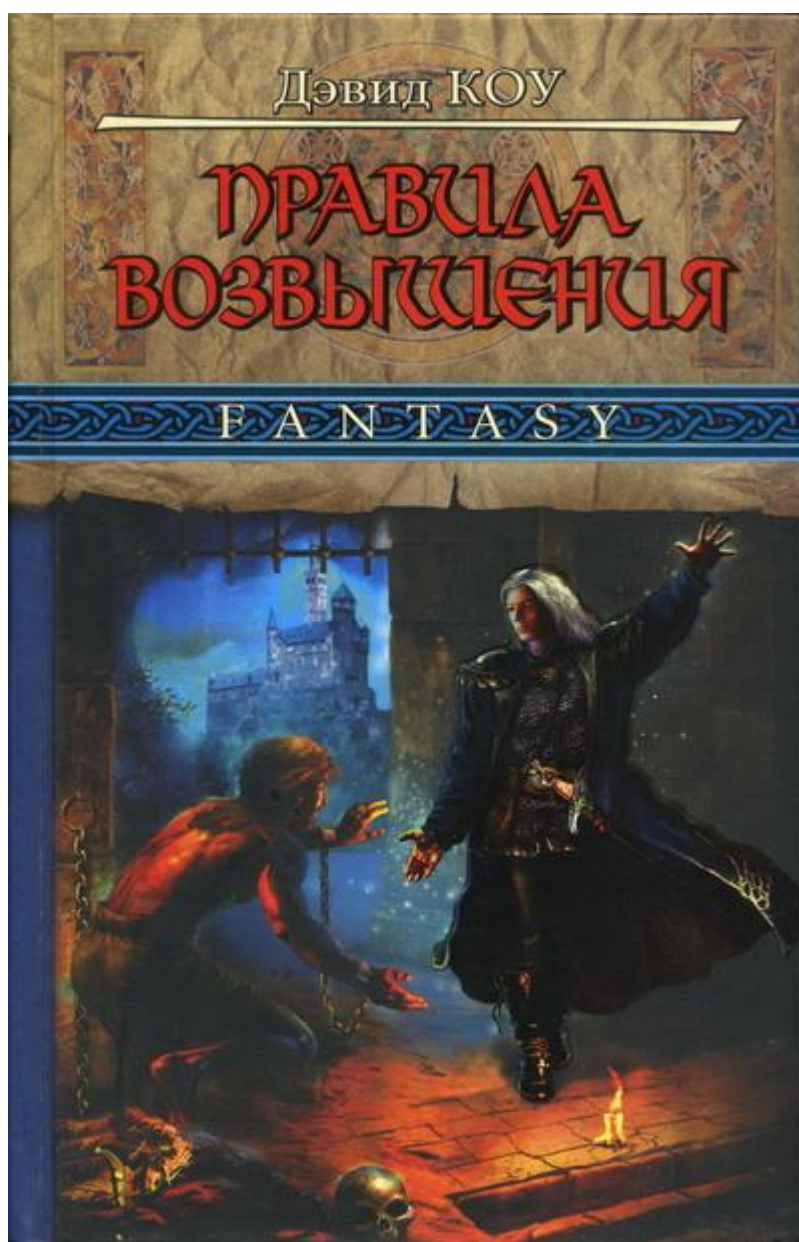

Дэвид Коу
Правила возвышения

Winds of the Forelands – 1

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Юрчик <http://oldmaglib.com>
«Дэвид Коу "Правила возвышения"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-352-00421-X

Аннотация

В течение многих веков несколько племен вели спор за власть в Прибрежных Землях. Потом туда пришли наделенные магическим даром кирси, которые уступали своим противникам в физической силе, но могли читать мысли, вызывать туманы, ветра и огонь, а также воздействовать на материальные формы. После того как один из них ради спасения своей жизни предал соплеменников, кирси потерпели поражение и рассеялись по семи королевствам Прибрежных Земель. Особая каста сверходаренных чародеев, именуемых Избранными, была почти целиком предана смерти.

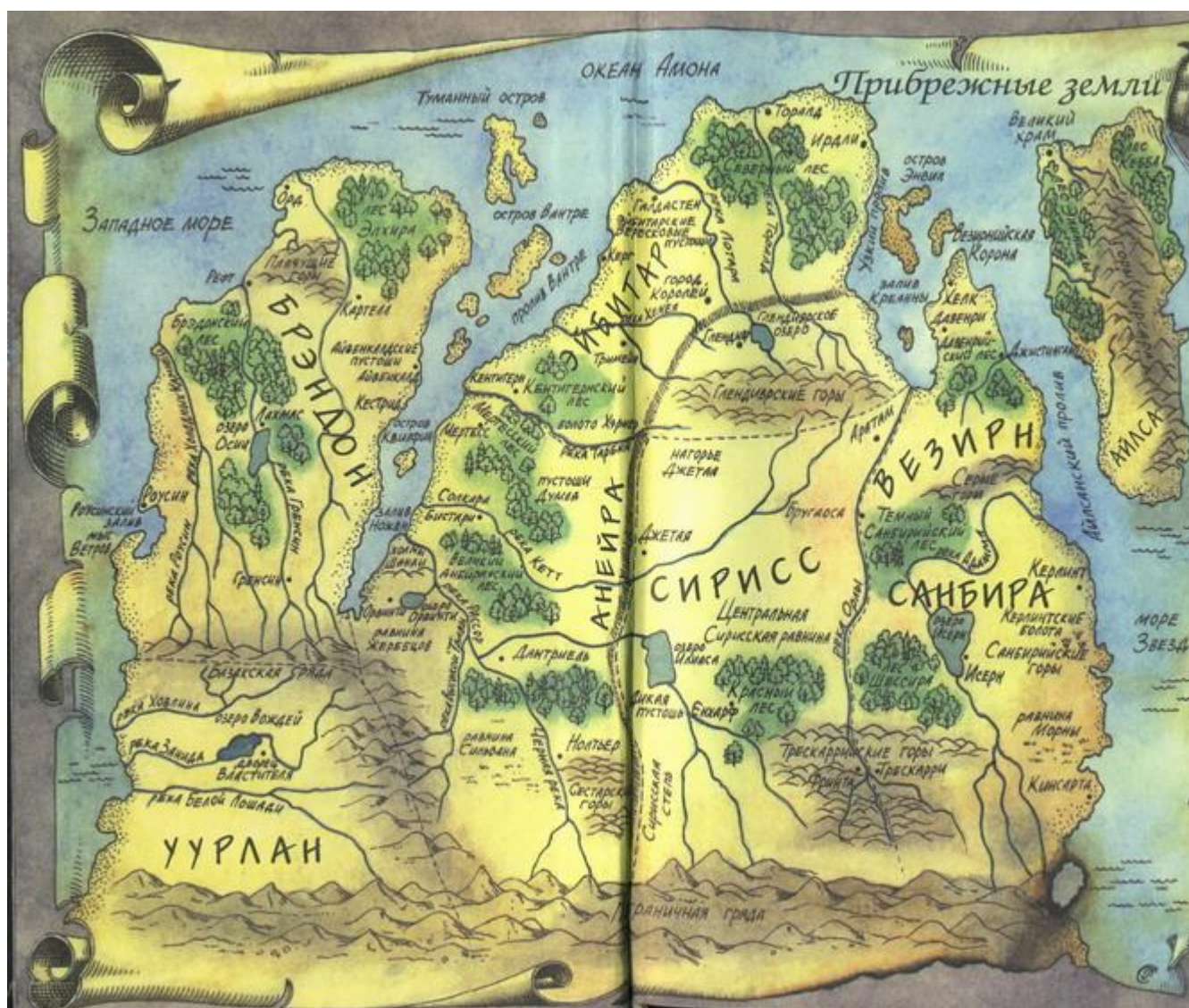
На протяжении столетий в Прибрежных Землях царило относительное спокойствие.

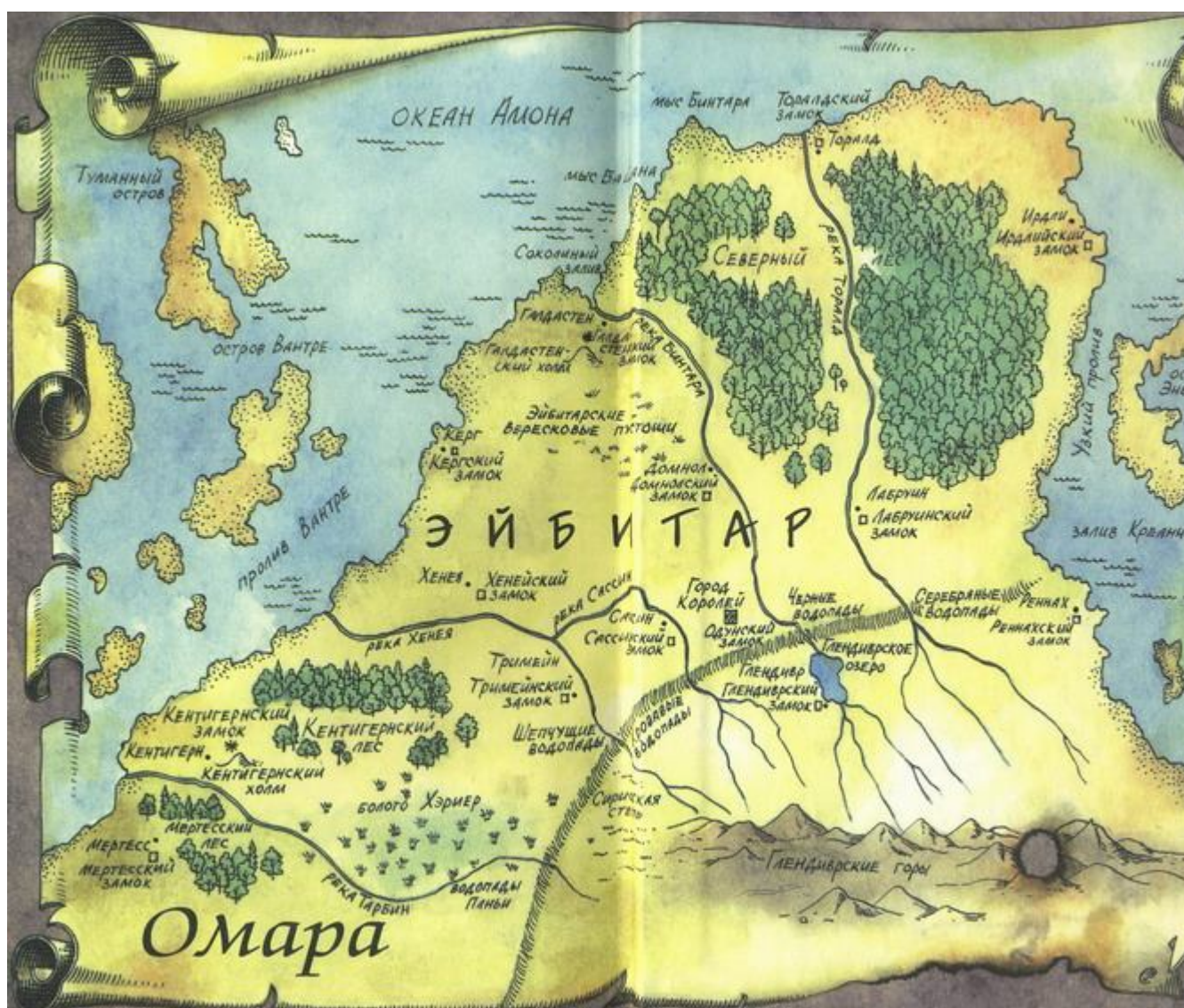
Но когда Тавис, наследник королевского престола из династии Кергов, ошибочно обвиняется в убийстве аристократки, происходит ряд событий, которые в конечном счете приводят к междоусобной войне. Начавшаяся смута колеблет основы государственной власти в Эйбитаге и грозит вызвать беспорядки во всех королевствах Прибрежных Земель. Тавис, оказавшийся в центре смертельного противостояния и лишенный покровительства своей знатной семьи, обращается к кирси в последней надежде на спасение. Но другой предатель-кирси, тайно сеющий страх и недоверие среди эйбитарских герцогов, стремится уничтожить Тависа. Тавис должен остаться в живых, чтобы восстановить свое доброе имя и спасти королевство.

Дэвид Коу «Правила возвышения»

И вновь посвящается Нэнси, которая со мной в начале каждого пути

Карты

ГЛАВА 1

Галдастен, Эйбитар, 872 год, луна Морны прибывает

После яркого света, заливавшего пыльную дорогу и выжженные солнцем поля, глаза Пайтора не сразу привыкли к полумраку таверны. Он постоял на пороге, ожидая, пока из темноты выступят знакомые очертания: покрытая пятнами стойка темного дерева и высокие деревянные табуреты, грубо сработанные столы и низкие стулья, толстые неотесанные столбы, которые, казалось, стонали под тяжестью провисшего потолка, и, конечно, Леван — приземистый и лысый — за стойкой. Воздух был насыщен запахом прокисшего пива и жарящегося мяса, но Пайтор учуял также дым трубки Марта. Похоже, он здесь не первый.

— Не рановато ли начинаешь сегодня, а, Пайтор? — спросил Леван, наливая пива в кружку и ставя ее на стойку напротив его обычного места.

Пайтор сел на свой табурет и сделал длинный глоток.

— Я воздержусь от ответа, Леван, — сказал он, бросая серебряную монету на стойку. — Попрошу только наливать мне одну за другой.

Хозяин таверны вскинул руки и пожал плечами:

— Я не хотел тебя задеть.

Пайтор нахмурился и вторым глотком осушил кружку. Он резко поставил ее на стойку и подтолкнул к Левану, одной рукой делая знак налить еще, а другой стирая с усов сладкую пену.

— Что, Пайтор, жажда мучит? — раздалось позади него.

Он обернулся и увидел Марта за столом в глубине помещения; трубочный дым висел над его головой, подобно грозовой туче, и клубился вокруг костлявого лица.

— С каких это пор мое пристрастие к пиву стало интересовать всех на свете?

Пайтор снова взглянул на Левана и потряс головой. Хозяин таверны оскалился, как вурдалак, и поставил перед ним полную кружку.

— Не злись, Пайтор, — примирительно сказал Март. — Я просто так, болтаю. Давай сюда, присоединяйся ко мне.

Он сделал еще глоток и с минуту сидел неподвижно. Март был неплохой парень. В прошлом, когда Кара была жива, они проводили много времени с ним и Трисс. Март с женой здорово помогали им, когда они потеряли Стефана. Правду сказать, больше, чем остальные. Они присматривали за полем и скотом Пайтора, пока он сидел у постели умирающей Кары и даже некоторое время после ее смерти. С тех пор Март оставался надежным другом, который мирился со вспыльчивым нравом и грубыми повадками Пайтора.

Но все же Пайтор жалел, что сегодня он появился здесь не первым. С самого раннего утра он пребывал в тревоге и смятении — такое беспокойство порой овладевало им перед грозой. Возможно, дело только в этом. Морна знала, что им нужен дождь. Но ему-то было известно, в чем дело. Что-то надвигалось, что-то зловещее.

Кара часто говорила, что в нем течет кровь кирси и что он обладает даром провидения, подобно колдунам-кирси, которые странствуют с ярмаркой Бодана. Они всегда смеялись, когда Пайтор напоминал ей, что для кирси он слишком толст. И все же они оба знали, что его предчувствия такого рода непременно сбываются. Он не сомневался, что так случится и на сей раз. Его не тянуло на разговоры. Но здесь находился Март, и нехорошо было оставлять его в одиночестве.

— Ну же, Пайтор, — снова позвал Март. — Не будь таким упрямым.

Пайтор раздраженно подергал себя за бороду. Ничего не поделаешь. Он отодвинул табурет от стойки, взял свое пиво и присоединился к Марту.

— Вот так-то, — сказал Март, когда Пайтор сел. Он выколотил пепел из трубки на стол и снова забил ее табаком. Потом зажег трут от свечи, поднес к трубке и раскурил ее, глубоко затягиваясь. Листовой табак тлел и потрескивал; клубы ароматного дыма всплывали к потолку. — Что нового, Пайтор? — спросил наконец Март, зажав черенок трубки в желтых зубах.

Пайтор пожал плечами, не глядя в глаза собеседнику.

— Да ничего особенного, — промямлил он. — Хлеба зреют, скот тучнеет. — Он снова пожал плечами и отпил из кружки.

— У тебя встревоженный вид.

При этих словах Пайтор поднял, взгляд. Март пристально смотрел на него: бледно-голубые глаза поблескивали под кустистыми сивыми бровями.

— Тебя что-то беспокоит?

Пайтор поднял кружку и принужденно улыбнулся.

— Ничего, кроме выпивки. — Он старался говорить беззаботным тоном.

Март не сводил с него испытующего взгляда.

— Ничего определенного сказать не могу, — наконец признался Пайтор, снова отводя глаза в сторону. — Просто предчувствие.

Пожилой мужчина спокойно кивнул, но Пайтор заметил, как у того напряглась челюсть.

— Возможно, мне только кажется, — сказал Пайтор мгновение спустя, отхлебывая из кружки. — Дождя нет почти две недели, и я начинаю опасаться за свои посевы. Это влияет на мое настроение.

Март снова кивнул и задумчиво погрыз черенок трубки.

— Да, — согласился он после паузы. — Наверное, тебе только кажется.

Пайтор видел, что Март тоже не верит в это, но не меньше его хочет оставить

неприятную тему. Опорожнив вторую кружку, Пайтор знаком велел Левану принести следующую.

— Угостить тебя пивом? — спросил он Марта, только сейчас заметив, что друг ничего не пьет.

Март поколебался, но всего несколько секунд.

— Нет, спасибо, — ответил он, помотав головой. — Трисс задаст мне трепку, если унюхает запах. Ей и так хватает забот, чтобы еще волноваться из-за того, что я трачу все наши деньги на пиво.

Пайтор посмотрел на друга с искренним участием. Такое не в характере Трисс, и они оба это знали. Любому достаточно было поговорить с ней всего несколько минут, чтобы понять это.

— Значит, дела настолько плохи? — спросил Пайтор.

Теперь настала очередь Марта пожать плечами.

— Бывали и хуже. — Он помолчал, а потом вымученно улыбнулся. — Правда, не в последнее время.

Подошел Леван и поставил на стол полную кружку, но Пайтор едва обратил на нее внимание — так сильно удивился он словам Марта. Да, действительно, им нужен дождь, но не так уж все было плохо. Пока. Если бы засуха затянулась, тогда другое дело, но в посевную пору шли обильные дожди, и в почве еще сохранилось много влаги.

— Что случилось? — спросил Пайтор. — Надеюсь, в вашем стаде не было новых случаев ящура?

Март неловко поерзал на стуле и уставился на свои руки.

— На самом деле были, — проговорил он наконец еле слышным голосом. — Только не новые, как ты выразился. Продолжается все та же история.

Пайтор прищурился:

— Я не понимаю.

— Извини, Пайтор. — Март бросил на него короткий взгляд и тут же отвел глаза. — Мне следовало сразу сказать тебе, насколько скверно обстоят дела.

Пайтор молча смотрел на него. Он знал, что последует дальше. Ему пора было уже привыкнуть к этому, но он так же мучительно переживал, как и прежде.

— Ну и? — наконец выдал он. — Насколько скверно?

— У нас пало все стадо, кроме трех голов. Большинство подошло к концу посевного сезона, когда зерно дало первые всходы, но еще четыре пали в пору последнего убывания луны.

— Но с посевами-то все в порядке? — мрачно спросил Пайтор. — Вы сумеете пережить холода?

Март кивнул:

— Да, как-нибудь. Поля колосятся, а Брайс только что продал мне полдюжины голов из своего стада по низкой цене. Нам приходится туго, но мы выкарабкаемся.

— Почему ты не сказал мне правду? — осведомился Пайтор, стараясь скрыть раздражение. Он знал ответ, но хотел услышать его от друга. — Почему вы не обратились ко мне? Дела у меня идут прекрасно; я бы вам помог.

Март отвел взгляд и покраснел:

— Мы обратились бы, Пайтор. Честное слово. Но после всего, что ты пережил... — Он осекся и беспомощно развел руками.

Не важно. Пайтор мог бы закончить фразу за него. «Мы не хотели причинять тебе беспокойства». Он словно наяву слышал эти слова, произнесенные десятком разных голосов. Они звучали постоянным рефреном в его жизни со дня смерти Кары. Друзья так заботились о чувствах Пайтора, что превратили его в изгоя.

— А другие знают? — спросил он.

— Теперь да. Поначалу не знали. Сперва я рассказал только Брайсу. Но теперь... — Март пожал плечами.

Пайтор кивнул и плотно сжал губы. Он сам толком не понимал, почему так злится. Март не сделал ничего дурного; собственно, и все остальные тоже. Кроме того, какое ему дело до чужого стада. Да и не мог он винить товарища в том, что тот обратился за помощью к Брайсу. Брайс был человек порядочный, хотя и вздорный. Они с Пайтором часто изводили друг друга, но даже Пайтор был уверен, что может рассчитывать на его поддержку в тяжелые времена. И все знали, что Брайс — самый состоятельный среди них. На месте Марта Пайтор тоже обратился бы к нему, несмотря на все прошлые стычки.

Почему же он чувствовал себя таким обиженным?

— Ну ладно, я рад, что все кончилось для вас хорошо, — сказал наконец Пайтор, нарушая неловкое молчание.

— Спасибо, Пайтор. — Март облегченно улыбнулся.

Пайтор ответил на улыбку, хотя у него мучительно ныло под ложечкой. Он пил пиво, а Март попыхивал трубкой, выпуская огромные клубы дыма, медленно всплывавшие к потолку.

Так они сидели некоторое время, ничего не говоря. Март во второй раз набил трубку, а Пайтор осушил еще одну кружку, которую Леван тут же услужливо заменил на полную. Пайтор хотел уйти, но было еще рано. Остальные пока даже не появились, а дома его не ждало ничего, кроме скотины да постели, теперь слишком широкой. Поэтому двое мужчин просто сидели, храня молчание и избегая взглядов друг друга.

Когда Брайс и все остальные наконец вошли в таверну Левана, Март и Пайтор разом вскочили со стульев, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Впрочем, облегчение, которое испытал Пайтор при их появлении, оказалось мимолетным.

— Сейчас не самое лучшее время для этого, — входя, сказала Эдья. Она подошла к стойке, протянула Левану серебряную монету и взяла пиво. — Но, конечно же, и не худшее.

— Это всегда не ко времени, — мрачно заметил Джервис, расплачиваясь за свое пиво.

Все прочие тоже взяли по кружке и прошли к столу в глубине помещения. У всех был удрученный вид, но у Дэвора самый несчастный: он был наиболее молодым из них и быстрее других падал духом. Брайс тоже легко расстраивался, несмотря на свое богатство. Если бы были подавлены только они одни, Пайтор не обеспокоился бы. Но его встревожили остальные. Эдья четырежды выходила замуж, родила одиннадцать детей и на своем веку пережила множество невзгод. Теперь ее мало что волновало.

Джервис и Сигел тоже обладали уравновешенным характером. Джервиса и Пайтора часто принимали за братьев: они оба были одной породы — рыжеволосые, светлокожие, зеленоглазые — и внешне походили друг на друга, хотя Джервис был много выше и гораздо худее Пайтора. Вдобавок они одинаково реагировали на то, что происходило вокруг. Оба легко вспыхивали гневом, но в тяжелые времена никогда не теряли головы. И оба неизменно умудрялись находить выход из любого, сколь угодно бедственного положения.

Сигел был в Эйбитаре человек пришлый — это любой понимал с первого взгляда. Невысокий, жилистый, смуглый, темноволосый и черноглазый, он даже говорил с легким акцентом, хотя никто не мог определить, в чем именно заключаются особенности его произношения. Ходили слухи, что он родом из Уулрана. Эдья утверждала, что он уроженец Южных Земель. Пайтор никогда не спрашивал Сигела, откуда он родом, хотя часто задавался таким вопросом. На самом деле это никогда не имело значения. Во многих отношениях Сигел был просто замечательным. Спокойнее остальных, он был более склонен слушать, чем говорить, и редко тревожился без причины.

Поэтому при виде его мрачного лица и столь же мрачных лиц Эдьи и Джервиса Пайтор понял: случилось что-то неладное. У него болезненно сжалось сердце.

— Похоже, тебе не стоило тратить на животных, — сказал Брайс Марту, усевшись за стол.

Прежде чем ответить, Март бросил на Пайтора смущенный взгляд.

— Да какие там траты, Брайс, — неловко пробормотал он. — Ты запросил цену ниже средней.

— Цена теперь не имеет значения, — заметила Эдья с усмешкой. Она, казалось, всегда посмеивалась, даже когда говорила совершенно серьезно.

Пайтор нахмурился:

— Как тебя понимать?

— Для нас с Бет время выбрано хуже не придумаешь, — сказал Дэвор, не обращая ни к кому конкретно. — Как же наш новый сарай, только на днях построенный, и все такое?

— Время для чего? — спросил Пайтор, повысив голос. — Что случилось?

Джервис несколько мгновений смотрел на него, облизывая губы. Потом потряс головой.

— Мы сейчас видели объявление в доме собраний, — наконец тихо проговорил Сигел. — Герцог созывает всех на Пир в десятую ночь после новолуния.

Вероятно, Пайтору следовало ожидать этого. Но пиво начало действовать, и у него туманились мысли. А возможно, он просто пытался оправдаться перед самим собой. Возможно, подсознательно он ожидал чего-то подобного, но не хотел сам себе признаться в этом. В конце концов его предчувствия подтверждались. Он словно воочию видел перед собой Кару, которая кивала, улыбаясь обычной своей грустной, понимающей улыбкой. Он стиснул зубы, борясь с приступом тошноты.

Дэвор еще что-то говорил о своем новом сарае и о том, сколько дней он потратил на постройку одного, но Пайтор почти не слушал. В ушах у него громко шумело, кровь стучала в висках. Последняя кружка явно была лишней.

Пир — и уже на десятый день после новолуния. Герцог дал всего четыре дня на подготовку, и они мало чего успеют сделать. Сейчас только этого не хватало. Когда установилась засушливая погода, когда ящур косит животных целыми стадами, а герцог забирает больше своей доли из заработанных ими денег, странно, что они вообще еще живы. Но Пир — это уж слишком. На веку Пайтора они устраивались семь раз, в том числе один — в год его рождения, — но к некоторым вещам человек просто не может привыкнуть.

— Неужели прошло уже шесть лет? — услышал он голос Эдьи.

— Полагаю, да, — ответил Джервис. Пайтор услышал отчаяние в его голосе и испытал мгновенный приступ ненависти. В некоторых отношениях они с Джервисом были совершенно разные люди.

— Просто не верится, что шесть лет пролетели так быстро, — тихо проговорил Март. Он тоже не станет роптать.

— Пять, — громко сказал Пайтор, перекрывая нестройный хор голосов.

Никто не стал спорить. Никто не осмелился. В канун последнего праздника умер Стефан. Конечно, Пайтору было лучше знать.

— Да, скорее пять, а не шесть, — задумчиво согласился Сигел. — Наверное, герцогские кирси что-то предсказали.

— Помнится, однажды Пир устраивали раньше положенного срока, — со смешком сказала Эдья. — Оказалось, в Домноле несколько человек умерло от чумы.

Сигел кивнул:

— И такое может быть.

— Это не оправдание. — Пайтор не старался скрыть своей злости.

— Да брось ты, Пайтор, — сказал Брайс. — Мы все знаем, как тяжело пришлось тебе в прошлый раз. Но это не значит, что мы должны отказываться от заведенного обычая.

— Пир — варварский обычай! И всегда таковым были. Я буду повторять это, несмотря ни на что!

Брайс покачал головой:

— Это необходимость. А твое негодование не идет на пользу ни тебе самому, ни любому из нас. Здесь ничего не поделаешь.

— Ты должен признать, — добавил Дэвор, — это всегда помогало.

— Дэвор прав, — согласилась Эдья, ухмыляясь с безумным видом. — На моем веку в Галдастене не было сильных вспышек чумы. И мой отец за всю свою жизнь тоже не видел ни

одной эпидемии. Что бы ты ни говорил, это помогает.

— Помогает! — Пайтор злобно скривился. — Конечно помогает! Но какой ценой? Они могут просто заходя убивать всех нас своими кинжалами — и это тоже поможет! «Никакой чумы, — скажут они. — Своевременная резня — надежный способ предотвратить эпидемию!»

— Ты болтаешь глупости, Пайтор, — сказал Брайс. — Пока еще никто никого не убивал. Пиры не имеют ничего общего с убийством.

Пайтор глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь овладеть собой, пытаясь преодолеть старую душевную боль.

— А как насчет тех, кого Пиры не спасли? — спросил он несколько тише. — Как насчет них? Пиры не всегда помогают.

— Да, не всегда, — сказал Брайс. — Но тем больше у нас оснований благодарить герцога за бдительность. Лучше сделать это на год раньше, чем ждать, пока еще кто-нибудь потеряет ребенка. Бездействие слишком опасно. А Пиры далеко не так ужасны, как сама эпидемия. Уж ты-то лучше других знаешь, что такое чума. Вы с Карой чудом остались живы в последний раз. Всем нам повезло тогда. — Он обвел взглядом присутствующих, и все закивали, соглашаясь. Все, кроме Сигела.

— Да, — неохотно признал Пайтор. — Я знаю, что такое чума. — Он невольно содрогнулся. Он не дурак. С чумой шутки плохи. Подарок Мурнии — так в свое время назвал ее кто-то с извращенным чувством юмора в честь темной богини. Она в три дня опустошала целые деревни. Два века назад одна особенно сильная вспышка чумы унесла жизни более половины жителей герцогства. Она сожгла Стефана меньше чем за день.

Чума убивала быстро, но отнюдь не милосердно. Она начиналась довольно невинно: с укуса клеща. Где именно появлялся волдырь от укуса, не имело значения; у Стефана он был на лодыжке. Если он набухал и в скором времени исчезал, оснований для тревоги не было. Но если вокруг него высыпала мелкая красная сыпь, человеку лучше было всадить кинжал себе в сердце, чем ждать, что последует дальше. Через несколько часов после появления сыпи у больного начиналась жестокая лихорадка, сопровождавшаяся бредом. Счастливыцы впадали в забытие и уже не приходили в чувство. В этом отношении Стефану повезло — единственное, в чем ему повезло. Но те, кто оставался в сознании — те, кому богиня судила пройти через тяжелое испытание, сохраняя память, — могли с уверенностью ожидать одного из двух: либо понос и рвота обессилят их настолько, что им останется только умереть, либо они проведут последние часы жизни, кашляя кровью и выхаркивая куски легких. В любом случае они могли считать себя покойниками — как и любой, кто приближался к ним в первый день болезни. Поскольку они не пожелали бросить Стефана одного, когда он заболел, Пайтор до сих пор не понимал, как им с Карой удалось тогда остаться в живых.

— Я тоже знаю, что такое чума, — тихо сказал Сигел, глядя в пустоту затуманенными темными глазами. — Но должен признать, что я согласен с Пайтором: наверняка есть другой способ.

— Ну вот! — воскликнул Пайтор, указывая пальцем на смуглого человека. — По крайней мере хоть один из вас способен рассуждать здраво!

— Но что они могут поделать? — спросил Брайс. — У герцога есть свои целители и советники, не говоря уже о кирси. Если бы был другой способ, неужели, по-твоему, они бы не додумались до него по сию пору?

— А зачем им утруждать себя? — Пайтор бросил вопрос, словно нож метнул. — Нынешний способ разрешения проблемы им ничего не стоит. Как ты сам заметил, чума уже очень давно не добиралась до города. Если умер один мальчик, кому какое дело? Они остаются в безопасности, покуда своевременно устраивают свои Пиры. Им нет необходимости искать другое решение.

Брайс покачал головой:

— Другим правителям тоже приходится бороться с чумой. И пока они не придумали лучшего способа. Некоторые просто предоставляют эпидемию ее естественному ходу. Ты

этого хочешь?

— Да, по мне, лучше так!

Брайс раздраженно вздохнул и отвернулся.

— Он сумасшедший, — сказал он всем остальным, резко махнув рукой в сторону Пайтора.

— Они давно следуют этому обычаю, — сказал Джервис умоляющим тоном, глядя на Пайтора. — Никого из нас еще на свете не было, когда он появился. Мне он тоже не нравится. Но благодаря ему наш народ жив и здоров.

— Наш народ? — повторил Пайтор, возвышая голос почти до крика. Джервис отшатнулся, и Пайтор осознал, что Брайс прав: он начинал походить на сумасшедшего. Но он с трудом сдерживал себя. Разумеется, Джервис и прочие знают, откуда пошел обычай устраивать Пир.

Без малого два века назад в герцогстве Галдастен началась эпидемия чумы, которая с тех пор, насколько все помнили, вспыхивала здесь каждые несколько лет. Келл Двадцать Третий, который позже стал Четвертым Келлом Галдастенским, законным претендентом на эйбитарский престол, укрылся со своей семьей за толстыми каменными стенами своего замка и молил богов о том, чтобы чума обошла стороной его дом и не распространилась дальше окрестных деревень. Но хотя Галдастенский замок отражал бесчисленные набеги и выдерживал продолжительные осады, способные повергнуть на колени любой другой дом, крепостные рвы и легендарные позолоченные стены оказались бессильны против чумы. Она пощадила герцога и герцогиню, но не их сына, Келла Двадцать Четвертого.

Сразу после смерти мальчика Келл приказал сровнять с землей все окрестные деревни. Уже спустя много лет все заключили, что им двигали одновременно злоба, ярость и горе. Но поскольку разносчиками болезни были мыши, жившие в полях и домах в сельской местности, и паразиты, кишевшие в шерсти грызунов, пожары положили конец эпидемии. Поняв, что он нашел способ борьбы с чумой, Келл превратил это в обычай. Какое-то время он прибегал к помощи придворных колдунов, которые предсказывали вспышки эпидемии, но вскоре стало ясно, что последние повторяются через удивительно равные промежутки времени — как правило, каждые шесть лет. Тогда и начали гореть окрестные деревни. Раз в шесть лет.

Младший сын Келла, Ансен, продолжал следовать заведенному обычаю после смерти отца, но новый герцог добавил к нему Пир, призванный отчасти умиротворить население, смягчить удар. Это тоже стало традицией. Все жители герцогства приглашались в Галдастенский замок на роскошное пиршество, которое проходило с невиданным размахом. По приказу герцога повара выпекали хлеб и готовили блюда высочайшего качества. Специально для такого случая из Санбиры и Сирисса привозили овощи и сушеные фрукты. И конечно, одна за другой открывались бочки вина. Не обычного пойла, а лучшего вина из галдастенских погребов.

А пока люди ели и пили, плясали под музыку придворных музыкантов и воображали себя знатными особами всего на одну ночь, герцогские колдуны-кирси в сопровождении сотни лучших галдастенских солдат шли от деревни к деревне, поджигая каждый дом, амбар и поле. Они не щадили ничего, даже домашний скот.

Утром, когда люди покидали замок и плелись домой, пресыщенные пищей, измученные и еще не протрезвевшие, они неизменно возвращались на свои дымившиеся пепелища. Последнее такое возвращение Пайтор до сих пор помнил столь живо, что слезы на глаза наворачивались. Стефан всего полтора дня как умер. У них с Карой не было времени хотя бы обмыть тело сына перед его путешествием к Байану в Подземное Царство. Но по возвращении они не нашли даже стен своего дома, не говоря уже о теле Стефана. Такой силой обладал огонь колдунов.

Да, чума действительно не приходила в Галдастен на протяжении многих поколений. Взамен у них были Пир.

— Наш народ, — повторил Пайтор уже спокойнее. — Герцог делает это не ради нас.

Ему на нас абсолютно наплевать. Он делает это, чтобы обезопасить себя и свою семью, как делал старый Келл, а потом Ансен. Если Пир запоздает на день-другой и не успеет спасти жизнь чьему-то ребенку — что с того? Для герцога это не имеет значения. Этот Келл, наш Келл, ничем не отличается от всех прочих.

— Прекрасно! — сказал Брайс, устремляя на Пайтора взгляд серых глаз, острый, как кинжал герцога. — Он печется лишь о своих интересах! И ни на миг не задумывается о том, что известно всем нам: Пирыв избавляли нас от таких страданий, какие ты даже вообразить не можешь! Что ты предлагаешь нам делать? Ты сам знаешь, что такое огонь криси! По-твоему, мы можем противостоять этому? По-твоему, мы можем бороться с этим?

Пайтор яростно уставился на Брайса, не находя ответа и чувствуя, как краска заливаёт щеки.

Брайс свирепо ухмылялся, хотя его лицо под шапкой серебристых волос угрожающе побагровело.

— Я так и думал, — наконец сказал он. — Ты просто дрянной крикун. И всегда таким был. Я думал, может, теперь, когда ты наконец остался совсем один на белом свете, у тебя хватит ума и мужества убрать все дерьмо, которое ты вываливаешь нам под ноги каждый день. Но, видать, я переоценил тебя.

— Довольно, Брайс! — резко сказал Март.

Богач отвел глаза в сторону и замолчал.

Март повернулся к Пайтору, озабоченно нахмутив лоб:

— Брайс не хотел тебя обидеть, Пайтор. Просто он не всегда думает, прежде чем говорит. — Он бросил на Брайса укоризненный взгляд. — Стефан был замечательным мальчиком, Пайтор. Мы все любили его. И мы знаем, что ты до сих пор оплакиваешь его смерть. Но, — продолжал он осторожно, словно ожидая, что Пайтор его вот-вот ударит, — Брайс отчасти прав. Я тоже ненавижу Пирыв. Мы все ненавидим. Однако есть ли у нас выбор?

Пайтор ответил не сразу. Что знал Март о его горе? Что знал любой из них? Он продолжал испепелять взглядом Брайса, который теперь явно чувствовал себя не в своей тарелке. Несмотря на свой грубый тон и жестокие слова, Брайс с некоторых пор боялся его. Не потому, что Пайтор был выше или сильнее. Ни выше, ни сильнее он не был. Брайс боялся, потому что Пайтор потерял все, по крайней мере все самое дорогое в жизни. У Брайса оставалась семья, ферма и богатство, поэтому он был уязвим.

Пайтор еще несколько секунд сверлил Брайса взглядом, пока тот не смешался окончательно, а потом обвел глазами остальных. Все пристально смотрели на него. Дэвор с испуганным и смущенным видом; Эдья с обычной своей безумной ухмылочкой, а Джервис просто уныло, словно старый мул. Сигел тоже смотрел на него, но задумчиво: так разглядывает человек участок земли, предложенный ему за хорошую цену. Он оценивал Пайтора, прикидывая, на что тот способен. Пайтор широко улыбнулся, но выражение лица Сигела не изменилось.

— Выбор всегда есть, — сказал наконец Пайтор. — Нужно просто найти в себе силы отыскать другие пути.

Брайс издал резкий недоверчивый смешок:

— И надо полагать, у тебя такие силы есть!

Пайтор услышал вызов в его словах и тогда понял, что он сделает, что он должен сделать. Никто из них ничего не предпримет. Они были на такое не способны. Но он способен. Осознав это, он впервые со дня смерти Кары ощутил себя живым человеком. Он медленно повернулся и вновь посмотрел прямо в глаза Брайсу, позволив себе улыбнуться.

— А вот это мы еще увидим, правда?

— Я скажу тебе, что мы увидим, — ответил Брайс. Он по-прежнему казался испуганным, но явно не мог остановиться. — Мы увидим, как ты занимаешь очередь у ворот Галдастенского замка задолго до заката, чтобы наверняка получить добрую порцию вина и баранины. Именно это мы видели на каждом Пире, кроме последнего. И на сей раз ничего не

изменится.

Пайтор ощерился, словно дикий пес, надеясь, что Брайс примет его оскал за ухмылку.

— И ты будешь стоять прямо за мной, да, Брайс?

— Разумеется. — Брайс нервно хохотнул. — Разумеется. Мы сядем рядышком и от души посмеемся, вспоминая этот наш разговор. Мы наполним кубки вином и выпьем за наше здоровье.

Остальные тоже деланно рассмеялись, но продолжали смотреть на Пайтора, стараясь предугадать его реакцию. Все почувствовали явное облегчение, когда он рассмеялся тоже. Но Пайтор смеялся громче и резче других; он принял решение.

Он мельком взглянул на Сигела. Смуглый человек, все с тем же странным выражением на тонком лице, пристально смотрел на него, словно читал его мысли. Пайтор с удивлением осознал, что это его не тревожит, а скорее успокаивает. Уж Сигел-то был в состоянии все понять.

Остальные начали переговариваться между собой, страшно довольные, что ссора миновала. Но лицо Сигела оставалось мрачным, когда он придвинул свой стул поближе к Пайтору и знаком велел Левану подать еще пива.

— Я за тебя беспокоюсь, — сказал он приглушенным голосом, слышным только Пайтору.

— Беспокоишься? — беззаботно переспросил Пайтор.

— Ты мне нравишься, приятель. Думаю, я тебя понимаю. Мне бы очень не хотелось, чтобы с тобой стряслась беда.

Подошел Леван и поставил пиво на стол перед Сигелом. Хозяин таверны указал пальцем на пустую кружку Пайтора и вопросительно приподнял бровь. Пайтор помотал головой и проводил взглядом Левана, вернувшегося за стойку. Только потом он заговорил:

— Ты мне тоже нравишься, Сигел. Я тебя уважаю. — Он повернулся и посмотрел собеседнику прямо в лицо. — И мне бы не хотелось, чтобы с тобой или твоей семьей что-нибудь случилось.

Глаза Сигела чуть округлились, но и только. Когда он потянулся к кружке, Пайтор отметил, что его рука не дрожит. Мгновение спустя Сигел переключил свое внимание на болтовню остальных.

В скором времени Пайтор покинул таверну. Он отговорился усталостью. Ему еще надо было накормить скотину до наступления вечера. Но на всем пути домой он думал только о Сигеле и коротком разговоре, состоявшемся между ними. Он надеялся, что смуглый человек все понял.

Следующие несколько дней тянулись медленно, как тянутся дни в ожидании первых всходов на поле. Пайтор не изменил своего решения, хотя и взял время поразмыслить над ним; страх копошился в его душе, словно мышь в амбаре. Он старался занять себя хлопотами по хозяйству и работой в поле, но сам не понимал, зачем так усердствует, когда знает о предстоящем событии. Время от времени он останавливался в поле и смотрел немигающим взглядом вдаль, поверх пастбища и низкой крыши собственного дома, на башни Галдастенского замка, которые подобием грозовой тучи нависали над фермами и низкорослыми кривыми деревьями.

Пайтор больше не заходил в таверну Левана. Он положительно не хотел снова встречаться с другими теперь, когда принял решение. Но он мог бы и догадаться, что они так просто от него не отстанут. За день до Пира к нему заехал Март.

— Я за тебя беспокоился, — сказал он, сидя на своей телеге и грызя черенок незажженной трубки. — Мы все беспокоились.

— Я в порядке, — ответил Пайтор. Он насыпал зерно в кормушку животным и старался не встречаться глазами с Мартом. — Просто был занят.

— Тебе не стоило слушать Брайса. — Несомненно, Март старался быть добрым. — Он старый дурень. Я могу сказать это даже после всего, что он для меня сделал. Он не хотел обидеть тебя.

Пайтор бросил на него взгляд и принужденно улыбнулся:

— Не волнуйся за меня, Март. Я уже все забыл. Я же сказал: я просто был занят.

Март кивнул:

— Ладно. Я поеду. Но мы увидимся с тобой на Пиру, правда? Трисс о тебе спрашивала.

— Я буду там, — пообещал Пайтор. — Вместе с тобой и всеми остальными.

Март поднял вожжи, собираясь ехать, но тут же опустил их.

— Не со всеми.

Пайтор замер на месте, и его сердце вдруг застучало громко, словно копыта санбирийского скакуна.

— Как тебя понимать?

— Сигел вчера сказал нам, что отправляется на юг ненадолго. Говорит, что хочет навестить свою сестру в Сассине.

Пайтор побледнел, хотя у него отлегло от сердца. Очевидно, смуглый человек довольно хорошо его понял.

— Ну что ж, тогда со всеми, кроме Сигела. — Пайтор старался говорить твердым голосом. — Я увижусь с вами завтра.

Март улыбнулся.

— Хорошо. — Он свистнул быку, и животное тронулось с места. — Спокойной ночи, Пайтор, — крикнул Март, когда повозка покатила прочь, поднимая легкие облака пыли.

Пайтор прощально поднял руку, но не сумел выговорить ни слова.

В день Пира с утра установилась ясная и теплая погода. Пайтор поднялся чуть свет и отправился в поле, не потрудившись позавтракать. Теперь, когда этот день наконец наступил, страх исчез, сменившись чувством мрачного удовлетворения. По крайней мере он что-то делал. По крайней мере доказывал, что Брайс не прав. На самом деле, думал он, внутренне улыбаясь, Брайс не прав в очень многих отношениях.

Пайтор не пошел занимать очередь у ворот замка вместе с шумной толпой. Почти весь день он провел в поле, и, хотя к полудню его руки были сплошь покрыты укусами паразитов, ему потребовалось еще несколько часов, чтобы найти то, что он искал.

В городе уже звонили предзакатные колокола и солнце опускалось к горизонту, когда он подошел к Галдастенскому замку, с трудом подавляя желание почесать зудящие руки. Он не знал точно, какой из укусов смертельный, — сыпь проступила вокруг нескольких ранок; впрочем, это не имело значения. Теперь Пайтор думал только о том, чтобы успеть пройти мимо стражников, прежде чем впадет в бредовое состояние. Он спустил рукава и держал руки в карманах, чтобы скрыть красные волдыри на коже.

Но день выдался необычно знойный, и к тому времени, когда Пайтор достиг огромных позолоченных ворот замка, у него уже начался жар и он обливался потом, словно загнанная лошадь. Если бы он не был так тучен и если бы стражники не видели, как он торопливо шагает к воротам, они бы наверняка заподозрили что-то неладное и не впустили его. Так или иначе, он не слишком твердо держался на ногах, когда проходил мимо них.

По крайней мере это он предвидел. Он через силу выпил пива по дороге в замок и теперь, почтительно наклонив голову и добродушно улыбаясь, терпеливо выслушивал язвительные замечания стражников насчет своего пьянства. Такую цену заплатить не жалко. Главное было проникнуть в замок, а там уже нечего бояться.

Он медленно прошел между караульными солдатами и направился к главному зданию. Болезнь вступила в свои права. Пайтор надеялся, что чума поразит легкие: говорили, будто в таком случае смерть наступает быстрее. Но не тут-то было. Он судорожно сглотнул поднимавшуюся из желудка желчь и неверным шагом вошел в зал, с трудом удерживая равновесие.

«Так вот что пришлось вынести Стефану», — подумал Пайтор, тяжело приваливаясь к открытой двери. И в последний раз поблагодарил богов, позволивших мальчику впасть в забытие, прежде чем начались самые страшные страдания.

Он яростно потряс головой, словно надеясь таким образом прогнать горькие мысли. Ему нужно было сосредоточиться. Он явился сюда с вполне определенной целью.

По-прежнему опираясь о дверь, Пайтор обвел взглядом помещение. Было еще рано, но столы уже ломились от яств, и повсюду валялись пустые винные бутылки. Хотя в глазах у него мутилось, он увидел, что герцог и герцогиня уже прибыли и танцуют в передней части зала. Только это ему и требовалось узнать. Хорошо было бы увидеть также лицо Брайса, но у Пайтора не оставалось сил отыскивать богача в толпе присутствующих. Он почувствовал, как у него подкашиваются ноги, и сумел лишь засунуть руку в висевший на пояском ремне мешочек, вытащить оттуда трех мышей, пойманных в поле, и швырнуть их на середину зала.

Пайтор рухнул на пол, захлебываясь рвотой и содрогаясь всем телом, но успел услышать, как оборвалась музыка. Воцарилось молчание, и он представил, с каким ужасом все смотрят на крохотных зверьков, принесших чуму на Пир. А потом, когда последняя волна тошноты подхватила и повлекла Пайтора навстречу смерти, он услышал пронзительные крики.

ГЛАВА 2

Торалд, Эйбитар, 877 год, луна Адриели убывает

Они с полудня находились в королевской башне — сколь возможно дальше от городской рыночной площади. Единственное окно герцогских покоев выходило на океан Амона и каменистый берег, и Филиб слышал непрерывный рокот волн, бившихся о подножия темных скал. Пронзительно кричали чайки, кружа над крепостными валами замка, и морской ветер завывал в расселинах утесов, словно демоны Байана.

Но, несмотря на этот шум и монотонный голос дяди, который в очередной раз объяснял, как правильно вести учет податей, взимаемых с танов, Филиб все же слышал доносившиеся из города звуки музыки. Он рассеянно крутил золотое кольцо с печаткой на пальце правой руки и думал о том, где же сейчас Ренель. Наверняка она была в городе — веселилась на ярмарке вместе со всеми.

— Филиб!

Молодой лорд поднял голову. Дядя сидел напротив за широким дубовым столом, устремив на него сердитый взгляд серых глаз и сжав губы в тонкую линию.

— Да, дядя?

— Ты мог бы, по крайней мере из вежливости, притвориться, что слушаешь. Возможно, это не так увлекательно, как то, о чем ты мечтаешь, но, я уверен, это тоже важно.

Филиб ухмыльнулся:

— Да, важно. Но я же сказал: в этом нет необходимости.

Герцог нахмурился и указал на свитки, лежавшие на столе перед ним.

— Такой способ...

— Он не по мне, — перебил его Филиб. — Я знаю, вам он нравится. Я знаю, мой способ кажется вам не таким упорядоченным и последовательным. Но мне так проще. Если вы действительно собираетесь поручить мне следить за сбором податей, вам придется позволить мне делать это так, как я нахожу нужным.

— Не я придумал этот способ, Филиб, — сказал Тоббар, смягчая голос. — Им пользовался твой отец. И король, правивший до него. Торалдские герцоги вели учет податей таким образом еще со дней, предшествовавших Войне Королевы. Неужели ты действительно полагаешь, что вправе отказаться от заведенного обычая?

Филиб закрыл глаза. Его отец. Что, в самом деле, он мог возразить против такого довода?

— Ну ладно. — Он открыл глаза и откинул со лба волосы жестом, который его мать сразу бы узнала. — Но нельзя ли заняться этим попозже? Пожалуйста! Ярмарка...

— Ярмарка? — повторил Тоббар, опять начиная сердиться. Он раздраженно указал на дверь, словно музыканты, колдуны, акробаты и разносчики, странствовавшие с ярмаркой

Бодана, находились прямо за ней. — Прошло уже почти два года со дня твоего Посвящения, Филиб. Тебе пора бы знать, что у герцогов и лордов нет времени на ярмарку. У нас есть дела поважнее. Кроме того, ярмарка пробудет здесь еще пять-шесть дней. У тебя останется время на развлечения после того, как мы закончим. Ярмарка, — снова проворчал он, трясая головой. — Думаешь, твоего отца больше интересовало бы происходящее в городе, чем подати танов?

Филиб ожидал такого вопроса:

— По правде говоря, именно так я и думаю.

Тоббар поднял взгляд. Филиб видел, что он с трудом сдерживает улыбку.

Дядя вздохнул и наконец улыбнулся:

— Возможно, ты прав.

— Так или иначе, я толком не понимаю, зачем вы поручаете мне вести учет податей, — сказал Филиб. — Скоро я стану королем. И тогда эта обязанность снова ляжет на вас. К чему лишние хлопоты?

— Возможно, я просто хочу немного отдохнуть, — сказал герцог. — Как ты верно заметил, мне придется выполнять эту обязанность до конца жизни. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь хоть ненадолго взял этот труд на себя. И я не хочу, чтобы этот человек испортил мои записи по невежеству. Кроме того, — продолжил он после короткой паузы, — как я тебе уже говорил, королям тоже необходимо знать счетное дело. На что, по-твоему, идет наша десятина каждый четвертый месяц?

— Для этого у короля есть министры. У дедушки точно есть.

Тоббар покачал головой:

— Лишь с недавних пор. В молодости он занимался этим сам.

Филиб глубоко вздохнул:

— Ладно, сдаюсь. Обещаю освоить ваш способ. Но не сегодня. И не раньше, чем ярмарка уедет отсюда в Ирдли.

Герцог положил свиток на стол и откинулся на спинку кресла, улыбаясь так, как мог бы улыбаться отец Филиба.

— А она в этом году неплохая.

— Лучшая на моей памяти. — Филиб тоже широко улыбнулся. — И один день такой ярмарки пропустить жалко. — Он почувствовал, что дядя сдает позиции, и воспользовался полученным преимуществом. — С учетом и записями можно будет разобраться и после того, как ярмарка уедет.

— Верно, — согласился Тоббар, по-прежнему улыбаясь. — Полагаю, твоя девушка тоже там?

У Филиба сжалось сердце. Несомненно, она все еще злилась на него из-за прошлой ночи. То была Ночь Двух Лун месяца Адриели. Ночь Влюбленных. Они должны быть вместе, часто говорила она. В эту ночь как ни в одну другую. Так она говорила — и ее темные глаза сердито сверкали или, что еще хуже, наполнялись слезами. Как будто он сам не понимал. Как будто у него был выбор. «Ты знаешь, что в наших отношениях существуют известные ограничения, — в очередной раз пришлось сказать Филибу. — Ты прекрасно понимаешь, что некоторые вещи от меня не зависят, и это одна из них». Но она все равно сердилась и обижалась. Можно ли было винить ее?

— Да. — Он старался говорить беззаботным тоном. — Вероятно, она там.

— Ты очень привязался к ней, не так ли? Филиб пожал плечами и отвел глаза:

— Она мне нравится. Это плохо?

— Конечно нет. Только не забывай, кто она и кто ты. Филиб кивнул, но продолжал смотреть в окно.

— Ты правильно заметил, Филиб: скоро ты станешь королем. По моим предположениям, твой дедушка откажется от престола в течение года. Тебе пора подумать о жене и наследниках. Нам повезло. Долголетие нынешнего короля позволило династии Торалдов удержать корону, несмотря на смерть твоего отца. Теперь твоя очередь

действовать.

— Вы затеяли этот разговор по просьбе моей матери, дядя? — спросил Филиб, взглянув Тоббару в глаза.

Дядя еле заметно улыбнулся:

— Не совсем. Но она поделилась со мной своими опасениями. Она боится, что ты слишком сильно привязался к девушке.

— Ее зовут Ренель.

Взгляд Тоббара стал жестче.

— Подобные замечания беспокоят и меня тоже. Как ее зовут, не имеет значения. Если взглянуть на вещи шире, и сама она ничего не значит. Если ты желаешь оставить ее при себе в качестве любовницы, уверен, это можно устроить. Но мне бы не хотелось, чтобы ты...

Вдруг он осекся, и на его красном лице отразился ужас.

— Прошлая ночь! — выдохнул он. — Надеюсь, вы не...

Филиб снова уставился в окно.

— Нет, — сказал он хриплым голосом. — Мы не были вместе.

Дядя облегченно вздохнул:

— Хорошо. Ты совершил бы непоправимую ошибку, Филиб. Тебе уже сейчас нужно упрочивать связи с другими домами. А есть ли лучший способ сделать это, чем выгодный брак?

— Я все это знаю, дядя! — Филиб повысил голос. — Не надо повторять мне это в сотый раз!

Тоббар замолчал. Филиб снова отвел глаза, но все равно ощущал на себе взгляд дяди.

— Я даже не уверен, что легенда применима к нашему случаю, — сказал молодой лорд после продолжительного молчания. — Легенда гласит всего лишь, что влюбленные, соединившиеся в Ночь Двух Лун месяца Адриели, будут любить друг друга вечно. А я... — Он сглотнул. — Мы с Ренель уже давно вместе. Вероятно, прошлая ночь ничего не изменила бы.

— Возможно, — мягко согласился Тоббар. — Но ты поступил правильно, не став рисковать.

Филиб снова кивнул. Одинокая чайка пронеслась за окном, и ее крики отозвались эхом в стенах замка. «Сегодня, — пообещал он себе. — Сегодня я буду с ней. После поездки».

Они некоторое время сидели молча. Филиб смотрел невидящим взглядом в окно, а герцог, несомненно, наблюдал за ним. Дядя заслуживал более уважительного отношения. За пять — пять! — лет, прошедших после смерти отца, он сделал все возможное для того, чтобы подготовить Филиба к вступлению на престол. Тоббар взял на себя обязанности, от которых менее великодушный человек отказался бы из зависти и негодования. Филиб знал, что в Анейре, Сириссе и любом другом королевстве Прибрежных Земель в подобных обстоятельствах на престол взошел бы человек, занимавший положение Тоббара, и передал бы корону своим наследникам. Только в Эйбитаре, где действовали древние Законы Престолонаследия, власть переходила к старшему сыну, а не к младшему брату умершего короля. Упомянутые Законы были приняты главами двенадцати эйбитарских домов после смерти Урэя Второго, последнего из древних королей династии Торалдов. Узаконивая мирный способ разделения королевской власти между пятью главными домами Эйбитара, герцоги стремились стабилизировать положение в стране и предотвратить опасность установления монархической династии одним домом.

Согласно Законам, престол мог унаследовать только старший сын или старший внук короля, достигший совершеннолетия. Если у короля не было наследников, верховная власть переходила к герцогу из самого благородного рода, не находившегося у власти. Род Торалдов всегда считался благороднейшим из всех домов, ибо он пошел от Бинтара, первого великого правителя Эйбитара. После дома Торалдов шли дома Галдастенов, Кергов, Кентигернов и Глиндивров. Таким образом, если бы дедушка Филиба, Айлин Второй, умер в период между смертью отца Филиба и Посвящением последнего, на престол взошел бы

герцог Галдастенский. Вернее, герцог Кергский, понял Филиб, с содроганием вспомнив об ужасном случае, произошедшем в Галдастене несколько лет назад и повлекшем за собой смерть герцога и его семьи.

Поскольку дом Торалдов занимал самое высокое положение в Эйбитаре и поскольку власть всегда переходила к наиболее знатному роду, Торалды удерживались на престоле дольше, чем любая другая династия. Отцу Филиба было бы приятно узнать, что его смерть не помешала сыну занять свое место в пантеоне королей из рода Торалдов.

Тишину нарушил стук в дверь герцогских покоев. Тоббар и Филиб переглянулись, а потом пожилой мужчина громко пригласил стучавшего войти.

Дверь открылась, и в комнату вошла Энид джа Ковар, главный советник герцога.

— Сэр, — начала женщина-кирси с самого порога. — Я только... — При виде молодого человека она осеклась. — Лорд Филиб, я не знала, что вы здесь. Извините за вторжение.

— Все в порядке, Энид, — сказал Тоббар. Он бросил взгляд на племянника. — Думаю, мы уже закончили.

Филиб поднялся с места:

— Спасибо, дядя.

— Но тебе придется сдержать свое обещание. Когда ярмарка уедет, ты освоишь старый способ учета податей.

— Даю слово. — Филиб широко улыбнулся.

— Вы собираетесь на ярмарку, милорд? — спросила главный советник, в желтых глазах которой дрожали блики солнечного света, лившегося в окно. Как у всех представителей племени колдунов, у нее были белые волосы и бледная, почти прозрачная кожа. Энид гладко зачесывала волосы назад, отчего казалась еще более хрупкой, чем большинство кирси. Порой Филибу даже не верилось, что она обладает столь мощным магическим даром. Однако всего два года назад, когда вспыхнувший поздней ночью пожар грозил охватить центр обнесенного стеной города под замком, он видел, как эта тщедушная женщина вызвала густой туман, заглушивший пламя, и ветер, который подул навстречу более сильному естественному ветру и не позволил огню распространиться. Без помощи ее магии жители города вряд ли сумели бы не дать пожару разбушеваться вовсю.

— Да, — ответил Филиб. — Я отправляюсь на ярмарку. Вы там были?

Энид снисходительно улыбнулась, словно разговаривала с ребенком:

— Ярмарка показалась мне... скучной. Однако я буду на торжественном обеде сегодня вечером. Полагаю, мы там увидимся?

Торжественный обед. Он совсем забыл. У него не было выбора: он непременно должен был присутствовать там. Обед давал он, вместе с Тоббаром и матерью. Но как объяснить это Ренель? Она тоже будет там, хотя и не за его столом, разумеется; и будет надеяться на встречу с ним позже. Но позже ему еще предстояла поездка. Сегодня он должен был ехать на ночь глядя.

Дядя пристально смотрел на Филиба, ожидая его ответа на вопрос Энид.

Он через силу улыбнулся.

— Да, конечно, я буду там.

Тоббар не сводил с племянника глаз, словно хотел услышать еще что-то.

— Даю слово, дядя, — сказал Филиб. — Я буду там. Все же Тоббар не выглядел удовлетворенным.

— Тогда почему у тебя такой вид, словно тебе до смерти не хочется там присутствовать? Или дело в этой... — Он на миг умолк. — Или дело опять в Ренель?

— Нет. — Филиб тяжело вздохнул. — Я хотел поехать в лес сегодня вечером, — наконец сказал он. — Вот и все. Ничего страшного. Я просто сделаю это после обеда.

Тоббар побледнел:

— Извини, Филиб. Моя память уже не та, что была раньше.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказала Энид, переводя взгляд с Филиба на герцога.

— Мой отец погиб на охоте в ночь полной Паньи, — сказал Филиб. Он содрогнулся оттого только, что произнес эти слова. Он до сих пор помнил, как проснулся от звона колокола в караульне и услышал вой матери в соседней комнате.

— Прошу прощения, — сказала женщина-кирси. — Я в Торалде недавно. Но мне казалось, это случилось в месяце Кебба.

Филиб кивнул, снова крутя кольцо на пальце:

— Так и есть. Но каждый месяц в эту ночь я отдаю дань уважения памяти отца, приезжая на место его гибели. А в месяце Кебба в эту ночь я возглавляю охоту, как некогда делал он, а потом остаюсь там до рассвета.

— По-моему, это замечательный способ чтить память отца, милорд, — сказала Энид.

— Спасибо.

— Я прослежу за тем, чтобы последнее блюдо подали пораньше, Филиб, — сказал дядя. — Как я мог забыть? Прости меня.

— Тут нечего прощать. — Филиб пожал плечами. — Мать говорит, глупо делать это чаще, чем раз в году. — Он улыбнулся. — Правду сказать, она назвала это нездоровой привычкой. Но мне в любом случае придется прекратить поездки, когда я переберусь в Одунский замок; поэтому я считаю нужным продолжать их до той поры.

— Каждый из нас чтит память твоего отца по-своему, — сказал Тоббар. — В том числе и твоя мать. Я не вижу ничего дурного в твоих поездках и скажу ей об этом при первой же возможности.

— Спасибо.

— Однако будь осторожен сегодня, — продолжал дядя. — Ярмарка дело хорошее, но она привлекает в город множество мошенников и бродяг. Мне было бы спокойнее, если бы ты взял с собой одного из своих вассалов.

— Со мной ничего не случится, дядя. Я езжу туда каждый месяц, и всегда один.

— Замечательно. — Тоббар легко потряс головой.

Филиб бросил взгляд в сторону окна. Солнечный свет, заливавший стены замка, приобрел предвечерний ярко-золотой оттенок. У него почти не оставалось времени отыскать Ренель до начала торжественного обеда.

— Ступай, Филиб, — сказал герцог. — Скоро увидимся.

Не успел Тоббар договорить, как Филиб направился к двери. Он остановился для того только, чтобы поклониться дяде и коротко кивнуть женщине-кирси. А потом стремительно удалился из комнаты, торопливо спустился по каменной винтовой лестнице башни и вышел наружу. Если ему хоть немного повезет, он найдет Ренель на рыночной площади. Филиб надеялся, что, увидев его, она обрадуется и забудет о своих обидах.

Стоявшая рядом певица завершала первую песню, свободно беря заключительные высокие ноты «Посвящения Панье», находя в произведении тонкие нюансы, которые оставались незамеченными большинством исполнителей. Это был трудный пассаж, хотя ни одну часть «Гимна лунам» никто бы не назвал простой; и она справлялась с ним превосходно.

Кадел не помнил ее имени, хотя они пели вместе со второго дня ярмарки. Для бродячих певцов Прибрежных Земель было в порядке вещей встречаться с собратьями по ремеслу, репетировать и выступать вместе с ними, а потом, тщательнейшим образом поделив заработанные деньги, расходиться в разные стороны. А уж в городах, принимавших эйбитарскую ярмарку, это было самым обычным делом. Кадел и Джедрек странствовали таким образом по Прибрежным Землям без малого четырнадцать лет; Кадел уже и не помнил всех людей, с которыми они пели.

У него всегда была плохая память на имена, и он находил эту особенность весьма полезной с учетом другого, основного рода своих занятий. Но в данном случае ему хотелось запомнить имя певицы, хотя бы из вежливости. Она не стеснялась обнаруживать свой интерес к Каделу, надолго задерживая на нем призывный взгляд и становясь к нему ближе,

чем требовалось, когда они пели. Если бы у него и Джедрека не было других дел, требовавших внимания, он проявил бы ответный интерес. Она была довольно привлекательной — короткие темные волосы, светло-зеленые глаза, милое круглое личико — и чуть полноватой, как раз во вкусе Кадела. Но самое главное, она была превосходной певицей с сильным и гибким голосом. Уже только по этой причине ему следовало запомнить имя женщины. Ее интерпретация «Посвящения Панье» вызвала у него уважение.

Джедрек и ее сестра, имя которой он тоже забыл, подпевали ей; их сильные голоса образовывали контрапункт, сплетаясь, словно любовники в объятиях. Кадел знал, что эти двое провели прошлую ночь вместе, и их согласное пение о том свидетельствовало. Джедрек не верил легендам о лунах, хотя никогда не упускал случая заверить женщину в вечной любви, чтобы затащить в постель. Он занимался этим уже несколько лет. И все же Кадел до сих пор раздражался при виде столь безрассудного поведения друга. Ему не представилось возможности поговорить с Джедрексом утром, поскольку тот со своей женщиной появился за несколько минут до начала представления; но он собирался сделать это сразу после выступления.

Первая певица («Как же ее зовут?») взяла последнюю ноту «Любви Паньи». Звучавшие контрапунктом голоса завершали первую песню, потом наступала очередь Кадела. Он медленно набрал воздуха в грудь и приготовился. Вступление к «Плачу Илиаса» являлось, безусловно, самой трудной частью второй песни. Она начиналась с высоких нот на верхнем пределе его диапазона и только через несколько стихов, в средних пассажах, резко переходила на низкие. Ближе к концу мелодия опять звучала выше, но к тому времени он уже распевался. Начало — самое трудное.

Звучавшие контрапунктом голоса умолкли. Кадел открыл рот и, постаравшись расслабить голосовые связки, взял первую ноту. Его голос взмыл ввысь, словно сокол в ясное небо, и он отдался музыке, целиком захваченный сладостно-скорбной мелодией и стихами, в которых рассказывалась трагическая история.

Любой, кто знал Кадела (или думал, что знает) только по основной работе, страшно удивился бы, увидев, как действует на него музыка. Порой он сам удивлялся. Сколько раз по завершении музыкальной фразы, исполненной глубочайшего чувства, он неожиданно обнаруживал, что его лицо залито слезами! Да, певческое искусство требовало сосредоточенности и собранности и потому возбуждало Кадела точно так же, как возбуждало основное ремесло, тоже требовавшее сосредоточенности и собранности. Но дело было не только в этом. Музыка, даже возбуждая, умиротворяла. Она приносила одновременно удовлетворение и облегчение. Во многих отношениях она походила на акт любви.

В случае с «Гимном» это было верно как ни с каким иным музыкальным произведением. Обычно он исполнялся только раз в месяц, в Ночь Двух Лун. Но вчера вечером они выступили с таким блеском, что все пропустившие представление и слышавшие восторженные отзывы о нем, просили повторить его сегодня. Джедрек и женщины охотно согласились оказать такую услугу, но Кадел колебался. Вчера они пели просто божественно. Исполняя вторую песню, Кадел почувствовал, что сам Илиас спустился с небес Морны, дабы присоединить свой голос к его голосу. Другие тоже пели превосходно, особенно женщина, исполнявшая партию Паньи.

Однако не было никакой уверенности в том, что вдохновение, снизошедшее на них накануне, вернется в эту ночь снова. Кроме того, сегодня у него и Джедрека были другие дела. И только когда один из местных трактирщиков предложил им двойную плату за повторное исполнение «Гимна», Кадел понял, что у него нет выбора. Не то чтобы они с Джедрексом очень нуждались в деньгах. Но их считали странствующими музыкантами, а ни один странствующий музыкант не мог отказаться от таких денег, не возбудив подозрения.

И вот он снова исполнял «Плач» — и, к великому своему удивлению, пел еще лучше, чем вчера. Все они пели лучше. Об этом красноречиво свидетельствовали лица слушателей. Даже в слабом исполнении «Гимн» оставался потрясающим душу музыкальным

произведением, способным исторгнуть слезы у самой равнодушной публики. Но в исполнении мастеров он поражал своей возвышенной красотой и возбуждал в сердцах ту же страсть, тоску и горе, о которых рассказывал.

«Гимн» повествовал о любви Паньи, девушки из племени кирси, и Илиаса, юноши из племени инди. Боги Кирсар и Ин, создавшие эти два народа, издавна ненавидели друг друга и потому запретили кирси и инди смешиваться. Но любовь Паньи и Илиаса оказалась сильнее страха перед великими богами. Скоро Панья зачала, и в сердце Кирсара запылала ярость, словно огненный магический дар, которым обладали многие люди его племени. Все знали, что женщины-кирси слишком хрупки, чтобы рожать детей от мужчин-инди. В свой срок Панья разрешилась от бремени прелестной девочкой, но сама умерла во время родов. Потеряв возлюбленную и не сумев найти утешение в рождении дочери, Илиас покончил с собой, надеясь встретиться с Паньей в Царстве Байана.

Однако Кирсар на этом не успокоился. Он превратил любовников в луны, белую и красную, которые поместил на небе в качестве предостережения всем кирси и инди, осмеливающимся любить друг друга. До конца времен, провозгласил великий бог, любовники будут следовать друг за другом среди звезд, но никогда не встретятся и даже не увидят друг друга снова. Всякий раз, когда белая луна Паньи будет восходить на небе, красная луна Илиаса будет закатываться и восходить вновь не раньше, чем первая скроется за горизонтом.

Но столь велика была любовь Паньи и Илиаса, что они сумели нарушить волю бога. Когда белая луна, полная и сверкающая, впервые вошла в ночном небе, она задержалась в зените и подождала, когда красная луна догонит ее. С тех пор они вершили свой путь в поднебесье вместе, убывая и прибывая почти одновременно.

Кадел медленно выводил мелодию второй песни, заставляя слушателей переживать все чувства, испытанные Илиасом: страстную любовь к девушке из племени кирси, страх перед гневом богов, радость при известии о беременности возлюбленной и, наконец (здесь, в заключительной части душераздирающего плача, мелодия вновь взмывала по спирали к самым высоким нотам), скорбь о смерти Паньи. Джедрек и вторая женщина не отставали от него ни на миг: замедлили темп своего контрапункта, когда он исполнял протяжную часть, повествовавшую о страстной любви Илиаса; ускорили темп вместе с ним, когда он перешел к следующей части, рассказывавшей о страхе Илиаса; и затем вновь замедлили, чтобы глубоко потрясти сердца слушателей пронзительно-печальной мелодией, когда он запел о скорби юноши.

Третья, и последняя песня, «Круговращение влюбленных», рассказывавшая о неповиновении, которое Панья и Илиас выказали Кирсару уже после смерти, исполнялась как канон. Сначала первая женщина высоким голосом пропевала затейливую лирическую мелодию. Когда она доходила до конца первого стиха, вступал Кадел, который повторял ту же музыкальную тему, но несколькими тонами ниже. За ним следовала вторая женщина, а затем вступал Джедрек. Таким образом, мелодия, пропетая сначала в высокой тональности, потом в низкой, потом снова в высокой и снова в низкой, как бы совершала круговое движение, и, едва умолкал один голос, мелодию подхватывал следующий. Как Илиас следовал за Паньей по небу, совершая оборот за оборотом, так следовали друг за другом голоса исполнителей, пропевая заключительную тему тринадцать раз подряд, по числу лунных месяцев в году.

Они закончили, и слушатели разразились восторженными криками и бурными аплодисментами. Но еще сильнее порадовала Кадела мертвая тишина, воцарившаяся на несколько мгновений перед овацией после того, как они пропели последние ноты. Ибо этот миг тишины, миг благоговения и почтения, томления и радости, говорил о впечатлении, произведенном на слушателей искусством певцов, гораздо больше, чем любые аплодисменты.

Он бросил взгляд на женщину рядом, и они обменялись улыбками. «Как же тебя зовут?»

— Ты замечательно поешь, — прошептал он.

Она многозначительно улыбнулась, но не покраснела, как некоторые женщины.

— Ты тоже.

Они поклонились по очереди, потом все четверо поклонились одновременно и покинули сцену, но даже после ухода певцов аплодисменты и крики не стихали. Они четырежды выходили на поклон, и публика четырежды вызывала их снова; наконец к ним подошел трактирщик и спросил, не исполнят ли они «Гимн» еще раз, за двадцать киндов, по пять на каждого.

И снова Джедрек и вторая женщина изъявили готовность, но на сей раз Кадел и темноволосая певица решительно отказались.

— Но Анесса! — воскликнула вторая женщина, поворачиваясь к сестре. — Он же предлагает хорошие деньги!

«Анесса!» Ну конечно. Анесса и Калида.

Анесса помотала головой:

— Я не соглашусь, даже если он предложит пятьдесят киндов. Двух раз достаточно. — Она на миг встретилась глазами с Каделом. — Мы дважды обретали вдохновение, исполняя «Гимн». Испытывать судьбу в третий раз просто глупо.

Младшая женщина открыла было рот, но Анесса подняла палец, останавливая ее:

— Нет, Калида. Это мое последнее слово.

Кадел одобрительно кивнул и посмотрел на трактирщика.

— Боюсь, нам придется отказаться.

Мужчина казался разочарованным, но натянуто улыбнулся.

— Я так и думал. — Он повернулся и направился к стойке. — Я расплачусь с вами, и вы можете трогаться в путь, — бросил он через плечо.

Кадел взглянул на Джедрека, который еле заметно кивнул. С пением покончено. У них еще есть дела.

— Вы пойдете с нами на пир сегодня вечером, Корбин?

Он сообразил не сразу. Вымышленное имя, взятое им на время ярмарки.

— Боюсь, что нет. — Он посмотрел Анессе в глаза. Жалко, конечно. Он бы с удовольствием провел ночь-другую в ее объятиях. — Мы с Хоноком сегодня собираемся навестить своих старых друзей.

Она слегка нахмурилась:

— Досадно. Я надеялась пообщаться с тобой в другой обстановке, вне всего этого. — Она махнула рукой в сторону сцены и улыбнулась так же многозначительно, как улыбалась раньше, когда они закончили выступление.

— Мне бы тоже хотелось. Завтра на ярмарке мы с Хоноком будем петь народные сирийские песни. Может быть, после нашего выступления?

Кадел наперед знал ответ Анессы. Несколько дней назад он случайно услышал, как женщины обсуждают свои дальнейшие планы. Все же он без труда изобразил разочарование, когда Анесса объяснила, что они с сестрой покидают Санбиру завтра утром.

— Так, значит, мы вообще больше не увидимся с вами? — грустно спросила Калида, переводя взгляд с сестры на Джедрека.

— Похоже что так, — сказал Кадел. — По крайней мере в ближайшее время. — Он улыбнулся Анессе. — Но возможно, Адриель снова сведет нас.

— Обязательно, если она понимает толк в музыке. — Темноволосая женщина широко улыбнулась в ответ.

— Ужасно жалко, что ни говори!

Все разом повернулись, заслышав звон монет. К ним направлялся трактирщик, на ходу роясь в кошельке.

— Кажется, мы договаривались по четыре кинда каждому, — сказал он, останавливаясь перед ними.

Кадел издал смешок, но в его голосе слышались металлические нотки, когда он

заговорил:

— Уверен, речь шла о восьми.

Трактирщик поднял глаза. Это был довольно тучный пожилой мужчина с редкими седыми волосами и желтоватыми зубами. Он сильно припадал на одну ногу. Такой в драку не полезет.

Он просто кивнул:

— Конечно. Я забыл. Восемь. И ваше выступление стоит этих денег.

Он вручил каждому по восемь монет, а потом улыбнулся, обдав певцов запахом пива и трубочного табака.

— Надеюсь, вы снова споете нам, если вернетесь на ярмарку в следующем году. За ту же плату, разумеется.

— С удовольствием, если вернемся, — ответил Кадел.

Четверо певцов покинули трактир через заднюю дверь, которая выходила на поросший травой пустырь возле западной стены Торалда. Джедрек и Калида сразу же отошли в сторону, чтобы попрощаться. Кадел остался наедине с Анессой.

Темноволосая женщина проводила сестру взглядом, а потом повернулась к Каделу и усмехнулась уголком рта.

— Ну что ж, — сказала она, — если верить древним легендам, мы еще встретимся на бракосочетании Калиды и Хонока.

Кадел на миг смешался, и Анесса рассмеялась.

— Не беспокойся, — сказала она, явно забавляясь. — Калида не верит в легенды, точно так же как твой друг. — Выражение ее лица изменилось, стало многозначительным. — А вот я верю; и, должна признаться, я чувствовала искушение разыскать твои комнаты прошлой ночью.

— Я почти жалею, что ты не сделала этого.

Она приподняла бровь:

— Почти?

— Я тоже отношусь к легендам серьезно. Даже если бы ты пришла, вряд ли между нами что-то произошло бы.

— Ты прав, — согласилась Анесса. — Ну а сейчас? Думаю, Калида и Хонок не прочь провести вместе несколько часов до наступления вечера. И сегодня нам нечего бояться.

Предложение показалось Каделу соблазнительным. Да и кому бы оно таковым не показалось? Но ему надо было встретиться до заката с одним человеком, а в такие дни он не позволял себе отвлекаться на посторонние дела. Кроме пения, конечно; но оно на самом деле только помогало сосредоточиться. К тому же он еще намеревался переговорить с Джедрексом.

— Мне бы очень хотелось. Но нам с Хоноком нужно порепетировать сегодня вечером. Мы идем в гости к друзьям, но, как и все наши друзья, они попросят нас спеть, а мы еще ничего не подготовили.

— Будь я поглупее, Корбин, я бы решила, что ты даешь мне от ворот поворот.

Он почувствовал волнение в крови, но постарался не показывать этого.

— Мне жаль, если это так выглядит. Я говорил серьезно: я надеюсь, что богиня снова сведет нас. Но, боюсь, сейчас не наше время.

Анесса пожала плечами и улыбнулась:

— Хорошо. Тогда в следующий раз. — Она обернулась, поискала взглядом сестру с Джедрексом и, никого не увидев, вопросительно посмотрела на Кадела своими зелеными глазами. — Куда они делись?

— Думаю, зашли за угол трактира, чтобы уединиться, — ответил он. Несомненно, Джедрек уже прижимал женщину к стене.

Анесса нахмурилась и позвала:

— Калида?

Та откликнулась не сразу.

— Подожди минутку, — послышался наконец прерывистый приглушенный голос.

Черноволосая женщина снова посмотрела на Кадела, и в неловком молчании они еще несколько минут ждали, когда Джедрек и Калида вернутся.

«На сей раз он зашел слишком далеко», — подумал Кадел, раздражаясь все сильнее. Они уже давно работали вместе, но в последнее время Джедрек стал вести себя странно, идя на риск в таких ситуациях, в которых раньше всегда поступал осмотрительно. Возможно, это было неизбежным следствием успеха или естественной реакцией на многие годы вынужденной осторожности. Так или иначе, этому следовало положить конец, пока кто-нибудь из них не убили.

Когда Джедрек и женщина, растрепанные и запыхавшиеся, наконец вернулись, Кадел испытывал острое желание придушить товарища. Красная от смущения, Калида избегала взгляда сестры, но Джедрек выглядел страшно довольным собой. Он глупо ухмыльнулся Каделу и легко пожал плечами, словно один этот жест вполне оправдывал его поведение. По крайней мере, у него хватило ума ничего не говорить.

— До свидания, Анесса, — бросил Кадел через плечо, когда они с Джедрексом повернулись и двинулись прочь. — Да хранят тебя боги!

Он не оглянулся, но почувствовал, что она улыбается.

— И тебя, Корбин.

Несколько минут двое мужчин шли молча, но, даже когда Кадел наконец открыл рот, он заговорил тихим и небрежным голосом, чтобы не привлекать внимания прохожих:

— Я вот думаю, не убить ли мне тебя здесь, в Торалде, чтобы люди герцога нашли твоё тело завтра утром.

Джедрек споткнулся, но тут же выровнял шаг. Улыбка исчезла с его худого лица. Он тяжело сглотнул и прошептал:

— За что?

Кадел искоса глянул на него.

— Ты еще спрашиваешь? — Он потряс головой и пробормотал: — Наверное, тебя все-таки следует убить. — Они прошли еще несколько шагов в молчании. — Ты знаешь свою работу? Ты знаешь, чего я жду от тебя?

— Я занимаюсь этим четырнадцать лет, — сказал Джедрек, словно защищаясь. — Уж наверное, к этому времени я должен был понять, что от меня требуется.

— Вот именно! — Кадел, не сдержавшись, повысил голос. Он быстро огляделся по сторонам. Два или три уличных торговца наблюдали за ним, но, похоже, больше никто не обратил на него внимания. — Вот именно, — повторил он тоном ниже. — Мне нужно, чтобы ты защищал мои тылы, Джек. Мне нужно, чтобы ты не позволял никаким непредвиденным обстоятельствам нарушать мои планы. Ты много раз спасал мне жизнь, и я должен быть уверен, что ты в состоянии при необходимости сделать это снова. Однако сейчас мы находимся в Торалде, в самом сердце Эйбитара, заканчиваем самую прибыльную работу из всех, за которые брались когда-либо, а ты ведешь себя как похотливая свинья!

Джедрек с минуту молчал. Когда он заговорил, в его голосе звучало искреннее раскаяние:

— Ты прав. Больше такого не повторится. Клянусь.

— Лучше бы не повторялось, иначе я убью тебя. Это работа для молодых. В конце концов все мы станем слишком стары для нее. Не хотелось бы думать, что твоё время уже вышло.

Джедрек резко остановился, схватил Кадела за руку и развернул лицом к себе.

— Я не слишком стар! — яростно сказал он, сверля товарища темными глазами.

Кадел ухмыльнулся:

— Приятно слышать. И приятно видеть, что мне до сих пор удастся выводить тебя из равновесия.

Джедрек еще несколько мгновений смотрел на него волком, а потом улыбнулся и потряс головой.

— Вот сволочь, — произнес он, и они двинулись дальше.

В скором времени они достигли гостиницы. Кадел договорился встретиться с работодателем сразу после предзакатных колоколов, то есть через час. Он согласился прийти один — работодатели часто высказывали такое пожелание — и разрешил Джедреку прогуляться по городу и повеселиться на ярмарке, пока он переодевается и ходит по делам.

Кадел поднялся по лестнице и пошел узким коридором к комнате, которую они занимали. Еще на подходе он увидел, что дверь комнаты приоткрыта.

Кадел молниеносно выхватил кинжал, стертая каменная рукоятка которого приятно холодила пальцы. Он на цыпочках, неслышными шагами приблизился к двери и осторожно положил на нее ладонь, приготовившись резко распахнуть ее и наброситься на незваного гостя.

— Все в порядке, — раздался женский голос. — Я полагала, вы будете ждать меня.

Протяжно выдохнув, Кадел выпрямился и толчком открыл дверь.

Он никогда раньше не встречался с женщиной-кирси, которая в непринужденной позе полулежала на его кровати, хотя знал имя и звание гостьи. Энид джа Ковар, первый советник герцога Торалдского. Он знал также, что она права. Он ждал встречи с ней.

ГЛАВА 3

— Мы условились встретиться у верхних речных ворот, — сказал Кадел, входя в комнату и закрывая за собой дверь. — Почему вы переменили планы?

Не меняя позы, женщина улыбнулась при виде кинжала:

— Это предназначалось для меня? Надеюсь, что нет. Убивать советника герцога неблагоприятно.

Кадел убрал кинжал в ножны под блузой.

— Почему вы переменили планы? — повторил он.

Женщина села и легко пожала плечами.

— Вы пользуетесь репутацией опасного человека, Кадел. Я предпочитаю встречаться с опасными людьми на своих условиях и сама выбираю время и место встречи.

— Именно из-за моей репутации вы меня и наняли. Мне кажется странным, что вы вдруг начали меня бояться.

На губах женщины вновь появилась улыбка, хотя ее желтые глаза оставались мрачными.

— Я не говорила, что боюсь вас. Если вы подольше пообщаетесь с кирси, то поймете, что нас нелегко напугать.

Кадел содрогнулся при одной мысли об этом. Он не имел ни малейшего желания общаться с кирси дольше, чем было необходимо. Не только потому, что их магическая сила наводила на него страх. Сам вид кирси внушал ему отвращение. Со своими белыми волосами и мертвенно-бледной кожей они больше походили на призраков, нежели на людей, — словно явились из Подземного Царства по велению самого Байана, чтобы жить среди инди.

Кирси пришли из Южных Земель в Прибрежные Земли, перевалив через Пограничную гряду, почти девять веков назад, вознамерившись покорить северные племена с помощью магии и сверкающих кинжалов. Но они потерпели поражение, а оставшиеся в живых после вторжения рассеялись по королевствам. Однако каким-то образом — несомненно, благодаря своей магической силе — они очень скоро заняли самое высокое положение при всех дворах Прибрежных Земель. До сего дня кирси пользовались огромным влиянием во всех семи королевствах, служа советниками у королей, королев, герцогов и танов.

Энид тихо рассмеялась:

— Вас не прельщает перспектива долгого сотрудничества с кирси. И напрасно. Мы имеем доступ к деньгам, мы живем во всех королевствах Прибрежных Земель, и мы живем недолго — последнее должно казаться чрезвычайно привлекательным человеку с вашими способностями.

— Я работаю за деньги, — сказал Кадел бесстрастным голосом. — А не в интересах одной группировки против другой.

— Я понимаю. Но я надеялась, что вы подумаете над предложением поработать на нас в будущем, когда возникнет необходимость. Все знают, что Кадел Нистаад из Сирисса — лучший наемный убийца.

Кадел оцепенел, услышав свою фамилию. Даже Джедрек не знал ее. Он сделал все возможное, чтобы оставить семейное имя в прошлом, когда шестнадцать лет назад покинул родной дом на юге Сирисса, — даже инсценировал собственную смерть, дабы близким сообщили, будто он отправился в Подземное Царство. Наемный убийца не мог позволить себе иметь прошлое или имя — по крайней мере такое, по которому можно установить его личность. Поэтому он решил избавиться от своего. И до сих пор был уверен, что ему удалось исчезнуть.

— Откуда?.. — Кадел умолк, не желая показывать женщине свое смущение.

— Откуда я знаю ваше полное имя? — Она раскрыла ладони. — Я много чего о вас знаю. Ваш отец — средней руки дворянин из Сирисса (кажется, виконт), который больше интересуется своими виноградниками и лошадьми, чем политикой. Ваша мать — дочь маркиза, который надеялся, что она сделает лучшую партию. Ее первая — и, как оказалось, последняя — беременность разбила все надежды отца и сделала брак с виконтом неизбежным. Вы покинули дом в шестнадцать лет, даже не пройдя обряд Посвящения. Причина вашего ухода не вполне понятна, хотя, кажется, у вас вышла история с одной девушкой и соперником в любви, которого нашли убитым.

Кадел подошел к единственному окну и стал смотреть вниз, на узкий переулок.

— Откуда вы все это знаете?

— Я первый советник герцога Торалдского. И я кирси. Я располагаю такими средствами и возможностями, о которых вы и представления не имеете. Никогда не забывайте об этом, Кадел.

Словно желая доказать истинность своих слов, женщина достала кожаный мешочек, который звякнул так же, как недавно звенел кошелек трактирщика, и протянула Каделу.

Он неохотно взял его — тяжелый, полный монет, — коротко взглянул на Энид, раскрыл мешочек и высыпал содержимое на ладонь. Около двадцати золотых монет. Двести киндов.

— Это больше, чем мы договаривались, — спокойно сказал Кадел, ссылая деньги обратно.

— Вот видите? Иногда перемена планов оказывается выгодной. — Она пристально посмотрела на него, словно ожидая ответа, а когда он промолчал, продолжила: — Считайте дополнительную плату приглашением к дальнейшему сотрудничеству. Как я уже говорила, мы, возможно, захотим снова воспользоваться вашими услугами.

Кадел смотрел на кошелек, чувствуя приятную тяжесть монет в руке, но думал только о скрытой угрозе, которая стояла за этой демонстрацией осведомленности о его прошлом. Поощрение, сказала женщина. А на случай, если он откажется, показала кнут.

— Как насчет сегодняшнего вечера? — спросил Кадел, не отрывая взгляда от кошелька.

— Он уедет из города сразу после пира. Он будет в Северном лесу.

— В лесу? — Кадел поднял глаза.

— Он отдает дань уважения памяти отца, который погиб там несколько лет назад. Кажется, несчастный случай на охоте.

— Вы знаете, куда именно он поедет?

Женщина кивнула:

— Его отец погиб неподалеку от храма Кебба, на северной опушке леса, на западном берегу реки Торалд. Вы знаете это место?

— Да.

— Насколько я поняла, он будет там.

— И вы хотите, чтобы это произошло именно там?

Она улыбнулась, показав мелкие острые зубы, такие же белые, как ее волосы.

— По-моему, очень удобное место. Оно подошло для отца, подойдет и для сына.

Кадел не ответил, и мгновение спустя женщина продолжила:

— Я хочу, чтобы это выглядело как ограбление. Его дядя только сегодня говорил о том, что ярмарка привлекает в город толпы злодеев и преступников. Он легко поверит, что в случившемся повинен один из них.

— Хорошо.

— Следовательно, никто не должен видеть, как вы покидаете город: вам нужно выбраться из Торалда, минуя ворота.

Теперь настала очередь Кадела улыбнуться.

— Это проще простого.

— Возвратиться вам тоже следует незаметно. Вас должны увидеть здесь завтра. Если вы просто исчезнете, это вызовет подозрения.

Кадел взвесил в руке кошелек:

— Вы щедро заплатили мне, первый советник, поскольку знаете, что я лучший. Предоставьте мне самому позаботиться обо всех деталях. Никто не увидит, как я покидаю город или возвращаюсь, и я не собираюсь никуда исчезать. На самом деле я собираюсь петь «Погребальную песнь» на похоронах молодого лорда.

— Буду ждать этого с нетерпением, Кадел. Говорят, вы поете превосходно.

Он поблагодарил за комплимент легким поклоном.

— Есть ли у нас еще вопросы, требующие обсуждения, первый советник?

— Нет, — сказала женщина. — А теперь оставьте меня.

Кадел несколько растерялся:

— Но это моя комната.

— Да. Но никто не должен видеть, как я ухожу.

— Мне нужно переодеться.

— Пожалуйста. — Она приподняла бровь и застенчиво улыбнулась. — Как вам угодно.

И снова Кадел задрожал, словно от дуновения холодного ветра. Но первый советник оставалась непреклонной. В конце концов Кадел встал в дальнем углу комнаты, спиной к ней, и сменил широкую блузу и штаны, в которых выступал, на простое темное платье, гораздо более пригодное для предстоявшей ему ночью работы. Переодевшись, он молча прошел к двери и взялся за ручку. Потом остановился и вновь повернулся к женщине.

— Почему вы хотите его убить? — спросил он.

Прежде Кадел никогда не задавал своим нанимателям такого вопроса, но никто прежде и не требовал убить будущего короля.

Женщина несколько мгновений внимательно смотрела на него, словно раздумывая, отвечать на вопрос или нет. Наконец она легко пожала плечами:

— Мы чувствуем, что сейчас у нас есть возможность взять власть в свои руки, влиять на события здесь, в Прибрежных Землях. Мы не хотим упускать такой шанс.

— При дворах служит так много кирси, что я думал, вы уже обладаете всем необходимым вам влиянием.

Энид снисходительно улыбнулась:

— Далеко не всё в нашей власти. Иногда события подсказывают нам, как действовать. Например, гибель людей в Галдастене. Историческая случайность, поступок безумца. То же самое с несчастным случаем, повлекшим за собой смерть отца молодого лорда. Еще одна случайность — или воля богов. Но благодаря этим событиям появилась возможность, о которой я упомянула только что. А с вашей помощью мы используем эту возможность в своих интересах.

Кадел кивнул, почувствовав великое облегчение при мысли, что хоть какие-то события в Прибрежных Землях происходят независимо от магии кирси. Все же он не мог не понимать, что, убивая по заказу беловолосых, он заведомо помогает им извлечь выгоду из

дальнейших событий.

Он повернулся и открыл дверь, но еще не успел выйти, когда женщина-кирси окликнула его по имени.

Кадел снова обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

— А что, собственно, вас так смущает в кирси? Наша магическая сила? Наша внешность?

— И первое, и второе, — ответил он. — Но главным образом то обстоятельство, что вы здесь люди пришлые. Ваше место в Южных Землях. Прибрежные Земли принадлежат нам.

Она кивнула:

— Понимаю.

— Это все?

— Да. Постарайтесь хорошенько, Кадел, — и однажды деньги, полученные сегодня, покажутся вам жалкими грошами.

Он почувствовал, как у него вздулись желваки на скулах, но еще раз поклонился, а потом вышел из комнаты и отправился на поиски Джедрека. Деньги — это деньги, говорил он себе по дороге. Не важно, как их зарабатываешь. Безусловно, именно так скажет Джедрек.

Кадел нашел товарища на городском рынке, где тот торговался с разносчиком, пытаясь сбить цену на санбирийский клинок.

— Перестань, Хонок, — сказал Кадел, подойдя к ним. — Ты все равно не можешь себе позволить такую покупку.

Джедрек бросил на него недовольный взгляд и снова посмотрел на торговца.

— Могу, если этот везирнийский баран будет разумным.

— Двенадцать киндов — именно та разумная цена, на которую я согласен, — раздраженно сказал разносчик.

— Кинжал может стоить двенадцать киндов в Везирне, приятель, но в любом другом месте он стоит вдвое дешевле.

— Мы дадим тебе за него десять киндов, — сказал Кадел. — Это наше последнее слово.

Несколько мгновений торговец настороженно всматривался в него и наконец сдался:

— По рукам.

Стараясь не показывать туго набитый кошелек, полученный от женщины-кирси, Кадел извлек из него две пятикиндовые монеты и отдал торговцу. Последний взял деньги и демонстративно протянул кинжал Каделу, а не Джедреку.

— Благодарю вас, дорогой сэр, — сказал он Каделу, и его сморщенное лицо расплылось в беззубой улыбке. Потом он хмуро взглянул на Джедрека. — Всегда приятно иметь дело с благородным господином.

Кадел коротко кивнул и отошел прочь. Джедрек бросился за ним, протягивая руку за кинжалом. Но Кадел отдал его не сразу: он внимательно рассматривал блестящий стальной клинок и полированную деревянную рукоятку. Поистине великолепная работа. Санбирийские клинки считались лучшими в Прибрежных Землях, если не считать уулранских, которые были большой редкостью. Наконец он протянул кинжал Джедреку.

— Спасибо. — Джедрек полюбовался клинком. — Можешь вычесть десять киндов из моей доли.

— Непременно, — сказал Кадел. Он помолчал, а потом добавил: — Это хороший кинжал. Лучше, чем требуется музыканту.

Джедрек бросил на него быстрый взгляд:

— Тогда зачем ты купил его мне?

— Ты все равно уже привлек к себе внимание. По мне, так лучше убраться отсюда поскорее, не поднимая шума, чем позволить тебе торговаться с этим бараном до самого заката.

Худое лицо Джедрека приняло угрюмое выражение; он потряс головой:

— Так, значит, мне теперь даже нельзя купить кинжал? Ты на это намекаешь? Да брось,

Ка... — Он вовремя спохватился. — То есть Корбин. Это глупо. Мы только что дали великолепное представление, и не нужно скрывать тот факт, что нам за него хорошо заплатили. Неужели я не вправе потратить честно заработанные деньги?

Он рассуждал здраво.

— Ты недавно сказал, что я теряю осторожность, — продолжал Джедрек, стараясь говорить тихо. — По-моему, с таким же успехом можно сказать, что ты слишком уж осторожничаешь. Именно ты ведешь себя как старик, а не я.

Кадел с трудом подавил желание ударить Джедрека. Но он вынужден был признать, что товарищ прав. Одно дело — сохранять благоразумие, и другое дело — руководствоваться в своих поступках только чувством страха. Во многих отношениях это не менее опасно, чем вовсе потерять бдительность. Ведь вполне возможно, что своими усиленными стараниями держаться в тени они только привлекали к себе внимание. Да, покупка кинжала — это мотовство. Но странствующие музыканты должны защищаться от грабителей, и нет ничего странного в том, что Джедрек после блистательных выступлений решил сделать себе небольшой подарок.

Встреча с первым советником привела Кадела в смятение, но он не имел права срывать свое раздражение на Джедреке.

— Ты прав, — сказал Кадел. — Пользуйся на здоровье. Это хороший кинжал. Лучше, чем мой, если честно.

Джедрек несколько мгновений пристально смотрел на него, словно пытаясь понять, серьезно Кадел говорит или нет. В конце концов он ухмыльнулся:

— Я это сразу понял. Именно поэтому и захотел купить его. — Он засунул кинжал за пояс, накрыл блузой и чуть погодя спросил: — Где у тебя назначена встреча?

— Она уже состоялась.

— Что?

— Наниматель ждал меня в нашей комнате.

— Откуда он узнал, где мы остановились? Как он прошел мимо хозяина гостиницы?

Кадел не видел нужды поправлять товарища.

— Понятия не имею.

Джедрек понизил голос до шепота:

— Так мы идем на дело ночью?

— Да. В лес. Он будет верхом.

— Это не проблема.

Кадел кивнул:

— Согласен. Нам также придется выбираться из города, минуя ворота.

— Это тоже не проблема. Он уже заплатил тебе?

— Да. Вдвое больше обещанного. — Кадел ухмыльнулся, увидев лицо товарища. — Жалеешь, что не купил кинжал побольше?

— Надо было купить два.

Они прошлись по городу и вернулись в свою гостиницу.

— Ступай наверх, переоденься, — велел Кадел. — Потом спускайся ко мне. Мы поужинаем и вернемся на рыночную площадь. Оттуда в нужный час пройдем к городской стене.

Джедрек кивнул и стал подниматься по лестнице, а Кадел занял место за столом в задней комнате трактира и заказал две порции дичи с овощами.

Двое мужчин неторопливо поужинали. Здесь готовили не особенно хорошо, но и не так скверно, как в некоторых других трактирах, где Каделу приходилось останавливаться за многие годы странствий. Они покинули гостиницу, когда зазвонили вечерние колокола. Небо потемнело до густого синего цвета, и только на западе все еще полыхал желтым и алым огнем закат. На востоке, прямо над городской стеной, висела белая Панья — луна кирси. Высоко в небе мерцала россыпь звезд — бледных, как кожа кирси. Стояло полное безветрие, а значит, незаметно проскользнуть мимо стражников им будет непросто, но зато они легко

услышат приближение жертвы.

Кадел и Джедрек неспешным шагом вернулись обратно на рыночную площадь. Многие торговцы уже убрали свои лотки, освободив место для бродячих артистов, выступавших на ярмарке. Взлетали ввысь акробаты, кружась и кувыркась в воздухе, словно ласточки в жаркий день. Яркие струи пламени вырывались из ртов пожирателей огня, и жонглеры подбрасывали в теплый благоухающий воздух золотые и серебряные шары. Труппа волшебников-кирси вызывала из пустоты языки огня всех мыслимых оттенков, которые плясали и кружились, точно живые. Вдоль улицы, на некотором расстоянии друга от друга, стояли музыканты, и к мелодии одной группы примешивалась музыка следующей.

В самом центре Торалда, перед большой палаткой, где прорицатель-кирси предсказывал будущее, выстроилась длинная очередь юношей и девушек, достигших возраста Приобщения и Посвящения. Несмотря на все увлекательные представления, которые разыгрывались на ярмарке Бодана, — на танцоров, стремительно и плавно кружившихся на улицах; на сокольничих, демонстрировавших способности своих птиц; на состязания в силе, ловкости и умении владеть мечом, проводившиеся между мужчинами, способными держать оружие в руке, — предсказание будущего оставалось гвоздем программы, каковым оно являлось на всех народных гуляниях в других королевствах Прибрежных Земель. Только о нем и думали дети в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет все месяцы, предшествовавшие прибытию ярмарки в их город.

Предсказание судьбы являлось еще одним обычаем Южных Земель, распространившимся в северных королевствах после вторжения кирси. Представитель племени беловолосых, обладавший даром провидения, прозревал судьбу каждого ребенка с помощью Кирана, огромного кристалла, по слухам обладавшего собственной магической силой.

За годы странствий по Анейре, Везирну, Сирису и Брэдону с ярмаркой Бодана, санбирийской ярмаркой и другими Кадел много чего узнал о предсказаниях и предсказателях. Он знал, например, что сам по себе Киран не более чем красивый камень. Он служил своего рода посредником: через него волшебники-кирси передавали охваченным благоговейным трепетом детям свои мысленные образы. Обряд Приобщения, проводившийся в более раннем возрасте, тоже по своему существу был не тем, чем казался. Возможно, некогда он действительно являлся магическим таинством, но с течением времени превратился просто в способ направить ребенка на обучение тому или иному ремеслу по достижении подходящего возраста. И все же для детей, которые зачарованно смотрели в Киран, в то время как кирси вызывали перед их мысленным взором картины будущего, это оставалось чудом. Кадел до сих пор живо помнил свое Приобщение, хотя в явившихся тогда видениях не было ничего удивительного: он увидел себя взрослым мужчиной, владельцем поместья Нистаад, ухаживающим за своими виноградниками и конюшнями и собирающим дань с окрестных деревень. Тогда он счел это пророчеством. Позже, спустя много лет после побега из дому, он понял, что это было просто предположением, основанным на известных о нем сведениях.

Но с Посвящением все обстояло иначе. Оно совершалось по достижении ребенком шестнадцати лет и полностью основывалось на магии кирси. Пророчества Посвящения предсказывали счастливые браки или несчастную любовь, благополучие или беды, долгую жизнь или преждевременную смерть. Молодые люди, ожидавшие минуты встречи с Кираном, могли ребячиться в радостном ожидании или изнывать от страха, но никто не относился к этому обряду легкомысленно. Даже Джедрек, смеявшийся над легендами и плевавший на обычаи, однажды признался Каделу, что после своего Посвящения, открывшего ему картины той жизни, которую они вели сейчас, он еще много месяцев не мог прийти в себя.

Кадел часто задавался вопросом, что открыло бы Посвящение ему. Он покинул родительский дом сразу по достижении шестнадцати лет — прежде, чем ярмарка прибыла в деревню по соседству с Нистаадским поместьем. Высокий и сильный для своего возраста, с

уже пробивавшимися черными усиками и бородкой, он казался гораздо старше своих лет. Пытаться пройти Посвящение в другой деревне значило бы только привлечь к себе внимание.

К настоящему времени Кадел точно знал, что показал бы ему Киран. Он жил такой жизнью, какой хотел жить. И не нуждался в том, чтобы чародей-кирси подтвердил это. Однако даже сейчас при виде детей Торадда, стоявших в очереди в палатку кирси, он почувствовал зов камня.

— Корбин! Хонок!

Внуренне поморщившись, Кадел обернулся на голос Анессы. Они с Джедрексом не могли допустить, чтобы женщины втянули их в длинный разговор или, что еще хуже, уличили во лжи. Им уже следовало потихоньку двигаться к городской стене.

— Я думала, вы заняты сегодня вечером, — сказала Анесса. Она была в длинном синем платье цвета вечернего неба над городом, с дразняще-глубоким вырезом на груди.

Кадел растянул рот в улыбке:

— Так и есть. Мы как раз направляемся на встречу.

— Вы уверены, что нам не удастся заманить вас на пир?

— К сожалению, да. А вы уверены, что нам не удастся уговорить вас задержаться в Торалде на день-другой?

Она кивнула:

— К сожалению, да.

Кадел бросил беглый взгляд на Калиду, упорно прятавшую глаза; лицо женщины было красным, как ее платье.

— Ну ладно, — неловко сказала Анесса. — Нам пора идти.

— И нам тоже.

— Еще раз до свидания, Корбин. До свидания, Хонок.

— Надеюсь, нам еще выпадет счастье спеть с вами снова.

Анесса и Калида повернулись и пошли по дороге, ведущей к Торалдскому замку. Проводив женщин взглядом, Кадел и Джедрекс двинулись обратно через рынок к южной окраине города. Кадел предпочел бы перебраться через городскую стену где-нибудь между южными и восточными воротами, но вся территория там принадлежала храму Амона, а Кадел хотел избежать случайных столкновений со священнослужителями. Поэтому они направились к юго-западной стене, тянувшейся между южными воротами и речными. В этой части города вдоль узкой улочки стояли немногочисленные домишки. Но большинство их обитателей были либо на пире, либо на ярмарке. Ни в одном окне не горел свет, и на улице было пустынно.

По меньшей мере шесть стражников несли караул у одних и шесть у других ворот, и еще двое ходили взад-вперед по стене на каждом из трех участков между воротами, разделенных невысокими сторожевыми башнями; каждую из этих башен освещали два ярких факела. Очевидно, лучше всего было перелезть через стену где-нибудь ближе к середине среднего участка, по возможности дальше от факелов и хорошо охраняемых ворот.

Сейчас надлежало правильно выбрать момент, чтобы перелезть через стену, а это зависело от того, каким образом стражники решили нести дозор на среднем участке. Если они ходили по стене парой, проскочить незаметно было сравнительно просто. А если они ходили порознь, перед Каделом и Джедрексом вставала гораздо более трудная задача.

Пробравшись по возможности тише сквозь высокую траву, росшую на пустыре за домами, двое мужчин приблизились к стене. Сложенная из нетесаного камня, она достигала по меньшей мере двенадцати ярдов в высоту. Стараясь держаться в тени, Кадел посмотрел на освещенную факелом сторожевую башню, пытаясь установить местонахождение стражников. Он услышал их прежде, чем увидел. Они громко разговаривали и смеялись, шагая по стене в северном направлении. Кадел и Джедрекс подождали, пока стражники пройдут мимо, а потом начали подъем.

За годы странствий по Прибрежным Землям Каделу и Джедрексу приходилось

взбираться по таким отвесным скалам в Глендиврских и Санбирийских горах и в Серых горах Везирна, которые большинству людей показались бы неприступными. Однажды, несколько лет назад, они взобрались по крутому склону на пик Базакской гряды на юге Анейры, чтобы убить одного анейранского аристократа, любившего охотиться в горах на медведей. На этой стене было довольно много выступов, служивших удобной опорой для рук и для ног. Они карабкались быстро, как ящерицы, и скоро оказались в нескольких метрах от верха стены.

Снова заслышав голоса стражников, Кадел поднял руку, давая Джедреку знак остановиться.

— ...Три паршивые ночи подряд, — говорил один, приближаясь вместе с товарищем к тому месту, где Кадел и Джедрек замерли, прижавшись к стене всем телом. — И во время ярмарки, как назло. Это несправедливо.

— Капитану нет дела до справедливости. Если бы ты отдал ему свое месячное жалованье, возможно, он отпустил бы тебя. Я лично выхожу в дозор вторую ночь подряд. И похоже, выйду завтра.

— Это все из-за пира. Именно там сейчас капитан. Со своими любимчиками. Они обжираются бараниной и вином, в то время как мы...

Голоса и цоканье сапог по булыжнику постепенно стихли в отдалении. Кадел коротко кивнул, и они с Джедрексом продолжили подъем. Однако, когда Кадел стал на шаривать рукой следующий выступ, камень под его правой ногой пошатнулся. Лихорадочно пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, он уцепился за первый попавшийся камень. Но тот вывалился из стены и остался у него в руке. Выступ, на который он опирался правой ногой, обломился, и его левая нога тоже сразу соскользнула в пустоту. Он повис на одной левой руке. Маленькие камешки со стуком осыпались по стене в траву. Кадел быстро нашел новые опоры для ног, но было уже поздно. Стражники оборвали свой разговор и возвращались обратно.

Кадел взглянул на Джедрека, который смотрел на него с такой яростью, словно товарищ проорал его имя во всю глотку. Стражники подошли совсем близко. При свете полной белой Паньи заметить двух человек на фоне темной стены было ничуть не трудно. Поэтому Кадел сделал единственное, что оставалось в данной ситуации. Он до сих пор сжимал в правой руке камень и теперь, когда стражники приблизились, размахнулся и изо всей силы швырнул его через стену, в ночное небо. Спустя несколько секунд он услышал, как камень упал на землю за пределами города.

Стражники тоже слышали. Они остановились прямо над Каделом и Джедрексом, но у противоположного края стены.

— Видишь что-нибудь? — спросил один.

— Ни одной собаки. Когда Панья стоит так низко, там внизу тьма кромешная.

— Я точно слышал какой-то шум.

— Я тоже. Но поверь, это не человек. Я в жизни не встречал человека, способного видеть в такой темноте.

— Думаешь, это волки?

Второй стражник расхохотался:

— Волки? Скорее всего крысы или лиса. — Он снова рассмеялся и повторил, когда они двинулись дальше: — Волки!

— Наверное, надо сообщить часовым.

— Ну конечно, всенепременно. Мы сообщим часовым, что город осажден стаей ежей.

Кадел глубоко вздохнул и снова посмотрел на Джедрека. Товарищ широко ухмылялся; его темные глаза блестели в лунном свете. Кадел тоже выдал из себя улыбку.

Когда голоса стражников стихли в отдалении, они проворно закончили подъем, осторожно осмотрелись вокруг, стараясь не слишком высовываться, перемахнули через парапет, торопливо пересекли шедшую по верху стены дорожку и начали спускаться с другой стороны. Без дальнейших осложнений и задержек они спустились на землю прежде, чем Панья взойшла достаточно высоко, чтобы осветить внешнюю сторону городской стены.

— Куда теперь? — шепотом спросил Джедрек.
— К храму Кебба, что у реки.
Товарищ улыбнулся, и Кадел знал почему. Кебб. Покровитель зверей, бог охоты.
— Как символично, — только и сказал Джедрек.

Большой зал Торалдского замка заливал мерцающий свет факелов и свечей. Воздух был насыщен запахами жареного мяса, свежее испеченного хлеба и сладкого вина. Вдоль стен огромного помещения стояли десятки длинных деревянных столов, уставленных блюдами с бараниной, дичью, жирным мясом, темными хлебами, тушеными овощами, свежими фруктами и бутылками вина из торалдских погребов. За столами тесно сидели мужчины, женщины и дети, чьи разговоры и смех сливались в нестройный гул.

В середине зала оставалось свободное место для танцев, которые должны были начаться сразу после пира, а прямо напротив главного стола, стоявшего на высоком помосте, играли музыканты.

Филиб любил это зрелище. Сколько он помнил, устраивавшийся по случаю ярмарки пир всегда оставался для него одним из самых значительных событий в году — наряду с его собственными именинами и Ночью Двух Лун месяца Бодана.

Однако в этом году он не испытывал обычной радости. Возможно, молодой лорд тяготился мыслью о том, что скоро навсегда покинет Торалд. А возможно, он просто повзрослел. Так или иначе, Филибу казалось, что пир тянется уже долгие часы, хотя городские жители все еще продолжали стекаться в замок и усаживаться за столы.

Не помогало даже присутствие Ренель, которая сидела в дальнем конце зала, в черном платье, подаренном Филибом, с распущенными по плечам огненно-рыжими волосами. Время от времени они встречались взглядами, и она улыбалась Филибу той едва заметной загадочной улыбкой, при виде которой у него обычно прыгало сердце от счастья.

«Твоя мать боится, что ты слишком сильно привязался к девушке». Филиб даже не понимал толком, что это значит. Слишком привязался. Возможно ли такое?

Ренель рассердилась на него из-за прошлой ночи, как он и предполагал. Но она не умела долго дуться. Когда Филиб отыскал девушку на рыночной площади, они выбрались из города через потайные ворота, обогнули снаружи замок с его легендарным двойным крепостным рвом и прошли по своей тайной тропинке на берег реки. Там они предались любви в тени ив, как очень часто делали в течение последнего года.

Перед самым закатом, когда тени сгустились и воздух посвежел, Филиб оставил девушку на берегу. Но прежде чем уйти, пообещал Ренель, что они проведут вместе сегодняшнюю ночь и (необдуманные слова!) все следующие. Глупая клятва. Они оба понимали это. Но Филиб с радостью отдал бы все королевство за улыбку, озарившую в тот миг лицо возлюбленной.

Он все еще ощущал на губах вкус ее кожи, ощущал прикосновение ее рук к спине. Но сейчас, сидя в глубине большого зала между дядей и матерью, он чувствовал, что они с ней далеки друг от друга, как никогда.

«Я буду с ней сегодня ночью, после поездки», — сказал себе Филиб.

И словно в ответ другой голос — не отца ли? — прозвучал у него в уме: «Ты станешь королем в течение года». «Я могу взять ее с собой в Город Королей».

«Зачем? Вы никогда не сможете пожениться. Дети, которых она родит от тебя, будут незаконнорожденными. А твоя жена? Неужели ты готов поставить под удар свой брак, еще даже не встретившись с женщиной, которая станет твоей королевой?»

Он хотел только одного: вскочить на коня и поскакать прочь. Убраться из этого зала, из этого замка, из этого города.

— Вам нездоровится, милорд?

Филиб повернулся и увидел первого советника, которая сидела по левую руку от его матери и пристально смотрела на него встревоженными бледно-желтыми глазами.

— Нет, все в порядке, Энид. Спасибо.

— Ты не передумал ехать сегодня, Филиб? — спросил дядя.

Филиб почувствовал, как напряглась мать.

— Нет. Я поеду сразу по окончании пира.

— По-моему, это прекрасный способ чтить память герцога. Ты согласна, Нерина? — Тоббар незаметно подмигнул Филибу, который широко улыбнулся в ответ.

— А по-моему, вы двое вступили в заговор за моей спиной, — ответила она, сурово сдвинув брови. Мгновение спустя ее лицо смягчилось. — Полагаю, в этом нет ничего плохого.

— Это на самом деле приятные поездки, — сказал Филиб. — Возможно, когда-нибудь ты поедешь со мной и сама в этом убедишься.

Мать опасливо посмотрела на него:

— Я предпочитаю наслаждаться уютом своих покоев. У меня нет ни малейшего желания ехать на ночь глядя в лес, когда путь освещают только луны и звезды.

— Весьма разумно, миледи, — заметила Энид.

Вскоре дядя поднялся с места и произнес традиционную хвалебную речь. В согласии с обычаем он назвал всех богов по имени, перечислив милости, явленные каждым из них в свой месяц в течение прошедшего года, и закончил, конечно, Боданом — богом смеха и покровителем ярмарки, имя которого носил последний месяц года. Затем он поблагодарил Орию Крениш и Джегора джал Сенна — женщину-инди и мужчину-кирси, устроителей ярмарки, которые теперь сидели за почетным столом вместе с Филибом и остальными.

В прошлом, когда Ория и Джегор впервые взяли на себя управление ярмаркой, их брак обсуждался повсюду. Некоторые воспринимали его как оскорбление. Браки мужчин-инди и женщин-кирси запрещались законом ввиду опасности, которой подвергались женщины-кирси, зачавшие от мужчин-инди. Подобные союзы назывались грехом лун, поскольку Панья, понесшая от Илиаса, умерла при родах. С другой стороны, браки женщин-инди и мужчин-кирси дозволялись законом. Но люди, считавшие, что два народа не должны смешиваться, — а таких было много не только в Эйбитаре, но и во всех королевствах Прибрежных Земель, — по-прежнему видели в подобных браках преступление. Многие эйбитарские герцоги отказывались принимать Джегора и Орию на пирах, устраивавшихся по случаю ярмарки. К его чести, отец Филиба был не из их числа; а Джегор и Ория, к их чести, продолжали приезжать со своей ярмаркой во все обнесенные крепостными стенами города Эйбитара, не обращая внимания на отношение, которое там встречали. Со временем все смирились с их браком, и другие герцоги смягчились. Однако даже сейчас Филиб видел, что многие из присутствующих вытягивают шеи, чтобы получше рассмотреть супружескую чету. На многих лицах читалось отвращение.

Наконец Тоббар закончил свою речь, поблагодарив всех гостей, пришедших на пир и принявших участие в празднестве вместе с семейством Торалдов.

— Прекрасная речь, сир, — сказала Энид, когда герцог опустил в кресло.

— Спасибо, Энид. — Он бросил взгляд на Филиба, улыбаясь доброй улыбкой. — Если ты уже вволю повеселился, можешь ехать.

— Так рано? — быстро спросила Энид.

— Я согласна с первым советником, — сказала мать Филиба, не дав раскрыть рта Тоббару. — Еще слишком рано. Тебе нет необходимости оставаться тут до самого конца, Филиб, но мне кажется, было бы невежливо уйти сейчас.

Тоббар пожал плечами, словно говоря: прощу прощения, я сделал все, что мог.

— Конечно, матушка, — сказал Филиб. — Я в любом случае собирался задержаться. Я хотел потанцевать с Ренель перед уходом.

Мать побледнела:

— Ты шутишь.

— Нисколько. Разве ты не видишь, как очаровательно она выглядит сегодня?

Мать яростно уставилась на него, плотно сжав губы. Тоббар сдавленно хихикнул.

— Подожди еще немного, — наконец сказала она. — И потом можешь ехать.

Филиб улыбнулся:

— Спасибо, матушка.

Из уважения к матери Филиб просидел на пиру еще довольно долго: большинство гостей уже закончили есть, а некоторые начали танцевать, когда он поднялся с места.

Несмотря на то что он сказал герцогине, Филиб вовсе не собирался танцевать с Ренель. Хотя многие знали, что они любовники, столь откровенное признание их связи все сочли бы неприличным. Они оба понимали это. Однако, покидая зал, Филиб поймал взгляд девушки, и они обменялись улыбками.

Выйдя из зала в центральный двор замка, Филиб сделал глубокий вдох. Он не создавал, насколько жарко было в помещении, покуда прохладный воздух не остудил его разгоряченные щеки. Он чувствовал соленый запах океана Амона и слышал звуки музыки, долетавшие до замка из города.

Хотя Филибу не терпелось поскорее вскочить на своего коня, он прошел через западный двор неспешным шагом, с наслаждением подставляя лицо легкому ветерку. Ярко светила Панья, и его длинная тень ползла по мощеной дорожке и траве на обочине.

Галдис, серый жеребец Филиба, уже стоял под седлом в ожидании хозяина за воротами конюшни.

— Он в полной готовности, милорд, — сказал помощник конюха, когда Филиб вошел в конюшню и погладил животное по морде.

Филиб кивнул.

— Спасибо, Доран. — Он бросил пареньку серебряную монету.

Филиб вывел коня через западные ворота замка и только потом вскочил в седло. Обычно он проезжал через весь город к южным воротам, но сегодня, поскольку улицы были запружены артистами и лоточниками, решил покинуть город через верхние речные ворота. Выехав за городскую стену, он двинулся в южном направлении вдоль реки, чтобы потом повернуть на восток, к лесу. Это был более длинный путь, но сейчас, любуясь дрожавшими на глади реки бликами лунного света, Филиб нашел его и более приятным. Скоро он достиг Северного леса и направился к храму, где скончался отец.

Он начал свои поездки почти пять лет назад, в ночь полной Паньи месяца Байана, ровно через месяц после смерти отца. Тогда Филиб был тринадцатилетним подростком, неуклюжим и неуверенным в себе. Мальчик обожал отца, и, когда тот погиб в результате несчастного случая, ему показалось, будто весь мир вокруг него рухнул. Будучи единственным сыном герцога (Симм, младший брат, умер от чумы в младенчестве), он унаследовал все личные вещи покойного: меч и доспехи, кинжал и охотничий лук, седло и плащ из меха рыси, который был на нем во время последней охоты. Мать обещала Филибу сохранить все это до времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы держать в руках оружие и носить доспехи. Но Филиб не мог ждать. Каждая вещь представлялась ему бесценным сокровищем, маленьким кусочком жизни любимого отца. Подсознательно мальчик верил, что боль утраты пройдет, душевная рана затянется, если он окружит себя принадлежавшими отцу вещами. Задолго до того как золотой перстень с печаткой стал Филибу впору, он носил его на цепочке на груди. Каждую ночь в течение первого года после смерти герцога он обычно лежал без сна в своей постели, пристально глядя на печатку, блестящую при свете свечи. Золотой жеребец, герб Торалдов. Он разговаривал с ним, словно с отцом, рассказывая о событиях минувшего дня и о матери.

В конце концов боль утраты действительно начала стихать — как и говорили мать, дядя и все остальные. Но наслаждение, которое он находил во владении отцовскими вещами, оставалось прежним. Тренируясь с отцовским мечом, мальчик чувствовал, что сам отец учит его сражаться. Охотясь с отцовским луком, он чувствовал, что Филиб-старший идет рядом с ним по следу кабана или лося. Сидя в отцовском седле, он чувствовал, что они скачут по лесу вместе.

Он медленно ехал между деревьями по тропе, пересеченной черными тенями, которые отбрасывали ветви в белом свете Паньи. Перекликались ночные дрозды, и пение птиц,

вместе с ароматом огненных цветов и тихим журчанием реки, сладко волновало кровь. Где-то в отдалении ухала сова, и нежно шелестели листья, уступая ласкам легкого ветерка.

Когда впереди за деревьями показались огни храма, до слуха Филиба донесся новый звук — совершенно неожиданный. Где-то в лесу, неподалеку, пел мужчина.

Сначала он подумал, что слышит пение священнослужителя из храма, но скоро понял, что голос приближается слишком быстро. Певец тоже держал путь через лес и шел навстречу Филибу.

Почти сразу Филиб узнал мотив. Это была сирийская народная песня, которой в детстве мальчика научила одна из нянь. Ничего удивительного. Эйбитарская ярмарка собирала артистов, в том числе певцов, из всех королевств Прибрежных Земель. Поскольку Эйбитар издавна поддерживал со своим южным соседом хорошие отношения, среди людей, странствовавших с ярмаркой в этом году, было много уроженцев Сирииса.

Мгновение спустя из-за деревьев показался певец. Он шел пешком, и Филиб разглядел мужчину не сразу, поскольку тот был освещен только серебристым светом Паны, лившимся сквозь тесные сплетения ветвей над головой. Высокий и худой, длинноногий и длиннорукий; распущенные темные волосы ниспадали на плечи, обрамляя приятное бородатое лицо. Когда он приблизился, Филиб увидел, что у него светлые глаза, хотя при лунном свете было непонятно, голубые они или серые.

Однако в первую очередь внимание Филиба привлек голос мужчины — сладостный и пьянящий, словно золотистое вино, которое подавали сегодня на пиру. Для такого крупного мужчины он был неожиданно высоким, но не настолько, чтобы звучать неестественно. Песня разносилась по лесу, как совсем недавно разносился щебет дроздов, и казалась такой же неотъемлемой частью лесной жизни, как журчание реки и шепот ветра. В волшебном голосе певца было что-то почти пугающее, и Филиб невольно содрогнулся, когда они с мужчиной обменялись улыбками и разминулись.

Он поехал дальше, по-прежнему неспешно, слушая, как голос за спиной постепенно стихает, словно рокот отбегающей от берега океанской волны. Огни храма теперь казались ярче, хотя омытые лунным светом каменные стены все еще оставались довольно далеко.

Внезапно Филиб осознал, что пение прекратилось. Он обернулся, но не увидел позади ничего, кроме окутанных тьмой деревьев.

Снова устремив взгляд вперед, мальчик увидел человека, стоявшего прямо перед ним на лесной тропе. Ростом он был пониже певца, но ненамного. У него были более короткие волосы, темные и непокорные. Его глаза казались черными в ночном мраке.

Сердце Филиба застучало громко, точно кузнечный молот. Он потянулся за кинжалом, проклиная себя за то, что не взял с собой меч.

— Принцам негоже гулять в лесу так поздно, — сказал мужчина. Он говорил с еле заметным акцентом, но Филиб все же узнал анейранский выговор. У него мучительно заныло под ложечкой.

Филиб ударил коня пятками по бокам, надеясь проехать мимо мужчины к храму, но в тот же миг сильные руки схватили его сбоку за ногу и за плечо. Мгновение спустя мальчик тяжело упал на землю; воздух с шумом вырвался из его легких, кинжал вылетел из руки.

Несмотря на сильную боль в груди и плече, он попытался подняться на ноги. Кто-то прижал его к земле, потом грубо перевернул на спину. Певец. Он приставил кинжал к горлу Филиба.

— У меня есть деньги! — с трудом выговорил Филиб еле слышным голосом. — Они ваши! Забирайте все!

— Прошу прощения, милорд, — сказал певец, в светлых глазах которого, впрочем, не отразилось ни малейшего сожаления. — Но кое-кто желает вашей смерти.

Филиб попытался вырваться, истошным голосом позвал на помощь, но певец с товарищем крепко держали его. Через секунду более высокий мужчина зажал мальчику рот мозолистой ладонью.

Еще несколько мгновений певец смотрел Филибу в глаза. А потом движением таким

стремительным, что клинок сверкнул сплошным расплывчатым пятном в свете луны, перерезал жертве горло.

Настоятель только-только погрузился в сон, когда его разбудил пронзительный крик. Человек, живущий в лесу, среди зверей Кебба, слышит по ночам много странных звуков. В последний момент жизни, когда когти совы смыкаются на горле жертвы, даже заяц порою вопит не хуже призраков Подземного Царства.

Но то были вопли иного рода. Их издавал человек.

Настоятель зажег свечу и вышел из своих покоев. В передней спал один из послушников. Очевидно, он не слышал криков. В свете Паньи послушник казался ужасно юным. Настоятелю очень не хотелось будить его. Но если кто-то в лесу нуждался в помощи, негоже было оставлять его одного.

Он осторожно потряс мальчика за плечо.

Мгновение спустя послушник потер кулаками глаза и сел в постели.

— Да, отец настоятель, — пробормотал он сонным голосом. — Чем могу служить?

— Я слышал какие-то крики в лесу. Возьми два факела и жди меня у ворот.

Мальчик кивнул, хотя сдвинулся с места не сразу. Наконец он встал с постели и, шаркая ногами, поплелся к двери.

— Вот и молодец! — сказал настоятель ему вслед. Он вернулся в свою комнату за сумкой для оказания первой помощи — кожаным мешочком, пахнувшим буквицей и обычными лекарственными травами. Он умел перевязывать раны и вправлять сломанные кости, но сейчас отдал бы все на свете, только бы рядом с ним находился какой-нибудь кирси. Его пугала мысль о том, что он найдет в лесу.

Настоятель торопливо направился к воротам храма, где его уже ждал мальчик, дрожащий от холода, но вполне проснувшийся. Он взял один из факелов и открыл ворота.

— Как тебя зовут, малыш? — спросил настоятель, давая пареньку знак следовать за ним по тропинке.

— Арвид, отец настоятель.

— Ты в храме недавно, да?

— Да, отец настоятель. Я прибыл сюда в месяце Осии.

«В месяце Осии! — подумал настоятель. — То есть он здесь уже три месяца. Мне следует уделять больше внимания послушникам».

— Где живет твоя семья, Арвид? — спросил он, хотя по акценту мальчика догадался, что тот родом с восточного побережья Эйбитара.

— Мы живем на ферме, отец настоятель, возле самого Ирдли.

Настоятель кивнул, продолжая напряженно всматриваться во тьму. Он шел скорым шагом, и мальчик время от времени пускался бегом, чтобы не отстать. Настоятель понимал, что покидать храм было глупо. Даже при свете белой луны было почти невозможно найти кого-нибудь в такой крошечной тьме. Он собирался сказать именно это, когда заметил впереди серого жеребца, стоявшего чуть в стороне от тропы.

Завидев их, конь фыркнул и забил копытом, но не сдвинулся с места.

Настоятель похолодел. Даже отсюда он видел, что это не простая фермерская лошадь. Ухоженный породистый конь, богатое седло.

Если бы настоятель сразу заметил тело, лежавшее на земле рядом с жеребцом, он бы не подпустил Арвида ближе. Но к тому времени, когда он увидел распростертого на земле человека, было уже слишком поздно. Мальчик тихо вскрикнул, и его вырвало прямо на тропу.

Настоятель бросился вперед и опустился на колени рядом с телом. У несчастного была перерезана глотка, и на опавших листьях вокруг его головы растеклась лужа крови, блестящая в лунном свете. На груди и животе тоже виднелись колотые раны. Палец правой руки, на котором носят кольцо, был отрезан. Просто грубо откромсан.

Настоятель бросил взгляд на мешочек с лекарственными травами, который по-

прежнему держал в руке, и почувствовал желание швырнуть его далеко в темноту. Но вместо этого убрал мешочек в карман. Потом он наклонился, чтобы рассмотреть лицо убитого, и сам невольно вскрикнул.

Филиб. Сын герцога, будущий король.

Он потряс головой, чувствуя, как горячие слезы текут по щекам. Сначала отец, а теперь и сын.

— Будь прокляты эти грабители! — произнес он дрожащим голосом. Он знал, что Арвид слышит его слова, но в ту минуту ему было все равно. — Байан бы побрал всех разбойников!

ГЛАВА 4

Керг, Эйбитар, 879 год, луна Амона прибывает

— Стань в стойку, Тавис! — велел отец Ксавера голосом резким, как ветер в пору холодов. — Держи равновесие. Возьми меч на изготовку.

Молодой лорд быстро кивнул и, вытянув вперед деревянный меч, слегка присел на широко расставленных ногах — готовый к бою и предельно собранный.

— Начали! — скомандовал капитан.

Вперед мгновенно выступили три противника с мечами. Они были несколькими годами старше Тависа, о чем свидетельствовали их рост и развитая мускулатура. Но они были простолюдинами, новобранцами из окрестных графств, взятыми на испытательный срок в герцогское войско. Они не умели толком обращаться с мечами и, судя по тому, как они держали тренировочные мечи, не знали правил фехтовального искусства. Тавис же был сыном герцога. Он начал заниматься фехтованием, едва научился ходить.

Их атака была неуклюжей и незатейливой. Они разом бросились на него, высоко подняв мечи, открыв тела для встречного удара. Тавис шагнул вперед, стремительно сократив дистанцию между собой и самым рослым противником. Парень попытался нанести Тавису рубящий удар по голове, однако молодой лорд легко парировал его. Треск деревянных мечей все еще отражался эхом от стен замка, когда Тавис подался в сторону и быстрым плавным движением, при виде которого Ксавер невольно улыбнулся, нанес противнику удар в грудь, повергший его наземь.

К этому времени двое остальных уже подскочили к нему, но Тавис использовал инерцию последнего движения, чтобы занять удобную позицию для отражения атаки. Все в порядке. Стремительно вращая деревянным мечом, который казался расплывчатым пятном в утреннем воздухе, он ловко отбил несколько ударов подряд, затем шагнул вперед, оказавшись между противниками, крутанулся вокруг своей оси, словно ярмарочный танцор, и обрушил свой меч сначала на одного, потом на другого. Однако под конец у него подвернулась нога. И вместо того чтобы поразить третьего противника в грудь, Тавис нанес удар ниже, по ноге, под самое колено. Парень рухнул на колени, взыв от боли.

— Отлично, Та...

Отец Ксавера еще не договорил, когда Тавис набросился на третьего противника и обрушил свой меч тому на шею сзади. Парень повалился лицом в траву и замер.

— Гром и молния! — воскликнул отец Ксавера, кидаясь к распростертому на земле человеку. — Что с тобой, малый?

— Что со мной, Хаган? — недоуменно переспросил Тавис. Он стоял над поверженным противником, опустив меч. Он тяжело дышал, и его лицо чуть блестело от пота, но на нем не было ни царапины. Поединок с самого начала был неравным. — Ты велел нам драться по-настоящему, как в бою. А в бою этот человек все еще представлял бы угрозу: я только ранил его в ногу. Я должен был добить парня.

— Он был повержен! — Хаган говорил резко, обвинительным тоном, хотя даже не поднимал глаз на Тависа. — Будь это настоящие мечи, ты бы отрубил ему ногу! Он не представлял никакой угрозы! — Он перевернул парня на спину и низко наклонился над ним,

проверяя, дышит ли бедняга.

— У него все еще оставался меч и две здоровые руки, — беззаботно сказал молодой лорд. Он осмотрел свой меч, словно проверяя, не треснул ли деревянный клинок. — Мы, Керги, никогда не рискуем на поле боя.

Прежде чем Хаган успел ответить, парень тихо застонал.

Тавис указал на него мечом:

— Ну вот, видишь? Он цел и невредим.

— Он цел и невредим только потому, что ты еще слишком слаб, чтобы нанести смертельный удар.

Молодой лорд покраснел, и Ксавер заметил, как у него задрожала рука, сжимавшая меч. Но Тавис усилием воли овладел собой и спокойно спросил:

— Насколько я понял, мы на сегодня закончили?

— Ты закончишь, когда я скажу, молокосос!

Двое других парней переглянулись, и Ксавер уставился в землю, чтобы не встречаться глазами ни с другом, ни с отцом. Ни один человек в замке, кроме герцога и герцогини, не осмелился бы разговаривать с Тависом в таком тоне. На самом деле, в качестве начальника стражи Хаган тоже никогда не осмелился бы. Но здесь, во дворе Кергского замка, рядом с арсенальной башней, он был учителем фехтования, а Тавис учеником. Хаган мог говорить ему что угодно, обзывать его как угодно, самыми оскорбительными словами. Он мог отстегать молодого лорда ремнем, если считал нужным. Именно это он и сделал однажды, когда Тавису и Ксаверу было по девять. Как бы хорошо ни владел Тавис холодным оружием, он все равно оставался только учеником. С другой стороны, Хаган Маркуллет был лучшим фехтовальщиком в герцогстве. Это знали все.

— Теперь пробежка по башням, — сказал Хаган. — А потом ты свободен.

Ксавер съежился.

— По башням? — жалобно переспросил Тавис. — Но ведь я всего лишь...

Он умолк под испепеляющим взглядом учителя.

— По башням, — повторил отец Ксавера.

— Слушаюсь, сэр.

Тавис поставил свой тренировочный меч обратно на подставку и начал подниматься по лестнице арсенальной башни.

Хаган посмотрел на Ксавера:

— Составь-ка ему компанию.

Ксавер кивнул и улыбнулся, отвечая на улыбку отца.

Пробежка по башням была, наверное, самым трудным из всех заданий, которые давал отец на тренировках, — а это говорило о многом. Ученик начинал с ближайшей башни, бегом поднимался на самый верх, потом спускался вниз, бежал к следующей, опять поднимался и спускался — и так далее, снова и снова, покуда не обегал все башни. Всего в Кергском замке насчитывалось восемнадцать башен. Некоторые из них — например, сторожевые башни у восточного и западного подъемных мостов — были сравнительно невысокими. Но большинство имело в высоту самое малое пятьдесят ярдов. Лестница в каждой из увенчанных шпилем башен, охранявших южные ворота, состояла из двухсот шестнадцати ступенек. Ксавер уже и не помнил, сколько раз они с Тависом пересчитывали их.

Ксавер нагнал друга только на сорок второй ступеньке. Не замедляя шага, Тавис бросил на него короткий взгляд и ухмыльнулся:

— Ты тоже, да?

Ксавер пожал плечами, и они продолжили подъем по винтовой лестнице.

— Не понимаю, с чего Хаган взелся сегодня, — сказал лорд после непродолжительного молчания. — Я всего лишь следовал его указаниям.

— Ты чуть не убил человека, Тавис, — спокойно сказал Ксавер, не поднимая глаз. — Ты уже победил. Тебе не следовало наносить последний удар.

— В любом настоящем бою этот человек представлял бы угрозу. — Голос Тависа громким эхом отразился от каменных стен.

Ксавер не ответил, и с минуту в башне царила тишина, которую нарушал лишь ритмичный топот ног по стертым ступеням.

— Как он? — наконец спросил Тавис.

«Поинтересовался, по крайней мере».

— С ним все будет в порядке. — Ксавер искоса взглянул на лорда и улыбнулся. — Вряд ли в ближайшее время он вызовется помочь сыну герцога на тренировке.

— Пожалуй. Хотя против тебя они выступили немногим лучше.

— Ты знаешь, когда приезжает ярмарка? — спросил Ксавер, страстно желая переменить тему. Хотя Тавис и делал комплименты, заводить разговор об их умении владеть холодным оружием не стоило. Как и Тавис, Ксавер вырос с мечом в руке. Оба они прекрасно понимали, что уж в фехтовании-то Ксавер не уступает и никогда не уступал молодому лорду.

Несколько мгновений Тавис смотрел на него, недобро улыбаясь, словно видел друга насквозь. Однако в конце концов он смягчился.

— Отец ожидает их к полудню.

Они достигли самого верха башни и вышли из полумрака лестничного колодца на залитую солнцем смотровую площадку. Там они остановились буквально на несколько секунд, чтобы перевести дыхание и бросить взгляд на океан Амона, который в этот день был спокойным и синим.

Как обычно, на башне несли дозор два стражника; они посмотрели на Тависа и Ксавера, явно забавляясь.

— Что, капитан опять гоняет вас по башням? — спросил один из них.

Тавис метнул на стражника свирепый взгляд, словно тот обозвал сына герцога трусом. Потом повернулся и бегом бросился вниз по ступеням. Ксавер еле заметно улыбнулся обоим мужчинам и последовал за молодым лордом.

— Городские дети, наверное, уже стоят в очереди за предсказаниями, — сказал Тавис, когда Ксавер снова нагнал его. — Большинство, вероятно, не спало с самого начала месяца.

— А ты спал? — спросил Ксавер.

— Разумеется. Я-то знаю, что мне откроет пророчество Посвящения. Я стану королем после отца. Если старый Айлин уйдет в отставку и отстранится от дел.

Прошло уже больше шестидесяти лет после смерти Скериса Четвертого, последнего короля из династии Кергов. Законы Престолонаследия оставляли Кергским герцогам мало возможностей завладеть одунской короной, но после всех событий, случившихся в течение нескольких минувших лет в Торалде и Галдастене, следующим наследовал престол Яван Кергский, а за ним Тавис.

— А ты, Колючка? Ты волнуешься перед своим Посвящением?

Ксавер улыбнулся, услышав свое старое прозвище. Колючкой стражники называли детское тренировочное оружие, а поскольку отец мальчика с давних пор носил прозвище Меч, казалось вполне естественным прозвать Ксавера Колючкой. Теперь мало кто называл его так — отец, Тавис да несколько пожилых стражников, — но он по-прежнему любил свою кличку.

— Конечно, — признался Ксавер. — Немножко. Что со мной будет, когда ты уедешь в Город Королей и мне придется честно зарабатывать себе на жизнь?

Тавис рассмеялся:

— По-моему, ты просто боишься узнать, что тебе предстоит жениться на сварливой крестьянке.

Теперь рассмеялся Ксавер — они как раз выбежали во двор и повернули к следующей башне.

— Похоже, вам двоим слишком весело, — крикнул отец Ксавера. — Может, мне усложнить задание?

— Нет, сэр, — ответил Ксавер, разворачиваясь и пробегая несколько шагов в обратном

направлении.

— Хорошо. Тогда болтайте поменьше. Хватит волынить.

— Есть, сэр, — хором отозвались оба.

Ксавер снова развернулся, и они с Тависом побежали к следующей башне.

К тому времени когда они закончили пробежку, солнце стояло высоко над головой и уже начали звонить полдневные колокола. Отец Ксавера куда-то исчез — несомненно, разделял роскошную трапезу с герцогом.

Ксавер и Тавис вернулись к тюремной башне и через узкие ворота вышли в маленький двор, расположенный между крепостным рвом и стеной замка. Там они скинули с себя влажную от пота одежду и нырнули в холодную воду. В следующие несколько месяцев, когда дождей будет мало, они и мечтать не смогут ни о чем подобном. Но пока вода в крепостном рве оставалась довольно чистой, особенно здесь, рядом с той частью замка, где не было стоков из жилых покоев; и мальчики предпочитали быстро искупаться тут, чем ждать, пока слуги натакают воду для мытья из колодца.

Наплававшись вдоволь, они выбрались из крепостного рва и легли во дворе на спину, чтобы обсохнуть на солнце и легком ветерке.

— Ты помнишь свое Приобщение? — неожиданно спросил Тавис.

Ксавер, лежавший с закрытыми глазами, улыбнулся при этом воспоминании:

— Конечно. Я помирал от страха.

— Что оно показало?

— Именно то, чего я ожидал. Я увидел себя капитаном герцогского войска — на месте отца.

— А я увидел себя герцогом.

— Понятное дело. И что?..

— Герцогом, Ксавер. Не королем.

Ксавер открыл глаза, заслонился ладонью от солнца и посмотрел на молодого лорда. Тавис сидел, отрешенно глядя на воду.

— После убийства Филиба я много думал об этом. О том, что это значит.

— Почему ты ничего не сказал?

Тавис пожал плечами:

— Не знаю.

Но Ксавер уже все понял, едва только задал вопрос. Подобное открытие привело бы в ужас всякого, ибо предвещало любое из множества вероятных несчастий: преждевременную смерть, опалу, отречение отца от престола. Но для Тависа оно было совершенно убийственным. Он был Кергом, сыном Явана. Никто толком не задумывался о том, что лишь благодаря стечению необычных обстоятельств приход Тависа к власти стал почти неизбежным. Со времени смерти Филиба Тавис и его отец держались так, словно предстоявшее восшествие на престол было делом давно решенным. Другие подданные герцога, в том числе и отец Ксавера, тоже видели в этой счастливой случайности нечто само собой разумеющееся. На протяжении многих веков жители Керга славились своей гордостью — не одно только семейство Кергов, но все жители герцогства. Не беда, что династия Кергов стояла ниже домов Торалдов и Галдастенов, имевших первоочередное право на верховную власть; не беда, что почти половина из одиннадцати кергских королей умерли в течение пяти лет после вступления на престол. Это осталось в прошлом. И теперь не имело никакого значения.

Значение имело то, что Кергский замок являлся самой великолепной крепостью во всем Эйбитаре, если не считать Одунского замка в Городе Королей. Никто не владел мечом лучше кергских солдат и не был так опасен в бою. «Разбудивший медведя погибнет в его лапах», — говорили в народе, имея в виду медведя, изображенного на гербе Кергов. Даже кергское белое вино жители герцогства считали лучшим во всем королевстве.

Гордость Кергов. Неудивительно, что Тавис ни с кем не поделился своей тревогой, даже с Ксавером.

— Судьба может меняться, — сказал наконец Ксавер, стараясь хоть как-нибудь утешить друга. — Когда нам было двенадцать, Филиб был жив. Даже сам Ин не сумел бы предсказать его убийство. Пророчество Посвящения откроет тебе другое будущее. Я уверен.

Молодой лорд кивнул, не сводя синих глаз с узкой полоски воды:

— Знаю. — Мгновение спустя он посмотрел на Ксавера, неуверенно улыбаясь. — Конечно.

Тавис поднялся на ноги и начал одеваться. Ксавер последовал его примеру. Бриджи уже высохли и были теплыми от солнца и жесткими от пота; рубашки и чулки тоже, но их мальчики надевать не стали, а понесли в руках. В любом случае они собирались переодеться, перед тем как отправиться на ярмарку.

Они вернулись в замок и направились в северную часть крепости, где размещались казармы герцогских солдат. Однако, когда они проходили мимо поста у внутренних ворот, один из стражников остановил их.

— Герцог ждет вас, милорд, — сказал он Тавису. — В своих покоях.

— Передай, что я скоро буду. — Тавис повернулся и двинулся дальше.

— Прошу прощения, милорд, но, насколько я понял, он желает видеть вас сию же минуту.

Молодой лорд остановился и смерил мужчину холодным взглядом.

— Что ты сказал?

— Я сказал всего лишь, что, как я понял, герцог требует вас к себе немедленно.

Тавис подошел к стражнику:

— Ты знаешь, кто я такой?

Стражник неловко переступил с ноги на ногу.

— Конечно, милорд.

— Я Тавис Кергский. А не какой-нибудь помощник конюха, которому ты можешь приказывать, как ребенку. Я сын герцога. И однажды стану королем.

Один из стоявших у ворот стражников шепнул что-то своему товарищу, и оба мужчины фыркнули.

— Я знаю, милорд, — бесстрастно сказал первый стражник. — Я просто передал вам то, что было велено.

— В следующий раз...

— Брось, Тавис, — тихо сказал Ксавер.

Тавис резко обернулся и уже открыл рот, чтобы обругать и друга тоже. Но мгновение спустя, похоже, опомнился.

— Ты прав. — Он двинулся прочь. — Не стоит с ним связываться.

Ксавер кинул взгляд на стражника, чувствуя, как у него дергается уголок рта. Мужчину звали Олин, хотя Тавис вряд ли знал это. И он вряд ли знал, что Олин потерял жену и дочь во время последней вспышки чумы в окрестных графствах. Отец Ксавера был начальником стражи, поэтому Ксаверу это было известно. Но все-таки, подумал он, сыну герцога тоже следует знать такие вещи.

— Спасибо вам, господин, — сказал Олин.

Ксавер потряс головой и двинулся вслед за другом.

— Не стоит благодарности, — бросил он через плечо.

— Интересно, чего отцу от меня надо? — сказал Тавис, когда Ксавер снова поравнялся с ним.

— Зачем ты так? — спросил Ксавер.

Молодой лорд непонимающе уставился на него:

— Ты о чем?

— О твоём обращении со стражниками. Однажды они станут служить тебе, Тавис. И довольно скоро, если слухи о короле достоверны.

— Я знаю, Ксавер. Именно поэтому я с ними так обращаюсь. Я должен научить солдат уважать меня так же, как они уважают моего отца. Я не могу допустить, чтобы они

разговаривали со мной как с несмышленным ребенком и указывали мне, куда и когда идти. Так они никогда не научатся уважать меня.

— Наверняка есть способ заслужить уважение, никого не унижая.

Тавис рассмеялся:

— Хорошо, что ты никогда не будешь королем, Колючка. Ты бы разбаловал своих солдат до такой степени, что они даже не сумели бы отразить наступление везирнийской армии.

Ксавер собрался ответить, но потом решил, что это ни к чему хорошему не приведет. Если он заденет Тависа слишком сильно, молодой лорд разозлится, а ему не хотелось омрачать первый день ярмарки ссорой с другом.

— Ну ладно, герцог хочет поговорить с тобой наедине, — вместо этого сказал Ксавер. — Пожалуй, я пойду переоденусь и отыщу тебя позже на ярмарке.

— Нет, — излишне торопливо возразил Тавис. — Пойдем со мной. Разговор с отцом в любом случае не займет много времени. Потом мы переоденемся и пойдем на ярмарку вместе.

Ксавер присутствовал при беседах герцога с сыном чаще, чем ему хотелось бы. И не испытывал ни малейшего желания оказаться втянутым в очередной такой разговор.

— У меня сложилось впечатление, что отец хочет увидеться с тобой наедине.

— Чепуха. Наверняка ничего важного.

Ксавер указал на себя: грязные штаны, голая грудь, босые ноги.

— Мне не следует являться к герцогу в подобном виде. Ты можешь позволить себе такое, но я-то не его сын.

— Он знает, что мы тренировались. Вероятно, он разговаривал с твоим отцом и знает, что мы бегали по башням.

«И знает почему». Этого Тавис мог и не говорить. Ксавер прекрасно понимал, что именно поэтому молодой лорд настаивает на его присутствии, и понимал, что Тавис не отстанет, куда он не согласится.

Он с минуту стоял, глядя на друга. Телосложением Тавис пошел в отца: худой, мускулистый и синеглазый, как герцог. Несмотря на молодость, он уже имел повелительный вид. Когда Яван переберется в Одунский замок и Тавис станет герцогом, он отлично справится с ролью господина. Но сейчас, одетый, как крестьянский мальчишка, со спутанными, прилипшими ко лбу пшеничными волосами и глазами, одновременно озорными и испуганными, он выглядел слишком юным для своих лет.

— Ну хорошо, — наконец сказал Ксавер, вздыхая шумно, словно кузнечные мехи. Он махнул рукой в сторону герцогских покоев. — Иди первым.

Тавис ухмыльнулся:

— Вот увидишь, Колючка. Это займет буквально минуту. А потом мы пойдем в город и посмотрим, как открывается ярмарка.

Ксавер ничего не ответил: он решил не доставлять Тавису такого удовольствия. Мгновением позже молодой лорд тоже замолчал, и они медленно направились к герцогским покоям. Ксавер не знал, кто из них больше боится предстоящей встречи.

Войдя с нагретого солнцем двора в прохладную тень замка, Ксавер дрожал и чувствовал, как по телу бегают мурашки. Шлепая босыми ногами по каменному полу, они миновали освещенный факелами коридор и вскоре приблизились к темной дубовой двери герцогских покоев.

Тавис попытался улыбнуться. Потом постучал.

— Входи, — раздался голос герцога.

Молодой лорд толкнул дверь и вошел. Ксавер последовал за ним.

Яван сидел у одного из больших окон, за широким дубовым столом, заваленным пергаментными свитками. Один свиток он читал при солнечном свете, струившемся в комнату. На нем были рубашка кремового цвета и черный камзол, украшенный вышитым коричнево-золотым гербом Кергов. При свете солнца седина в волосах герцога была

заметнее, но лицо его по-прежнему выглядело молодым, несмотря на темную с серебристой проседью бороду.

В стороне от Явана, тоже у одного из окон, стоял Фотир джал Сален, кергский советник-кирси. Мертвенно-бледный и беловолосый, он был в простой белой рубашке и светлых бриджах — ярко светились только его желтые глаза и золотое кольцо на левой руке.

— Добрый день, лорд Тавис. Добрый день, господин Маркуллет, — промолвил кирси, поочередно приветствуя их кивком.

— Первый советник. — Тавис легко поклонился волшебнику. — Просим прощения за наш вид. Мы только что с тренировки.

Герцог бросил на сына мрачный взгляд, но ничего не сказал и сразу же вернулся к чтению.

— Да, именно так нам и доложили, — сказал Фотир. — Наверное, нам с господином Маркуллетом лучше удалиться, чтобы вы с герцогом могли поговорить.

Ксавер собирался согласиться, но Тавис опередил его:

— Вы вправе поступить по своему усмотрению, Фотир, но Ксавер останется. У нас с ним есть планы на вторую половину дня.

Яван бросил свиток на стол и потряс головой.

— Ты ведешь себя как трус, Тавис, — сказал он. — Я надеялся воспитать из тебя настоящего мужчину.

Тавис побледнел, но выдавил из себя улыбку.

— Я не понимаю, о чем вы, отец.

Герцог посмотрел на Ксавера:

— Вы можете уйти, если хотите, Ксавер. А можете остаться. Выбор за вами, не за Тависом.

Больше всего на свете мальчик хотел убраться отсюда. Но он обещал Тавису остаться.

— Я останусь, милорд.

— Отлично. — Герцог коротко кивнул Фотиру, который поклонился в ответ и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Герцог поднялся с места, обошел стол и остановился прямо напротив сына. Он был немногим выше Тависа — на полпяди, не больше, — но в тот момент молодой лорд казался рядом с ним малым ребенком.

— Хаган говорит, ты чуть не убил человека сегодня, — сказал Яван. — Безо всякой причины.

— Хаган ошибается.

— Ты называешь его лжецом?

Тавис метнул на Ксавера короткий взгляд:

— Конечно нет, отец. Но он преувеличивает. А что касается причины... — Он пожал плечами. — Ну, это вопрос спорный.

— Ты еще сосал грудь матери, когда Хаган поступил ко мне службу. Почему я должен верить тебе, а не ему?

— Потому что дрался я, а не он. Но вам не обязательно верить мне. Просто спросите Ксавера.

Несколько мгновений герцог пристально смотрел на Ксавера, потом потряс головой:

— Я избавлю твоего друга от этого, если ты не возражаешь.

— Значит, вы предпочитаете принять на веру слова Хагана, а не мои?

— У парня на шее синяк величиной с яблоко, Тавис. Хаган говорит, он стоял на коленях, когда ты ударил его. Какую угрозу он представлял?

— В настоящей битве...

— В настоящей битве такой поступок сочли бы оправданным. Хаган так и сказал. Однако это был новичок, вооруженный деревянным мечом и уже поверженный наземь.

— Но ведь он оправится?.. — Это прозвучало как вопрос, и Тавис снова украдкой взглянул на Ксавера. Однако герцог, казалось, не услышал этих слов. — Он дрался из рук

вон плохо, отец. Если вас интересует мое мнение, то новички, набранные в графствах, кажутся еще менее способными...

— Довольно! — резко сказал Яван.

Тавис, казалось, вздрогнул, увидев выражение, появившееся в глазах отца.

— Когда ты станешь герцогом, ты сможешь самолично следить за подготовкой новобранцев! Но пока они остаются моими солдатами! И ты будешь обращаться с ними уважительно! Оскорблять любого из них — все равно что надругаться над моим мечом или моим конем, а я не потерплю ничего подобного! Ты понял?

Тавис тяжело сглотнул, но выдержал яростный взгляд отца.

— Да, сэр. Я понял.

Герцог кивнул:

— Хорошо. — Он снова обошел стол и опустился в кресло. — Ярмарка только что прибыла. — В голосе Явана не осталось и следа былой суровости. — Джегор и Ория заверили меня, что установят палатку предсказателя до заката. — Он улыбнулся сыну, а потом Ксаверу. — Полагаю, вам обоим не терпится пройти свое Посвящение.

Это следовало понимать как позволение удалиться. Ксавер сразу понял. Похоже, Тавис тоже.

— Да, отец, спасибо, — сказал он. — А вы сами собираетесь выходить в город?

— Уверен, мы с твоей матерью появимся там в ближайшее время. Она сейчас занята приготовлениями к пиру. Но как только она освободится, мы проведем вечер-другой на улицах города. Ория говорит, что в этом году с ярмаркой приехали замечательные певцы.

— Это все, отец? — Тавис тоже изобразил на лице улыбку. Кое в чем они с отцом были очень похожи.

— Да. Пойдите оденьтесь поприличнее.

Они оба повернулись и пошли к двери.

— С нетерпением жду рассказа о твоём Посвящении, Тавис, — сказал герцог, когда молодой лорд уже открыл дверь.

Тавис не обернулся, но задержался на миг на пороге.

— Разумеется, сэр.

Фотир стоял в коридоре у самой двери, и его глаза в свете факелов сверкали, словно глаза филина. Тавис кивнул советнику, но прошел мимо, не произнеся ни слова.

— Да воссияет камень немеркнувшей славой ваших судеб, господи! — сказал кирси.

Тавис бросил взгляд через плечо:

— Благодарю.

Через минуту они вышли во внутренний двор и направились к своим комнатам. Тавис на ходу раздраженно бормотал что-то себе под нос, уставившись в землю. Ксавер понимал, как зол, как унижен его друг, но и сам тоже не мог сдержать гнева.

— Ты действительно хотел, чтобы я солгал ради тебя, да? — спросил он, останавливаясь посреди двора.

Тавис тоже остановился, но ответил не сразу. А когда наконец заговорил, то вид у него был недоуменный.

— Что?

— Там, с герцогом. Ты пытался привлечь меня на свою сторону, хотя таким образом заведомо восстанавливал меня против отца!

Молодой лорд разом поник:

— Неужели и ты туда же!

— Извини, Тавис. Но ты не вправе так обращаться с людьми — по крайней мере со своими друзьями.

— Я не просил тебя лгать, — сказал Тавис. — Но ты же сам все видел. Противник был вооружен и еще не повержен.

Ксавер помотал головой:

— Прекрати. Речь идет не об этом парне и не о нашей тренировке — и ты сам это

понимаешь.

Тавис отвел взгляд; он смотрел через плечо Ксавера, в сторону герцогских покоев.

— Тогда о чем, Ксавер? О нас с тобой? Обо мне и моем отце? О тебе и твоим отце? Больше мне ничего на ум не приходит.

— Главным образом о тебе. («Как всегда».) О том, каким герцогом ты станешь. И каким королем.

— Полагаю, это выяснится очень скоро, — сказал Тавис. — Предсказатель-кирси рассеет все твои опасения. И опасения отца.

«Так вон оно что, — подумал Ксавер. — Его Посвящение».

— Все будет хорошо, Тавис. — Он безуспешно попытался улыбнуться.

— Само собой.

Несколько мгновений они стояли молча. Ксавер пристально смотрел на молодого лорда, а Тавис не сводил взгляда с отцовских окон.

— Думаю, нам нужно переодеться.

— Да. — Тавис двинулся в направлении своих комнат. — Давай поскорее.

В палатке было жарко, несмотря на поднятые с двух сторон пологи и ровный океанский бриз, дувший над городом Кергом. Большинство ярмарочных артистов предпочитали месяцы цветения и роста. Им нравилось танцевать или жонглировать на улицах теплыми ночами, когда в воздухе кружились рои светлячков и редкие дожди приносили мгновенное облегчение утомленным жарой людям. Конечно, все они предпочитали путешествовать в теплую и ясную погоду.

Но для Гринсы и других предсказателей-кирси сезон цветения и роста означал не теплые ночи и прохладные бризы, а знойные дни, проведенные в душной палатке. Обряды Приобщения и Посвящения были делом сугубо интимным, и отказаться от палатки не представлялось возможным. Некоторые предсказатели даже считали, что подобные тяготы только усиливают таинственность и торжественность действия, хотя Гринса не относился к числу таковых. Но все они жаловались на неудобства — обычно друг другу, а иногда Ории и Джегору.

Мальчик, сидевший на простом деревянном стуле за столом напротив Гринсы, еще не заговорил. Его звали Малвин Танпол. Он жил здесь, в Керге, с матерью, которая работала в замке белошвейкой, и отцом, колесным мастером. Конечно, он явился пройти обряд Приобщения, но, как очень многие дети, войдя в палатку, оробел. В соответствии с обычаем, Гринса не мог начинать, пока мальчик не произнесет ритуальную формулу обращения к Кирсару. Не имело значения, что Малвин не увидит в Киране ничего страшного: даже если бы подобные успокоительные заверения помогали, Гринса не имел права их давать. Приобщение считалось магическим обрядом. Увидь Малвин список имен и профессий, спрятанный у Гринсы под стулом, он был бы потрясен и, вероятно, глубоко разочарован. Города и села Прибрежных Земель нуждались в рабочей силе. Если бы все мальчики и девочки осуществили свои мечты и стали королевскими гвардейцами или ярмарочными танцовщицами, кто бы тогда подковывал лошадей, вспахивал поля и чинил тележки уличных торговцев? Свою магию кирси приберегали для пророчеств Посвящения. Но в двенадцать лет ребенка было пора отдавать в обучение ремеслу, и зачастую детей требовалось направить по верному пути, на котором они в полной мере раскрыли бы свои способности и нашли свою судьбу.

— Если мы просидим так слишком долго, — мягко сказал Гринса, — наступит день твоих следующих именин, и тогда тебе будет уже поздно смотреть в Киран.

Малвин по-прежнему не поднимал глаз, но по крайней мере улыбнулся.

— Ты помнишь, что тебе нужно сказать? — От страха и волнения многие дети действительно забывали слова, которые повторяли каждый день в течение нескольких месяцев, предшествовавших ярмарке.

Но Малвин кивнул.

— Помню, — еле слышно проговорил он.

— Хорошо. Почему бы тебе не попробовать? По-моему, такому сильному, умному мальчику нечего бояться.

Малвин опять улыбнулся, кинул быстрый взгляд на Гринсу и снова уставился на свои руки. Он судорожно сглотнул. И наконец начал все таким же тихим голосом:

— В этот год, год моего Приобщения, я прошу тебя, Кирсар, возложить руки на камень. Пусть моя будущая жизнь явится моему взору. Пусть мне откроются все тайны в свете Кирана. Покажи мне мою судьбу.

Следовало сказать «пусть мне откроются тайны грядущего», но Гринса не собирался заставлять мальчика повторять все еще раз.

— Очень хорошо, Малвин, — сказал он. — Теперь смотри в камень.

Мальчик подался вперед и широко раскрытыми глазами уставился на Киран. Камень светился своим обычным светом, и теперь Гринса слил свою магическую силу с чудодейственной силой Кирана.

Магический дар кирси был вещью обоюдоострой, как уулранский клинок. Каждое магическое действие — будь то язычок пламени или образ, вызванные из глубины кристалла, — отнимало у волшебника частицу жизни. Пророчество являлось самым простым видом магии; необходимые для него усилия не шли ни в какое сравнение с усилиями, необходимыми для того, чтобы вызвать туман и ветер или расколоть меч. Но в отличие от других кирси, которые пользовались своей магической силой лишь изредка, предсказатель возлагал руки на камень десятки раз ежедневно. «Заниматься предсказанием будущего, — говорили странствовавшие с ярмаркой кирси, — все равно что медленно умирать от потери крови, истекающей из тысячи крохотных ранок». Вероятно, так оно и было. Соплеменники Гринсы и без того жили гораздо меньше, чем инди, а ярмарочные предсказатели умирали раньше других.

И все же Гринса любил предсказывать будущее. Да и какой кирси не любил? Его соплеменники от природы обладали магической силой. Тот самый дар, за который они платили годами жизни, позволял беловолосым делать вещи, о которых инди могли только мечтать. Если арфа отнимает годы жизни у музыканта, разве он откажется играть на ней? Разве опасность смерти остановит воина, идущего в бой? Гринсе казалось, что кирси ничем не отличаются от других людей. Магия была ремеслом беловолосых. Каждый раз, когда Гринса чувствовал, как пробегают по телу токи магической силы — прохладные и стремительные, словно талые воды, стекающие с гор в Сирискую степь в самом начале посевного сезона, — он снова и снова сознавал, сколь острое наслаждение доставляет даже самое простое магическое действие.

Теперь, призвав на помощь свою магическую силу, он вызвал из глубины Кирана образ высокого мускулистого мужчины с покрытым испариной лбом. У него были прямые каштановые волосы и серые глаза, как у Малвина; и он изготавливал обод большого тележного колеса. Мужчина работал быстро и сноровисто — как человек, занимающийся этим делом всю жизнь. Он запросто мог быть искусным фехтовальщиком или опытным наездником, скачущим на своем коне, — такая сила и непринужденность чувствовались в каждом его движении.

Гринса давно понял, что детям недостаточно только показать будущее, но даже самое нехитрое ремесло надо представить делом героическим. Пусть Малвин видел себя простым колесным мастером, а не солдатом, — он также видел себя взрослым мужчиной, мускулистым, красивым и искусным в своем ремесле. Этот образ запечатлется в сердце мальчика и, возможно, позволит легче перенести разочарование, которое он испытает, узнав, что никогда не станет королевским гвардейцем. Будет ли Малвин действительно похож на человека в магическом кристалле? Неизвестно. Но Гринса верил, что до конца жизни мальчик будет видеть себя именно таким. Разве это плохо?

Предсказатель задержал образ в камне еще на несколько мгновений, с улыбкой глядя на зачарованное лицо мальчика. Потом он позволил изображению медленно померкнуть.

Пока оно тускнело, таяло в мягком сером свете Кирана, словно отплывающий корабль в утреннем тумане, Малвин не сводил взгляда с кристалла. И только когда видение исчезло окончательно, он моргнул и поднял глаза на Гринсу.

— Это вправду был я? — спросил он, задыхаясь от волнения.

Кирси улыбнулся:

— А ты как думаешь?

— Понятное дело, я. — Мальчик вскочил с места, едва не опрокинув стул. — Мне нужно срочно рассказать все маме и папе.

— Конечно. До свидания, Малвин. Да хранят тебя боги!

— Спасибо, сэр, — сказал он, резко разворачиваясь и устремляясь к выходу. — И вам того же! — крикнул он через плечо.

Коротко улыбнувшись, Гринса откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Уже девятое по счету Приобщение сегодня, и он провел также два Посвящения. Это забрало много магической силы — много даже для него. У него онемели ноги и спина, и он чувствовал тупую боль в висках.

— Милосердная Морна, ну и жара здесь! — раздался голос перед ним.

Гринса открыл глаза и увидел входившую в палатку Кресенну, тоже предсказательницу.

— Я и не заметил, — сказал он.

— Лжец.

Он ухмыльнулся. Кресенна была моложе его и совсем недавно странствовала с ярмаркой. Она была чрезвычайно привлекательна: длинные белые волосы, светлые, как огонь свечи, глаза и мягкая улыбка.

— Ты выглядишь усталым, — заметила она. — Хочешь, я подменю тебя на время?

— Много там еще народу?

Она бросила взгляд через плечо, словно могла отсюда видеть очередь:

— Человек пятьдесят. Большинство пришло за Приобщением.

Само собой. Дети помладше всегда шли в первых рядах. Старшие старательно изображали безразличие и обычно являлись к предсказателю на второй-третий день ярмарки. Но насколько Гринса понимал, они нервничали не меньше двенадцатилетних, когда входили в палатку.

— С другой стороны, — добавила Кресенна, — прибыл сын герцога со своим вассалом. Похоже, они оба достигли возраста Посвящения.

Тавис и Ксавер. Он ждал их. Гринса постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

— Пожалуй, я возьму этих двоих и еще несколько детей помладше, — беззаботно сказал он. — Когда я закончу с ними, можно будет и отдохнуть.

— Ты уверен? — спросила Кресенна. — Судя по твоему виду, тебе следует отдохнуть прямо сейчас.

Он улыбнулся. Боль в висках прошла при упоминании о сыне герцога.

— На самом деле я чувствую себя прекрасно. Дай мне передохнуть пару минут. А потом пригласи сюда лорда Тависа.

— Как скажешь.

Она повернулась и вышла из палатки, оставив Гринсу наедине с жарой и мягким светом Кирана.

ГЛАВА 5

Тавис чувствовал на себе пристальные взгляды и знал, что за ними скрывается. Они завидовали ему; у некоторых зависть могла даже перерасти в негодование. Он понимал их, действительно понимал. Что они могли поделать с собой? Вот они стояли здесь в длинной очереди, чтобы заглянуть в свое безрадостное будущее или узнать, каким низким ремеслом

им предстоит овладеть в последующие шесть лет жизни. Между тем Тавису собственное будущее виделось ясно и отчетливо, как красная луна, взошедшая на темно-синем небе Морны.

Он станет королем, а перед тем — герцогом. Он выгодно женится, и жена будет рожать детей, пока не подарит ему наследника, который взойдет на престол после него и продолжит правление дома Кергов. Он единственный из всех собравшихся у палатки предсказателя на рыночной площади города Керга мог не бояться Кирана. Его судьба была определена уже давно.

Даже Ксавер не мог сказать про себя такого. Несомненно, друг тоже будет доволен предсказанием. Он происходил из знатного рода, хотя не имел права на родовое поместье. Отец Ксавера был вторым сыном тана, что равносильно положению человека, занимающего на турнирах предпоследнее место в строю. Все знали, что старший брат Хагана — никчемный человечиска, уступающий Хагану и в уме, и в искусстве владения мечом. Но по праву старшинства он стал таном. Если бы отец Тависа не привез Хагана в Керг и не назначил на должность капитана и начальника стражи, Хаган остался бы никому не известным графом в предместьях Керга и обрек бы на эту участь и своего сына. Блестящее будущее Тависа должно было благоприятно отразиться на судьбе друга. Если Ксавер собирался и впредь оставаться рядом с Тависом, пророчество Посвящения не могло открыть ему ничего такого, что послужило бы поводом для расстройства. И все же Ксавер не мог быть так уверен в своем будущем, как он. Никто не мог.

Тавис повторял себе это снова и снова. «Во время Приобщения я увидел себя герцогом. Не королем».

Такая мелочь. Пустяк. И все же Тавис видел в этом угрозу всей своей будущей жизни. «Почему не королем? Что бы это могло значить?»

— Нам следует встать в очередь, как все, — спокойно сказал Ксавер. — Они ждут здесь с самого утра.

Тавис отмел предложение взмахом руки, словно отгоняя назойливую муху:

— Не болтай глупости. Сыну герцога и его вассалу не пристало стоять в очереди с детьми простолюдинов. Они и сами это прекрасно понимают.

— Я в этом не уверен. Разве ты не видишь, как они на нас смотрят?

Тавис обернулся и изумленно уставился на него, словно потрясенный непроходимой глупостью друга.

— Ты думаешь, это из-за того?..

Он еще не договорил, когда из палатки вышла женщина-кирси.

— Лорд Тавис? — сказала она. — Предсказатель ждет вас.

Тавис кивнул и снова посмотрел на Ксавера.

— Да будет камень милостив к тебе, — сказал друг.

Тавис принужденно улыбнулся и последовал за женщиной.

Сначала он увидел камень, который светился на столе посреди палатки, словно сама Панья возложила на него свои сияющие руки. Большой, размером с булыжник, и зазубренный, как обломок скалы. Только одна сторона, сейчас обращенная к нему, была огранена и отшлифована таким образом, что взору открывался доступ в глубину кристалла. Именно таким камень и запечатлелся в памяти Тависа в день Приобщения, когда он увидел себя герцогом Кергским. «Но не королем».

За столом сидел мужчина-кирси, устремив на него внимательный взгляд. У него были желтые глаза средней яркости — не такие светлые, как у стоявшей рядом с Тависом женщины, но и не такие ослепительно яркие, как у Фотира. Его длинные белые волосы свободно ниспадали на плечи, но если обычно с распущенными волосами кирси казались еще более слабыми и хрупкими, то этот мужчина, наоборот, имел вид внушительный, — словно присущая ему магическая сила подкреплялась физической силой, которой недоставало большинству кирси.

— Это лорд Тавис Кергский, — сказала женщина. — Он явился за пророчеством

Посвящения.

Мужчина оценивающе рассматривал Тависа, сохраняя бесстрастное выражение лица. Мгновение спустя он кивнул женщине:

— Спасибо, Кресенна.

Она улыбнулась, искоса взглянув на Тависа, и вышла. Мужчина встал и указал тонкой рукой на стул напротив:

— Не желаете ли присесть, милорд?

— Спасибо. — Тавис опустился на стул. У него задрожали руки, и он постарался спрятать их от кирси.

— Меня зовут Гринса джал Арриет, — сказал предсказатель, тоже сядя. — Скоро мы приступим к вашему Посвящению. Но сначала я должен задать вам несколько вопросов.

— В прошлый раз мне не задавали никаких вопросов.

Мужчина улыбнулся:

— Вы уже проходили Посвящение прежде?

— Да нет же, глупец! — раздраженно сказал Тавис. — В прошлый раз, когда мне предсказывали будущее. Я имею в виду Приобщение.

— Посвящение и Приобщение — две разные вещи. Боюсь, предыдущее таинство являлось лишь бледным подобием предстоящего вам сейчас.

— Я никогда не слышал, чтобы кирси вообще задавали вопросы перед прорицанием.

Несколько мгновений мужчина всматривался в него.

— У каждого из нас свой подход к предсказанию будущего, милорд. Если желаете, я найду вам другого предсказателя для вашего Посвящения. Вы можете подождать.

Тавис недовольно скривил губы:

— Нет. — Он крепко сжал руки. — Я не хочу ждать. Давайте приступим к делу.

— Конечно, милорд. — Но вместо того чтобы задавать вопросы, кирси просто пристально смотрел на него.

Наконец Тавис почувствовал, что он сейчас закричит, если мужчина не спросит о чем-нибудь.

— Ну? — раздраженно сказал он.

— Вы нервничаете, милорд. — Это прозвучало как утверждение, но Тавису показалось, что предсказатель встревожен.

— С какой стати? — осведомился молодой лорд, бросая быстрый взгляд на светящийся камень.

— Трудно сказать. Я хотел спросить вас о том же.

— Мне нечего бояться. Я сын герцога. И однажды стану королем.

— Тогда почему вы так нервничаете?

«Я не знаю, — хотел ответить Тавис. — Я не увидел себя королем четыре года назад. Может ли пророчество Приобщения оказаться неверным?» Но вместо этого он снова отвел глаза в сторону.

— Я не говорил, что я нервничаю.

— Сегодня в замке произошел неприятный случай, — сказал кирси. — Вы напали на человека. Почему?

Тавис изумленно уставился на него:

— Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

— Почему вы так поступили?

Тавис вскочил с места, едва не опрокинув стол с лежавшим на нем Кираном.

— Отвечай! Откуда ты знаешь об этом?

— Слухами свет полнится. — Лицо кирси хранило невозмутимое выражение, приводившее Тависа в бешенство. — У людей длинные языки.

— Кто?

— Пожалуйста, сядьте, милорд.

— Кто тебе сказал, говори!

— Нет.

— Я прикажу тебя арестовать! — Тавис резко развернулся и направился к выходу из палатки. — Я сейчас же позову стражников!

— Если вы сейчас выйдете отсюда, — ровным голосом сказал мужчина, — обратно вас уже не впустят. Вы никогда не заглянете в свое будущее.

Тавис остановился на полпути.

— Пожалуйста, милорд, сядьте, — повторил предсказатель.

Молодой лорд снова повернулся. У него громко билось сердце и опять дрожали руки — правда, теперь от ярости, а не от страха.

— Вам показалось, что тот человек угрожал вам?

Что-то в голосе кирси привлекло внимание Тависа. Он говорил тоном отнюдь не обвинительным. Напротив, он, казалось, хотел найти оправдание поступку Тависа.

— Повтори, как тебя зовут? — спокойно спросил сын герцога.

— Гринса, милорд.

Тавис неуверенно шагнул вперед.

— Вы думали, что он причинит вам вред? Поэтому вы ударили его?

— Нет, — признался Тавис, медленно возвращаясь на свое место и садясь на стул. — Я сам толком не понимаю, почему так поступил. Мы тренировались, я действовал инстинктивно. Я вообще ни о чем не думал. Просто нанес удар.

Гринса кивнул:

— Понимаю. Как по-вашему, вы поступили неправильно?

Тавис прищурился, спрашивая себя, не обманулся ли он минуту назад.

— Какое отношение это имеет к моему Посвящению?

Мужчина ответил не сразу.

— Предсказатель должен составить некоторое представление о людях, желающих узнать свою судьбу.

— Я Тавис, сын Явана, герцог Кергский. Что еще тебе нужно знать?

Гринса загадочно улыбнулся:

— Возможно, вы правы. У вас есть какие-нибудь вопросы к камню, милорд? Вы хотите узнать что-нибудь?

Тавис уже собирался высказаться относительно своего Приобщения и насчет Кирана, не сумевшего показать самую важную часть его будущего. Но вместо этого помотал головой и глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

— Слова, милорд, — почти ласково сказал Гринса. — Когда вы будете готовы.

Он открыл рот, чтобы обратиться с ритуальной просьбой к Кирсару и камню, но вырвавшиеся у него слова удивили даже его самого:

— А пророчества Приобщений всегда верны?

Он сразу пожалел, что задал этот вопрос.

— Приобщения и Посвящения позволяют нам заглянуть в будущее, — сказал Гринса, тщательно подбирая слова. — Но и только. Верны ли пророчества? Да. Показывают ли они все, что нам суждено в жизни? — Кирси улыбнулся и покачал головой. — Конечно нет.

Только сейчас Тавис осознал, насколько он боялся услышать другой ответ. Он через силу улыбнулся.

— Когда вы будете готовы, милорд, — повторил кирси.

— В этот год, год моего Посвящения, — начал Тавис, — я прошу тебя, Кирсар, возложить руки на камень. Пусть моя будущая жизнь явится моему взору. Пусть мне откроются тайны грядущего в свете Кирана. Покажи мне мою судьбу.

Мягкое свечение камня стало ярче, интенсивнее. Тавис подался вперед и уставился в кристалл; кровь стремительно побежала по его жилам, словно бурные воды Хенеи в пору разлива. В глубине камня медленно проступило изображение. И тогда Тавису показалось, что весь мир перевернулся с ног на голову, как если бы сама Элинеда разъяла его на части и снова сложила, превратив в некую нелепую пародию.

Он надеялся увидеть картины славного будущего: себя, восседающего на престоле в Одунском замке, ведущего эйбитарскую армию к победе над войсками Анейры или даже Брэдона. Он ожидал увидеть себя женатым на женщине необыкновенной красоты и силы. Он должен был стать королем и постоянно мечтал увидеть себя таковым.

Да, Тавис боялся увидеть еще что-нибудь: свою гибель от рук наемных убийц либо грабителей или, что еще хуже, мучительную смерть от чумы.

Но какие бы радужные надежды он ни питал и какими бы темными страхами ни терзался, видение, представшее его взору в мерцающих недрах Кирана, оказалось совершенно неожиданным.

Он находился в неведомой темнице, прикованный к стене ручными и ножными кандалами. В грязной изорванной одежде, со спутанными волосами; его лицо покрыто синяками, на потрескавшихся губах запеклась кровь. Но, даже несмотря на это обезображенное почти до неузнаваемости лицо, Тавис сумел понять, что видит себя совсем молодым человеком, немногим старше, чем сейчас. Это была картина недалекого будущего. Какие бы события ни ввергли его в такое положение, они должны произойти скоро. Он судорожно сглотнул, испугавшись, что его сейчас вырвет. Он почти наяву чувствовал зловоние тюрьмы.

Но Тавис не мог оторвать глаз от камня. Картина будущих страданий удерживала взгляд так же прочно, как почерневшие железные цепи приковывали узника к стене темницы. Взят ли он в плен в бою во время какой-то предстоящей войны? Или враги дома Кергов похитили его, пытаясь завладеть престолом?

Но пока он задавал себе эти вопросы, Тавис в камне, несчастный пленник, повернул голову и посмотрел прямо в глаза Тавису, находившемуся в палатке предсказателей. И второй Тавис — мальчик, заглядывавший в свое будущее, которое оказалось страшнее самых худших его опасений, — невольно вскрикнул, увидев выражение этих темноглазых глаз. Причины, по которым он оказался в темнице, не имели никакого отношения к его героическому поведению на поле боя или проискам врагов дома Кергов. Явленный в магическом кристалле человек явно ощущал себя виновным.

Через несколько мгновений Киран, словно смилостивившись, потускнел, и изображение в нем постепенно исчезло, как исчезает осажденный замок за пеленой дыма. Тавис закрыл глаза и сгорбился, не в силах даже вытереть слезы со щек.

— Как такое возможно? — прошептал он.

— Киран редко дает объяснения, — мягко сказал Гринса. — Как я уже говорил, он просто позволяет заглянуть в будущее.

— Но это... — Тавис неопределенно махнул рукой в сторону камня и тяжело сглотнул, подавляя очередной приступ дурноты. — Это явно ошибка. — Он поднял глаза и устремил пронзительный взгляд на кресло. — Или обман.

— Уверяю вас, милорд, — сказал Гриса, — это не обман. И, к великому своему сожалению, я должен сказать, что Киран редко ошибается.

Тавис хотел наброситься на мужчину с проклятиями, обвинить во лжи и позаботиться о том, чтобы беловолосая голова предсказателя оказалась насаженной на пику еще до заката. Но у него хватило ума сдержаться. Образ человека в камне выглядел слишком реальным; выражение, которое он увидел в собственных глазах, не обманывало. Отрицать ужасную правду не имело смысла.

— Что мне теперь делать? — Голос молодого лорда снова упал до шепота.

— Жить своей жизнью, милорд.

— Но как? Вы же видели, что меня ждет. Как я могу продолжать спокойно жить своей жизнью, когда знаю, чем все закончится?

Гринса спокойно смотрел на него.

— Это испытание Посвящения. Вы можете не верить мне сейчас, но это не самое тяжелое испытание в жизни. Посвящение требует, чтобы человек продолжал жить со знанием, которое ему открылось.

— Ты прав. — Тавис не старался скрыть своей злобы. — Я тебе не верю.

— В свое время поверите, милорд.

Тавис встал.

— Не думаю. Теперь уж точно не поверю. Если Посвящение требует, чтобы я смирился с перспективой гнить в тюрьме до конца своих дней, тогда я предпочел бы, чтобы Байан забрал меня прямо сейчас.

Лицо Гринсы утратило невозмутимое выражение, приводившее Тависа в бешенство, и на нем отразились негодование и страх.

— Милорд... — сказал кирси, поднимаясь с места.

Но Тавис яростно потряс головой:

— Оставь меня в покое! — Он повернулся и стремительно вышел из палатки, едва не столкнувшись с Ксавером у входа.

— Тавис! — воскликнул друг. — Ну как?... — Он умолк, увидев лицо Тависа. — Что случилось?

Несколько мгновений Тавис пристально смотрел на него, а потом пошел прочь быстрым шагом. Он слышал, как Ксавер зовет его, но не остановился. В храме звонили предзакатные колокола. До наступления темноты оставалось лишь несколько часов. Он подумал, не оседлать ли коня. Но для этого требовалось вернуться в замок, где стражникам, несомненно, уже было отдано распоряжение вновь отправить его в герцогские покои.

«С нетерпением жду рассказа о твоём Посвящении», — сказал Яван; и, хотя их отношения не отличались теплотой, отец возлагал на него надежды. Тавис знал, что герцог говорил правду. Он с нетерпением ждал рассказа сына.

Слезы вновь потекли у Тависа по щекам.

— Как я скажу ему? — прошептал он. — Как я скажу матери?

— Принимая все во внимание, это весьма приятное послание, — сказал Яван, улыбаясь едва заметной улыбкой, хорошо знакомой Шоне. — Мне трудно поверить, что Андреас написал его сам.

Шона рассмеялась; Хаган и остальные гости тоже.

— Итак, они согласны на брак? — спросила она, когда смех стих.

Герцог кивнул:

— Похоже. На известных условиях, конечно. Они хотят подождать еще несколько лет — «пока будущее наших домов не определится окончательно», как выражается Андреас.

— Что это значит? — спросил Хаган.

— Это значит, — сказала Шона, не дав Явану раскрыть рот, — что они хотят окончательно убедиться, что Тавис станет королем, прежде чем связывать себя обязательствами. — Все снова рассмеялись. Шона взглянула на мужа. — И уверяю вас, милорд, это была идея Иоанны, а не герцога. Она чрезвычайно практичная женщина.

Яван улыбнулся и обвел взглядом гостей, сидевших за столом.

— Эта женщина знает, что говорит.

Она чуть наклонила голову:

— Милорд слишком добр.

Шона отпила глоток вина из кубка. Несмотря на шутивную пикировку с мужем, она пребывала в приподнятом настроении. Леди Бриенна Кентигернская была прекрасной партией для ее сына, которой останутся довольны и Тавис, и герцог. Девушка принадлежала к одному из главных домов Эйбитара и единственная подходила Тавису по возрасту. Сейчас, когда Яван собирался вступить на престол в течение года, упрочение связей между Кергами и Кентигернами представлялось делом в высшей степени своевременным.

Два года назад такой союз казался невозможным. Ходили слухи, что Андреас хотел выдать свою дочь за Филиба Торалдского; а Явану, похоже, оставалось найти сыну жену в одном из второстепенных домов. Уже тогда он получил предложения от герцогов Ирдли, Лабруина и Реннаха. Но с безвременной смертью Филиба и ввиду предстоявшего восшествия

Кергов на престол Тавис неожиданно стал одним из самым завидных женихов Эйбитара.

Почти сразу герцог Кентигернский прислал в Кергский замок письмо, в котором сообщал, что заинтересован в браке своей дочери с Тависом. Разумеется, Яван был доволен.

Шона понимала мужа. Как женщина, гордившаяся своим умением разбираться в политике лучше других эйбитарских герцогинь, она признавала, что Явану необходимо укреплять отношения с Андреасом и менее знатными семьями Кентигерна. Но она была также матерью и сейчас радовалась не только за мужа, но и за Тависа. Она уже много лет не видела Бриенну, но, по общему мнению, молодая леди Кентигернская была необычайно привлекательной и разумной девушкой, которая унаследовала красоту матери и ум отца. «К счастью для девушки, — подумала Шона, внутренне усмехаясь. — Дочери лучше не походить внешнею на отца, если отец имеет наружность Андреаса».

Бриенна станет хорошей женой и, самое главное, прекрасной королевой в свой срок. Возможно также, что перспектива женитьбы, пусть и отдаленная, заставит Тависа взяться за ум и серьезнее относиться к своим обязанностям и занятиям.

— Мне бы хотелось поделиться новостями с сыном, — сказал Яван, словно прочитав ее мысли. — Кто-нибудь его видел?

Тавис должен был появиться в герцогском зале к началу обеда, когда за стенами замка прозвонили предзакатные колокола. С тех пор прошло довольно много времени, и Шона, обычно не склонная беспокоиться по пустякам, почувствовала тревогу.

— Я видел Тависа сразу после Посвящения, — сказал Ксавер Маркуллет, сидевший в дальнем конце стола.

То обстоятельство, что он находился здесь, а Тавис — нет, лишь усилило беспокойство Шоны.

— Он казался расстроенным, когда вышел из палатки предсказателя, — продолжал молодой Маркуллет.

Герцог пристально посмотрел на него:

— В чем это выразалось?

— Он не остановился поговорить со мной, даже на минуту. Я окликнул его, но он просто ушел.

Шона и Яван переглянулись. Неблагоприятное пророчество? Не может быть. Однако герцогине показалось, будто холодные пальцы сжали сердце — словно сам Байан протянул к ней руку из Подземного Царства.

— Люди реагируют на Посвящение по-разному, — сказал Джегор джал Сенна, сидевший между Ксавером и графом Бринтешским. — И испытывают разочарование по самым разным поводам. Может статься, Тавис положил глаз на какую-нибудь девушку, а из пророчества Посвящения узнал, что женится на Бриенне. А возможно, он представлял себя более высоким или сильным, чем человек, которого показал камень. Скорее всего приступ уныния не затянется надолго.

Шона благосклонно улыбнулась мужчине-кирси. Джегора с женой посадили за стол как можно дальше от Явана, как сажали каждый год и как посадят через несколько дней, когда Шона с Яваном будут устраивать пир по случаю ярмарки. При всех своих достоинствах Яван имел и недостатки, главным из которых была предубежденность. Предубежденность против всех жителей других королевств Прибрежных Земель, против всех представителей других домов и в первую очередь против кирси. Он терпел беловолосых и даже проникся приятностью и уважением к Фотиру за многие годы знакомства. Но он по-прежнему решительно не признавал браков между кирси и инди. Шона же нежно любила Джегора и Орию и несколькими годами раньше наконец уговорила Явана пригласить их на пир и прочие празднества, устраивавшиеся в замке во время ярмарки. Но это было все, что она сумела сделать.

— Причина его разочарования не имеет значения, — резко сказал Яван. — Он должен был явиться в замок уже давно.

Но Шона наблюдала за Ксавером. Она знала своего сына лучше, чем кто-либо, а на

Ксавера, похоже, заверения Джегора не произвели впечатления. А что, если пророчество действительно оказалось неблагоприятным? Что, если Тавис увидел смерть Явана или свою собственную? Она содрогнулась. Сначала происшествие в Галдастене, потом смерть Филиба, а теперь, возможно, и это. Казалось, Байан разгневался на них и обрек Эйбитар на несчастья.

Не то чтобы Шона действительно верила в подобные вещи. Она уже давно отдавала предпочтение монастырям перед храмами. Она поклонялась Ину, которому поклонялись также муж и сын, хотя Яван по-прежнему заходил в храм, расположенный на другом конце города. Он утверждал, что обязан делать это, что герцог должен знать жизнь и веру всех своих подданных, живут ли они при дворе или в деревне. Шона подозревала, что дело не только в этом. Но когда она потеряла второго ребенка всего за месяц до родов, Яван отпустил ее в монастырь. И там, в тишине своей кельи, наедине с собственным горем, она проклинала имя Байана. Вера вообще дело непростое, а древние верования продолжали жить — даже в сознании и сердце Шоны.

— Вам нехорошо, миледи?

Шона вздрогнула и посмотрела на Фотира, задавшего этот вопрос.

— Прошу прощения, миледи, но вы бледны. — Он улыбнулся. — Если мне позволительно судить о таких вещах.

Она улыбнулась в ответ, хотя у нее холодело в животе и мучительно ныло под ложечкой.

— Я... волнуюсь, — призналась она. — Из-за Тависа.

Он кивнул:

— Герцог тоже.

Кроме нее, лишь немногие так хорошо понимали истинные причины дурного настроения Явана. Мужу очень повезло с советником.

— По-вашему, у нас есть основания?

Казалось, кирси задумался.

— Возможно, — наконец сказал он. — Я бы так не подумал, если бы не слова молодого господина Маркуллета.

Шона уже собиралась ответить, когда ближняя дверь распахнулась и в зал неверной поступью вошел Тавис. При виде сына герцогиня испытала облегчение, но оно оказалось недолгим. У него были растрепанные волосы, налитые кровью глаза и опухшее, словно спросонья, лицо. Он был в простой рубашке и бриджах — не в таком одеянии сыну герцога следовало появляться перед гостями замка, приглашенными на обед. В руке он держал открытую бутылку вина.

Прислонившись к двери, Тавис поднес бутылку к губам и сделал длинный глоток. Потом, пошатнувшись, шагнул вперед и отвесил поклон отцу, едва не упав при этом.

— Прошу прощения, сэр. — У него сильно заплетался язык. — Похоже, я малость запоздал.

— Просто сядь на свое место, Тавис, — жестко сказал герцог.

— Конечно, отец.

Тавис прошел к столу, улыбаясь гостям. К счастью, обед носил сравнительно неофициальный характер. Все присутствовавшие на нем симпатизировали дому Кергов и могли отнестись к происходившему с пониманием. Будь это пир по случаю ярмарки... Шона на миг закрыла глаза, не желая даже думать об этом.

— Привет, мама, — бросил Тавис, проходя мимо нее. От него разило вином. Она ничего не ответила.

Тавис сел справа от герцога и принялся накладывать себе еду. Никто не произнес ни слова, но большинство гостей тактично смотрели не на него, а в свои тарелки.

Несколько раз набив рот, прожевав и проглотив пищу, Тавис наконец поднял глаза и обвел взглядом зал.

— Почему все молчат?

— Ты ешь, Тавис, ешь, — сказал герцог. — Не разговаривай.

Он потряс головой:

— Нет. Почему вы все молчите? Из-за меня? Из-за моего опоздания? — Он расплылся в улыбке и поднял бутылку. — Неужели из-за этого?

Яван выхватил у него бутылку:

— Довольно! Ешь и помалкивай!

— В чем дело, отец? Или я тебя позорю? Или я пятнаю славное имя Кергов?

Герцог уже открыл рот, чтобы ответить, но потом, видимо, передумал. Он улыбнулся, хотя Шона видела, что улыбка далась ему с трудом.

— Мы с твоей матерью как раз рассказывали гостям о письме, которое я получил сегодня от герцога Кентигернского. Мы с ним договорились о брачном союзе между тобой и его дочерью, леди Бриенной.

— Бриенна, — повторил Тавис с набитым ртом. — Я видел ее несколько лет назад, да?

Лицо Явана просветлело.

— Да, верно. Тогда тебе было десять, кажется.

— Такая жирная девчонка с голосом, скрипучим, точно ржавые ворота.

Герцог на миг прикрыл глаза, но быстро овладел собой и улыбнулся все той же натянутой улыбкой.

— Мы отправимся в Кентигерн сразу после Черной Ночи, чтобы отпраздновать помолвку. Полагаю, герцог устроит пышное празднество. Турниры, пиры, музыканты. Это будет вторая ярмарка.

— Похоже на бессмысленную трату времени, если вас интересует мое мнение, — промычал Тавис, снова набивая рот мясом.

— Что с тобой? — услышала Шона свой голос. — Это все из-за Посвящения?

Тавис закрыл глаза и невесело рассмеялся.

— Ах, мое Посвящение! Давай, мама. Спроси меня о моем Посвящении. Попроси подробно рассказать, что я увидел в камне.

Джегор осторожно кашлянул:

— Я минуту назад говорил вашим родителям, милорд, что Посвящение часто разочаровывает поначалу, но со временем...

Кирси осекся, когда Тавис снова засмеялся — сначала тихо, но потом все громче и громче, пока взрывы истерического хохота не запрыгали эхом под потолком зала.

— Прошу прощения, — наконец сказал молодой лорд, тряся головой и тяжело переводя дыхание. — Я не хотел вас обидеть. Честное слово. Просто вы сами не понимаете, что говорите.

— Тавис! — вмешался Яван. — Довольно!

— Пожалуйста, — продолжал мальчик, словно не слыша герцога, — давайте поговорим о моем Посвящении.

Фотир встал и подошел к Тавису.

— Может, нам лучше уйти, милорд? — Он осторожно положил руку ему на плечо.

Тавис отшатнулся:

— Не прикасайся ко мне, ублюдок! На сегодня с меня хватит общения с твоими паршивыми соплеменниками! — Он обвел взглядом присутствующих. — Вы хотите узнать о моем Посвящении?

Никто не ответил.

— Да или нет?

— Только если ты сам хочешь рассказать нам, Тавис. — Голос Ксавера прозвучал мягко, словно шелест утреннего ветерка в листе.

Тавис смотрел на друга, как показалось Шоне, целую вечность. Наконец он опустил глаза, помотал головой и прошептал:

— Не хочу.

Потом он резко встал и, яростно уставившись на Фотира, сжал кулаки. Первый советник отступил на шаг и выставил вперед ладони. Не спуская взгляда с кирси, Тавис взял

бутыль, но, вместо того чтобы отпить очередной глоток вина, просто отшвырнул ее в сторону. Бутыль разбилась вдребезги, и вино растеклось по полу темно-красной лужей. Не сказав больше ни слова, молодой лорд стремительно вышел из зала.

Слуги бросились подтирать пол и подбирать острые глиняные черепки; какое-то время тишину в огромном зале нарушали только звуки их возни.

— Прошу прощения, друзья, — наконец произнес Яван безучастным голосом. — Мой сын... не в себе сегодня.

Гости пробормотали в ответ какие-то вежливые слова, понимая поклонами головами, и, когда слуги подали на стол новые блюда, разговор постепенно возобновился. Все вновь принялись за еду.

Все, кроме Шоны, которая сидела, уставившись на свои руки и стараясь сдерживать слезы. Вскоре она почувствовала на себе чей-то взгляд и, подняв глаза, увидела, что молодой Маркуллет пристально смотрит на нее с выжидательным выражением на юном лице.

Если Тавис и станет кого-нибудь слушать, то только Ксавера. Она вздохнула и коротко кивнула.

Мгновение спустя мальчик вышел из-за стола и стремительно направился к двери, за которой скрылся Тавис.

Ксавер знал, где искать друга. У Тависа было несколько излюбленных мест, куда он уходил во время приступов хандры, когда хотел оказаться подальше от замка и от своих родителей. Одним из них была запруженная народом рыночная площадь, где ярмарочные певцы, танцоры, акробаты и фокусники развлекали сегодня жителей Керга. Но там находилась палатка предсказателя, а нынче вечером, насколько понимал Ксавер, сын герцога постарается держаться от нее подальше. Вторым таким местом являлся дворик у крепостного рва, куда они заходили этим утром после пробежки по башням. Ксавер не думал, что друг вернется туда так скоро.

Следовательно, оставалось третье место: высокая крепостная стена в северной части замка, между монастырской и океанской башнями. Со стены открывался вид на скалистый берег пролива Вантре. В обеих башнях несли дозор часовые — обычно днем и ночью двое стражников ходили взад-вперед по стене, но, когда туда поднимались Тавис и Ксавер, они всегда оставляли мальчиков одних. Еще никто ни разу не нападал на Кергский замок со стороны пролива, взобравшись по прибрежным скалам. Высокие и отвесные, они служили цитадели надежной защитой.

Поднявшись на океанскую башню, Ксавер столкнулся с двумя стражниками, которые казались высокими и могучими в свете факелов. Он знал обоих в лицо, но не по именам; им же, разумеется, было известно, кто он.

— Вы ищете сына герцога, господин? — спросил один из них.

— Да. Он здесь?

— На стене, как обычно.

— У него прескверное настроение, господин, — добавил второй мужчина. — Таким я его еще не видел. Он едва не набросился на нас с кинжалом, хотя мы всего-навсего пожелали ему доброго вечера.

Ксавер глубоко вздохнул. «Что же Тавис увидел в Киране?»

— Спасибо за предупреждение.

Он вышел на стену и поискал взглядом друга. Сначала он не увидел ничего, кроме залитого розовым светом лун коричнево-золотого знамени Керга, которое развевалось над монастырской башней, хлопая на соленом ветру. Ксавер решил было, что Тавис просто прошел к следующей башне и там спустился вниз, не замеченный стражниками. Потом, на миг похолодев от ужаса, он вдруг вообразил, что молодой лорд бросился со стены на скалы внизу. Но когда его глаза привыкли к темноте, он наконец разглядел Тависа, который сидел на каменной дорожке, прислонившись спиной к парапету и обхватив руками колени.

— Тавис?

Молодой лорд кинул на него короткий взгляд и снова уставился перед собой.

— Оставь меня. Я не расположен разговаривать.

Ксавер медленно двинулся вперед.

— Нам не обязательно разговаривать. Я просто посижу с тобой немного.

— Я же сказал, Ксавер, оставь меня. Я хочу побыть один.

— Ты всегда так говоришь. — Ксавер продолжал приближаться. — Я уже давно тебе не верю.

— Стой! — Тавис вскочил на ноги. Лунный свет блеснул на клинке кинжала, который он держал перед собой в дрожащей руке.

Ксавер кивнул и остановился всего в нескольких шагах от молодого лорда.

— Хорошо. — Он прислонился к парапету и посмотрел на воду.

— Лучше уйди.

— Я сейчас уйду. — Ксавер указал на тусклый желтый огонек, качавшийся на волнах в отдалении, рядом с темным берегом острова Вантре. — Там корабль. Помнишь, раньше мы часто сидели на стене и считали, сколько кораблей пройдет за ночь?

Тавис не ответил. Он просто стоял неподвижно в мягком рассеянном свете лун-любowników.

— Что случилось, Тавис? Что ты увидел в камне?

Друг отвернулся и бессильно привалился к стене.

— Это не имеет значения.

Ксавер едва не расхохотался:

— Не имеет значения? Ты напился, ты оскорбил родителей, ты угрожал кинжалом двум стражникам — и ты хочешь, чтобы я поверил, что это не имеет значения?

— Мне наплевать, веришь ты или нет. — В голосе молодого лорда послышались ожесточенные нотки. — Я же сказал, что хочу побыть один. Не заставляй меня повторять это еще раз.

— Скажи мне, что ты увидел?

— Нет.

— Что-то должно случиться с твоим отцом или с тобой? Дело в этом? Ты увидел свою смерть?

Тавис жутко рассмеялся:

— Смерть показалась бы счастьем в сравнении с этим.

— Ты поэтому пришел сюда? Чтобы умереть?

Тавис посмотрел на него; его глаза мерцали в розовом свете лун и отдаленных факелов.

— Я думал об этом, — признался он. — Я надеялся, что у меня хватит мужества броситься в пролив, если я напьюсь. Но даже во хмелю я остаюсь трусом.

— Ты не трус, Тавис.

— Да неужели? — Он потряс головой. — Я боюсь смерти — даже больше, чем позора, больше, чем падения дома Кергов.

Ксавер пожал плечами:

— Кто из нас не боится? Мы еще молоды, Тавис. Слишком молоды, чтобы умирать. Значит, ты боишься Подземного Царства. Ну и что тут особенного?

— Действительно, что? — Тавис посмотрел на свой кинжал.

— Пойдем, я провожу тебя в твои комнаты, — просительным тоном сказал Ксавер, медленно подходя к другу. — Ты ляжешь спать.

Тавис попятился:

— Не подходи, Ксавер. Я не пойду к себе. Я вообще никуда не пойду.

— Утро вечера мудренее. — Он протянул руку. — Просто возьми мою руку и...

Все случилось так быстро, что поначалу Ксавер ничего не почувствовал. Он увидел, как кинжал молодого лорда тускло блеснул в темноте, описав стремительную дугу; увидел, как на каменной дорожке появилось темное пятно, потом другое. Мгновение спустя он понял,

что это кровь, его кровь. Он отдернул руку, еще не веря в происходящее, и увидел распоротый рукав и глубокий длинный порез на предплечье.

— Ты ранил меня. — Он тупо уставился на рану.

Тавис уронил кинжал.

— Разрази меня гром! — прошептал он.

Ксавер поднял глаза.

— Извини, Ксавер. Я правда не хотел.

Ксавер ничего не ответил. Он повернулся и пошел прочь, к океанской башне и стражникам. Он спиной чувствовал взгляд Тависа, но молодой лорд не окликнул его и не пошел за ним.

Один из стражников увидел, что он возвращается, и приветственно вскинул руку.

— Полагаю, с ним нет смысла разговаривать, когда... — Он осекся и вытаращил глаза. — Боги милосердные! Неужели это его работа?

— Ничего страшного, — сказал Ксавер, хотя уже начал чувствовать пульсирующую боль в предплечье. — Но, вероятно, мне все равно следует обратиться к хирургу.

— А лорд Тавис? — спросил стражник.

Ксавер бросил взгляд назад. Он с трудом различил в темноте фигуру Тависа, который неподвижно стоял на прежнем месте.

— Оставьте его в покое, — сказал он, не в силах скрыть свою горечь. — И мне стоило сделать то же самое.

ГЛАВА 6

Предзакатные колокола, с которыми закрывались городские ворота, уже давно прозвонили, когда предсказатели закончили свою работу. В первый вечер ярмарки так было всегда, куда бы они ни приезжали. Чаще всего дети страшно уставали не только потому, что долго ждали своей очереди, но и потому, что обычно ложились спать много раньше. Но, простояв у палатки целый день, они уже не хотели уходить и назавтра снова вставать в очередь. А всех способных проявить подобное малодушие обычно сопровождали родители, которые не собирались отступать.

Предсказав будущее Тавису и Ксаверу, Гринса некоторое время отдыхал, предоставив поработать Кресенне, а потом Трину — самому старшему предсказателю и заведующему палаткой, — после чего принял нескольких оставшихся человек. К концу вечера предсказатели-кирси были так же измучены, как и последние дети, входившие в палатку за пророчеством Приобщения.

Даже в этот поздний час, когда они вышли из палатки, над городом разносились звуки музыки и веселый смех. Танцоры кружились на улицах под бой разноголосых барабанов, и Гринса слышал, как где-то в отдалении поют непристойные куплеты, рассчитанные на вкус неприятельской публики.

— Я не прочь поесть и выпить пива перед сном, — сказал Трин, бросая взгляд на луну-кирси. — Кто-нибудь хочет ко мне присоединиться?

В любом другом случае Гринса отказался бы. Он мечтал о теплой постели. Но ему нравилась Кресенна, и он взглянул на девушку, ожидая ее ответа.

Она уже смотрела на него, улыбаясь зазывной улыбкой.

— Я бы с удовольствием, — сказала она.

Трин кивнул:

— Отлично. Я знаю тут один трактирчик неподалеку. Кажется, он называется «Серебряная чайка». Там обслуживают кирси, и там подают лучшее тушеное мясо во всем Керге.

Гринса невольно рассмеялся. О трактирах всех эйбитарских городов Трин знал больше любого другого на ярмарке. Впрочем, Гринсу это не удивляло. Алтрин джал Кассой был не только тонким ценителем изысканных блюд, но и единственным толстым кирси, которого он

встречал в жизни. В большинстве своем его соплеменники отличались худобой, порой доходившей до степени болезненной. Но Трин, со своими пухлыми щеками и мясистым подбородком, внешне напоминал молочного поросенка. Однако в других отношениях он был таким же слабым, как любой кирси, а возможно, и еще слабее. При самом незначительном физическом усилии он багровел, обливался потом и задыхался. Гринса часто задавал себе вопрос, как Трину удастся переносить тяготы кочевой жизни, не говоря уже о жаре и духоте палатки предсказателей.

Они вышли с рыночной площади и двинулись по широкой улице в западном направлении, к храму Элинеды. Трактир, о котором говорил Трин, находился перед самыми воротами храма. Со своей обшарпанной дубовой дверью, серым каменным фасадом и грязными, тускло светившимися окнами, он ничем не отличался от прочих заведений такого рода, расположенных ближе к замку и центру города. Ничем, кроме вывески. На ней была изображена призрачного вида чайка с золотыми глазами и распростертыми крыльями. В каждом городе Эйбитара — собственно говоря, почти в каждом городе Прибрежных Земель — имелся по крайней мере один такой трактир. «Белая сова» в Тримейне, «Серебряная лошадь» в Торалде, «Белый дракон» в Джистингаме, «Серый сокол» в Трескарри, в южной Санбире. Правители-инди ничего не имели против подобных заведений: деньги есть деньги, и не важно, из чьего кармана они поступают. Но всеми упомянутыми трактирами владели кирси, и обслуживали они тоже в основном своих соплеменников.

Внутри трактир также не отличался от всех прочих трактиров Эйбитара, за исключением одного обстоятельства: почти у всех людей, находившихся там, были белые волосы и желтые глаза. В теплом воздухе витал запах сладкого пива и пряностей, от которого у Гринсы потекли слюнки.

— Трин, жирный плут! — воскликнул высокий мужчина, выходя из-за стойки с распростертыми руками.

— Привет, кузен. — Трин обнялся с мужчиной. — Ты прекрасно выглядишь.

Мужчина отступил на шаг.

— Хотелось бы сказать о тебе то же самое.

Трин приподнял бровь:

— Как мило с твоей стороны, кузен.

Разумеется, они не были кузенами — по крайней мере, насколько Гринса знал. Кирси часто обращались друг к другу таким образом. Эта невеселая шутка получила распространение после нашествия кирси и сохранилась по сию пору. Тогда, после провалившейся попытки завоевания Прибрежных Земель, в живых осталось так мало воинов-кирси, что все дети-кирси, родившиеся в последующие годы, считались связанными родством. Одни говорили, что после войны уцелело лишь две тысячи мужчин и женщин из Южных Земель, другие клятвенно утверждали, что не более полутора тысяч. В течение минувших девяти веков население кирси увеличивалось медленно: женщины-кирси рожали мало детей. Даже сейчас, спустя столько времени — хотя через Пограничную гряду в Прибрежные Земли непрерывным потоком продолжали идти кирси, — на каждого представителя племени беловолосых здесь приходилось по меньшей мере пятнадцать-двадцать инди.

— Кто твои друзья? — спросил мужчина, мельком взглянув на Гринсу, а потом широко улыбнувшись Кресенне.

— Бедное дитя, которое ты пожираешь плотоядным взглядом, — это Кресенна джа Терба. Она присоединилась к ярмарке только в этом году. — Трин указал толстой рукой на Гринсу. — А это Гринса джал Арриет, один из наших предсказателей. — Трин посмотрел на Гринсу, потом на Кресенну. — Позвольте вам представить Зивена джал Агашу. Он хозяин «Серебряной чайки».

— Джал Агаша? — повторил Гринса. — Вы сын Агаши джа Пертон, что жила в Ривервее, в Везирне?

Зивен удивленно вытаращил глаза:

— Да. Вы знали ее?

— Моя мать как-то встречалась с ней, много лет назад. Говорят, она была лучшей поварихой в северных королевствах.

— Точно. — Зивен ухмыльнулся.

— Известие о смерти вашей матери огорчило меня. Надеюсь, Байан был добр к ней.

— Благодарю вас! — Зивен повернулся к Трину. — У меня была мысль заставить тебя подождать, Трин. Я хотел посмотреть, не похудеешь ты хоть немного, истекая тут потом. Но раз твой друг понимает толк в приличной пище, я усажу вас за стол сейчас же.

— Великолечно, кузен. В глубине помещения, если можно. Я не хочу, чтобы чьи-нибудь возмущенные родители помешали нам ужинать. Ты знаешь поговорку: «Будущее открывает Киран, но виноваты всегда кирси».

— Конечно. — Зивен улыбнулся. Он поманил пальцем одну из подавальщиц. — Исанна вас проводит.

К ним торопливо подошла невысокая тоненькая девушка со светлыми глазами и белой кожей. Но в отличие от остальных кирси, волосы у нее были цвета воронова крыла. Она приняла Приобщение год-два назад, не больше.

— Ты нанимаешь полукровок, Зивен? Вот уж не думал дожить до таких дней.

Гринса мысленно поморщился. Многие его соплеменники относились к детям от смешанных браков с предубеждением, и он часто слышал подобные высказывания от Трина, но они все равно резали слух. Сам Гринса был чистокровным кирси, но в прошлом он был женат на женщине-инди. Если бы она не умерла от чумы вскоре после свадьбы, у них наверняка были бы дети — и все полукровки.

— Придержи язык, Трин! — В голосе Зивена послышались металлические нотки. — Это дочь моего брата, она приехала ко мне из Везирна.

Трин покраснел:

— Прошу прощения. — Он взглянул на девушку. — У вас обоих.

— Проводи их в заднюю комнату, Исанна, — сказал Зивен. — И не обращай внимания на болтовню толстяка.

Девушка опустила глаза, сдерживая улыбку:

— Хорошо, дядя.

Лавируя между столами, она повела их через полный людей зал, почти непрерывно кивая в ответ на летевшие со всех сторон просьбы подать еще еды или выпивки. Она привела их в пустую комнату, где стояло только три свободных стола и несколько стульев. На всех столах горели свечи, и на стенах висело несколько канделябров. Лунный свет струился в единственное окно, находившееся напротив двери.

— Это именно то, что надо. — Трин улыбнулся девушке. — Спасибо.

Она кивнула, не глядя на него:

— Сейчас я принесу вам еду.

Трин проводил взглядом Исанну, вернувшуюся к стойке.

— Я дурак и неотесанный болван. Мне не следовало трепать языком при девушке.

— Она полукровка, — сказала Кресенна, опередив Гринсу. — Уверена, ей и не такое приходилось слышать.

Толстяк наклонил голову, словно признавая справедливость замечания.

— И все же одно дело — оскорблять хозяина трактира. И совсем другое — оскорблять подавальщицу. — Он улыбнулся. — Нам повезет, если мы останемся в живых после ужина.

Кресенна рассмеялась, и мгновение спустя Гринса тоже, хотя и через силу. Они выбрали один из столов и едва успели усесться, как вернулась Исанна с тремя кружками сладкого пива.

— За трудный день, — сказал Трин, когда девушка ушла. Он поднял свою кружку и кивнул сначала Кресенне, потом Гринсе. — Первый из многих, которые нам предстоит провести в Керге.

Они выпили. Пиво было вкусное, хотя Гринса предпочитал горькое светлое пиво,

которое варили в Везирне и на востоке Эйбитара.

— Неужели так будет каждый день? — спросила Кресенна. — Что, очереди всегда такие длинные?

— Да нет, не всегда, — ответил Трин. — Самое трудное — первые два дня, когда все малыши приходят за Приобщением. В середине будет затишье, а под конец наплыв старших детей, которые ввиду нашего скорого отъезда поспешат получить пророчество Посвящения, чтобы рассеять свои страхи. — Он отхлебнул еще пива. — Ты согласен, Гринса?

— Похоже на правду. Хотя даже в период затишья каждому из нас придется принимать по десять или более человек ежедневно. Именно тогда в город стекаются дети из окрестных поместий.

— И так будет везде?

Гринса улыбнулся:

— Тяжелее всего приходится в крупных городах. А сейчас мы находимся на самом трудном отрезке пути. Ты присоединилась к нам только к концу нашего пребывания в Кентигерне, но отсюда мы направимся в Галдастен, а потом в Торалд. Однако после Торалда в течение трех месяцев мы будем разъезжать по небольшим селениям, прежде чем сделать остановку в Глендивре, самом спокойном из крупных городов. Сейчас действительно самое трудное время.

— Что ж, это утешает, — сказала Кресенна, протягивая руку к кружке.

— По правде говоря, я предпочитаю крупные города, — сказал Трин. — Гринса по обыкновению выполняет основную часть работы, а еда и солдаты здесь мне нравятся гораздо больше.

Несколько мгновений Кресенна смотрела на него с недоуменным видом, потом, похоже, поняла и густо покраснела, потупив глаза.

— Ах, ты не знала, что я питаю слабость к мужчинам? Прошу прощения, дорогая. Я думал, это всем известно.

Гринса отхлебнул пива, не желая смотреть ни на одного, ни на другого. Кресенна явно чувствовала себя неловко, а извинения Трина звучали неискренне. Он любил вгонять людей в краску. Это тоже все знали.

— Все в порядке. — Она натянуто улыбнулась. — В сущности, это не мое дело.

— Вообще-то ты должна испытать огромное облегчение. Представь, насколько хуже было бы, если бы я увлекся тобой, как мой друг Гринса. — Он бросил быстрый взгляд на Гринсу; в его глазах плясали веселые огоньки, похожие на крохотные язычки пламени. — Даже я знаю, что хорошеньким молодым женщинам не нравятся домогательства толстых стариков.

— Прекрати, Трин, — сказал Гринса.

— Я должен извиниться еще раз, дорогая. Очевидно, Гринса еще не готов признаться в чувствах, которые питает к тебе. — Он повернулся на стуле и посмотрел Гринсе в глаза. — Но ведь я прав, верно?

Гринса не смог сдержать улыбки. Он взглянул на Кресенну и увидел, что она тоже улыбается, хотя ее лицо по-прежнему оставалось красным.

— Возможно, — наконец сказал он.

— Возможно? — переспросил толстяк, поднимая брови.

— Ну ладно, Трин. — Гринса рассмеялся и потряс головой. — Твоя взяла. Да, мне приятно проводить время в обществе Кресенны.

— Приятно проводить время, — повторил Трин. Он взглянул на девушку и театрально вздохнул. — Он не признается, что пылает страстью, даже если на нем загорится рубашка. — Он потянулся через стол и положил ладонь на тонкую руку Кресенны. — Ну а ты, моя дорогая? Ты отвечаешь нашему другу взаимностью?

— Трин!

— Успокойся, Гринса! Ты еще скажешь мне спасибо. Вы оба скажете.

— Сомневаюсь.

— Вы предпочли бы играть в ваши детские игры еще шесть месяцев, ожидая, кто заговорит первым? Не будь дураком. Мы кирси. Мы живем не настолько долго, чтобы позволять себе подобные глупости. Если я предпочитаю мужчин, это вовсе не значит, что я ничего не смыслю в любви. — Он снова перевел взгляд на Кресенну и улыбнулся. — Так признайся же мне, кузина. Ты отвечаешь Гринсе взаимностью?

Девушка открыла рот, собираясь ответить, но потом широко улыбнулась, глядя на дверь.

— А вот и наш ужин, — весело сказала она.

Трин на мгновение закрыл глаза.

— Отлично. — Он отпустил руку Кресенны и откинулся на спинку стула, позволяя Исанне поставить на стол три большие миски с тушеным мясом. — Предоставляю это дело тебе, Гринса, хотя я сильно сомневаюсь в твоей способности завоевать ее сердце. Ты бы преуспел куда больше, если бы позволил мне говорить от твоего имени.

Гринса рассмеялся, и они с Кресенной обменялись многозначительными взглядами, которые наводили на мысль, что Трин уже сделал достаточно.

— Ты был прав, Трин, — сказала Кресенна после непродолжительного молчания. — Здесь готовят великолепно.

— Рад слышать это. Зивен берет слишком дорого, но он действительно находит самых искусных поваров. — Толстяк помолчал, прожевывая мясо. — Так расскажи нам о себе, Кресенна. Новые предсказатели не так уж часто появляются на ярмарке.

Она пожала плечами, снова несколько смешавшись:

— Что именно тебя интересует?

— Откуда ты родом?

— Я родилась в Брэдоне, но почти всю жизнь прожила в Везирне.

Трин на мгновение прекратил жевать:

— В Брэдоне?

— Мой отец был капитаном торгового судна. Там он встретил мою мать. Вскоре после моего рождения они покинули королевство и обосновались на Везирнийской Короне. С тех пор я ни разу не была в Брэдоне.

— И все-таки, — невнятно проговорил Трин, снова принимаясь жевать, — на твоём месте я бы не стал упоминать о своём происхождении при наших эйбитарских хозяевах. Вряд ли ты встретишь тёплый приём.

— А чем ты занималась до того, как присоединилась к нашей ярмарке? — спросил Гринса.

— Я была целительницей в нашей родной деревне, как и моя мать. Но когда в год моего Посвящения к нам приехала Везирнийская северная ярмарка, я узнала, что обладаю ещё и даром провидения. Я всегда хотела путешествовать по Прибрежным Землям, а ремесло предсказателя давало отличную возможность для этого.

— Почему ты выбрала ярмарку Бодана?

Кресенна снова пожала плечами, и прядь белых волос мило упала на её лоб.

— Выбор стоял между Санбирийской ярмаркой и этой — все остальные не идут ни в какое сравнение. Эйбитар ближе к моему дому, поэтому такой выбор казался предпочтительным. Но возможно, когда-нибудь я присоединюсь к Санбирийской ярмарке.

Несколько минут они сидели в молчании, наслаждаясь хорошей едой и крепким пивом. Потом Кресенна задала вопрос об одном из старейших предсказателей-кирси, и довольно долго Трин и Гринса развлекали девушку рассказами о ярмарке, которые Трин расцветчивал лишь ему известными подробностями любовных историй, предательств и вражды.

Они вдоволь наелись тушеного мяса — Гринса съел три добавки и уже потерял счёт порциям, которые поглотил Трин. Ко всему прочему они выпили много пива. Утомленный и слегка пьяный, Гринса уже собирался пожелать спокойной ночи друзьям, когда кто-то постучал в приоткрытую дверь маленькой комнаты.

Гринса и Трин переглянулись.

— Кто там? — спросил толстяк.

Вместо ответа дверь распахнулась, и они увидели на пороге высокого мужчину-кирси с длинными белыми волосами, редкой белой бородой и желтыми глазами, яркими, как у совы. Гринса явно видел этого человека прежде, но не мог вспомнить, где именно, пока Трин не заговорил.

— Кузен, — без всякого восторга сказал толстяк, кисло улыбаясь. — Вы явились сюда в качестве герцогского советника или в качестве простого кирси?

Первый советник. Ну конечно.

— Не думал, что мне придется выбирать между первым и вторым, кузен, — ответил Фотир столь же холодным тоном. — Но я здесь не по поручению герцога, если вы об этом.

— Я не об этом. Что вам угодно?

Первый советник вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Я хотел бы знать, кто из вас сегодня присутствовал при Посвящении Тависа.

Прежде чем Гринса успел заговорить, Трин поднял руку, призывая его и Кресенну к молчанию.

— А почему вас это интересует?

— После Посвящения мальчик находился в состоянии, близком к безумию. Герцог и герцогиня встревожены.

— Обычное дело, кузен. Если бы я получал по пять киндов за каждого мальчика и девочку, которые убегают домой в слезах после предсказания... — Он пожал плечами. — Ну, скажем просто, я был бы еще толще, чем сейчас.

— А когда сын герцога является на официальный обед с опозданием и в пьяном виде, набрасывается с кинжалом на своего вассала, а потом исчезает в ночи, — по-вашему, это тоже обычное дело?

— Боги милосердные! — прошептал Гринса.

Фотир посмотрел на него, прищурившись:

— Это были вы?

— Да. Что с молодым Маркуллетом?

— Он поправится. У него глубокая рана на предплечье, но ничего страшного.

Гринса едва не вызвался пойти в замок с Фотиром и помочь с исцелением, но у герцога наверняка были свои доктора. Кроме того, он не имел права открывать тайну пророчества.

— Теперь вы знаете, что это был Гринса, — сказал Трин. — Если это все, то вы можете идти своей дорогой.

Фотир взял стул, стоявший у ближайшего стола, поставил его подле Гринсы и сел, проигнорировав слова Трина.

— Что вы можете рассказать мне о Посвящении лорда Тависа? — спросил он, пристально глядя на Гринсу.

— Ровным счетом ничего, — резко сказал Трин. — Вы сами знаете, Фотир. Предсказания не подлежат огласке. Мы не вправе открывать тайну пророчества.

— Я также знаю, — сказал первый советник, посмотрев на толстяка волком, — что предсказания не всегда являются тем, чем кажутся. К видениям будущего, которые являются детям, вы имеете такое же отношение, как и Киран. Если не большее.

— Это верно только в случае с Приобщениями, — сказал Трин, словно защищаясь. — Пророчества Посвящений исходят от камня.

— Только потому, что вы позволяете. Ничто не мешает вам точно так же влиять на пророчества Посвящений. Верно ведь?

— Что вы хотите знать о Посвящении Тависа? — спросил Гринса.

Фотир перевел взгляд на него:

— Я хочу знать, что он увидел.

Гринса помотал головой:

— Этого я не могу сказать. Как справедливо заметил Трин, предсказания не подлежат огласке. Вам следует спросить Тависа.

Фотир стиснул зубы:

— Это будет довольно трудно, если учесть, что никто не знает, где он. Его мать боится, что он бросился вниз с северной стены замка. Начальник стражи собирается на рассвете отправить людей на поиски тела, если мальчик не объявится этой ночью.

— Сожалею. Но я не понимаю, каким образом сведения о пророчестве Кирана могут помочь вам в поисках. Разве недостаточно того, что Тавис встревожен?

— Пожалуй, — пробормотал первый советник, уставившись в истертый каменный пол. Мгновение спустя он снова посмотрел Гринсе в глаза. — Вы можете по крайней мере сказать мне, соответствовало ли видение действительности?

— Да, — ответил Гринса. Он собирался высказаться определеннее, но вовремя спохватился. Он сказал правду. Пока этого довольно.

— Вы знаете, что он увидел. Вас удивляет, что мальчик так отреагировал на пророчество камня?

Гринса отвел глаза и произнес сквозь зубы:

— Нет.

Фотир кивнул:

— Понятно. Признаться, я не удивлен.

— Я немного поговорил с ним перед Посвящением, — сказал Гринса. — Это был непростой разговор.

— Не понимаю. Вы к чему клоните?

— Я ни к чему не клоню. Мне просто интересно знать, чем вызвано ваше беспокойство за молодого лорда. Во время нашего разговора он держался высокомерно и враждебно и не выказывал ни малейшего почтения ко мне и моей магии. Он не произвел на меня впечатления человека, способного вызвать особую любовь у своих подданных — тем более у советника-кирси.

— Вы знакомы с его отцом, кузен?

— Нет, — ответил Гринса. — Хотя я знаю, что он не очень-то одобряет брак Джегора и Ории.

— Вы делаете поспешные выводы. Слишком поспешные, как мне кажется. — Фотир бросил беглый взгляд на Трина. — Ничего удивительного, если учесть, с кем вы водите дружбу. Но всем кирси пора понять, что судить о достоинствах инди следует не только по тому, какие чувства они испытывают к нашему народу. Герцог — доброжелательный, умный человек; безусловно, более доброжелательный и умный, чем многие известные мне кирси. Как у каждого человека, у него есть свои недостатки, но он будет прекрасным королем. Независимо от достоинств и недостатков своего сына, Яван действительно заслуживает преданности своих подданных.

— Речь, достойная любимой шавки хозяина-инди, — сказал Трин.

Фотир резко встал:

— Напрасно я сюда пришел. Вы всего-навсего шуты в ярмарочном балагане. Вы думаете, мы такие разные. Где бы вы были, если бы не инди? Неужели вы и вправду считаете, что ваша ярмарка смогла бы существовать без них? В Эйбитаре есть поселения кирси — пусть небольшие, но они есть. Однако я никогда не слышал, чтобы ярмарка Бодана останавливалась хоть в одном из них. Нет, вы всегда выбираете города, дворы правителей-инди. Вы ничем не отличаетесь от меня, все вы. Только я — советник герцога, а вы — его шуты.

Он повернулся и стремительно вышел из комнаты, не удостоив взглядом ни одного из них.

Несколько мгновений Гринса и его товарищи сидели молча, потом Трин тихо рассмеялся.

— Нет, вы только посмотрите на этого дурака, — сказал он. — Он вышел цветом волос и глаз, но в душе он инди.

Это ядовитое изречение стало распространенным еще во времена войн, когда один из

военачальников-кирси по имени Картах совершил предательство, научив врагов тайным приемам борьбы с магией кирси в обмен на золото и обещание предоставить убежище ему самому и его солдатам. То обстоятельство, что его соплеменники до сих пор повторяли это расхожее выражение, и по-прежнему с такой злобой, глубоко удручало Гринсу.

— Меня не интересует, кто он в душе, — сказал Гринса, вставая и направляясь к двери. — Меня интересует, что творится на душе у Тависа.

Он быстро прошел через все еще полный главный зал трактира и выскочил на улицу. Невдалеке он увидел Фотира, который стремительно шел в сторону замка; белые волосы кирси сверкали в свете двух лун.

— Первый советник, подождите! — крикнул Гринса.

Мужчина остановился и повернулся к нему:

— Что вам угодно?

— Я просто хочу извиниться. Трин говорил только от своего имени, не от моего. Если вы утверждаете, что герцог достоин вашей дружбы, я вам верю безоговорочно.

Фотир подозрительно уставился на него, но спустя несколько секунд кивнул.

— Это все?

— Я хотел бы помочь, если смогу.

— С чего вы взяли, что можете нам помочь?

Гринса пожал плечами:

— Я предсказатель. Я умею не только читать по камню. Возможно, я окажусь вам полезным.

— Вы обладаете еще каким-нибудь даром, кузен?

Несмотря на страстное желание исправить несчастливое последствие своего предсказания, Гринса не сумел удержаться от лжи. Он скрывал правду слишком долго.

— Нет.

— Между прочим, — сказал Фотир, — я тоже предсказатель. Вдобавок я умею вызывать туман и ветер, а равно воздействовать на формы. В замке есть несколько целителей и одна женщина, говорящая на языке животных. — Он едва заметно улыбнулся. — Меньше всего мы нуждаемся в помощи еще одного кирси, который к тому же обладает столь ограниченными способностями.

Первый советник повернулся и пошел прочь, но на сей раз Гринса не последовал за ним.

— Такие, как он, не просят помощи у таких, как мы, — раздалось позади него.

Гринса обернулся и увидел Трина и Кресенну, которые стояли у него за спиной. Он не слышал, как они подошли.

— Мы такие же, как он, — сказал Гринса с неожиданной для самого себя горячностью.

Трин ласково улыбнулся:

— Нет, друг мой, мы не такие. Мне казалось, ты уже должен был понять это.

Гринса попытался улыбнуться в ответ, но безуспешно.

— Наверное, я слишком тупой.

— Возможно. Или просто не хочешь отказываться от надежды. В этом нет ничего зазорного.

— Спасибо, Трин, — сказал Гринса, обескураженный неожиданной добротой толстяка.

— Я сейчас иду к себе в гостиницу, — сказал Трин. — У меня есть бурдюк вина, который я с удовольствием распилю бы с кем-нибудь. — Приподняв бровь, он посмотрел сначала на одного, потом на другого своего спутника.

Гринса взглянул на Кресенну и увидел, что она застенчиво улыбается ему.

— Ах, я не подумал, — понимающе сказал толстяк. — Отлично. Оставляю вас вдвоем. Постарайтесь выспаться. Завтра предстоит тяжелый день.

С минуту Гринса и Кресенна стояли в лунном свете, глядя вслед Трину. Потом они посмотрели в глаза друг другу.

— Пойдем прогуляемся, — сказала Кресенна, все так же улыбаясь. — Я ведь впервые в

Керге.

Они пошли прочь от храма и от замка, обратно к рыночной площади. Из центра города по-прежнему доносились звуки музыки, и Гринса не сомневался, что она будет звучать до самого рассвета. Это была первая ночь ярмарки в Керге. Мало кто собирался спать сегодня.

— Ты беспокоишься о сыне герцога. — Это прозвучало как утверждение, но Кресенна посмотрела на него вопросительно.

— Да. Я сказал правду: с мальчиком трудно разговаривать, и он вспыльчив. Но чтобы наброситься с кинжалом на своего вассала... — Гринса умолк и потряс головой.

— Надо полагать, это было пророчество из ряда вон.

Он кивнул:

— Вот именно. Не уверен, что я отреагировал бы иначе.

— Правда? — с удивлением спросила она. — А что он увидел?

Гринса смерил девушку взглядом:

— Ты же знаешь, я не могу рассказать тебе.

Она на миг встретилась с ним глазами и тут же потупила взор.

— Конечно. Извини, я не подумала.

— Все в порядке.

Кресенна казалась сейчас очень юной; ее нежная кожа почти сияла в свете лун и уличных факелов. Легкий ветерок шевелил ее волосы, и она откинула тонкую прядь со лба. Гринса хотел остановить девушку прямо здесь, на улице, обнять и поцеловать. Но вместо этого повернулся и пошел вперед.

— Ты все время молчала там, в трактире, — сказал он. — Мы с Трином слишком много болтали?

Кресенна издала короткий смешок:

— Вовсе нет. Я с огромным удовольствием слушала ваши истории о ярмарке. Пока не пришел тот человек.

— Фотир?

— Да. Думаю, тебе не стоит впутываться в эту историю.

Гринса кивнул:

— Ты права. Порою кажется, что разногласия между кирси еще труднее уладить, чем раздоры между королевствами Прибрежных Земель.

Кресенна кивнула:

— В Везирне было то же самое.

— Но это глупо. — Гринса потряс головой. — У нас слишком много общего, чтобы враждовать между собой.

— Возможно. Но междоусобия кирси так же стары, как королевства и измена Картаха.

— Междоусобия кирси?

Кресенна покраснела и отвела взгляд.

— Так говорят на Везирнийской Короне.

— По-моему, удачное выражение. А поступок Картаха там по-прежнему называют предательством?

— Некоторые.

— Ты только что назвала.

Девушка улыбнулась, но с горечью:

— Мой отец считал Картаха предателем. Я говорю так скорее по привычке, нежели по чему-то еще.

Гринса не очень поверил Кресенне, но продолжать этот разговор не стоило. Обсуждать с кирси предательство Картаха было все равно что спрашивать инди, придерживается ли он Старой Веры или следует Путем Ина. Большинство кирси в Прибрежных Землях считали Картаха изменником, человеком, предавшим свой народ в самое тяжелое время за несколько слитков золота. Но некоторые, в том числе Гринса, думали иначе.

Войны кирси все равно окончились бы плохо для завоевателей, независимо от поступка

Картах. Это было совершенно очевидно к тому времени, когда он заключил сделку с военачальниками армии инди. Шествие кирсийских войск по Прибрежным Землям удалось остановить, и между двумя народами началась жестокая война на истощение, победу в которой в конечном счете все равно одержали бы защитники Прибрежных Земель, много превосходившие противника численностью. Перейдя на сторону инди и научив их бороться с магией кирси, чтобы положить конец войне, Картах спас десятки тысяч жизней.

Старинная пословица кирси гласила: «Путь предателя одинока». Как и следовало ожидать, кирси проклинали Картах. Но он не стал своим и среди инди. Они заплатили ему и предоставили убежище, как обещали, но до конца жизни он остался изгоем, никем не любимым и всеми презираемым.

Даже после смерти, даже после многих веков мирного сосуществования двух народов Картах оставался самой одиозной исторической личностью для кирси. Инди же почти забыли о нем. Большинство беловолосых вообще избегало вести разговоры о Картахе, особенно в присутствии инди. Но его предательство лежало в основе почти всех разногласий, которые с тех пор разделяли народ кирси. Конечно, именно в этом крылась причина враждебного отношения Трина к Фотиру. Люди, ненавидевшие Картах, считали, что кирси, служащие при дворах правителей Прибрежных Земель, совершают такое же предательство изо дня в день.

Нельзя сказать, что Фотир и прочие кирси, занимавшие столь же высокое положение в обществе, простили Картах. Напротив, многие из них ненавидели его не менее люто, чем Трин. Но в своем влиянии они видели средство упрочить положение кирси в северных землях, помочь соплеменникам стать чем-то большим, нежели просто покоренный народ.

Признавая поступок Картах мудрым и в известном смысле даже благородным, Гринса все же не мог бесповоротно принять какую-либо сторону. В негодовании мужчин и женщин, разделявших чувства Трина, таилась серьезная опасность, которая в последнее время стала обретать пугающе отчетливые очертания. Однако в благоразумии людей, подобных Фотиру, было что-то оскорбительное. За девять веков, прошедших после нашествия кирси, соплеменники Гринсы так и не сумели смириться со своим поражением.

Некоторое время Гринса и Кресенна шли молча. Ей явно было неловко, и ему тоже, но он никак не мог придумать, что сказать.

— Похоже, здесь наши мнения расходятся, — наконец произнесла она приглушенным голосом.

— Да.

Девушка резко остановилась, взяла Гринсу за руку и развернула лицом к себе.

— Это значит, что мы не можем?.. — Кресенна не договорила. Даже в бледном свете Паньи и Илиаса Гринса увидел, что она покраснела.

— Нет, — сказал он. — Это ничего не значит.

Их взгляды встретились. Мгновение спустя Кресенна шагнула вперед, запустила пальцы в белые волосы Гринсы, притянула его лицо к своему и страстно поцеловала в губы.

— Я рада, — прошептала она, положив голову ему на грудь.

Гринса улыбнулся:

— Я тоже. — Он тихо рассмеялся. — Трин прав. Так лучше, чем ждать еще полгода.

Она улыбнулась, и они снова поцеловались. Во время поцелуя Кресенна неожиданно зевнула.

— Извини. — Она захихикала. — Я очень устала.

Гринса нахмурился:

— Зевать во время поцелуя — особенно первого...

— Второго, — поправила она, продолжая хихикать.

— И все равно. — Теперь Гринса сам улыбнулся. — Это страшный удар по мужскому самолюбию.

— Ты прав, — сказала Кресенна, безуспешно пытаясь сдержать смех. — Мне нет прощения.

Он протянул девушке руку:

— Пойдем. Я провожу тебя до твоей комнаты.

Тут она наконец перестала смеяться:

— А как же наша прогулка?

— Мы пробудем в Керге еще полмесяца. — Он осторожно убрал с ее лба прядь волос, мягких, как санбирийский шелк. — И если хочешь, я буду гулять с тобой каждую ночь.

Девушка взяла Гринсу за руку.

— Хочу, — сказала она и, еще не договорив, подавила очередной зевок.

Они оба расхохотались, повернулись и пошли обратно в свою гостиницу.

Кадел недавно закончил свое выступление и извинился перед остальными артистами, сославшись на усталость после долгой дороги в Керг. Джедрек решил петь дальше. Привлекать к себе больше внимания, чем требуется, не стоило. Кадел тоже предпочел бы остаться. Сегодня они пели хорошо, и на ярмарке здесь выступало несколько поистине замечательных музыкантов. Но у него была назначена встреча. Тихо и осторожно Кадел перебрался через городскую стену, обогнул замок и вышел на скалистый мыс, выдававшийся в пролив Вантре. Там он стал ждать. Ожидание затянулось, и в конце концов он начал терять терпение.

Да, они хорошо платили, но это не давало им права обращаться с ним подобным образом. Кадел уже почти жалел о том, что взял у них столько денег в Торалде два года назад. С тех пор они вели себя так, словно он являлся их собственностью и должен был выполнять любые приказы — точно он их слуга или лошадь. Такое унижение не стоило даже самых больших денег.

Когда Панья достигла зенита и начала медленно опускаться к западному горизонту, Кадел решил уйти.

— Пусть сами ищут меня завтра, — сказал он вслух, и его голос прозвучал еле слышно, заглушённый грохотом волн и шумом ветра.

Но едва Кадел повернулся, собираясь двинуться обратно к замку, как увидел невдалеке направлявшегося к нему человека, белое лицо и белые волосы которого сияли в свете Паньи. Когда человек подошел ближе, Кадел рассмотрел светлые глаза и невольно содрогнулся. Если бы не деньги...

Женщина-кирси остановилась в нескольких шагах от него, с трудом переводя дыхание; развевавшиеся на ветру белые волосы делали ее похожей на привидение.

— Вы опоздали. — Кадел не старался скрыть свое раздражение. — Я жду вас больше часа.

— Я ничего не могла поделать. Обстоятельства изменились.

Кадел несколько растерялся:

— Что вы имеете в виду?

— Сын герцога пропал. Сегодня он проходил Посвящение, и, очевидно, пророчество его... расстроило.

— Вы знаете, что он увидел?

— Пока нет, — недовольно сказала беловолосая. — Чтобы выяснить это, потребуется некоторое время.

— Может, он узнал о наших замыслах? Может, он убежал?

— Не думаю. Он напился и ранил кинжалом своего вассала. Не похоже на действия человека, который собирается бежать. Скорее всего мальчишка просто напился до невменяемого состояния. Однако не исключено, что он лишил себя жизни.

— В каком случае мою работу здесь можно будет считать законченной.

— Вряд ли, — сказала кирси. — Такая смерть усложнит дело сильнее, чем вы думаете. Тем не менее нам нужно выждать, прежде чем начинать действовать. Мне необходимо узнать, что Тавис увидел в камне и кому рассказал об этом.

— Разве вы не можете расспросить кого-нибудь из своих друзей-кирси о Посвящении?

— Это не так-то просто. Предсказатели не имеют права раскрывать тайны Приобщений и Посвящений, а предсказатель Тависа не относится к числу сторонников нашего дела.

«Я тоже».

— Так что вы хотите, чтобы я сделал? — Каделу было противно даже просто задавать такой вопрос. Они не имели права приказывать ему. Однако они платили.

— Ждите меня здесь через два дня после Ночи Двух Лун. К тому времени мы узнаем больше. Но заранее предупреждаю: я не хочу, чтобы вы предпринимали какие-нибудь действия до отъезда ярмарки из Керга. В случае с Филибом все прошло гладко, но, если мы сделаем это дважды, возникнут подозрения.

Каделу пришлось признать, что кирси права.

— Хорошо. Когда? Где?

— Узнаете при следующей встрече. — Кирси улыбнулась, хотя выражение жутких желтых глаз не изменилось. — А до той поры пойте и веселитесь на ярмарке.

«Мне не нужно твоего разрешения».

— А чем вы будете заниматься?

Беловолосая уже повернулась, чтобы отправиться обратно в город.

— Планировать убийство; выяснять, что лорд Тавис увидел в камне. Не вы один хотите заработать.

ГЛАВА 7

Молодого лорда нашли на следующее утро: он спал, дрожа во сне всем телом, в углу винного погреба. Два стражника разбудили мальчика и отвели в герцогские покои, дважды остановившись по пути, чтобы сын герцога, будущий король Эйбитара, мог проблеваться в садах герцогского замка. Упомянутые стражники не слышали, что именно сказал герцог сыну, ибо сразу же получили приказ покинуть внутренний двор и вернуться на свои посты. Но позже все говорили, что голос Явана был слышен аж у самого дальнего барбакана, расположенного на южной стене Кергского замка.

В течение нескольких последующих дней до Ксавера через слуг, сиделок и стражников доходили разрозненные слухи о случившемся. Он не принимал участия в поисках.

Даже если бы герцогский хирург позволил, он не стал бы помогать. Он не выходил из своей комнаты ни днем, ни ночью, сказав отцу, что отдыхает, оправляясь от ранения. Но отец слишком хорошо знал его, чтобы в это поверить. Они оба прекрасно понимали, почему Ксавер уединился в своей комнате, словно послушник, ожидающий первого видения, ниспосланного богами. Он скрывался от своего лучшего друга в то время, когда, казалось бы, должен был радоваться.

Ксавер получил предсказание, которое оправдало и даже превзошло все его ожидания. Он увидел себя командиром гвардейцев в Одунском замке, служащим под началом отца. Он увидел также свою жену. Он еще не знал ни ее имени, ни откуда она родом. Но она была женщиной замечательной красоты, с блестящими черными волосами и прелестным овальным лицом. И они любили друга друга. Это было очевидно.

Именно о таком пророчестве мечтал Ксавер — и его отец тоже. Он должен был ликовать, веселиться на ярмарке.

Наконец, через три дня после случая на крепостной стене, отец приказал Ксаверу встать с постели и явиться на тренировочную площадку. Конечно, с толстой повязкой на руке мальчик еще не мог упражняться. Но отец доходчиво объяснил, что он будет смотреть, как солдаты оттачивают свое фехтовальное мастерство. «Если ты не в состоянии тренироваться, — сказал Хаган, — по крайней мере, научись хоть чему-нибудь, наблюдая за другими. Все лучше, чем безвылазно сидеть в комнате». Однако большую часть времени Ксавер просто искал глазами Тависа, со страхом думая о предстоящей встрече с сыном герцога.

Если бы он напал на своего друга подобным образом, его казнили бы в течение суток.

Но Тавису это не грозило. Ксавер оставался вассалом молодого лорда — пусть он истекал кровью четыре дня назад и до сих пор чувствовал тупую боль в руке, перевязанной хирургом. Он присягнул сыну герцога на верность много лет назад, еще до своего Приобщения, в ходе церемонии, значения которой ни один из них толком не понял. Во всяком случае, Ксавер не понял. Они были детьми, близкими друзьями. А поскольку так случилось, что один из них был сыном герцога, а другой сыном герцогского вассала и капитаном герцогского войска, такой поступок казался естественным. Отцы уговаривали обоих подождать, по крайней мере до Посвящения. Но Тавис, уже тогда упрямый, настоял на своем, а Ксавер считал нужным подчиниться воле друга.

Он до сих пор помнил слова присяги. Они горели в его мозгу, словно золотой герб Кергов на знамени замка.

«Я, Ксавер Маркуллет, сын Хагана и Дарий, свободный потомок знатного рода Маркуллетов, присягаю на верность тебе, Тавису Кергскому, единственному наследнику дома Кергов, его владений и привилегий. До конца нашей жизни или до той поры, пока ты не освободишь меня от данной клятвы своим словом, я останусь твоим вассалом, обязанным защищать тебя, почитать тебя и преданно служить тебе. Мой меч — твой меч; мой щит — твой щит; моя жизнь — твоя жизнь».

Он поцеловал Тавису руку — им обоим это показалось страшно забавным, — а потом Тавис возложил ладони на голову Ксавера и произнес свою клятву. Слова Ксавер давно забыл, но он помнил, что сын герцога поклялся хранить честь обеих династий и по достоинству ценить верность своего вассала. Все заняло буквально несколько минут. Потом мальчики выскочили из комнаты, пронеслись по каменным коридорам и выбежали на залитый солнцем двор, чтобы возобновить свой поединок на деревянных мечах. С таким же успехом присягу можно было считать просто очередной игрой, еще одним воображаемым приключением.

Разница была в том, что с возрастом Ксавер забыл обо всех детских играх, кроме этой. Напротив, та минута, когда они стояли в герцогских покоях, под внимательными взглядами своих отцов, с каждым годом обретала для него все большее значение — и теперь порой даже казалось, будто это единственное, что осталось от их детской дружбы. Тавис никогда не освободил бы Ксавера от клятвы, а Ксавер никогда не попросил бы об этом. Они были связаны друг с другом как братья. Но иногда — чаще, чем ему хотелось бы, — Ксавер задавался вопросом: а стал бы он вообще присягать на верность молодому лорду, если бы они тогда послушались совета отцов и подождали немного? Сегодня не стал бы. Вне всяких сомнений.

— Говорят, первую бутылку он запустил в герцога, — прошептал своему товарищу один из стражников, стоявших на солнцепеке, наблюдая за тренировкой. — Именно поэтому он и отправился потом в погреб.

— Ничего подобного, — услышал Ксавер свой голос. Он старался говорить тихо, чтобы отец не услышал.

— Вы уверены? — спросил стражник.

— Я там был. Он просто бросил бутылку на пол. Он вовсе не целился в герцога.

Один стражник кивнул, но другой пристально посмотрел на Ксавера.

— Почему вы его защищаете? — спросил он.

— Я не защищаю его, честное слово. Я просто пытаюсь пресечь распространение небылиц.

— Будь я на вашем месте, я бы сам стал сочинять небылицы после того, что он сделал. Наплевать на правду и на него самого в придачу.

Ксавер стоял, прислонившись к стене. Но сейчас он выпрямился, выхватил здоровой рукой кинжал и приставил острие к груди мужчины.

— Немедленно возьми свои слова обратно — или защищайся! — сказал он как можно тверже и решительнее.

— Но, господин Маркуллет, я просто...

— Своими словами ты нанес оскорбление лорду Тавису, а значит, и мне, его вассалу! Я поклялся защищать не только жизнь, но и честь своего господина — и если ты не возьмешь свои слова обратно, я зарежу тебя на месте!

Стражник бросил взгляд на своего товарища и снова уставился на Ксавера с недоуменным видом. Потом он пожал плечами:

— Я беру свои слова обратно, милорд.

Еще несколько секунд Ксавер стоял в прежней позе; он тяжело дышал, и его рука, сжимавшая кинжал, слегка дрожала. Наконец он опустил кинжал и спокойно сказал:

— Вот и хорошо. — Переведя взгляд чуть в сторону, он увидел, что отец и остальные пристально смотрят на него. Отец шагнул вперед, вопросительно подняв брови, но Ксавер помотал головой, запрещая подходить. Он вложил кинжал в ножны и снова взглянул на солдат. — Пожалуй, мне лучше вернуться к себе. Скажите моему отцу, что я... что мне нездоровилось.

— Конечно, милорд, — сказал первый стражник. — Извините, если я вас обидел.

Ксавер потряс головой:

— Все в порядке.

Когда он тронулся с места, оба мужчины поклонились ему. Несколько растерявшись, он скороговоркой пробормотал слова благодарности и торопливо направился обратно в северную часть замка.

Ксавер сам не мог объяснить свой поступок. Стражник был прав. Тавис не заслуживал того, чтобы он его защищал, да еще так яростно. Однако он набросился на человека с кинжалом — из-за замечания, едва ли достойного внимания.

Он шел через двор, глядя себе под ноги и чувствуя пульсирующую боль в руке. Стоявшие у внутренних ворот стражники ничего ему не сказали, и Ксавер вошел в герцогский двор, почти со страхом думая о том, какие слова вырвались бы у него, если бы он открыл рот. Несмотря на долгое время, проведенное в одиночестве в четырех стенах, он плохо спал последние несколько ночей. Вероятно, ему нужно было просто выспаться. И держаться подальше от Тависа какое-то время.

Увидев сына герцога в коридоре перед дверью своей комнаты, Ксавер понял, что в ближайшее время ему не удастся ни первое, ни второе.

— Я ждал тебя, — неловко сказал Тавис.

Ксавер остановился в нескольких шагах от него.

— Вижу. — Он говорил нарочито бесстрастным тоном. Он не собирался подавать молодому лорду надежду на прощение — во всяком случае пока.

Тавис облизал губы; несколько секунд взгляд его темных глаз метался по темному коридору — словно муха, ищущая, куда сесть, — и наконец остановился на повязке.

— Как твоя рука?

— Болит.

— Прости меня, Ксавер. — На лице молодого лорда появилось такое страдальческое выражение, что Ксаверу показалось, будто Тавис сейчас заплачет. — Я не хотел... Я был пьян. Я не знаю... — Он потряс головой. — Прости меня.

— Что тебе угодно, Тавис? — спросил Ксавер.

Сын герцога на миг закрыл глаза.

— Мы можем поговорить в твоей комнате? Пожалуйста. Это не займет много времени.

Он хотел ответить отказом, отослать молодого лорда прочь. Но Тавис был господином, а Ксавер его вассалом. Он молча распахнул дверь и жестом пригласил Тависа войти. Потом вошел сам, закрыл за собой дверь и посмотрел на друга.

— Итак, что тебе угодно?

Тавис принялся расхаживать по маленькой комнате, на миг остановился возле единственного окна, бросил взгляд во двор и вновь продолжил бесцельное хождение взад-вперед. Он казался бледным, словно все еще мучился похмельем. Он недавно принял ванну, и от него слегка пахло душистым мылом. Но все же Ксаверу казалось, что кислый запах вина

и рвоты прочно въелся в молодого лорда, как въедается конский запах во всадника после долгого путешествия.

— Я толком не знаю, с чего начать, — сказал Тавис.

— Ты уже извинился. Тебе не нужно повторяться.

Молодой лорд резко остановился и в первый раз за все это время посмотрел прямо в глаза Ксаверу.

— Нужно. Вряд ли я когда-нибудь сумею загладить свою вину полностью. — Он снова принялся мерить комнату шагами. — Однако я пришел не за этим.

Он глубоко вздохнул и остановился прямо напротив Ксавера. Но на сей раз не пожелал встретиться с ним взглядом.

— Я хочу освободить тебя от клятвы. — Голос его слегка дрожал. — То есть на самом деле не хочу, но понимаю, что должен сделать это после...

Он судорожно сглотнул, не закончив фразу.

Ксавер не верил своим ушам. Он ожидал извинений, просьб о прощении, возможно, далее жалких оправданий. Но только не этого.

— Ты меня освобождаешь от вассальной зависимости? — Он сам признавал, насколько глупо прозвучал этот вопрос.

— Да. Если ты согласен, я сделаю это сегодня же вечером, в присутствии наших отцов и остальных придворных.

В сознании Ксавера пронзительно вскричал какой-то голос, призывавший согласиться на предложение, освободиться от власти грубого молодого лорда, пока вся его жизнь не пошла прахом. Однако он знал, что не может пойти на такое. Он присягнул на верность еще ребенком и не раз сожалел о своем глупом поступке. Но они дружили с Тависом с незапамятных времен, и он поклялся до конца жизни быть преданным своему господину. Более того, в худшие дни их дружбы Ксавер черпал силы в воспоминании о торжественном обещании друга, который время от времени все же обнаруживал решимость его выполнить. В этом избалованном ребенке, в этом эгоистичном, вспыльчивом юнце все равно жил человек, унаследовавший силу отца и мудрость матери. Иногда Ксавер месяцами не видел этого человека и тогда начинал тревожиться за него и опасаться за судьбу королевства. Но потом, когда Ксавер уже терял надежду, этот человек появлялся снова — как появился и теперь в его комнате, выказывая смирение и благородство, поистине достойные наследника одунского престола.

Предложение Тависа дразнило, манило, притягивало, словно сверкающий бриллиант. Ксавер страстно хотел принять сей дар. Он часто мечтал о свободе, и никто не осудил бы его, сделай он это. Ни отец, ни герцог. Разве только герцогиня. Но все это не имело отношения к делу. Он еще пожалеет. Он видел перед собой сверкающий бриллиант. Но цена за это сокровище — его честь — казалась непомерно большой.

— Я не хочу свободы, милорд. Я ваш вассал и останусь таковым до тех пор, пока Байан не призовет одного из нас в Подземное Царство.

Несмотря ни на что, Ксавера глубоко тронул облегченный вздох, вырвавшийся у молодого лорда.

— Спасибо, — прошептал Тавис. — Я не...

Ксавер остановил его, подняв палец:

— Я останусь твоим вассалом. Но... — Он на мгновение замялся. — Я не хочу видеть тебя в ближайшие несколько дней.

Лицо молодого лорда, едва порозовевшее, снова побледнело.

— Сколько именно?

— Не знаю. Не очень много. Возможно, до конца месяца Амона.

— Но... но это же больше двух недель. — Тавис говорил как ребенок, у которого отбирали любимую игрушку.

— Ну ладно, — неохотно сказал Ксавер. — До отъезда ярмарки из Керга.

Тавис открыл было рот, явно собираясь снова пожаловаться, но потом, похоже,

передумал, плотно сомкнул губы и коротко кивнул.

Они снова погрузились в молчание, хотя по-прежнему стояли лицом к лицу, словно противники перед поединком. Ксаверу хотелось, чтобы Тавис ушел, но приказать ему это он мог, лишь будучи свободным от вассального долга, верность которому он только что подтвердил. Поэтому он просто стоял, глядя в сторону, и ждал, когда молодой лорд с ним попрощается.

— Похоже, я скоро женюсь, — сказал наконец Тавис с напускной веселостью.

— Да, я знаю.

Сын герцога недоуменно поднял брови.

— Мы обсуждали твою помолвку за обедом недавно вечером. Разве ты не помнишь?

Тавис густо покраснел:

— Я вообще ничего не помню. — Он снова опустил взгляд на забинтованную руку Ксавера. — Если бы стражники и мой отец не рассказали мне о том, что я сделал, я бы и об этом не вспомнил.

Опять наступило молчание, но на сей раз Ксавер не позволил паузе затянуться:

— Значит, ты женишься на Бриенне.

— Да. Но отец говорит, через некоторое время. Очевидно, Кентигерн хочет убедиться, что выдает свою дочь за короля. — Он слабо улыбнулся. — Их нельзя винить.

— Я рад за вас, милорд. Судя по всему, Бриенна будет прекрасной королевой.

— Мы едем в Кентигерн в начале следующего месяца, — сказал молодой лорд, словно не услышав Ксавера. Он колебался. — Ты ведь поедешь с нами, правда?

Был ли у него выбор?

— Конечно, милорд.

— Прекрати называть меня милордом.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Тависом, конечно. А как еще?

Ксавер протяжно вздохнул и кивнул:

— Хорошо. Я буду обращаться к тебе по имени, когда мы увидимся в следующий раз, после отъезда ярмарки.

Этимися словами он давал понять, что разговор закончен; и молодой лорд понял намек — судя по тому, что вновь покраснел.

Несколько секунд Тавис пристально смотрел на друга, потом кивнул:

— Хорошо. — Он прошел к двери, открыл ее, но на пороге остановился и обернулся. — Спасибо. Не знаю, что бы я делал, если бы ты оставил меня.

Ксавер не находил что сказать. Сто возможных ответов в мгновение ока пронеслось у него в уме, но в конце концов он просто пробормотал:

— Не стоит благодарности.

Тавис вышел в коридор и закрыл за собой дверь, оставив Ксавера в одиночестве.

— У меня был шанс, — прошептал Ксавер, когда шаги Тависа стихли в отдалении. — У меня был шанс, но я предпочел остаться.

Ксавер знал, что не мог поступить иначе. Он принял решение много лет назад. Возможно, тогда он был слишком молод, но тем не менее он принял решение. И все же у него щемило грудь, словно он минуту назад потерял что-то очень дорогое. И рука болела так сильно, что слезы наворачивались на глаза.

Темную комнату освещали только две свечи, горевшие у постели, и ярко-желтые язычки пламени, которые плясали, словно крохотные призраки, на ладони Кресенны.

— На самом деле это совсем не сложно, — сказала она, пристально глядя светлыми глазами на крохотный костер и улыбаясь одними уголками губ. Кресенна надела рубашку Гринсы, но ноги у нее оставались голыми, и она сидела, подвернув одну ногу под себя, а другую вытянув в сторону. На ее распущенных волосах дрожали отблески пламени. — Нужно просто вызывать огонь и одновременно использовать целительную силу. Пока две

магические силы действуют вместе, ты ничего не чувствуешь. — Она медленно перевернула руку, и язычки пламени переползли с ладони на наружную сторону кисти, внезапно став похожими скорее на светящихся паучков, чем на призраки.

Гринса, все еще голый под тонким одеялом, улыбнулся. Он и раньше видел, как такое делали, — и даже сам пару раз пробовал, хотя не мог сказать ей об этом, — но ни у кого это не получалось так изящно. И конечно же, он никогда не видел, чтобы это делала такая красивая девушка.

— В моей родной деревне такое делал один человек, — сказал он, глядя на ее ладонь, глядя на нее. — Он называл это огненной перчаткой.

Кресенна улыбнулась шире, но по-прежнему не сводила взгляда со своей руки.

— Огненная перчатка, — повторила она. — Мне нравится. Мы называли это просто нейтрализацией огня.

Она снова перевернула руку таким образом, чтобы язычки пламени, ставшие теперь пурпурными и золотыми, как королевская печать, собрались в маленький кружок у нее в горсти. Кресенна еще несколько мгновений смотрела на них, а потом легко вздохнула. Язычки пламени исчезли так внезапно, словно она задула его своим дыханием. Несмотря на свет свечей, комната, казалось, мгновенно погрузилась в темноту. Только через несколько секунд Гринса осознал, что Панья стоит высоко в небе и бледный лунный свет струится сквозь тонкие белые занавески.

— Мне бы хотелось научить тебя этому. — Кресенна склонила голову к плечу, ее глаза сияли, словно звезды.

Гринса снова улыбнулся:

— Мне тоже.

— Ты когда-нибудь хотел обладать другими магическими способностями?

Гринса заколебался. Он знал, что не может рассказать Кресенне всю правду о своей магической силе. Но кому станет хуже, если он немного откроется ей? Они проводили лишь вторую ночь вместе, но Гринса уже чувствовал, что может полюбить эту женщину. Уже много, очень много лет он ни к кому не испытывал таких чувств. Долгое время после смерти Фебы он сомневался, что сумеет полюбить снова; и он поклялся, что никогда не полюбит женщину-кирси.

Когда разразилась эпидемия, он находился далеко от дома, на востоке Эйбитара, куда отправился по какому-то давно забытому делу. Если бы он остался с Фебой, он, возможно, сумел бы с помощью своей магической силы изгнать болезнь из ее тела — как сумели бы это сделать и деревенские целители, если бы пришли к ней, когда она попросила. Но, подобно многим его соплеменникам — да и соплеменникам Фебы, надо признать, — целители не одобряли их брак. Он был оскорблением, нанесенным самому Кирсару, говорили они; предательством, подобным предательству Картаха. Поэтому они отказались прийти к Фебе, оставили ее умирать, хотя легко могли спасти.

Вернувшись в деревню через несколько дней, Гринса обнаружил, что их дом сожжен дотла, как и другие дома, куда наведалься чума. От их совместной жизни ничего не осталось, кроме золотого кольца, которое он подарил ей в день бракосочетания. Кольцо пришлось снимать с обугленного пальца Фебы. Потом его долго рвало, до крови.

Как он мог полюбить снова? Как он мог продолжать жить среди кирси? Довольно долго Гринса не делал ни первого, ни второго. Даже когда он год спустя присоединился к ярмарке Бодана, он избегал Трина и других кирси и проводил то недолгое время, которое находился вне палатки предсказателя и своей комнаты, с певцами и танцорами из племени инди. Однако постепенно душевная боль начала утихать, а с ней и ненависть к своему народу. Гринса никогда не забывал о том, что сделали целители в его деревне, но и забыть о своем происхождении и призвании тоже не мог.

Желание любить, однако, возвращалось гораздо медленнее. Он часто менял женщин — это обычное дело, когда странствуешь с ярмаркой. Но времени на любовь не оставалось, что тоже вполне его устраивало. Лишь недавно Гринса начал понимать, что ему недостаточно

этих случайных связей. И, только встретив Кресенну, он в полной мере ощутил себя готовым полюбить снова.

Дело заключалось не только в красоте девушки, хотя ею Кресенна отнюдь не была обделена. И не в том, что она была ярмарочной предсказательницей, а следовательно, у них двоих могло быть будущее. Как ни странно, Гринса осознал, что готов полюбить снова, когда увидел, какую ненависть она питает к Картаху. Та же самая ненависть убила Фебу. То обстоятельство, что его непреодолимо влекло к Кресенне, больше всего прочего свидетельствовало о том, что он исцелился. Феба навсегда останется частью его души. Он никогда не переставал любить свою покойную жену и никогда не перестанет. Но боль утраты наконец притупилась. Он почувствовал готовность отдать свое сердце другой женщине.

Возможно, для начала стоило немного приоткрыть правду, хотя Кресенна едва ли могла понять значение этого его шага.

— На самом деле я обладаю и другими магическими способностями, — сказал Гринса, внезапно приняв решение.

Он сел в постели, и одеяло соскользнуло с его груди.

— Что ты имеешь в виду? Я думала...

— Я хороший предсказатель. Но в других областях магии я мало искушен. Поэтому предпочитаю помалкивать. — Он ухмыльнулся. — И все же я могу показать тебе кое-какие забавные вещи.

Вытянув руку вперед, как делала недавно Кресенна, Гринса вызвал из пустоты маленькое облачко тумана. Сначала расплывчатое, словно одинокое белое облако в чистом небе, спустя несколько мгновений оно начало вращаться, постепенно набирая скорость, и вскоре превратилось в миниатюрное подобие вихря, порожденного самой Морной. Это не стоило Гринсе особых трудов. Любой кирси, наделенный способностью вызывать ветра и туманы, запросто мог сделать то же самое. Но это было все, что он решился показать Кресенне.

Позволив крохотному смерчу несколько секунд поворачиваться на своей ладони, Гринса подбросил его в воздух, и он повис между ними. Было невыразимо приятно употребить свои способности на нечто отличное от простых предсказаний, и он на мгновение закрыл глаза, наслаждаясь ощущением магической силы, протекавшей сквозь его тело. Друг-инди однажды спросил его, каково это — обладать такой силой и владеть тайнами магии.

— С таким же успехом ты можешь спросить солдата, каково держать меч в руке, — ответил Гринса. — Или спросить музыканта, каково играть на музыкальном инструменте.

Друга такой ответ не удовлетворил, но Гринса не нашел лучшего объяснения. Во многих отношениях магия кирси ничем не отличалась от ремесел инди. Они еще в детстве обучались магии, точно так же как дети-инди овладевали разными ремеслами. И точно так же приобретали навыки в магии, как приобретают навыки в любом другом деле, пока акт использования волшебной силы не становился естественным и стремительным, как мысль. Разница была лишь в том, что магический дар, которым обладал Гринса, отнимал у него частицу жизни всякий раз, когда он его использовал. Немногие инди знали это. Было общеизвестно, что кирси живут гораздо меньше, чем инди, и обычно слабее и болезненнее них. Но мало кто из представителей другого племени знал, что использование магии сокращает жизнь беловолосых. Такое знание заставило бы людей, которые полагались на магический дар кирси (как герцог Кергский полагался на дар Фотира), раздумывать и колебаться всякий раз, когда требовалось прибегнуть к магии. Или стало бы мощным оружием в руках людей, ненавидевших кирси. Так или иначе, соплеменники Гринсы не считали нужным делиться с инди этим секретом.

С другой стороны, поскольку они платили такую дорогую цену за использование своих способностей, каждое магическое действие, совершенное одним кирси для другого, обретало огромное значение. Даже огненная перчатка Кресенны и крохотный смерч, вызванный для нее Гринсой, считались необыкновенно щедрыми дарами, а возможно, даже объяснением в

любви.

— Это замечательно. — Кресенна заворожено смотрела на вихревое облачко, улыбаясь детской улыбкой. Она осторожно подняла руку. — Можно потрогать?

— Конечно.

Девушка бросила на него быстрый взгляд и снова стала наблюдать за крохотным смерчем. Она поднесла к нему снизу руку, и Гринса опустил облачко ей на ладонь.

— Какое холодное! — Кресенна рассмеялась. — Такое ощущение, словно снежные хлопья падают на ладонь.

Он ничего не ответил. Ему было достаточно просто смотреть, как она зачарованно смотрит на маленький смерч. Через минуту она опустила руку, и вихревое облачко снова повисло в воздухе. Гринса подождал еще несколько секунд, а потом вызвал легкий ветерок, который пронесся сквозь облачко и рассеял его, — только тонкие струйки тумана еще несколько секунд вились в воздухе, словно дым от угасавшей свечи, а потом исчезли.

— Спасибо, — сказала Кресенна после непродолжительного молчания. — Это было чудесно.

— Не стоит благодарности.

— Все же, по-моему, ты скромничаешь. По части ветров и туманов ты настоящий мастер.

Несмотря на то что питал к ней такие чувства и сейчас сидел в ее постели, спрашивая себя, не влюбился ли уже, Гринса услышал звон набатного колокола в глубине своего сознания — словно где-то вдали горел храм.

— На самом деле нет. — Он старался говорить беззаботно. — Это практически все, что я умею. Это не значит, что я могу вызвать настоящий смерч, обладающий разрушительной силой.

— Ты уверен? А по-моему, вызывать и подчинять своей воле такие вот маленькие смерчи даже труднее, чем большие.

Конечно, Кресенна была права. Она загоняла Гринсу в угол, и он сам помогал ей в этом. В любых других обстоятельствах, с любым другим человеком здесь, в Прибрежных Землях, он почувствовал бы себя в опасности.

— Пожалуй, ты права, — сказал Гринса, отогнав прочь неприятные мысли. — Когда-нибудь я попытаюсь вызвать ветер посильнее. А ты мне поможешь.

— С удовольствием. Только вряд ли тебе понадобится помощь.

Гринса ухмыльнулся, но ничего не ответил, надеясь, что разговор закончен.

— Ты слышал, что герцог с сыном едут в Кентигерн? — чуть погодя спросила Кресенна.

На эту тему ему тоже не хотелось говорить. Но что он мог поделать?

— Да, слышал.

— Похоже, Тавис оправился после своего Посвящения. Леди Бриенна будет прекрасной герцогиней и королевой.

Гринса кивнул:

— Несомненно. — Но при одном упоминании о предстоящей поездке Тависа в Кентигерн у него испортилось настроение. Видение, которое он вызвал в Киране во время Посвящения молодого лорда, по большей части оставалось загадочным для него самого — в частности, обстоятельства заточения Тависа. Тавис, явившийся в камне, был молод; следовательно, роковых событий не придется ждать долго. Но с другой стороны, Гринса был уверен, что сына герцога никогда не посадят в кергскую тюрьму, а это позволяло надеяться, что у него еще есть время подготовиться. Объявление герцога о предстоящей поездке в Кентигерн все изменило. Несмотря на договоренность о браке, отношения между двумя домами не отличались теплотой; Гринса почти не сомневался, что тюрьма, которую он видел в камне, находится в Кентигернском замке.

— Тебя смущает этот брак? — спросила Кресенна, нахмутив лоб.

— Вовсе нет.

— Тогда в чем дело?

Гринса заколебался, пытаясь решить, насколько он может быть с ней откровенен.

— В Посвящении, да? — спросила она, прежде чем он успел ответить. — То, что тебе открылось в Посвящении Тависа, произойдет в Кентигерне?

— Точно не знаю. — Но это прозвучало как признание.

— Ты боишься, что именно так и будет.

Гринса глубоко вздохнул:

— Да.

— И что ты собираешься предпринять?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Что я могу предпринять? Это судьба. — Честность имела свои пределы, даже когда дело касалось Кресенны.

Девушка кивнула:

— Пожалуй, ты прав. — Она опустила взгляд на свои руки, словно внезапно почувствовав неловкость. — А с ним действительно должно произойти нечто ужасное, да?

— Кресенна...

— Извини. — Она быстро помотала головой. — Считаю, что я ничего не спрашивала. Наверное, ты и так рассказал мне больше, чем хотел.

Гринса снова улыбнулся и взял ее руку.

— Боюсь, да. Но что я мог с собой поделать?

Девушка залилась румянцем, подалась вперед и легко поцеловала его в губы.

— Ничего, — прошептала она. — Ты ровным счетом ничего не мог с собой поделать.

Кресенна отстранилась — ее лицо сияло в темноте, словно Панья, — и движением, грациозным, как язычки пламени, недавно плясавшие у нее на ладони, через голову стянула с себя рубашку. Она потряхнула головой, и белые волосы рассыпались по ее плечам, обрамляя улыбку, при виде которой у Гринсы часто забилося сердце. Ее ослепительно белая кожа, казалось, светилась. Он перевел взгляд на ее груди — маленькие, круглые, безупречной формы — и медленно, словно помимо своей воли, протянул к ним руки. Она склонилась над ним и снова поцеловала, на сей раз страстно.

Гринса знал: Кресенна права. Он ничего не мог с собой поделать. И в ту минуту ему было все равно.

Лежа в постели в ожидании сна и наблюдая за лучом Паньи, медленно скользившим по стенам комнаты, кирси невольно улыбалась.

Еще несколько дней назад Посвящение Тависа казалось серьезным осложнением — событием, которое могло послужить предостережением молодому лорду и расстроить их планы. Но теперь опасность миновала. Мальчика видели в городе: он таскался по улицам и наслаждался выступлениями ярмарочных артистов. По крайней мере, старался. Все видевшие молодого лорда отмечали его мрачность; некоторые говорили, что он все время еле сдерживает слезы. Но, по крайней мере, он находился вне замка.

Посвящение Тависа по-прежнему оставалось тайной. Однако с каждым прошедшим днем, с каждым новым свидетельством того, что молодой лорд оправился от потрясения, подробности видения, явившегося ему в Киране, казались все менее важными. Насколько кирси понимала, о пророчестве не знал никто, кроме самого Тависа и предсказателя. Людям в Кергском замке и в городе было известно только, что предсказание страшно расстроило молодого лорда. Каковое обстоятельство, как поняла кирси по зрелом размышлении, на самом деле должно было только усыпить подозрения. Если бы пророчество обещало славную и долгую жизнь, страшная участь, ожидавшая Тависа в Кентигерне, возбудила бы воспоминания о Филибе Торалдском и его безвременной смерти. Так или иначе, ровно через месяц жители Керга будут говорить о том, что боги обрекли Тависа на страшную судьбу и что Посвящение показало это самым недвусмысленным образом. Подробности пророчества уже не имели никакого значения.

Сейчас имело значение то, что герцог не отказался от намерения отвезти своего сына в Кентигерн. Прежде ходили слухи, что он собирается отложить поездку, возможно, даже вовсе отменить. Но теперь все устроилось. Боги, похоже, были милостивы к ним. Кентигерн давал убийцам, которых они наняли, великолепную возможность осуществить задуманное. Город находился далеко от ярмарки, что после событий в Торадде представлялось совершенно необходимым условием. Вдобавок Кентигерн был соперником Керга и держал первую линию обороны Эйбитара, проходившую по реке Тарбин.

Теперь единственную опасность для них представлял сам предсказатель, но в конце концов кирси пришла к твердому убеждению, что даже Гринса не сможет помешать им. Традиция запрещала предсказателю раскрывать тайну Посвящения. Оставался единственный вопрос: как долго он станет молчать, если судьба молодого лорда будет слишком сильно отличаться от того, что напороочил камень.

В конечном счете, решила кирси, бояться нечего. Гринса был всего лишь ярмарочным предсказателем. Даже если бы он попытался поднять вопрос о судьбе мальчика, мало кто стал бы его слушать. Ибо за дни, прошедшие после нападения Тависа на Ксавера, кирси составила план, блестящий план. Он имел мало общего с убийством Филиба, но обещал не менее успешно изменить порядок престолонаследия. В действительности кирси с полным основанием надеялась достичь гораздо большего. Если наемный убийца будет действовать в соответствии с инструкциями, никакие слова или поступки Гринсы не спасут мальчишку.

Самое главное, кирси знала, что события, предусмотренные планом, не вызовут никаких подозрений. Простое убийство могло бы. Еще одно ограбление вызвало бы наверняка. Но только не это. Это будет выглядеть совершенно убедительно, учитывая недавнее поведение Тависа.

ГЛАВА 8

Кентигерн, Эйбитар, луна Элинеды прибывает

Кентигернский замок стоял на вершине одноименного холма, в сорока лигах от Керга. Одиноким всадник, погоняющий своего коня, или даже кавалькада, продолжающая путь после заката при свете лун, могли преодолеть это расстояние за четыре-пять дней. Но герцог Кергский не относился к разряду людей, которые путешествуют с немногочисленной свитой, а поскольку они выехали в первый день месяца, несколько первых ночей никакого лунного света ждать не приходилось.

Накануне отъезда отец Ксавера настойчиво советовал Явану взять с собой большой отряд солдат.

— Дело не только в том, что я не доверяю Кентигерну, — сказал Хаган, — хотя, признаюсь, меня не радует мысль о вашем пребывании в Кентигернском замке в отсутствие надежного человека, который держал бы ухо востро.

— Ты нужен мне здесь, — ответил герцог. — Мне нужно знать, что герцогиня и замок находятся в безопасности.

— Я понимаю. Но вы будете поблизости от Тарбина и нескольких тысяч анейранских солдат. Если мне нельзя поехать с вами, вам следует взять с собой сотню солдат. Или хотя бы восемьдесят.

Яван рассмеялся, положив руку на плечо Хагана:

— Я не могу появиться в Кентигерне с таким многочисленным отрядом. Андреас решит, что я прибыл с намерением устроить осаду, а не помолвку. Кроме того, где он разместит всех солдат?

Хаган попытался улыбнуться шутке герцога, но вместо того покраснел — черта, хорошо знакомая Ксаверу. Отца действительно тревожила предстоящая поездка в Кентигерн. И похоже, его не особо успокаивало то обстоятельство, что Ксавер едет тоже. Рука у мальчика уже зажила, но он начал тренироваться с мечом всего за несколько дней до отъезда.

— Тогда шестьдесят, — сказал Хаган герцогу, словно торговался с лоточником на рынке.

— Я возьму сорок, Хаган. Тавис и Ксавер отлично владеют мечом, да и я тоже. И с нами едет Фотир. Тебе не о чем беспокоиться.

Несмотря на свое упрямство, отец Ксавера знал, когда следует уступить в споре с герцогом.

— Хорошо, милорд.

Даже с относительно небольшим отрядом солдат всего набралось почти семьдесят человек. По обыкновению, герцога и Тависа сопровождали слуги, а также несколько поваров и дегустаторов из кухонь Кергского замка и несколько конюхов. В результате им потребовалось больше недели, чтобы преодолеть основную часть пути, но даже сейчас, на одиннадцатый день путешествия, они едва успевали прибыть в Кентигерн до предзакатных колоколов.

Ксаверу путешествие не доставило никакого удовольствия. Поначалу они двигались по побережью пролива Вантре, откуда открывались красивые виды на остров Вантре и далекие берега Брэдона. Но дальше смотреть было не на что, если не считать реки Хенеи; а когда они переправились через реку и углубились в Кентигернский лес, так и вовсе стало скучно.

Тавис всю дорогу был против обыкновения молчалив, хотя и настоял на том, чтобы ехать рядом с Ксавером. Герцог и Фотир почти все время держались впереди них, тихо беседуя на разные темы и тем самым лишая Ксавера возможности рассеять скуку.

Ночи были не лучше. После ужина Тавис обычно скрывался в неизвестном направлении с винным бурдюком, оставляя Ксавера в обществе герцога и первого советника. Вероятно, молодой лорд понимал, что ведет себя неблагоприятно, или плевать хотел на все. Но Ксавер неизменно замечал мрачное выражение, которое появлялось на лице Явана, когда он провожал взглядом своего сына, тихо исчезавшего в ночной тьме. После второй ночи Ксавер решил поговорить с Тависом, однако потом передумал. Слишком часто он оказывался меж двух огней. Он не хотел опять становиться между герцогом и своим другом — тем более после недавних событий.

Ксавер больше не злился на сына герцога, но не мог сказать, что негодование прошло окончательно, и сомневался, что это когда-либо произойдет. После разговора, состоявшегося между ними в его комнате, Ксавер каждый день ругал себя за то, что отказался от предложения Тависа освободить его от клятвы. Он понимал, что не мог поступить иначе. И все же ругал себя на чем свет стоит.

— А что, если я возненавижу ее? — внезапно спросил Тавис.

Они ехали бок о бок в густой тени Кентигернского леса; лошади шли ровным шагом. В лесу полдневный зной переносился легче, но все равно лицо Тависа блестело от пота, как и лицо Ксавера.

— Кого?

— Бриенну, разумеется. А вдруг при нашей встрече я пойму, что не смогу полюбить ее?

— Это выгодный брак, Тавис.

— Но не...

Ксавер потряс головой, заставив друга замолчать:

— О любви здесь не идет речь. — Он невольно улыбнулся. — Ты будешь не первым герцогом или королем в истории Эйбитара, который станет искать любовь на стороне.

Он говорил тихо, но, очевидно, его слова разнеслись по лесной тропе, ибо мгновение спустя герцог обернулся, криво улыбаясь.

— У тебя мудрый друг, Тавис, — сказал он. — Тебе стоит держать его подле себя.

Яван и Фотир немного придержали коней, позволив Тавису и Ксаверу поравняться с ними. Кирси кивнул обоим мальчикам, но не произнес ни слова.

— Значит, тебя страшит предстоящая встреча с Бриенной? — спросил герцог сына, когда все четверо поехали бок о бок.

— Не то чтобы страшит...

— Я тебя понимаю, — сказал Яван. — Я тоже так боялся встречи с твоей матерью, что меня вырвало прямо на пиру. Мать Шоны чувствовала себя столь оскорбленной, что хотела отменить помолвку.

Тавис слабо улыбнулся:

— Я уверен, Бриенна станет хорошей женой, отец.

— Надеюсь, если она не очень похожа на своего отца. Или на свою мать, коли на то пошло. — Яван и Фотир разом ухмыльнулись. — Но на самом деле Ксавер прав. Сейчас нам нужен союз с Кентигерном. Этот брак укрепит положение нашего дома, а следовательно, и позиции королевства. Бриенна будет хорошей королевой. А если тебе повезет, она окажется еще и хорошей женой. Если же нет, ты легко найдешь кого-нибудь, кто согреет твою постель, как находили все остальные правители. — Внезапно герцог густо покраснел. — Себя я не имею в виду. Твоя мать всегда была не только моей герцогиней, но и моей любимой женщиной.

Тавис подавил улыбку:

— Разумеется, отец.

— Но это чистая правда!

— Вы лучше продолжайте, милорд, — сказал Фотир, ухмыляясь и незаметно подмигивая Ксаверу.

Яван откашлялся:

— Вы когда-нибудь были в Кентигерне, господин Маркуллет?

— Нет, милорд.

— В таком случае вам есть чего предвкушать. Никто больше меня не любит Кергский замок и не восхищается мастерством строителей, которые возвели его. На протяжении многих веков моя крепость выдерживала осады, способные повергнуть на колени любой другой дом. И все же в своей жизни я видел мало замков, настолько величественных, как Кентигерн, и мало городов, столь же хорошо укрепленных.

— Мой отец говорил мне то же самое, милорд.

— Не рассчитывайте увидеть город, который способен сравниться с Кергом размерами или красотой. Во многих отношениях Кентигерн больше похож на крепость. Иным он и не может быть, поскольку находится у самого Тарбина. Но как первое укрепление Эйбитара, стоящее на пути анейранцев, он редко подводил нас за минувшую тысячу лет.

Тысяча лет. Замок был древнее самого королевства — как и вражда между Эйбитаром и Анейрой. Согласно легенде, войны за Тарбин начались еще во времена Бинтара и древних войн кланов, когда враждующие племена севера объединяла единственно ненависть к южным кланам.

— А Кентигерн когда-нибудь сдавался? — спросил Тавис.

— Один раз, во время Войны Даррила. Тогда анейранцам удалось удерживать замок некоторое время, и вся мощь оборонительных сооружений обернулась против эйбитарского войска. Но Григ, тогдашний герцог Кентигернский, знал крепость лучше, чем анейранцы. Однажды ночью — после того, как Даррил послал большую часть своего войска на север с приказом взять Керг и Хенею, — Григ с небольшим отрядом сумел проникнуть в замок через потайные ворота, использовавшиеся для вылазок. Они вытеснили захватчиков из крепости, и Григ убил Даррила. — Нахмурившись, Яван посмотрел на сына, потом на Ксавера. — Вы должны знать все это. Тем золотом и серебром, что я выплатил вашим учителям на протяжении многих лет, можно было бы вымостить все улицы Керга.

— О самой Войне мы знаем, отец. Но занятия по истории боевых действий учителя предоставили проводить Хагану, а он считает своей главной задачей обучить нас искусству фехтования. Он говорит, что все остальное может подождать до той поры, когда мы научимся защищать себя.

Яван бросил взгляд на Ксавера, который пожал плечами.

— Это правда, — сказал мальчик. — Отец никогда не видел особой пользы в истории,

даже в истории войн.

Герцог покачал головой, нахмурившись еще сильнее:

— Я поговорю с ним на эту тему, когда мы вернемся. — Он взглянул на Фотира. — Сделай соответствующую заметку.

Кирси кивнул и вынул из-под своего походного плаща маленький свиток и гусиное перо.

— Вы рассказывали нам о Войне Даррила, отец, — напомнил Тавис.

— Больше рассказывать особо не о чем. После смерти Даррила анейранская армия пришла в смятение. Королевским войскам не составило труда оттеснить неприятеля обратно за Тарбин.

— И это был единственный раз, когда Кентигерн пал? — спросил Ксавер.

— Насколько мне известно, да. Крепость выдерживала осады анейранцев в ходе Войны Бастарда и Осенней Войны, а также отражала осады других эйбитарских домов во время Первой Междоусобной Войны и Торалдо-Кергского союза.

У Тависа округлились глаза.

— Мы тоже осаждали Кентигерн?

— Да, Скерис Третий осаждал, но это было больше трехсот лет назад.

— И мы не сумели взять замок?

Яван покачал головой:

— Нет, не сумели. Честно говоря, я бы не стал пытаться даже сейчас, когда там командует Андреас. — Он бросил взгляд на Ксавера. — Только не вздумай сказать своему отцу, что я говорил это.

Все хором рассмеялись. Мгновение спустя Тавис задал отцу еще какой-то вопрос об одной из междоусобных войн, и долгое время они ехали рядом вчетвером, пока герцог читал Ксаверу и Тавису длинную лекцию по истории Эйбитара. Впервые с момента отъезда из Керга Ксавер испытал настоящее удовольствие от путешествия с герцогом и его сыном; с нетерпением ожидая прибытия в Кентигерн, он от души наслаждался последней частью пути.

Они выехали из Кентигернского леса, когда солнце начало опускаться к проливу Вантре. Было жарко, и на востоке, над болотом Хэриер, собирались тяжелые, темные грозовые тучи. Впереди возвышался замок, похожий на огромного орла, сидящего на скалистой вершине белого Кентигернского холма.

Он отличался суровой простотой. Как верно заметил Яван, об изяществе здесь не могло быть и речи. Подобно большинству замков крепостного типа, включая Одунский замок в Городе Королей, Кентигерн состоял из наружной крепостной стены и внутренней, более высокой; по форме обе они представляли собой правильный многоугольник и были сложены из крупного серого камня. Многочисленные башни на обеих стенах были разной толщины, но все одинаково высокие; несомненно, они обеспечивали часовым хороший обзор в сторону Тарбина и территории на другом берегу реки. Над башнями на горячем ветру лениво реяли знамена — почти все с гербом Кентигерна: серебряная рысь на вершине белой горы, изображенная на ярко-синем поле. Но над двумя башнями, расположенными по сторонам ближайших ворот, развевались пурпурно-золотое знамя Эйбитарского королевства и коричнево-золотое знамя Кергов.

Даже сейчас Кентигернский замок, залитый золотым светом предзакатного солнца, нельзя было назвать красивым — таким красивым, каким слыл Галдастенский замок или Реннахский. Скорее он представлялся грозным и неприступным, как гора, на которой возвышался. Он казался древним, как камни, из которых были сложены его стены, — словно стоял здесь с тех незапамятных времен, когда Элинеда впервые простерла свою руку над Прибрежными Землями. И Ксаверу подумалось, что у самой богини никогда не хватило бы силы сокрушить сию твердыню. Глядя на башни и стены Кентигерна, он не понимал, как кому-то вообще могло прийти в голову нападать на такую неприступную крепость. Вероятно, подобной же мыслью руководствовались и строители, возводившие замок.

Маленькие домики на склоне холма и на широкой равнине у подножия одного, казалось, преклоняли колена перед Кентигернским замком, подобно жрецам и жрицам Ина, молящимся своему богу в монастырях. Эти небольшие строения окружала мощная стена, которая поднималась по склону холма до самой крепости. На ней, на равном расстоянии друг от друга, возвышались башни, и с опушки леса Ксавер увидел по меньшей мере двое хорошо укрепленных ворот. Он увидел также шпили храма, возносившиеся над стеной в юго-восточной части города. Ксаверу никогда еще не встречался храм со столь высокими шпилями, и он невольно задался вопросом, кому из четырех богов поклоняются жители Кентигерна.

— Вы смотрите на храм? — тихо спросил Фотир.

Удивленный, Тавис повернулся к нему:

— Да, верно. Вы не знаете, кому из богов поклоняются тут?

— Такие высокие шпили, — сказал кирси, не сводя желтых глаз с храма. — Жители Кентигерна поистине любят своего бога. Или боятся.

Ксавер промолчал, ожидая ответа на свой вопрос. Но он уже знал, что скажет первый советник.

— Это храм Байана. Они поклоняются Лукавцу. — Фотир посмотрел на Ксавера и улыбнулся значительной улыбкой, от которой у молодого человека побежали мурашки по телу. — Да не пугайтесь вы так, господин Маркуллет. Жители Кентигерна постоянно живут под угрозой нападения. В то время как многие эйбитарские дома на протяжении многих веков не знали войн, Кентигерн выдержал не один десяток боев с анейранцами за последние пятьсот лет. Стоит ли удивляться, что они поклоняются богу Подземного Царства?

— Нам еще нужно преодолеть больше полулиги, — сказал Яван, прежде чем Ксавер успел ответить. — Мне бы хотелось достичь ближайших ворот до предзакатных колоколов.

Не дожидаясь ответа, герцог прищипорил своего коня, и все остальные последовали за ним. Но Ксавер не переставал думать о словах Фотира. Первый советник, безусловно, был прав. Он рассуждал здраво, но Ксавер с трудом представлял себе, как можно поклоняться богу смерти. Последнего называли Лукавцем, поскольку, согласно легенде, он соблазнил Элинеду, богиню земли, приняв обличье Амона, ее супруга, и таким образом произвел на свет трех темных сестер: Орлу, богиню войны, Зиллу, богиню голода, и Мурнию, богиню чумы. При одном только виде храма Байана Ксавер снова вспомнил об опасениях, которые отец выражал Явану перед их отъездом. Герцог отмахнулся от всех предостережений, сведя их к шутке, и Ксавер забыл о них, едва они выехали из Керга. Но сейчас мальчик вдруг ясно осознал, что они направляются прямо к Тарбину. Если разразится война с Анейрой — каковая возможность оставалась постоянно, независимо от времени года, — первый бой вынуждены будут принять они. Ксавер не придержал коня, но внезапно вспомнил о кинжале, висевшем у него на поясе, и почти бессознательно протянул руку назад, чтобы убедиться, что завернутый в промасленную ткань меч по-прежнему приторочен к седлу.

Дорога к городу и замку плавно вилась через широкие поля, между разбросанных здесь и там ферм. Они проехали мимо маленького мальчика, который стоял у обочины с большим стадом овец. Разинув рот, он с минуту таращился на отряд всадников, а потом круто развернулся и бросился обратно к своему маленькому дому, истошно крича матери, что на замок идет неприятель.

Когда они преодолели примерно половину остававшегося пути, Яван приказал всем остановиться и подозвал к себе двух солдат, которым велел встать во главе отряда, по обе стороны от себя, и развернуть знамена Эйбитара и Керга.

— Дальше Тавис поедет со мной и этими людьми впереди, — сказал герцог, оборачиваясь к Фотиру. — Вы с Ксавером будете держаться позади нас, за вами последуют солдаты, а за ними слуги.

— Хорошо, милорд, — сказал Фотир. — Я сам за всем прослежу. — Он развернул своего коня и поехал назад, выкрикивая приказы.

Яван повернулся к Тавису, а потом к Ксаверу:

— Ничего не говорите, пока к вам не обратятся. Держитесь с достоинством, но не забывайте улыбаться. Мы здесь гости. Любой наш поступок может иметь последствия для дома Кергов.

— Да, отец.

— Конечно, милорд.

Мальчики ответили одновременно и переглянулись, обменявшись улыбками. У Ксавера учащенно забилося сердце, и он осознал, что волнуется куда больше, чем ожидал. Судя по лицу Тависа, молодой лорд чувствовал то же самое.

Скоро вернулся Фотир.

— Все готово, милорд.

— Хорошо. Тогда вперед.

Отряд вновь двинулся к замку. Теперь Ксавер отчетливо видел ворота и стражников, стоявших слева и справа от них. Когда они приблизились, к стражникам присоединились еще два человека — с золотыми горнами, блестящими на солнце. Они поднесли горны к губам и заиграли «Деяния Бинтара», военный гимн Эйбитара; звуки музыки зазвенели над равниной, словно лязг мечей. Закончив гимн, они сразу заиграли «Флот Ролдана» — балладу, прославлявшую Ролдана Второго из дома Кергов, под командованием которого Эйбитар на заре истории королевства одержал победу на море над Везирном. Все время, пока горнисты играли, Ксавер и отряд всадников из Керга продолжали приближаться к городским воротам. Когда на самом подъезде к городу они придержали коней, музыканты как раз закончили вторую вещь и перешли к следующей. Ксаверу не было известно, как называется песня, но он знал, что она прославляет Грига, героя из дома Кентигернов, о котором недавно рассказывал герцог. И когда первые ноты баллады взмыли в теплый воздух, заставив Ксавера проникнуться торжественностью момента и затрепетать от волнения, Андреас, герцог Кентигернский, выехал из ворот навстречу гостям.

Ксавер никогда не видел герцога прежде, хотя уже много лет слышал рассказы о нем. Его называли Холм на Холме — и сейчас Ксавер понял почему. Высокого роста и широкий в поясе, он действительно напоминал гору. Волосы и борода у Андреаса были цвета ржавого железа, не тронутые сединой, хотя все говорили, что он одних лет с Яваном, если не старше. У него были светлые глаза — цвета серых стен Кентигернского замка — и красное, словно обветренное, лицо. Несмотря на близко посаженные глаза и слишком крупный нос, герцог не производил отталкивающего впечатления.

За ним, тоже верхом, следовала привлекательная женщина, в противоположность Андреасу хрупкая и стройная, с золотистыми волосами и темно-кариими глазами. По всей видимости, это была Иоанна, герцогиня Кентигернская. Ксавер бросил быстрый взгляд на Тависа, который тоже пристально смотрел на женщину. Если Бриенна хоть немного походила на мать, молодому лорду поистине повезло.

Герцога сопровождали кирси и отряд солдат в парадной серебряно-синей форме. Пусть Кентигерн с Кергом и враждовали в прошлом, но Ксаверу показалось, что Андреас не пожалел сил для достойного приема Явана и его спутников.

Герцог Кентигернский неподвижно сидел на своем коне, спокойно разглядывая гостей, пока играла музыка. Когда горны умолкли, он приветственно поднял руку в перчатке.

— Добро пожаловать в Кентигерн, лорд Керг, — сказал он. — Мы счастливы оказать вам гостеприимство.

— Лорд Кентигерн, — ответил Яван, — мы благодарим вас за столь торжественный прием. Вы оказываете нам честь своими делами и словами.

Две мужчин спрыгнули с коней и обнялись, словно братья; с обеих сторон грянули ликующие возгласы.

Яван обернулся к своему отряду и сделал незаметный жест, значение которого Ксавер не понял. Однако мгновение спустя Тавис и Фотир спешились, и мальчик догадался, что герцог ожидает того же самого от него.

— Андреас, герцог Кентигернский, — сказал Яван, — позвольте мне представить вам

моего сына, лорда Тависа Кергского.

Тавис шагнул вперед и поклонился.

— Лорд Кентигерн, — произнес он. — Это большая честь для меня.

— Я рад видеть вас, лорд Тавис. Когда мы с вами встречались в последний раз, вы были еще ребенком. Я слышал, вы достигли успехов по части фехтования.

— Весьма скромных, милорд.

— Надеюсь, вы покажете нам, чему научил вас старина Хаган, на турнире, который состоится через два дня.

Тавис широко улыбнулся:

— С удовольствием, милорд.

Яван одобрительно кивнул, а потом указал на Фотира:

— Вероятно, вы помните моего первого советника, Фотира джал Салена.

— Лорд Кентигерн, — промолвил Фотир, кланяясь в свою очередь.

Андреас едва заметно улыбнулся, но ничего не сказал.

— А это Ксавер Маркуллет, — продолжил Яван. — Вассал моего сына.

— Сын Хагана! — воскликнул герцог Кентигернский, смерив Ксавера оценивающим взглядом.

Ксавер поклонился, сознавая, что у него это получается не так изящно, как у Фотира или даже у Тависа.

— Лорд Кентигерн.

— Ты тоже искусный фехтовальщик, мой мальчик? Это у тебя в крови?

— Мой отец хорошо обучил меня, — ответил он. — Не знаю, в крови это у меня или нет.

— В крови, милорд, — сказал Тавис к удивлению Ксавера. — Он владеет мечом не хуже меня. А возможно, и лучше.

Андреас приподнял бровь:

— Поистине высокая похвала. Похоже, в турнире будут участвовать еще двое.

Герцог Кентигернский положил огромную руку на плечо Явану — на памяти Ксавера такого еще никто не делал, даже герцогиня Кергская, — и двое мужчин направились к городским воротам.

— Ну же, Яван! — сказал Андреас. — Иоанне не терпится поприветствовать вас. Очень жаль, что Шона не смогла приехать, хотя я все понимаю. В наше время, когда за каждым поворотом дороги тебя подстерегают грабители и разбойники, я не решился бы увозить Иоанну или Бриенну далеко от Кентигернского холма без крайней на то необходимости.

По знаку Фотира Тавис и Ксавер последовали за герцогами, чтобы продолжить церемонию знакомства. Герцогиня Кентигернская поприветствовала гостей довольно сдержанно, хотя дружелюбно улыбнулась, когда Ксавер поклонился ей. Первому советнику Кентигерна, кирси по имени Шерик, Яван выказал не больше тепла, чем Андреас Фотиру. И двое беловолосых мужчин ограничились лишь коротким кивком, когда их представили друг другу.

Спустя несколько минут, показавшихся бесконечно долгими, после утомительного обмена приветствиями и именами, герцоги наконец двинулись вперед, к замку, возглавляя многолюдную процессию. По обеим сторонам улиц стояли сотни людей, которые приветствовали Явана и Андреаса громкими криками и восторженно глазели на солдат.

— Они хотят видеть герцога и лорда Тависа.

Ксавер бросил взгляд в сторону и увидел, что Фотир внимательно смотрит на него, еле заметно улыбаясь.

— Короли нечасто навещают Кентигерн. Однако сейчас здесь находятся два человека, которые в недалеком будущем взойдут на Одунский престол. Эти люди будут вспоминать сегодняшний день до конца жизни. — Кирси говорил тихо, и выражение его светлых глаз заставило Ксавера задуматься, не имеет ли он в виду нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

— Я не думал об этом, — сказал он, толком не понимая, какого ответа ждет от него первый советник.

— Я знаю. Все мы порою бываем забывчивы. А этого допускать нельзя. Они полагаются на нас.

Ксавер немного подумал над словами кирси, потом медленно кивнул. Фотир улыбнулся и снова устремил взгляд вперед.

Иоанна объясняла, что Бриенна осталась в своих покоях и готовится к долгожданному пиру, который начнется с вечерними колоколами. Там ее официально представят Явану и жениху.

— Именно так я впервые встретила с Андреасом, — сказала она. — Я посчитала, что моей дочери следует поступить в соответствии с обычаем.

— Полностью с вами согласен, — сказал Яван. — А ты, Тавис?

— Конечно, отец, — ответил молодой лорд. — Леди Иоанна очень мудра.

И снова Яван одобрительно кивнул, а мгновение спустя возобновил разговор с герцогом и герцогиней Кентигернскими, предоставив Ксаверу возможность оглядеться по сторонам.

Во многих отношениях Кентигерн походил на Керг. В обоих городах были большие рыночные площади с многочисленными лавками, кузницами, трактирами и торговыми лотками. Насколько удалось заметить Ксаверу, окраинные улицы здесь, как и в Керге, служили проходами к рынкам для пастухов из окрестных деревень, пригонявших на продажу своих овец и прочий скот. Единственная существенная разница между Кентигерном и Кергом заключалась в расположении замка. Замок Явана, хотя и был самым большим зданием в Керге, все же оставался частью города. Торговые лавки и жилые дома располагались прямо под его стенами. Но Кентигернский замок стоял на самой вершине холма, возвышался над обнесенным стеной городом, словно раз и навсегда отделенный от него. Город кончался у подножия холма, а дальше начиналась единственная дорога, которая долго петляла по поросшему низкой травой склону между огромных валунов и невысоких деревьев, прежде чем приводила к воротам замка. Возникало такое впечатление, будто люди, возведшие замок, стремились обезопаситься не только от анейранцев, но и от собственного народа.

— Вы такое ожидали увидеть? — спросил Фотир, снова ловя взгляд Ксавера. Никогда еще первый советник не выказывал к нему подобного интереса.

— Я вообще плохо представлял, чего ожидать. — Ксавер говорил тихо. — Это великолепный замок.

Фотир кивнул и перевел взгляд на замок. Однако мгновение спустя он снова посмотрел в глаза Ксаверу:

— Похоже, лорд Тавис оправился от потрясения, вызванного пророчеством.

— Думаю, да. — Внезапно Ксавер внутренне напрягся.

— Вы знаете, что он увидел, Ксавер?

— Нет. А если бы и знал, то не сказал бы вам.

— Даже после всего случившегося вы продолжаете защищать его. Герцог прав: лорду Тавису повезло с вами.

Ксавер молчал, опустив глаза.

Но Фотир умел читать мысли.

— А возможно, дело не в этом. Возможно, вы просто не доверяете мне.

Ксавер искоса взглянул на него, но по-прежнему ничего не ответил.

— Хорошо, господин Маркуллет, — сказал кирси. — Очень хорошо. Вы заблуждаетесь на мой счет. Я — друг и вам, и молодому лорду. Но таких друзей у вас гораздо меньше, чем вы думаете. Не доверяйте никому. Лучше принять друга за врага, чем врага за друга.

И первый советник вновь устремил взгляд вдаль, предоставив Ксаверу обдумать услышанное. Слова Фотира звучали не только как предложение дружбы, но и как предостережение. Если бы только Ксавер знал, чему верить.

Покинуть ярмарку было непросто. К счастью, Джедрек все же согласился остаться, хотя Кадел потратил почти целый день на уговоры. Уход сразу двоих певцов привлек бы внимание других музыкантов и, вполне возможно, Джегора и Ории, а на такой риск он пойти не мог. Так или иначе, Кадел проделал лишний путь в несколько лиг, чтобы не вызвать подозрений своим уходом и не выдать своего истинного места назначения.

Ярмарка покинула Керг за семь дней до Черной Ночи и двинулась через Вересковые пустоши на северо-восток, к Галдастену. На третий вечер, когда ярмарка находилась в полных пяти лигах от Керга, Кадел и Джедрек инсценировали драку из-за женщины в деревенской таверне. Они не первый раз прибегали к подобной хитрости. И в самом деле, ярмарочные певцы, которые провели с ними довольно много времени, не удивились, когда они двое бросились друг на друга с кулаками. Поэтому, когда Кадел, с разбитым носом и рассеченной скулой, покинул ярмарку, у остальных артистов не возникло никаких вопросов.

Он поехал верхом в направлении Сассина и свернул в сторону Кентигерна только в середине следующего дня, когда убедился, что не встретит никаких знакомых. По дороге он остановился в маленькой деревушке, расположенной под самыми стенами Хенеи, но только для того, чтобы нанести визит деревенскому аптекарю. Оттуда он поскакал во весь опор к Кентигернскому холму.

Кадел знал, что герцог Кергский со своими людьми не двинется в путь до начала следующего месяца. Не многие осмеливались путешествовать в Черную Ночь, даже в месяце Амона — наименее опасном, согласно зловещим легендам. Таким образом, у Кадела оставалось в запасе несколько дней, чтобы наверстать время, потраченное на путешествие с ярмаркой. Это обстоятельство вкупе с отсутствием спутников позволило ему добраться до Кентигерна за три полных дня до прибытия герцога. Все же он дождался, когда всадники из Керга покажутся на опушке Кентигернского леса, и только потом пешком вошел в город через северные ворота в компании нескольких разносчиков и пастуха, пригнавшего стадо коз из прибрежной деревни.

Как он ни полагался на Джедрека, своего напарника и друга, Кадел вынужден был признать, что ему нравится работать одному. Ему приходилось беспокоиться только за себя. Он мог действовать по своему усмотрению, принимать решения, никому их не объясняя. Он чувствовал себя свободным. Он рисковал сильнее и наслаждался возросшим риском. Кирси предлагала дать ему имена нескольких своих надежных людей в Кентигерне, но Кадел отказался. Он объяснил, что у него самого есть друзья, разбросанные по всему Эйбитару, что было правдой, хотя ни один из них не жил здесь. Он сказал также, что предпочитает работать один, хотя тогда еще не сознавал, насколько это соответствует действительности. Но Кадел умолчал о главной причине своего отказа: он не хотел общаться с беловолосыми больше, чем было необходимо. Он на самом деле не хотел обращаться к ним за помощью. Довольно было и того, что ему придется обратиться к ним, когда он закончит работу и уйдет в Анейру через Тарбин.

Нет, Каделу не нужны были имена друзей кирси. Он не собирался совершать никаких промахов.

От городских ворот он дошел до ведущей к замку извилистой дороги, где толпились жители Кентигерна, которые смотрели, как гости в сопровождении герцога поднимаются по склону холма. Когда несколько человек направились вслед за герцогами вверх по дороге, Кадел присоединился к компании. Большинство повернуло обратно на самом подходе к замку, но Кадел с уверенным видом приблизился к воротам, намереваясь войти внутрь.

— Эй, ты! — крикнул один из стражников, угрожающе размахивая блестящей пикой. — Ты не можешь так просто пройти в замок. Сегодня что, Ночь Бодана, потвоему? — Он рассмеялся, и остальные стражники тоже.

— Нет, сэр, — сказал Кадел, кланяясь и заикаясь, словно от робости. — Я один из слуг герцога.

— Я тебя впервые вижу.

— Извините, сэр. Я имел в виду герцога Кергского.

Стражник несколько растерялся и обменялся взглядами с товарищами. Никто из них тоже не знал, что делать.

Проскользнуть в любой замок — даже столь хорошо охраняемый, как Кентигернский, — легче всего было во время визита почетного гостя. Да, тогда замок заполняли толпы солдат и слуг, но никто не знал, кто здешний, а кто нет, и все боялись случайно оскорбить не того человека. Эти дурни ничем не отличались от всех остальных.

— Лучше его впустить, — сказал один из стражников приглушенным голосом. — Капитан оторвет тебе голову, если Керг поднимет шум по твоей вине.

Несколько мгновений первый стражник пристально смотрел на Кадела, потом кивнул:

— Ну ладно, проходи. В следующий раз не отставай.

— Слушаюсь, сэр. — Кадел снова поклонился и торопливо прошел в ворота. — Благодарю вас, сэр.

Вот так он и проник в замок.

Кадел уже несколько раз бывал здесь — главным образом в качестве певца — и потому знал, куда идти. Оказавшись в наружном дворе, он повернул направо и прошел к северной караульне, которая находилась рядом с кухнями. Стражники посмотрели на него подозрительно, но пропустили, решив, очевидно, что возиться с ним нет необходимости, раз он уже объяснился с часовыми у первых ворот.

Едва войдя во внутренний двор, Кадел почуял запах жарящегося мяса и свежее испеченного хлеба и поспешил туда, откуда он доносился. Он часто говорил Джедреку, что для наемного убийцы нет безопасней места в замке, чем кухни; и в этот вечер кентигернские кухни не являлись исключением. Один из управляющих герцога Кентигернского громко отдавал приказы слугам, сновавшим взад-вперед в отчаянных попытках подготовить все к пиру, который начинался через час. Повара кричали работникам кухонь принести еще мяса или муки из кладовых, а главный повар кричал кухарям поторопиться с приготовлением пищи. Это был сумасшедший дом. Самый настоящий.

Из подвала замка медленно вышел дородный мужчина, с трудом тащивший три огромные бутылки темного вина; Кадел подскочил к нему и взял две из них.

— Премного благодарен. — Мужчина ухмыльнулся. — Со мной был мальчишка, который помогал мне разливать вино, но он исчез, когда настало время перетаскивать бутылки.

— Рад помочь, — сказал Кадел. — Ты куда их несешь?

Мужчина махнул рукой в сторону лестницы, ведущей в главный зал замка.

— Там в зале стол, на который нужно составить все бутылки. Мне придется пройти вверх-вниз по лестнице самое малое дюжину раз. — Он приподнял бровь. — Если я не найду помощника.

Почему бы и нет. Чем больше он будет занят, тем меньше внимания привлечет к себе. А доступ к вину очень пригодится ему впоследствии.

— Разумеется, — сказал Кадел. — Я помогу.

— Ты, должно быть, из Керга, — сказал мужчина, когда они стали подниматься по лестнице в главный зал. — Я тебя не видел здесь раньше.

— Ты прав, так оно и есть. Меня зовут Кребин.

— Рад познакомиться с тобой, Кребин.

Они поставили бутылки на длинный дубовый стол, и мужчина протянул Каделу толстую руку:

— Я Ваник, хранитель винных погребов Кентигернского замка.

Кадел улыбнулся:

— Отец всегда говорил мне, что у меня талант заводить знакомства с нужными людьми.

Ваник рассмеялся, и они пошли обратно в подвал.

— Твой отец не ошибался. Помоги мне с этими бутылками — и обещаю тебе, ты не

будешь испытывать жажды все время, пока гостишь здесь.

Даже вдвоем Каделу и хранителю погребов пришлось сделать девять ходок, чтобы перенести все вино наверх. К тому времени когда они закончили, гости герцога уже начали стекаться в зал и рассаживаться за длинными столами, установленными по периметру помещения. Кадел поискал взглядом герцогов и лорда Тависа среди присутствующих, но они еще не появились.

Под конец они с Ваником порядком вспотели и извоились в пыли.

— Мне нужно переодеться, — сказал Ваник, счищая грязь с рубашки. — Хранитель герцогских погребов не может появиться на пиру в таком виде.

Кадел кивнул:

— Понимаю. Надо полагать, мы увидимся позже вечером.

Они двинулись обратно к кухне, но Ваник тут же остановился:

— Это твоё дорожное платье, да?

Кадел повернулся к нему:

— Да.

— У тебя есть с собой другая одежда?

Он заставил себя рассмеяться:

— Мой господин щедр, но не настолько. Это все, что у меня есть.

Ваник смерил его оценивающим взглядом.

— Ты вроде парень высокий, — сказал он. — Но, пожалуй, у меня найдется кое-какая одежонка на тебя.

Кадел прищурился:

— Зачем?

— Я не в состоянии обслужить всех гостей один, а если тот щенок, который бросил меня в ответственный момент, рассчитывает разливать вино герцогу и герцогине на пиру, то его ожидает неприятный сюрприз.

Боги явно улыбались ему, но Кадел никак не показал Ванику, насколько он доволен.

— Право, не знаю, — сказал он. — В Керге я подсобный работник при кухне, но я еще никогда не прислуживал гостям за столом.

Ваник улыбнулся:

— Ерунда. Ты отлично справишься. И я обещаю тебе пять киндов за ночь плюс бутылку лучшего анейранского золотого вина.

Предложение показалось бы соблазнительным, даже если бы он еще не принял решение.

— Хорошо, — согласился Кадел. — Но я предпочитаю санбирийское темное.

— Договорились! — воскликнул Ваник, кивая в знак согласия.

Они обменялись короткими улыбками, а потом его новый друг начал спускаться в подвал герцогского замка, взмахом руки пригласив следовать за собой. Кадел пошел за Ваником вниз по лестнице и на ходу быстро ощупал карман своих штанов. Пузырек, купленный у аптекаря в Хенее, был на месте.

ГЛАВА 9

Воспоминания о Посвящении преследовали Тависа, словно призраки Байана: они не отпускали в течение дня и населяли его сны по ночам. Иногда мальчику удавалось отрешиться от черных мыслей, отвлечься на какое-нибудь дело, но это были в лучшем случае мимолетные мгновения. Образ несчастного пленника в темнице постоянно возвращался, вспыхивал перед мысленным взором, словно молния в ясном небе, наполняя сердце ужасом, от которого стыла кровь в жилах.

Тавис надеялся, что путешествие в Кентигерн принесет облегчение или, по крайней мере, позволит на время забыть о страхах. Однако всякий раз, когда он видел Ксавера и вспоминал о своем поступке, все мгновенно возвращалось. Нет, о самом нападении на своего

вассала он ничего не помнил. Но каждый день он видел, какие последствия оно имело для их дружбы, и знал, что во всем виновато пророчество Кирана. В дороге Тавис спал плохо и ел мало. С другой стороны, он никогда еще не испытывал такой неодолимой тяги к вину и пиву и, хотя больше ни разу не напивался до невменяемого состояния, как в вечер после Посвящения, сильно набирался теперь в конце каждого дня. Если Ксавер и видел это, то предпочитал помалкивать. А отец, герцог Кергский, явно ничего не замечал.

По прибытии в Кентигерн Тавис немного воспрянул духом. Сам замок произвел на него глубокое впечатление, а теплый прием, который оказали гостям Андреас и Иоанна, тронул его сердце. Однако в то же время в Кентигерне перед Тависом встала новая проблема: он совсем не был уверен, что хочет жениться на Бриенне. Он видел дочь Андреаса много лет назад, и подробности той встречи с годами стерлись у него в памяти. Он смутно помнил некрасивую девочку, толстую, с жидкими желтыми волосами, вяло свисавшими на плечи. Характер у нее был не лучше, и все дни напролет они только и делали, что дразнили друг друга да дрались. Когда наконец они с отцом двинулись обратно в Керг, Тавис покидал Кентигерн и Бриенну с радостью.

Однако сейчас все вокруг уверяли, что из нее получится прекрасная королева и хорошая жена. Тавису хотелось им верить, и ему пришлось признать, что теперь Кентигернский замок произвел на него совсем не такое впечатление, как в прошлый раз. Ныне он был взрослым человеком, почти мужчиной. Возможно, поэтому он посмотрит другими глазами и на леди Бриенну. Конечно, если она хоть немного похожа на мать, он полностью переменит свое мнение о девушке.

— Ты будешь сидеть на пиру рядом с Бриенной, — тихо сказал Тавису отец.

Они шли по каменному коридору центрального здания Кентигернского замка. После первого обмена приветствиями и любезностями Явана, Тависа и всех их спутников проводили в комнаты в восточной части здания, где у них было время скинуть дорожную одежду, принять ванну и надеть платье, в котором больше пристало появляться на торжественном обеде. Теперь четверо стражников Андреаса, все в парадной форме, вели гостей в пиршественный зал. Следом за Тависом и Яваном шли Фотир и Ксавер, а также двое герцогских слуг, в том числе дегустатор, как отметил про себя Тавис. Несмотря на теплый дружеский прием, оказанный гостям у городских ворот, отец еще не собирался принимать все на веру.

— Я буду сидеть между тобой и герцогской четой. — Обращаясь к Тавису, Яван смотрел прямо вперед, с застывшей на губах улыбкой.

— А Ксавер?

— Я не знаю, где его посадят. Наверняка где-нибудь поблизости. Но твое внимание должна занимать Бриенна. Я хочу, чтобы ты постарался произвести на нее благоприятное впечатление.

— По-моему, это она должна постараться произвести благоприятное впечатление. На престол собираются взойти Керги, а не Кентигерны.

Тут отец наконец посмотрел на него:

— Нам нужен этот брак, Тавис. — В голосе герцога, по-прежнему тихом, послышались раздраженные нотки. — Не вздумай испортить дело своим поведением.

Тавис с трудом подавил возмущение. Официальные приемы были для него не в новинку. Он обедал с герцогами, танами, графами и баронами. Однажды он сидел по правую руку от короля на пиру в Одукском замке. Разве за последние несколько лет он не доказал отцу, что на него можно положиться? Разве он плохо держался у городских ворот сегодня?

Как будто отвечая на эти вопросы, воспоминания вновь нахлынули на мальчика, лишая его уверенности и решимости, подобно неожиданному удару меча в разгар поединка. Его Посвящение, его нападение на Ксавера, его поведение на пиру в тот же вечер, о котором он помнил очень смутно, но слышал достаточно. Отец имел полное право делать подобные предостережения.

— Хорошо, сэр, — сказал наконец Тавис еле слышным голосом, который почти

заглушало гулкое эхо шагов. — Я постараюсь.

Яван кивнул и вновь устремил взгляд вперед.

— Прекрасно.

Они спустились по узкой винтовой лестнице, прошли по еще одному короткому коридору и остановились в широком дверном проеме, ведущем в пиршественный зал. Если не считать висевшего на дальней стене огромного синего знамени с гербом Кентигерна, изображавшим серебряную рысь на Кентигернском холме, это просторное помещение мало отличалось от пиршественного зала Кергского замка. Длинное и широкое, оно вмещало более дюжины длинных деревянных столов, которые сейчас слуги уставляли блюдами с жареным и тушеным мясом, сыром, пареными овощами и кореньями, свежими фруктами, а также большими бутылками вина. Высокий потолок подпирали мощные, взмывавшие ввысь арки, сложенные из серого камня. На стенах горели факелы, и на всех столах и настенных канделябрах были зажжены свечи.

В глубине зала, прямо под знаменем Кентигерна, стоял на возвышении большой стол. Понятное дело, именно там должны были сидеть герцоги со своими семьями, но пока стол пустовал. Несомненно, Андреас ждал, когда гости войдут в зал и рассядутся по своим местам. Тавис знал, что отец поступил бы точно так же, если бы сам давал пир у себя в Керге, но тем не менее заметил, как у Явана на мгновение напряглась челюсть.

— Пойдемте, — сказал герцог, не в силах скрыть раздражения. — Похоже, нам надлежит занять места, прежде чем Андреас осчастливит нас своим появлением.

— Яван, герцог Кергский! — провозгласил стоявший у двери мужчина, когда Яван вступил в зал. — Лорд Тавис Кергский! Фотир джал Сален, первый советник герцога Кергского! Господин Ксавер Маркуллет!

Люди, уже сидевшие за столами, отвлеклись от еды и выпивки и начали аплодировать.

Яван натянуто улыбнулся, Тавис тоже — и они пошли между столами, приветственно кивая и помахивая руками гостям Андреаса. Дойдя до ступенек, ведущих к главному столу, Яван на миг остановился в нерешительности.

— Ты знаешь, куда нам садиться? — спросил Тавис.

— Нет. — Голос отца снова звучал раздраженно. — Мы сядем, где сочтем нужным. Пусть Андреас рассказывает своим людям вокруг нас, когда появится. — Он двинулся вверх по ступенькам. — Просто оставь место для Бриенны рядом с собой.

— Хорошо, — сказал Тавис, поднимаясь на помост следом.

Фотир и Ксавер последовали за ними и сели справа от Тависа, ближе к краю стола. Несколько слуг поднесли блюда с мясом и вино. Тавис с трудом подавил желание опустошить свой кубок сразу, как только его наполнили.

— Ни к чему не притрагивайтесь пока, — сказал Яван, взглядывая сначала на Тависа, потом на Фотира и Ксавера. — Одно дело — самим занять места. И совсем другое — начинать есть и пить в отсутствие хозяина.

К счастью, им не пришлось ждать долго. Несомненно, Андреас просто ждал доклада о прибытии Явана в зал, чтобы появиться следом. Всего через минуту после того, как они уселись, по столам, расположенным рядом с входной дверью, пробежал возбужденный шепот. Человек, объявлявший ранее о прибытии гостей, теперь выступил на середину помещения, привлекая всеобщее внимание.

— Андреас, герцог Кентигернский! — провозгласил он. — Иоанна, герцогиня Кентигернская! Леди Бриенна Кентигернская! Леди Аффери Кентигернская! Лорд Эннис Кентигернский!

Герцог вошел в зал; за ним следовали жена, дочери и сын, которые казались крохотными рядом с Андреасом. Гости начали аплодировать.

— Его преосвященство Баррет Крастхем, прелат Кентигернский, служитель Ина! Шерик джал Марсин, первый советник герцога Кентигернского!

Тавис едва заметил остальных. При упоминании имени Бриенны у него учащенно забилось сердце и кровь зашумела в ушах. И при виде нее он нимало не успокоился. Она

была красива, как мать, — возможно, даже еще красивее. Как и у герцогини, у нее были длинные золотистые волосы, которые мелкими волнами свободно спадали на спину до самого пояса. Щеки и подбородок девушки еще оставались по-детски округлыми, но утонченная красота матери уже отчетливо проступала в ее чертах: тонкий нос, полные губы, большие круглые глаза, только не карие, а серые, как у Андреаса. Бриенна была в темно-синем платье с глубоким вырезом, открывавшим точеную шею и нежную грудь.

— Не совсем такая, какой ты ее помнил, да?

Тавис не сразу понял, что вопрос обращен к нему. Он с трудом оторвал взгляд от Бриенны и увидел, что Ксавер наблюдает за ним с озорной улыбкой на мальчишеском лице.

Молодой лорд помотал головой:

— Совсем не такая.

— Встаньте! — прошипел Яван. Он и Фотир уже стояли, и оба делали мальчикам знаки подняться.

Они поспешно вскочили на ноги — как раз в тот момент, когда Андреас взошел на помост.

— Лорд Керг! — прогрехотал Андреас раскатистым голосом. — Вы оказали нам великую честь своим присутствием. — Он вытянул огромную руку, указывая на остальных своих спутников, которые тоже поднялись на возвышение. — Позвольте мне представить вам мою дочь, леди Бриенну.

Бриенна грациозно присела в реверансе.

— Очень приятно, леди, — сказал Яван. — Я вижу, вы унаследовали изящество и грацию матери.

— Благодарю вас, герцог, — ответила девушка. — Я счастлива видеть вас снова. Добро пожаловать к нам.

Яван положил руку на плечо Тавису. Тавис уже не помнил, когда отец последний раз прикасался к нему.

— Это мой сын. Лорд Тавис.

Они с Бриенной посмотрели друг на друга, и Тавис низко поклонился, боясь упасть, или врезаться в девушку головой, или совершить еще какую-нибудь постыдную оплошность. В голове у него мелькнул вопрос: интересно, могут ли человека бросить в темницу за нечаянное оскорбление знатной дамы? Он отогнал от себя эту мысль.

Тавис выпрямился.

— Миледи, — произнес он, не решившись добавить ни слова больше.

Бриенна сделала реверанс, лукаво улыбаясь:

— Лорд Тавис. Во время последней нашей встречи мы постоянно дразнили друг друга и дрались, словно дикие псы. Надеюсь, на сей раз мы поладим лучше.

Все одобрительно рассмеялись, но Тавис только улыбнулся, стараясь придумать ответ поумнее.

— Сейчас отношения между нашими двумя домами стали лучше, моя дорогая, — сказал Андреас, опередив мальчика. — Если мы с Яваном сумеем поладить, надеюсь, и вы двое тоже сумеете.

Все снова рассмеялись, и на сей раз Тавис позволил себе присоединиться к общему смеху. Но он еще несколько мгновений пристально смотрел Бриенне в глаза, спрашивая себя, как невзрачная девчонка, которую он помнил по своему прошлому визиту в Кентигерн, могла превратиться в ту прелестную женщину, что стояла перед ним.

В следующую минуту герцог Кентигернский представил гостям свою младшую дочь Аффери, и Тавису пришлось отвести взгляд от Бриенны. Младшая девушка тоже была привлекательной, хотя явно достигла возраста Приобщения совсем недавно. Потом Андреас представил своего сына, Энниса, который в свои восемь или девять лет уже походил на герцога как две капли воды: рыжеволосый и плотного телосложения. Наконец, он представил гостям прелата Кентигернского монастыря — высокого худого мужчину по имени Баррет, который, как все прелаты, брил голову наголо и имел узкое костлявое лицо, придававшее

ему сходство с канюком. Он улыбнулся Явану, Тавису и Ксаверу, поочередно приветствуя каждого, но его глаза оставались холодными. Фотира Баррет не удостоил даже взглядом; собственно говоря, на Шерика, кентигернского советника, он тоже не обратил никакого внимания. Своими повадками он сильно напоминал Невилу, Кергского прелата. Последний держался, возможно, чуть дружелюбнее с незнакомцами инди, но на дух не переносил мужчин и женщин из племени чародеев.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Иоанна, возвышая голос, чтобы все в зале ее услышали. — Наши повара не один день готовились к сегодняшнему пиру. Угощайтесь на здоровье, гости дорогие. Чувствуйте себя как дома.

Тавис едва не сел, но в последний миг спохватился и сначала предложил сесть Бриенне. Потом он сам опустился на стул, случайно задев рукой плечо девушки.

— Прошу прощения, — пробормотал он, заливаясь краской.

— Похоже, вы нервничаете, милорд, — сказала она. — Может быть, вы хотите, чтобы я пересела на другое место?

— Нет! — излишне поспешно сказал Тавис.

Бриенна хихикнула:

— Хорошо.

Тавис слабо улыбнулся:

— Вы намерены весь вечер насмехаться надо мной?

— Разве мне придется прекратить, когда вечер закончится? — спросила она с невинным видом.

Тавис невольно рассмеялся:

— Чем я заслужил такое обхождение?

— Неужели вы не помните?

У Тависа округлились глаза.

— Вы имеете в виду нашу прошлую встречу?

— Вы обращались со мной ужасно, — сказала Бриенна, хотя на ее губах по-прежнему играла улыбка. — Я ничего не забыла.

— Мне было десять лет, — сказал он. — И вы обращались со мной так же ужасно.

— Я защищалась. Мне не оставалось ничего иного. Вы были безжалостны.

— Тогда я был глуп, миледи. Я явно не понимал, что такое истинная красота, изящество и ум. Ибо в противном случае я бы осыпал вас скорее подарками и похвалами, чем насмешками и издевками.

Бриенна порозовела и на несколько мгновений задержала на нем взгляд, прежде чем отвести глаза. Они были цвета дыма от тлеющих углей или грозовых облаков над морем.

— Весьма изысканный комплимент, — сказала она. — Моя мать учила меня остерегаться сладкоречивых мужчин.

Тавис рассмеялся:

— Даже мужчине, который станет вашим мужем?

— Вернее, мужчине, который может стать моим мужем.

Он изумленно уставился на девушку, открыл рот, потом снова закрыл, не найдя ответа.

Бриенна залилась смехом:

— Вам не очень нравится, когда над вами подшучивают, да, милорд?

Тавис отвел глаза в сторону.

— Да, — признался он. — И никогда не нравилось.

— Вам придется привыкнуть к этому, если вы собираетесь жениться на мне. Боюсь, я не всегда держусь так степенно, как подобает знатной даме.

И снова Тавис не нашел что ответить. Он привык к церемонной сдержанности манер, принятой в Кергском замке, где было мало места смеху и веселью. Его родители могли вести легкую шутливую беседу при необходимости, но в домашнем кругу они редко делали это. С Ксавером они часто подтрунивали друг над другом, и Тавис считал себя человеком остроумным. Но одно дело — смеяться со своим другом, и совсем другое — обмениваться

шутками с красивой женщиной, сидящей рядом. Однако мысль об этом пришлась по душе Тавису, хотя и порядком смутила. Возможно, она показалась такой привлекательной именно потому, что шла вразрез со всеми понятиями о пристойном поведении, внушавшимися ему с детства.

— Думаю, я привыкну, — сказал он.

В первый раз за вечер Бриенна улыбнулась Тавису без всякой иронии.

— Я рада.

Тавис потянулся к бутылке с темным красным вином — несомненно, санбирийским. Как бы ни гордились эйбитарские виноделы своими винами, почти все сходились во мнении, что лучше санбирийского в Прибрежных Землях нет. Он потянулся к кубку Бриенны:

— Можно вам налить?

Безусловно, они были очаровательной парой. Молодая золотоволосая аристократка в великолепном темно-синем наряде и будущий король — красивый юноша с глазами почти такого же цвета, как платье леди, в праздничной шелковой рубашке и камзоле. Они выглядели именно так, как должна выглядеть молодая королевская чета: прекрасные и оживленные, сиявшие от счастья, словно бриллианты на солнце. Такую пару могла полюбить вся страна. Несомненно, кирси, на которых работал Кадел, понимали это. Несомненно, именно поэтому он и находился здесь.

Они распивали уже вторую бутылку, но Кадел еще не подлил в вино солодовой настойки. Во-первых, из той же бутылки пили и другие, а он не мог рисковать, опоив зельем еще кого-нибудь. Но главное, солодовая настойка, смешанная с вином, действовала быстро, а он не хотел, чтобы его жертвы свалились с ног прямо здесь, в пиршественном зале.

В больших дозах солодовая настойка убивала, но Кадел собирался использовать ее в качестве снотворного средства. В других обстоятельствах все дело решило бы простое отравление, но в данном случае требовался более тонкий ход. Солодовая настойка, запах которой заглушался ароматом вина и действие которой усиливалось вином же, имела еще и то дополнительное преимущество, что продавалась и широко применялась повсюду. Почти все эйбитарские аптекари торговали зельем, нимало не задумываясь. Да Каделу и не требовалось много: маленького пузырька, лежавшего у него в кармане, с избытком должно было хватить и на лорда Тависа, и на леди Бриенну.

Теперь оставалось только дожидаться удобного момента и незаметно подлить настойку им в вино.

Для новоиспеченных жениха и невесты эти двое, похоже, прекрасно ладили между собой. До своего побега из отцовского дома в Кэриссе Кадел достаточно насмотрелся на празднества такого рода и редко видел, чтобы жених и невеста проникались друг к другу нежными чувствами — по крайней мере так быстро. Но Тавис и Бриенна почти весь обед перешептывались, смеялись и смотрели друг на друга долгими взглядами. Конечно, этому способствовало вино. Здесь, в северных областях Прибрежных Земель, вино считалось духом Бодана, бога веселья и праздников. Но южнее, в Сириссе, Санбуре и даже Анейре, где люди действительно понимали толк в виноделии и умели пить, оно называлось нектаром Адриели, богини любви. И все же Каделу казалось, что даже без вина молодые люди нашли бы друг в друге качества, достойные любви, если бы получили возможность встретиться в иной обстановке.

Сладкие блюда, которыми завершался пир, подали уже довольно давно, и теперь гости начали один за другим вставать из-за столов, потягиваться и медленно выходить из зала. Двое герцогов, не обращая внимания на своих соседей по столу, увлеченно и порой горячо обсуждали проблему анейранской угрозы и наилучшие способы решения оной. Герцогиня и первый советник Андреаса тоже были поглощены беседой, но говорили тоном ниже, и Кадел почти ничего не слышал из их разговора. Двух других детей герцога Кентигернского давно отправили спать.

Если бы Кадел увлекся прелестной женщиной и захотел незаметно ускользнуть с ней,

он выбрал бы именно этот момент. Очевидно, Тавис думал так же. Или они с Бриенной думали так же; было трудно сказать, кто кого ведет за собой, когда молодые люди осторожно встали со своих мест и спустились с помоста, украдкой оглядываясь на герцогов. На мгновение Кадел испугался, не ошибся ли он в своих расчетах. Но у самого выхода из зала молодые влюбленные остановились в нерешительности. Мгновение спустя Тавис посмотрел в сторону Кадела и поднял один палец.

Кадел улыбнулся, кивнул и повернулся к столу, на который они с хранителем погребов составили все вино. Одновременно он вынул из кармана пузырек, щелчком большого пальца скинул с него пробку и спрятал открытый пузырек в ладони. Стоя спиной к Тавису, он стрельнул глазами налево-направо, проверяя, не смотрит ли кто на него. Потом откупорил бутылку санбирийского красного и молниеносно вылил в нее солодовую настойку. На все у него ушло всего несколько секунд — ровно столько потребовалось бы для того, чтобы открыть бутылку.

Кадел торопливо подошел к Тавису и Бриенне.

— Вот, пожалуйста, милорд, — сказал он. — Прикажете принести вам и кубки тоже?

Тавис снова бросил взгляд в сторону своего отца.

— Нет, — тихо сказал он. — Больше нам ничего не нужно.

Он повернулся и снова взял Бриенну за руку.

— Спасибо, — бросила она через плечо, устремляясь вслед за Тависом.

Кадел через силу улыбнулся:

— Не стоит благодарности, миледи.

Уже много лет он нисколько не раскаивался в том, что делал ради заработка. Однако, когда девушка на краткий миг встретила с ним глазами, Каделу вдруг показалось, что кровь стынет у него в жилах и что его собственная жизнь висит на волоске.

Потом ужасное мгновение миновало, и Кадел получил возможность обдумать дальнейший ход событий. Он не сомневался, что влюбленные отправятся в гостевые комнаты в юго-восточной части замка, где остановился Тавис. Он сам происходил из знатной семьи и много времени провел при разных дворах Прибрежных Земель. Он знал, что покои Бриенны располагаются слишком близко к родительским и что туда слишком часто навещаются служанки. Он знал также, что в комнатах Тависа никто не нарушит уединения влюбленных. Обычно сын герцога делил покои с остальными членами герцогской свиты, но Тавис был не простым лордом, а будущим королем, наследником престола. Чтобы не оскорбить ни Явана, ни юношу, Кентигерн наверняка выделил каждому отдельную комнату. Разумеется, остальным гостям из Керга пришлось потесниться, но это не имело никакого значения, когда речь шла о необходимости разместить с удобством будущих королей.

И снова Каделу оставалось только ждать. Молодым людям понадобится время, чтобы дойти до комнаты Тависа, и еще время, чтобы выпить вино. Пока же он вернулся к столу с вином. Ваник наверняка рассчитывал, что он поможет ему вымыть пустые бутылки и отнести неоткупоренные обратно в погреб. Замечательно. Солодовая настойка валит с ног быстро, но ее действие длится многие часы. Чем позже все случится, тем ниже будет стоять Панья в ночном небе и тем труднее будет стражникам заметить, как он ползет, словно огромный паук, по стене центрального здания замка.

Он был не глуп и не слеп, хотя его глупый сын, похоже, считал иначе. Яван просто радовался тому, что Андреас не увидел, как Тавис и Бриенна выскальзывают из зала с бутылкой санбирийского красного. Несмотря на помолвку, герцог снес бы Тавису голову, если бы узнал, что они остались наедине, да еще с полной бутылкой вина. К счастью, Андреас сам крепко выпил сегодня вечером. Он с таким увлечением честил анейранцев и их союзников в Брэдоне, что даже не замечал, что уже кричит в полный голос и стучит кулаком по столу, опрокидывая тарелки и кубки. Безусловно, он не обратил внимания на исчезновение своей дочери с сыном Явана.

Насколько Яван понимал, ни герцогиня, ни герцогский кирси тоже не заметили ухода

молодых людей. Маленькое чудо. Он мог только догадываться, как отреагировала бы Иоанна. Будь здесь Шона, она пришла бы в ярость.

Со своей стороны, Яван не мог винить своего сына. Бриенна — красивая девушка, а это платье... Герцог потряс головой. Они с Шоной были еще далеко не стары, но иногда ему хотелось, чтобы они оба снова стали такими молодыми.

По крайней мере, Тавис не оскорбил Бриенну никаким поступком или словом. Памятуя о поведении сына в последнее время — о появлении на пиру в пьяном виде в прошлом месяце, о нападении на Ксавера, о ночном пьянстве, которое он отчаянно старался скрыть, — Яван больше всего боялся именно этого. На самом деле герцог не видел в исчезновении Тависа и Бриенны ничего страшного, хотя понимал, что может произойти сегодня ночью. Все будет хорошо, если только Тавис по глупости не обрюхатит бедняжку.

При последней мысли герцог закрыл глаза и отхлебнул вина из кубка. Случись такое, Андреас убьет Тависа — и, возможно, Явана тоже. Он на миг задался вопросом, разговаривала ли Шона с мальчиком о подобных вещах. Едва ли. Скорее всего она считала это обязанностью отца, и здесь Яван не мог с ней спорить. Его отец провел с ним беседу на эту тему во время одного выезда на охоту, на которую они отправились вдвоем, когда Явану было десять лет. Почти все, что рассказал отец, он уже знал от стражников, слуг и старших мальчиков, и тогда ему показалось, что прогулка по лесу длилась лет двадцать, не меньше. Даже сейчас Явана передернуло при этом воспоминании. Вероятно, именно поэтому он избегал подобных разговоров со своим сыном. Он не сомневался, что к настоящему времени Тавис знает все, что необходимо знать. И гораздо больше, безусловно.

— Вы ведь сделаете это, правда, Яван? — спросил Андреас заплетающимся языком.

Яван тупо посмотрел на него. И без того красное лицо огромного человека стало теперь багровым; полузакрытые светлые глаза налились кровью.

— Извините, Андреас. Я отвлекся. Вино, знаете ли. О чем вы говорили?

— Я говорил, что просил Айлина прислать к Тарбину отряд королевских гвардейцев, а он даже не почесался. Но ведь вы мне поможете, правда? Я не могу защищать замок, город, наш берег реки — и продолжать платить всем им. Я скоро совсем разорюсь. — Он подался вперед и обдал Явана тяжелым винным духом. — Мне нужно серьезное подкрепление. В тысячу солдат или около того. Чтобы охранять границу. Вы ведь поможете мне, правда?

Яван знал, что такова участь короля. Сам Айлин предупреждал его об этом, когда он в последний раз приезжал в Одунский дворец несколько месяцев назад. «Кто-то всегда о чем-то просит, — сказал тогда старый король. — И чаще всего одновременно кто-то просит сделать прямо противоположное. Быть королем почетно, но бремя королевской власти тяготит с каждым годом все сильнее».

Яван не предполагал, что это начнется так скоро.

— Я еще даже не вступил на престол, Андреас. — Он сам сознавал, что говорит тоном отца, отклоняющего неразумные требования капризного ребенка. — Я не могу давать никаких обещаний, ничего не зная о нынешнем расположении королевских войск.

Кентигерн нахмурился:

— Если вам понадобятся люди, вы всегда можете набрать новых рекрутов. Если вам не понравится расположение войск, вы всегда сможете произвести перегруппировку сил.

— Простите, милорд Кентигерн, но я невольно услышал вашу просьбу.

Яван повернулся на голос и увидел, что Фотир и Ксавер пересели поближе к ним, на места, которые прежде занимали Тавис и Бриенна. Фотир, произнесший последние слова, улыбался, но явно натянутой улыбкой.

— Ну и что? — спросил Андреас, подозрительно глядя на кирси.

— Сколь бы разумно ни звучала ваша просьба, мне нет нужды объяснять дальновидному человеку вроде вас, что мой господин не может отправить своих людей на Тарбин сразу по своем восшествии на престол. Такой шаг нового короля анейранцы могут ошибочно истолковать как подготовку к наступательным действиям.

Яван благодарно улыбнулся своему советнику, после чего снова перевел взгляд на

Андреаса.

— Он прав, конечно, — сказал герцог. — Даже если бы я уже был королем, в настоящее время я бы ничего не смог сделать. Я с удовольствием обдумаю вашу просьбу, Андреас, но мне кажется, нам нужно подождать более подходящего времени.

Кентигерн потряс головой и громко, резко расхохотался.

— Ты похож на него, да? Ты еще не король, а уже ведешь себя как трусливый старик, которого собираешься сменить. Прячешься за лживыми словами своего кирси, держишь войска при себе, в то время как мы защищаем твои границы и сражаемся вместо тебя. — Он залпом осушил кубок и швырнул его на пол. — Мне следовало знать, что на Кергов нельзя полагаться.

— Андреас! Довольно!

Иоанна гневно смотрела на мужа; лицо герцогини горело, словно ее отхлестали по щекам. Все разговоры в зале стихли, и все оставшиеся за столами гости изумленно уставились на двух герцогов.

Услышав голос жены, Кентигерн поморщился и повернулся к ней.

— Посмотри на себя. — Герцогиня бросила взгляд в сторону других столов и стиснула зубы. — Посмотри на себя, — повторила она тоном ниже, но так же сурово. — Ты напился, как солдат на ярмарке, и оскорбляешь нашего гостя. Оскорбляешь своего будущего короля!

— Мы просто разговариваем, дорогая. Вот и все. Яван это понимает.

— Приношу свои глубочайшие извинения, милорд, — сказала Иоанна, глядя мимо Андреаса на Явана. — Иногда мой муж забывает, что уже не может пить, как раньше. Ум стареет в первую очередь, но созревает в последнюю.

Яван улыбнулся, услышав пословицу, древнюю, как замок, в котором они находились.

— Все в порядке, миледи. Как сказал Андреас, мы просто разговариваем. Я не обиделся.

Ложь, но любезная.

— Вы слишком добры, милорд. — Герцогиня вновь бросила на мужа испепеляющий взгляд.

Похоже, Кентигерн его не заметил. Внезапно он направил свое внимание на другой предмет, хотя и с опозданием:

— Где Бриенна? — Он выпрямился и метнул на Явана свирепый взгляд. — Куда твой мальчишка утащил мою дочь?

Любезность любезностью, но хорошенького понемножку. Яван наставил палец на Андреаса и открыл рот, еще толком не зная, что собирается сказать. К счастью, Фотир заговорил первым:

— Они ушли недавно, милорд. Говорили что-то о прогулке по двору и садам.

Яван не поверил ни единому слову. Никто не убегает потихоньку с бутылкой вина только для того, чтобы прогуляться. Но он снова порадовался сообразительности своего первого советника.

— Прогулка, да? — В голосе Андреаса тоже слышалось сомнение.

— Оставь, Андреас, — сказала герцогиня. — Мы устроили их встречу, чтобы заложить основу брачного союза. Не стоит мешать романтическим отношениям.

— Романтическим отношениям? Да они еще дети!

Герцогиня улыбнулась:

— Сейчас Бриенна на шесть лет старше, чем была я, когда мы с тобой впервые встретились. И ты ведь помнишь нашу прогулку, правда?

Лицо Андреаса стало цвета санбирийского вина.

— Если ты пытаешься меня успокоить, у тебя это препаршиво получается.

— Разве я хоть раз в жизни пыталась тебя успокоить? — спросила она, бросая на Явана озорной взгляд.

Все за столом рассмеялись, и мгновение спустя Андреас присоединился к общему смеху, правда совершив над собой заметное усилие.

— Вам повезло, что у вас только сын, Яван, — сказал он, когда смех стих. — Отец не может не беспокоиться за своих дочерей.

— Разве ты не беспокоишься за Энниса? — спросила Иоанна, приподняв бровь.

Андреас потряс головой:

— Это совсем другое дело. Мои девочки... — Он умолк и снова потряс головой. — Скажем так: в какие такие особые неприятности может влипнуть мальчик? Верно, Яван?

Яван слабо улыбнулся и заставил себя кивнуть. Однако при этом он невольно взглянул на Ксавера Маркуллета. Длинный багровый шрам на руке мальчика скрывался под рукавом рубашки, но он стоял у Явана перед глазами, безмолвно отвечая на вопрос Андреаса.

Действительно, в какие?

Если бы Бриенна не показывала путь, он бы уже точно заблудился. Возможно, все дело было в вине, выпитом за обедом, но, так или иначе, Тавис совершенно не ориентировался в лабиринте коридоров Кентигернского замка. Ему казалось, что они идут уже целую вечность, а он до сих пор не узнавал ничего вокруг.

Бриенна держала руку Тависа в своей нежной теплой руке, и сейчас он резко остановился, заставив ее остановиться тоже. Щеки девушки покраснелись; она немножко запыхалась, и ее грудь часто вздымалась.

— Куда ты меня ведешь? — спросил он, тоже слегка задыхаясь.

Она на мгновение опустила глаза, потом подняла взгляд:

— В твою комнату.

У него учащенно забилось сердце, задрожали руки.

— Но я шел в пиршественный зал другим путем.

— Да, другим. — Она загадочно улыбнулась. — Но там мы встретили бы слишком много папиных стражников.

Тавис ухмыльнулся:

— Скажи, ты просто хочешь проводить меня до моей комнаты или у тебя на уме нечто большее?

Бриенна покраснела еще сильнее, но не отвела глаз. Несколько мгновений они стояли совершенно неподвижно, глядя друг на друга. Потом, словно исполняя танец, который уже репетировали тысячу раз прежде, одновременно шагнули вперед, обнялись и поцеловались.

Ее губы отдавали сладким вином, ее волосы пахли медом и полевыми цветами. Ее тело, казалось, таяло в объятиях Тависа. Его сердце колотилось о грудную клетку, словно таран о крепостные ворота. Свободную руку он тесно прижимал к ее спине, прикрытой шелковыми прядями золотистых волос. В другой руке он по-прежнему держал бутылку, которую сейчас едва не бросил на пол, чтобы расстегнуть маленькие золотые пуговицы у нее на груди.

Вместо этого Тавис отстранился от девушки.

— Пойдем ко мне в комнату? — задыхаясь, еле слышно прошептал он.

— Да, — ответила Бриенна, снова целуя его. Однако она тут же отпрянула и сказала, тоже задыхаясь: — Но знайте одно, милорд: хотя я принадлежу вам — в соответствии с обещанием моего отца, а теперь и по зову собственного сердца, — я не отдамся вам сегодня. Я буду целоваться с тобой. — Она замялась, застенчиво улыбаясь. — Возможно, позволю тебе нечто большее. Но все остальное... — Она потрясла головой. — Остальное подождет до нашей первой брачной ночи.

Наверное, Тавису следовало разозлиться. Наверное, он действительно немножко разозлился. Однако он все понимал: Бриенна не служанка в таверне, не какая-нибудь простолюдинка; она аристократка и должна стать его королевой. Молодому лорду безумно хотелось обладать девушкой. Он знал, что будет мучиться желанием всю ночь, но знал также, что, если он хочет жениться на Бриенне — а он еще ни о чем не мечтал столь страстно, — ему придется выполнить поставленное условие.

— Конечно, миледи. Если такова ваша воля, значит, такова и моя.

Бриенна широко улыбнулась:

— Да неужели?

Тавис невольно рассмеялся.

— Ну, возможно, нет, — признался он. — Но я покорюсь твоей воле. Даю слово, я никак не покушусь на твою честь.

— Спасибо, — прошептала она, улыбаясь такой улыбкой, от которой у Тависа закружилась голова.

Они снова поцеловались, и Тавис спросил себя, хватит ли у него сил сдержать только что данное обещание.

— Далеко еще до моей комнаты? — прошептал он, уткнувшись лицом в волосы девушки.

— Нет. Но сначала немного вина.

Теперь улыбнулся он:

— Вы испытываете мужчину на прочность, миледи.

— Да, милорд. — Бриенна взяла бутылку из его руки и отпила из нее.

Она отдала бутылку Тавису, и он тоже глотнул вина. Затем она снова взяла молодого лорда за руку и повела дальше по коридорам.

Идти им оставалось совсем немного, но они все равно еще несколько раз останавливались, чтобы поцеловаться, немного выпить и посмеяться, все время предостерегающе шикая друг на друга. Добравшись наконец до комнаты Тависа, они распахнули дверь и неверными шагами пошли к постели; Тавис едва не уронил бутылку. Темную комнату озарял лишь лунный свет, лежавший полосами на каменном полу.

— Дверь, — невнятно проговорила Бриенна, откидываясь на спину и закрывая глаза. — Запри дверь.

Тавис с трудом поднялся и, еле передвигая ноги, вернулся к двери. У него кружилась голова, и внезапно он почувствовал страшную сонливость. Он посмотрел на бутылку, опорожненную еще только наполовину. Наверное, за обедом он выпил больше, чем предполагал. А возможно, наконец начала сказываться усталость от дневных переездов и еженощного пьянства.

Он запер дверь, вернулся к кровати и лег рядом с Бриенной, предварительно поставив бутылку на пол. Она по-прежнему лежала с закрытыми глазами и теперь дышала реже.

— Никаких спящих красавиц, — сказал он, целуя девушку.

Она ответила на поцелуй и на мгновение подняла трепещущие ресницы. Немного погодя Тавис приник губами к ее шее, потом к ямочке между ключицами, потом к груди над самым корсажем. Одновременно он принялся расстегивать на ней платье. По крайней мере попытался. Он возился с пуговицами несколько минут, прежде чем справился хотя бы с одной. Пуговицы были крохотные, а пальцы слушались его куда хуже, чем до первого кубка вина.

Бриенна испустила тихий вздох и немного подвинулась, чтобы ему было удобнее расстегивать платье. Она не оказывала никакого сопротивления, поэтому он не останавливался.

Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, Тавис наконец расстегнул пуговицы до самого пояса, распахнул платье и нежно поцеловал грудь девушки. Она снова на мгновение подняла трепещущие ресницы, но больше никак не отреагировала. Тавис понял, что она заснула.

— Бриенна, — прошептал он.

Она не пошевелилась.

— Бриенна, — повторил он погромче.

По-прежнему никакого ответа.

Тавис поцеловал девушку в губы, но она не ответила на поцелуй. Он поднял голову и посмотрел на нее. Ее волосы стекали золотистым потоком по подушке, Панья и Илиас освещали ее нежную кожу и полные мягкие груди. Он дотронулся до одной груди, потом до другой. Она находилась в его власти — спящая, пьяная, полуобнаженная.

Тавис закрыл глаза и лег рядом с Бриенной. Он никогда не воспользовался бы беспомощным состоянием девушки. Кроме того, он устал не меньше ее, а возможно, даже больше. Почти весь день он провел в пути. Ему нужно было поспать. Немного. До рассвета. Потом он намеревался разбудить Бриенну и проводить обратно в ее покои. Он поклялся сберечь честь девушки, а значит, должен был не только сдержать свою страсть, но и позаботиться о том, чтобы репутация леди не пострадала. Тавис собирался выполнить свое обещание. Она должна была стать его королевой и заслуживала не меньшего.

Вскоре он заснул.

ГЛАВА 10

В большинстве подобных случаев Фотиру не стоило труда отвести герцога Кергского в спальню достаточно рано. Герцог не отличался разговорчивостью, и официальные приемы были ему скорее в тягость, чем в радость, как и Фотиру. К тому же, поскольку Яван носил герцогский титул, не многие пытались продолжать беседу с ним, когда он давал понять, что желает удалиться.

Однако на сей раз обед сильно затянулся — по мнению Фотир, без всякой на то необходимости. Они ехали верхом большую часть дня и находились в пути без малого две недели. Они нуждались в отдыхе. Судя по хмурому выражению, не сходявшему с лица Явана в последний час, он разделял мнение своего первого советника.

Но если герцог Кергский имел обыкновение отсылать всех прочь, когда уставал от общения, то герцог Кентигернский привык болтать в свое удовольствие, заставляя окружающих выслушивать свои речи. Поскольку вдобавок Андреас здорово напился, сейчас Фотир ничего не мог поделать. С той минуты как Яван и Андреас неловко обменялись мнениями по поводу размещения королевских войск на Тарбине, герцогиня Кентигернская и Шерик, первый советник Андреаса, пытались уговорить герцога пойти спать. Но Кентигерн приказал подать еще вина и перевел разговор на другую тему. Он уже не вязал лыка, и Фотир сомневался, что Яван вообще понимает, о чем идет речь. Но, похоже, это уже не имело значения.

— Андреас, нам следует отпустить нашего гостя, — сделала еще одну попытку герцогиня.

— Если ты устала, жена, отправляйся спать. — Андреас снова взглянул на Явана. — Хорошо, что Шона не приехала с вами, Яван. Две жены — это было бы уже слишком.

— Я не о себе беспокоюсь, дурень! — К настоящему времени в пиршественном зале уже не осталось никого, кроме нескольких слуг да гостей, сидевших за главным столом; и, по всей вероятности, Иоанна больше не видела необходимости стесняться в выражениях. — Яван и его спутники преодолели длинный путь. Они нуждаются в отдыхе.

— Чепуха! Яван прекрасно себя чувствует! Спроси его!

— Честно говоря, друг мой, — сказал герцог, воспользовавшись возможностью встать и размять затекшие ноги, — я бы удовольствием отдохнул немного. Сегодня был тяжелый день. И у нас с вами еще будет много времени для разговоров в ближайшие дни.

Андреас потряс головой и рассмеялся:

— Ты размякаешь, Яван. Размякаешь и стареешь.

Яван стиснул зубы и медленно побагровел.

— Спокойнее, милорд, — прошептал Фотир. — Он сам не понимает, что говорит. С середины вечера.

Яван медленно выдохнул, а потом кивнул.

Двое слуг помогли тучному герцогу подняться на ноги, спуститься вниз с помоста и выйти из зала.

Иоанна проводила глазами мужа и только потом посмотрела на Явана.

— Приношу свои извинения, милорд. — Она выглядела усталой и бледной, хотя и выдавила горькую улыбку. — Андреасу тяжело сознавать, что Бриенна выросла и готова к

браку, даже если он состоится только через несколько лет. Думаю, он чувствует себя старым.

Яван улыбнулся в ответ, насколько мог искренне.

— Вам нет нужды извиняться, миледи. Вероятно, ваш муж прав. Возможно, дочери действительно доставляют родителям больше хлопот, чем сыновья. Я бы не осмелился осуждать герцога.

— Милорд очень добр, — сказала герцогиня, чуть наклоняя голову. — Он будет милосердным королем. — Она широко улыбнулась. — Если только выпится как следует.

Герцог рассмеялся:

— Совершенно верно.

— Следуйте за мной, милорд, — сказала Иоанна, спускаясь по ступенькам с помоста. — Я велю проводить вас и ваших спутников в ваши покои.

— Прошу прощения, миледи.

— Да, Шерик, — откликнулась Иоанна; все остальные тоже остановились и посмотрели на первого советника.

Кирси указал рукой на Фотира:

— Я хотел предложить моему коллеге прогуляться со мной по городу, но не осмелился бы сделать этого без вашего позволения и позволения герцога.

— Я не возражаю. — Герцогиня посмотрела на Явана. — А вы, милорд?

Герцог потряс головой:

— Я тоже не возражаю.

Шерик улыбнулся Фотиру:

— Что вы скажете, кузен?

Фотир заколебался. Он тоже очень устал и собирался сделать еще несколько дел перед сном. Но он не хотел показаться грубым и не желал упускать случай поговорить с кентигернским первым советником.

— Я не против.

Шерик улыбнулся:

— Замечательно.

Иоанна, Яван и остальные двинулись дальше.

— Господин Маркуллет! — позвал Фотир. — Можно вас на пару слов?

На сей раз ни Иоанна, ни Яван не остановились. Но Ксавер повернулся и подозрительно посмотрел на Фотира, направлявшегося к нему.

— Да, первый советник?

Фотир подошел к мальчику вплотную и только потом заговорил.

— Я надеялся побеседовать с лордом Тависом перед сном, — сказал он тихим голосом. — Но, похоже, мне придется провести час-другой с советником Андреаса. Могу я попросить вас заглянуть к нему вместо меня?

— Я в любом случае собирался сделать это, — признался Ксавер.

Фотир еле заметно улыбнулся:

— Я так и думал. — Безусловно, мальчик по-прежнему не доверял советнику, несмотря на заверения, сделанные последним при въезде в Кентигерн.

Несколько мгновений Ксавер молчал, пристально глядя в глаза Фотиру — словно стараясь прочесть мысли кирси.

— Я уже говорил, господин Маркуллет, вам не стоит опасаться меня. Но это не значит, что вам вообще нечего опасаться. Мы находимся на самой границе с Анейрой, а поскольку герцог и ваш друг являются наследниками престола, нам всем следует держать ухо востро. Сейчас не время искать врагов среди приближенных нашего герцога.

— Вы сами себе противоречите, первый советник, когда говорите, чтобы я не терял бдительности и одновременно доверял вам. Чего именно вы от меня хотите?

Мальчик рассуждал здраво, но в данный момент у Фотира не оставалось времени на споры.

— И того, и другого, — резко сказал кирси.

Ксавер еще несколько секунд буравил Фотира взглядом, но наконец вздохнул:

— Что вы хотите, чтобы я сказал Тавису?

— Ничего. Просто выясните, где он был, и убедитесь, что он жив и здоров. — Кирси на миг замялся. — И что он не натворил никаких дел.

При последних словах мальчик криво улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Спокойной ночи, первый советник.

— Спокойной ночи, господин Маркуллет. Благодарю вас.

Мальчик поспешно вышел из зала, оставив Фотира наедине с кентигернским советником, который по-прежнему стоял на помосте.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да, конечно.

Шерик спустился по ступенькам и знаком пригласил Фотира последовать за ним к другому выходу из пиршественного зала.

— Я рад, что вы согласились присоединиться ко мне, — сказал он, когда Фотир нагнал его. — Похоже, наши герцоги исполнены решимости укрепить союз между двумя домами. От нас с вами будет больше пользы, если мы тоже станем сотрудничать.

Фотир кивнул:

— Согласен.

Шерик искоса взглянул на него. Он снова улыбался.

— Отлично! Я слышал, с вами трудно найти общий язык, Фотир. Многие мои друзья-кирси говорили мне, что вы предпочитаете водиться с инди, а не со своими соплеменниками.

— Думаю, они не правы. У некоторых моих друзей желтые глаза, у некоторых нет. Я ничего не имею против кирси. Но я заметил, что многие наши соплеменники недолголюбивают меня, поскольку я отказываюсь ненавидеть детей Ина.

Шерик кивнул:

— Понимаю. Здесь, в Кентигерне, вас ждет то же самое.

Некоторое время мужчины молчали; они прошли через внутренний двор замка и направились в сторону ближайших к городу ворот. Фотир бросил на спутника быстрый взгляд, спрашивая себя, не ожидает ли Шерик, чтобы он заговорил; но, похоже, молчание не тяготило кентигернского советника. Он был высок и худ, как и Фотир. Свои длинные белые волосы он носил распущенными, отчего на первый взгляд казался молодым человеком. Однако у него было узкое длинное лицо с высокими выступающими скулами и глубоко посаженными светлыми глазами. Такое сочетание придавало советнику вид болезненного юноши, вполне обычный для представителей племени кирси.

— Куда мы идем? — спросил Фотир, нарушая затянувшееся молчание.

— В одну таверну в городе, под названием «Серебряный медведь». — Шерик взглянул на Фотира, и они обменялись улыбками. — Мне показалось, что кергского советника-кирси прилично пригласить именно в такое место.

«Серебряный медведь» ничем не отличался от других подобных заведений, которые доводилось посещать Фотиру. Воздух здесь был насыщен застоявшимся запахом сладкого пива и трубочного дыма. Несмотря на поздний час, в таверне все еще оставалось полно народа и стоял шум — как в кергской «Серебряной чайке» во время ярмарки. Несомненно, во многом это объяснялось визитом в город герцога Кергского. Далеко не каждый день представители других главных домов посещали Кентигерн — тем более такие важные лица, как Яван. Разумеется, большинство присутствующих здесь были кирси, но Фотир заметил в зале также нескольких мужчин и женщин из племени инди.

Хозяин таверны, высокий мужчина, необычно дюжий для кирси, помахал Шерику рукой, едва они вошли. Он смерил Фотира быстрым взглядом и просто кивнул в знак приветствия, на что советник ответил тем же.

— У меня свой стол в одной из дальних комнат. — Шерик возвысил голос, чтобы перекрыть шум. — Там нам никто не мешает.

Фотир кивнул и знаком руки предложил Шерику показать путь.

Лавируя между столами, они прошли через битком набитый зал к маленькой комнатке, расположенной в глубине таверны. Закрыв за собой дверь, Шерик указал на стул, стоявший у одного из двух круглых столов.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал он. — Сейчас нам принесут пиво и табак.

— Я не курю.

Кентигернский советник нахмурился:

— Жаль. Это особый сорт, который привозят из Уулрана.

Фотир приподнял бровь. По слухам, ууланские табачники изготавливали лучший в Прибрежных Землях листовой табак, но он крайне редко вывозился в другие королевства. То же самое можно было сказать о клинках, которые выковывали ууланские кузнецы, о меде, который варили тамошние пивовары, и о пряных растениях, которые выращивали тамошние крестьяне. Купцы из других королевств просто мечтали заполучить и первое, и второе, и третье. Иногда товары, произведенные в других королевствах, продавались под видом ууланских. Но правитель Уулрана, который решительно не допускал участия своего двора и своей армии во взаимоотношениях и противостояниях других королевств, точно так же запрещал своим купцам участвовать в торговле Прибрежных Земель. Так продолжалось уже много веков, но Фотир до сих пор еще не получил убедительного объяснения почему. Да, действительно, Уулран, окруженный горами и океаном, граничил со злейшими своими врагами, Брэдоном и Анейрой. Но торговля между всеми другими королевствами, даже самыми непримиримыми соперниками, все равно процветала. Эйбитар торговал с Анейрой, как и Сирисс. Все они поддерживали торговые отношения с Брэдоном. «Короли должны воевать, купцы должны делать деньги» — гласила старинная пословица. Но, очевидно, как и все остальное, эта пословица не пошла дальше Базакской гряды.

— Ууланский табак? — переспросил Фотир. — Откуда он здесь?

Шерик улыбнулся:

— Какой-нибудь предприимчивый торговец постарался, несомненно. Из тех, кто готов заплатить большие деньги, рассчитывая с лихвой окупить траты. Честно говоря, я не спрашивал.

Мгновение спустя вошла подавальщица — само собой, кирси — с двумя кружками пива и двумя кисетами табака.

Когда она положила кисеты на стол, Шерик вынул из нагрудного кармана камзола трубку.

— Вы не передумали? — спросил он, взглядывая на Фотира.

Он заколебался, и на узком лице Шерика снова появилась улыбка.

— Сделай милость, принеси трубку моему другу, — попросил советник девушку. — Скажи Транде, это для первого советника Шерика.

— Слушаюсь, милорд. — Девушка поклонилась и вышла.

— Вы не пожалеете, — сказал Шерик.

Он набил трубку, зажег трут от стоявшей на столе свечи и прикурил. Дым поднялся к потолку, словно пар от кипящего чайника, и Фотиру пришлось признать, что запах просто божественный.

— Полагаю, мне следует извиниться за поведение лорда Кентигернского, — резко сказал Шерик.

— Мне кажется, герцогиня уже уладила все наши недоразумения самым милым образом. — Слова Шерика показались Фотиру странными. Обычно советники не позволяли себе подобных высказываний, если не получали четких распоряжений на сей счет. Андреас был слишком пьян, чтобы отдать такой приказ, но, вероятно, это сделала герцогиня.

Вернулась служанка с трубкой для Фотира. Он быстро набил трубку и прикурил, радуясь возможности отвлечься. Он уже много лет не курил и сейчас осознал, насколько ему этого не хватало. Табак был равно терпким и ароматным, и Фотир на мгновение закрыл глаза, наслаждаясь сладким дымом.

— Вероятно, вы считаете, что наш герцог дурно воспитан, — продолжил Шерик, когда

они остались одни. — На вашем месте я бы тоже так подумал.

Конечно, он считал именно так, но не хотел высказывать свое мнение. Шерик ставил своего гостя в неловкое положение — и Фотир не понимал, умышленно он это делал или нет.

— Мне кажется, ваш герцог — прирожденный вождь, а также любящий муж и отец, — сказал Фотир, открывая глаза. — Он станет ценным союзником для моего герцога и надежным советником для будущего короля.

На самом деле, судя по доходившим до Фотира слухам, герцог Кентигернский был дураком и пьяницей. Когда он не пытался залезть на очередную кухонную служанку, он отсылал своих солдат на учения, происходившие в опасной близости от Тарбина. Поговаривали, что он хочет начать войну с анейранцами, чтобы упрочить свое положение в королевстве. Некоторые считали, что он идет на такой риск исключительно из желания развеять скуку.

Шерик ухмыльнулся, услышав лестный отзыв Фотира о герцоге Кентигернском:

— А я не сомневаюсь, что Яван станет достойным правителем нашего королевства. Насколько мне известно, он столь же милосерден, сколь и решителен, столь же благоразумен, сколь и смел. Чего еще требуется от короля?

Фотир знал, что на самом деле советник держится о Яване другого мнения, но не мог винить собеседника в лукавстве, поскольку минуту назад сам был скорее вежлив, чем честен.

Увидев выражение его лица, Шерик рассмеялся:

— Мы замечательно выполнили наш долг, не правда ли, кузен?

— Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

Советник слегка нахмурился:

— Конечно, понимаете. Наши герцоги рассчитывают на нашу тактичность, на готовность способствовать установлению добрых отношений между домами.

— Мы поэтому здесь?

— Пожалуй. Я надеялся, мы сможем пойти дальше. Лорд Тавис и леди Бриенна поженятся. Дома упрочат связи между собой и без нашей помощи. — Он отпил пива. — Я хотел воспользоваться возможностью завязать дружеские отношения с вами, моим соплеменником.

Фотир кивнул, хотя еще не вполне понимал, к чему ведет советник.

— Мне бы тоже хотелось этого, кузен. Такая дружба в интересах обоих наших герцогов.

— Вероятно. — На губах Шерика играла еле заметная улыбка. — Я как-то не смотрел на дело с этой стороны. Я просто искал друга. У вас есть друзья, Фотир?

Фотир рассмеялся:

— Конечно.

— Друзья-кирси?

Он на мгновение заколебался:

— В том числе. В Кергском замке есть другие советники-кирси. Я считаю их своими друзьями.

— Рад слышать это. Как я уже упоминал, до меня дошел слух, что с вами трудно договориться. — Шерик откинулся на спинку стула, вынул трубку изо рта и отхлебнул пива из кружки. — Скажите, Фотир, какими магическими способностями вы обладаете?

И снова Фотир немного смешался. Такой вопрос он смог бы задать только близкому другу.

— Простите, — сказал Шерик, словно прочитав его мысли. — Мой вопрос смутил вас. Вероятно, мне следует сказать вам, что я не только обладаю пророческим даром, но также владею магией огня и говорю на языке животных.

Это была полезная информация. Как и Фотир, кентигернский советник обладал несколькими магическими способностями, но лишь умение говорить на языке животных считалось у кирси редким даром. Большинство мужчин и женщин из племени волшебников обладали одной магической способностью, иногда двумя. Люди, наделенные тремя видами

магической силы, как Фотир и Шерик, считались счастливыми и пользовались самым большим спросом у правителей-инди во всех королевствах Прибрежных Земель. На протяжении многих веков кирси служили при дворах разных королевств советниками, помогая своим господам не только советами, но также пророчествами, а равно магией воздействия на формы, магией огня или магией ветров и туманов, весьма полезной во время сражений. Менее знатные инди обычно держали при себе всего одного-двух советников, герцоги — до полудюжины. Короли зачастую имели десять и больше советников, а при дворе императора Брэдона, по слухам, служило двадцать кирси.

— А вы? — спросил Шерик.

— Я предсказатель, как и вы, — ответил Фотир. — Еще я обладаю способностью воздействовать на формы. А также владею магией ветров и туманов.

Шерик приподнял бровь:

— Весьма впечатляет. Теперь я понимаю, почему герцог так ценит вас.

— А он ценит? — Фотир снова задался вопросом, какую цель преследует Шерик.

— Конечно. Безусловно, вы сами это знаете.

— Полагаю, герцог меня уважает и признателен мне за службу.

— И это для вас важно.

— Разве должно быть иначе?

— Пожалуй. — Шерик слегка пожал плечами и отпил пива. — Думаю, порой мнение герцога становится слишком важным для советника.

Фотир невольно вспомнил свой неприятный разговор с ярмарочным кирси в «Серебряной чайке». Трин говорил что-то в этом духе.

— Ответьте мне, кузен, — сказал Фотир. — Вы относитесь к тем кирси, которые считают всех инди тупыми занудами?

— Вовсе нет. Разве я произвожу такое впечатление?

Фотир помотал головой:

— Нет. Простите мне этот вопрос. Ваши слова напомнили мне об одном моем знакомом.

Шерик приподнял бровь:

— А он считает именно так?

— Да.

— Человеку, занимающему ваше положение, следует быть осторожнее в выборе друзей. Вашему герцогу было бы неприятно узнать, что вы водитесь с такими людьми.

Фотир усмехнулся и затянулся сладким дымом ууланского табака.

— Он мне не друг. И я не даю герцогу поводов сомневаться в моей преданности.

— Очень умно. В этом отношении мы с вами похожи. — Советник глубоко вздохнул. — Однако я должен признаться: временами мне хочется жить в королевстве кирси и служить повелителю-кирси. — Он улыбнулся, увидев, как изменилось выражение лица Фотира. — Моя искренность смущает вас?

— Вероятно, она должна показаться мне глотком свежего воздуха. — Фотир тоже улыбнулся. — Но после многих лет службы при эйбитарском дворе я толком не знаю, как на нее реагировать.

Шерик рассмеялся, но сразу же снова посерьезнел:

— Я не хочу показаться неблагодарным по отношению к моему герцогу. Да, действительно, порой он бывает жесток и глуп, иногда даже инфантилен. Но, несмотря на все свои недостатки, он может быть мудрым и толковым правителем — особенно когда трезв. Он смелый и талантливый военачальник. За многие годы он научился понимать, когда нужно быть суровым со своими подданными, а когда добрым. Временами Андреас даже удивляет меня своим милосердием и умом. — Советник кисло поморщился. — Понятное дело, я говорю не о сегодняшнем вечере. И все же Кентигерн далеко не самый худший хозяин из всех герцогов-инди. В целом, я могу считать, что мне повезло.

Фотир медленно кивнул:

— Я рад за вас, кузен. И благодарю вас за вашу искренность.

— Однако вы не отплатили мне той же монетой.

Фотир внутренне напрягся:

— Что?

— Я совершенно откровенно рассказал вам о своем отношении к моему герцогу, но от вас не услышал ничего, кроме пустых фраз об уважении и признательности вашего герцога.

— Дело в том, что я говорил чистую правду.

Шерик откинулся на спинку стула и выразительно закатил светлые глаза.

— То есть у Явана Кергского нет недостатков, и Фотир джал Сален слепо предан своему господину.

— Я не говорил, что у герцога нет недостатков. Порой он бывает холоден, порой ему не хватает чувства юмора. Он упрям и зачастую неумолим — даже в ситуациях, когда требуется уступить.

Советник вновь раскурил трубку, выпуская облака голубого дыма, медленно всплывавшие к потолку.

— Ага, это уже кое-что.

— Но больше мне нечего добавить, кузен, — сказал Фотир. — Жаль вас разочаровывать, но я восхищаюсь герцогом. Я думаю, он станет прекрасным королем, и лучшего господина мне не надо.

На лице Шерика отразилось разочарование, но он быстро овладел собой:

— Что ж, я рад за вас, кузен. Да и кто бы не порадовался? Не многим из нас так повезло.

— Мне действительно очень повезло, — согласился Фотир. Однако он снова невольно вспомнил о своем разговоре с Трином в «Серебряной чайке». Кергского советника встревожило, что Шерик слышал разговоры о его тяжелом характере. Человеку, занимавшему столь высокий пост, никак не нужна была сомнительная репутация.

Несколько минут они сидели в молчании. Вернулась подавальщица с еще двумя кружками пива. Пока дверь маленькой комнаты оставалась открытой, Фотир слышал шум, по-прежнему доносившийся из главного зала, но, судя по всему, толпа посетителей заметно поредела.

— Наверное, нам уже пора возвращаться в замок, — сказал наконец Фотир.

— Что? — Шерик поднял глаза от кружки. — Ах да. Скоро пойдем.

— У вас еще что-то на уме, кузен?

Казалось, советник заколебался.

— На самом деле, да. Вероятно, вы слышали разговоры об усиливающихся волнениях среди наших соплеменников, недовольных господством инди в Прибрежных Землях.

Фотир снова внутренне напрягся. Действительно, слухи о заговоре кирси доходили до Керга. Неудивительно, что о нем знали и в Кентигерне.

— Да, слышал, — ответил он. — Насколько я понял, хуже всего дела обстоят в южных королевствах — Санбире, Сириссе и Анейре. Но, если слухи верны, все мы скоро окажемся в опасности.

— Я слышал примерно то же самое, — сказал советник. — Меня это встревожило, мягко выражаясь.

— Разумеется, — сказал Фотир. — Мы все встревожены. Вы замечали какие-нибудь признаки того, что заговор существует и здесь, в Кентигерне?

— Пока нет. Но, как и вы, я боюсь, что так будет продолжаться недолго. — Он замолчал, словно желая сказать что-то еще, но не решаясь.

Фотир подождал, и спустя несколько мгновений советник продолжил:

— Живя в непосредственной близости от Тарбина, я привык постоянно думать о всевозможных опасностях, угрожающих правлению Андреаса. Но еще никогда прежде подобного рода слухи не тревожили меня так сильно.

— Потому что угроза исходит от наших соплеменников?

— Да, именно. — Шерик глубоко вздохнул, потом нервно сглотнул. — Но также и потому, что какой-то частью своей души я с ними. — Он казался смущенным и немного испуганным, но продолжал пристально смотреть в глаза Фотиру. — Вы когда-нибудь испытывали такие чувства?

Фотир не знал, что ответить. Шерик сделал необычное признание: на такое отважились бы немногие кирси, а уж советники тем более. Возможно, он рассчитывал упрочить их дружбу, выказывая подобное доверие, а возможно, просто устраивал западню с целью проверить, участвует ли Фотир в заговоре. Так или иначе, советник снова поставил последнего в неловкое положение. Если бы Фотир сказал, что не одобряет заговор, он выставил бы себя несусветным праведником или, что еще хуже, той самой шавкой хозяина-инди, которой обозвал его Трин. С другой стороны, если бы он сказал, что разделяет чувства Шерика, он мог бы возбудить подозрения кентигернского советника.

— Я знаю, что многие наши соплеменники испытывают такие чувства, — промолвил наконец Фотир, тщательно подбирая слова.

Шерик нахмурился:

— Но вы — нет.

Фотир покачал головой:

— Я этого не сказал. Жизнь наших соплеменников в Прибрежных Землях была... непростой. Не все раны время лечит одинаково скоро.

Шерик приподнял бровь:

— Вы хотите сказать, что оно залечит и эту?

— А вы думаете иначе?

— Надеюсь, так оно и будет, — сказал советник. — Но надеяться — это одно, а верить — совсем другое.

Они снова погрузились в молчание. Фотир пристально смотрел на Шерика, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова на собеседника, но лицо советника оставалось бесстрастным.

— А как насчет мальчика? — внезапно спросил Шерик, застав Фотира врасплох.

— Прошу прощения?

— Вы восхищаетесь герцогом — а как насчет его сына?

— Я очень люблю и Тависа тоже. — Фотир произнес это достаточно убедительным тоном, но все же в какое-то мгновение голос его дрогнул. Он сам услышал фальшь в своем голосе и понял, что она не ускользнула от внимания Шерика.

— Говорят, молодой лорд обманул надежды своего отца, — сказал советник.

— Таков уж наш молодой лорд, — ответил Фотир. — Он просто еще очень молод. Он повзрослеет и с возрастом избавится от своих недостатков — как постепенно избавляется от своей детской одежды или малорослых коней, которых нашему конюху до сих пор приходится подбирать ему.

Лицо Шерика хранило серьезное выражение.

— Неужели? Вы уверены?

— Он получил прекрасное воспитание и впредь будет руководствоваться советами своих родителей. Он прекрасный фехтовальщик и прекрасный наездник, как и его отец. Я не сомневаюсь, что со временем он также овладеет сложнейшим искусством управлять герцогством и своими подданными.

— Но пока еще не овладел. — Это прозвучало как утверждение.

— Да, — согласился Фотир. — Пока не овладел.

Вероятно, здесь кергскому советнику следовало остановиться, чтобы не возникло впечатления, будто он обманывает доверие своего герцога. Но Шерик был откровенен с ним, а количество выпитого сегодня вина и пива развязало Фотиру язык.

— Мальчик не имеет никакого понятия о дисциплине, — сказал он. — Он занят только самим собой и еще не понимает, что каждым своим поступком он бросает тень на репутацию отца и честь родного дома. Раньше я сказал, что с возрастом он избавится от своих

недостатков, но на самом деле он становится все хуже год от года. В прошлом месяце он появился на торжественном обеде на час позже положенного и пьяным в стельку — как ваш господин сегодня. Он оставался на пиру совсем недолго, но успел поставить своих родителей в унижительное положение. А потом набросился с кинжалом на своего вассала, который последовал за ним, чтобы уберечь от беды. У господина Маркуллета до сих пор шрам на руке.

— Гром и молния! — воскликнул Шерик с недоверчивым выражением лица. — Я понятия не имел, что дела обстоят настолько плохо, — иначе не осмелился бы задавать подобных вопросов.

Фотир отмел извинения взмахом руки:

— Вы не могли знать этого. Даже если бы до вас дошли такие слухи, вы бы не поверили. Я бы сам не поверил, когда бы не видел все своими глазами.

— В голове не укладывается, что сын Явана способен на такие поступки.

— И никто больше герцога не встревожен поведением мальчика, если не считать герцогини.

— Так, значит, они разочаровались в нем.

Фотир кивнул:

— Глубоко разочаровались. Полагаю, они возлагают надежды на благотворное влияние Бриенны.

— Она замечательная девушка, — сказал Шерик. — Если кто и сможет помочь мальчику, так только Бриенна.

Шерик потянулся к своей кружке с пивом, Фотир задумчиво погрыз трубку, хотя она уже давно потухла. Вероятно, ему не стоило сообщать такие подробности о Тависе — Яван пришел бы в бешенство, если бы узнал об этом, — но слухи о безрассудном поведении молодого лорда все равно уже распространились по всему королевству. И вероятно, Фотиру следовало наконец наладить отношения со своими соплеменниками.

— Наверное, вы устали, кузен, — промолвил кентигернский советник через некоторое время. — Полагаю, нам пора возвратиться в замок.

— Пожалуй. Герцогу будет мало пользы от меня, если я не выплусь как следует.

Они оба встали, прошли к двери и пересекли главный зал таверны. Шерик бросил три серебряные монеты на стойку бара и пожелал Транде спокойной ночи. Фотир тоже попытался заплатить, но кентигернский советник пресек попытку взмахом руки.

— Вы гость в Кентигернском замке, — сказал он, когда они вышли на улицу. — Герцог настаивал бы на праве расплатиться, и я делаю то же самое.

Ночной воздух был прохладен и неподвижен; над городом стелился легкий туман. Панья висела низко над западным горизонтом, и ее свет падал под острым углом на городскую стену и невысокие здания, которые отбрасывали длинные уродливые тени. Илиас стоял чуть выше, освещая розоватыми лучами туманное ночное небо.

Они почти не разговаривали на обратном пути. Только сейчас Фотир осознал, насколько он устал. У него хватало сил только на то, чтобы подниматься вверх по извилистой дороге, ведущей к воротам замка. Шерик казался таким же усталым, и к тому времени, когда они достигли ворот, он тяжело дышал и обливался потом, блестящим на его лбу в лунном свете.

— Я так и не привык преодолевать этот подъем, — проговорил кентигернский советник, отдуваясь, — Кабы не уулранский табак, которым торгует Транда, я бы в жизни не вышел в город.

Они прошли к башне, расположенной в непосредственной близости от гостевых покоев. Там Шерик пожелал Фотиру спокойной ночи и направился обратно через внутренний двор к своим комнатам.

Поднимаясь по винтовой лестнице, Фотир на мгновение задался вопросом, разыскал ли молодой Маркуллет Тависа. Правда, причин для волнения он не видел. В башне царила тишина, и на верхней площадке лестницы стояли часовые. Даже молодой лорд не мог очень

уж сильно набедокурить.

Стражники остановили Фотира и спросили его имя, прежде чем пропустить взмахом руки. Несомненно, Андреас принял все меры предосторожности. Да, действительно, герцог Кентигернский наследовал престол после Явана и Тависа, но, несмотря на свои грубые манеры, Андреас был ни настолько жесток, ни настолько глуп, чтобы проявить вероломство, воспользовавшись тем, что люди из Керга гостят у него в замке.

Фотир не без труда нашел свою комнату, которую он делил с Ксавером, — все двери выглядели одинаково, а ему очень не хотелось по ошибке вломиться в покои Явана. Первая дверь, которую он попробовал, оказалась запертой. Вероятно, это была комната Тависа, а значит, советник занимал следующую. Ксавер любезно оставил горящую свечу у маленького окошка. Фотир бесшумно разделся и нырнул в свою постель, не разбудив мальчика. Лежа в темноте, он попытался обдумать недавний разговор с Шериком. Он верил, что Шерик хочет стать его другом, но чувствовал также, что советник преследует еще какую-то цель. Если бы не усталость и не количество выпитого сегодня, возможно, Фотир сумел бы понять, в чем она состоит. Но у него туманились мысли, и скоро он заснул.

Советник не знал, сколько времени он спал. Казалось, прошло лишь несколько минут, однако по пробуждении он увидел первые серебристые проблески рассвета в небе.

Фотиру послышался какой-то звук, хотя вокруг все было по-прежнему тихо, когда он открыл глаза. Он бросил взгляд на соседнюю кровать и увидел, что Ксавер тоже проснулся и пристально смотрит на него, нахмутив лоб. Очевидно, советнику не померещилось.

— Вы разговаривали с лордом Тависом? — спросил кирси.

Прежде чем Ксавер успел ответить, они вновь услышали шум. Кто-то барабанил в дверь соседней комнаты — комнаты Тависа.

В следующее мгновение Ксавер и кирси выскочили из своих постелей и принялись торопливо одеваться. Но внезапно они услышали новый звук, от которого у Фотира бешено заколотилось сердце. Каменные стены, казалось, сотряслись от сильного удара — словно сама земля под замком содрогнулась. Потом раздался второй удар, еще более громкий. Дверь в комнату Тависа взламывали.

Третий удар — и кирси понял, что дверь поддалась. Кто-то пронзительно вскрикнул, завизжала женщина, а потом в коридоре раздались истошные вопли, топот ног и звон извлекаемых из ножен мечей.

Советник прыгнул к двери, уже не беспокоясь о том, что он полуодет. Ксавер бросился за ним следом, и, рывком открывая дверь, Фотир услышал, как мальчик лихорадочно бормочет молитву Ину, богу инди. Вероятно, ему следовало присоединиться к молитве мальчика. Но у кирси был свой бог, а Фотир держался невысокого мнения о поклонниках Ина и Новой Вере. И, кроме того, он был уверен: случилось нечто такое, чего не в силах поправить ни один бог и ни одна молитва.

ГЛАВА 11

Кларис почти не сомкнула глаз ночью. Оно и понятно. При всем своем уважении к герцогу и герцогине она в первую очередь пеклась о леди Бриенне — с того самого дня, когда крошку отняли от материнской груди. Она одевала Бриенну по утрам, когда малышка еще не умела сама выбирать платья, и пела ей колыбельные на ночь. Кларис помогала ей делать уроки после ухода учителей и играла с ней, когда девочка уставала от занятий. Когда Бриенна повзрослела, она разговаривала с ней о супружеской жизни, о детях, о любви и в свою очередь внимательно выслушивала свою питомицу, которая, держа ее за руку, делилась с ней мечтами и страхами. Когда у Бриенны начались месячные, именно Кларис находилась рядом, чтобы успокоить девочку и тихо отпраздновать вместе с ней первый шаг к женской зрелости. В последние годы Бриенна уже не нуждалась в няньке, но Кларис по-прежнему оставалась ее верным другом. Во многих отношениях именно она воспитала из дочери герцога настоящую леди.

Никто не знал девочку лучше нее. Никто не любил сильнее — даже герцог и герцогиня, хотя Кларис никогда никому не сказала бы этого. Похоже, Иоанна понимала всю глубину ее любви к Бриенне, ибо часто советовалась с ней по разным вопросам, имевшим отношение к девочке: какой курс занятий лучше выбрать для нее, кого послать с ней в качестве сопровождающего, когда она осмеливалась выезжать из Кентигерна.

Только при принятии последнего решения — безусловно, самого важного в жизни Бриенны — никто не спросил мнения Кларис. Она во всем винила герцога. В своем выборе он руководствовался политическими соображениями и собственными амбициями, а не заботой о счастье Бриенны. Чем еще можно было объяснить решение Андреаса выдать дочь замуж за испорченного мальчишку из Керга?

Кларис не интересовало, что отец мальчишки скоро станет королем и что сам он однажды тоже взойдет на престол. Ей не нравились ни внешность молодого лорда, ни его репутация. И уж конечно, ей не понравилось, как он пялился на юную леди во время пира. Ему нельзя было доверять. Это любой понимал с первого взгляда. Кроме Бриенны, разумеется. Хотя Кларис многое растолковала своей питомице, та все равно оставалась наивной девчонкой. Кубок-другой вина, несколько милых комплиментов — и Бриенна уже с готовностью последовала за мальчишкой во мрак ночи, где Адриель могла пустить в ход свои опасные чары.

Очевидно, именно это и произошло, ибо Бриенна не вернулась в свои покои ночью. Кларис пыталась заснуть, прогнать прочь мысли о своей юной госпоже и немного успокоиться, но безуспешно.

«Бриенна уже взрослая, — говорила себе женщина. — Она помолвлена. Она больше не нуждается в няньке. У нее есть своя голова на плечах, и она вправе любить и быть любимой, если хочет».

Все это было правдой, но Кларис все равно волновалась. Она лежала в постели, глядя на догоравшие свечи, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги девушки в соседней комнате, и тревожась с каждым часом все сильнее.

По-видимому, наконец Кларис задремала, ибо, когда она открыла глаза, пробужденная звоном предрассветных колоколов, все свечи, кроме одной, уже догорели и небо за окном начало светлеть.

Кларис решила, что ждала достаточно долго. Да, они были помолвлены, но они еще не стали мужем и женой. Она боялась за честь леди Бриенны, но теперь ничего не могла поделать, чтобы оградить ее от посягательств. Однако репутацию своей госпожи она еще могла спасти.

Поднявшись с постели и надев халат, она поспешила к покоям герцога. В коридоре перед дверью стояли два стражника.

— Мне нужно поговорить с герцогиней, — сказала Кларис.

Мужчины переглянулись.

— Герцог и герцогиня еще спят, — сказал один из них. — Вам следует...

— Это очень важно. Дело касается леди Бриенны.

Они снова обменялись взглядами. Мгновение спустя первый кивнул, а второй вошел в покои.

Через минуту в дверном проеме показалась Иоанна в наброшенном на плечи бархатном халате, с сонным лицом и спутанными волосами.

— Да, Кларис, — проговорила она. — В чем дело?

Кларис торопливо сделала реверанс:

— Я насчет леди Бриенны, миледи. Она не вернулась в свою комнату. Я не видела ее с тех пор, как она покинула пиршественный зал с лордом Тависом.

Герцогиня нахмурилась:

— Ты уверена? Ты заглядывала к ней в спальню?

— Да, миледи. — Маленькая ложь, но Кларис не сомневалась: она бы услышала, как возвращается госпожа.

Герцогиня нахмурилась еще сильнее — единственная морщинка прорезала ее гладкий лоб — и бросила взгляд через плечо, в темную комнату.

— Я не хочу будить Андреаса, — проговорила она, словно размышляя вслух. — В такую рань, да еще с подобным сообщением. — Она снова посмотрела на Кларис. — Возьми нескольких стражников, пойди к лорду Тавису и приведи Бриенну обратно в эту часть замка. Только сделай все тихо, Кларис. Постарайся не разбудить герцога Кергского или еще кого-нибудь из гостей. Пусть это останется между нами.

— Слушаюсь, миледи. — Она двинулась прочь.

— И еще одно, Кларис, — добавила леди, останавливая женщину. — Будь вежлива с лордом Тависом. Возможно, тебе он не по душе, но Бриенне явно нравится. Именно так и должно быть. Ты поняла?

Она кивнула, но не попыталась скрыть своего недовольствия.

— Слушаюсь, миледи.

В сопровождении двух стражников из коридора Кларис поспешила в другую часть центрального здания замка. Там, поблизости от покоев герцога Кергского и его спутников, она встретила еще двух караульных.

— Где комната лорда Тависа? — осведомилась она.

— Я покажу вам, — сказал один из мужчин и повел Кларис и двух других стражников по коридору. Он остановился перед двустворчатой деревянной дверью и ткнул пальцем. — Вот здесь.

Все двери казались одинаковыми, и Кларис едва не спросила стражника, уверен ли он. Но вместо этого просто дотронулась до ручки двери. Ручка поворачивалась, но дверь была заперта. Женщина постучала, но никто не ответил. Она снова постучала, на сей раз громче, но, как и прежде, не получила ответа.

Кларис посмотрела на стражника, показавшего ей комнату молодого лорда.

— Разбуди их! — велела она.

— Их?

— Его. Разбуди его.

Мужчина шагнул вперед и забарабанил в дверь кулаком. Тишина.

У Кларис все похолодело внутри.

Он снова заколотил в дверь. Никакого ответа.

— Что-то случилось! — вскричала она. — Сейчас же открой эту дверь!

Мужчина недоуменно уставился на нее:

— Но она заперта.

— Так отопри!

— У нас нет ключей, госпожа Кларис. Они есть только у ключаря.

— А где ключарь?

Стражник пожал плечами:

— Боюсь, он еще даже не проснулся, миледи.

Она теряла терпение. С Бриенной что-то случилось, а эти тупоголовые стражники не торопились выяснить, что именно.

— Тогда ломайте дверь!

Трое мужчин переглянулись.

— Но, госпожа Кларис, — сказал наконец один из них, пытаясь говорить убедительным тоном. — Мы не можем просто так вломиться в покои знатного гостя. Герцог...

Она едва не сорвалась на крик:

— Там дочь вашего герцога! — У нее тряслись руки и пресекался голос. — Сейчас же взломайте дверь!

Мужчины снова обменялись взглядами, и первый стражник снова кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Отойдите в сторонку, миледи.

Стук донесся до Тависа откуда-то из далекой дали, словно сон унес его в открытое

море. Он знал, что стучат к нему в дверь, что он должен открыть глаза и ответить, но не мог. Его кровать легко покачивалась на волках, стоя на якоре во многих лигах от берега. Спать. Он хотел только спать и ничего больше. Он снова слышал стук, но не сумел стряхнуть сонное оцепенение.

«Оставьте меня в покое! — хотел крикнуть Тавис. — С каким бы делом вы ни явились, оно может подождать».

Но он не сумел даже пошевелить языком.

Однако через несколько секунд, когда стук сменился другим звуком, более громким и настойчивым, Тавис попытался открыть глаза. Ему предстояло преодолеть такой длинный путь — он находился очень далеко от берега. Он на мгновение приподнял трепещущие веки и успел разглядеть, где находится. В Кентигернском замке, в гостевых покоях. За окном брезжил рассвет.

В дверь снова забарабанили, и тогда Тавис вспомнил. Бриенна. Она все еще с ним, спит в его постели. Ее отец...

Он широко раскрыл глаза:

— Бриенна! Тебе нужно...

Вероятно, это был сон. Некое ужасное, уродливое видение, посланное ему Шессиром, или Байаном, или ими обоими. Но это не могло быть явью.

Внезапно Тавис оказался на коленях на каменном полу, словно неведомая сила сбросила его с кровати. Он услышал за дверью женский голос, срывающийся на визг, а в следующий миг ее сотряс тяжелый удар, от которого затрещал косяк. Но он не мог отвести взгляда в сторону. Желудок охватил мучительный спазм, и Тависа вырвало прямо на одеяло. Но его глаза все время оставались прикованными к одной точке.

Голова Бриенны по-прежнему покоилась на подушке, в обрамлении золотистых волос, в точности как накануне вечером. Ее очаровательное лицо хранило безмятежное выражение, при виде которого он содрогнулся всем телом; крохотная струйка крови, вытекшая из угла рта, запеклась на гладкой щеке. Платье девушки было расстегнуто до пояса. Это он тоже помнил, как помнил вкус ее губ и упругость груди.

Дверь снова сотряс сильный удар. Косяк начал расщепляться.

Но это его кинжал был воткнут в грудь Бриенны по самую рукоятку, и это ее кровь запеклась у нее на груди и животе и расплывалась темными пятнами на одеялах. На теле девушки было несколько ран. И кровь. Много крови. Даже на каменной рукоятке кинжала.

Замок не выдержал после третьего удара. Или не выдержала дверная филенка. Тавис так никогда и не узнал, что именно. В комнату ворвались стражники. И пожилая женщина, которая испустила пронзительный, нечеловеческий вопль при виде представшей ее взору картины и рухнула на пол в беспамятстве.

— Посмотрите на его руки! — закричал один из мужчин. — Они все в крови!

Тавис посмотрел. Стражник говорил правду. На его руках запеклось столько крови, что пальцы шевелились с трудом. Странно, что он не заметил этого раньше.

Двое мужчин схватили Тависа, заломили ему руки за спину. Один из них ударил мальчика коленом в живот, и Тавис согнулся пополам от боли. Третий стражник, пытавшийся привести в чувство женщину, прокричал кому-то приказ разбудить герцога, и издали ему ответил чей-то голос. Тавис, который судорожно хватал ртом воздух и упирался взглядом в каменный пол, не разобрал ответа.

— В чем дело? — спросил кто-то. — Что здесь происхо...

Тавис поднял голову. В коридоре, прямо за дверью, стояли Фотир и Ксавер. Советник-кирси смотрел на постель широко раскрытыми желтыми глазами — мертвенно-бледный, как сама Бриенна. Ксавер тоже смотрел туда, но дергал головой, словно хотел отвести взгляд в сторону и не мог.

— Почему вы держите лорда Тависа? — осведомился советник неожиданно резким и напряженным голосом.

— Он убил леди, — ответил один из стражников, державших мальчика.

— Вы этого не знаете. — Слова Фотира прозвучали неубедительно.

— Он весь в крови, и дверь была закрыта изнутри.

— Тавис? — прошептал Ксавер. На лице у него отражалось отчаяние; казалось, он настолько боится правды, что готов поверить в любую ложь.

— Мне кажется, я не убивал ее, — сказал Тавис.

— Вам кажется?... — повторил Фотир.

Но Тавис не сводил напряженного взгляда с Ксавера. Если кто-нибудь и мог его понять, то только друг.

— Мы были пьяны. Оба. Вино с пиршественного стола. — Он с трудом выражал свои мысли.

Но, похоже, Ксавер понял:

— Ты ничего не помнишь, да?

— Кое-что помню. Но не все. — Он перевел глаза на Бриенну, лежавшую в луже крови, пронзенную кинжалом. — Этого я не помню.

— Это его работа, — сказал стражник. — Посмотрите на его руки.

Прежде чем Тавис успел ответить, в дверном проеме показался Яван. Он на миг задержался на пороге, бегло взглянув на Ксавера и Фотира. Потом прошел мимо них в комнату. Он посмотрел на мертвую Бриенну невозмутимым взглядом человека, закаленного в боях и привыкшего к виду крови и смерти. Как подобает истинному королю. Через несколько секунд он поднял тяжелый взгляд на Тависа:

— Что здесь произошло?

— Я не знаю, — ответил Тавис. — Я ничего не помню.

Герцог кивнул и снова повернулся к постели.

— Я не стал бы убивать ее, отец. Я не мог сделать этого. Мы... Она мне нравилась. Очень нравилась.

Яван не посмотрел на сына, но снова кивнул.

Тавис услышал голоса в отдалении и топот ног, отдававшийся гулким эхом в каменном коридоре. Сюда шла целая толпа людей. Андреас? Герцогиня? Он снова почувствовал сильнейший приступ тошноты. Он должен был плакать, понял Тавис. Именно этого все ожидали от жениха Бриенны. Он хотел плакать о себе и о ней, но не мог выдавить ни слезинки.

Андреас и Иоанна достигли комнаты и остановились на пороге. При виде мертвой дочери Иоанна рухнула на колени и испустила вопль, от которого у Тависа застыла кровь в жилах. Андреас оттолкнул в сторону Фотира и Ксавера и подошел к Явану, с ненавистью взглянув на него. С минуту он стоял у постели, устремив немигающий взор на Бриенну; лицо герцога казалось суровым и непроницаемым, словно стены Кентигернского замка. Наконец он наклонился и выдернул кинжал из груди дочери. Иоанна зарыдала с новой силой. Герцог медленно поднял голову и посмотрел на Тависа. Стражники еще крепче сжали руки пленника.

— Это твой кинжал? — спросил герцог Кентигернский страшным голосом.

Тавис тяжело сглотнул:

— Да, милорд.

Герцог шагнул вперед и навис над мальчиком, глядя на него холодными, налитыми кровью глазами.

— Почему ты сделал это? Она раздражила тебя, да? Ты попытался овладеть ею и она стала сопротивляться?

— Я ничего не помню, милорд, — сказал Тавис дрожащим голосом. — Но я не думаю, что это я убил вашу дочь.

— Это твой кинжал! — Андреас возвысил голос.

Он поднес кинжал к самому лицу Тависа, и мальчик отпрянул назад. Он схватил Тависа за кисть и вырвал руку пленника из цепких пальцев стражника.

— Твои руки в крови! И ты по-прежнему утверждаешь, что не убивал Бриенну?

Герцог отпустил руку Тависа, и стражник мгновенно схватил ее снова.

— Я не мог убить Бриенну, — повторил молодой лорд. — Она мне нравилась.

Андреас занес кулак для удара.

— Остановитесь, Кентигерн!

Герцог резко повернулся к отцу Тависа и наставил палец ему в грудь, словно меч.

— Тебе лучше вообще помалкивать! — прошипел он. — Твой сын убил мою дочь и теперь врет, как последний анейранец.

— Он говорит, что невиновен. И я ему верю.

— Значит, ты дурак или такой же лжец!

Яван отшатнулся, словно получив пощечину.

— Да как вы смеете! — прошептал он. — Я ваш будущий король. И вы осмеливаетесь разговаривать со мной в таком тоне?

Андреас шагнул к нему, угрожающе размахивая кинжалом Тависа.

Но прежде чем он успел сделать второй шаг, раздался звук, похожий на звон бьющегося стекла, и окровавленный клинок разлетелся на крохотные кусочки, которые посыпались на пол, словно снежные хлопья.

Андреас остановился на полпути, вытаращив глаза.

— Прошу прощения, милорд, — сказал Фотир, в голосе которого, впрочем, не слышалось ни малейшего сожаления. — Давайте не будем усложнять трагедию новым насилием. — Он бросил взгляд на кентигернского советника, словно ища поддержки, но тот отвел глаза. — Сейчас нам надо оплакать смерть леди Бриенны, — после короткой паузы продолжил он, — и найти виновных.

— Фотир прав, — сказал Яван. — Мы окажем вам всю посильную помощь в поисках убийцы и расследовании...

— Нам не нужна ваша помощь! — отрезал Андреас. Он по-прежнему сжимал в кулаке рукоятку кинжала, но, казалось, забыл о ней. — И нам нет необходимости искать убийцу за пределами этой комнаты. — Он повернулся к стражникам, державшим Тависа. — Бросьте мальчишку в темницу. Если кто-нибудь из наших гостей попытается помешать вам — все равно кто, — добавил он, свирепо взглянув на Явана, — отведите их туда же.

Андреас повернулся и направился к двери. Но при виде своей жены, которая по-прежнему стояла на коленях, сотрясаясь от рыданий, он остановился, снял с себя плащ и, накинув его на плечи герцогини, помог ей подняться на ноги. Слезы струились у него из глаз, еще несколько секунд назад совершенно сухих. Иоанна с трудом встала, вцепившись обеими руками в руку герцога, и они вдвоем вышли в коридор. Там она остановилась, обернулась и посмотрела на Тависа, хотя Андреас так и не поднял головы.

Щеки несчастной женщины были мокрыми от слез, глаза покраснели и опухли. Она ничего не сказала, у нее даже не изменилось выражение лица. Но все же Тавису казалось, что она истошно кричит на него, называет безжалостным убийцей и молит Байана обречь его на вечные муки. Когда герцогиня наконец отвела от него взгляд и удалилась, он разом обмяк. Если бы стражники не держали мальчика, он бы упал на пол.

— Ну давай, шагай! — сказал один из стражников, грубо встряхивая Тависа, чтобы он снова встал на ноги.

Двое мужчин двинулись к выходу, таща за собой арестованного.

— Не забывайте, что он лорд, — предостерег Яван, когда они проходили мимо. — Скоро он станет герцогом, а однажды и королем. Помните также, что он заявляет о своей невиновности и, покуда не будет доказано обратное, никто не вправе дурно обращаться с ним.

Стражники не остановились, только чуть замедлили шаг.

Когда молодого лорда вывели за дверь, он обернулся и быстро взглянул на своего отца, который казался мрачным, бледным и — впервые на памяти Тависа — старым.

— Мы найдем убийцу! — крикнул Ксавер. — Даю слово.

Тавис кивнул, но последнее, что увидел несчастный пленник, ведомый в темницу, был

не его друг, а окровавленное тело его королевы.

В комнате царила тишина, которую нарушали лишь стихавшие в отдалении шаги стражников, уводивших Тависа. Там еще оставались герцогские солдаты, а также служанка Бриенны, кентигернский первый советник, Яван, Фотир и Ксавер. Но никто из них, казалось, не знал, что делать. А возможно, все знали, но никто не решался первым дотронуться до тела убитой. Ксавер не хотел даже смотреть на нее, хотя и не находил в себе сил отвести взгляд в сторону.

Наконец один из стражников подошел к постели и накрыл Бриенну одеялом.

— Нет! — выкрикнула служанка.

Она рванулась к своей госпоже, но стражники удержали ее.

— Твой сын умрет! — крикнула она Явану. — Герцог позаботится об этом! А если не он, то я! Клянусь именем Ина! Он умрет! — Она снова разрыдалась, сотрясаясь всем телом в приступе горя.

— Отведите женщину в ее комнату, — спокойно распорядился кентигернский советник. — Пришлите к ней целителей.

Один из стражников кивнул, помог служанке подняться на ноги и увел ее прочь.

— Когда я смогу увидеться с сыном? — осведомился Яван, подступая вплотную к кирси.

Советник пожал плечами:

— Вам следует спросить об этом герцога.

— Может быть, вы спросите за меня?

— Как прикажете, — ответил он, чуть наклонив голову.

— Скажите герцогу также, что я хочу поговорить с ним как можно скорее.

— Я передам ваше пожелание, но не думаю, что он примет вас в ближайшее время.

У Явана вздулись желваки на скулах.

— Это решать вашему герцогу, а не вам.

— Конечно, милорд, — сказал кирси, небрежно пожав плечами.

Он повернулся к стражникам и заговорил с ними тихим голосом, не обращая больше внимания на Явана, Ксавера и Фотира.

— Милорд... — начал Фотир.

Яван жестом призвал советника к молчанию:

— В моей комнате.

Фотир кивнул и бросил взгляд на Ксавера:

— Полагаю, господин Маркуллет присоединится к нам. Мне кажется, он знает лорда Тависа лучше, чем кто-либо.

Казалось, Яван вообще забыл о присутствии Ксавера, но после минутного колебания он кивнул:

— Да, пожалуй, в этом есть смысл.

Они повернулись, собираясь выйти из комнаты, но двое стражников Андреаса преградили им путь.

— Первый советник? — вопросительно произнес один из них.

Кирси отвлекся от разговора с другими стражниками.

— Они могут идти, — бросил он. — Если понимают, что не вправе навещать лорда Тависа без позволения герцога.

— Вы дали это понять достаточно ясно, — заметил Яван.

Мужчина улыбнулся:

— Хорошо. — Больше он ничего не сказал. Мгновение спустя он повернулся к ним спиной и продолжил разговор со стражниками — как будто герцог и Фотир не заслуживали никакого внимания.

Яван бросил на советника яростный взгляд, а потом вышел прочь.

Ксавер и Фотир вернулись в свою комнату, чтобы одеться, прежде чем отправиться в

покои герцога.

— Вы думаете, это сделал он? — спросил Яван, едва первый советник закрыл за собой дверь.

Этот же вопрос задавал себе Ксавер с того самого момента, как увидел окровавленное тело Бриенны. Он отдал бы все на свете, только бы знать ответ наверняка, но у него еще не зажила рука и душевная рана еще не затянулась. Всего лишь месяц назад он решительно отменил бы предположение, что его друг способен совершить убийство. Однако столь же решительно он отменил бы и предположение, что Тавис может наброситься на него с кинжалом. С тех пор многое изменилось.

Казалось, герцог и первый советник думали о том же, ибо оба они смотрели на Ксавера.

— Честно говоря, я не знаю, милорд, — сказал наконец Ксавер, встретив пристальный взгляд Явана. — В последнее время Тавис вел себя... сумасбродно.

Герцог недовольно нахмурился и отвел глаза в сторону.

— Боюсь, вы слишком добры, господин Маркуллет. Мой сын вел себя как полный идиот. Никто не знает это лучше вас. — Он подошел к окну и уставился в утреннее небо. — Но быть идиотом — это одно, — продолжил он, не потрудившись повернуться к собеседникам, — а убить девушку — совсем другое. Мне бы хотелось думать, что Тавис не способен на... на то, что мы увидели там.

— Не способен, милорд, — сказал Ксавер. — Когда он трезв.

Тут Яван повернулся:

— Да. Верно. В пьяном виде он становится другим человеком, так ведь? — Еще никогда Ксавер не видел такого выражения на лице своего герцога; казалось, он безумно хотел верить в свои слова и умолял Ксавера согласиться с ним. Впервые Яван обращался к нему не как герцог, но как отец Тависа.

— Вы действительно считаете, что он не мог совершить столь жестокого убийства, даже если был пьян? — спросил Фотир, не сводя взгляда с Ксавера.

Ксавер пожал плечами. Что хотел услышать от него кирси? Он постарался быть честным с Яваном, рискуя оскорбить своего герцога и показаться неверным вассалом.

— Тавис был пьян, когда набросился на меня с кинжалом, — ответил Ксавер. Больше он ничего не мог добавить.

Фотир кивнул:

— Я знаю. — Его голос звучал почти ласково, точно плеск волн, набегающих поутру на песчаный берег. — Почему он набросился на вас?

— Я уже рассказывал вам. Думаю, герцогу не стоит выслушивать все еще раз.

— А я думаю, стоит. Нам всем стоит.

Ксавер некоторое время размышлял над последними словами, пристально глядя на советника.

— Тавис был на крепостной стене, — наконец начал он. — Сидел у парапета. Он велел мне уйти прочь, оставить его в покое. Я попробовал заговорить с ним, расспросить о Посвящении. Но он ничего не сказал мне. А когда я хотел взять его за руку, чтобы отвести спать, он ударил меня кинжалом.

— Он попытался ударить вас еще раз?

Ксавер помотал головой:

— Нет, он... — Внезапно он понял. Какого бы мнения он ни держался о первом советнике, последнему нельзя было отказать в уме. — Нет, — повторил Ксавер. Герцог не сводил с него напряженного взгляда, но он продолжал смотреть прямо в глаза Фотиру. — Тавис выронил кинжал, как только увидел, что он натворил. Он попытался извиниться, но я был слишком зол, чтобы выслушивать оправдания.

— Вполне понятно, — сказал кирси. — Но это не похоже на действия убийцы, даже очень пьяного. — Он повернулся к герцогу. — Убийца леди Бриенны не выказал ни малейшей жалости, но наносил ей удары снова и снова. Мне думается, лорд Тавис, даже в самом невменяемом состоянии, не способен на такую жестокость. Положа руку на сердце,

милорд, я не верю, что ваш сын имеет отношение к случившемуся.

Яван выдавил из себя улыбку, но она тут же погасла.

— Вот уж никогда не думал, что буду так благодарен человеку, называющему моего сына малодушным. Спасибо вам, Фотир. И вам тоже, господин Маркуллет. Слова, сказанные вчера, я повторяю сегодня с еще большим основанием: моему сыну повезло, что у него есть такой друг.

— Благодарю вас, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и расправил плечи.

— Ладно, вы двое убедили меня. Но как нам убедить Андреаса?

Ксавер ничего не ответил. У него еще оставались сомнения, и он ненавидел себя за это.

— Думаю, это не в наших силах, милорд, — сказал Фотир. — По словам стражников, дверь лорда Тависа была заперта изнутри. Леди убита его кинжалом, и вы сами видели кровь у него на руках. Даже мы с вами сомневаемся, хотя больше всего на свете хотим верить в невиновность вашего сына. У герцога Кентигернского нет никаких оснований верить нам и, по всей вероятности, нет ни малейшего желания доказывать невиновность лорда Тависа.

— По крайней мере, пока он не знает о нападении моего сына на Ксавера. Нас заставляет сомневаться в Тависе именно этот его поступок, а не кровь, не кинжал и не запертая дверь. Если только мы сумеем скрыть...

— Кирсар милосердный! — выдохнул советник. Он страшно побледнел — как в тот миг, когда впервые увидел мертвую Бриенну, — и покачнулся, словно от удара по голове.

— В чем дело? — резко спросил герцог.

— Шерик знает, милорд.

— Шерик?

— Первый советник герцога Кентигернского.

Яван холодно прищурился:

— Вы рассказали ему?

— Да. — Фотир кивнул и опустил глаза. — Разумеется, я ничего не знал о смерти леди Бриенны. И у нас был конфиденциальный разговор. Но Шерик знает, и я не сомневаюсь, что при данных обстоятельствах он поставит герцога в известность о происшествии.

— Вы рассказали ему, — повторил герцог, на сей раз утвердительным, обвинительным тоном. — Да как вы могли? Вы приговорили моего сына! Теперь Андреас и слушать нас не станет! Тавису повезет, если он доживет до завтра!

Фотир начал что-то говорить, но Яван прервал его яростным взмахом руки:

— Молчите! Вы не имели права обсуждать эту тему — тем более с первым советником соперничающего с нами дома! О чем вы только думали? — Он махнул рукой в сторону Ксавера. — Даже у мальчика хватает ума скрывать шрам и помалкивать о случившемся! А вы взяли и разболтали обо всем герцогскому кирси! — Он потряс головой и тихо выругался. — Вы поэтому так поступили, да? — спросил он мгновение спустя. — Потому что он кирси? Для вас это важнее, чем ваша клятва служить мне и моему дому?

— Нет, милорд.

— Тогда почему? Объясни мне!

— Мы с Шериком разговаривали как друзья, делились мнениями как придворные советники. — Фотир тяжело сглотнул. — В ходе беседы я выразил беспокойство по поводу поведения лорда Тависа в последнее время. — Он глубоко вздохнул и потряс головой, как минуту назад сделал герцог. — Как я уже сказал, милорд, тогда я считал наш разговор конфиденциальным. Я понятия не имел, какой вред причиняю своей откровенностью. — Кирси на мгновение заколебался. — Если вы пожелаете освободить меня от моей клятвы, я вас пойму, хотя хочу остаться у вас на службе.

Герцог нахмурился и отмел предложение советника взмахом руки.

— А кем я заменю вас? Кентигернским кирси? Нет, Фотир. — Он потряс головой и глубоко вздохнул, стараясь овладеть собой. — Нет, — повторил он, на сей раз потише и поспокойнее. — Я не освобождаю вас от клятвы. Даже если бы Андреас ничего не знал о

нападении Тависа на Ксавера, он все равно настаивал бы на безотлагательной казни. Честно говоря, я бы тоже настаивал, если бы это моя дочь лежала мертвая в той комнате.

— Простите меня за вопрос, первый советник, — сказал Ксавер. — Но не совершил ли убийство какой-нибудь кирси? Не объяснило бы это, почему дверь была заперта?

Советник покачал головой:

— Я не представляю, каким образом. Лишь немногие наши дарования имеют физическую природу — умение вызывать ветра, туманы, огонь и воздействовать на формы; причем наиболее выраженной физической природой обладает способность преобразования форм. Я владею магией воздействия на формы, то есть могу, например, расколоть кинжал, как недавно сделал в комнате лорда Тависа, и могу воссоздать его; я могу изменить форму клинка: изогнуть прямой или выпрямить изогнутый. Я могу делать то же самое с деревом или стеклом. Но я не могу открыть замок без ключа и, уж конечно, не могу пройти сквозь деревянную дверь.

— Но вы раскололи кинжал Тависа и говорите, что можете сделать то же самое с деревом. Не мог ли другой кирси разрушить дверь, войти в комнату, убить Бриенну, а потом восстановить дверь?

— Не разбудив всех вокруг? Вы слышали, с каким звоном рассыпался кинжал?

Ксавер кивнул.

— Разрушение такой толстой и прочной двери сопровождалось бы гораздо более сильным шумом. А на восстановление ушел бы не один час. Возможно, нам действительно следует искать кирси, но кирси, имеющего ключ от двери этой комнаты.

— Или умеющего лазить по стенам, — сказал герцог. Ксавер и Фотир посмотрели на него.

— Окно было открыто, так ведь?

— Да, милорд, — ответил Фотир. — Но ночь была теплой.

— Я понимаю. Тем не менее, если мы исходим из предположения, что девушку убил не Тавис, нам необходимо принять во внимание все возможные способы, которыми мог проникнуть в комнату настоящий убийца.

— Но, милорд, окна находятся самое малое на высоте десяти ярдов от земли; и стены замка день и ночь охраняются стражниками.

— Я командовал солдатами, которые взбирались по стенам куда более высоким и куда лучше охранявшимся. Для одного человека это дело трудное, но все же осуществимое.

Несмотря на уверенность герцога, Ксавер с трудом представлял, как можно взобраться по стене замка. С другой стороны, герцог был прав в одном: сейчас не следовало исключать ни одной возможности.

— Даже если мы поймем, каким образом убийца проник в комнату, — сказал Фотир, — все равно неясно, кто он и с какой целью убил девушку; а выяснить это будет гораздо труднее.

Яван потряс головой:

— Не стоит забегать вперед. Сейчас нам нет нужды задаваться этими вопросами. Нам просто необходимо найти какие-нибудь доказательства того, что Тавис непричастен к преступлению. И нам необходимо помешать Андреасу казнить моего сына прежде, чем мы найдем таковые.

— Какие распоряжения вы отдадите нам, милорд?

Яван потер подбородок, снова устремив немигающий взгляд в окно. Он казался усталым и бледным, но даже в этот момент выглядел как настоящий король, величественный и властный.

— Я пойду к Андреасу, — сказал герцог после непродолжительного молчания. — Вряд ли он захочет разговаривать со мной, но я, по крайней мере, попытаюсь. Я хочу, чтобы вы пошли к своему другу Шерику. Узнайте, нельзя ли вам осмотреть комнату Тависа. Солгите, коли понадобится. Скажите, что Тавис привез с собой кое-какие вещи, представляющие ценность для нашего дома, и вы хотите убедиться, что они целы. — Ксавер не услышал

упрека в голосе Явана, но Фотир покраснел при упоминании о кентигернском советнике.

— А что делать мне? — спросил мальчик. Яван повернулся к нему, печально улыбаясь.

— Идите к Тавису, — спокойно сказал он. — Если стражники вас остановят, скажите правду: вы его вассал. Тогда они вас пропустят.

— Не лучше ли вам увидеться с ним, милорд?

— Я это сделаю позже. После встречи с Андреасом. Но скорее всего он желал бы повидаться с вами, а не со мной или с Фотиром.

Ксавер кивнул, но невольно спросил себя, хочет ли Тавис видеть сейчас кого-либо из них. Вернее, хочет ли, чтобы они видели его.

— Мы встретимся здесь позже, — продолжил герцог мгновение спустя. Он снова смотрел прямо на них; его лицо хранило мрачное выражение, темно-голубые глаза блестели стальным блеском. — Соблюдайте осторожность вы оба. Вы убедили меня в невинности Тависа. Но это означает, что в замке находится убийца — человек достаточно жестокий, чтобы убить Бриенну столь зверским образом, и достаточно умный, чтобы заставить всех подозревать Тависа. Пострадали оба дома, а следовательно, опасность угрожает всем нам.

ГЛАВА 12

Обычно Кадел скрывался из замка сразу по завершении работы. От промедления он не выигрывал ничего, а потерять мог очень многое.

Но на сей раз вышло иначе. Накануне вечером, когда Кадел покидал пиршественный зал, собираясь пробраться в комнату лорда Тависа, хранитель погребов обратился к нему с просьбой остаться его помощником до конца визита Явана в Кентигерн. О подобном предложении любой слуга в замке мог только мечтать. Отказ вызвал бы у Ваника подозрения. Больше никаких пиров не предвиделось, хотя Ваник об этом пока еще не знал; а после смерти леди Бриенны и заточения Тависа ни один человек в замке не пожелает иметь дела с гостями из Керга. Каделу требовалось лишь явиться на следующее утро к Ванику и получить отставку. После этого был бы свободен.

Он провел ночь, прячась в конюшне, и вернулся в погреба сразу после утренних колоколов, прихватив с собой бутыл, теперь пустую, которую накануне получил от Ваника в качестве частичной платы за работу. Санбирийское темное. Это была догадка, но основанная на тонком расчете. Лучшее в Прибрежных Землях вино производилось в винодельнях Санбиры; все главные дома Эйбитара держали запасы оногo в своих подвалах. Естественно, Ваник должен был подать на стол санбирийское темное на пиру, устраивавшемся по случаю визита будущего короля. А исходя из упоминания криси о пристрастии Тависа к вину, Кадел предположил, что молодой лорд будет пить именно санбирийское.

Вероятно, никто не заметил бы примеси солодовой настойки в бутылки, которую Тавис и Бриенна унесли с собой в комнату мальчика. Андреас и стражники сразу схватили бы предполагаемого убийцу; наличие самой бутылки в непосредственной близости от кровати дало бы ответ на все оставшиеся вопросы. Более того, добраться из пустой комнаты в восточной части здания до окна Тависа, расположенного на южной стене, было довольно трудно и без привязанной к поясу пустой бутылки. Не многие стали бы беспокоиться о таких мелочах.

Но Кадел не оставался бы целым и невредимым на протяжении многих лет и не создал бы себе репутацию надежного человека, если бы был беспечен или ленив. Он таки принес пустую бутылку в комнату Тависа и, после того как убил Бриенну, поменял бутылки, забрав с собой первую, с солодовой настойкой. Свою он опорожнил полностью; в другой еще оставалось немного вина. Но Тавис вряд ли вспомнит об этом, а под воздействием солодовой настойки он погрузился в такой глубокий сон, что едва ли у кого-нибудь могли возникнуть вопросы по поводу пустой бутылки.

Кадел нашел Ваника в погребе расставлявшим бутылки по полкам. Глаза у него были

красными, как и у многих слуг этим утром. Очевидно, Бриенну все очень любили здесь.

— Доброе утро, — весело сказал Кадел, подходя к мужчине и протягивая пустую бутылку.

Ваник бросил на него короткий взгляд и вернулся к своему занятию.

— Поставь вон туда, на полку. — Он неопределенно махнул рукой. — Потом можешь идти.

— Идти? Разве у нас нет работы?

Заведующий погребам снова повернулся к нему и прищурил глаза:

— Думаешь, это смешно? Как можно быть таким жестоким?

Кадел недоуменно уставился на него:

— Я не понимаю. Я думал...

— Разве ты не разговаривал со своими кергскими друзьями сегодня утром?

Он улыбнулся:

— Нет. Я спал в конюшне. Ты же не думаешь, что я собирался делиться с ними санбирийским темным вином, правда? Вот если бы я нашел женщину, тогда...

— Значит, ты не знаешь, что случилось?

Кадел помотал головой, продолжая улыбаться. Но поскольку Ваник просто молча стоял перед ним с таким видом, словно сейчас расплачется, он позволил улыбке медленно сползти со своего лица.

— Что случилось, Ваник? В чем дело?

Заведующий погребам судорожно сглотнул и в следующее мгновение залился слезами.

— Леди Бриенна умерла.

— Байан, будь милостив к нам! — прошептал Кадел. — Как?..

— Ее убил лорд Тавис. Он сейчас в темнице.

Кадел отступил на шаг назад и потряс головой:

— Этого не может быть! — Он говорил гневно, как и подобало человеку из Керга. — Это ложь! Лорд Тавис не способен на такое!

— Дверь была закрыта. — Голос Ваника тоже зазвучал ожесточенно. — Его руки и кинжал были в крови. Это сделал он. Вне всяких сомнений.

— Не минуты не верю! И я не желаю оставаться тут и выслушивать эту ложь! Мне не нужны твои деньги и твоё вино! Тавис не убийца!

Кадел резко повернулся на каблуках и начал подниматься по лестнице.

— Вот и хорошо! — прокричал хранитель погребов ему вслед. — Проваливай отсюда! И больше не показывайся мне на глаза, кергский выродец! Байан бы побрал всех вас, чтоб вы сгнили в Подземном Царстве!

Когда Кадел вышел из подвала, кухонные слуги уставились на него с нескрываемой злобой. Несомненно, они слышали его перепалку с Ваником. Несколько мгновений он с вызовом смотрел на них, а потом нарочито медленно вышел из кухни во двор.

Двое стражников остановили Кадела у северной караульни, угрожающе размахивая мечами и глядя на него с такой же ненавистью, с какой смотрели слуги на кухне.

— Куда идешь, кергский выродец? — спросил один из них.

— В город. Моему герцогу нужны успокоительные травы. А он не доверяет здешнему аптекарю.

— И правильно делает, — сказал другой мужчина. — Лично я скормил бы ему немного болиголова. Тогда бы он надолго успокоился.

Кадел внутренне напрягся. Он знал, что может справиться с обоими, хотя вооружен всего двумя санбирийскими кинжалами. Но тем самым он бы только испортил дело: простые слуги не славились умением владеть кинжалами. Нет, если бы они захотели сорвать на нем злость, ему ничего другого не оставалось бы, кроме как снести побои.

К счастью, страх перед возможным гневом Кентигернского герцога оказался сильнее жажды мести.

— Иди, — наконец холодно сказал первый стражник. — Желаю аптекарю напутать со снадобьями.

Он торопливо прошел через наружный двор к восточным воротам, повторяя свой вчерашний путь. Как накануне стражники у внутренних ворот пропустили Кадела без вопросов, когда он шел в замок, так теперь часовые у наружных ворот не стали его задерживать — лишь осыпали издевками.

Выйдя на извилистую дорогу, спускавшуюся с вершины холма к городу, Кадел сразу почувствовал себя в безопасности. Он намеревался провести остаток дня на рыночной площади Кентигерна, а потом покинуть город с группой торговцев — для пущей надежности. Тем самым он уменьшал риск привлечь внимание стражников. Но даже после этого дело нельзя было считать законченным. Ему еще предстояло переправиться через Тарбин и добраться до города Нолтьера, расположенного на юге Анейры. Однако по сравнению с тем, что он уже сделал, это все казалось пустяком. Главную часть задания он выполнил успешно. В очередной раз.

Кадел должен был чувствовать удовлетворение. Это было действительно трудное задание, более сложное, чем другие, и более опасное. Он не сомневался, что получит за него больше, чем за предыдущую работу.

Однако он испытывал смутное беспокойство. И не понимал почему. Кадел несколько раз прокрутил в мозгу все свои действия и пришел к выводу, что ничего не упустил из виду и не допустил никаких ошибок. Все происходило в точном соответствии с планом. Можно даже сказать, что судьба улыбнулась ему. Как иначе можно было объяснить его встречу с Ваником и легкость, с которой он вручил отравленное вино Тавису и Бриенне? Как ни странно, боги помогали ему.

Но все же тревога не покидала Кадела, следуя за ним по пятам, точно тень. Несмотря на приятные мысли об успешном завершении дела и ожидавшей его награде, он вдруг почувствовал, как волосы у него на шее встают дыбом, словно рядом ударила молния. Он бросил взгляд через плечо, почти ожидая увидеть позади целый отряд кентигернских стражников, пустившийся в погоню за ним. Дорога была пуста. Прокляв свою глупость, Кадел скорым шагом пошел дальше, уставившись себе под ноги. Пора бы уже соображать получше. Он часто предупреждал Джедрека, что в подобных обстоятельствах оборачиваться назад нельзя ни в коем случае. Таким образом только привлекаешь к себе внимание.

— Дурак! — тихо пробормотал он. — Успокойся!

Спуск закончился, дорога вывела на городские улицы, и Кадел ускорил шаг, надеясь забыть на оживленной и шумной рыночной площади о страхе, столь неожиданно охватившем его душу. Однако он ясно чувствовал: что-то неладно.

Казалось бы, до боли знакомый вид темницы Кентигернского замка не должен был так уж страшно потрясти Тависа, поскольку навязчивые воспоминания о предсказании преследовали его весь последний месяц. Но, объятый смятением и ужасом, с утра он даже не вспомнил о пророчестве Кирана, пока стражники не втащили мальчика в тюремную башню и не открыли дверь, которая вела в темницу.

Сначала в нос ударили запахи: испражнений и мочи, блевоты и болезни. Тавис содрогнулся в мучительном приступе рвоты, но все содержимое желудка он уже оставил на постели в своей комнате. Потом он услышал крики — не боли и даже не муки. Безумные вопли человека, лишившегося рассудка в заточении. Тавис отпрянул назад, попытался вырваться. Но стражники Андреаса крепко держали арестованного и смеялись, буквально волоча его по выщербленным ступеням в темноту. Еще до того как глаза привыкли к полумраку, Тавис понял, что именно эту тюрьму он видел в палатке предсказателя. Он узнал маленькое зарешеченное окошко под самым потолком и по расположению оно же понял, к какой стене его прикуют. Он даже ожидал удара, который разбил ему правую скулу, хотя никак не мог предотвратить его.

— Это тебе за леди Бриенну, ублюдок! — сказал мужчина. Слова тоже показались

странно знакомыми, хотя в видении, явленном Кираном, не было никаких стражников.

Мужчина еще несколько мгновений свирепо смотрел на Тависа, словно раздумывая, ударить ли еще раз. Но потом круто развернулся и ушел прочь, уводя за собой остальных стражников. Железная дверь с лязгом захлопнулась, и под каменными сводами темницы прокатилось эхо, похожее на грохот штормовых волн, бьющихся о скалы.

Когда Тавис и стражники спустились вниз, вопли прекратились, но теперь они возобновились с новой силой, словно безумный узник только и ждал, чтобы захлопнулась дверь. Мальчик не видел узника; похоже, крики доносились из другой камеры, расположенной дальше от лестницы. Вероятно, из камеры смертников. В кербской тюрьме тоже были такие камеры, где заключенные умирали медленной смертью, лишённые пищи, воды и даже света. Молодой лорд громко попросил несчастного замолчать, но узник не услышал, или проигнорировал просьбу, или вообще уже ничего не понимал.

Тавис закрыл глаза, и ему показалось, будто вся тюрьма ходит ходуном и кружится, словно он находится на палубе корабля, пляшущего на волнах океана Амона. Ноги у него подкашивались, желудок мучили спазмы. Он попытался сесть, но обнаружил, что короткие цепи не позволяют принять более или менее удобную позу. Он мог присесть на пол, прислонясь спиной к стене, но не мог опустить руки ниже уровня плеч или вытянуть ноги. Все же Тавис был слишком измучен, чтобы снова встать на ноги, и потому остался сидеть в нелепой позе на грязном каменном полу, похожий на брошенную тряпичную куклу.

Стараясь преодолеть отчаяние, в которое его ввергло пророчество Кирана, Тавис с самого дня своего Посвящения постоянно пытался убедить себя в том, что все предсказания яйца выеденного не стоят, что это просто пустые видения, внушенные предсказателями-кирси. Конечно, он все прекрасно понимал. Традиция Посвящений зародилась много веков назад. Если бы пророчества не подтверждались, от обычая уже давно бы отказались. Но он не видел другого способа прогнать свои страхи и потому цеплялся за эту надежду, как цепляется за меч умирающий солдат.

Но сейчас, когда он сидел скрючившись на полу, прикованный цепями к стене, Тавис понимал всю тщетность своей надежды. Он видел перед собой собственное будущее — беспощадное, неотвратимое. Если верить Кирану, сама судьба привела его сюда, где он сидел, прижавшись спиной к неотесанному камню, где холодные железные кандалы врезались в кисти и лодыжки, где в нос бил тошнотворный тюремный смрад и серый полумрак раздражал глаза. Это было все, что ему осталось. Заточение, позор и — в скором времени, несомненно, — казнь.

И снова Тавис попытался заплакать, как пытался в своей комнате, когда смотрел на тело Бриенны. Но даже в темнице, закованный в кандалы и несчастный, вынужденный слушать душераздирающие вопли другого узника, он не сумел выдавить ни слезинки.

Его одежда до сих пор хранила аромат ее духов, но теперь к нему примешивался запах крови и рвоты. Закрывая глаза, Тавис видел перед собой ее лицо, ее улыбку. Он чувствовал вкус ее губ. Отрешаясь от криков, он слышал ее смех. Он провел с Бриенной всего несколько часов, но за это время она успела пленить его сердце, словно сама Адриель направляла ее.

— Мне очень жаль, — прошептал Тавис, словно она могла услышать. — Я не знаю, что случилось, но мне очень жаль.

Она стояла его слез, но он не мог плакать.

Тавису казалось, что он сидит здесь уже очень долго, хотя он потерял чувство времени. Один раз мальчику послышался звон городских колоколов. Приглушенный расстоянием звук смешивался с воплями узника, которые гулким эхом отдавались в каменных стенах, но Тавис слышал колокола утром и как будто узнал ритмический рисунок отдаленного звона, похожего на шепот легкого ветерка. Однако он не имел ни малейшего представления, какие именно колокола звонят. Полдневные? Предзакатные? Как так вышло, что всего за несколько часов ход времени потерял для него всякий смысл?

По-видимому, Тавис заснул (он сам не понимал, как это ему удалось, когда вопли не смолкали ни на минуту и кандалы больно врезались в кисти и лодыжки), ибо спустя

некоторое время он вдруг вздрогнул и очнулся, дернув руками, которые мгновенно пронзила острая боль. Он не сразу понял, что именно вывело его из состояния забытья.

Крики прекратились.

Дверь темницы с пронзительным скрипом открылась. Тавис услышал голоса — один тихий, другой громкий и грубый. Потом кто-то начал спускаться по лестнице — медленно, словно боясь оступиться.

— Тавис? — Неуверенно произнес вошедший.

— Ксавер?

Тавис попытался встать, но ноги у него затекли, а короткие цепи не позволяли оттолкнуться руками от пола.

— Как ты? — спросил друг. Он все еще стоял на лестнице, напряженно всматриваясь в темноту. Сейчас Ксавер казался очень юным и испуганным.

— Помоги мне подняться. Мне самому никак — цепи мешают.

— Конечно. — Ксавер торопливо спустился по ступенькам и подошел к нему.

Он подхватил Тависа под руки и поставил на ноги. Мальчик задохнулся от боли, пронзившей плечи и колени, и бессильно привалился к стене, закрыв глаза.

— Извини, — сказал Ксавер. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Все в порядке. Просто мне нужно немного прийти в себя. Я не знаю, сколько времени я просидел здесь. — Он открыл глаза. — Который теперь час?

— Часа четыре дня. Скоро зазвонят предзакатные колокола. Я пришел бы раньше, но стражники долго не пускали меня. — Ксавер пожал плечами. — Я так и не понял почему.

Вероятно, именно полдневные колокола он и слышал. Прошло меньше времени, чем он предполагал. Тавис бросил взгляд на лестницу, но там никого не было. Ксавер пришел один.

— Полагаю, отец не желает меня видеть.

— Вовсе нет. — Друг помотал головой. — Он пошел поговорить с Андреасом, но сказал, что придет к тебе позже.

— Наверное, он думает, что это я убил ее.

— Нет, Тавис. Никто из нас так не думает. Ты не убийца.

Тавис испустил резкий смешок, в котором сам услышал нотки горечи и отчаяния.

— Мне бы вашу уверенность.

Глаза Ксавера расширились.

— Разве ты не уверен?

— С какой стати? Посмотри, что я сделал с тобой. — Он поднял руки к своему лицу, и цепи звякнули, словно монеты в кошельке. — Посмотри на мои руки. Они до сих пор в ее крови.

— Ты сказал, что она тебе нравилась.

— Она мне и вправду нравилась. Мне кажется, я смог бы полюбить ее. Не думаю, что это я убил Бриенну, Ксавер. Честное слово. Но я ничего не помню. — Тавис отвел глаза. — И ты сам знаешь, каков я в пьяном виде.

— Мы говорили об этом — твой отец, Фотир и я. И мы сошлись во мнении, что между твоим нападением на меня и убийством Бриенны нет ничего общего.

— Отец действительно так считает? — Он почти боялся поверить в это.

— Да. Именно поэтому он и пошел к Андреасу — чтобы убедить его начать розыски настоящего убийцы.

Надежда дала ростки в душе Тависа, словно семя, политое теплым дождем в месяце Амона, — и он собрал все свои силы, чтобы быстро и безжалостно растоптать ее, прежде чем она пустит корни. Здесь, в темнице, у него не оставалось оснований для надежды. Это была его судьба. Сбылось пророчество Кирана.

— Он зря старается.

Ксавер недоуменно уставился на друга:

— Что?

— Он ни в чем не убедит Андреаса. Я выйду отсюда только в день моей казни. —

Мальчик с трудом подавил приступ дурноты, когда выговорил эти слова.

— Не говори так, Тавис. Твой отец...

— Мой отец ничего не может для меня сделать. Никто не может.

— Неправда!

Тавис хотел отвернуться, чтобы закончить разговор и остаться наедине с самим собой, но цепи не позволяли.

— Ты не понимаешь, Ксавер. Именно это я видел в Киране.

На лице друга появилось такое выражение, словно он почувствовал позыв к рвоте.

— Ты видел смерть Бриенны?

— Нет. Но я видел эту темницу, эти цепи. Именно здесь я и должен находиться. Именно такую судьбу выбрали для меня боги.

Ксавер долго не отвечал. Он просто стоял на месте, кусая губы и уставившись невидящим взглядом в каменную стену. Потом он потряс головой и снова посмотрел в глаза Тавису.

— Мне нет дела до пророчества Кирана, — сказал он. — Даже если камень и явил тебе такое видение — что с того? Нет такого закона, согласно которому предсказание обязывало бы тебя поставить крест на собственной жизни. Ты не убивал Бриенну, я уверен. А значит, ты не должен здесь находиться, что бы ни говорил камень.

Тавис хотел верить другу, но не решался. Похоже, Ксавер почувствовал это.

— Не сдавайся, Тавис, — сказал он. — По крайней мере пока.

Тавис кивнул:

— Хорошо. — Он на мгновение замаялся. — Не говори моему отцу. Пожалуйста.

— О твоём Посвящении?

Он снова кивнул.

— Я не скажу ни слова.

Наступило неловкое молчание. Тавис видел, что друг хочет уйти (вполне понятное желание), но считает нужным остаться.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя? — спросил Ксавер после продолжительной паузы.

— Ты имеешь в виду, кроме того, чтобы помочь мне бежать?

Ксавер улыбнулся, хотя улыбка почти сразу превратилась в болезненную гримасу.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да нет, вряд ли. Впрочем, если ты уговоришь стражников немного удлинить цепи, мне станет полегче.

Лицо Ксавера просветлело, словно он всем сердцем желал выполнить хоть какую-нибудь просьбу друга.

— Я постараюсь.

— Спасибо.

Ксавер неловко кашлянул и бросил взгляд на дверь.

— Все в порядке, Ксавер. — Тавис слабо улыбнулся. — Не беспокойся за меня.

— Я не спешу. Я могу оставаться с тобой, сколько тебе угодно.

— Знаю. Но ты принесешь больше пользы, если поможешь Фотиру и отцу в поисках убийцы.

— Ты уверен?

«Нет. Я боюсь оставаться здесь один».

— Да.

— Я приду завтра. Обещаю.

Тавис поднял руки, и цепи опять зазвенели.

— Я все еще буду здесь.

Ксавер широко улыбнулся. Он ободряюще похлопал Тависа по плечу, потом повернулся и начал подниматься по лестнице.

Увидев, что он уходит, Тавис испытал приступ холодного ужаса, от которого задрожал

всем телом.

— Ксавер! — крикнул он, еще сам не зная зачем.

Друг остановился и даже спустился на пару ступенек.

— Да?

— Что тебе открыло Посвящение? — Это было первое, что пришло Тавису в голову. — Я ведь так и не спросил тебя.

Ксавер пожал плечами, заметно смутившись:

— Да так, ничего особенного.

— Пожалуйста, — сказал Тавис. — Я хочу знать. Ты остался доволен пророчеством?

Мальчик замялся.

— Да, — наконец сказал он с таким видом, словно сознавался в преступлении.

— Расскажи.

— Тавис...

— Ты женишься?

— Да.

— Она очень красивая?

— Да.

— А что еще?

Последовала длинная пауза.

— Я буду капитаном королевской гвардии, — наконец сказал Ксавер. — Если верить камню, — поспешно добавил он, несомненно с целью успокоить Тависа.

«Почему я не получил такое пророчество?»

— Это замечательно, Ксавер. — Молодой лорд говорил совершенно искренне. — Я рад за тебя. По крайней мере хоть один из нас получил хорошее пророчество.

— Ты выйдешь отсюда, Тавис. — Ксавер говорил с горячностью человека, старающегося убедить самого себя. — Мы вытащим тебя из темницы.

Тавис не нашел что ответить и потому просто сказал:

— До свидания, Ксавер. Приходи ко мне завтра пораньше.

— Непременно.

Он поднялся по лестнице и два раза стукнул кулаком в тюремную дверь. Через несколько секунд она распахнулась, и Ксавер вышел. Затем дверь с отвратительным грохотом захлопнулась, и Тавис услышал лязг засова.

Он закрыл глаза и прислонился к стене. В тот же миг вопли безумного узника возобновились.

Последним человеком, заставившим Явана сравнительно долго ждать, был Айлин, которому герцог наносил визит во время своего последнего приезда в Город Королей несколько лет назад. Яван никогда не отличался терпением, но в данном случае сумел сохранить самообладание. Айлин был королем, а король имел право тратить на аудиенции столько времени, сколько считал нужным. К тому же он был Торалдом, а все короли из этой династии славилась своим высокомерием, что во многом объясняло его пренебрежительное отношение к гостям. Поэтому Яван спокойно ждал и, конечно же, обратился к Айлину со всей подобающей случаю учтивостью и смирением, когда его наконец впустили в приемный зал. Какого бы он ни был мнения о самом короле, он все же находился в Одунском замке и стоял перед Дубовым тронном.

Однако сегодня был совершенно другой случай. Яван ждал аудиенции не у короля, а у герцога Кентигернского, и на карту было поставлено нечто гораздо большее, чем его гордость и его время.

Он мерил шагами приемную перед покоем Андреаса уже не один час. Он слышал, как прозвонили утренние колокола, потом полуденные, — но герцог по-прежнему отказывался принять его. Двоих стражников, которые встретили Явана у двери и велели подождать, давно сменила следующая пара часовых, еще более высоких и мускулистых. Близились время

очередной смены караула, а он все еще ждал.

Вероятно, с момента его появления в приемной Андреас уже раз десять выходил из своих покоев и возвращался обратно. В покоях самого Явана в Кергском замке тоже имелось три запасных выхода, дававших возможность избегать встреч с нежелательными посетителями, но от этого ситуация не становилась менее неприятной.

«Его дочь убита, — прозвучал голос в его сознании. Голос Шоны. — Можешь ли ты винить герцога в том, что он не желает видеть тебя?»

— А как же Тавис? — пробормотал Яван, привлекая к себе мрачные взгляды стражников. — Разве он не жертва тоже?

«А жертва ли он?»

Яван вздрогнул и на мгновение замедлил шаг. Вот оно: мучительный страх, гнездившийся в темных тайниках сознания, зловеще смотрел на него, словно один из демонов Байана. А что, если мальчик действительно убил Бриенну? А что, если все улики — запертая дверь, его кинжал в груди девушки, кровь убитой на его руках — являются просто доказательствами его вины, каковыми и кажутся? Что, если недавнее поведение сына в Керге было просто прелюдией к этому зверскому убийству, а не временным отклонением от нормы?

Он сказал Фотиру и молодому Маркуллету, что верит в невиновность Тависа. Конечно, он хотел верить. Но в глубине души он по-прежнему сомневался. А следовательно, тем тяжелее становилась для него предстоящая встреча с Андреасом, которой он добивался.

Разговор с герцогом всего через несколько часов после смерти Бриенны в любом случае обещал быть мучительным и трудным. Несомненно, последуют обвинения, угрозы, разговоры о мести. Но если он войдет в покои Андреаса, продолжая сомневаться в словах сына...

Яван потряс головой, содрогнувшись при одной этой мысли. Но что он мог поделать? Страх оставался в душе, неумолимый и непреодолимый.

Поэтому, когда дверь в покои Андреаса наконец открылась и стражники расступились в стороны, явив взору высокую худую фигуру первого советника, Яван сделал единственное, что ему оставалось. Он отбросил прочь все свои сомнения насчет Тависа и стал думать только о Шоне. Она не сможет пережить смерть сына. Яван знал это наверняка и потому даже не видел смысла задаваться вопросом, виновен Тавис или нет. Он должен был спасти сына, невзирая на все свои сомнения и все свидетельства его вины. Ради Шоны — и ради себя самого.

— Герцог готов принять вас, лорд Керг, — вымолвил Шерик с мрачным и отчужденным видом.

Яван шагнул к двери, но кирси поднял руку, останавливая его:

— Вы должны оставить свой меч в приемной.

Поначалу Яван решил, что ослышался. Эйбитарские герцоги постоянно носили с собой меч — особенно когда встречались с другими знатными особами, будь то герцоги или представители низшего дворянства. Он был при мече даже на приеме у Айлина.

— Вы шутите, — сказал Яван.

— Нисколько. Мы уже видели, на что способны Керги в ярости. Мы не хотим рисковать еще и жизнью нашего герцога.

— Это нелепо! — Яван изо всех сил старался сохранять самообладание. — Мой сын невиновен, а я не убийца!

Мужчина пожал плечами:

— Боюсь, я должен настаивать.

— Настаивайте, коли вам угодно, — сказал Яван. — Но я не расстанусь с мечом. Я — будущий король Эйбитара. И не намерен исполнять ваши прихоти.

Он снова шагнул к двери, но два стражника преградили ему путь, обнажив свои мечи.

— У вас нет выбора, милорд. — Кирси говорил таким невозмутимым тоном, что Явану захотелось его ударить. — Если вы не оставите меч в приемной, герцог вас не примет.

Это было не только поводом для раздражения, но еще и поражением. Оно не имело никакого значения, но все равно оставалось поражением и уязвляло гордость. Яван почувствовал на себе насмешливый взгляд кирси, когда снимал пояс и ножны, и вновь почувствовал желание ударить мужчину. Но вместо этого он отдал свой меч советнику и проследовал за ним в покои Андреаса, словно пленник.

Герцог стоял у окна, спиной к вошедшим, загораживая своим массивным телом почти весь свет.

— Оставьте нас, — сказал он, не оборачиваясь.

Первый советник отвесил поклон и удалился, закрыв за собой дверь.

Услышав стук затворяемой двери, Андреас обернулся. У него были покрасневшие от слез глаза и мертвенно-бледное лицо, если не считать двух алых пятен на щеках. Яван впервые видел герцога таким несчастным.

— Вы хотели видеть меня.

— Да.

— Зачем?

Яван открыл рот и снова закрыл, не зная толком, что ответить. Разве непонятно? Разве после утренних событий они не должны поговорить?

— Чтобы обсудить... случившееся, — наконец ответил он.

— Ваш сын убил мою дочь. О чем еще говорить?

— Я не верю, что он убийца.

— Да, я знаю. Утром вы сказали мне то же самое. Кажется, я назвал вас глупцом и лжецом.

Пожалуй, кирси поступил правильно, забрав у него меч.

— Это ужасная трагедия, Андреас, — сказал Яван, усилием воли подавляя гнев. — Я глубоко соболезную вам и Иоанне. Бриенна была очаровательной девушкой. Она озарит своим светом Подземное Царство. — Последняя фраза являлась устойчивым выражением, но в данном случае звучала правдивее, чем обычно. Ибо Яван знал, что до конца своих дней будет помнить золотоволосую девушку в ярко-синем платье, надетом по случаю помолвки. Таковую королеву обожали бы все подданные.

— Знаете, а ведь сейчас вы впервые выразили сожаление по поводу смерти Бриенны. — Голос Андреаса прервался, когда он произнес имя дочери, но герцог мгновенно овладел собой. — До сих пор вы не выказывали никакой скорби. Вы лишь старались защитить своего сына.

Яван ни на миг не усомнился в справедливости этого замечания и почувствовал стыд.

— Вы правы, Андреас. Мне следовало сказать это раньше. Приношу свои глубочайшие извинения. Ни одному родителю я не пожелал бы увидеть то, что вы с Иоанной увидели сегодня.

— А я не пожелал бы ни одному отцу жить с сознанием того, что его сын чудовище.

Яван на мгновение закрыл глаза. Он хотел обрушиться на герцога с проклятиями, но понимал, что от этого будет больше вреда, чем пользы.

— Я действительно верю, что мой сын не причастен к преступлению. — Он старался говорить спокойно. — Я понимаю, что все улики указывают на него. На вашем месте я бы тоже счел Тависа виновным. Но вы не знаете мальчика.

— Я знаю, что он ранил своего вассала.

Явану следовало ожидать этого. Фотир предупредил его. Но все равно слова оглушили, словно удар по голове.

Андреас еле заметно улыбнулся, увидев замешательство Явана, но улыбка тут же исчезла, и лицо герцога стало еще печальнее, чем минуту назад.

— Вы ни в чем не виноваты, Яван. И Шона не виновата. Порой хорошего воспитания и мудрого руководства недостаточно, чтобы спасти ребенка. В вашем сыне есть темное начало, против которого бессилён даже свет Морны.

Яван понимал, что герцог пытается быть добрым, что для человека в его положении он

проявляет необычайное милосердие и великодушие. Он знал также, что Андреас прав — по крайней мере отчасти. В душе Тависа действительно таилась некая темная сила, хотя Яван не знал, где находится источник оной. И все же он не нуждался в сочувствии Андреаса.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Что бы вы о нем ни думали, я уверяю вас, Тавис не способен на такое зверство.

— Он действительно напал на своего вассала, как сказал ваш кирси моему?

— Да, но тогда он был пьян.

— Мы нашли пустую бутылку из-под вина у кровати.

— Это не значит...

— Довольно! — Андреас сжал кулаки с такой силой, что костяшки пальцев побелели. — Моя дочь мертва, убита кинжалом вашего сына в постели, которую делила с ним! Он убийца, и понесет заслуженное наказание!

— Андреас, я прошу вас, как герцог герцога, как будущий правитель Эйбитара: позвольте мне разобраться с этим делом, прежде чем вы совершите непоправимое. Тавис сидит у вас в темнице. Он не может покинуть Кентигерн и не способен никому причинить вреда. Держите его там, сколько потребуется. Но не усугубляйте трагедию казнью невинного человека.

— Вы увидите, Яван, что правосудие в Кентигерне вершится быстро и беспощадно. Ни одному человеку, находящемуся в здравом уме, не требуется дополнительных доказательств, чтобы заключить, что Тавис убил мою дочь. Вы просто пытаетесь отсрочить неизбежное наказание, но я вам этого не позволю.

Яван долго старался сдерживать гнев, но это было уже слишком.

— А вы увидите, лорд Кентигерн, — ответил он, — что Керг реагирует на несправедливость столь же быстро. Любая попытка покарать моего сына прежде, чем будут представлены все доказательства его вины, послужит к началу войны между нашими домами.

Андреас шагнул вперед:

— Вы смеете угрожать мне в моем собственном замке?

— Да, если это единственный способ заставить вас прислушаться к голосу разума. Подумайте хорошенько, Андреас. Вам не нужна война с будущим королем Эйбитара. Ибо в таком случае вы скоро окажетесь самым одиноким человеком в стране.

— Вы не станете королем, покуда я жив! Мне наплевать на Законы Престолонаследия! Все Керги — безжалостные убийцы и лжецы! Вы недостойны короны! Стража! — крикнул он, прежде чем Яван успел ответить.

Две мужчин вошли в комнату.

— Отведите герцога в его покои. И впредь не допускать его ко мне.

— Да, милорд.

Яван тихо выругался.

— Давайте закончим наш разговор на другой ноте, Андреас, — сказал он. — Я уверен, мы можем прийти к соглашению, которое удовлетворит нас обоих.

— Оставьте меня, — сурово сказал Андреас. Он вновь повернулся к окну — неприступный, как стены Кентигернского замка.

Несколько мгновений Яван пристально смотрел на него, потом повернулся и вышел из комнаты в полутемный коридор, сопровождаемый двумя стражниками.

Он пообещал начать войну в случае казни Тависа, и он не шутил. Но почему-то ему не верилось, что этой угрозы достаточно для спасения сына.

ГЛАВА 13

Галдастен, Эйбитар

Гринса вздрогнул и проснулся в маленькой комнате, которую озаряли неверным светом далекие бледно-голубые сполохи. Он не сразу вспомнил, что они находятся в Галдастене,

последнем городе, где остановилась ярмарка. Кресенна пошевелилась и неразборчиво пробормотала несколько слов, а потом снова погрузилась в сон, по-прежнему держа руку у него на груди.

С минуту Гринса лежал неподвижно, ожидая, когда сердцебиение прекратится, а потом осторожно отодвинул руку девушки, тихо встал и подошел к окну. Словно спохватившись, он натянул на себя штаны, лежавшие на стуле рядом.

Обычно в подобных случаях Гринсе требовалось время, чтобы понять значение привидевшихся образов и истолковать сон. Однако на сей раз смысл сновидения представлялся совершенно ясным. Такое с ним случилось впервые; еще никогда прежде пророческие видения не возвращались к нему во сне. Конечно, это было необычное пророчество. Вероятно, Гринсе следовало ожидать, что образ лорда Тависа Кергского, прикованного к стене темницы, явится ему снова. Мальчик находился в Кентигерне, как он и опасался. На это указывало не само видение, а время, когда оно явилось. Именно туда отправился Тавис со своим отцом, и Гринса не сомневался, что повторное явление зловещей картины означает, что пророчество сбылось. Он обладал незаурядным магическим даром, которому давно привык доверять в делах такого рода.

— Почему так скоро? — прошептал он, оборачиваясь и бросая взгляд на постель. — Почему мы не можем побыть вместе чуть дольше?

Словно в ответ, по городу прокатилось эхо от раскатистого удара грома.

Предсказание уже стояло между ними, подрывало доверие, столь нужное обоим, подобно волнам океана Амона, подтачивавшим известняковые скалы Везирнийской Короны. Конечно, Кресенна понимала, что он не может рассказать ей о видении, явленном Кираном, — ведь она сама была предсказательницей. Но всякий раз, когда у Гринсы портилось настроение, она спрашивала о пророчестве, вероятно памятуя о глубокой тревоге, в которой он пребывал после Посвящения Тависа в первые дни их близости.

Гринса признавал, что у нее есть основания для расспросов. Мысли о пророчестве не покидали его с тех самых пор, как Тавис ранил своего вассала. Он хотел, чтобы видение послужило предостережением и позволило Тавису подготовиться к событиям, уготованным судьбой. Безусловно, он показал мальчику картину безобразную, даже жуткую. Но изначальное пророчество Кирана вызвало бы много вопросов, не дав никаких ответов. С одной стороны, оно, возможно, побудило бы Тависа сделать выбор, который изменил бы его собственную жизнь и весь ход событий в Прибрежных Землях. С другой стороны, оно наверняка заставило бы Гринсу раскрыть свою тайну. Тогда он был уверен, что для мальчика, для него самого и для страны будет лучше, если он поступит именно так, а не иначе.

Но после всех событий, случившихся впоследствии, эта уверенность испарилась, и в душе осталось сомнение, наполнявшее Гринсу страхом и раскаянием. Тавис достиг возраста Посвящения, но все равно оставался еще незрелым юнцом. Он не был готов к такому пророчеству, тем более что ожидал увидеть совсем другую картину предстоящих событий. Несомненно, видение глубоко потрясло мальчика, слишком гордого, чтобы довериться другу или родителям, и слишком юного и испуганного, чтобы мужественно принять подобный образ собственного будущего.

Лучше уж было привести молодого лорда в замешательство, чем в такой ужас.

Однако в сожалениях не было никакого толку. Гринса понимал, что должен покинуть ярмарку и как можно скорее добраться до Кентигерна. Подменив изначальное пророчество Кирана на другое предсказание, он избрал путь, связывавший его с судьбой Тависа.

«А как же твоя судьба, которую ты хочешь связать с этой женщиной?»

Она задаст тот же вопрос. Себе Гринса мог сказать, что такую дорогую цену он платит за неповиновение Кирану и за возможность сохранить свою тайну, — но что он скажет Кресенне? Несмотря на все душевные разговоры, несмотря на страсть, воспламенявшую их ночи, и на любовь, которая все прочнее утверждалась в его сердце, Гринса до сих пор ничего не рассказал ей о себе — только признался, что умеет вызывать ветра и туманы. Он хотел

было открыться Кресенне и несколько раз едва не сделал это, но всякий раз его что-то останавливало, и он начинал сомневаться в своей способности доверять и любить. Тогда Гринсе приходилось напоминать себе, что они всего лишь месяц вместе и у них впереди еще много времени.

По крайней мере он так считал.

Прохладный ветер шевельнул занавески на окне, и очередная вспышка молнии озарила комнату. Сразу же ударил гром, на сей раз громче и ближе к молнии, чем прежде.

— Не можешь заснуть?

Гринса повернулся, услышав голос Кресенны. Она сидела в постели, подтянув колени к груди.

— Да, что-то не спится.

— Гроза?

Он помотал головой:

— Нет, сон.

Казалось, она насторожила уши, словно волчица, почуявшая добычу. Самая ее поза неуловимо переменялась.

— Сон или видение?

Гринса мгновенно занял оборонительную позицию, несомненно, потому, что сон касался Посвящения Тависа. Снова оно вставало между ними. «Просто она тоже предсказательница, — сказал он себе. — Она понимает значение видений».

— Вообще-то видение.

— Оно имеет отношение к лорду Тавису, да?

— С чего ты взяла? — спросил Гринса. Но он не удивился. Кресенна успела хорошо его узнать.

— Я права? — спросила она, проигнорировав вопрос.

Гринса вздохнул и кивнул.

— Мне кажется, наши с ним судьбы каким-то образом связаны; возможно, дело в том, что именно я предсказывал Тавису.

— Глупости. Ты предсказывал будущее тысячам разных людей. Почему вдруг твоя судьба оказалась связана только с ним одним?

Гринсе ничего не оставалось, как солгать:

— Не знаю. Может быть, потому, что камень явил нам такое тревожное видение. А может, потому, что мальчик отреагировал на него столь бурно. — Он пожал плечами и повторил: — Я не знаю. Но сегодня оно приснилось мне. Думаю, пророчество сбылось.

— Так скоро? — удивленно спросила Кресенна. — Обычно пророчества открывают более отдаленное будущее.

И снова — как всегда, когда заходил разговор о Посвящении Тависа, — Гринса почувствовал, что она пытается вывести у него, какое видение явил Киран Тавису. Наверное, ему стало бы даже легче, погибни молодой лорд так скоро. По крайней мере, тогда вся история с Посвящением осталась бы в прошлом, и они с Кресенной смогли бы быть вместе.

— Обычно, — сказал Гринса. — Но не в данном случае.

— Что ж, если ты прав и пророчество сбылось, — сказала она с улыбкой, — значит, все закончилось, правда? Теперь мы можем забыть о Тависе, о его Посвящении — и просто наслаждаться общением друг с другом.

Гринса вновь повернулся к окну. Начался дождь, и ветер швырял на белые занавески и в комнату крупные тяжелые капли. Надо было бы закрыть ставни, но он просто стоял и мокнул под дождем.

— Это не так просто. Я должен помочь ему, Кресенна. Я должен отправиться в Кентигерн.

— Что?

Услышав скрип кровати, он обернулся и увидел, что Кресенна встала и надевает легкий

халат.

— Ты покидаешь ярмарку? Ты покидаешь меня?

Гринса закрыл глаза.

— Я не хочу уезжать, но...

— Так не уезжай!

— Я должен! — Он возвысил голос.

Кто-то в соседней комнате заколотил кулаком по стене.

— Я должен, — повторил он потише. — Кто-то должен ему помочь.

— Его отец — герцог Кергский! Который в течение года станет королем! Если даже он не в силах помочь Тавису, неужели ты можешь? Ты предсказатель, Гринса. Мы оба предсказатели. Мы провидим будущее и открываем его другим, предоставляя людям полную свободу действий. Но на этом наша миссия заканчивается. — Кресенна подошла и обняла Гринсу, положив голову ему на грудь. — Я знаю, порой это трудно, но такова уж природа нашего дара.

Помедлив секунду, он тоже обнял девушку. Кирсар свидетель, ему не хотелось уезжать. Он глубоко вздохнул, вдыхая запах ее волос, ее кожи. «Почему так скоро?»

Кресенна прижалась губами к его груди, потом запрокинула голову и страстно поцеловала в губы.

— Пойдем в постель, — прошептала она. — Я уговорю тебя остаться со мной.

Они снова поцеловались, но Гринса тут же отступил назад.

— Тебе не составит труда уговорить меня. — У него болезненно сжалось сердце. — Одного твоего поцелуя оказалось почти достаточно. Поэтому мне лучше просто собрать свои вещи.

Выражение лица у Кресенны мгновенно изменилось — словно он ударил ее.

— Ты действительно собираешься уехать. — Она произнесла это утвердительно, звенящим голосом.

— Я должен.

Она вскинула руки:

— Но почему?

Гринса никак не мог рассказать Кресенне все, но чувствовал себя обязанным открыть ей хоть малую толику правды.

— Я уже сказал: между мной и Тависом существуют некие незримые узы. Думаю, наши с ним судьбы каким-то образом связаны.

Последние слова возымели действие. Она отступила назад и сузила глаза.

— Как такое возможно?

— Не знаю. Наверное, все дело в его Посвящении, как я уже говорил.

— Надо полагать, пророчество было из ряда вон выходящим, — с горечью сказала Кресенна.

— Вот именно. — Он тут же пожалел о своих словах, ибо знал, что последует дальше.

— Что ты увидел, Гринса? Что нас разлучает?

Ему безумно хотелось рассказать ей обо всем — хотя бы для того, чтобы положить конец разговору. Но, несмотря на все свои предыдущие откровения, Гринса сознавал, что звание предсказателя обязывает к молчанию, ибо речь шла не о его судьбе, а о судьбе Тависа.

— Мы уже не раз говорили на эту тему. Ты знаешь, я не имею права открывать тебе тайну пророчества.

— Даже сейчас? — резко спросила она. — Ты покидаешь меня, мчишься в Кентигерн, чтобы спасти мальчика, которого ты едва знаешь и не особенно любишь. И ты по-прежнему отказываешься сказать мне, что ты видел?

— Я не имею права. Извини.

Кресенна отвернулась, но не сдвинулась с места. Он тоже не шевелился. Они просто молча стояли в темноте. Гринса чувствовал, что она рассержена, и спрашивал себя, не

рассердиться ли и ему тоже. Но печаль подавляла все прочие чувства.

Вспыхнула молния, на мгновение озарив комнату, словно солнце. Почти сразу грянул гром, сотрясший стены и пол, который задрожал, как испуганный ребенок.

— Я ухожу не навсегда, Кресенна, — наконец сказал он. — Я постараюсь помочь Тавису, а потом вернусь, где бы ни находилась ярмарка.

Кресенна кивнула, по-прежнему глядя в сторону.

— Конечно, — сказала она, но в ее голосе не слышалось уверенности.

Гринса шагнул вперед и дотронулся до ее щеки. Она посмотрела ему в глаза и едва заметно улыбнулась, но улыбка тут же погасла.

— Это наша последняя ночь перед разлукой, — мягко сказал он. — Давай не будем тратить время попусту. Вернемся в постель.

Но Кресенна помотала головой, и Гринсе показалось, что в ее светлых глазах блеснули слезы.

— Я не могу, — прошептала она. — Я лучше пойду.

С таким же успехом она могла ударить его ногой в живот.

— Куда ты пойдешь? — с трудом проговорил он. — Ночь на дворе. — Он неопределенно махнул рукой в сторону окна. — Гроза.

— Здесь, в конце коридора, комната Трина, — сказала Кресенна. — Я могу провести ночь у него.

Трин. Если уж он должен отвести ее в комнату к другому мужчине, то лучше к Трину. Как такое случилось? Гринса сдавал позиции, словно войско, застигнутое врасплох более сильным врагом.

Он тяжело сглотнул:

— Если ты этого хочешь...

Кресенна яростно взглянула на него:

— А чего, собственно, я хочу? Я всего-навсего хочу, чтобы ты объяснил мне, в чем дело! Ты просыпаешься среди ночи, встревоженный сном, который, возможно, не имеет никакого значения, и вдруг объявляешь, что покидаешь меня и отправляешься в Кентигерн, чтобы спасти испорченного, надменного мальчишку, которого, может статься, и спасти-то не надо! И у тебя хватает наглости рассуждать о том, чего я хочу?

— Кресенна...

— Нет. — Она потрясла головой. — Ты с самого начала не был честен со мной. Одно дело — хранить тайну пророчества, потому что звание предсказателя обязывает тебя к молчанию. Но теперь ты сообщаем мне, что твоя судьба связана с судьбой мальчика, а это все меняет. Я думала, мы неразличны друг другу; я думала, когда-нибудь ты полюбишь меня.

— Я уже люблю тебя.

— Я тебе не верю. Любовь подразумевает полное доверие.

«Если бы ты только знала», — хотел сказать Гринса. Порой он сам удивлялся, как у одного человека может быть столько тайн. Но это не помешало ему полюбить Кресенну. Он снова почувствовал желание все рассказать, окончательно покончить с ложью. И снова не нашел в себе сил сделать это. Возможно, он слишком долго скрывал правду и теперь уже не мог никому открыться. А возможно, он просто чувствовал себя уязвленным в ту минуту и потому не хотел довериться девушке. Так или иначе, он сказал только:

— Не хочешь — не верь. Но я действительно люблю тебя.

Кресенна повернулась к нему спиной, скинула халат и потянулась за своей одеждой. Очередная вспышка молнии осветила ее нежную бледную спину.

— Тебе незачем уходить, — тихо сказал Гринса. — Я сейчас уйду. Мне нужно просто собрать вещи.

Над городом прогрехотал гром.

Она надела блузку и тряхнула головой, высвобождая свои белые волосы из-под воротника.

— Нет. Я пойду. Я не хочу оставаться здесь.

Гринса глубоко, протяжно вздохнул, но ощущение удушья не проходило. Все случилось совершенно неожиданно, но сейчас казалось, что им с Кресенной с самого начала суждено было расстаться таким образом.

— Я вернусь, — повторил он, хотя понимал, что это уже не имеет никакого значения.

Кресенна на мгновение замерла на месте, бросила на него взгляд через плечо, потом кивнула. Она тоже это понимала.

Через несколько минут она оделась. Гринса зажег свечку и принялся машинально складывать свои вещи на кровать, чтобы потом уложить их в дорожную сумку. Главным образом он смотрел на Кресенну. Даже с растрепанными волосами и покрасневшими глазами — из которых, однако, не пролилось ни слезинки, — она оставалась для Гринсы самой красивой женщиной на свете. Она превосходила красотой даже Фебу. Он любил эту женщину не так сильно, как любил свою жену, — по крайней мере пока. Но за то недолгое время, что они провели вместе, он поверил, что сможет полюбить снова. А теперь он лишился такой возможности — и все из-за Тависа Кергского.

«Нет, — мысленно поправился он. — Тавис ни в чем не виноват. Не он заставил тебя явить именно такое, а не другое видение его будущего, и не он сделал тебя тем, кем ты являешься. Ты вступил на этот путь много лет назад, задолго до твоей встречи с Кресенной или Тависом».

— О чем ты думаешь? — спросила Кресенна. Она пристально смотрела на него и казалась очень печальной, очень юной и невыразимо прелестной.

— О том, что мне страшно жаль. О том, что я не хочу потерять тебя.

— Нам не обязательно расставаться. Если ты просто объяснишь мне...

Гринса помотал головой:

— Пожалуйста, не проси меня снова. Мне слишком больно каждый раз говорить «нет». Возможно, я все расскажу тебе, когда придет время. Я сам хочу рассказать, честное слово.

Кресенна опустила глаза и кивнула:

— Я знаю. — Она быстро обвела комнату взглядом, словно проверяя, не забыла ли здесь чего-нибудь. Потом направилась к двери и лишь на мгновение остановилась, чтобы легко прикоснуться губами к щеке Гринсы.

Он закрыл глаза, в последний раз вдыхая запах ее волос. Кресенна открыла дверь, но замерла на пороге. Гринса почувствовал, что она смотрит на него, но не повернулся.

— Что мне сказать Трину? — спросила она.

«Скажи, чтобы он заботился о тебе. Скажи, чтобы он каждый день напоминал тебе, как сильно я люблю тебя».

— Оставляю это на твое усмотрение. Объясняй мое решение покинуть ярмарку, как сочтешь нужным. Только не говори никому, куда и зачем я уехал. Пожалуйста.

— Хорошо.

— И еще, Кресенна...

— Да.

Гринса повернулся, и их взгляды встретились.

— Обязательно скажи Трину, что я вернусь. «И сама помни об этом».

— Хорошо.

Она еще несколько мгновений смотрела ему в глаза, потом вышла прочь и закрыла за собой дверь.

С минуту он стоял неподвижно, глядя на дверь в надежде, что она откроется вновь. Молния озарила комнату мерцающим светом, подобным неверным огням пляшущего на ветру костра. Гринса подождал, когда грянет гром, однако раскат раздался с задержкой. Гроза шла на убыль. Но дождь продолжался, мелкий и прохладный; порывистый ветер швырял капли в окно.

Гринса встряхнулся, словно пес, очнувшийся от долгого сна, а потом затолкал в сумку оставшиеся вещи. Он задул свечу и снова лег в постель, надеясь поспать еще пару часов. До

Кентигерна путь был неблизкий — более шестидесяти лиг, — и он должен хорошо отдохнуть перед дорогой, чтобы оказаться на месте вовремя и успеть спасти Тависа.

Кресенне следовало пойти напрямик в комнату Трина, как она и обещала. Она страшно рисковала. Но хотя дело могло подождать до утра, она боялась растерять все свое мужество за несколько часов сна. Она должна была сделать это сейчас, пока боль не утихла и решимость не пропала.

Почти все время, что они были вместе, Кресенна чувствовала: Гринса что-то скрывает от нее, что-то более важное, чем пророчество о судьбе Тависа. Той ночью, когда он признался, что обладает еще одним магическим даром, Кресенне показалось, что он наконец открылся ей, но даже после этого все осталось по-прежнему. Теперь она понимала почему. «Наши с ним судьбы каким-то образом связаны». Внезапно Посвящение Тависа вновь обрело значение. Она отдала бы все на свете, только бы узнать, что прозрел Гринса в будущем, но она уже знала достаточно, чтобы понять, какую опасность оно представляет. «Я должна сделать это, — говорила себе Кресенна, — и не важно, какие чувства я испытываю к предсказателю».

Казалось странным, что он так и не выдал ей тайну пророчества. Это обстоятельство тревожило ее. Он был простым предсказателем. По крайней мере, так она говорила себе. Но в нем чувствовалось нечто таинственное, что привлекло бы к нему Кресенну, даже если бы ей не требовалось завоевать его доверие; нечто такое, что подчас избавляло ее от необходимости лгать, когда она лежала в его объятиях.

Некоторые ее соплеменники обладали даром внушения, мощной магической силой, позволявшей воздействовать на сознание и убеждать людей в чем угодно. Кресенна не относилась к их числу. Она никогда не нуждалась в таком даре. Мужчины находили ее красивой и доброй — особенно когда она им льстила или заставляла их поверить, что они ей нравятся. Она давно поняла, что от нее требуется совсем немного, чтобы заставить мужчин поверить в любую ложь. В первый вечер в «Серебряной чайке» она убедила Трина (даже он поддался обману), что равнодушна к Гринсе, а потом убедила в этом и самого предсказателя. На следующий вечер, когда они с Гринсой ужинали вдвоем, она продолжала соблазнять его.

Однако со второго вечера что-то изменилось. Кресенна знала, что уже завоевала доверие и симпатию Гринсы. На самом деле она подозревала, что он влюбился в нее. Но она также чувствовала, что история, начавшаяся с простого оболъщения, становится для нее опасной. Однако только сейчас, когда острая боль расставания пронзила сердце, словно кинжал, Кресенна все поняла. Она любила Гринсу.

Именно поэтому она должна была сделать это безотлагательно, пока не передумала, пока не получила возможность собраться с силами и вернуться к нему.

Кресенна бесшумно прошла по коридору к лестнице, миновав комнату Трина. Выйдя из гостиницы, она остановилась, пытаясь сориентироваться. Шел дождь, улицы Галдастена окутывала тьма. Она знала, что большинство ярмарочных артистов-инди поселились в двух гостиницах на северной окраине города, недалеко отсюда, но ей потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, где север. К тому времени, когда она двинулась дальше, ее волосы и одежда успели намокнуть. Вообще-то Кресенна любила дождь в теплое время года, особенно после такого жаркого дня, какой выдался нынче. Но сегодня она просто мерзла под дождем, и все. Она обхватила себя руками и торопливо зашагала через рыночную площадь.

Кресенна заранее выяснила, где остановился нужный человек: в какой гостинице и в какой комнате. Перед отъездом Кадел назвал его имя, и ей не составило труда навести справки у хозяина гостиницы. Это была мера предосторожности — как она надеялась, излишняя. Конечно, она не предполагала, что пошлет этого человека за Гринсой.

— Будь он проклят! — пробормотала Кресенна. — Да предал бы его Байан самым страшным мукам Подземного Царства!

Все было бы проще, если бы она действительно так думала. Поначалу задание

показалось ей легким. На первый взгляд Гринса производил впечатление довольно заурядного человека. Добрый, конечно. А также умный и привлекательный... в своем роде. Но он был всего лишь ярмарочным предсказателем. Кресенне требовалось только соблазнить Гринсу, выпытать у него как можно больше о предсказании — и исчезнуть. Был ли лучший способ убедить Избранного, что она достойна доверия, чем раздобыть доказательства того, что заговор против герцога Кергского и молодого лорда увенчался успехом?

Но она скоро поняла, что ею движет не одна лишь необходимость соблазнить мужчину, затащить его в постель. И что Гринса не так прост, как кажется на первый взгляд.

— Будь он проклят! — снова пробормотала она, ускоряя шаг.

Кресенна не могла сказать, когда именно она впервые осознала, что хочет положить конец господству инди в Прибрежных Землях. Она поняла это не вдруг, не в одночасье. Казалось, сама жизнь подвела ее к этому. Кресенна до сих пор помнила, какой стыд испытывала она, слушая вместе с другими детьми, кирси и инди, рассказы наставника о предательстве Картаха и том, чего оно стоило ее народу. Она не забыла, каким унижениям подвергался ее отец, занявший после многих лет плаваний должность низшего советника при дворе одного везирнийского герцога. Кресенне было тяжело видеть, с каким презрением разговаривал с ним правитель-инди, который отметал его советы пренебрежительным взмахом руки и за все время службы так и не удосужился запомнить его имя. Но она просто кипела гневом, когда видела, что и вышестоящие кирси делают то же самое.

Отец мирился с таким положением дел, но она не могла. Если советники, раболепствовавшие перед инди, находили возможным так обращаться с ним, они ничем не отличались от Картаха. И если отец был готов пожертвовать своей гордостью, чтобы только остаться при дворе, он тоже ничем от него не отличался.

После смерти отца герцог дал ее матери двадцать киндов и выдворил их из замка.

— Я не могу заботиться о семьях всех кирси, умерших у меня на службе, — сказал он. — Что поделать, если ваши соплеменники живут недолго.

Тогда Кресенне было десять лет.

Мать вспомнила об этом случае лишь один раз, через пять лет, перед самой своей смертью. Тогда они работали на одной из странствующих ярмарок Везирна — Кресенна вызывала огонь, мать предсказывала будущее. После тяжелого дневного переезда у матери появились первые симптомы лихорадки, которая в конце концов и убила ее. В комнате было темно, и Кресенна думала, что мать спит.

— Твой отец был хорошим человеком, — внезапно сказала она. — Сильным, смелым, добрым. Жаль, что ты не знала его, когда он еще плавал, до нашего переезда в Везирн.

Кресенна не нашла подходящего ответа и потому просто лежала в темноте, надеясь, что мать скажет еще что-нибудь.

— Правителям Прибрежных Земель нет дела до кирси. Они просто коллекционируют нас, как боевых коней или мечи. Именно так поступал герцог. Твой отец хотел обеспечить нам достойное существование, иначе он никогда не стал бы работать на такого человека.

Спустя много лет после смерти матери Кресенна по-прежнему помнила эти слова. Но они лишь заставили ее проникнуться еще более глубокой ненавистью к инди и их приспешникам из числа кирси, хотя со временем помогли простить и даже снова полюбить отца. Она часто задавалась вопросом, не эту ли цель преследовала мать, произнося их.

Когда Избранный впервые явился к ней во сне, похожий на некоего беловолосого бога, Кресенна сразу поняла, что ей предназначено служить его делу. Вероятно, он почувствовал то же самое, ибо скоро она вошла в узкий круг приближенных лиц. Этому способствовало то обстоятельство, что она хорошо знала ярмарки и изъявляла готовность странствовать с ними по Прибрежным Землям. К тому времени Избранный уже завербовал нескольких советников, но нуждался в кирси, не привязанных к тому или иному двору и имевших возможность свободно переезжать с места на место, не привлекая к себе особого внимания. Кроме нее были и другие канцлеры (по выражению Избранного), которые странствовали с Санбирийской ярмаркой, с Императорской ярмаркой Брэдона и несколькими менее

крупными ярмарками Анейры и Сирисса. Но Кресенна была самой молодой, как говорил Избранный. Зачастую советники выслушивали ее приказы с долей возмущения, но она договаривалась о плате, и от имени Избранного выступала тоже она, — поэтому они не возражали.

Избранный приказал Кресенне устранить лорда Тависа, но предоставил ей самой решать, каким образом это сделать. Она не сомневалась, что он останется доволен ее планом. Однако ей следовало позаботиться о том, чтобы Гринса не испортил все дело. «Наши с ним судьбы каким-то образом связаны...» Что бы это могло значить?

Преодолев путь сквозь ночную мглу и дождь, она наконец достигла гостиницы, торопливо вошла внутрь и начала подниматься по лестнице на второй этаж.

— Кто там? — спросил мужчина, подошедший к барной стойке. Мгновение спустя он зажег свечу, которая слабо осветила зал.

Кресенна прижалась к стене, прячась в тени.

— Я... меня пригласил к себе в комнату один из ваших постояльцев, сэр, — робко проговорила она.

Мужчина вышел из-за стойки и поднял свечу повыше, однако слабый свет не рассеял густой тени, скрывавшей Кресенну.

— Ты одна? — спросил он.

— Да, сэр. Он показался мне приличным господином, сэр.

— Само собой, — проворчал мужчина. — Ох уж эта ярмарка! — Он повернулся и направился обратно в свою комнату. — Можешь идти, — сказал он и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Кресенна поднялась по лестнице, бесшумно прошла к нужной двери и тихо постучала.

Ответа не последовало, и она уже подняла руку, чтобы постучать еще раз, но тут дверь открылась. В коридоре было темно, и человек явно напрягал зрение в попытке рассмотреть непрошеного гостя. Поэтому Кресенна просто подняла раскрытую ладонь и вызвала маленький язычок пламени, обратившись к своей магической силе с той же легкостью, с какой другие обращались к своей памяти.

Он был выше, чем она предполагала. Темные глаза и темные непокорные волосы придавали мужчине слегка безумный вид. Он был в штанах, но без рубашки, и Кресенна увидела маленький белый шрам у него на плече и еще один на груди.

— Ты кто? — спросил он, подозрительно уставившись на нее.

— Ты Хонок, да?

— Да. — Он метнул взгляд в сторону, проверяя, одна ли она.

— Я друг Корбина.

Он снова посмотрел на нее, на мгновение округлив глаза. Потом вышел в коридор, закрыв за собою дверь.

— Нет, — сказала Кресенна. — Не здесь. В твоей комнате.

Джедрек нахмурился, но открыл дверь и позволил ей войти.

— Кто это? — спросил женский голос.

Кресенна раздула свой огонь поярче и увидела темноволосую женщину, сидевшую в постели. Голую, пышно-грудую, красивую по меркам инди.

— Ты кто такая? — осведомилась она, окидывая Кресенну взглядом.

— Я его жена.

— Жена? Но ведь ты... — Услышав смех Джедрека, женщина умолкла и яростно посмотрела сначала на одного, потом на другого. — Ах ты, ублюдок! — сказала она. — Да пропадите вы оба пропадом!

Она спрыгнула с кровати, схватила свою одежду, выскочила из комнаты и пошла прочь по коридору, не потрудившись закрыть за собой дверь. Джедрек подошел к порогу и, прежде чем захлопнуть дверь, проводил женщину долгим взглядом.

— Мне понадобилось три дня, чтобы затащить ее в постель, — сказал он. — Надеюсь, ты пришла по важному делу.

Кресенна не чувствовала ни малейшего желания изображать расстройство по этому поводу.

— Дай свечу. Я не могу поддерживать свой огонь до утра.

Он принес большую свечу со столика, стоявшего у кровати. Она зажгла фитиль от огня, горевшего у нее на ладони, а потом погасила свое пламя.

— Чего тебе надо? — осведомился он, подступая к ней и упирая руки в бока.

Кресенна села на кровать, не спуская с него пристального взгляда.

— Ты знаешь, куда уехал Кадел?

Он кивнул:

— В Кентигерн.

— А ты знаешь зачем?

— Догадываюсь. Он не всегда посвящает меня в свои дела. Говорит, так безопасней для меня.

Кресенна на мгновение задумалась, потом сказала:

— Наверное, он прав. — Она провела рукой по губам, потом отбросила со лба мокрые волосы. Несмотря на все, что случилось сегодня ночью, она не хотела делать этого. Кресенна пыталась убедить себя, что у нее нет выбора, что все планы рухнут, если они не остановят Гринсу, — но она сама себе не верила.

«Вправе ли ты рисковать, оставляя его в живых?» — спросил ее внутренний голос.

— Нет.

— Что «нет»? — спросил мужчина.

Кресенна даже не поняла, что ответила вслух на вопрос, который мысленно задала себе.

— Ничего, — сказала она. — Я пришла сюда потому, что один кирси, работающий на ярмарке — предсказатель, который прорицал лорду Тавису, — решил отправиться в Кентигерн.

Джедрек заметно растерялся:

— Но с какой стати?

— Его посетило видение. Он знает, что мальчик в беде. Возможно даже, он узнал о намерениях Кадела. Возможно, именно их и открыло Тавису пророчество Кирана.

Он тихо присвистнул сквозь сжатые зубы:

— Ты уверена?

Кресенна бросила взгляд в сторону окна. Дождь стихал.

— Нет. Я ни в чем не уверена. Но я знаю одно: предсказатель едет в Кентигерн. Все остальное не имеет значения.

— Ладно. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Последуй за ним. А когда окажешься достаточно далеко от ярмарки, убей его.

Он побледнел и бессильно опустил в кресло, стоявшее возле окна.

— Но ведь он... Ты сказала, что он предсказатель. Это значит... он такой же, как ты...

Кресенна невольно улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что он кирси. — Она подалась вперед. — Ну и в чем проблема?

— Я никогда не убивал кирси. — Он отвел взгляд в сторону. — Обычно с ними разбирается Кадел.

От этих слов ей не стало легче.

— Он простой предсказатель, — сказала она. — Он ничем не отличается от людей, которых ты убивал раньше.

Джедрек кивнул, но выражение его лица по-прежнему оставалось встревоженным.

— Когда ты должен встретиться с Каделом?

— Через два месяца, на юге Анейры.

Кресенна приподняла бровь:

— Два месяца. Тебе нет смысла возвращаться на ярмарку, когда ты сделаешь свое дело.

— Это не проблема, — сказал он.

— Для тебя. Но если вы оба покинете ярмарку в один день, это может показаться странным. — Кресенна покусала губу. — Ты сможешь выследить его, если он уедет несколькими днями раньше?

Мужчина ухмыльнулся; от сомнения, владевшего им минуту назад, не осталось и следа.

— В Прибрежных Землях ему от меня не скрыться. Мне нужно только знать, как его зовут и как он выглядит.

— Его зовут Гринса джал Арриет, — с трудом выговорила она дрожащим голосом. — Он высокий, необычно широк в плечах для кирси. У него длинные волосы, которые он носит распущенными. Полные губы и высокие скулы. «И тонкие руки, нежнее которых я в жизни не встречала».

— Он чистокровный кирси? Беловолосый, желтоглазый?

Кресенна кивнула.

Мужчина нахмурился, но ничего не сказал. Однако она знала, о чем он думает. Вероятно, ему, как и большинству инди, все кирси казались на одно лицо.

— Сколько дней я должен выждать?

Она пожала плечами:

— Три-четыре дня сможешь?

— Мне все равно. Я же сказал: я найду его.

— Тогда четыре. Все обратят внимание на то обстоятельство, что вы оба покинули ярмарку, но посчитают это простым совпадением.

Он снова кивнул:

— Еще что-нибудь?

— Я не могу заплатить тебе. Все деньги, предназначенные на... на дела такого рода, я отдала Каделу.

— Ничего страшного, — сказал мужчина. — В любом случае денежными вопросами занимается Кадел. Он позаботится о том, чтобы нам заплатили.

— У тебя хватит денег на покупку лошади? Он поедет верхом.

— Да, хватит.

Кресенна поколебалась, потом встала. Казалось, они все обговорили, но она не спешила уходить.

— Я все сделаю, — сказал мужчина, словно почувствовав ее сомнения. — Он не доедет до Кентигерна.

Кресенна медленно пошла к двери, но остановилась на полпути и обернулась.

— Постарайся, чтобы он не мучился, — сказала она. — Пусть он умрет быстро.

Мужчина глубоко вздохнул, и на его худом лице вновь появилось встревоженное выражение.

— Не беспокойся. С кирси я и не поступил бы иначе. Если мне повезет, он даже не увидит меня.

ГЛАВА 14

Кентигерн, Эйбитар, луна Элинеды убывает

Фотир понимал, что должен испытывать радость. В то ужасное утро, когда окровавленное тело Бриенны лежало в постели Тависа, он спрашивал себя, доживут ли они до завтра. И разумеется, он ожидал, что молодого лорда казнят немедленно. Когда Яван вернулся в гостевые покои после встречи с герцогом Кентигернским, он, казалось, тоже потерял всякую надежду спасти сына.

— Я сделал для него все, что мог, — сказал он тогда. — Но боюсь, он умрет до заката завтрашнего дня.

Герцог почти ничего не рассказал Фотиру о своем разговоре с Андреасом — сказал только, что пригрозил начать войну в случае, если Тависа казнят до беспристрастного рассмотрения дела, и что Андреас поклялся воспрепятствовать его восшествию на престол.

Фотир тоже не сумел договориться с Шериком. Страшные события положили конец дружеским отношениям, завязавшимся между ними вечером в «Серебряном медведе». Когда утром после убийства Бриенны он отправился поговорить с кентигернским советником, Шерик отказался принять его. Как бы ни хотелось Фотиру успокоить своего герцога, он не мог сказать ничего утешительного.

Однако угрозы Явана, казалось, произвели на Андреаса большее впечатление, чем ожидал Фотир или сам герцог. Со времени смерти Бриенны и заточения Тависа прошло уже пять дней, а молодой лорд был все еще жив. Он оставался в темнице, в условиях, которые Фотир мог определить лишь одним словом: ужасные. Но, по крайней мере, он был жив.

Накануне — через четыре дня после смерти, как предписывал обычай, — жители Кентигерна отдали Бриенне последнюю дань почтения. Несмотря на свою преданность дому Кергов и уверенность в невиновности Тависа, Фотир был глубоко тронут рассказами герцогских стражников о поведении городских жителей, пришедших в замковую часовню, чтобы проститься с телом. Мужчины и женщины горько рыдали и громко требовали казни убийцы. С наступлением темноты, когда тело Бриенны перенесли во внутренний двор замка и возложили на погребальный костер, тысячи людей, оставшихся в замке, внезапно запели похоронную песнь из «Гимна лунам», хотя обычай предписывал хранить молчание, пока разжигают костер. Таким образом подданные Кентигерна выразили всю глубину своей скорби. Однако сейчас, когда Фотир вспоминал об этом, направляясь вместе с Яваном и Ксавером в темницу, он понимал, что даже это свидетельство любви и преданности имеет зловещий смысл. Независимо от того, сумеют они доказать невиновность Тависа или нет, Андреас желал смерти мальчика и, похоже, все его подданные тоже.

Кирси страшился этих свиданий, хотя у него не возникало даже мысли о том, чтобы уклониться от них. Помимо мрачной атмосферы грязной, смрадной темницы советника угнетало еще и то обстоятельство, что разговоры Явана с Тависом раз от разу становились все более неловкими и мучительными. Однако герцог возвращался туда каждый день. Фотир не ожидал, что при данных обстоятельствах Яван будет навещать сына так часто, но герцог удивил его. Вероятно, советник недооценивал силу любви Явана к мальчику, а возможно, и сам герцог прежде не сознавал, что значит для него сын. Казалось, Тавис тоже удивился, когда отец явился к нему на второй день, но у него хватило ума выразить только благодарность.

Этим утром Тавис выглядел хуже, чем накануне. Яван уговорил тюремщиков удлинить цепи, приковывавшие руки мальчика к стене, но больше ничего не сумел для него сделать. Ноги узника по-прежнему сковывали кандалы, ограничивавшие свободу движений. Кормили его плохо — в основном черствым хлебом и тухлым мясом, — а воды давали так мало, что губы у Тависа запеклись и потрескались. Он был ужасно грязен, его волосы свалились от пота. За последнюю ночь ссадины от кандалов на запястьях и лодыжках узника потемнели и воспалились еще сильнее, на руках и ногах появились новые укусы тюремных вшей. Но что самое страшное, Фотир увидел в глазах Тависа отчаяние и безнадежность. Мальчик вздрагивал от каждого звука и непрерывно дрожал, хотя в темнице было не особенно холодно. Казалось, тюремный смрад, зловещий полумрак и гнетущая тяжесть каменных сводов сломили дух молодого лорда. Андреас еще только собирался повесить несчастного, но тюрьма уже медленно убивала его.

Тавис не сразу понял, кто пришел, но даже потом, казалось, не поверил своим глазам.

— Отец? — слабым голосом спросил он и поднялся на ноги, зазвенев цепями.

Яван посмотрел на сына с выражением муки на лице.

— Да, это я. Со мной Фотир и Ксавер.

— Доброе утро, милорд, — сказал Фотир, стараясь говорить бодрым голосом.

Ксавер не сумел произнести ни слова. Он просто смотрел на друга с таким видом, словно хотел заплакать или, возможно, убить кого-нибудь.

— Какой сегодня день?

— Первый день убывания луны. Вчера была Ночь Двух Лун.

— Какого месяца? — Тавис болезненно скривился. — Извините, но я не помню.

— Месяца Элинеды.

Ночь сева, подумал Фотир. У него совсем из головы вылетело. Прошлой ночью крестьяне по всей стране бросали в землю последние зерна при свете Паньи и Илиаса. Большинство полей засеивалось раньше, с наступлением теплого, обильного дождями сезона, но часть семян оставлялась до Ночи Двух Лун месяца Элинеды. Согласно легенде, именно тогда требовалось посеять зерно, чтобы получить хороший урожай. Согласно той же легенде, весь урожай погибал, если последние посевы не давали всходов до Черной Ночи. Будь они сейчас в Керге, всю прошлую ночь герцог объезжал бы окрестные селения, принимая участие в ритуальном севе вместе со своими подданными. Но они находились здесь, и милые сердцу кергские фермы казались бесконечно далекими.

— Когда меня казнят? — спросил Тавис.

Фотир содрогнулся, услышав столь прямой вопрос.

— Тебя не казнят, — сказал Ксавер. — Мы уже говорили: мы не допустим этого.

Молодой лорд закрыл глаза и печально улыбнулся.

— Вы не в силах предотвратить казнь, Ксавер. Вы же до сих пор не нашли никаких доказательств моей невиновности, правда?

Несколько мгновений никто не отвечал.

— Да, — наконец сказал герцог. — Нас до сих пор не допустили в комнату. Но один из стражников велел нам подойти туда сегодня. Возможно, Андреас смягчился.

— Вы уже сообщили матери?

У Явана дернулись губы.

— Я отправил к ней посыльного в первый же день. Но до сих пор не получил ответа.

— Вам следует поехать к ней, отец. Сейчас для нее вы можете сделать больше, чем для меня.

— Твоя мать сильная женщина. Она выдержит удар. Но она никогда не простит меня, если я брошу тебя, не сделав все возможное для твоего спасения.

Тавис кивнул, признавая правоту отца.

— Милорд, вы вспомнили еще что-нибудь о ночи, которую провели с леди Бриенной? — спросил Фотир. — Нужно ли нам искать в комнате что-нибудь конкретное?

Тавис помотал головой, как делал всякий раз, когда советник задавал этот вопрос.

— Я был пьян и почти ничего не помню. Помню только, что мы были вместе. Помню, что целовал Бриенну и что запер дверь по ее настоянию. Через несколько минут она заснула, в скором времени и я тоже. Мы слишком много выпили. — Он снова потряс головой. — Когда я очнулся, стражники ломались в дверь и рядом лежало мертвое тело Бриенны. — Молодой лорд тяжело сглотнул, словно стараясь подавить приступ тошноты. — К сожалению, больше я ничего не могу рассказать вам.

— Ничего страшного, — сказал Фотир. — Возможно, мы найдем в комнате что-нибудь.

— Вы ничего не найдете. Прошло уже много дней. Вероятно, в комнате прибрали. Ин свидетель, я бы приказал там прибрать.

— Вы видели кого-нибудь в коридоре? — спросил Фотир. — Кто-нибудь следовал за вами?

— Нет. Мы шли ко мне в комнату кружным путем. Я едва понимал, куда Бриенна ведет меня. Она хотела избежать встречи с отцовскими стражниками. Мы были совсем одни.

Яван протяжно вздохнул:

— По-видимому, кто-то знал, куда вы идете.

— Или я действительно убил ее.

Синие глаза отца сверкнули, словно лезвие кинжала, в слабом свете, проникавшем сквозь высокое окошко темницы.

— Ты и вправду так считаешь?

Тавис поколебался, потом помотал головой:

— Нет. Я постоянно вижу Бриенну во сне и все время вспоминаю о ней, когда

бодрствую. Я на самом деле думаю, что смог бы полюбить ее. Но, к сожалению, я ничего не помню.

Фотир вдруг вспомнил, как он отзывался о Тависе в разговоре с Шериком несколько дней назад. Тогда он говорил совершенно искренне. Он считал молодого лорда испорченным, эгоистичным юнцом. Его возмущало пренебрежительное отношение мальчика к репутации дома Кергов и своего отца. Но сейчас, когда он видел отчаянные попытки несчастного преодолеть сомнения и страх, он не мог испытывать к нему прежние чувства. Если мальчик невиновен — а Фотиру хотелось верить в невиновность Тависа, — боги обошлись с ним ужасно жестоко. Никто не заслуживал такой участи.

— Нам надо идти, — резко сказал Яван. Он протянул руку сыну, на мгновение застыл в нерешительности, а потом крепко сжал плечо Тависа, отчего цепи легко зазвенели. — Если будет на то воля Ина, мы найдем что-нибудь в твоей комнате.

— Спасибо, отец.

Герцог отстранился от мальчика и начал подниматься по тюремной лестнице. Фотир коротко кивнул на прощание, а затем последовал за Яваном. Однако Ксавер задержался, явно чувствуя необходимость сказать еще что-то.

— Мы найдем что-нибудь, — наконец проговорил он. — Я уверен.

Тавис опустил глаза, но с усилием кивнул. Молодой Маркуллет нахмурился.

Подобные заверения Ксавер давал во время всех предыдущих свиданий с Тависом. Теперь уже было неясно, верит ли он сам своим словам или нет.

Молодой Маркуллет на мгновение сжал руку Тависа, а потом стремительно направился к лестнице. Через несколько секунд стражник открыл дверь и выпустил их; свежий ветерок коснулся лица Фотира, словно ладонь Морны. И все же советнику казалось, что смрад темницы насквозь пропитал его одежду, и он хотел поскорее снять все с себя и принять ванну. Не приходилось удивляться тому, что Тавис потерял всякую надежду.

В молчании они направились обратно в гостевые покои; Яван шел таким скорым шагом, что Фотиру и Ксаверу приходилось почти бежать за ним. Герцог не остановился у своих покоев, но прошел прямо к комнате Тависа. Новую дверь там поставили на следующий же день после смерти Бриенны и с тех пор держали ее запертой. Однако сегодня утром она была приоткрыта; Яван бросил на Фотира короткий вопросительный взгляд. Потом распахнул дверь.

Посреди комнаты стоял Шерик, глядя на пустое место, где раньше стояла кровать Тависа. Там также находились три стражника: двое стояли у двери, один рядом с первым советником.

Кирси повернулся, услышав скрип дверных петель.

— Господин герцог, — промолвил он, неохотно кланяясь. Он бросил взгляд в сторону Фотира. — Первый советник.

Герцог вошел в комнату.

— Один из ваших стражников сказал, что сегодня нам позволено осмотреть покои Тависа.

— Я знаю, — сказал Шерик. — Мне приказано присутствовать при обыске.

Фотир тоже вошел, и сразу же последняя надежда угасла в его душе. Они вынесли из комнаты не только кровать Тависа, но также все его вещи и бутылку вина. Чисто вымытый пол слабо пах мылом. Молодой лорд был прав: они ничего не найдут здесь.

— Вы уничтожили все улики, которые здесь оставались, — сказал он, глядя на Шерика. — Именно этого вы и хотели, так ведь?

— Вовсе нет, — ответил кирси. — Но чего еще вы ожидали от нас? Чтобы мы оставили постель в прежнем виде? Оставили кровь леди на одеялах и на полу? Нам надлежало подумать о чувствах герцога и герцогини. Нам следовало в первую очередь позаботиться о них и воздать должное уважение памяти их дочери. — Выражение его лица изменилось, и Фотир внезапно понял, что советник забавляется. — Кроме того, я полагаю, что единственной главной уликой здесь являлся кинжал лорда Тависа. И, если мне не изменяет

память, первый советник, именно вы уничтожили кинжал в то утро.

Фотир шагнул к нему:

— Ах ты, ублюдок!

— Довольно, Фотир, — сказал герцог. — Сделанного не поправишь. Мы все равно можем осмотреть комнату. Не исключено, что здесь что-нибудь осталось после уборки.

Фотир еще несколько мгновений сверлил Шерика яростным взглядом, а потом кивнул и отвернулся прочь. Ксавер и Яван уже медленно ходили по комнате, внимательно обследуя пол, оставшиеся предметы обстановки, гобелены и каменные стены, на которых они висели.

Фотир подошел к окну. Деревянные ставни были раскрыты, и в комнату лился яркий солнечный свет. Просто не верилось, что здесь умерла Бриенна. Он посмотрел вниз, на внутренний двор далеко внизу и на гладкие, плотно подогнанные друг к другу камни замковой стены. Несколько дней назад герцог предположил, что убийца проник в комнату через окно, но сейчас, оценивая все на месте, Фотир еще меньше верил в такую возможность. Даже если бы кто-то и сумел подняться по стене, хоть один из кентигернских стражников наверняка заметил бы это.

— Что вы думаете? — спросил Яван, подходя к нему сзади. — Кто-нибудь мог проникнуть в спальню со двора?

— Мало вероятно, милорд, — ответил Фотир, не оборачиваясь. — Сюда трудно подняться по стене.

— Трудно, но все-таки можно.

— Да, можно.

— А как насчет другой комнаты на этом же уровне?

Об этом Фотир не подумал. Убийца — кто бы он ни был — наверняка подобрался к спальне Тависа с восточной стороны, ибо, двигаясь он с западной, ему пришлось бы миновать окна Фотира и Ксавера, а также герцога. Из всех комнат южной стороны эта находилась ближе всего к восточной стене замка, и под всеми окнами тянулся узкий выступ, хотя в стыке стен и стояла угловая башня. Насколько мог судить Фотир, обогнуть башню было трудно, но не невозможно и гораздо легче, чем подняться по стене снизу.

— Да, милорд. По-видимому...

Оно бросилось в глаза советнику, словно рубин на груди знатной дамы. Оно было маленькое, не больше отпечатка пальца, но не оставляло никаких сомнений. На наружном крае правой ставни, в самом углу, виднелось пятно запекшейся крови в форме полумесяца, напоминавшее Илиаса на ущербе.

— По-видимому что? — спросил Яван.

— Милорд! — прошептал Фотир, словно боясь спугнуть улику. — Посмотрите сюда!

Он посторонился, подпуская герцога к окну, но продолжая показывать пальцем на угол ставни.

— Хвала Ину! — воскликнул Яван, тоже увидев пятно.

— Вы что-то нашли? — подозрительно спросил Шерик.

— Вот именно. — Герцог посмотрел на Шерика и широко улыбнулся, впервые за несколько последних дней. — Благодарю вас.

Первый советник подошел к окну, Ксавер тоже. Яван подтянул к себе ставню и показал пальцем на пятно.

— Это кровь, первый советник, — сказал герцог. — Кто-то проник сюда через окно, убил Бриенну, сделал все так, чтобы подозрение пало на Тависа, а потом покинул комнату, опять-таки через окно.

Несколько мгновений Шерик внимательно рассматривал пятно, слегка нахмурившись.

— Да, это действительно похоже на кровь, — наконец согласился он, отступая от окна и устремляя взгляд на Явана. — Но я не понимаю, каким образом единственное крохотное пятнышко может подтвердить столь фантастическую гипотезу.

— Как иначе вы можете объяснить это? — осведомился Фотир.

— Возможно, лорд Тавис подходил к окну после того, как убил Бриенну.

Ксавер помотал головой:

— Вы видели, как обильно убийца измазал руки мальчика кровью. Тавис заляпал бы все ставни, если бы подходил к окну.

— Возможно, так оно и было, но слуги смыли кровь. Или, если уж на то пошло, пятно могли оставить слуги, которые испачкались в крови, пока убирали комнату.

— Это нелепо! — воскликнул герцог.

— Не более нелепо, чем предположение о лазающем по стенам убийце, милорд.

— Вы просто твердо решили обвинить в убийстве моего сына! Вы и ваш герцог!

— А вы, сэр, изо всех сил стараетесь спасти его и для этого готовы даже выдумывать смехотворные небылицы.

— Не забываетесь, кирси! — предупредил герцог, наставляя на Шерика палец. — Помните, с кем вы разговариваете!

— Я не стал бы молчать, даже если бы вы уже были королем, милорд, — сказал советник, глядя прямо в глаза Явану. — Ваш сын останется в нашей темнице, и я по-прежнему намерен подвергать сомнению все ваши слова. Правосудие в Кентигерне вершится независимо от общественного положения виновных. — Он повернулся и направился к двери. — Вы нашли, что искали. Теперь я попросил бы вас вернуться в свои покои.

— Я требую, чтобы вы сообщили герцогу о нашей находке! — Голос Явана прозвучал оглушительно в маленькой комнате.

Советник остановился перед самой дверью и вновь посмотрел прямо в глаза герцогу.

— Я непременно сообщу обо всем герцогу, милорд, — сказал он тихим ровным голосом. — А также доложу о вашей версии. И выскажу свое собственное мнение, которое заключается в том, что ваше маленькое открытие ничего не значит против всех остальных улик, которые указывают на виновность лорда Тависа.

Он повернулся и вышел прочь в сопровождении одного из стражников.

Некоторое время Фотир и все прочие молчали. Потом молодой Маркуллет снова подошел к окну и уставился на пятно крови.

— Это наверняка что-то значит, — проговорил он. — Правда ведь?

Фотир хотел ответить утвердительно, но он знал верный ответ еще прежде, чем Яван произнес его вслух.

— Это что-то значит только в том случае, — сказал герцог, — если Андреас так посчитает.

Вопли безумного узника стали хриплыми, прерывистыми. Теперь они звучали тише, словно силы наконец начали покидать несчастного. С первого дня заточения Тавис старался не обращать внимания на крики и до известной степени преуспел в своих попытках. Теперь он мог спать, что было сдвигом по сравнению с несколькими первыми днями, а иногда и вовсе переставал обращать внимание на вопли, которые в такие минуты звучали фоном, словно грохот волн, бившихся о скалы под Кергским замком.

Все же Тавис всегда замечал, когда крики прекращались, поскольку тишина приносила облегчение — и поскольку это неизменно означало, что в темницу кто-то вошел.

Поэтому, когда вопли стихли на сей раз, против обыкновения завершившись приступом судорожного кашля, он решил, что опять пришел отец или Ксавер. Отец приходил к нему сегодня уже дважды — во второй раз чтобы сообщить о пятне крови, обнаруженном на ставне. Такая новость подбодрила бы Тависа, если бы он смел надеяться. Возможно, очередной визит обещал новые добрые вести.

Однако дверь на площадке лестницы не открылась даже после того, как кашель прекратился. Тавис ждал, когда загремит засов или послышатся голоса за дверью. Спустя несколько минут он начал прислушиваться, не подаст ли голос другой заключенный. Но в темнице по-прежнему царила тишина.

Не потерял ли несчастный сознание? Не умер ли он? Тавису ни разу не приходило в голову, что такое может случиться, хотя этого следовало ожидать. Человек находился в

камере смертников. Одному Ину ведомо, сколько времени он провел там без пищи и воды. Удивительно, что он протянул так долго. И все же Тавис не мог смириться с мыслью, что сосед не возобновит свои вопли через минуту.

Он должен был почувствовать облегчение. Сколько часов он провел, моля о тишине? Сколько раз ему хотелось закричать соседу, чтобы он умолк? Наконец он обрел покой. Но какой ценой? Как бы сильно ни раздражали безумные вопли, сознавать, что он остался совсем один в темнице, было еще тяжелее. Как ни странно, он находил некоторое утешение в присутствии другого узника. А может статься, он утешался мыслью о бедственном положении другого человека, сознанием, что его собственная участь, пусть страшная, все же легче участи несчастного безумца, обреченного на медленную смерть от голода и жажды.

Внезапно тюремная камера показалась Тавису темнее, меньше, холоднее. Ужас, с которым он отчаянно боролся на протяжении последних дней, вновь охватил его душу, сжал сердце, словно один из демонов Подземного Царства. Тавис хотел окликнуть соседа, спросить, как он. Но что, если он ответит? А что, если нет?

Он закрыл глаза, с трудом подавляя желание закричать, и тут наконец услышал лязг тюремного засова и шаги на лестнице. Возможно, именно поэтому сосед затих.

Открыв глаза, Тавис неловко встал на ноги и напряженно всмотрелся в темноту, ожидая увидеть отца или Ксавера. Но при виде посетителя у него внутри все перевернулось.

Пришел отец Бриенны в сопровождении двух стражников и прелата Кентигернского монастыря Ина.

— Меня сейчас казнят, — прошептал он. — О Ин, смилуйся надо мной!

— Приятно слышать, что вы взываете к богу, сын мой, — промолвил прелат с улыбкой на худом костлявом лице. — Возможно, у вас еще осталась надежда спасти свою душу.

— Вы пришли повесить меня? — Голос у Тависа дрожал, как у испуганного ребенка.

Лицо герцога было мрачным, как стены темницы; в глазах у него горела ненависть. Тавис не сомневался, что герцог желает его смерти и с удовольствием убил бы его голыми руками.

Но на вопрос ответил прелат:

— Нет, сын мой. Сегодня казни не будет. Но срок приближается, и Подземное Царство ждет. Вы примирились с Ином?

— Я... я не знаю.

— При Кергском замке есть церковь, не так ли?

— Конечно, отец прелат.

— И кто возглавляет ее?

— Некто по имени Невил. Я не знаю фамилии.

— Невил, — повторил прелат, улыбаясь еще шире. — Ну конечно. Брат Ортишен.

Тавис кивнул. Точно, Ортишен. Кергский прелат больше общался с его матерью, чем с отцом, который до сих пор сопротивлялся переходу от Старой Веры к почитанию Ина. Герцог выезжал из замка каждый месяц, чтобы навестить настоятеля Кергского храма Элинеды. Как будущий король Эйбитара, часто говорил Яван, он обязан прислушиваться к представителям обеих религий, и Тавис тоже. Но герцогиня не одобряла политику мужа, указывая на то, что все прочие эйбитарские дома уже приняли веру Ина, и настойчиво повторяя, что Кергам настало время сделать то же самое. Со своей стороны, Тавис отдавал предпочтение древним ритуалам и медитациям, проводившимся в храмах, перед мрачными богослужениями поклонников Ина.

— Несомненно, Невил посвятил вас в учение Ина, — продолжал прелат.

— Да, отец прелат.

— Значит, вы знаете, что Ин ценит правду превыше всего. «Слово твое будет золотом, и дела твои будут отражением помыслов твоего сердца».

Тавис узнал фразу: четвертая заповедь Ина. Находишься здесь отец, он непременно заметил бы, что данное высказывание стало бы первой заповедью, если бы Ин ценил правду превыше всего. Однако Тавис промолчал.

— Конечно же, сын мой, ты не хочешь предстать перед Ином с сердцем, отягощенным ложью. В Подземном Царстве тяжело приходится тем, кто скрывает правду.

— Да, отец прелат. Я в этом не сомневаюсь. — Тавис хорошо понимал, к чему клонит прелат, чего они добиваются от него. Он снова посмотрел прямо в глаза Андреасу и постарался стойко выдержать полный ненависти взгляд герцога. — Вы хотите, чтобы я признался в убийстве Бриенны.

— Мы хотим, чтобы ты обрел покой, — настойчиво сказал прелат. — Ты отнял у человека жизнь и должен ответить перед богом за свой поступок. Ужели ты хочешь предстать перед Ином не только убийцей, но еще и лжецом? Признайся во всем сейчас, и тогда твой путь в Подземное Царство станет легче.

— Я не могу сделать этого, — сказал Тавис, не сводя глаз с герцога. — Я не убивал Бриенну.

— Ты нагло лжешь! — вскричал Андреас. Он шагнул вперед и отвесил Тавису тяжелую оплеуху.

У Тависа зазвенело в ушах, и щека запылала. Он на мгновение задержал дыхание, пытаясь удержать подступившие к глазам слезы, и отвернул лицо в сторону, не смея вновь взглянуть в глаза герцогу.

— Опомнись, сын мой. — Мягкий голос прелата проливался в душу, словно целительный бальзам. — Прошу тебя Ты погубил свою жизнь зверским убийством и ложью. Не повторяй прежних ошибок, собираясь предстать перед лицом бога.

— Я не убивал, — повторил Тавис, зная, что последует дальше.

Он ударился головой о стену после страшного удара Андреаса. Колени у него подогнулись, но он с трудом удержал равновесие. Кровь потекла по лицу с разбитой скулы, куда пришелся удар герцога, и с виска, которым он ударился о стену. Больше всего на свете Тавису хотелось держаться мужественно, вынести все испытания так достойно, чтобы Бриенна, будь она жива, могла гордиться им, но он не сумел сдержать слез.

— Признавайся, трусливый ублюдок! — яростно прошипел Андреас.

Тавис подавил рыдание, но не ответил.

— Признавайся! — повторил герцог, вновь нанося мальчику сокрушительный удар по голове. Он приблизил свое лицо вплотную к лицу Тависа, по-прежнему прижимая кулак к его щеке. Тавис почувствовал запах винного перегара. — Признавайся, говорю тебе!

Прелат осторожно откашлялся:

— Господин герцог, я не уверен, что это...

— Ступайте прочь! — приказал Андреас, даже не взглянув на мужчину. — Вы выполнили свою миссию.

Наступила длинная пауза. Тавис не чувствовал ничего, кроме горячего дыхания герцога на своей щеке.

— Хорошо, — наконец сказал прелат. — Да спасет Ин твою душу, сын мой!

Казалось, мужчине потребовалась целая вечность, чтобы подняться по ступенькам и выйти из темницы. Все это время Андреас не шевелился и не отпуская узника. Тавису казалось, что его череп вот-вот расколется, словно стекло, под тяжелой рукой герцога и что последний именно этого и хочет.

Но когда тюремная дверь наконец открылась и потом захлопнулась за прелатом, Андреас отступил назад.

— Я рад, что ты отказал ему, — сказал герцог. Его лицо налилось кровью, во взгляде пылала безумная ненависть. — Мне приятно думать о вечных муках, которые ждут тебя в Подземном Царстве. Мне не терпелось услышать твое признание, но прелат сказал, что признание, вырванное под пыткой, не спасет твою душу после смерти. Поэтому он настаивал на том, чтобы я дал тебе возможность признаться добровольно. — Он пожал плечами. — Теперь, когда ты отказался сделать это, я вправе поступить с тобой, как мне угодно.

— Клянусь вам, милорд, я не убивал Бриенну.

Тавис и не предполагал, что столь тучный человек способен двигаться так быстро. Но

он даже не успел проследить взглядом за молниеносным движением руки и сверкнувшим в воздухе лезвием, а меч уже полоснул его по плечу.

Мальчик закричал от боли, когда из раны хлынула кровь, пропитывая лохмотья, еще недавно бывшие праздничным платьем.

Герцог вытянул меч вперед, поднеся острие к самым глазам Тависа.

— Каждый следующий отрицательный ответ обернется кровью, — сказал он. — Каждая следующая ложь обернется болью.

— Но я говорю правду!

Снова сверкнуло лезвие, на сей раз полоснув по щеке. Тавис задохнулся. Его лицо горело, как будто кровь, стекавшая по подбородку и шее, была раскаленной лавой, извергнутой вулканом.

— Солги еще раз — и ты лишишься глаза.

— Когда мой отец увидит меня...

— Ах да, твой отец. — Герцог потряс головой. — Полагаю, твоего отца и его товарищей не скоро допустят сюда. Скорее всего в следующий раз они увидят тебя в день твоей казни.

Тавис закрыл глаза, и слезы снова потекли у него по лицу.

— Ты думал, что пятнышко крови, которое они нашли сегодня, поможет им добиться твоего освобождения?

Он не ответил, боясь навлечь на себя очередной удар любым своим словом.

Но даже молчание не спасло Тависа.

— Отвечай! — яростно потребовал герцог, приставив острие меча к уголку его глаза.

— Да, — выдохнул Тавис. — Я так думал.

Андреас отвел меч в сторону — по крайней мере на мгновение.

— Я в этом не сомневался. Похоже, твой отец тоже на это рассчитывал. — Он слабо улыбнулся и вновь потряс головой. — Та кровь ничего для меня не значит по сравнению с кровью на твоих руках и кинжале. — Он снова шагнул вперед и схватил Тависа за грудки. — Посмотри сюда! — Его голос отдался эхом от каменных стен темницы. — Посмотри! Твоя одежда до сих пор в крови моей дочери! И ты хочешь, чтобы я поверил в твою невиновность только потому, что твои друзья нашли каплю крови на ставне окна?

Тавис дрожал всем телом. Он отвел взгляд в сторону, потом опустил — лишь бы не видеть выражение глаз герцога.

— Хочешь, да?

Тавис кивнул и, вероятно, тем самым спас свой глаз. Лезвие снова полоснуло по лицу, но порез протянулся от уголка глаза до уха. Несмотря на кровь, заливавшую глаз, он еще видел. Слезы неудержимо струились по лицу, но Тавис не смел издать ни звука. Он стиснул зубы, ожидая следующего движения меча и спрашивая себя, чем он оскорбил богов, что они послали ему такое испытание.

— Ты считаешь меня жестоким, — сказал Андреас. Это прозвучало как утверждение, и Тавис почувствовал некоторое облегчение: по крайней мере от него не требовалось ответа. — Ты считаешь меня чудовищем, поскольку я нахожу удовольствие в возможности причинять тебе боль. Ты бы меня понял, если бы дожид до того, чтобы стать отцом.

«Я еще жив, — хотел сказать он. — Не говорите так, словно я уже умер». Но он промолчал.

Герцог снова поднял меч, но потом нахмурился и опустил руку.

— Мне следует быть поосторожнее, — сказал он. — Иначе ты умрешь от потери крови. Надо найти другой метод убеждения. Если ты не хочешь признаться сейчас.

Но Тавис по-прежнему молчал. Андреас подступил ближе, грубо схватил его левую руку и заломил мизинец назад.

— Отвечай! Ты признаешься?

— Нет, — сказал Тавис насколько мог мужественно. — Мне не в чем... — Он не договорил, завопив от страшной боли, когда герцог сломал ему палец.

Андреас взялся за безымянный:

— Осталось еще девять. Сколько пальцев нужно сломать, чтобы ты сказал мне то, что я хочу услышать?

— Вы хотите, чтобы я солгал?

Боль полыхнула в мозг, подобно белому пламени. По-детски скуля, Тавис рухнул на пол, хотя герцог продолжал держать его руку. Он чувствовал на себе взгляд Андреаса, но не находил сил поднять глаза. Мгновение спустя мужчина отпустил руку мальчика и присел перед ним на корточки.

— Почему ты все отрицаешь? — спросил он почти ласково. — Ты уже должен бы понять, что заpiresательство не спасет тебя от казни, но просто продлит твои страдания.

Тут Тавис наконец посмотрел герцогу в глаза, собрав все свое мужество, которого до сих пор не подозревал в себе.

— Да, я все понимаю. И тем не менее настаиваю на своей невиновности. Неужели это вам ни о чем не говорит?

Андреас снова ударил его, на сей раз в висок, которым раньше Тавис стукнулся о каменную стену. Мальчик задержал дыхание, ожидая, когда утихнет боль.

«Вот награда за мою смелость».

— Это говорит мне только о том, что ты достойный сын своего отца. Ты такой же упрямый и безрассудный. — Еще несколько секунд герцог пристально смотрел на него, а потом встал и потряс головой. — Я вернусь завтра. Пожалуй, мы начнем с больших пальцев. Я слышал, это довольно больно.

Он повернулся и направился к лестнице.

— Могу я задать вам вопрос? — спросил Тавис.

— Разумеется.

— Не опасаясь, что вы ударите или покалечите меня?

Лицо Андреаса снова побагровело, и на какое-то мгновение Тавису показалось, что герцог сейчас ударит его ногой. Однако после минутного колебания он кивнул.

Мальчик на мгновение закрыл глаза. Он чувствовал острую пульсирующую боль в руке, мучительно ныли синяки и порезы на лице. Возможно, для него было бы легче признаться в убийстве. Но он не мог сдаться. В этом отношении Тавис действительно был достойным сыном своего отца.

— Ну? — раздраженно спросил герцог.

— Если я убил Бриенну, — сказал Тавис, поднимая взгляд, — почему я остался в комнате? Почему не бежал из Кентигерна?

Андреас пожал плечами:

— Ты был пьян. Ты заснул. Вряд ли ты замышлял убить мою дочь. Ты действовал под влиянием слепого гнева, как в случае с сыном Хагана.

У Тависа расширились глаза и запылало лицо.

— Да, — сказал герцог. — Мне все известно. Похоже, в пьяном виде ты не отдаешь себе отчета в своих действиях.

— Но в случае с Ксавером все было иначе! — поспешно ответил мальчик. — Тогда я только что вернулся с Посвящения, получив плохое пророчество! Я был вне себя!

— Разумеется, — с сомнением сказал Андреас. — И что же тебе открыло плохое пророчество?

Тавис запнулся и отвел взгляд в сторону. Что он мог ответить?

— Это не имеет значения.

— Нет, — сказал герцог. — Думаю, имеет.

Он снова повернулся и стал подниматься по ступенькам. Двое стражников следовали за ним по пятам. Тавис услышал, как открывается дверь, а затем слова герцога:

— Больше к нему никого не пускать. Даже отца. Если они станут протестовать, пошлите их ко мне.

Дверь захлопнулась, и голоса постепенно стихли в отдалении. Тавис судорожно

вздохнул и заплакал навзрыд, как не плакал с раннего детства. Острая боль пронизывала руку с каждым ударом сердца. Кровь стекала с лица и плеча, запекаясь на коже; порезы горели, словно свежевыжженные клейма; синяки на скулах вспухли и болезненно ныли.

Однако Тавис плакал не от физической боли — по крайней мере не от нее одной.

Да, тогда он поступил безрассудно: глупо, возможно, даже жестоко. И он сам никогда не простит себя за то, что сделал с Ксавером. Но сейчас он был невиновен. Он почти точно знал это. Пятнышко крови, обнаруженное отцом и Ксавером, наверняка что-то значило. По жестокой иронии судьбы мальчику приходилось нести наказание за злодеяние, которого он не совершал.

Тавис услышал отдаленный звон городских колоколов. «Вероятно, предзакатные», — подумал он, хотя уже снова потерял счет времени. Но в тишине, наступившей минуту спустя, он опять вспомнил о другом узнике, который доводил его своими воплями все предшествующие дни. Он напряг слух, пытаясь различить хоть какой-то звук, хоть какой-нибудь признак жизни. Однако он знал, что не услышит ничего. Человек умер, скончался в камере смертников. Никогда еще Тавис не чувствовал себя таким одиноким.

ГЛАВА 15

Юго-западная окраина Кентигернского леса, Эйбитар

Поскольку Джедрек родился и вырос в Анейре, он часто охотился в южной части Великого леса, где река Черного Песка сливается с Рассором. Его отец — самый преуспевающий кузнец в Криесте, втором по величине городе герцогства Дантриель, — считал охоту недостойным занятием для человека с общественным положением Джедрека и всячески старался убедить мальчика обучиться кузнечному делу.

«Охота хороша для праздных принцев и невежественных мужланов, — говорил он. — Молодые люди, стремящиеся добиться успеха в жизни, должны владеть каким-нибудь ремеслом».

Однако Джедрек еще подростком знал, в какой области он одарен, и знал также, что отец не прав. Охота была настоящим искусством для людей, которые относились к ней как к искусству. Любой дурак — принц или мужлан — мог таскаться по лесу достаточно долго, чтобы в конце концов наткнуться на медведя или рысь и убить зверя. Но для того чтобы выследить и убить заранее намеченную жертву, требовались проникательность, хитрость и, самое главное, знание повадок и потребностей зверя. К тому времени, когда Джедрек достиг возраста Посвящения, он уже мог выследить волка на каменистой тропе или лося в русле лесного ручья.

Вскоре после своего Посвящения он понял, что охотиться можно и на людей и что за это платят гораздо больше. Необходимые же здесь качества оставались прежними: терпение, хитрость и знание характера жертвы.

В данном случае жертвой Джедрека являлся кирси, который во многих отношениях представлял больше опасности, чем даже самые искусные фехтовальщики-инди. Но то обстоятельство, что Гринса джал Арриет принадлежал к племени беловолосых, открывало Джедреку многое из того, что требовалось знать, чтобы напасть на след человека в Эйбитаре. Джедрек знал, в каких гостиницах Гринса будет останавливаться по дороге и к кому он станет обращаться за помощью. На содействие других кирси Джедрек не слишком рассчитывал, однако инди, с которыми Гринса общался, должны были его запомнить. Беловолосые редко путешествовали по Прибрежным Землям в одиночестве, особенно в северных королевствах.

На руку Джедреку играло также то обстоятельство, что он знал, куда направляется предсказатель, — так охотнику легче выследить рысь, если он уже нашел логово зверя. Как и велела женщина-кирси, он выждал четыре дня, прежде чем отправиться за жертвой. На пути между Галдастеном и Кергом след Гринсы уже терялся. Джедрек предвидел это и потому даже не потрудился его искать. Он просто скакал в южном направлении, через Вересковые

пустоши, немилосердно погоняя коня. Сколь великим магическим даром ни обладал бы предсказатель, в силе и выносливости он не мог сравниться с Джедрексом. Ни один кирси не мог. Джедрексу просто следовало ехать как можно быстрее — и через некоторое время он неизбежно должен был настичь жертву.

Когда на третий день преследования, на закате, Джедрек приблизился к Хенее, он начал останавливаться в селениях и расспрашивать людей. Он страшно устал и исхудал, у него мучительно ломило ноги и спину. Ему уже давно не приходилось скакать во весь опор несколько дней подряд. Но вот в одной деревне, расположенной к северу от Хенеи, кузнец-инди сказал, что два дня назад подковал лошадь для высокого путешественника-кирси, и всю боль Джедрекса как рукой сняло. Седоволосый мужчина предположил, что незнакомец провел ночь в деревне, — по словам кузнеца, на противоположном краю селения имелся трактир, обслуживавший представителей племени беловолосых.

О большем Джедрек и мечтать не мог. Он уже наверстал два дня во время погони за предсказателем и вполне мог настигнуть его в Кентигернском лесу, где было бы легче подобраться к жертве незаметно. На мгновение у него возникло желание наведаться в гостиницу, чтобы проверить предположение кузнеца, но он почти сразу отказался от этого намерения. Селение было маленьким, и, скорее всего, старик не ошибался. Лучше было основываться на этом предположении, чем возбуждать подозрение излишними расспросами. Отблагодарив кузнеца пятикиндовой монетой, Джедрек покинул деревню и вновь устремился на юг; он переправился через реку Хенея при свете лун и, достигнув северной границы Кентигернского леса, остановился на ночлег.

Ни свет ни заря Джедрек продолжил преследование, чувствуя себя полководцем, который вывел свое войско на поле боя. В лесу он мог выследить любого зверя или человека, а поскольку он вырос в Великом Анейранском лесу, то мог двигаться по лесной местности довольно быстро. Даже спустя два дня он с легкостью опознавал оставленные кирси следы: отпечатки лошадиных копыт на лесной тропе, сломанные ветки и примятые листья там, где отдыхала и кормилась лошадь, круг свежевыжженной земли, где путешественник разводил костер, чтобы приготовить еду и согреться ночью. Джедрек даже нашел на земле рядом с кострищем несколько белых волос — длинные и тонкие, они явно принадлежали кирси. Похоже, предсказатель не опасался преследования или был слишком беспечен. Так или иначе, он оставлял за собой отчетливые следы, которые ближе к вечеру стали еще и свежими.

Кирси опережал Джедрекса самое большее на полдня. Джедрек мог нагнать предсказателя завтра — и убить еще до восхода лун.

При этой мысли у Джедрекса заныло под ложечкой. Он попытался сказать себе, что всегда испытывает нечто подобное перед убийством, но хорошо понимал, что дело не в этом. Бросив недоеденный кусок вяленого мяса в тень, сгустившуюся вокруг маленького костра, Джедрек прислонился спиной к стволу могучего дуба и вытащил из ножен кинжал, который купил в Торалде почти два года назад. С тех пор он часто им пользовался, но санбирский клинок по-прежнему блестел, как зеркало, в свете костра и на вид был совершенно новым.

Да, действительно, он еще ни разу не убивал кирси, хотя и сам не понимал, зачем признался в этом женщине, которая послала его за Гринсой. Об этом не знал даже Кадел. Задания, связанные с кирси, Кадел всегда выполнял сам, поскольку лучше владел кинжалом и всю трудную работу брал на себя. Это было одним из условий их соглашения, и Джедрек никогда его не оспаривал. Но Кадел удивился бы, узнав правду. С другой стороны, он, возможно, понял бы Джедрекса. Одно дело — выследить кирси. И совсем другое — убить одного из беловолосых волшебников.

Джедрек не любил нападать на человека со спины, подкравшись сзади. Так поступали трусы. Но в данном случае, подумал он, пробуя большим пальцем лезвие кинжала, у него нет выбора.

«Он простой предсказатель, — сказала женщина. — Он ничем не отличается от людей, которых ты убивал».

Да, верно. Но что, если кирси уже знает о намерениях Джедрека? Что, если он все прозрел в видении, во сне или еще каким-нибудь образом? Что тогда?

— Все равно он обыкновенный человек, — вслух сказал Джедрек. — Возможно, он вооружен кинжалом или даже мечом. Но все равно он обыкновенный человек — и к тому же слабый.

Однако сомнения не проходили. Несмотря на заверения женщины и успокоительные слова, которые он сам себе говорил, сидя у костра, Джедрек не мог не понимать, что любой кирси, даже не наделенный выдающимися магическими способностями, представляет огромную опасность.

«Убей его быстро, ударом в спину. Лучше быть трусом, чем трупом».

Эта мысль показалась ему не хуже любой другой, которая помогла бы заснуть. Джедрек убрал кинжал обратно в ножны и положил на землю рядом с собой, прежде чем закрыть глаза. Но он заснул не сразу, а когда наконец погрузился в сон, ему привиделись странные образы кирси, совершавших разные магические действия.

Джедрек проснулся еще до восхода солнца, пробужденный последним сном. Ночная мгла в лесу еще только начинала редеть, и где-то вдаль кричала одинокая сойка, голос которой отдавался жутковатым эхом в неподвижных ветвях над головой. От большинства видений, явившихся ему во сне, у Джедрека остались лишь смутные, тревожные впечатления. Но последний сон он помнил до боли отчетливо. Он находился здесь, в лесу, окутанном тьмой. Перед ним стояла женщина-кирси, на ладони которой горел огонь, как в ту ночь, когда она пришла к нему в комнату. Он завороченно смотрел на нее, будучи не в состоянии пошевелиться или вымолвить хоть слово, — скованный, как он понял, некой магической силой; а она подступила к нему, улыбаясь, не сводя с него светлых глаз, ярко блестевших в свете огня. Она подняла руку над головой, и внезапно язычок пламени изменил форму и превратился в огненный кинжал, который она вонзила ему в грудь.

Джедрек встал и потянулся, распрямляя затекшие руки, потом потопал ногами. Его одежда и волосы были влажными, да и воздух казался слишком холодным для месяца Элинеды. Он знал, что надо съесть что-нибудь, но все еще ощущал спазм в желудке и кислый привкус во рту. Джедрек нагнулся, поднял кинжал, засунул его за пояс, а затем вскочил на лошадь.

На миг у него возникло острое желание отказаться от преследования. Он не был предсказателем, и его сны не могли предвещать будущее. Но все же последний сон казался Джедреку дурным предзнаменованием. Теперь уже не имело значения, что он находился в лесу или что он так быстро нагнал кирси. Азарт охотника, идущего по следу жертвы, бесследно исчез. Еще вчера он сравнивал себя с полководцем, стоящим на пороге великой победы. А сейчас чувствовал себя скорее пехотинцем, который идет навстречу неизбежной смерти.

Но Кадел нуждался в помощи, хотя и не знал о намерениях предсказателя. Если кирси удастся спасти сына Керга, все дело пойдет прахом и они потеряют свои деньги. Именно поэтому Джедрек остался на ярмарке: чтобы убедиться, что никто не последует за Каделом. Именно этого Кадел всегда ожидал от Джедрека: чтобы он прикрывал его спину, устранял непредвиденные помехи. Кадел наверняка уже находился в Анейре и ожидал, что товарищ присоединится к нему. Похоже, путь в Анейру пролегал через Кентигерн. Отбросив прочь все сомнения, Джедрек ударил коня пятками по бокам и продолжил преследование.

Он вышел на след кирси почти сразу. Незадолго до полудня — раньше, чем он рассчитывал, — Джедрек наткнулся на кучку золы, оставшуюся от костра, который мужчина разводил предыдущей ночью. Потом на протяжении всего дня он заставлял себя ехать помедленнее, так как не хотел настигнуть предсказателя раньше, чем соберется с духом. Но следы, оставляемые Гринсой, становились все свежее, и Джедрек уже со страхом ожидал появления кирси за очередным поворотом. Ближе к вечеру, случайно спугнув выводок куропаток, скрывавшийся в зарослях, он едва не закричал.

Тогда Джедрек остановился и спрыгнул с коня, чтобы перевести дыхание и справиться

с сердцебиением. Он чувствовал, что предсказатель близко, хотя не знал, может ли сейчас доверять своему чутью. В конце концов он решил положиться на свой внутренний голос. Лучше было ошибиться в этом предположении, чем столкнуться с кирси слишком рано и выдать свои намерения.

Когда на лес начали спускаться сумерки, Джедрек продолжил путь. Он привязал лошадь к дереву и пошел пешком. До сих пор Гринса все время держался тропы, сворачивая в сторону только для того, чтобы сделать привал; и Джедрек надеялся, что и дальше кирси будет следовать этому правилу. Наступила ночь, и распознавать следы стало труднее, но Джедрек продолжал идти по тропе в уверенности, что она приведет к предсказателю. Спустя какое-то время он осознал, что сжимает в руке кинжал, хотя не помнил, как вынимал его из ножен. Кадел посмеялся бы над ним, вооружившимся для схватки с лесными призраками, но ощущение гладкой деревянной рукоятки в ладони успокаивало, и Джедрек держал кинжал наготове, продолжая путь сквозь ночную мглу.

Наконец, когда над деревьями поднялась Панья, озарив мягким светом листья над головой, Джедрек заметил впереди оранжевый свет костра. На мгновение он застыл на месте; сердце бешено заколотилось у него в груди и кровь застучала в висках.

«Он тебя не видит. Будь спокоен, осторожен — и он твой». То голос Кадела прозвучал в его сознании и, подобно зажтому в руке кинжалу, придал уверенности.

Он крадучись пошел вперед, по возможности дольше держась тропы, а потом свернул в сторону, скрывшись в древесной тени. Кирси сидел с дальней стороны костра, и Джедреку пришлось описать большой круг, чтобы неслышно подкрасться к нему сзади. Дул легкий ветерок, и все прочие слабые звуки терялись в шелесте листвы, но все же ему потребовалось довольно много времени, чтобы приблизиться к жертве медленными, осторожными шагами, стараясь не наступать на сухие листья и сучья.

Когда он подошел к предсказателю достаточно близко для нападения, тот уже укладывался спать у костра. Джедрек притаился в густой тени, сразу за границей высвеченного огнем пространства. Сознание того, что он сумел незаметно подкрасться к жертве, успокаивало, но правая ладонь у него сильно вспотела, и ему пришлось на несколько секунд переложить кинжал в левую, дабы насухо вытереть пальцы о штаны. Сейчас его рука должна была крепко держать оружие.

Вновь взяв кинжал в правую руку, Джедрек медленно вздохнул и присел, готовясь к прыжку. «Пусть он умрет быстро». На сей раз у него в уме прозвучал голос женщины — причем не только просительно, но и предостерегающе. Он кивнул, словно она могла видеть его, а потом бросился на мужчину, намереваясь вонзить кинжал ему в спину.

Только в прыжке Джедрек осознал, как ужасно он просчитался, но к тому времени, разумеется, уже было слишком поздно.

Гринса стремительно перекатился по земле, но не прочь от нападавшего — ибо тогда он угодил бы в костер, — а навстречу ему, и Джедрек перелетел через кирси, неловко упав на твердую землю буквально в нескольких дюймах от огня. Казалось, человек ожидал нападения; казалось, он все время знал, что Джедрек подкрадывается к нему.

Джедрек вскочил на ноги и молниеносно повернулся к предсказателю, снова держа кинжал наготове, но кирси уже стоял, тоже сжимая кинжал в руке.

Женщина говорила, что он высокий и чересчур широкоплечий для кирси, но Джедрек все равно представлял себе типичного беловолосого — пусть высокого, но хрупкого и узкого в плечах. Конечно же, он не ожидал увидеть грозного на вид мужчину, крепкого телосложения, с развевавшимися на ветру длинными белыми волосами, который сейчас пристально смотрел на него желтыми глазами, сверкавшими в свете костра.

— Кто ты такой, Байан тебя возьми? — осведомился предсказатель.

Ничего не отвечая, Джедрек вновь прыгнул вперед, делая стремительный выпад.

Кирси отскочил назад, уворачиваясь от удара. Одновременно он взмахнул кинжалом, пытаясь поразить противника, но безуспешно. Джедрек ухмыльнулся. Несмотря на свое атлетическое телосложение, мужчина явно не владел оружием. Похоже, Гринса тоже понял

это, ибо начал медленно пятиться, обходя костер, когда Джедрек двинулся на него.

— Чего тебе от меня надо? — спросил он, метнув взгляд на кинжал Джедрека.

Джедрек снова прыгнул вперед, но кирси опять увернулся.

— Думаю, ты знаешь, — сказал Джедрек.

Предсказатель кивнул и облизал губы. Теперь он украдкой поглядывал на костер, словно пытаясь придумать способ использовать огонь против Джедрека.

— Но почему? — спросил мужчина. — Это ты можешь мне сказать.

— Это не мое решение, — сказал Джедрек. — Меня послали за тобой.

— Послали? — переспросил он, прищуриваясь. — Ты ведь один из певцов? С ярмарки?

Предсказатель остановился, и Джедрек вместо ответа снова прыгнул на него, замахиваясь кинжалом. Он знал, что на сей раз подошел достаточно близко, и Гринса тоже понял это, судя по тому, как расширились его глаза. Кирси был уже мертвецом.

Но за долю секунды до того, как Джедрек вонзил предсказателю кинжал в сердце, он вдруг услышал звук, непонятно почему напомнивший ему звон отцовского молота, стучащего по раскаленной стали. В тот же миг клинок разлетелся вдребезги, словно простое стекло. По инерции он нанес кирси удар в грудь рукояткой своего кинжала, но мужчина лишь слегка покачнулся и отступил на шаг назад. Ни капли крови не выступило у него на груди.

Джедрек тупо уставился на жалкие остатки своего оружия, не в силах вымолвить ни слова. Через несколько мгновений он поднял глаза на предсказателя, который мрачно смотрел на него, снова выставив вперед свой кинжал.

— Как ты?.. — Джедрек осекся и потряс головой. Ответ был очевиден. Вероятно, ему следовало удариться в бегство, но он неподвижно стоял на месте, завороченно глядя на бесполезный кусок полированного дерева, зажатый в руке. — Но ведь она сказала, что ты простой предсказатель.

Гринса уже собирался приказать напавшему на него человеку опуститься на колени, когда до него дошел весь смысл последних слов. Внезапно его бросило в озноб, словно теплый ветер, дувший в лесу, вдруг посвежел.

«Она?»

— Кто сказал тебе, что я простой предсказатель?

Звук его голоса вывел мужчину из оцепенения. Он резко повернулся, собираясь метнуться в заросли, но Гринса схватил его за рубашку сзади, и они оба повалились на землю. Мужчина был сильным — сильнее Гринсы — и уже почти вырвался. Но когда Гринса приставил острие кинжала к горлу противника, тот мгновенно прекратил борьбу.

Лошадь Гринсы, стоявшая на привязи неподалеку, тревожно фыркнула и забила копытом.

— Кто сказал тебе? — повторил кирси. Он дрожал всем телом. «Почему вдруг стало так холодно?»

— Женщина в Галдастене, — ответил мужчина. — Беловолосая, как ты.

Он не хотел спрашивать. Кирсар свидетель, не хотел. Но был ли у него выбор?

— Как ее зовут?

— Она не сказала.

«Разумеется».

— Как она выглядит?

— Как все кирси. Для меня вы все на одно лицо.

Он лгал. Она была прекрасна. Даже самый тупой и неотесанный инди не мог не видеть этого. Он навалился на мужчину и посильнее надавил острием кинжала на его горло; из-под стального лезвия вытекла капелька крови.

— Как она выглядит?

— Молодая. — Мужчина повысил голос. — Миловидная. Светлые глаза, длинные волосы. Я не знаю, как описывать твоих соплеменников.

Это объясняло многое — на самом деле все. Как же он так опростоволосился? Он смог

почувствовать, что человек идет за ним по лесу, даже не видя преследователя, — и не сумел распознать ложь женщины, которая делила с ним постель.

По-видимому, Гринса ослабил хватку, ибо он еще не успел спросить, почему та женщина хотела его смерти, как темноволосый мужчина вцепился в руку, сжимавшую кинжал, и одновременно сильно ударил кирси локтем в бок. Гринса задохнулся и попытался прижать противника к земле, но было слишком поздно. Мужчина вскочил на ноги и опрометью кинулся в лес. Гринса тоже стремительно встал, но не пустился в погоню, а мысленно сформировал образ, который послал вперед с протяжным выдохом. От напряжения у него снова перехватило дыхание и на миг закружилась голова. Но все получилось.

Огромная ветка с треском отломилась от ствола дуба и рухнула на землю прямо перед инди, который в страхе остановился.

— Следующая убьет тебя! — громко сказал Гринса, хотя сомневался, что у него хватит силы сделать это еще раз.

К счастью, мужчина решил не рисковать. Он повернулся и посмотрел на Гринсу с видом испуганного ребенка.

— Подойди ко мне! — приказал кирси.

Медленно, почти робко мужчина двинулся обратно к костру.

Гринсе повезло, что она послала инди. Другой кирси сумел бы определить пределы его возможностей. Инди слишком боялись магии, чтобы изучить ее природу.

Мужчина вступил в круг света от костра, настороженно глядя на Гринсу. На шее у него темнел порез, оставленный кинжалом кирси, волосы и одежда были испачканы в грязи, но в остальном он не пострадал.

— Сядь, — велел Гринса, указывая кинжалом на землю.

Мужчина сел, не спуская взгляда с лица предсказателя.

— Как тебя зовут?

Он колебался:

— Хонок.

По всей видимости, он назвал вымышленное имя. Мужчина был наемным убийцей и явно не собирался сообщать, как его звали на самом деле. Но Гринса кивнул. Для него это не имело значения. Ему просто нужно было как-то обращаться к инди.

— Я задам тебе несколько вопросов, Хонок. Любую твою ложь я сразу распознаю, поэтому тебе стоит отвечать правдиво. Вряд ли ты хочешь рассердить меня.

— Разве ты не можешь просто прочесть мои мысли? — спросил мужчина. — К чему вообще тратить время на расспросы?

— Да, я могу прочесть твои мысли. Но при этом ты испытаешь довольно неприятные ощущения. Я подумал, что ты предпочтешь избежать этого.

Отчасти Гринса говорил правду. Он действительно обладал способностью проникновения в мысли, хотя она позволяла лишь составить смутное представление о чувствах другого человека; и у Хонока действительно могли возникнуть неприятные и даже болезненные ощущения. Однако он решил не применять свой дар по другой причине. Гринса начинал уставать. На протяжении всего нескольких минут он расколол кинжал и обрушил на землю ветку дерева. Магическая сила кирси — даже такого могущественного, как он, — имела пределы. Напряжение, необходимое для проникновения в мысли, наверняка обессилило бы Гринсу до такой степени, что он заснул бы не простым сном, а вечным.

Однако и на сей раз невежество инди сыграло Гринсе на руку. Мужчина побледнел, услышав скрытую в словах кирси угрозу, и через секунду кивнул.

— Женщина, которая тебя послала... — Гринса на мгновение умолк и стиснул зубы, борясь с приступом тошноты. — Она сказала, почему хочет убить меня?

— Она не хочет, чтобы ты добрался до Кентигерна, — ответил Хонок.

— Почему?

— Она не хочет, чтобы ты помог мальчику.

— Мальчику? — переспросил Гринса.

— Сыну герцога Кергского.

Гринса не удивился. Ничего иного он и не мог ожидать, если учесть его осведомленность о судьбе Тависа и если вспомнить, сколько вопросов она задавала о предсказании. Но все же острая боль пронзила грудь Гринсы, как будто кинжал убийцы в конце концов достиг своей цели.

— Почему она послала именно тебя? — спросил он.

Хонок отвел глаза и промолчал.

— Ты наемный убийца?

Он кивнул, по-прежнему не глядя на Гринсу.

Несколько мгновений кирси пристально смотрел на Хонока, стараясь вспомнить, когда и где он видел его на ярмарке. Чем дольше он смотрел, тем более знакомым казалось лицо мужчины; и наконец Гринса несколько раз кивнул.

— У тебя ведь есть напарник, так?

Хонок бросил на него быстрый взгляд.

— Вот почему она обратилась к тебе: потому что твой напарник уже в Кентигерне. Он отправился туда первым, чтобы устранить Тависа.

— Я работаю один! — резко сказал мужчина, но Гринса услышал фальшь в его голосе.

Кирси снова кивнул. Он словно воочию видел перед собой лицо второго мужчины и то, как эти двое поют вместе.

— Его я тоже помню. Высокий, худой. Примерно моего телосложения, так ведь? Только черноволосый и бородатый.

— Нет! — выкрикнул Хонок. Стремительным прыжком он вскочил на ноги, застигнув Гринсу врасплох, и бросился на него. В руке он сжимал неизвестно откуда появившийся кинжал (кирси слишком поздно осознал, что не обыскал мужчину в поисках второго кинжала), который занес над головой, снова целясь Гринсе в сердце.

В отчаянии Гринса выкинул руку вперед и в последний момент успел отвести удар. Но кинжал вонзился ему в левое плечо, когда они двое вновь повалились на землю — Гринса на спину, а Хонок на него. Темноволосый мужчина выдернул кинжал из плеча кирси и опять ударил, на сей раз целясь противнику в горло.

Гринса сформировал и послал вовне мысль так быстро, в таком слепом отчаянии, что едва сумел удержать ее под контролем. Так или иначе, вместо чистого звона расколовшейся стали он услышал другой звук — более глухой, похожий на слабый треск сломанной ветки. Хонок завопил от боли и выронил кинжал, когда скатился с Гринсы и начал корчиться на земле, прижимая руку к груди.

Плечо Гринсы горело, словно клинок до сих пор оставался в его теле. Он осторожно ощупал пальцами рану, из которой хлестала теплая кровь. Кинжал задел кость. — Будь ты проклят! — проговорил он, с трудом садясь. Хонок метнул на него яростный взгляд; гримаса боли искажала его лицо.

Вообще-то боль в плече была самой незначительной из всех проблем. Хонок знал, что он — предсказатель, и видел, как он ломает дерево и сталь, не говоря уже о кости. Теперь Гринсе требовалось исцелить себя и Хонока — если он собирался оставить последнего в живых. Но вправе ли он был открыться? И что ему делать с Хоноком? Он не мог оставить мужчину при себе, не подвергая при этом опасности свою жизнь. Но он также не мог отвезти его в ближайшее селение и посадить в тюрьму. Если Хонок с напарником так искусны в своем преступном ремесле, как он предполагал, ни одна тюрьма, за исключением замковых темниц крупнейших герцогств, им была не страшна. О том, чтобы отпустить мужчину, Гринса даже не помышлял — не только потому, что Хонок был наемным убийцей и представлял угрозу для Тависа, но и потому, что он слишком много знал. Если Кресенна узнает, что Гринса обладает и другими магическими способностями, у нее возникнут подозрения, а с учетом того, что он теперь знал о ней, это представлялось самой серьезной опасностью из всех возможных.

Все это означало одно: Хонок должен был умереть.

Гринса содрогнулся. В своей жизни он не раз шел на все, чтобы сохранить свою тайну, но еще никогда не убивал.

«Он наемный убийца, — сказал себе кирси. — Он убил бы тебя сегодня, не останови ты его. Кто знает, скольких людей он убил и скольких убьет еще, если ты егопустишь?»

Все это было лишь оправданием, и ничем иным. Возможно, доводы были справедливыми, но если бы он решился убить Хонока, то сделал бы это по другой причине — защищая только себя и никого больше, обменивая жизнь этого человека на свою собственную.

Хонок начал подниматься на ноги, и тут его взгляд упал на второй кинжал, валявшийся на земле между ними.

Гринсе ничего не оставалось делать. Когда Хонок стремительно прыгнул к своему потерянному оружию, Гринса тоже бросился вперед, хрипло застонав от боли. Они столкнулись в воздухе, словно соколы, дерущиеся в небе над Вересковой пустошью, а потом рухнули на землю. Хонок упал сверху и всей своей тяжестью придавил здоровую руку Гринсы, сжимавшую кинжал, к его груди. К счастью, клинок лег плашмя, иначе кирси убил бы сам себя. Как бы то ни было, он не мог высвободить руку, чтобы нанести удар убийце. Темноволосый человек ударил противника кулаком в бок, а потом потянулся за лежавшим поблизости кинжалом и, перенеся тяжесть тела в сторону, дал Гринсе возможность пошевелиться. Собрав последние силы, кирси резко выгнул спину и скинул с себя мужчину, шумно выдохнув от острой боли, которая обожгла раненое плечо. Без малейшего колебания, одним судорожным движением он набросился на Хонока и вонзил кинжал ему в грудь, а потом бессильно повалился на него. Убийца испустил пронзительный вопль и резко выгнулся, как мгновение назад сделал Гринса. Затем его тело обмякло, и он перестал шевелиться.

Очень долго Гринса не мог заставить себя открыть глаза и тем более сесть. Страшно болело плечо, пальцы начали неметь, мучительно ныл бок, куда Хонок ударил сначала локтем, потом кулаком.

Кирси не смел пошевелиться от страха, не смел открыть крепко, до боли, зажмуренные глаза. Он убил человека.

«Ты должен был сделать это, — говорил он себе. — Чтобы спасти свою жизнь, чтобы спасти Тависа».

— У тебя не было выбора, — сказал он вслух, словно звук собственного голоса мог ему помочь.

Предсказатель медленно открыл глаза и сел, опираясь здоровой рукой о землю. Глаза и рот Хонока по-прежнему оставались открытыми, его лицо было искажено гримасой. Кирси вытащил кинжал из груди убитого и вытер окровавленное лезвие о рукав, пропитанный его собственной кровью. Он попытался встать, но у него так сильно закружилась голова, что он снова опустился на землю, борясь с приступом тошноты.

Гринса должен был исцелить плечо, но сомневался, что у него хватит силы позаботиться о себе. Он здорово перенапрягся этой ночью. Несколько минут предсказатель отдыхал, а потом на четвереньках подполз к лошади. С трудом поднявшись на ноги, он взял бурдюк с водой и вынул немного еды из притороченной к седлу сумки, затем вернулся к костру и тяжело упал на землю. Он выпил воды и заставил себя поесть, хотя копченое мясо и твердый сыр застревали у него в горле.

Положив здоровую руку на раненое плечо, Гринса закрыл глаза и сосредоточился, собирая остатки своей магической силы. Поначалу он ничего не почувствовал и похолодел от страха. Но потом волна тепла начала медленно подниматься внутри его — словно забил из-под земли теплый источник. Она прокатилась по груди и по здоровой руке, прижатой к ране. От целительного прикосновения онемение прошло, и плечо обожгла страшная боль. Кирси дернулся всем телом и сморщился, но не отнял ладони от раны, и наконец жгучая боль стала стихать. Казалось, он потратил на исцеление очень много времени — глубокая

рана затягивалась медленно, — но в конце концов плечо зажило.

Гринса открыл глаза и увидел, что лес стремительно кружится вокруг него, словно огромный смерч. Он снова зажмурился, откинулся на спину и заснул, едва коснувшись головой земли.

Когда он пробудился на следующее утро, воздух уже прогрелся, хотя легкий туман между деревьями еще не рассеялся. Солнечный свет озарял листву над головой, и щебет зябликов и прочих певчих птиц наполнял лес. Было часов девять, возможно, десять.

Гринса осторожно сел и с облегчением убедился, что головокружение прошло. Он осмотрел плечо и поднял руку, проверяя, не болит ли рана. На плече по-прежнему багровел воспаленный рубец в форме серпа — скорее всего шрам останется до конца жизни, — но он мог шевелить рукой, почти не испытывая боли.

Усилием воли кирси заставил себя взглянуть на тело наемного убийцы. Над трупом кружили полчища мух с блестящими зелеными спинками. Они громко жужжали, густо облепив черную рану на груди, глаза и рот мертвеца. Гринса понимал, что должен похоронить Хонока. «Ты убил его». Но у него не было ни лопаты, ни сил, чтобы выкопать могилу, а если бы даже он и сумел разложить погребальный костер, существовала опасность того, что дым увидят из Кентигернского замка, находившегося всего в дне пути от этого места.

— Да простит меня Кирсар! — выдохнул Гринса. Он встал и направился к лошади, чувствуя лишь легкую слабость в ногах. Съев несколько кусочков мяса и выпив почти всю воду из бурдюка, он оседлал лошадь и уже собрался взобраться на нее, но вдруг остановился и снова посмотрел на Хонока.

Тихо выругавшись, он вернулся к телу, тяжело вздохнул, собираясь с силами, и оттащил его подальше в лес. Там он вырыл руками неглубокую могилу и засыпал тело землей и сухими листьями. Гринса не знал, о чем попросить богов, и потому в конце концов просто сказал: «Будь справедлив к нему, Байан. Найди для него место в своем Царстве».

Кирси двинулся обратно к лошади, но, увидев лежавший на земле кинжал убийцы, снова остановился. После минутного колебания он подобрал его и заткнул за пояс. Никогда не знаешь, когда второй кинжал может спасти тебе жизнь.

Гринса находился ближе к Кентигерну, чем предполагал. Он выехал из леса на широкую равнину, простиравшуюся перед городом, сразу после заката, хотя тронулся в путь поздно. В последний раз он был здесь с ярмаркой всего два месяца назад, но все же не мог не остановиться на несколько мгновений, чтобы полюбоваться суровой красотой величественного замка и крепостной стены. Безусловно, это был самый неприступный замок в Эйбитаре — возможно даже, во всех Прибрежных Землях, — и сейчас, глядя на него, Гринса задавался вопросом, не глупо ли с его стороны рассчитывать на успех. На протяжении многих веков стены крепости и холм, на котором она стояла, становились непреодолимым препятствием для войск Анейры и самых могущественных домов Эйбитара. Несмотря на его магическую силу и его тайну, кто он такой, чтобы пытаться в одиночку сделать то, что не удавалось всем тем людям?

Гринса снова согнул руку и слегка поморщился от тупой боли в плече, еще не прошедшей окончательно. Он знал, что ответ кроется в нападении Хонока. И в предательстве Кресенны.

С самого утра Гринса запрещал себе думать о девушке, но сейчас при мысли о ней у него мучительно стеснилась грудь и пресеклось дыхание. Усилием воли кирси овладел собой, заставив себя вспомнить о Тависе и о том, почему он находился здесь. Сын герцога нуждался в его помощи. Мальчик стоял на пути, еще никому не понятном, на пути, который лишь Гринса прозрел почти до самого конца. Только он один мог помочь Тавису; и одной мысли о Кресенне и о крайних мерах, на которые она пошла с целью остановить его, оказалось достаточно, чтобы он понял, насколько важно спасти мальчика. Какими бы грозными ни казались эти стены, он должен был попытаться. Кроме того (хотя немногие знали это), Гринса располагал собственным оружием — в своем роде таким же грозным.

После короткого привала он продолжил путь и достиг восточного въезда в Кентигерн за несколько минут до вечерних колоколов, возвещавших о закрытии городских ворот. Только в городе он спешился и повел лошадь в поводу через рыночную площадь по направлению к замку, не желая привлекать к себе внимание излишней спешкой. Он оставил лошадь у подножия холма, в общественном загоне, где стояло еще несколько лошадей и волов. Кирси не собирался надолго задерживаться в замке, но не хотел рисковать, оставляя животное на виду.

Бросив короткий взгляд через плечо и убедившись, что за ним никто не следит, Гринса начал подниматься по дороге, которая вела к замку. Силы быстро покидали его. Дневной переезд, хоть и недолгий, утомил кирси, и он еще не вполне оправился после схватки с Хоноком. Для того чтобы пройти мимо стражников, не требовалось особого напряжения магической силы, но Гринса знал, что ему все равно придется трудно, — тем более что на всех подступах к Кентигернскому замку было выставлено по два поста.

Ложь должна была быть простой. Для излишне затейливой лжи у него сейчас не хватило бы магической силы. Поэтому, когда первый стражник преградил Гринсе путь перед воротами, он сказал первое, что пришло на ум:

— Меня вызвал ваш герцог. Он нуждается в моем совете.

Как бы просто ни звучало такое объяснение, в большинстве случаев даже самый тупой стражник в королевстве усомнился бы в нем. Но Гринса сосредоточился и усилием мысли воздействовал на сознание мужчины.

— Ладно. — Стражник отступил в сторону и махнул рукой, пропуская его через ворота. — Герцог уже лег спать, но кто-нибудь устроит тебя на ночлег в замке.

Гринса улыбнулся:

— Спасибо. — Он вошел под каменную арку ворот.

— Эй, там! — крикнул другой стражник, появившийся на пороге караульни. — Кто это?

Выругавшись про себя, Гринса остановился и повернулся.

— Он пришел к герцогу, — сказал первый стражник.

— Разумеется. Но откуда нам знать, хочет ли герцог его видеть?

Стражник снова посмотрел на Гринсу:

— Ты говоришь, он вызвал тебя?

— Да, — сказал кирси, мягко воздействуя на сознание мужчины во второй раз. — Запиской, которую я минуту назад показал вам.

— Все в порядке, Трент, — сказал стражник, оглядываясь через плечо на своего товарища. — Он показал мне записку герцога.

Гринса затаил дыхание. Он не хотел рисковать, тратя свою силу на второго человека.

— Хорошо, — сказал второй стражник, поворачиваясь и скрываясь в караульне. — Пусть идет.

Гринса снова улыбнулся и поспешно прошел через ворота в наружный двор крепости.

Дав такое же объяснение и прибегнув к такой же магии, он прошел через вторые ворота с южной стороны замка. Здесь от Гринсы потребовалось лишь самое незначительное мыслительное усилие, направленное на одного стражника, который убедил остальных своих товарищей. Однако даже от небольшой траты энергии у него закружилась голова. Но теперь отступать было некуда. Со всех сторон его окружали стражники и могучие стены Кентигернского замка. И самое трудное оставалось впереди.

ГЛАВА 16

Кентигерн, Эйбитар

Обычно в этот час он уже спал. Вечерние колокола прозвонили довольно давно, и в замке царила мертвая тишина. Но Фотир лежал в постели, глядя широко раскрытыми глазами на маленькое окошко, в котором мерцали звезды. Ксаверу тоже не спалось, судя по

тому, как он ворочался на кровати. Не так уж много дел они переделали за день, чтобы устать. С тех пор как герцог Кентигернский запретил всем близким видеться с Тависом, им оставалось только сидеть в своих комнатах да гулять по внутреннему двору замка. И терзаться тревогой. Для этого у них было предостаточно времени.

Яван, на внешности которого, сколько помнил Фотир, никак не отражалось течение времени, за последние несколько дней постарел лет на десять. Его лицо внезапно покрылось морщинами, и спина ссутулилась, точно у старика.

— Он умирает, — сказал герцог сегодня, глядя в окно немигающим взглядом, как глядел все последние дни. — Мой сын умирает, а я не силах помочь ему.

Фотир хотел подбодрить своего господина, сказать что-нибудь утешающее, но герцог заслуживал большего, чем пустые слова и несбыточные надежды. Поэтому советник хранил молчание, хотя изнемогал от гнева и чувства собственного бессилия. По правде говоря, он думал, что мальчик уже мертв. Несколько дней назад он случайно услышал разговор стражников о пытках, которым подвергает Тависа отец Бриенны, и об упорном отказе мальчика сознаться в убийстве. Вполне возможно, их слова предназначались для ушей кергского советника, но звучали они правдоподобно. Тавис совсем недавно достиг возраста Посвящения, и, хотя он был достаточно силен и умен для своих лет, ни один мальчик не смог бы долго выдерживать пытки.

Разумеется, Фотир ничего не сказал Явану, но он не сомневался, что герцог и так все знает, равно как и молодой Маркуллет. В последние два дня, похоже, все трое потеряли надежду освободить Тависа и были внутренне готовы услышать известие о его смерти.

Сначала стук прозвучал еле слышно, словно человек боялся разбудить их. Только когда в коридоре послышались тихие шаги, советник понял, что в первый раз стучали в комнату Тависа. Потом стук прозвучал громче и отчетливее: теперь стучали в их дверь.

Ксавер и Фотир сели в своих постелях и переглянулись.

— Зажгите свет, — тихо сказал Фотир.

Мальчик несколько секунд возился с кремнем и огнивом, прежде чем зажег свечу. Фотир оделся и подошел к двери.

— Кто там? — спокойно спросил он.

— Ваш друг, — раздался ответ. — И друг лорда Тависа.

Советник бросил взгляд на Ксавера, который вопросительно приподнял бровь и вытащил меч из ножен. Фотир одобритительно кивнул и открыл дверь.

Перед ним стоял высокий, могучего телосложения кирси. Лицо мужчины казалось знакомым, хотя Фотир не мог вспомнить, где он его видел.

— Первый советник, — промолвил мужчина, легко кланяясь.

Фотир прищурился:

— Мы с вами знакомы?

Прежде чем мужчина успел ответить, Ксавер тихо ахнул.

— Предсказатель, — сказал он. — С ярмарки.

Советник медленно покивал:

— Ну конечно. Мы встречались в «Серебряной чайке».

— Да. — Предсказатель настороженно огляделся по сторонам. Он явно хотел войти в комнату, но Фотир все еще не решался впустить гостя.

— Чего вам угодно, предсказатель?

Их взгляды встретились.

— Я хочу помочь. — Казалось, мужчина говорил искренне.

— Вы знали, что это должно случиться! — воскликнул Ксавер. — Вы видели пророчество Кирана — и позволили Тавису приехать сюда!

Фотир поднял руку, приказывая мальчику замолчать, но продолжал пристально смотреть в глаза мужчине.

— Ярмарка сейчас в Галдастене, ведь так?

— Да.

— И вы проделали такой путь единственно для того, чтобы помочь лорду Тавису?

— Господин Маркуллет прав. Мне действительно открылась судьба лорда Тависа. Точнее, его будущее.

— Интересное уточнение, — сказал Фотир. — Вероятно, я был не так далек от истины, как вы со своими друзьями пытались убедить меня, когда спросил, не обманули ли вы Тависа с пророчеством.

Советник услышал приближавшиеся голоса. Предсказатель бросил взгляд в сторону и снова посмотрел на них. Внезапно на его лице отразился страх. Но Фотир по-прежнему не впускал незваного гостя в комнату.

— Вы спросили, соответствовало ли видение истине, — сказал предсказатель. — Безусловно, соответствовало. У меня были причины не открывать молодому лорду всю правду о его будущем. Поверьте, я не желал мальчику зла. Я хотел предостеречь его видением.

— Ваше предостережение едва не стоило жизни молодому Маркуллету.

— Я знаю. — Мужчина перевел взгляд на Ксавера. — Мне очень жаль.

Голоса раздавались уже совсем близко. Несомненно, сюда шли стражники. Через несколько секунд они должны были появиться из-за угла.

— Зачем вы приехали сюда? — снова спросил Фотир.

— Чтобы помочь! — В голосе мужчины слышались нотки отчаяния.

— Это вы уже сказали. Но каким образом?

— Вызволив лорда Тависа из тюрьмы! Но одному мне это не по силам!

Этого Фотир никак не ожидал услышать. Он так удивился, что едва не продержал мужчину на пороге слишком долго.

Увидев неверный свет факелов, заплывавший на стенах коридора, советник быстро посторонился, и предсказатель стремительно вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Они все хранили молчание, когда несколько секунд спустя охрана прошла мимо; голоса стражников отражались громким эхом от каменных стен и потолка.

— Как вас зовут, предсказатель? — спросил Фотир, когда гул голосов стих в отдалении.

— Гринса джал Арриет.

— Откуда вы родом?

— Все свою жизнь я прожил в Эйбитаре. — Мужчина сказал это так гордо, как сказал бы инди и как часто говорил сам Фотир. — Герцог должен стать моим королем, — мгновение спустя продолжил он. — Я не желаю зла ему и его близким. Тем вечером, когда мы встретились в «Серебряной чайке», я предложил вам свою помощь в поисках мальчика. Теперь я снова предлагаю вам свои услуги.

— Я помню ваше предложение, — сказал Фотир. — Тогда вы сказали также, что вы простой предсказатель и не обладаете другими магическими способностями. С чего вы взяли, что можете освободить Тависа из темницы?

Мужчина заколебался и перевел взгляд на Ксавера.

— Я предпочел бы не отвечать на ваш вопрос. Просто поверьте мне на слово: я могу сделать это.

— Вероятно, нам следует обсудить это с герцогом, — предположил Ксавер.

Гринса помотал головой:

— Ваш герцог не должен принимать участия в деле, господин Маркуллет, да и вы тоже. Даже первого советника вовлекать в это рискованно, но мне нужен кирси, которому я могу доверять. — Выражение глубокой печали появилось на миг на лице мужчины, но тут же исчезло. — Если мы потерпим неудачу, — продолжил он, стараясь овладеть собой, — лучше, чтобы неудачу потерпели только мы двое. Герцог Кентигернский сможет свалить все на заговор кирси или что-нибудь в этом роде. Если в деле будете замешаны вы или ваш герцог, это станет поводом для начала войны.

Фотир признал правоту предсказателя, хотя и почувствовал смутное беспокойство. Его

встревожило также упоминание о заговоре кирси, но он никак не показал этого.

— Я вынужден согласиться, Ксавер, — сказал он. — Нам не стоит ничего рассказывать герцогу — по крайней мере пока.

Мальчик шагнул вперед:

— Вам понадобится человек, который будет стоять на страже, пока вы освобождаете Тависа.

— Нет, — сказал Фотир. — Предсказатель и здесь прав. Вам нельзя принимать участия в деле. Если Тависа можно спасти, мы сделаем это. А если у нас ничего не выйдет, нам вернее удастся скрыться, если мы будем только вдвоем.

— Но вы же не думаете, что я останусь здесь, — сказал мальчик.

Гринса улыбнулся:

— Я предсказал вам прекрасное будущее, господин Маркуллет. Мы с первым советником не хотим ставить его под угрозу.

Ксавер нахмурился, но через мгновение нехотя кивнул.

— Постарайтесь заснуть, — сказал Фотир, подходя к двери. — И, что бы ни случилось, никому не говорите о состоявшемся здесь разговоре. Если вас будут спрашивать — вы решили, что я ушел в таверну.

Мальчик снова кивнул, на сей раз уверенно.

Советник широко улыбнулся, потом вышел вместе с предсказателем в коридор и направился к ближайшей лестнице. Однако перед самым входом в башню он остановился и повернулся к Гринсе:

— Прежде чем идти дальше, я хотел бы получить более ясное представление о том, что мы собираемся делать.

Гринса прищурился:

— Я же сказал вам. Мы собираемся спасти лорда...

— Да, знаю. Но каким образом? Мальчика здесь нет — мы с вами наедине. Теперь я хочу знать правду.

Мужчина снова заколебался, хотя на сей раз не отвел взгляда в сторону.

— Я не могу рассказать вам все. Вам достаточно знать, что я не просто предсказатель. Я умею также исцелять и воздействовать на формы.

— Почему вы солгали мне в тот вечер?

— Я не знал, могу ли доверять вам, — ответил Гринса, пожав плечами.

— Доверие доверием, но зачем было лгать насчет своих способностей, тем более когда вы предлагали свою помощь?

Гринса вздохнул, и Фотиру снова показалось, что лицо кирси выражает глубокую печаль.

— Между нашими соплеменниками существуют такие серьезные разногласия, которые прежде казались мне совершенно невыносимыми. Даже самый незначительный жест доверия может представлять угрозу для жизни. Мы с вами ничего не знаем друг о друге, кроме того что мы оба хотим спасти Тависа, но даже это каждому из нас приходится просто принимать на веру. Я присоединился к ярмарке в качестве предсказателя и никому не рассказывал о прочих своих способностях. У меня были свои причины поступить так, и если бы я открыл вам больше, чем открыл Трину и остальным, эти сведения могли бы дойти до них.

Здесь, в Кентигерне, уже второй человек говорил советнику о существовавшем между кирси расколе с таким видом, словно это было чем-то новым. Однако все эти разногласия начались еще в эпоху Войн кирси, которым положило конец предательство Картаха. Родители Фотира, особенно отец, считали Картаха — вероломного военачальника, способствовавшего поражению кирсийской армии в древней войне, — неким демоном, посланным Байаном из Подземного Царства. Предатель Картах. Казалось, другого имени у него и не было. Разумеется, вплоть до отроческих лет Фотир ни разу не слышал, чтобы о нем отзывались иначе. Во все время своих странствий с ярмаркой (вместе с родителями, которые были предсказателями) он постоянно слышал, как люди вроде отца и Трина поносили

Картаха и всех инди самыми последними словами, когда вино развязывало им языки. И, подобно Трину, отец Фотира со своими друзьями честил на чем свет стоит всех кирси, служивших при дворах инди, где останавливалась ярмарка.

Фотир находил это по-своему забавным. По крайней мере до своего Посвящения, которое провела мать, а не отец. Тогда Фотиру было шестнадцать, и ограниченное мировоззрение отца уже давно вызывало в нем внутренний протест. К тому времени они почти не разговаривали — как оказалось, к счастью. Ибо если бы именно отец вызывал в Киране видение его будущего, возможно, Фотир никогда не узнал бы правды о своей судьбе. Так или иначе, мать вскрикнула при виде открывшейся ей картины грядущего. Любой инди решил бы, что она увидела раннюю смерть своего сына или некое неопишемое несчастье.

Но нет, она просто увидела Фотира в зрелом возрасте, служащим при дворе эйбитарского герцога.

В ту же ночь Фотир покинул ярмарку. Больше он никогда не видел своих родителей, хотя переписывался с матерью до самой ее смерти, случившейся несколько лет назад.

Возможно, волнения, о которых говорили Шерик и Гринса, начались недавно, но причины оных — слепое негодование и предубеждение — возникли еще при жизни Картаха, в пору образования королевств Прибрежных Земель. Фотир не желал участвовать в этом противостоянии. Никогда не желал.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. — Фотир не собирался отвлекаться на общие рассуждения о негодовании и заговорах кирси.

— Да, не ответил. Но клянусь вам памятью своей жены, умершей от чумы шесть лет назад, я не желаю зла вам и вашему герцогу. Я приехал сюда, чтобы спасти лорда Тависа, и сделаю для этого все возможное, с вашей помощью или без нее. Но мы оба понимаем, что у меня больше шансов на успех, если вы мне поможете.

Фотир с минуту молчал, напряженно обдумывая слова предсказателя. Что бы ни заставило Гринсу приехать в Кентигерн, все равно он оставался для них последней надеждой. Если Тависа вообще еще можно было спасти. Первый советник шумно выдохнул и позволил себе слабо улыбнуться.

— Вы умеете убеждать, предсказатель. Вам это известно?

Гринса ухмыльнулся:

— Честно говоря, да. Разве я не сказал вам, что обладаю еще и даром внушения? Именно благодаря ему я и проник в замок.

Они пошли вниз по лестнице, бесшумно ступая, настороженно оглядываясь и прислушиваясь, но у Фотира не выходили из головы последние слова предсказателя. Способность внушения мыслей являлась мощной магической силой, которая лучше всего воздействовала на инди, не умевших от нее защищаться. Более того, человек, обладавший одновременно дарами прорицания, исцеления, внушения и воздействия на формы, имел в своем распоряжении четыре разных вида магической силы — необычно много даже для самого могущественного кирси. Каковое обстоятельство наводило на ошеломляющую мысль — мысль, к которой Фотир не возвращался уже много лет. Внезапно он понял нежелание Гринсы говорить правду.

Когда они спустились по винтовой лестнице, Гринса свернул в другой коридор, который вел скорее в глубину замка.

— Разве мы пойдем не через двор? — спросил Фотир.

— Нет, если мы не хотим, чтобы нас заметили стражники.

Но советник все равно заколебался, внезапно усомнившись в том, что его решение последовать за предсказателем было разумным.

— Я знаю, где находятся ворота для вылазок, — пояснил Гринса. — Вы же не думаете, что мы просто войдем в темницу и освободим мальчика?

Фотир покраснел:

— Не думаю.

— Положитесь на меня, первый советник. Человек, странствующий с ярмаркой, имеет

возможность исследовать замки всех эйбитарских герцогов. Я хорошо знаю Кентигерн.

— И Керг тоже? — спросил советник, трогаясь с места.

Гринса бросил на него быстрый взгляд через плечо и ухмыльнулся:

— Разумеется.

Достигнув ворот для вылазок, двое кирси вышли в ночь и прошли вдоль замковой стены к тюремной башне. В стене башни, над самой землей, было единственное маленькое окошко, забранное железными прутьями.

— Вот оно, — прошептал Гринса. — В конце шахты, ведущей отсюда вниз, есть еще одна такая решетка. Если вы сможете разрушить эту, я справлюсь с нижней.

Фотир кивнул:

— Хорошо. — Он опустился на колени в траву и приготовился использовать свою способность воздействия на формы, но Гринса остановил его, положив руку ему на плечо.

— Делайте срезы гладкими, — сказал предсказатель. — На обратном пути мы восстановим решетку, если у нас останется время.

— Это заберет много магической силы.

— Я знаю. Положитесь на меня.

Фотир пожал плечами и занялся решеткой. Она состояла из четырех поперечных и трех вертикальных прутьев. Всего нужно было сделать четырнадцать разрезов. Правда, Фотир предпочел бы ограничиться несколькими, но в любом случае ломать прутья следовало у самого камня, чтобы они с Гринсой смогли пролезть в окошко. Было бы проще разрушить решетку одним колоссальным напряжением магической силы, но Гринса был прав: если они не восстановят решетку, Тависа хватятся слишком скоро.

Как первый советник герцога Кергского, Фотир снискал уважение не только своей мудростью и хорошим знанием Эйбитара и прочих королевств Прибрежных Земель, но и своими магическими способностями. Время от времени он видел во сне картины будущего, которое открывал Явану, и никто не сомневался, что его способность вызывать ветра и туманы поможет защитить Кергский замок в случае осады. Но к сожалению, на службе у Явана Фотиру редко представлялась возможность использовать свой магический дар.

Было приятно применить на деле свою силу, и, когда сломался первый прут — с металлическим звоном, подобным звону двух скрестившихся мечей, — кирси не смог удержаться от довольной улыбки. Но чувство удовольствия быстро сменилось сознанием того, что он потерял былую сноровку. Фотир чувствовал себя солдатом, который идет на войну, не тренировавшись много лет. Он с трудом контролировал свою магическую силу и быстро уставал. Он перерезал всего четыре или пять прутьев, а уже обливался потом, словно рыл траншею. У него начинали трястись руки и кровь стучала в висках. Советник стыдился своей слабости и старался не показывать Гринсе, насколько он изнурен, но предсказатель внимательно наблюдал за ним.

— Вы можете отдохнуть, если хотите.

Фотир помотал головой:

— У нас нет времени. Я в порядке. Просто я уже давно не занимался подобными вещами.

— Вероятно, вам нужна помощь.

— Нет, я... — Советник осекся, внезапно потеряв дар речи. Ибо от усталости вдруг не осталось и следа; животворные токи прошли сквозь его тело, словно лунный свет, свободно хлынувший в открытое окно. Отчасти это была его собственная сила — он чувствовал в себе источник оной, как любой человек чувствует свое сердце, посылающее кровь по артериям. Но с ней сливалась сила Гринсы, которая поддерживала, направляла и приводила к повиновению силу Фотира, выходящую из-под контроля. Каким-то образом предсказатель взял на себя часть тяжелой работы, которую выполнял советник.

«Каким-то образом». Фотир все понял. Этому могло быть только одно объяснение.

— Вы Избранный! — выдохнул он.

— Потом, — спокойно сказал Гринса. — Когда мы закончим.

Советник кивнул и вновь направил мысленное усилие на железные прутья решетки, еще не оправившись от потрясения. Избранный. Проявив свои истинные способности, Гринса в буквальном смысле слова отдал свою жизнь в руки Фотира. Этот жест величайшего доверия заставил советника устыдиться своих прежних подозрений и своих слов, сказанных Гринсе у «Серебряной чайки» в Керге.

— А еще кто-нибудь знает? — спросил он.

— Потом, — повторил Гринса. — Я расскажу вам все, что могу, обещаю. Но сначала мы должны освободить Тависа.

Совместными усилиями они перерезали последние прутья и осторожно, стараясь не шуметь, вынули решетку.

Гринса присел на корточки, собираясь пролезть в окошко, но Фотир остановил его:

— Позвольте мне выломать и вторую решетку.

— Но я не хочу, чтобы вы спускались в темницу, — сказал предсказатель. — Ваше участие в деле нужно свести к минимуму.

Советник улыбнулся:

— Теперь уже поздно думать об этом. Вам понадобится моя помощь, чтобы поднять Тависа из шахты. А поскольку я не обладаю целительной силой, вам придется самому позаботиться о мальчике. Позвольте мне выломать вторую решетку. После того, что вы для меня сделали, я чувствую себя в долгу перед вами.

Гринса с минуту колебался, с сомнением глядя на Фотира светлыми глазами.

— Хорошо, — наконец согласился он. — Благодарю вас.

Фотир коротко улыбнулся и первым пролез в узкую шахту. Он протискивался по ней с трудом — широкоплечему предсказателю придется еще труднее, — но, к счастью, вторая решетка находилась недалеко. Внизу шахта немного расширялась, и решетка здесь состояла всего из четырех прутьев, двух поперечных и двух вертикальных. Однако в этом месте было жарко и так дурно пахло, что Фотира едва не вырвало. От запаха нечистот, гниения и болезни у него заслезились глаза. Он работал по возможности быстро и с помощью магической силы Гринсы справился с решеткой всего за несколько минут.

Он вцепился в железные прутья, не дав решетке упасть вниз, и крикнул Гринсе, чтобы тот вытаскивал его обратно. Мужчина схватил Фотира за лодыжки и потянул. Советник чуть ли не до крови ободрал колени и локти о каменные стены шахты, но через несколько секунд уже оказался снаружи и жадно вдохнул свежий ночной воздух.

— Отличная работа, — сказал предсказатель. — Теперь предупреждаю: отверстие находится довольно высоко от пола, так что приготовьтесь к прыжку.

— А вы приготовьтесь к воню.

Гринса нахмурился:

— Сильной?

— Просто ужасной.

— Похожей на смрад разлагающегося трупа?

У Фотира перехватило дыхание. Об этом он даже не подумал.

— Отчасти да, — сказал он. — Помимо букета других запахов.

На лице мужчины отразилось облегчение.

— Все прочие запахи являются добрым признаком. Там умирали и другие узники. Если бы умер Тавис, смрад разлагающегося тела перекрыл бы все остальное. — Он махнул рукой в сторону отверстия.

Фотир снова пролез в окошко, на сей раз ногами вперед. Он глубоко вдохнул, в последний раз наслаждаясь свежестью ночного воздуха, а потом начал спускаться. Он старался двигаться как можно медленнее, но ноги скользили по каменному покрытию шахты, не находя никакой опоры, и тормозить с каждой секундой становилось труднее; наконец он отказался от всяких попыток замедлить спуск и стремительно заскользил вниз, прикрывая скрещенными руками лицо, чтобы не удариться лбом о верхний край отверстия. Однако Фотир не сумел удержать равновесия, когда приземлился, и растянулся во весь рост

на зловонном сыром полу.

— Ксавер? — донесся хриплый голос от дальней стены. Советник встал и напряженно всмотрелся в темноту, но ничего не увидел.

Секундой позже в камеру свалился Гринса; приземлившись, он слегка покачнулся, но сумел удержаться на ногах.

— Отец? Это вы?

— Нет, лорд Тавис, — ответил Фотир, обретя наконец дар речи. — Это не ваш отец и не господин Маркуллет.

— Тогда кто? — спросил мальчик хриплым слабым голосом.

На ладони Гринсы вспыхнул язычок пламени, свет которого рассеял густой мрак темницы.

— Фотир! — сказал мальчик. — И предсказатель?

Но советник молчал, в ужасе глядя на человека, прикованного к каменной стене. Его желудок свело спазмом, и он судорожно сглотнул, подавляя приступ тошноты.

— Милорд! — наконец проговорил он прерывистым голосом. — Что они с вами сделали?

Андреас приходил пытаться его так часто, что Тавис уже потерял представление обо всем на свете. Он не знал, какой сегодня день и какие колокола он слышит (если колокольный звон вообще доходил до его сознания). Он даже перестал замечать восходы и заходы солнца и лун. Для него больше не существовало света и тьмы, дня и ночи. Оставались лишь боль и сон. Все прочее не имело значения.

Порезы, нанесенные герцогским мечом, покрывали грудь, спину, руки, ноги и лицо Тависа. Андреас подносил свой меч даже к паху мальчика, хотя пока не отрезал ему половые органы. Впрочем, это было еще впереди, о чем герцог не преминул сообщить узнику. К настоящему моменту это оставалось единственной частью его тела, которую герцог пока щадил. Прелат тоже приходил один или два раза, чтобы убедить Тависа признаться и раскаяться. Во время последнего посещения Баррет выразил Андреасу тревогу по поводу порезов на теле узника. Очевидно, многие раны кровоточили и гноились. Герцог прислушался к словам прелата и сменил меч на факел. Теперь на спине, руках и ногах Тависа появились ожоги. Почти все пальцы у него были сломаны.

Но он не признался. В какой-то момент — когда он стоял у каменной стены темницы, скуля от боли и умоляя Байана забрать его до следующего прихода Кентигерна, — Тавис вдруг осознал, насколько пустую жизнь он прожил. Он не успел отличиться в бою, он не успел стать королем или хотя бы герцогом, он никогда не любил. Ксавер был его единственным верным другом, но даже этой дружбе он едва не положил конец глупой пьяной выходкой. Когда он умрет, повешенный за убийство, которого не совершал, не останется ничего, на что его родители могли бы с гордостью указать и сказать: «Это сделал наш сын».

Но Тавис твердо решил (такая решимость удивила его самого и потрясла бы Явана) не делать ложного признания. Если он не может ничего прибавить к славе дома Кергов, он хотя бы не запятнает доброе имя своего рода — по крайней мере больше, чем уже запятнал. Конечно, это было ничтожно мало. Но ничего большего он уже не мог сделать.

Порой боль становилась такой нестерпимой, что Тавис чувствовал готовность сдаться. В любом случае почти никто не верил в его невиновность, а те, кто верил, чьим мнением он действительно дорожил, поняли бы, почему он признался. Его останавливала только гордость. Гордость Кергов. Одни называли ее проклятием дома Кергов. Другие утверждали, что именно она стала причиной многих междоусобных войн в Эйбитаре. Но в последние дни своей жизни, когда пламя факела обжигало его тело, Тавис обрел в ней спасение.

Услышав голоса в отдалении, мальчик поначалу испугался, что вернулся Андреас. Он медленно открыл глаза, ожидая увидеть рассеянный свет дня или огонь проклятых факелов. Но в камере по-прежнему царила непроглядная тьма, хотя звуки не прекращались. Голоса,

звон металла время от времени. Вероятно, это переговаривались стражники за тюремной дверью, но он еще никогда не слышал их так отчетливо. А возможно, он просто терял рассудок. Тавис знал, что такое случается с узниками, особенно с теми, кто подвергается пыткам.

Внезапно звон металла стал громче, словно раздавался в самой камере. Может быть, в темницу привели другого узника, пока он спал? Может быть, это новый сосед звенел цепями? Или это Андреас, искалечивший его тело, пытался теперь сокрушить его рассудок? Тавис хранил молчание, прислушиваясь к звону металла, который повторялся снова и снова. Звук доносился от окошка, понял вдруг он, почувствовав прилив надежды. Звон прекратился так же внезапно, как начался, и какой-то голос неразборчиво прокричал несколько слов. Тависа била крупная дрожь, сердце выпрыгивало у него из груди. Что-то происходило, к добру или нет, и он просто ждал.

Он услышал шорох скользившего по камню тела — звук снова донесся со стороны окошка, — а потом кто-то упал на пол камеры прямо перед ним.

— Ксавер? — спросил Тавис, еле шевеля запекшимися губами.

Ответа не последовало. Тависа вновь охватил страх.

— Отец? Это вы?

Еще один глухой удар приземлившегося тела. Сердце у него сжалось от ужаса.

Мгновение спустя маленький язычок пламени осветил темницу, и Тавис увидел двух мужчин-кирси. Появления Фотира он еще мог ожидать, но что делал здесь ярмарочный предсказатель? Он постарался сохранить самообладание, когда увидел, с каким ужасом первый советник смотрит на него, но при виде слез, покотившихся по щекам Фотира, не выдержал.

— Что, меня уже нельзя исцелить? — слабым, прерывистым голосом спросил он.

— Можно, — прошептал предсказатель, с опаской озираясь на дверь темницы. — Но для того чтобы залечить все ваши раны, потребуется много времени. Сейчас мы можем сделать только одно. — Он взглянул на Фотира. — Кандалы.

Советник кивнул и подошел к каменной стене.

— Вы помните меня? — спросил мужчина, когда первое железное кольцо раскололось пополам.

— Да, хотя я забыл ваше имя. И не понимаю, почему вы здесь.

— Меня зовут Гринса, и я здесь для того, чтобы вызволить вас из тюрьмы.

— Зачем? Ведь вы показали мне эту темницу в Киране. Разве мне не суждено умереть здесь?

Раскололось второе железное кольцо, потом третье. Дыхание Фотира стало тяжелым и прерывистым.

— Я показал вам ваше будущее, но не истинную вашу судьбу.

— Не понимаю.

— Я знаю. Я все объясню, но не сейчас.

Последнее железное кольцо со звоном упало на пол, и Фотир отступил на шаг от стены:

— Вы свободны, милорд. — Лицо советника блестело от пота. — Вы в состоянии идти?

До сих пор Тавис сидел, прижавшись спиной к каменной стене; двое мужчин подошли и помогли мальчику подняться. Он снова на миг бессильно привалился к стене, а потом выставил вперед правую ногу, намереваясь сделать шаг, но рухнул на пол под тяжестью собственного веса, вскрикнув от жгучей боли, которая пульсировала в каждой из нанесенных ему Андреасом ран.

Предсказатель тихо выругался, снова бросив опасливый взгляд на дверь.

— Мальчика надо исцелить прежде, чем мы его вытащим отсюда. — Он взял один из факелов, закрепленных на стене, и зажег его от пламени, которое по-прежнему горело у него на ладони. Потом Гринса отнес факел в дальний угол камеры, чтобы свет огня не привлек внимание дежуривших за дверью стражников, но все же довольно хорошо освещал помещение.

— Конечно, — сказал Фотир. — С чего мы начнем?

— Мне все равно, — сказал Тавис. — Просто сделайте что-нибудь. Пожалуйста.

Вернувшись к лежавшему на полу Тавису, Гринса опустился на колени и положил ладони на плечо мальчика.

— Я заживлю воспаленные раны, — сказал он. — Именно они ослабляют его. И попытаюсь исцелить сломанные пальцы. Все остальное подождет до того времени, когда мы окажемся в более безопасном месте.

Мужчина еще не закончил говорить, а Тавис уже почувствовал ток целительной силы, пролившейся, подобно прохладным водам горного потока, в глубокую рану на плече. Фотир тоже присел рядом и осторожно положил к себе на колени голову Тависа, глаза которого были закрыты.

По-видимому, молодой лорд заснул, ибо, когда он очнулся, предсказатель уже заживлял одну из ран у него на боку. Он по-прежнему чувствовал боль, но теперь вполне терпимую — совсем не похожую на недавние страшные муки.

Двое кирси тихо беседовали между собой, и Тавис не произнес ни звука, решив полежать с закрытыми глазами и послушать.

— ...вы единственный человек, кроме моей сестры, — приглушенным голосом говорил предсказатель. — И мы с ней сделали все возможное, чтобы скрыть наше родство.

— Меня удивляет, что вы сумели хранить тайну так долго, — сказал Фотир.

— Порой я сам удивляюсь. — Предсказатель немного помолчал, а потом продолжил: — Я должен спросить вас, не будет ли раскрыта моя тайна завтра же?

— Что вы имеете в виду?

— Вы кирси, служащий герцогу Кергскому, человеку, который скоро станет королем. Мы оба знаем, как живущие в Прибрежных Землях инди относятся к Избранным. Многие люди с вашим положением сочли бы своим долгом выдать меня.

Тавис не раз слышал рассказы об Избранных, но мало что помнил из них. Он знал, что Избранные возглавляли нашествие кирси в Прибрежные Земли почти девять веков назад и что почти все они были казнены по окончании войны. Он понимал также, что имел в виду предсказатель, говоря об отношении к Избранным, которое до сих пор сохранилось в Прибрежных Землях. Избранных боялись, порой даже ненавидели. Но мальчик толком не знал почему.

— Позвольте мне спросить вас, — сказал Фотир, уклоняясь от ответа на вопрос Гринсы. — Недавно вы упомянули о заговоре кирси. Вы говорили серьезно?

— Я просто сказал, что Андреас может заподозрить такой заговор, если нас поймают. Я пытался убедить молодого Маркуллета держаться от греха подальше.

— Я понимаю. Но ведь до вас, как и до меня, доходили слухи о подобном заговоре.

— Да, — ответил Гринса после непродолжительного молчания.

— Они правдивы?

И снова предсказатель на мгновение замялся:

— Думаю, да. За мной в Кентигерн последовал наемный убийца. У меня есть все основания полагать, что он действовал по приказу кирси, которые не хотели, чтобы я помог лорду Тавису.

— И где убийца сейчас? — В голосе Фотира послышались тревожные нотки.

— Он умер. Я убил его в Кентигернском лесу, хотя сначала он чуть было не убил меня.

— Да хранит нас всех Кирсар!

— Кергский прелат знает, что вы до сих пор взываете к кирсийскому богу?

Первый советник рассмеялся:

— Боюсь, подозревает. — Мгновение спустя он продолжил, снова серьезным голосом: — Как по-вашему, чего хотят эти кирси?

— Трудно сказать. Похоже, они хотят помешать Тавису взойти на престол. И отцу мальчика тоже. Но я понятия не имею почему. Какое отношение это имеет к вопросу, который я вам задал?

— Как сказать. Вы сами находите для себя возможным присоединиться к заговорщикам?

— Нет, — резко ответил предсказатель. — Они пытались убить меня.

— Это единственная причина?

— На самом деле, нет. Предубеждение кирси против инди стоило мне дороже, чем вы в силах представить себе. Поэтому я снова спрашиваю вас, какое отношение это имеет к тому обстоятельству, что я Избранный?

— Вероятно, почти никакого. Но мне кажется, что, если бы такой заговор существовал и я намеревался бы противостоять ему вместе с другими моими единомышленниками, я бы помог нашему делу, когда бы привлек на нашу сторону Избранного.

— Если заговор действительно существует, первый советник, и если вы исполнены решимости разрушить планы заговорщиков, клянусь вам, вы это сделаете.

Несколько минут двое мужчин молчали, хотя Тавис по-прежнему чувствовал, как целительная сила Гринсы заживляет его раны.

— Наверное, вам приходится трудно, — наконец сказал Фотир. — Вероятно, вы последний Избранный, оставшийся в Прибрежных Землях. Не представляю, как чувствует себя человек, который знает, что он единственный в своем роде, что он самый могущественный кирси по эту сторону Пограничной гряды.

— На самом деле вы скорее всего ошибаетесь. Я уверен, что нас несколько.

Даже с закрытыми глазами Тавис словно воочию увидел, как советник с сомнением качает головой.

— Возможно ли такое?

— Неужели вы думаете, что я единственный кирси, умеющий хранить свою тайну? — спросил Гринса. — Перед вторжением нашего народа в Прибрежные Земли в Южных Землях было много Избранных. По меньшей мере восьмеро возглавляли кирсийскую армию, и я сомневаюсь, что на север пришли все Избранные, оставив родину без защиты. В течение первого века, когда наши соплеменники обосновывались в королевствах Прибрежных Земель, инди поймали и казнили еще некоторое количество Избранных. Но редкостью они стали позже. Неужели вы полагаете, что мы выродились? Разве не логичнее предположить, что люди, от рождения наделенные великой силой, просто научились ее скрывать?

— Наверное, вы правы, — сказал Фотир. — А следовательно, есть и другие Избранные. Не уверен, что эта мысль меня радует.

— Она и не должна вас радовать.

Мужчины снова погрузились в молчание. Через несколько минут Гринса отнял ладони от бока Тависа и, поменяв позу, взял одну из искалеченных рук мальчика.

— Остались только руки, — сказал предсказатель. — Все прочие раны я исцелю, когда мы выберемся отсюда.

— Наверное, пора разбудить его?

— Он уже проснулся, довольно давно.

Тавис открыл глаза и залился краской:

— Откуда вы знаете?

— Ваше дыхание участилось и пульс тоже. Целитель обычно замечает такие вещи.

Фотир склонился над Тависом:

— Как вы себя чувствуете, милорд?

— Лучше. Благодарю вас.

— Я заживил лишь воспаленные раны, — сказал Гринса. — Возможно, вам стало лучше, но пока вы не в состоянии выдержать длинное путешествие, и вам потребуется еще несколько дней на лечение и отдых.

Он опустил руку Тависа на пол и взял другую. К своему великому облегчению, мальчик обнаружил, что снова может шевелить пальцами, хотя они сгибались с трудом и плохо слушались.

— Куда мы отвезем милорда?

Предсказатель посмотрел на Фотира и ухмыльнулся:

— Мы никуда не повезем его. Как только мы выберемся из темницы, вы вернетесь к своему герцогу. Вам лучше не знать, куда мы направимся.

Фотир, казалось, хотел запротестовать, но через несколько секунд молча кивнул.

Гринса снова перевел взгляд на Тависа и глубоко вздохнул.

— Вы слышали наш разговор, лорд Тавис.

— Да.

— Надеюсь, вы понимаете, что не должны никому рассказывать о нем.

— Да кто мне теперь поверит?

Он попытался улыбнуться, но предсказатель потряс головой:

— Это не шутки. На карту поставлена жизнь — моя, первого советника, людей, которые очень много для меня значат. Вы не должны никому рассказывать о том, что слышали сегодня ночью.

Желтые глаза кирси смотрели в упор, приковывая Тависа к месту, как недавно приковывали цепи.

— Даю слово, — наконец сказал он.

Предсказатель по-прежнему не спускал с него пристального взгляда.

Факел в углу камеры на мгновение ярко вспыхнул, потом зашипел и начал гаснуть.

— Пора идти, — сказал Фотир.

Наконец предсказатель отвел глаза в сторону. Он отпустил вторую руку Тависа.

— Да, пора, — согласился Гринса. — Помогите мне поднять его.

Они подхватили мальчика под руки с обеих сторон и осторожно поставили на ноги.

Гринса избавил Тависа от самых страшных страданий, но молодой лорд задохнулся от острой боли в еще не залеченных ранах, когда попытался сделать шаг. Он закусил губу, с трудом сдерживая крик. Мужчины почти волоком протащили мальчика через камеру и прислонили к стене под окошком. Каждое движение причиняло мучительную боль, но Тавис преисполнился решимости вытерпеть любые муки, когда почуял дуновение сладостного свежего воздуха, втекавшего в окошко. Он прополз бы через бушующий огонь, только бы выбраться из темницы.

— Это единственный путь отсюда, — сказал Гринса. — Мы поднимем вас в шахту, а потом один будет тянуть вас вверх, а второй подталкивать сзади. Будет больно.

— Я знаю, — сказал Тавис. — По мне, так лучше умереть, чем остаться здесь.

Предсказатель широко улыбнулся и повернулся к Фотиру:

— Вы ползете первым, а я посажу мальчика вслед за вами.

Положив ладонь на стену, Гринса с помощью своей магической силы вырезал в камне небольшое углубление — достаточно маленькое, чтобы остаться незамеченным, но глубокое настолько, чтобы послужить опорой для ноги. Пядью-двумя выше он сделал еще одно такое же.

Фотир уцепился пальцами за край верхней выемки, поставил носок сапога в нижнюю — и в считанные секунды забрался в шахту.

— Как только вы окажетесь в шахте, милорд, — сказал он, — хватайтесь за мои ноги.

— Вы готовы? — спросил предсказатель.

— Да.

Гринса поднял его легко, словно пушинку. Мальчик даже не предполагал, что кирси бывают такими сильными.

Тавис уцепился за край отверстия и попытался подтянуться, хрипло застонав от напряжения и боли, пронзившей руки, ноги и спину. Если бы не Гринса, он не сумел бы залезть в шахту. Так или иначе, он едва нашел в себе силы схватиться за ноги первого советника. Фотир сразу же пополз вперед, а Гринса продолжал подталкивать Тависа сзади.

Потянулись мучительно долгие секунды невыносимой пытки. Каждый раз, когда он обдирает о камень бок, спину или живот, мальчику казалось, будто меч Андреаса снова режет его тело. Боль от ожогов оглушала, словно вопли призраков. Он боялся потерять сознание;

его бы вырвало, если бы он не голодал уже много дней. Зажмурив глаза, Тавис отчаянно старался отталкиваться от стен шахты ногами, хотя каждое движение тоже причиняло ему нестерпимые страдания. Но по крайней мере, он старался помочь двум кирси. «Он не какой-нибудь беспомощный ребенок, он лорд Тавис Кергский», — цепляясь за эту мысль и за это имя, словно только они одни и могли удержать его на плаву в океане боли, мальчик с трудом продвигался вперед.

Все кончилось неожиданно. Еще секунду назад он полз по узкой каменной шахте, а в следующую секунду Фотир уже вытащил его на свежий ночной воздух и уложил на мягкую траву. Он лежал там, уткнувшись лицом в землю, жадно вдыхая божественный аромат травы и чувствуя, как постепенно утихает пульсирующая боль в теле. Мгновение спустя рядом с ним повалился запыхавшийся Гринса.

Фотир исчез, и Тавис поначалу решил, что он вернулся обратно к Явану и Ксаверу. Только когда советник снова выполз из шахты и принялся восстанавливать вторую металлическую решетку, закрывавшую окошко, Тавис понял, чем он занимался.

— Что теперь? — спросил Фотир.

Гринса сел.

— Нам с Тависом нужно выбраться из замка.

— А как же мой отец? — спросил мальчик, с трудом садясь тоже.

Гринса помотал головой:

— Вам нельзя увидеться с ним. Герцог Кентигернский наверняка начнет войну, если заподозрит, что ваш отец имеет отношение к вашему побегу.

Безусловно, кирси был прав. Тавис находился на свободе, но для всех здесь он оставался убийцей. Одному Ину было ведомо, как долго и как далеко придется ему скрываться, чтобы сохранить свободу. Внезапно Тавис задался вопросом, увидит ли он еще когда-нибудь своего отца.

— Как вы собираетесь покинуть замок? — спросил Фотир.

Предсказатель медленно поднялся на ноги.

— Еще не знаю.

— Может быть, через пролом в стене?

— Стены здесь толщиной в ваш рост, — сказал Гринса.

Советник ухмыльнулся:

— Башенные стены гораздо тоньше.

Предсказатель улыбнулся в ответ, и его глаза весело блеснули в свете восходящих лун.

— У вас хватит силы?

— В любое другое время не хватило бы, — ответил Фотир. — Но сегодня мне помогает Избранный.

ГЛАВА 17

Он услышал звон полночных колоколов, прокатившийся эхом над спящим городом, подобно погребальному звону, и поднес к губам кубок, чтобы опустошить его в очередной раз. Он был один — со дня смерти Бриенны он все вечера проводил в одиночестве. Шерик недавно удалился на покой, почтительно просидев с герцогом несколько часов подряд в ожидании, когда его отпустят. Иоанна пролежала в постели почти весь день; она поднималась лишь для того, чтобы посидеть за столом, уставившись неподвижным взглядом в тарелку с остывавшей едой, а потом, так и не притронувшись к пище, вновь возвратиться в спальню с закрытыми ставнями на окнах.

«Каждый из нас по-своему переживает горе, — подумал Андреас, вновь наполняя кубок вином. — Она спит, я пью. И я пытаю».

Он с самого начала сказал себе, что должен вырвать признание. Бриенна заслуживала этого. Андреас не мог даровать убийце счастье быстрой смерти, покуда тот не сознался в преступлении. Обычно он решительно возражал против пыток и, уж конечно, крайне редко

самолично шел на такие меры. Но в данных обстоятельствах у него не оставалось иного выбора. Тавис зверски убил его любимую дочь, которой Андреас дорожил больше, чем своим титулом, своим домом и всеми сокровищами Эйбистара. Он зарезал Бриенну, словно свинью, и оставил лежать там, полуобнаженную, в луже собственной крови. Каким отцом он показал бы себя, если бы не заставил убийцу своей дочери страдать тоже?

Ему нужно только признание, говорил себе герцог. То же самое он говорил прелату, Шерику и всем остальным, которые изъявляли готовность слушать. Но остановился бы он, предал бы преступника казни, если бы мальчишка признался в первый же день? Андреас хотел ответить «да» и хотел поверить в свою искренность, но в глубине души он все понимал. Как наверняка понимали Баррет и Шерик. Необходимость получить признание являлась лишь предлогом, и не более того. Каждый упорный отказ мальчишки сознаться в преступлении доставлял Андреасу наслаждение, ибо давал ему право резать мечом, жечь факелом тело убийцы, ломать пальцы обагренных кровью рук. Тавис был истинным сыном своего отца, и его упрямство оставалось для Андреаса последним источником радости, пусть и злобной.

Самому герцогу он искренне сочувствовал. Он знал, что значит потерять ребенка, и потому понимал настойчивые требования Явана увидеться с мальчиком и угрозы начать войну в случае отказа. Однако, подобно своему сыну, герцог Кергский не имел права отрицать очевидное. Возможно, лгал только сын, но, соглашаясь с ложью, отец тоже становился лжецом.

Андреас встал, в очередной раз осушил кубок и резко поставил его на стол. Потом он принялся ходить взад-вперед большими шагами, сгибая и разгибая руки, словно солдат, соскучившийся по битве. Одна мысль о Бриенне, Тависе и Яване возбудила в нем смутное беспокойство и жажду крови.

Он оказался в коридоре еще прежде, чем додумал свою мысль до конца. Все остальные уже спали — Иоанна, Шерик, даже Баррет. Но стражники, безусловно, бодрствовали, и Андреас нисколько не боялся потревожить сон мальчишки.

Двое стражников стояли во внутреннем дворе, перед входом в тюремную башню. Вообще-то им полагалось находиться внутри, непосредственно перед дверью темницы. Андреас знал это — и они тоже, судя по испуганному выражению, которое появилось на лицах обоих при виде него. Однако герцог не мог винить их. Даже при закрытой двери тяжелый тюремный смрад проникал сквозь маленькое смотровое окошко и распространялся по всей башне. На месте стражников он бы тоже предпочел стоять снаружи.

— Откройте дверь и принесите мне два факела, — приказал Андреас, не потрудившись сделать замечания по поводу местонахождения стражников.

Они оба бросились выполнять приказ, но один успел спохватиться и выпалить на бегу: «Да, милорд».

Когда тяжелая дверь темницы отворилась, Андреас начал спускаться по ступенькам, держа в руках два факела. От выпитого вина герцога клонило в сон, но он держался. Он всегда умел держаться.

— Просыпайся, Тавис! — крикнул он. — Нам пора приступить к следующему...

Андреас застыл на месте, занеся ногу над ступенькой, не в силах поверить своим глазам. Спускаясь в темницу последние несколько раз, он уже был готов увидеть мертвого Тависа. Он орудовал мечом и факелами немилосердно, а Тавис был всего лишь незрелым юнцом, несмотря на всю свою порочность. Но Андреас даже не предполагал, что Тавис может просто исчезнуть. Еще никто никогда не убегал из темницы Кентигернского замка. Однако сейчас герцог видел одни только цепи, свисавшие с запятнанной кровью каменной стены.

Герцог воткнул один из факелов в железное кольцо на стене, потом вытащил из ножен свой меч и начал осторожно спускаться дальше по ступеням.

— Стража! — крикнул он. — Быстро сюда! И принесите еще факелов!

Сердце у Андреаса буквально выпрыгивало из груди, и сжимавшая меч рука сильно

дрожала. Ну где же эти проклятые стражники?

— Пошевеливайтесь! — прорычал он.

Один из мужчин сбежал по ступеням, уже держа наготове свой меч.

— В чем дело, милорд?

— Где второй стражник?

— Пошел за факелами, милорд.

Герцог кивнул и тяжело сглотнул. Конечно, на это потребуется время.

— Где мальчишка? — спросил он.

Даже в полумраке он увидел, как побледнел мужчина, бросив взгляд на стену, у которой много дней стоял Тавис.

— Я... я не знаю, милорд!

Андреас указал мечом в дальний угол помещения.

— Камера смертников, — прошептал он. — Проверь там. Мужчина кивнул, но замер в нерешительности. Андреас отдал ему свой второй факел.

Стражник медленно прошел вперед, опустился на колени, просунул факел в узкое отверстие, ведущее в соседнюю крохотную камеру, и осмотрел помещение. Минуту спустя он выпрямился и, обернувшись к герцогу, отрицательно покачал головой. Казалось, он стискивал зубы, борясь с приступом тошноты. Через несколько секунд мужчина обрел дар речи:

— Там его нет, милорд. Там только разбойник, которого мы давеча посадили в тюрьму. И он... — Стражник снова стиснул зубы и потряс головой.

— Кто-нибудь заходил в камеру сегодня?

— Нет! — воскликнул стражник, испуганно вытаращив глаза. — Клянусь вам!

Андреас посмотрел на него волком:

— Кто-нибудь мог войти сюда, пока вы торчали снаружи?

— Он все время находился при мне. — Стражник показал железный ключ. — Никто не мог войти в темницу или выйти оттуда без моей помощи.

— Очевидно, кто-то смог. — Герцог подошел к стене и наклонился. Кандалы лежали на полу, расколотые пополам.

Второй стражник торопливо сбежал по ступенькам с двумя факелами в руках. Увидев, что узник исчез, он резко остановился и посмотрел на своего товарища. «А где?..» Он осекся и бросил взгляд на Андреаса, с видом еще более испуганным, чем прежде.

Андреас выхватил у него один из факелов и принялся осматривать камеру. Он толком не знал, чего ищет, но должен был хоть чем-нибудь заняться, чтобы не проткнуть мечом обоих мужчин.

Кроме расколотых кандалов, он не увидел на полу ничего необычного. Окошко под потолком по-прежнему прикрывала железная решетка, а в камеру смертников Андреас соваться не собирался, хотя и сомневался, что эти болваны способны справиться даже с таким простым делом, как осмотр помещения. Со своего места он чувствовал смрад, исходивший от разлагавшегося трупа. По всей видимости, Тавис поднялся по лестнице и вышел через дверь. Другого пути отсюда не было. Следовательно, мальчишке кто-то помогал. Но явно не эти двое. Ни один из них не был достаточно умен, чтобы оказаться полезным в подобном деле. В силу своей глупости они представляли для врагов больше ценности в нынешнем своем качестве, нежели в качестве сообщников.

Грязно выругавшись, Андреас резко повернулся к мужчинам:

— Поднимите тревогу!

Один из них двинулся к двери, но герцог поднял меч, останавливая его:

— Впрочем, не надо. — Он направился к лестнице. — Я сам сделаю это. Вы двое можете остаться здесь.

— Но милорд!..

Он даже не замедлил шаг:

— Скажите спасибо, что я не убил вас на месте.

Поднявшись по ступенькам, Андреас с грохотом захлопнул за собой дверь темницы и с криком ворвался в караульную. Возможно, Тавис еще не выбрался из замка. А если все-таки выбрался, наверняка еще оставался в городе. Впрочем, это не имело значения. При необходимости он разыщет мальчишку даже в Уулране. Андреас поклялся всем богам, что убийца его дочери не уйдет от заслуженного наказания.

Фотиру удалось избежать встречи с кентигернскими стражниками на обратном пути в свою комнату. Он думал, что Ксавер снова заснул, но ошибался.

— Он свободен? — спросил мальчик, едва советник открыл дверь.

Фотир прижал палец к губам, призывая Ксавера к молчанию. Он тихо притворил за собой дверь и только потом прошептал:

— Да. Он свободен.

— С ним все в порядке?

Кирси начал раздеваться.

— Ложитесь, и я вам все расскажу.

Ксавер быстро вернулся к кровати и лег.

— Лорд Тавис нуждался в исцелении. Его пытали, как мы и предполагали.

— Но сейчас ему лучше?

— Когда я уходил, он уже мог двигаться. Но Тавису потребуется еще несколько дней на лечение, и даже после этого не все раны заживут полностью. Многие шрамы останутся у него до конца жизни.

— Надеюсь, все они сгниют в Подземном Царстве! — сказал мальчик. — Андреас, стражники, все они.

Фотир кивнул и лег в свою постель.

— Должен признать, я разделяю ваши чувства.

После непродолжительного молчания Ксавер спросил:

— Где Тавис сейчас?

— С Гринсой. Они выбрались из замка, но предсказатель не сказал мне, куда они направляются. Он посчитал, что мне лучше не знать.

— Вы ему доверяете?

«Я готов поручиться за него своей жизнью, — хотел сказать советник. — И жизнью всех близких мне людей». Но как бы он объяснил подобное заявление? Даже если бы он попытался, даже если бы сказал Ксаверу, что Гринса является Избранным и что, открыв свою тайну, он представил Фотиру все необходимые доказательства своих добрых намерений, мальчик не понял бы его. Ксавер был верным другом своего господина, не по летам смелым и умным мальчиком, но он был инди. Возможно, он даже не знал, что значит быть Избранным, но, даже если случайно и знал, он посчитал бы Гринсу опасным человеком, которого следует казнить и которому нельзя доверять жизнь молодого лорда. Фотир и мальчика связывала общая верность дому Кергов, и кирси видел в Ксавере черты, которыми сам отличался в молодости. Но в данном случае все, что связывало их двоих, не могло примирить глубокие разногласия, существовавшие между инди и кирси.

— Да, — сказал он, понимая, что не вправе дать такого обстоятельного ответа, какого требовал вопрос. — Я ему доверяю.

— Когда мы присоединимся к ним?

— Не знаю.

Ксавер приподнялся на локте:

— Вы с Тависом ни о чем не условились?

— Ксавер, герцог Кентигернский по-прежнему считает Тависа убийцей. После побега Тависа он не переменит своего мнения. Скорее наоборот — окончательно убедится в виновности молодого лорда. Но в данных обстоятельствах у нас не оставалось иного выхода.

— О чем вы говорите?

— Вероятно, Тавису придется покинуть королевство. Если он останется здесь, его

могут выследить и убить или, в лучшем случае, снова посадить в тюрьму. — Фотир заколебался. Он должен был сказать это, хотя понимал, что это причинит боль мальчику, а герцогу и герцогине тем более. — Возможно, мы больше никогда не увидим Тависа. Нам просто нужно утешаться мыслью, что он находится в безопасности, даже если мы не можем быть рядом с ним.

С минуту Ксавер пристально смотрел на советника, который не мог разглядеть в темноте выражения его лица. Потом он откинулся на спину и уставился в потолок. Довольно долго оба лежали, не произнося ни слова, и Фотир уже подумал, что мальчик заснул.

— Дружить с ним было непросто, — внезапно сказал мальчик, так тихо, что советник с трудом разобрал слова. — Зачастую он вел себя эгоистично, а порой даже жестоко. Но он был моим единственным другом. — Ксавер умолк, но лишь на мгновение. — Он никогда не хотел обидеть меня. Теперь я понимаю. Просто мне жаль, что я никогда не говорил ему об этом.

«Он не заслуживает вашего сожаления. Даже после всего, что ему довелось пережить». Однако Фотир не смог заставить себя произнести эти слова вслух — ибо совсем недавно он рисковал своей жизнью ради спасения молодого лорда; ибо он уже давно поклялся в верности его отцу, который, несмотря на свою смелость и мудрость, мог быть черствым и холодным. Какими же качествами Керги внушали столь преданную любовь своим подданным? Безусловно, не обаянием и не сердечностью.

— Уверен, он знает это, — сказал наконец Фотир. — Когда мы проникли в темницу и он еще не разглядел нас, первым он произнес ваше имя.

Он собирался добавить еще что-то, но еще не успел раскрыть рот, когда во внутреннем дворе послышался крик.

Мгновение спустя замок ожил: зазвучали возбужденные голоса, зазвенели колокола, свет факелов озарил стену крепости, и на стенах спальни заплясали тени.

Фотир с Ксавером выскочили из постелей и подбежали к окну. Во дворе внизу собирались стражники, посреди толпы стоял Андреас, который отрывисто выкрикивал приказы и неистово размахивал руками, указывая на крепостные башни и ворота.

— Не может быть, чтобы они уже все узнали. — У советника мучительно заныло под ложечкой.

— Что узнали? — спросил Ксавер. — Вы о Тависе? Они уже обнаружили, что он бежал?

— Похоже на то.

— Но как?

— Не имеет значения. Отойдите от окна. — Фотир запрыгнул обратно в постель и знаком приказал мальчику сделать то же самое.

Ксавер отступил от окна и повернулся, глядя на кресла круглыми, полными страха глазами, словно испуганный ребенок.

— Герцог не должен ничего знать о том, что случилось сегодня ночью, — сказал Фотир, еще раз указывая мальчику на постель.

Ксавер послушно лег.

— Вы имеете в виду нашего герцога?

— Да. Скоро мы все расскажем Явану; он захочет удостовериться, что лорд Тавис находится в безопасности. Но пока не говорите ни слова, даже когда мы трое окажемся наедине. Если у Андреаса появятся основания считать, что герцог знает о побеге, — войны не миновать.

— Но разве Андреас не заподозрит герцога в любом случае?

— Разумеется, заподозрит. Но с этим пусть разбирается сам Яван. Покуда он ничего не знает о побеге, он в силах отклонить все обвинения Андреаса.

— Хорошо.

Фотир услышал в коридоре шаги и звон извлекаемых из ножен мечей.

— Держитесь мужественно, господин Маркуллет, — сказал он. — Помните, кто вы

такой и чему вас учил отец.

В дверь яростно заколотили.

— Откройте сейчас же! — крикнул голос. — Или именем нашего герцога мы сломаем дверь!

Фотир встал с постели и открыл дверь. В коридоре толпилась по меньшей мере дюжина стражников — все с обнаженными мечами, некоторые с факелами.

— Вы двое пойдете с нами, — сказал один из них.

— Конечно, — произнес Фотир. — Вы позволите нам одеться?

Мужчина кивнул. Фотир и Ксавер торопливо натянули на себя платье и вышли в коридор. Явана стражники взяли тоже. Герцог еще не успел толком проснуться, плохо соображал и одевался явно в спешке.

Однако, прежде чем стражники успели тронуться с места, из-за дальнего угла коридора появились Андреас и Шерик; кентигернский советник едва поспевал за своим гоподином.

— А, замечательно, — сказал герцог Кентигернский, увидев Явана и прочих. — Я боялся, что вы трое тоже сбежали.

Яван выпрямился, словно очнувшись наконец от сна:

— Как понимать ваши слова, Андреас?

Кентигерн потряс головой.

— Я так и знал, — пробормотал он, а потом обратился к начальнику стражи: — Докладывайте.

— Герцог спал, милорд. По крайней мере так мне показалось. — Он указал рукой на Фотира и Ксавера. — Эти двое бодрствовали.

— Мы оба спим очень чутко, — спокойно пояснил Фотир. — Услышав шум во дворе, мы решили, что замок подвергся нападению.

Тучный герцог злобно оскалился:

— Ну конечно.

— Я требую объяснений. — Яван говорил тоном капризного ребенка, как показалось Фотиру.

Стражник, несколькими минутами раньше вошедший в спальню Фотира и Ксавера, вышел в коридор и помотал головой. Через несколько секунд другой мужчина вышел из покоев Явана и сделал то же самое.

— Ничего, милорд, — сказал последний.

— Отлично, Яван. — Андреас снова перевел взгляд на герцога Кергского. — Если тебе очень хочется играть в эту игру, я не возражаю. Твой сын сбежал из тюрьмы. Мы не знаем, как он выбрался из темницы и где находится сейчас. Но мы обыскиваем замок и весь город, и уже сейчас мои солдаты прочесывают окрестности. Мы найдем мальчишку. Поэтому, если ты не хочешь, чтобы твоего сына загнали, как дикого зверя, или убили стрелой из лука, или приволокли обратно в замок, привязанного к лошади, тебе лучше сказать нам, где он.

При этом известии герцог побледнел (несомненно, Андреас тоже это увидел) и прижал дрожащие пальцы к губам.

— Тавис бежал? — прерывистым голосом спросил он. — Хвала Ину! Когда?

Андреас отмел вопрос раздраженным взмахом руки и повернулся к Фотиру. Но кирси видел, что реакция Явана обескуражила герцога Кентигернского.

— Ну а ты? — сурово осведомился он. — Что тебе известно об этом?

Советник пожал плечами, сам удивляясь своему спокойствию:

— Ничего, милорд. Как я сказал вам...

— Да, да. Ты решил, что замок подвергся нападению. Несомненно, вы спешили к нам на помощь, когда мои люди открыли вашу дверь.

— Честно говоря, нет, — сказал Фотир. — Мы собирались удостовериться в безопасности нашего герцога, как подобает преданным слугам.

— Милорд, милорд! — раздался в отдалении взволнованный голос, прежде чем Андреас успел ответить. Мгновение спустя еще два стражника вбежали в коридор, едва не

столкнувшись с другими солдатами герцога. — Милорд! — повторил один из них.

Андреас стремительно шагнул к ним, оттолкнув в сторону двух своих людей.

— Да, в чем дело? Вы нашли мальчишку?

— Нет, милорд. Тут другое. Пролом в стене северной башни.

— Пролом? В каменной стене?

— Да, милорд.

Андреас резко повернулся к Фотиру, торжествующе улыбаясь:

— Я знал, что дело не обошлось без магии кирси! Как иначе он мог расколоть кандалы? Как иначе он мог выбраться из темницы незамеченным? Как иначе он мог ходить после всего?.. — Он на миг запнулся, но сразу же закончил: — После всего того времени, которое провел в цепях?

Тут Фотир едва не сорвался. Он почувствовал столь острое желание сейчас же рассказать Явану, Ксаверу, стражникам герцога о пытках, которым Кентигерн подвергал лорда Тависа, что едва не воспользовался оговоркой Андреаса. Но таким образом он выдал бы свою причастность к побегу.

— Я не понимаю вас, милорд, — вместо этого промолвил советник. — Вы обвиняете меня в том, что я помог лорду Тавису бежать?

— А кого еще мне обвинять? — Андреас махнул рукой в сторону своего первого советника. — Шерика?

Фотир позволил себе улыбнуться:

— И вы верите, что я сделал пролом в крепостной стене с помощью своей магической силы?

— А вы хотите, чтобы я поверил, будто вы сделали это голыми руками?

Кирси рассмеялся:

— И то и другое одинаково невозможно, милорд. Даже если бы у меня хватило силы сделать такое, едва ли я был бы в состоянии разговаривать с вами сейчас и тем более твердо держаться на ногах.

Андреас смотрел на него с сомнением.

— Вы можете не верить мне, милорд, — сказал Фотир. — Спросите своего первого советника.

Герцог повернулся и вопросительно взглянул на Шерика.

Шерик смущенно кашлянул:

— Боюсь, он прав, милорд. Сам я не владею магией воздействия на формы, но многие мои знакомые владеют. Насколько я понимаю, если бы советник сделал то, в чем вы его обвиняете, он бы еще много часов лежал пластом.

— Возможно, вам кто-то помогал, — сказал Андреас.

Прежде чем Фотир успел ответить, Яван сдавленно хохотнул, тряся головой:

— Вы похожи на анейранского служителя закона, Андреас; вы готовы вопреки всем фактам обвинить в любом преступлении первого попавшегося человека. Даже самые правдоподобные объяснения не имеют для вас значения. Вы вбили себе в голову, что Тавис виновен, несмотря на пятно крови, обнаруженное на ставне у него в комнате. А теперь вы столь же упорно обвиняете Фотира, не желая прислушаться к словам вашего первого советника.

Лицо герцога налилось кровью, и Фотир испугался, что Яван зашел слишком далеко. Сравнивать жителя Кентигерна с анейранцем вообще было опасно, но в данных обстоятельствах, когда Бриенна умерла, а Тавис сбежал из тюрьмы, подобное сравнение граничило с изощренной жестокостью.

— Твой сын сбежал из моей тюрьмы, — сказал Андреас, чеканя слова. — Кого еще мне винить, если не одного из твоих приближенных?

Герцог Кергский невозмутимо пожал плечами:

— Не знаю. Не стану лгать вам и говорить, что я сожалею о случившемся. Надеюсь, мой сын находится уже во многих лигах от вашего замка. Я даже не расстроюсь, если узнаю,

что он скрывается в Анейре, — только бы он оставался подальше от вас и вашей темницы. Однако, как доложили вам стражники, Тависа нет ни в комнате Фотира, ни в моей. Посему ваши попытки обвинить одного из нас в причастности к побегу представляются мне довольно глупыми. — Он повернулся к своей двери. — Я ложусь спать. Надеюсь, ваши поиски Тависа окажутся такими же бесплодными, как и ваши старания удержать его взаперти.

— Постой, Яван! — Голос Кентигерна раскатился гулким эхом по узкому каменному коридору.

Герцог повернулся и в упор посмотрел на Андреаса:

— Что еще? Вы хотите обыскать мою комнату во второй раз? Может быть, вы думаете, что это я проделал дыру в вашей крепостной стене своим мечом, и теперь хотите проверить, не зазубрилось ли лезвие?

Андреас рассвирепел.

— Не вижу повода для шуток! — прорычал он. — Убийца моей дочери сбежал из тюрьмы, и куда его не найдут, я намерен удерживать тебя и всех твоих друзей здесь. — Он взглянул на начальника стражи. — Взять их! Не спускать с них глаз. Ты понял?

Мужчина кивнул:

— Прикажете посадить их в темницу?

Герцог заколебался и метнул взгляд на первого советника. Шерик на мгновение встретился с ним глазами и быстро помотал головой.

— Нет, не в темницу, — сказал Андреас, тоже покачав головой. — В тюремную башню. Обеспечьте их всем необходимым, следите за тем, чтобы они были сыты и находились в сносных условиях. Но они не должны выходить из башни.

— Вы посадите в тюрьму своего будущего короля?

— У меня нет выбора.

— Даже если это приведет к войне?

— Разве ты не поступил бы так же ради спасения своего сына?

Яван не ответил, но Андреас прочитал ответ на его лице, ибо мгновение спустя он мрачно усмехнулся:

— Конечно поступил бы. Можешь ли ты ожидать от меня другого, когда я стремлюсь наказать по справедливости убийцу моей дочери?

Яван по-прежнему хранил молчание. О чем еще было говорить? Два герцога просто пристально смотрели друг на друга, словно готовясь скрестить мечи в схватке, которая решила бы судьбу всего королевства. Наконец Андреас отвел глаза, но только для того, чтобы коротко кивнуть начальнику своей стражи.

Мгновение спустя капитан отдал отрывистый приказ своим солдатам, и они повели Явана, Ксавера и Фотира в тюремную башню Кентигернского замка.

После почти двухнедельного заточения в темнице Тавис был слишком слаб, чтобы идти самостоятельно. А Гринса, который сегодня ночью потратил уйму сил, воздействуя на сознание стражников, помогая Фотиру разрушать железную решетку и исцеляя раны молодого лорда, не мог тащить мальчика на себе. В любое другое время и в любом ином месте предсказатель нашел бы такую ситуацию забавной. Но сейчас, когда он с трудом спускался по склону Кентигернского холма в тени огромной крепости Андреаса, частично поддерживая, частично волоча на своем плече лорда Тависа, кирси было не до смеха.

Мальчик не произнес ни слова, с тех пор как они выбрались из замка, хотя несколько раз вскрикнул от боли, а теперь с присвистом втягивал воздух сквозь зубы почти при каждом шаге.

— Вам нужно передохнуть? — спросил Гринса. Он не хотел останавливаться. Они преодолели только половину спуска. Гринса еще даже не видел впереди свою лошадь. Но он не хотел, чтобы мальчик умер.

— Я в порядке, — с трудом проговорил Тавис. — Не останавливайся.

Предсказатель видел, что он лжет; просто Тавис боялся снова оказаться в темнице, и этот страх был сильнее любой боли. Но Гринса поймал мальчика на слове и продолжил путь вниз.

— Я оставил лошадь у подножия холма, — сказал он. — Недалеко отсюда.

— Ездок из меня сейчас такой же неважный, как и ходок, предсказатель. Тебе придется перекинуть меня через спину лошади, как труп.

— Если вы будете лежать спокойно, возможно, нам удастся проскочить мимо одного-двух стражников.

Несмотря ни на что, мальчик рассмеялся. Похоже, он был не просто избалованным ребенком, которого Гринса видел во время Посвящения.

— Куда мы поедем? — спросил он минуту спустя.

Гринса уже открыл рот, чтобы ответить, но тут же прикусил язык. Мальчику, и без того напуганному донельзя, не стоило знать этого.

— В одно безопасное место, — наконец ответил он. — Больше я ничего не могу вам пока сказать.

Кирси ожидал возражений, но Тавис просто кивнул, тихо охнув от боли при очередном неловком шаге. Луны заволокло плотными облаками, и, хотя при их свете было бы легче пробираться между кустами и нагромождениями валунов, Гринса обрадовался, когда он померк. Яркое сияние Паньи сегодня было на руку противнику.

Луны вышли из-за туч, когда они достигли подножия холма и спуск стал пологим. Свет Паньи снова пролился на город, озарив луг, на котором Гринса оставил свою лошадь.

— Сюда, — сказал кирси, ведя мальчика к лошади. Однако они еще не успели дойти до загона, как предсказатель услышал крики, донесшиеся со стороны замка.

Он резко повернулся, едва не сбив Тависа с ног.

— Уже?

— В чем дело? — спросил Тавис.

— Боюсь, они обнаружили ваше исчезновение.

— Наверное, боги не с нами.

— Чепуха! — Гринса торопливо подвел Тависа к лошади и посадил в седло.

Потом он сам вскочил на лошадь, прямо позади молодого лорда, чтобы не дать тому упасть. Крики в замке стали громче. На крепостных башнях, обращенных к городу, зажглись яркие факелы, а через несколько секунд такие же факелы запылали над городскими воротами. Если бы Гринса рассчитывал покинуть город, все пропало бы. Но он собирался укрыться в другом месте, много более близком, но равно безопасном.

Кирси ударил лошадь пятками по бокам, и Тавис еще раз тихо вскрикнул от боли, когда она рванулась вперед.

Он нуждался в лечении и в спокойном продолжительном сне. Гринса тоже нуждался в отдыхе, но сначала им предстояло добраться до дальней окраины города.

Улица, тянувшаяся вдоль луга, соединяла шедшую к замку дорогу с городскими воротами, расположенными ближе всего к Тарбину, и теперь наверняка кишела стражниками. Предсказатель свернул в тесный дворик между двумя маленькими лавками; они выехали на другой луг, пересекли его и оказались еще на одной узкой улочке. Гринса придержал лошадь и быстро осмотрелся по сторонам, пытаясь сориентироваться.

— Мы уже приехали? — сонным голосом спросил Тавис.

— Почти, — шепотом ответил предсказатель.

Они снова двинулись вперед, свернули на следующую улицу, изгибавшуюся широкой дугой, и вскоре достигли храма Байана.

Гринса снова остановил лошадь, спешил и подошел к ближайшим воротам.

На стук из маленькой караульни вышел дородный мужчина и холодно уставился на кирси, предварительно бросив быстрый взгляд на Тависа, по-прежнему сидевшего в седле. У него было чисто выбритое лицо и длинные седые волосы, гладко зачесанные назад и схваченные в хвостик на затылке. Он был в простом сером балахоне, подвязанном на поясе

веревкой. Похоже, он не имел при себе оружия; служители древних богов обычно ходили без одного.

— Доброй ночи, брат, — сказал кирси. — Мы с мальчиком утомились после долгой дороги и ищем отдыха в вашем храме.

Крики стражников теперь разносились по всему городу, от замка и от городских ворот летел звон тревожных колоколов. Гринса старался выдержать пристальный взгляд мужчины, но невольно оглянулся через плечо, когда крики раздались ближе.

— Настоятельница желает знать обо всех, кто ищет убежища в нашем храме, — скрипучим голосом сказал священнослужитель, сохраняя совершенно бесстрастное выражение лица. «Убежища, не отдыха». Он все прекрасно понял. — Как ей доложить о вас?

— Настоятельницей здесь по-прежнему служит Мериел? Глаза у мужчины удивленно округлились, но лишь на мгновение.

— Да.

— Тогда скажите ей, что Гринса джал Арриет просит ее о помощи.

— А он? — спросил мужчина, указывая на Тависа.

— Он — друг. — Гринса стойчески выдержал немигающий взгляд собеседника. — Он нуждается в лечении и отдыхе.

Мужчина слегка нахмурился, но через секунду кивнул:

— Хорошо. Я скоро вернусь.

— Благодарю вас, — сказал предсказатель, когда священнослужитель направился к центральному зданию храма. Он снова оглянулся. В отдалении мерцали факелы. — Поторопись, брат, — пробормотал он.

Гринса неспешно подвел лошадь к воротам, краем глаза следя за приближавшимися огнями факелов.

— Где мы? — спросил Тавис, настороженно рассматривая ворота и здания за ними.

— В храме, — сказал Гринса. — Я знаю здешнюю настоятельницу. Думаю, она поможет нам.

— Мы все еще в Кентигерне?

— Да, — ответил кирси, надеясь, что мальчик слишком устал, чтобы сообразить, где именно он находится.

Тавис кивнул, но больше не произнес ни слова, и Гринса издал тихий вздох облегчения.

Через несколько минут дородный мужчина вернулся, отпер ворота и знаком велел проследовать внутрь.

— Настоятельница ждет вас в святилище, — сказал он. — Я отведу вашу лошадь в конюшню.

— Спасибо, брат. — Гринса помог Тавису спешиться и повел мальчика к святилищу.

Подобно храмам других богов, храм Байана отличался простотой, граничившей с примитивностью. Никак не украшенное снаружи — если не считать тонкого шпиля, поднимавшегося над остальными зданиями храма, — внутри святилище представляло собой небольшой зал, где стояли в несколько рядов темные деревянные скамьи и каменный алтарь, на котором находились чаша и нож, тоже выточенные из камня. По обеим сторонам алтаря горели тонкие свечи, закрепленные на простых деревянных подставках, облепленных застывшим воском. За алтарем вздымалось огромное витражное стекло, являвшее собой разительный контраст суровой обстановке святилища. В одном углу витража, раздирая в беззвучных воплях рты, корчились обреченные, объятые желто-оранжевым пламенем и терзаемые черными демонами. В другом углу благословенные гуляли в прекрасном саду, полном красных, синих, лиловых и золотых цветов. В центре, возвышаясь над всеми обитателями Подземного Царства, стоял сам Лукавец, облаченный в блестящее, переливавшееся всеми цветами радуги одеяние; он простирал руки в стороны, словно посылая вниз и огонь, и яркий серебристый свет, заливавший сад. Его лицо имело странное выражение, которое постоянно менялось в неверном свете свечей. Оно выражало гнев, даже злобу, но Гринсе показалось, что он прочел в нем также и сострадание.

Он еще раз искоса взглянул на мальчика, но Тавис уже спал на ходу. Скоро молодой лорд поймет, где он находится, но сейчас он слишком устал и истерзан болью, чтобы смотреть по сторонам.

— Желает ли ты принести в жертву свою кровь? — раздалось позади него.

Гринса обернулся, сразу узнав голос.

— С удовольствием, мать настоятельница, — сказал он, — если такова цена нашей безопасности.

Мериел прошествовала к алтарю. Она была высокого роста и держалась прямо, хотя время уже избородило морщинами ее лицо и посеребрило рыжие волосы.

— Ты находишься в храме. Здесь не взимается плата за безопасность. — Приблизившись к алтарю, она повернулась и в упор посмотрела на Гринсу. — Я просто спросила, желаешь ли ты принести свою кровь в жертву богу.

После минутного колебания кирси кивнул:

— Думаю, мне стоит сделать это. — Его голос упал до шепота. — Прошлой ночью я отправил человека в Подземное Царство.

Красивое лицо настоятельница не поменяло выражения, и она продолжала пристально смотреть на него своими темными глазами.

— Тогда не медли. Нож и чаша ждут.

Гринса усадил Тависа на деревянную скамью, а затем подступил к алтарю. Он вытянул вперед руку ладонью вверх. Настоятельница поставила под нее чашу и подняла каменный нож, молочно-белое лезвие которого сверкнуло в свете свечей.

— Услышь меня, Байан! — закрыв глаза, произнесла Мериел голосом звонким, как замковые колокола. — Этот человек приносит тебе в жертву свою кровь во искупление крови, которую он пролил. Будь милостив к нему и прими от него сей дар. Прими в свое Царство душу умершего. — Она на миг замолчала и взглянула на Гринсу. — Ты знаешь имя человека, убитого тобой?

— Он назвался Хоноком. Он был наемным убийцей, посланным убить меня.

У настоятельница удивленно округлились глаза, но лишь на мгновение.

— И ты приносишь в жертву кровь за него?

Кирси пожал плечами:

— Я убил его.

Помедлив секунду, Мериел кивнула, потом снова закрыла глаза и подняла нож.

— Прими в свое Царство душу умершего, — повторила она. — Суди его по своему усмотрению. И запомни Гринсу джал Арриета, который отдает тебе свою кровь. Вспомни об этом даре, когда настанет срок.

Она полоснула лезвием по руке кирси, и темная кровь хлынула из раны в подставленную чашу. Хотя Гринса уже не первый раз совершал подобное жертвоприношение, он приготовился к боли. Лезвие каменного ножа казалось неровным и зазубренным, однако оно было так остро заточено, что он почти ничего не почувствовал.

Через несколько минут кровотечение утихло, и Мериел перевязала руку кирси бинтом. Конечно, Гринса мог бы исцелить себя, но он предоставил времени залечить эту рану.

Настоятельница подняла чашу и осторожно поворачивала ее в воздухе, чтобы кровь покрыла всю внутреннюю поверхность сосуда. Потом она поставила чашу на середину алтаря.

— Твой спутник тоже принесет в жертву свою кровь? — спросила она, снова поворачиваясь к Гринсе.

По тону, которым Мериел задала вопрос, Гринса понял, что она знает, кто такой этот мальчик и в чем его обвиняют.

— Он и так обескровлен, — сказал Гринса как можно выразительнее. — И из него уже выпустили больше крови, чем следовало.

— Я служительница бога, — сказала Мериел, — и все мои герцоги уже давно обратились к монастырям. Но я все равно остаюсь жительницей Кентигерна. Мне

недостаточно слова одного человека, чтобы поверить в его невиновность. Даже если этот человек ты.

— Я понимаю, мать настоятельница. Вы предоставите нам убежище?

— Могу ли я поступить иначе? Все остальные члены моей семьи не одобряли выбор Фебы, но я видела, какими глазами она смотрела на тебя.

Старое горе всколыхнулось в душе Гринсы — такой острой душевной муки он не испытывал уже много лет. Возможно, дело было в том, что он снова увидел Мериел, а возможно, ко всему прочему добавлялась боль свежих воспоминаний о предательстве Кресенны.

— Ее мать тоже видела. — Он не мог скрыть своего ожесточения. — Похоже, для нее это ничего не значило.

— Моя сестра была ограниченной и эгоистичной женщиной. Мнением окружающих она дорожила больше, чем счастьем дочери.

Гринса кивнул и промолчал, опасаясь сказать что-нибудь лишнее.

Послышались шаги, отдававшиеся гулким эхом под каменным потолком святилища; кирси повернулся и увидел священнослужителя, стоявшего у двери, которую он прежде не заметил.

— Прощу прощения, мать настоятельница, — сказал мужчина. — Но у ворот солдаты. — Он метнул короткий взгляд на Гринсу. — Они спрашивают насчет наших гостей.

— Спасибо, Осмин, — сказала Мериел. — Я выйду к ним через минуту.

Мужчина поклонился и удалился.

— Что вы им скажете?

— Неправду, — спокойно ответила она и улыбнулась. — Ведь я служу Лукавцу.

Гринса не сводил с настоятельницы пристального взгляда, и мгновение спустя улыбка на ее лице погасла.

— Я скажу, что не видела ни тебя, ни лорда Тависа.

Имя мальчика впервые прозвучало в их разговоре, и кирси легко вздрогнул.

— Они вернутся сюда, когда нигде не найдут его. Андреас желает его смерти.

— В храм не вправе вторгнуться никто — даже герцог, охваченный жаждой мести. Андреас знает это.

— Он пытал меня, хотя понимал, что мой отец может начать из-за этого войну. Неужели вы думаете, что он станет считаться с неприкосновенностью вашего храма?

Гринса повернулся и посмотрел на Тависа, который наконец очнулся и уже вполне сознавал, где находится. Мальчик был бледен, как кирси, и дрожал всем телом, словно напрягал последние силы для того, чтобы просто усидеть на скамье. Однако его глаза смотрели осмысленно и проницательно.

— Страх перед Лукавцем велик, лорд Тавис, — сказала настоятельница, с виду никак не удивившись вопросу мальчика. — Одно дело — бросать вызов герцогу, пусть даже будущему королю. И совсем другое дело — бросать вызов богу. Скоро вы сами поймете это.

Молодой лорд нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

— Это храм Байана. Через два дня заканчивается лунный цикл. Каждый месяц в Черную Ночь все, кто находится в храме, встречаются со своими умершими. Леди Бриенна скажет нам, виновны вы или нет. Согласитесь, странно, что правду о подобных вещах мы узнаем в святилище Лукавца.

Тавис побледнел еще сильнее, но не отвел взгляда в сторону.

— Я пойду поговорю с солдатами. — Мериел едва заметно улыбнулась. Она двинулась к двери, но потом вдруг остановилась и вернулась к алтарю. — Бог принял твоё жертвоприношение, — сказала она, пристально глядя на Гринсу. — Надеюсь, это немного успокоит тебя.

Она подняла каменную чашу и показала обоим. Чаша была такой же белой, как нож; такой же белой, какой была, когда они вошли в святилище. Кровь бесследно исчезла, словно

впиталась в камень.

ГЛАВА 18

Глендивр, Эйбитар

Еще по дороге в пиршественный зал Кезия решила уйти с торжественного обеда пораньше. Она уже встречалась с герцогом Ровенским прежде, и, хотя он казался приятным человеком и разумным правителем, на нее он производил впечатление типичного эйбитарского лорда: сладкий, как везирнийский хлеб, слишком самодовольный и далеко не такой умный, каким себя воображает. По иронии судьбы именно она предложила пригласить герцога в Глендиврский замок, на что Керни не преминет указать ей.

— Было бы благоразумно сохранять хорошие отношения с нашими сирийскими соседями, — сказала она тогда Керни. — Сейчас война представляется маловероятной, но к тому времени, когда угроза появляется, обычно бывает уже слишком поздно приобретать союзников.

Герцог согласился, как сделал бы любой мудрый герцог, получив от советника-кирси дельный совет. Конечно, на его согласие повлияло и то, что они тогда находились в постели и Кезия сидела верхом у него на спине, массируя ему плечи. Она прекрасно понимала, что визит Ровена означает для нее официальный обед в присутствии герцогини и затем одинокую ночь, но она сознавала также, что Керни был необходим союз с герцогом. Обстановка на границе с Анейрой оставалась крайне беспокойной, и симпатии сирийских герцогов разделились между Анейрой и Эйбитаром. Если в случае войны королевство не сможет положиться на поддержку северных сирийских герцогств, у них не останется надежды удержать своего южного соседа от союза с Анейрой. Когда на карту было поставлено столь многое, все личные переживания по поводу вечера казались Кезии эгоистичными и ничтожными.

Ей было не привыкать к одиночеству, и она в любом случае проводила довольно много времени в обществе жены своего любовника. Еще одна ночь в одиночестве или еще один вечер в обществе герцогини не имели никакого значения.

Несмотря на всю свою неприязнь к Лейле, Кезия жалела ее. Герцогиня знала о любовной связи Кезии с герцогом. К настоящему времени она, вероятно, знала, что он любит Кезию и что она отвечает ему взаимностью. Однако Лейла ничего не могла поделать. Да, любовная связь между женщиной-кирси и мужчиной-инди запрещалась законом и называлась грехом лун, но Лейла покрыла бы позором и себя тоже, если бы выдала их. Кроме того, другие любовницы могли родить внебрачных детей и таким образом навлечь на герцогиню позор другого рода. По слухам, в благородных домах Эйбитара было больше внебрачных детей, чем законных наследников. Но только не в Глендивре. Если бы Кезия забеременела от герцога, она не только выдала бы их преступную связь, но и поставила бы под угрозу свою жизнь, ибо женщины-кирси, понесшие от мужчин-инди, чаще всего умирали во время родов. При существующем же положении дел матерью всех детей Керни оставалась Лейла, а Кезия и герцог были так осторожны, что даже в замке почти никто не знал об их связи. Многие знатные леди королевства терпели куда более тяжелые страдания, о которых знали все. Герцогиня же мучилась от тайной боли, которую видели немногие. Кезия не могла сказать, что хуже. По правде говоря, и та и другая участь представлялись ей одинаково ужасными. Временами она испытывала угрызения совести при мысли о муках, которые причиняла женщине своей любовью. Но в такие ночи, как нынешняя — когда Лейла открыто заявляла о своих правах на герцога перед всеми подданными, — Кезия завидовала герцогине. Возможно, даже ненавидела ее.

Выйдя из монастырской башни, находившейся ближе других к ее покоям, Кезия пошла через верхний двор Глендиврского замка, направляясь к главному зданию. Месяц Элинеды близился к концу, но здесь, в Глендиврских горах, по вечерам было еще прохладно. Кезия поплотнее закуталась в шаль и ускорила шаг. Платье, надетое на ней сегодня, имело не по

сезону глубокий вырез на спине, но оно нравилось Керни, а если он собирался провести ночь в объятиях Лейлы, то думать должен был о Кезии в этом платье. Она пересекла двор и вошла в башню, кивнув стоявшим у двери стражникам.

В камине пиршественного зала всюду полыхал огонь, обогревавший помещение. Многие из приглашенных уже прибыли. Трое детей герцога сидели за главным столом в дальнем конце зала, а гости пониже званием и советники пониже чином сидели за столами, тянувшимися вдоль стен. Кезия тоже должна была сидеть за столом герцога, как и подобает первому советнику. Но Лейла уже распорядилась насчет размещения гостей, и советник не сомневалась, что она окажется очень далеко от герцога и герцогини. В прошлый раз герцогиня посадила ее в самом конце стола, рядом с Гершоном Траскером, капитаном герцогского войска, который ненавидел кирси почти так же сильно, как анейранцев. В течение всего вечера мужчина не сказал Кезии ни слова, предпочитая разговаривать с одной Коринной, девятилетней дочерью герцога.

Гершон уже тоже прибыл, но сегодня он сидел между своей женой и молодым Керни, старшим сыном и наследником герцога. По крайней мере, она избавлена от соседства с ним, подумала Кезия, подходя к столу и сбрасывая шаль с плеч.

Протрубили трубы, медные голоса которых раскатились гулким эхом под каменными сводами, и Кезия застыла на месте. Мгновение спустя в пиршественный зал вошел Керни, ведя под руку герцогиню. Он был в походном костюме, в котором и подобало появляться на торжественном обеде, устраиваемом в честь предполагаемого союзника: простая черная рубашка, такого же цвета бриджи и красно-черно-серебряная перевязь, какую носили все глендиврские герцоги. Керни широко улыбался, на его моложавом загорелом лице играли багровые отблески пламени, горевшего в камине, а рано поседевшие волосы серебрились в свете настенных факелов. Герцог не отличался высоким ростом или могучим телосложением, но в глазах Кезии он был королем.

Герцогиня же, напротив, выглядела старше своих лет; на ее жирном бледном лице сейчас застыла напряженная улыбка. При входе она окинула беспокойным взглядом зал, мгновенно отыскала среди гостей Кезию и так же быстро отвела глаза в сторону. Кирси пожалела, что вообще пришла сюда. Лучше было подарить этот вечер герцогине, чем терпеть такие муки.

За Керни и Лейлой в зал вошли герцог и герцогиня Ровенские, и глендиврский герцог начал представлять им своих гостей и советников. При виде Кезии он расплылся в радостной улыбке и на мгновение задержал взгляд на ее платье. Смущенно стрельнув глазами в сторону жены, Керни поманил советника рукой. Кезия глубоко вздохнула и подошла.

— Господин герцог, — сказал Керни, слегка касаясь обнаженного плеча Кезии, — уверен, вы помните моего первого советника, Кезию джа Даффид. Первый советник, герцог и герцогиня Ровенские.

— Для меня большая честь видеть вас снова, милорд. — Она выдавила улыбку. — Я рада видеть вас, миледи.

Герцог Ровенский улыбнулся, взял руку Кезии и с сильным акцентом произнес несколько слов, которых она не разобрала.

Кезия кивнула и продолжала улыбаться, хотя чувствовала не только прикосновение пальцев Керни к своему плечу. Она чувствовала также взгляд герцогини, наблюдавшей за ними, но не смела посмотреть в сторону Лейлы; Керни уже давно убрал руку и представлял гостю других своих подданных, а плечо у нее по-прежнему горело, словно от солнечного ожога.

— Вы сидите в конце стола, — раздался тихий голос. — Я посадила вас рядом с ровенским кирси.

Кезия обернулась на голос и увидела, как Лейла отворачивается от нее, все с той же натянутой улыбкой на лице.

Снова в конце стола. Причем рядом с кирси. У Кезии мелькнула мысль, уж не надеется ли Лейла выдать ее замуж. Она усмехнулась, едва подумала об этом.

Пир был роскошным, как и все глендивские пиры. Слуги непрерывно подносили к столам блюда с тушеной бараниной в пряном соусе, жареным мясом, нежными горными кореньями, свежими овощами и острым сыром из здешних сыроварен. Темное пиво и красное вино лились рекой, и музыканты исполняли эйбитарские и сирийские народные песни. Советник герцога Ровенского оказался довольно приятным собеседником, хотя Кезию не тянуло на разговоры. Она ела мало — по части аппетита кирси не могли тягаться с инди — и слушала больше музыку, чем своего соседа. На протяжении всего обеда она отчаянно старалась не смотреть на герцога, даже когда чувствовала на себе его взгляд. Наконец, не в силах больше выносить таких мучений, Кезия извинилась перед сирийским советником, покинула пиршественный зал и, накинув на плечи шаль, торопливо пошла через внутренний двор к своим теплым покоям.

Огонь, который она оставила в маленьком камине в своей комнате, почти погас: дотлевали последние красные угольки, дымились и потрескивали последние несколько головешек. Не скидывая с плеч шали, Кезия положила на угли еще два полена и стала наблюдать, как на них занялся огонь.

Керни будет недоволен, что она так рано ушла с пира. Возможно, даже рассердится, хотя он никогда не сердился долго. Кезия мало чего поняла из разговора с первым советником герцога Ровенского и ничем не помогла Керни в поисках союзника.

— Завтра, — вслух сказала она. — Я разыщу советника завтра. — Ей следовало извиниться перед ровенским кирси, не только за ранний уход, но и за неразговорчивость. И ей следовало приложить больше усилий, чтобы помочь своему герцогу. — Завтра, — повторила она.

Кезия сняла платье, аккуратно убрала его в гардеробную, а потом надела ночную рубашку и легла в постель. Она чувствовала усталость, но сон никак не шел. Она думала о Керни и Лейле, о том, каково это — жить в браке с женщиной столько лет и рожать от него детей.

«Подобные мысли тебе только во вред, — сказала она самой себе. — Спи. Прекрати думать».

Но она продолжала лежать, задумчиво глядя на пляшущие тени и неверные отблески пламени на стене.

Когда Кезия наконец заснула, ей почти сразу привиделся сон. Она стояла посреди голой степи холодным пасмурным днем. Ровный ветер, слабо пахнувший морем, дул через равнину, покрытую пожухлой травой и россыпями серых камней. Кезия узнала это место. Оно находилось недалеко от дома, где прошло ее детство. Она узнала и сон, ибо он снился ей уже много раз прежде и всегда означал одно и то же.

— Гринса? — позвала она, медленно поворачиваясь кругом и окидывая взглядом равнину. — Ты здесь?

Поначалу она никого не видела и ничего не слышала, кроме шума ветра да шороха сухой травы. Но потом вдали показалась одинокая фигура, которая стала приближаться. Вскоре Кезия разглядела мужчину — высокого и широкоплечего, с длинными белыми волосами, которые летели по ветру, словно клочья тумана. У него были полные губы, высокие, как у кирсийского короля, скулы и глаза такого же оттенка желтого цвета, как у нее. Она сразу узнала мужчину — узнала походку, развевающиеся белые волосы, любимую улыбку, которая озарила его лицо, когда он подошел ближе.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал брат. — Жизнь при дворе идет тебе на пользу.

Она хотела ответить комплиментом, но не могла. Под глазами у Гринсы были темные круги, и он казался слишком бледным даже для кирси.

— Как у тебя складываются отношения с твоим герцогом? — спросил он.

Кезия зарделась:

— Очень хорошо, спасибо. Он прислушивается к моим советам и платит мне больше, чем я могу потратить...

— Я не об этом, ты же понимаешь.

Кезия улыбнулась:

— Да, понимаю.

Казалось, брат ждал, что она скажет еще что-нибудь, но она просто улыбалась и молча смотрела на него.

— Ну и ладно, — наконец сказал он. — Не говори мне ничего. — С притворным безразличием он отвел взгляд в сторону.

— Ты же никогда не рассказываешь мне о своей жизни. Почему я должна отвечать на все твои вопросы?

Гринса развел руками:

— Спрашивай о чем хочешь. Я отвечу на любой твой вопрос.

— Хорошо. Ты выглядишь ужасно. Что случилось?

Он нахмурился:

— Ты прямо как мама.

— Мне кажется, немного материнской заботы тебе не помешает.

— Возможно. — Брат снова на мгновение отвел глаза.

— Ты где? — спросила Кезия.

— В Кентигерне, в храме.

— С Мериел? Ты поэтому так выглядишь? Ты думаешь о Фебе?

— Я думаю о Фебе каждый день, но это не... — Он на миг замялся и потряс головой. — Я уже привык к этому.

— Тогда в чем дело? Зачем ты пришел ко мне?

Немногие кирси умели входить в сны, как Гринса. На самом деле Кезия никогда не слышала о других своих ныне живущих соплеменниках, которые обладали бы этой способностью, хотя не сомневалась, что в Прибрежных Землях есть несколько таких людей. Магия Избранных позволяла человеку соединять в одно целое способности многих кирси и пользоваться ими как своим собственным инструментом или оружием. Поскольку источником и двигателем магической силы являлось сознание, Избранный мог также читать мысли, а иногда и входить в чужие сны, как сделал Гринса сегодня ночью.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал брат. — До Глендивра уже дошли слухи об убийстве в Кентигернском замке?

— Нет.

Гринса глубоко вздохнул, словно готовясь к выполнению трудной задачи. Кезия напомнила себе, что брату потребовалось совершить огромное усилие, чтобы войти в ее сон.

Мгновение спустя он начал рассказывать свою историю. Первые минуты он говорил медленно, с запинками, словно не знал толком, как начать. Он рассказал о реакции Тависа Кергского на Посвящение и о своей любовной связи с женщиной, работавшей на ярмарке Бодана. Чем дальше он доходил в своем повествовании — до схватки с наемным убийцей в лесу, до освобождения лорда Тависа, до побега из замка в храм Байана, — тем быстрее он говорил, и под конец Кезия разбирала уже не все слова. Однако она услышала достаточно, чтобы понять и усталость брата, и выражение боли в его глазах.

Одно упомянутое Гринсой обстоятельство испугало Кезию больше, чем все остальное, — больше, чем мысль, что убийца Бриенны по-прежнему бродит по стране, и даже больше, чем подозрения брата насчет заговора кирси.

— Человек, который помогал тебе, кергский первый советник... он знает, что ты Избранный?

Гринса кивнул:

— Мне пришлось открыться Фотиру.

— Ты ему доверяешь?

— Да. Сначала я не хотел открываться, но он рисковал своей жизнью ради мальчика и видел, что я готов сделать то же самое.

— Но все равно он — советник. Он защищает интересы инди.

— Странно слышать это из твоих уст.

— И тем не менее, — сказала Кезия. — Жаль, что ты не нашел другого способа.

— Никто не узнает, что ты моя сестра, Кези. Тебе нечего бояться.

Она почувствовала, что ее лицо вдруг приняло жесткое выражение.

— Я не за себя боюсь! — сердито сказала она. — Как ты смеешь так думать! Это ты всегда настаивал на том, чтобы мы скрывали наше родство. Я просто не хочу, чтобы тебя сожгли, как сжигают всех Избранных с давних пор и поныне.

Гринса закрыл глаза.

— Извини. Я устал и плохо соображаю. Не злись.

Кезия кивнула, но не пожелала посмотреть брату в глаза. Это была его идея. Они оба знали это. Но они оба знали также, насколько это необходимо. Инди испытывали такой страх перед Избранными, что казнили не только их, но и их родителей, братьев, сестер и детей. Так продолжалось уже почти девять веков, со времени поражения кирси в древней войне и казни Избранных, возглавлявших армию Южных Земель. Гринса и Кезия были единственными детьми в семье, а их родители уже давно умерли. Но когда в пору ученичества Гринса осознал свои истинные возможности, он убедил Кезию в необходимости скрывать их родство. Правду знала только Неста — наставница, которая обучала обоих и первой предположила, что Гринса является Избранным. И она сама поклялась унести эту тайну с собой в могилу.

Задачу облегчал кирсийский обычай, согласно которому все мальчики носили фамилию матери, а девочки — фамилию отца. Вот почему она звалась Кезия джа Даффид, а он — Гринса джал Арриет. К тому же внешне он очень походил на отца, а она пошла в мать. Даже люди, видевшие их вместе, никогда не догадались бы, что перед ними родственники.

— Ну пожалуйста, Кези, — мягко сказал Гринса. — Прости меня. Я страшно устал. Я не смогу задержаться надолго, и мне нужна твоя помощь.

Кезия неохотно посмотрела брату в глаза:

— Что тебе нужно?

— Советник герцога Кергского сказал мне, что последний пригрозил начать войну, если с его сыном что-нибудь случится, и что Кентигерн ответил такими же угрозами. Яван еще не король, но Айлину осталось недолго. Это все знают. Если он умрет прежде, чем все уладится, боюсь, Андреас постарается воспрепятствовать вступлению Явана на престол. В Эйбитаре начнется междоусобная война.

— Похоже, дома могут развязать войну даже при жизни Айлина.

Гринса кивнул:

— Вполне возможно.

— Но чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты убедила своего герцога вмешаться.

— Керни? Но что он может сделать?

— Он может поехать в Кентигерн и поговорить с обоими. Он может отговорить герцогов от войны.

Кезия покачала головой. Идея брата ей совсем не понравилась. Скорее всего Керни убьют, если он попытается встать между войсками Керга и Кентигерна.

— С чего вдруг Яван и Андреас станут слушать глендиврского герцога? Дом Керни стоит гораздо ниже Кергов и Кентигернов. Для всех главных домов Глендивр — всего лишь один из малых.

Гринса недовольно посмотрел на сестру:

— Мы с тобой выросли в малом доме, Кези. Ты знаешь, как велика разница между Глендивром и малыми домами, даже Ирдли.

Они с Гринсой выросли в доме Ирдли, самом богатом и влиятельном из семи малых домов Эйбитара. Их отец служил советником у герцога Ирдли. И Гринса был прав. Глендивр имел гораздо больше общего с другими главными домами, чем с Ирдли и ему подобными. Только сегодня вечером герцог Глендиврский принимал герцога из Сирисса. Ни один из глав малых домов о подобном и мечтать не мог, ни один из них не представлял столь

значительного интереса в качестве возможного союзника, чтобы удостоиться такого внимания со стороны герцогов другого королевства.

— Возможно, ты прав, — сказала наконец Кезия. — Но я сомневаюсь, что Керг и Кентигерн разделяют твоё мнение. Для них Глендивр — всего лишь одинокая крепость в степи. Сейчас, когда со стороны восточных королевств нет никакой реальной угрозы, они скорее всего проигнорируют нас.

— Возможно, — в свою очередь согласился Гринса. — Но кто ещё остается? Айлин слишком стар, чтобы предпринять путешествие. Тоббара Торалдского остальные герцоги всегда считали всего лишь регентом. А после смерти Филиба он лишился даже регентских полномочий. Новые правители Галдастена будут признаны законными претендентами на престол только через четыре поколения. Малые дома недостаточно сильны и влиятельны, чтобы установить мир в стране. Разве ты не понимаешь? Керни — наша единственная надежда.

Конечно, Кезия все понимала. Могла ли она не понимать? «Я не хочу потерять его. Почему мы не можем остаться здесь, в безопасности, где самой большой угрозой являются показательные сражения солдат, а меч он надевает только на церемонии?» Она испустила протяжный вздох.

— Когда мы понадобится тебе там?

— Спасибо, Кези. Я знаю, что прошу о многом, но другого способа предотвратить войну нет. Я уверен в этом, иначе не обратился бы к тебе с такой просьбой.

Брат говорил правду. Кезия всегда чувствовала, когда он искренен, а когда нет. Но в словах Гринсы она услышала ещё кое-что. Он просил её даже о большем, чем говорил. Что-то должно было произойти во время путешествия в Кентигерн — некое событие, призванное изменить жизнь Кезии и жизнь её герцога. Она подозревала, что Гринса уже знает, какое именно.

— Когда? — повторила она, поеживаясь на холодном ветру.

— Скоро. Вести о случившемся дойдут до Глендивра через несколько дней. Ты должна убедить герцога сразу же. События развиваются очень быстро. Даже слишком быстро. После побега Тависа ситуация станет ещё опаснее.

Кезия начала говорить что-то, но тут же умолкла.

— Я должен был спасти мальчика, — сказал Гринса, прочитав мысли сестры. — Ещё один день в кентигернской темнице — и он бы умер.

— А его стоило спасать? Стоило ли подвергать страну опасности междоусобной войны ради спасения одной жизни?

Она ожидала, что брат рассердится, но он просто пожал плечами, словно сам уже задавался таким вопросом.

— Думаю, да, — сказал он. — Я знаю, что наши с ним судьбы связаны, и могу лишь предположить, что он сыграет важную роль в некоем грядущем противостоянии сил. — Он вздохнул. — Видение его будущего явилось мне ещё до прибытия ярмарки в Керг. Я увидел, как мы двое идем с войском по Прибрежным Землям, сражаясь плечом к плечу. Это всего лишь догадка, но мне кажется, мы сражались с войсками заговорщиков. Я не мог показать Тавису истинную картину будущего, не выдав своей тайны. Мне ничего другого не оставалось, кроме как изменить пророчество. — (Кезии показалось, что брат пытается убедить в этом самого себя, но безуспешно.) — Возможно, ты скажешь, что я изменил пророчество, чтобы спасти свою жизнь, — продолжил он, тряхнув головой. — Но я хотел также предупредить Тависа о предстоящих событиях, подготовить его, так сказать. Думаю, в конечном счете я только навредил мальчику. Мне и в голову не приходило, что он бросится с кинжалом на своего вассала.

— Никто из нас не может предвидеть всего, Гринса, — мягко сказала Кезия. — Даже ты.

— Знаю. После Посвящения Тависа я часто спрашивал себя, не преувеличил ли я важность того видения, так ли уж велика роль молодого лорда в предстоящих событиях, как

я думаю. — Он снова посмотрел в глаза сестре. — Но в любом случае я по-прежнему уверен, что смерть Тависа послужила бы причиной войны. Возможно, побег мальчика помешает Кергу и Кентигерну уничтожить друг друга — по крайней мере в ближайшее время.

Кезия кивнула. Еще в детстве Гринса был не по годам умен. Казалось, боги подготовили его к тому, чтобы он нес тяжкое бремя, которое ложится на плечи всех Избранных. И теперь, спустя много лет, она едва ли могла сомневаться в здравомыслии брата.

— Как только до нас дойдут вести о случившемся, я поговорю с Керни, — сказала она. — Вряд ли твоя идея придется ему по душе. Он не любит вмешиваться в дела других герцогств. Но я попытаюсь.

— Спасибо.

Гринса шагнул вперед и обнял Кезию. Она прижалась щекой к его груди, на мгновение почувствовав себя в тепле и безопасности. От него пахло родным домом.

— Всего доброго, Кези. Надеюсь, мы скоро увидимся.

Кезия не жаждала этой встречи. Как бы сильно она ни скучала по брагу, женщина надеялась, что Керни откажется ехать в Кентигерн, однако не стала говорить этого вслух.

— Я люблю тебя, Гринса, — только и сказала она.

Мгновение спустя Кезия проснулась. Темноту в комнате рассеивал лишь слабый свет тлеющих красных угольков в камине. Она встала с кровати, подошла к окну и устремила задумчивый взгляд на горы и Глендиврское озеро. Низко над озером висела Панья, и тонкий лунный серп отражался в мерцающей, покрытой легкой рябью воде. До рассвета оставалось еще много часов.

Ей хотелось пойти к Керни сейчас же, не дожидаясь рассвета, но она знала, что он с герцогиней. В любом случае она не могла рассказать ему о своем сне. Она даже не могла завести речь о нависшей над королевством угрозе, откуда из Кентигерна не придут вести об убийстве Бриенны. Ей оставалось только спать, но она продолжала стоять у окна, наблюдая за медленным движением Паньи в ночном небе и вдыхая свежесть, которой веяло от озера. Немного погодя над горизонтом показался Илиас, тончайший полумесяц цвета осенних дубовых листьев. Любовники.

Кезия отвернулась прочь от лун и снова легла. Она знала, что заснет не скоро: слишком много мыслей теснилось у нее в голове. Но все же стоило попытаться, чем стоять у окна и думать о Керни. Это она могла делать и днем.

Она проснулась позже, чем собиралась; уже звонили утренние колокола и солнечный свет лился в окно. Но Кезии все равно казалось, что она могла бы проспять еще не один час. Разговор с Гринсой обессилил и встревожил ее. После него она спала беспокойным сном.

Кезия поднялась с постели, торопливо ополоснула лицо холодной водой, оделась и направилась в герцогские покои. Подойдя к двери, она услышала смех Керни. Очевидно, он был не один. Она пригладила спутанные волосы, пожалев, что не потрудилась причесаться, а потом постучала.

— Войдите! — крикнул он.

Она открыла дверь и увидела, что герцог сидит за письменным столом. Рядом с ним стоял Гершон, капитан герцогского войска, который при виде нее сразу перестал улыбаться.

— Первый советник! — воскликнул герцог, поднимаясь и выходя из-за стола, чтобы поприветствовать Кезию. Он взял ее руку обеими своими руками. Они были теплые, и она опустила взгляд на них, не желая смотреть Керни в глаза при посторонних. — Надеюсь, вы спали хорошо, — сказал Керни.

— Вполне, милорд. Благодарю вас.

Гершон кашлянул:

— Мне нужно идти, милорд. Меня ждут ученики.

Керни отпустил руку Кезии и широко улыбнулся учителю фехтования.

— Конечно. Не будьте слишком суровы с ними, Гершон.

Мужчина фыркнул и направился к двери, опять не удостоив Кезию взглядом.

— Я подумаю над вашим советом, — сказал герцог, когда Гершон проходил мимо. — Мы с вами еще поговорим об этом.

— Хорошо, милорд.

Когда Гершон вышел, Керни повернулся к Кезии, обнял ее и страстно поцеловал.

— Я скучал по тебе, — сказал он.

— Неужели? А я думала, ты забудешь обо мне в объятиях герцогини. — Она раскаялась в своих словах раньше, чем успела договорить.

Керни отстранился от нее и вернулся за стол.

Кезия на мгновение закрыла глаза, проклиная свою глупость. Они уже много раз ссорились из-за Лейлы прежде и всегда возвращались к одному непреложному факту: она его жена, мать его наследников, и ничто не может изменить этого. Любые разговоры на эту тему не приносили обоим ничего, кроме чувства неловкости и печали.

Не поднимая глаз, Керни перебирал какие-то документы, лежавшие на столе.

— Ты рано ушла вчера вечером. Плохо себя чувствовала?

«Извини. Не надо так».

— Просто устала, милорд. Надеюсь, обед удался.

— Вполне. Фаррар — замечательный человек. Возможно, он даже сумеет оказать некоторое влияние на сирийского короля. Но Гершон считает, что в качестве военного союзника он будет менее полезен, чем мы предполагали.

— Ну конечно. — Голос Кезии прозвучал холодно, независимо от ее воли. — Гершон основывается на каких-то фактах или на одних догадках?

Керни поднял взгляд:

— Сначала моя герцогиня, теперь мой капитан. Следует ли мне игнорировать и других моих советников тоже? Как насчет прелата или настоятельницы храма Морны? Прикажешь мне игнорировать всех и слушать только тебя?

Кезия густо покраснела:

— Нет, милорд. — Она запнулась, стараясь выдержать взгляд герцога.

— Продолжай, — сказал он.

— Нам нужен не союз с сильнейшим герцогом в Сирии. Мы просто ищем союзников на случай войны с Анейрой. Влияние, которое герцог Ровенский имеет на короля, для нас гораздо важнее его войска. Очень немногие сирийские герцоги имеют такие многочисленные армии, какие держат Ирдли или Хеня, не говоря уже о главных эйбитарских домах. Я не подвергаю сомнению суждение Гершона о военной силе Фаррара, но и не считаю, что в данном случае она имеет для нас первостепенное значение.

Герцог с минуту обдумывал услышанное, не произнося ни слова. Наконец он кивнул:

— Ты рассуждаешь верно. Гершон — прекрасный полководец, но он смотрит на мир глазами воина. — Он слегка нахмурился. — И все же, Кези, это не повод для ненависти.

— Я ненавижу Гершона потому, что он не испытывает ничего, кроме презрения, ко всем кирси. Его странная любовь к мечам и боевым коням здесь ни при чем.

Герцог продолжал смотреть на Кезию, покачивая головой. Потом улыбка тронула его губы.

— Ты женщина с характером.

— Спасибо, милорд. Я стараюсь.

Он испустил тихий смешок.

— Я сожалею о своих словах насчет герцогини, — продолжала Кезия. — Это было нечестно с моей стороны.

— Все в порядке. — Герцог отмел извинение взмахом руки, но на мгновение снова опустил глаза. Похоже, она задела Керни больше, чем он хотел признаться.

Керни взял со стола пергамент и указал на кресло, стоявшее рядом с Кезией.

— Сядь, пожалуйста, — сказал он. — Нам нужно обсудить и другие новости.

Кезия опустилась в кресло. Герцог еще не открыл рта, а она уже поняла, о чем пойдет речь, и спрашивала себя, знал ли Гринса, что вести придут сегодня утром, или это было

простым совпадением. Внезапно ей стало холодно, хотя в окна лился солнечный свет, нагревавший комнату.

— Сегодня утром прибыл гонец из Кентигерна. Дочь герцога, леди Бриенна, была найдена убитой в постели лорда Тависа Кергского. Очевидно, Тавис со своим отцом приехали в Кентигерн, чтобы устроить помолвку. — Он выжидательно помолчал, но, поскольку она не произнесла ни слова, продолжил: — С тех пор Тависа держат в кентигернской темнице. Андреас и Яван угрожают друг другу войной, и Андреас дошел даже до того, что пообещал воспрепятствовать восшествию Явана на престол после смерти Айлина.

Он снова умолк, явно ожидая от нее каких-нибудь слов.

— Кто прислал сообщение? — Никакого другого вопроса она не сумела придумать. Разумеется, в послании ничего не говорилось о побеге Тависа, но ей требовалось знать, ставится ли в нем под сомнение виновность мальчика.

Герцог нахмурился, но снова заглянул в пергамент:

— Один из советников Андреаса. Имя мне незнакомо. А что?

Кезия пожала плечами:

— Чего они хотят от нас?

— Чтобы мы пообещали поддержать их в случае, если Яван попытается вступить на престол прежде, чем они покончат с делом.

— Они приводят доказательства виновности лорда Тависа?

Керни снова заглянул в пергамент:

— Похоже, причин сомневаться нет. Я избавлю тебя от подробностей, но достаточно сказать, что его нашли с кинжалом в руке.

У Кезии дернулись губы, и она отвела глаза в сторону. «О чем ты меня просишь, Гринса?»

— Не следует ли тебе дожидаться письма от Керга, прежде чем вставать на сторону Андреаса?

— Пожалуй, — сказал Керни с недоуменным видом. — Но я не понимаю, какое значение оно может иметь в данных обстоятельствах.

— Самое большое, если мальчик невиновен.

Он бросил пергамент на стол, снова встал и подошел вплотную к креслу Кезии.

— Это на тебя не похоже, Кез. В чем дело? Это все из-за прошлой ночи?

— Нет. — Она скрестила руки на груди. — Но мы не можем просто так поверить бездоказательным обвинениям и выступить вместе с Андреасом против Явана. Законы Престолонаследия вступили в силу почти девять веков назад. Андреас просит тебя не о мелочи.

— Я понимаю. Но что, если Тавис действительно убил девушку? Разве мы можем проигнорировать просьбу Кентигерна и позволить династии убийц завладеть престолом?

— Конечно нет. Именно поэтому нам и нужно узнать о случившемся больше.

Герцог громко вздохнул и присел на край стола.

— Яван всегда мне не нравился. Я никогда не доверял ему.

— Андреас нравится тебе больше?

Улыбка на миг осветила лицо Керни и тут же погасла.

— Нет. Но мой отец дружил с отцом Андреаса. Наверное, в глубине души я склонен думать, что это имеет значение.

— Возможно, и имеет. Но не такое большое, чтобы на этом основании принимать столь важное решение.

Керни кивнул:

— Вероятно, ты права. — Он снова посмотрел на Кезию. — Значит, ты считаешь, что пока мне не стоит ничего предпринимать.

«Да, — хотела сказать она. — Оставайся в стороне. Пусть эти дураки разорвут друг друга на клочки». Но она дала обещание Гринсе.

— Я не уверена, что ты вправе бездействовать. — Каждое слово давалось ей с трудом. — Судя по всему, Яван и Андреас находятся на грани войны. Ты можешь отправиться в Кентигерн не в качестве союзника Андреаса, а в качестве миротворца.

Глаза Керни расширились от удивления.

— Отправиться в Кентигерн? — повторил он. — Даже советник Андреаса не предложил мне такого.

— И все же, как мне кажется, тебе стоит подумать об этом.

— Что ты предлагаешь мне сделать, Кез? Просто явиться в Кентигерн с тысячей солдат? Возможно, они и грозят войной друг другу, но пока они ее еще не начали. Мое появление там с войском послужит им предлогом.

— Или, наоборот, даст им время одуматься. Если сейчас ты станешь ждать, когда они развяжут войну, то потом уже будет слишком поздно. Вполне возможно, в конфликт окажется втянутым все королевство, и последствия этого мы едва ли в силах представить. — Кезия умолкла, удивившись собственной горячности. Похоже, просьба Гринсы о помощи взволновала ее сильнее, чем она думала.

Несколько мгновений Керни изумленно смотрел на нее, ничего не отвечая.

— Ты по-прежнему иногда удивляешь меня, Кез. На моей памяти ты никогда не высказывалась столь решительно за привлечение к какому-либо делу глендиврской армии.

— Означают ли твои слова, что ты сделаешь это? — спросила она, втайне надеясь услышать отрицательный ответ.

— Не знаю. Такой шаг по-прежнему кажется мне безрассудным. Я знаю, что бы я почувствовал, если бы кто-нибудь из герцогов по собственному почину привел свое войско к Глендивру.

Кезия кивнула:

— Понимаю. Безусловно, тебе следует посоветоваться с Гершоном.

— С Гершоном? — Ошеломленный этим предложением, герцог уставился на нее с таким видом, что Кезия едва не расхохоталась. — Теперь я понимаю, насколько сильно тебя волнует это дело. Ты действительно хочешь, чтобы я обратился за советом к капитану?

— Ты сам сказал, что Гершон смотрит на мир глазами воина. Мне кажется, в данном случае такой взгляд полезен.

— С Гершоном, — повторил Керни, трясая головой. — Ладно, я поговорю с Гершоном.

— Хорошо. Думаю, он согласится со мной.

Несколько минут продолжалось неловкое молчание; Кезия смотрела в окно, хотя чувствовала на себе взгляд герцога. Наконец она встала.

— Мне надо идти.

Он мягко удержал ее за руку.

— Почему ты уходишь?

— Ты должен поговорить с Гершоном, помнишь? — Она невольно улыбнулась.

Керни встал и притянул ее к себе.

— Сейчас он тренирует моих солдат. Он освободится только после полдневных колоколов.

В солнечном свете его серебристые волосы блестели и зеленые глаза сверкали, словно изумруды. На подбородке у герцога белел маленький шрам в форме полумесяца. Он выглядел точь-в-точь как Панья прошлой ночью. Кезия легко дотронулась до него пальцем, и Керни улыбнулся.

— Расскажи мне, откуда у тебя этот шрам.

Она уже слышала эту историю тысячу раз. Керни был тогда восьмилетним мальчиком, и в тот день он сел на боевого коня герцога, своего отца. Конь был слишком велик для него — он даже не доставал ногами до стремян, — но, когда старшие мальчики вызвали его на состязание, он принял вызов без колебаний. Он довольно хорошо держался в седле, однако животное было слишком сильным для него. Когда Керни попытался остановить коня, тот взвился на дыбы и сбросил седока. При падении мальчик поранил подбородок. Однако к

тому времени он уже пришел первым.

— Вряд ли ты хочешь снова слушать эту историю.

Теперь Керни называли Серебряным Волком — за цвет волос и герб Глендивров, на котором был изображен волк, воющий на полные луны. Кезия находила это прозвище странным для человека с такими нежными руками, но знала, что немногие смотрят на герцога ее глазами. Она знала также, что и теперь он, как в детстве, готов принять любой вызов. Отступать было не в его характере. Они отправятся в Кентигерн. Вероятно, не сегодня и даже не в этом месяце. И хотя сейчас она находилась в объятиях Керни и чувствовала его нежные губы на своих губах, Кезия невольно задрожала, словно от холода.

ГЛАВА 19

Кентигерн, Эйбитар

Он услышал эхо далекого грома и почувствовал сладостный запах прохладного дождя. Мягкий серый свет заливал комнату, и какая-то птица щебетала прямо за окном, звонко и настойчиво. Казалось, в первый раз за месяц Тавис не испытывал боли — ровным счетом никакой.

Последние несколько дней он почти все время спал, а когда изредка просыпался, обычно видел рядом Гринсу, который исцелял его раны или снимал жар, положив ладонь на его горящий лоб. Один раз, открыв глаза, Тавис увидел сидевшую у постели настоятельницу, в темных глазах которой явственно читалась тревога, хотя выражение лица оставалось по обыкновению суровым. Однако сегодня он впервые со времени своего заточения проснулся в пустой комнате. Казалось, он должен был обрадоваться одиночеству, но вместо этого испытал приступ ужаса — словно с минуты на минуту в спальню мог войти Андреас.

— Гринса? — позвал Тавис, откидывая покрывало. Он подошел к двери, с трудом передвигая негнувшиеся ноги. — Мать настоятельница?

Он открыл дверь, ожидая, что за ней окажется коридор или другая комната, но увидел перед собой просторный двор, вымощенный разноцветным камнем. В центре двора журчал небольшой фонтан, окруженный скромной клумбой. Прямо напротив стояли здания, подобные тому, в котором он находился, а за ними возвышалась задняя стена святилища. Легкий ветер бросал капли дождя в лицо Тавису и на тонкий белый балахон, в который он был одет.

— Гринса? — снова позвал мальчик. — Есть здесь кто-нибудь?

Никто не ответил, но ветер усилился, и следующий раскат грома прогрехотал над зданиями храма. Тавис неохотно закрыл дверь и вернулся в постель. Он по-прежнему чувствовал усталость и запросто мог поспать еще, но им овладело беспокойство.

Он снова встал и принялся ходить по комнате в поисках своего платья, но через минуту вспомнил, что оно все испачкано в грязи и крови и изрезано отцом Бриенны буквально на ленты. Несомненно, старую одежду выбросили или сожгли — и правильно сделали. Но новой одежды он нигде не нашел. Тавису оставили один только простой белый балахон — одеяние, в котором никак не пристало появляться на людях сыну герцога, тем более будущему королю. Это было невыносимо. Похоже, никакой еды в комнате тоже не было. Гринса и настоятельница просто бросили его здесь одного, без присмотра. А что, если за ним придут стражники Андреаса?

Раздался стук в дверь, и один из священнослужителей заглянул в комнату, прежде чем Тавис успел ответить.

— Вы звали, милорд? Или мне послышалось? — спросил мужчина.

— Тебе не послышалось. Где Гринса? Где настоятельница?

Мужчина улыбнулся и без приглашения вошел в комнату. Тавис собрался было возмутиться, но он хотел получить ответ на свои вопросы, а потому выдворять мужчину не имело смысла.

— Ваш друг Гринса покинул храм. Я не знаю, куда он отправился. Он обещал

вернуться завтра утром.

У Тависа пересохло в горле.

— Покинул храм?

— Да, ненадолго. Настоятельница сейчас в святилище, готовится к полдневному богослужению. Она освободится чуть позже. — Мужчина немного помолчал. — Меня зовут Осмин. Мы с вами виделись два дня назад, хотя вы вряд ли помните. Могу я чем-нибудь помочь вам?

Гринса уехал. Кто знает, вернется ли он? Тавис действительно остался совсем один.

— Мне нужна одежда, — наконец сказал он. — У меня нет ничего, кроме этого балахона.

Мужчина кивнул.

— Одевание послушника.

Тавис прищурился.

— Послушника?

— Да. Гринса и настоятельница решили, что вам лучше ходить в таком одеянии. Герцогские стражники наблюдают за храмом издали. В балахоне вы будете меньше привлекать к себе внимание.

Внезапно у Тависа мороз побежал по коже, словно он снова оказался в темнице.

— Хорошо, — сказал он. — Пока я похожу в этом.

— Еще что-нибудь, милорд?

— Да, я хочу есть. Я не ел уже много дней.

— На самом деле, милорд, я только вчера напоил вас бульоном. Но с радостью принесу вам сыра и хлеба.

— Я имел в виду пищу поосновательнее.

— Боюсь, больше у нас ничего нет, милорд. Разве только вы согласитесь подождать до вечера. Кажется, сегодня на ужин у нас будут дичь и свежие овощи.

Тавис был голоден как волк. Приходилось довольствоваться хлебом и сыром.

— Ладно, — сказал он, отворачиваясь от мужчины. — Неси, что есть.

— Слушаюсь, милорд.

Священнослужитель удалился, тихо прикрыв за собой дверь, а Тавис остался стоять у окна, погруженный в мрачные раздумья. Его нарядили в балахон послушника и кормили из рук вон плохо. Он уехал бы немедленно, будь у него лошадь. Но сейчас, когда стражники Андреаса рыскали по городу, а он еще толком не выздоровел, Тавис с таким же успехом мог вернуться прямо в кентнгернскую темницу и избавить их от необходимости разыскивать беглеца. Ему оставалось лишь ждать Гринсу. Когда (и если) кирси вернется, они уедут отсюда вместе и займутся восстановлением Тависа в законных правах.

Перед мысленным взором мальчика возникло лицо отца, и он потряс головой, словно пытаясь прогнать его образ. Знал ли Яван, где сейчас находится его сын? Или он думал, что Тавис погиб? Да и был ли он сам жив, коли на то пошло?

Стук в дверь возвестил о возвращении Осмина.

— Ваша еда, милорд, — сказал мужчина, торопливо входя в комнату и ставя деревянное блюдо с сыром и черным хлебом на столик у кровати. — Сейчас я принесу вам воды.

Это было уже слишком.

— Неужели у вас нет хотя бы вина? — спросил Тавис, даже не стараясь скрыть своего раздражения.

Осмин остановился и изумленно уставился на него.

— Конечно есть, милорд. Но в этот день и в эту ночь мы его не подаем. Вы сможете выпить вина завтра.

Внезапно до него дошло, где он находился и что за день был сегодня. Все же Тавис не удержался и спросил:

— А какой сегодня день?

— Последний день убывания лун, милорд. Сегодня Черная Ночь.

Их взгляды на мгновение встретились, потом Тавис отвел глаза.

— Я вернусь с водой через минуту, милорд, — тихо сказал мужчина, снова направляясь к двери.

Мгновение спустя Тавис снова остался один; он медленно пошел к кровати, внезапно расхотев есть. Он знал, что сейчас месяц Элинеды, и напряг память, пытаясь вспомнить, что говорилось в легендах о Черной Ночи этого месяца. Что-то насчет посевов, кажется. Если посеянные семена не взойдут к сегодняшней ночи, весь урожай погибнет. Точно. Впрочем, это не имело значения. Здесь, в храме Лукавца, все Черные Ночи походили одна на другую. Сегодня, в святилище, Тавису предстояло встретиться со своим мертвецом. Ему предстояло встретиться с Бриенной.

Молодой лорд был уверен, что не убивал девушку. Он узнал вкус ее губ и аромат нежной кожи. Он обещал оберегать ее честь и решил жениться на ней. В ту ночь он уж точно не помышлял об убийстве. Бриенну убил кто-то другой. Так он сказал Андреасу и прелату и претерпел за это страшные страдания. Конечно, он не сомневался в своей невинности.

Вот только дверь была заперта, и по пробуждении он обнаружил свой кинжал в груди Бриенны. Его воспоминания о той ночи по-прежнему оставались смутными и бессвязными. Он помнил, как девушка заснула. Ему казалось, что вскоре он тоже заснул. Но он не мог быть в этом уверен. Не мог, поскольку очень много тогда выпил. Не мог после своего нападения на Ксавера.

Впрочем, этой ночью все должно было выясниться. Этой ночью ему предстояло снова встретиться с Бриенной, на счастье или на беду. И все узнать. Эта мысль не принесла утешения — напротив, ужаснула. Тавис задрожал, у него подкосились ноги, и он едва не упал.

Он еще не успел дойти до постели, когда дверь вновь отворилась. Опять Осмин, со своей водой.

Однако, повернувшись, Тавис увидел не священнослужителя, а Мериел в черном одеянии.

Он вздрогнул и отшатнулся, но тут же опомнился.

— Мать настоятельница. — Он старался говорить твердым голосом, но без особого успеха.

Мериел посмотрела на него оценивающим взглядом.

— Мне доложили, что вы проснулись и требуете еды... Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете.

— Вполне, благодарю вас.

Мериел взглянула на блюдо на столике.

— Наша пища вам не по вкусу?

— Нет, просто мне... я не так голоден, как мне показалось.

— Возможно, вам нужно еще поспать.

Тавис кивнул, опуская взгляд.

— Возможно.

— Гринса велел передать вам, что он вернется завтра утром.

— Священнослужитель сказал мне. Вы не знаете, куда он уехал?

— Нет. Думаю, это не имеет значения. Он просто не хотел оставаться в храме сегодня ночью. Он не желает встречаться со своим мертвецом.

При этих словах Тавис поднял глаза; женщина пристально смотрела на него своими почти черными глазами, еле заметно улыбаясь.

— Наверное, вы тоже хотите уехать, — сказала она.

— Вы думаете, что это я убил ее.

— Я вас едва знаю. Я не могу сказать, вы убили девушку или нет. Я просто служу Байану. В свое время судить вас будет он.

— Нет. — Тавис потряс головой. — Вы не договариваете. Я же вижу, как вы смотрите

на меня. Я же слышу, что вы говорите мне. Вы уже все решили насчет меня.

На лице Мериел впервые отразилось сомнение.

— Я думаю, что вы способны на подобное убийство. И я чувствую, что вы боитесь сегодняшней ночи. Вот и все.

Тавис содрогнулся. Мнение настоятельницы подтверждало его собственные опасения.

— Как же мне не бояться? — спросил он, надеясь, что Мериел не умеет читать мысли. — Гринса сбежал из храма, однако вы ни в чем не вините его.

Настоятельница пожала плечами — телодвижение, которое выглядело странным для женщины столь внушительного вида.

— Думаю, я понимаю ваш страх. Встречаться со своими мертвецами всегда нелегко, независимо от обстоятельств. Гринсу же я знаю очень давно, и я понимаю его горе. Много лет назад он потерял жену, мою племянницу, при... весьма прискорбных обстоятельствах. Полагаю, он боится встречи с ней.

Тавис не знал толком, что сказать.

— Мне очень жаль, — наконец проговорил он, сознавая, насколько неловко это прозвучало.

Мериел странно улыбнулась и снова пристально посмотрела на него.

— Вы странный мальчик, — сказала она. — Вы можете быть грубым, каким были с Осмином минуту назад. Но вы можете быть и добрым, хотя испытываете неловкость при этом. На мой взгляд, хорошо, что вы никогда не станете королем.

Тавис растерянно моргнул, не веря своим ушам.

— Конечно, я стану королем. После моего отца я следующий законный наследник престола.

Настоятельница снова пожала плечами, хотя на сей раз жест выражал не сомнение. Она снисходительно уступала мальчику.

— Вероятно, я ошиблась. Прошу прощения, милорд.

Он услышал иронические нотки в голосе женщины и уже открыл рот, чтобы потребовать извинений, но что-то остановило его. Возможно, дело было всего-навсего в том, что она являлась настоятельницей храма Байана, где они находились; а возможно, в том, что она, похоже, уже знала Тависа лучше, чем он сам знал себя. Так или иначе, он промолчал. Он кивнул, хотя сам не понимал почему.

— Сейчас Осмин принесет вам воды. — Мериел повернулась, собираясь удалиться. — Приходите в святилище на закате. Я буду ждать вас там.

— Хорошо, мать настоятельница, — сказал Тавис, словно послушный ребенок.

Она направилась к двери, но на полпути остановилась. Дождь усилился, хотя теперь гром грохотал где-то совсем далеко и шум ветра почти полностью заглушал его раскаты.

— Если вы невиновны, как утверждаете, — сказала Мериел, — вам нечего бояться призрака Бриенны. Возможно, вам будет больно увидеть девушку, но она не причинит вам вреда. Если вы невиновны.

Тавис кивнул и проводил настоятельницу взглядом. «Я невиновен, — хотел он крикнуть ей вслед. — Мне нечего бояться». Но слова застряли в горле, и она все равно не поверила бы. Она видела, как сильно он напуган.

Оставшиеся до заката часы показались Тавису вечностью. Он пытался уснуть, но после двух дней сна мог только лежать в постели, уставившись в затянутое сеткой дождя окно и слушая раскаты грома, подобные грохоту океанских волн, набегающих на берег. В конце концов мальчик съел принесенные Осмином хлеб и сыр — без аппетита, но убедив себя в том, что надо поесть. Он спрашивал себя, доведется ли ему еще когда-нибудь проголодаться.

Когда наконец прозвонили закатные колокола, Тавис буквально выпрыгнул из постели и торопливо вышел из комнаты под дождь, в сгущавшиеся сумерки. Сердце бешено колотилось у него в груди, он дрожал всем телом. Он с трудом подавил мгновенное желание убежать, покинуть храм и улицы Кентигерна, наводненные доблестными солдатами Андреаса. Однако сначала он должен был пройти это испытание, если хотел доказать, что

Мериел ошибается, и восстановиться в правах на престол. Более того, ему самому было необходимо все узнать. Тавис очень хотел верить в свою невиновность, но понимал, что будет сомневаться до конца жизни, если не встретится с девушкой. В каком-то смысле бог предлагал ему ценный дар: возможность обрести покой тем или иным образом. Было бы глупо отказываться от него.

Перед самым святилищем Тавис замедлил шаг, вновь охваченный дурными предчувствиями. Он ожидал увидеть священнослужителей у дверей храма, но там никого не было. Мальчик медленно вошел в здание и увидел, что внутри тоже нет ни души, хотя на стенах зала и на алтаре горели свечи. Он неуверенно двинулся к огромному витражу с изображением Байана; мягкое шлепанье босых ног по каменному полу отдалось тихим эхом под сводами святилища.

— Я не знала, придете ли вы, — раздался голос из-за алтаря. — Я думала, может, вы боитесь.

— Я боюсь, — признался Тавис, выходя в центральный проход между скамьями. — Но я хотел доказать вам, что не убивал.

— Вам не нужно ничего доказывать мне.

Тавис застыл на месте. Голос принадлежал не Мериел. Он был слишком высоким, слишком молодым. И казался далеким, даже когда Тавис приблизился к алтарю.

— Подойдите ближе, милорд, — сказал голос. — Вам нечего бояться меня.

В этот момент последние отблески дневного света погасли на цветном витраже с изображением Лукавца, и у Тависа перехватило дыхание.

Она стояла перед алтарем, окруженная бледным белым сиянием, как если бы держала в руке Панью. Ее распущенные золотые волосы ниспадали до пояса, серые глаза излучали мягкий свет, столь памятный Тавису. На ней было то же самое сапфировое платье, в котором она умерла, но на нем не осталось ни крови, ни дыр от кинжала.

— Бриенна, — прошептал Тавис, неуверенно шагнув вперед. Слезы потекли у него по щекам, и он вытер их трясущейся рукой. Он остановился перед алтарем и протянул к ней руку.

— Нет. — Она отшатнулась. — Вам нельзя прикасаться ко мне. Иначе вы умрете.

— Мне все равно. — Голос у него внезапно охрип, словно он рыдал несколько дней подряд. — Ты даже красивее, чем я помню.

Она застенчиво улыбнулась.

— У вас усталый вид, милорд. Вы много страдали после моей смерти.

«Интересно, знает ли она, что сделал со мной Андреас?» — подумал Тавис, но не счел нужным что-либо рассказывать об этом.

— Я тосковал по тебе, — произнес он вместо этого. — Я очень хотел, чтобы ты стала моей королевой.

— Я тоже, милорд.

— Ты... — Он колебался, не зная толком, как спросить. — Ты сейчас в Подземном Царстве?

Казалось, она вздохнула — неужели мертвые дышат? И мгновение спустя кивнула.

— На что оно похоже?

— Он запрещает нам говорить об этом с живыми. Он говорит, что такие вещи вправе знать только мертвые.

Тавис понял не сразу. Байан. Она говорила о Лукавце.

— Ты видела его? — выдохнул он.

Бриенна снова кивнула.

Из груди Тависа вырвалось рыдание.

— Надеюсь, он был добр к тебе.

— Пожалуйста, милорд...

— Я глубоко сожалею, Бриенна. — Слезы снова хлынули у него из глаз.

Призрак печально улыбнулся.

— О чем, милорд?
— Я боялся... Тебя убили моим кинжалом. И в последнее время я совершал поступки — ужасные поступки, — которые сам не могу объяснить. Поэтому я боялся, что... — Он умолк, не в силах закончить фразу.

Она покачала головой:

— Нет, милорд. Это сделали не вы.

— Но я не спас тебя. Я находился рядом, но не защитил тебя.

— Вас бы тоже убили, если бы вы попытались.

— Я предпочел бы умереть.

— Нет, Тавис. Это не имело смысла. Он бы убил нас обоих.

Тавис изумленно уставился на Бриенну.

— Он? Ты знаешь, кто убил тебя?

Бриенна кивнула, и на щеках у нее тоже заблестели слезы.

— Я спала, когда он пришел, но после смерти я видела картину убийства. — Она на миг закрыла глаза. — Очень часто.

— Имя! — воскликнул Тавис. — Назови его имя!

— Имени я не знаю. Это был один из слуг — мужчина, который принес нам бутылку вина, когда мы уходили с пира.

Молодой лорд напряг память, но не вспомнил того человека, о котором говорила Бриенна.

— Как он выглядел?

— Высокий, довольно худой. Длинные темные волосы и борода. Узкое лицо, бледно-голубые глаза. Приятное лицо. Он даже улыбнулся мне. Как я сказала, он был простым слугой, но человек с такой внешностью выглядел бы вполне уместно в свите моего отца.

Тавису показалось, что описание подходит практически ко всем мужчинам. Но пока Бриенна говорила, в воздухе рядом с ней появилось взвихренное белое облако, похожее на гонимый ветром морской тумана. Постепенно вращение облака замедлилось, и в нем проступили очертания мужского лица.

— Это он? — Голос Тависа опять упал до шепота.

Бриенна бросила взгляд на вызванный ею образ и кивнула; глаза девушки на миг округлились, словно она сама удивилась тому, что сделала.

— Да. Это тот самый человек.

Тавис стоял совершенно неподвижно и напряженно всматривался в лицо, боясь спугнуть видение неосторожным движением. Через минуту образ начал расплываться и вновь превратился в бесформенное облако, которое вскоре бесследно растаяло в воздухе.

— Я где-то его видел, — сказал мальчик, обращаясь столько же к себе самому, сколько к Бриенне.

— Ну да, на пиру.

— Нет, не там. — Он закрыл глаза, отгоняя прочь навязчивые воспоминания о своем горе и о темнице Андреаса, и постарался вспомнить, где же он видел это лицо. Ответ маячил прямо перед ним, сразу за пределами досягаемости. У Тависа возникло впечатление, будто он пытается поймать собственную тень. Но одновременно он чувствовал, что с каждой секундой подходит все ближе и ближе.

— Милорд?

Он поднял руку, призывая Бриенну к молчанию. В уме у него еле слышно зазвучала мелодия, которая показалась знакомой. Но и она тоже звучала все чище и отчетливее с каждой секундой.

— Это певец! — воскликнул Тавис, внезапно открыв глаза. — Я слышал, как он пел на ярмарке!

— В этом году?

Тавис кивнул.

— Во время ярмарки я часто бродил в одиночестве по улицам Керга, глазел на

танцоров и слушал музыкантов. Я видел этого человека всего один раз, и то мельком. Но я запомнил его, потому что он здорово пел. — Тавис умолк, но лишь на мгновение. — «Гимн». Он исполнял «Гимн лунам».

— Значит, он последовал за тобой из Керга?

— По-видимому.

— Но почему он убил меня?

Тавис печально посмотрел на Бриенну. Она по-прежнему плакала, и больше всего на свете ему хотелось вытереть слезы с лица девушки.

— Он убил тебя, — сказал мальчик как можно мягче, — чтобы меня казнили по обвинению в убийстве и наши дома начали войну. — Он почувствовал такую боль в груди, словно Андреас поднес свой пылающий факел к самому его сердцу. — Ты умерла, потому что мы собирались пожениться.

— Наши дома теперь воюют? — спросила она по-детски тонким голосом.

— Пока нет. Но я только чудом бежал из темницы твоего отца. Стражники герцога до сих пор разыскивают меня.

— Значит, вы должны найти убийцу, милорд. Не допустите, чтобы моя смерть стала причиной междоусобной войны. Прошу вас.

— Я найду его, — сказал Тавис. — Клянусь тебе перед лицом Байана и всех других богов, которые меня слышат. Я найду убийцу и отомщу за тебя.

Но Бриенна покачала головой:

— Месть не главное. Докажите свою невиновность и спасите королевство. Все остальное для меня не имеет значения.

Он снова кивнул:

— Обещаю. — Но мысленно Тавис повторил свою клятву до конца. Музыкант поплатится жизнью за содеянное. Даже если Тавису тоже придется умереть.

Они провели в тюремной башне всего два дня, но Фотир уже чувствовал, что нервы у всех на пределе. Помещения здесь были тесные, сырые и душные. На всех слуг выделили две камеры, а в пяти других разместили сорок стражников, сопровождавших Явана в Кентигерн. Фотиру и Ксаверу отвели одну камеру на двоих, а в последнюю посадили герцога.

К чести Явана, он попросил Андреаса посадить его вместе с Фотиром и Ксавером, чтобы отдать еще одно помещение солдатам. Однако Кентигерн отказал. Он не стал объяснять почему, но Фотиру причина отказа представлялась вполне очевидной. Солдаты сидели в камерах, расположенных этажом ниже, и не могли ни видеть своего герцога, ни разговаривать с ним. Если бы Явану позволили уступить свою камеру солдатам, они бы оказались рядом с ним. На такой риск Андреас не мог пойти. Его и так беспокоило близкое соседство Фотира и Явана, но в тюремной башне было всего девять камер, самые маленькие из которых находились на верхнем этаже.

На протяжении второго дня заключения Фотир время от времени слышал крики, доносившиеся с нижних этажей. Кергские солдаты уже ругались друг с другом или с тюремщиками. Сегодня шел дождь. Если бы светило солнце, как вчера, нагревая каменные стены башни, дела обстояли бы гораздо хуже. И несомненно, скоро они примут самый дурной оборот, если Андреас не отпустит заключенных.

Когда с наступлением сумерек тюремщики принесли еду, шум внизу снова утих. Ужин состоял из вяленого мяса, сыра, хлеба и фруктов, предлагавшихся в большом количестве. Узников в темнице кормили много хуже. Но они ели то же самое утром, днем и два раза накануне. При виде такого ужина раздражение кергских солдат только возрастет.

Последние два дня Ксавер только и делал, что смотрел неподвижным взглядом в узкое окно камеры. Он разговаривал даже меньше, чем обычно, и не притрагивался к пище, пока Фотир не уговаривал его поесть. Герцог тоже молчал, и кирси оставалось только расхаживать взад-вперед по маленькой комнате, размышляя о последних событиях.

Андреас словно забыл об их существовании; герцогские советники и слуги — за

исключением стражников, приносивших еду, — тоже не беспокоили заключенных. Фотир не имел желания встречаться с кем-либо, особенно после того, как увидел, что герцог Кентигернский сделал с Тависом. Но в глубине души он хотел, чтобы Андреас или Шерик пришли устроить им допрос или угрожать пытками. По крайней мере, тогда бы он понял, что Гринса и Тавис по-прежнему находятся в безопасности. Так или иначе, Фотиру оставалось лишь надеяться, что сам факт их заточения свидетельствует о том, что розыски мальчика не увенчались успехом.

— Фотир! — позвал Яван из своей камеры.

Кирси и Ксавер переглянулись. Еще больше, чем допросов кентигернского герцога, первый советник боялся вопросов собственного герцога о побеге Тависа. Он знал, что в случае необходимости сумеет обмануть Андреаса и Шерика. В способности молодого Маркуллета лгать он сомневался, но надеялся, что Андреас не станет трогать мальчика, посчитав его всего лишь ребенком. Однако с Яваном дело обстояло иначе. Герцог по-своему любил сына, и Фотир знал, что он готов отдать свою жизнь ради спасения Тависа. Но если бы он узнал о побеге Тависа и о том, в каком состоянии Фотир нашел молодого лорда, даже самозабвенная любовь к сыну не заставила бы его молчать.

Кроме того, в деле был замешан Избранный. С возрастом Яван стал относиться к кирси терпимее, отчасти благодаря влиянию герцогини. Похоже, он ценил услуги своих младших советников, которым щедро платил. И Фотир не сомневался, что теперь герцог считает его не только надежным помощником, но и верным другом. Однако с Избранными дело обстояло совсем иначе, и даже в данных чрезвычайных обстоятельствах он не знал, как Яванотреагирует на известие, что Избранный спас жизнь молодому лорду.

— Да, милорд, — отозвался Фотир, подходя к двери камеры и выглядывая в маленькое окошко.

В коридоре, разделявшем камеры, горели факелы, которые тускло освещали стоявшего у стены стражника. Яван стоял у своей двери и пристально смотрел на кентигернского солдата. Герцог казался усталым и измученным.

— Мне нужно поговорить с моим первым советником наедине, — сказал он.

Стражник бросил взгляд сначала на одного, потом на другого.

— Извините, милорд. — Он говорил молодым, неуверенным голосом. — Мне приказано не спускать с вас глаз.

— Моя дверь заперта?

— Да, мило...

— А его дверь?

— Тоже, но...

— Тогда тебе нечего бояться. Спустись вниз, поболтай немного со своими товарищами. Когда ты вернешься, мы уже закончим.

Мужчина помотал головой.

— Ты знаешь, кто я такой?

— Конечно, милорд. Вы герцог Кергский.

— А ты знаешь, кем я стану в течение года?

Стражник тяжело сглотнул и кивнул.

— Вы станете королем, милорд.

— Верно. И что ты должен делать, когда твой будущий король отдает тебе приказ?

Фотир с трудом удержался от смеха при виде смятения, отразившегося на лице мужчины. С минуту стражник стоял на месте, кусая губы и переводя глаза с одной двери на другую. Наконец он проверил замки на обеих дверях и направился к лестнице, напоследок украдкой взглянув на Явана.

— Я буду прямо под вами, милорд. Пытаться бежать бесполезно.

— Понимаю, — серьезно сказал Яван. — Даю тебе слово будущего короля: мы будем здесь, когда ты вернешься.

Мужчина удовлетворенно кивнул и начал спускаться по лестнице.

Яван подождал, когда шаги стражника стихнут в отдалении, и только потом заговорил.

— Он ушел ненадолго. — Герцог снова смотрел прямо в глаза Фотиру. — Поэтому я буду краток. Мне кажется, вы говорите мне не все, что знаете. Думаю, я понимаю почему. Но мне нужно знать, в безопасности ли Тавис.

Фотир глубоко вздохнул. Он предпочел бы вообще ничего не рассказывать герцогу. Но Яван заслуживал ответа.

— Насколько мне известно, в безопасности, милорд.

— Он один?

— Нет.

— Вы доверяете людям, которые сейчас рядом с ним?

— Полностью, милорд.

Герцог кивнул.

— Вы знаете, где он? — Но Яван тут же поднял руку и потряс головой. — Не отвечайте. Мне в любом случае не следует знать этого.

Внезапно Фотир понял, что сейчас чувствовал стражник, и устыдился своего недавнего желания посмеяться над смятением мужчины. Отказать Явану было трудно, даже для первого советника. Он почувствовал, что Ксавер стоит у него за спиной, прислушиваясь к разговору, и догадался, о чем думает мальчик.

— Я не знаю, где он, милорд, — наконец сказал Фотир. — И не знаю, когда мы увидим его снова. Но если бы мне представилась возможность выбирать среди всех мужчин и женщин королевства, я не нашел бы для Тависа опекуна лучше.

Вероятно, Ксавер счел такой ответ недостаточно определенным, но Фотир и так сказал больше, чем намеревался. Похоже, Яван тоже понял это.

— Благодарю вас, Фотир. Больше я ни о чем не спрошу вас.

— Думаю, так будет лучше, милорд.

Герцог кивнул, отводя глаза в сторону.

— Конечно.

С лестницы донеслись голоса, а мгновение спустя послышались и шаги.

— Возможно, они будут пытаться вас, — быстро проговорил Яван, снова устремляя взгляд на Фотира. — Или всех нас. Одному Ину ведомо, на что способен Андреас.

«Я знаю, на что он способен, — едва не сказал советник, содрогнувшись при одном воспоминании. — Я видел».

— Да, милорд. Я умру, но ничего не скажу им.

— И я тоже, милорд, — сказал Ксавер из-за спины кирси.

Яван улыбнулся:

— Я глубоко благодарен вам обоим. Ваш отец гордился бы вами, Ксавер Маркуллет.

Мальчик не успел ответить. Фотир ожидал увидеть возвратившегося стражника, хотя опасался, что может явиться и Андреас. Но вместо этого в коридоре появился Шерик в сопровождении двух стражников, незнакомых Фотиру. Кирси остановился между двумя камерами и посмотрел сначала на Явана, потом на Фотира.

— Надеюсь, вы славно побеседовали наедине. Думаю, больше вам такой возможности не представится. Если вам интересно знать, ваш стражник лишился месячного жалованья из-за своей глупости. Вряд ли кто-нибудь из его товарищей совершит такую же ошибку.

— Он выполнял приказ своего будущего короля, — сказал Яван. — Он не заслуживает наказания.

— Он ослушался своего герцога. Ему повезло, что он остался жив. — Кирси повернулся спиной к Явану и посмотрел на Фотира. — Я бы хотел поговорить с вами, первый советник. — Он кивнул одному из стражников, который шагнул вперед и отпер дверь камеры.

— Если вы собираетесь пытать одного из нас, пытайте меня, — сказал герцог, возвысив голос.

Шерик бросил на него взгляд через плечо.

— Уверяю вас, милорд, если герцог Кентигернский решит, что пытки необходимы, он не пощадит никого из вас. — Он снова повернулся к Фотиру и продолжил: — Но с вашим советником я намерен поговорить сам. И я не собираюсь пытаться его.

Фотир не сдвинулся с места, даже когда дверь камеры открылась.

— Прикажете мне оставаться здесь, милорд? — спросил он, глядя мимо советника на своего господина. Шерик мог обращаться с Яваном пренебрежительно, но Фотир никогда не позволил бы себе такого.

— Нет, Фотир, — сказал герцог. — Ступайте с ним. Возможно, из вашего разговора выйдет какой-нибудь толк.

— Хорошо, милорд. — Фотир обернулся и посмотрел на Ксавера, с усилием улыбнувшись. — Я скоро вернусь. Присматривайте за герцогом.

Мальчик кивнул.

— Никто не причинит вреда ни мальчику, ни вашему герцогу. — Шерик поманил Фотира рукой. — Даю вам слово.

Фотир в последний раз взглянул на Явана, который ободряюще кивнул, а потом вышел в коридор и последовал за Шериком вниз по лестнице. Он услышал, как позади захлопнулась дверь камеры и повернулся ключ в замке; через минуту стражники нагнали двух кирси на лестнице, но никто не произнес ни слова, покуда они не спустились вниз.

— Оставайтесь здесь, — сказал Шерик стражникам. — Я приведу его обратно, когда закончу с ним.

— Но, господин советник, он же заключенный. Вы сами говорили, что один из нас...

— Я знаю, что я говорил вам. А теперь я говорю, чтобы вы оставили нас наедине. Если только вы не хотите обсудить этот вопрос с герцогом.

— Нет, господин советник, — быстро сказал мужчина, испуганно вытаращив глаза. — Конечно, не хотим.

— Хорошо. — Кирси двинулся прочь, знаком велел Фотиру следовать за ним. — Пожалуй, мы опять наведаемся в «Серебряного медведя», — сказал он. — Это вполне подходящее место для доверительной беседы.

— Подобное обращение встречают все узники герцога?

Шерик серьезно посмотрел на него.

— Уж вы-то, во всяком случае, знаете, как здесь обращаются с узниками.

Фотир постарался не выдать своего замешательства. Они оставались наедине всего несколько минут, а советник уже загонял его в угол.

— Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он, понимая, насколько неубедительно и неискренне звучит ответ.

Шерик просто коротко взглянул на него, приподняв бровь.

По дороге к таверне никто из них не проронил ни слова. Войдя в таверну, они сразу прошли в дальнюю комнату, и служанка принесла им пива и две миски тушеного мяса, приправленного пряностями.

— Будете курить? — спросил Шерик, нарушая затянувшееся молчание.

— Нет, спасибо. — Он с удовольствием выкурил бы трубку, но невольно подумал о Яване и Ксавере и о безвкусной пище, которой узников кормили в тюрьме. Он и так тяготился мыслью, что имеет возможность наестся тушеного мяса и выпить пива. Но табак, особенно уулранский, — это было бы уже слишком.

— Только не говорите мне, что даже сейчас вы думаете о своем герцоге, — сказал советник.

Фотир не имел ни малейшего желания заводить разговор на эту тему — тем более с Шериком.

— Зачем вы привели меня сюда, господин советник? — спросил он. — Чего вы хотите?

— Я хочу предотвратить войну, коли такое возможно. Я привел вас сюда, поскольку думаю, что вы причастны к побегу Тависа, и поскольку надеюсь, что мы с вами в силах найти способ быстрого и мирного разрешения конфликта.

— С чего вы взяли, что я имею отношение к побегу Тависа?

Шерик усмехнулся:

— Да бросьте, кузен. Одно дело — лгать герцогам. И совсем другое — обманывать своих соплеменников.

Фотир выдержал взгляд собеседника, но ничего не ответил.

— Ну ладно, — сказал советник. — Если вам так хочется играть в эту игру, пожалуйста. Я видел в крепостной стене дыру, через которую скрылся лорд Тавис. Дело не обошлось без магии, господин первый советник.

— Вы уверены?

— Края отверстия слишком ровные. Ни один инди не мог бы сделать такой пролом.

— Вы думаете, что я мог? Вы сами сказали своему герцогу, что я валился бы с ног от усталости, если бы попытался разрушить стену.

— Я говорю герцогу много разных вещей, господин советник. В тот вечер я забыл упомянуть, что вы могли бы сделать это, если бы вам помогал другой кирси.

Фотир рассмеялся.

— Вы полагаете, что я пришел на помощь Тавису с целым отрядом преобразователей форм?

— Это маловероятно, но возможно.

— Тогда почему вы ничего не сказали герцогу?

— Бросьте, Фотир! — Шерик резко встал с места и принялся мерить шагами комнату. — Неужели вы ничего не поняли из того, что я говорил вам во время нашей прошлой встречи здесь? Я могу служить герцогу Кентигернскому, но в первую очередь я кирси. Мне жаль, что герцог потерял дочь, и я склонен считать, что Бриенну убил Тавис. Все улики указывают на него. Но если сейчас вы скажете мне, что он невиновен, я вам поверю.

Фотир пристально смотрел на Шерика, пытаясь понять выражение светло-желтых глаз собеседника.

— Тавис невиновен, — сказал он. — Я повторяю это вам уже много дней подряд. Почему вы готовы поверить мне сейчас?

— Потому что здесь нет герцогов. Потому что мы можем говорить откровенно. Мы с вами кирси, Фотир. Связывающие нас узы гораздо важнее соперничества и мелких раздоров, разделяющих наши дома. Именно это я пытался сказать вам в прошлый раз. Пока вы разглагольствовали о своей преданности герцогу, воздерживаясь от неосторожных высказываний, я пытался понять, что вы за человек. Тогда я так и не понял — и до сих пор не понимаю. Поэтому сейчас я спрашиваю вас прямо: вы на стороне кирси или инди?

— Вы говорите, что цвет наших глаз значит для вас больше, чем разногласия между нашими домами, — сказал Фотир, уклоняясь от ответа. — Однако, когда я по секрету рассказал вам о нападении Тависа на молодого Маркуллета, вы незамедлительно выдали этот секрет своему герцогу.

Шерик остановился.

— Вы правы. Как я сказал минуту назад, я считал мальчика виновным в чудовищном преступлении. Я сделал это ради Бриенны, а не ради дома Кентигернов.

Фотир не очень-то поверил советнику. На самом деле он не верил ни единому слову кирси. Шерик привел его в сильное замешательство — вполне возможно, намеренно. Насколько он понимал, эту встречу устроил Андреас, чтобы Фотир рассказал то, что Тавис не открыл даже под пытками.

— Ну так как? — спросил советник. — Вы ответите на мой вопрос?

— Вряд ли я сумею. Похоже, вы считаете, что человек не может быть кирси и одновременно верноподданным своего королевства. Я с вами не согласен. В прошлый раз я пытался объяснить вам, что моя гордость, вызванная тем, что я принадлежу к племени кирси, не противоречит моей верности Явану и дому Кергов.

— А спасая Тависа из темницы, вы действовали в интересах нашего народа или в интересах своего герцога?

Фотир чуть не попался. «В интересах обоих», — чуть не сказал он. Он прикусил язык, но Шерик все отлично понял. Фотир в этом не сомневался.

— Вы слишком высокого мнения обо мне, кузен. — Он сказал это, поскольку должен был что-то сказать, поскольку Шерик ожидал от него возражений. Но Фотир опять почувствовал, что советник подловил его.

— Я обдумывал еще одну гипотезу, — сказал советник, вновь принимаясь расхаживать взад-вперед. — Полагаю, она не более правдоподобна, чем предположение о целом отряде преобразователей форм, как вы выразились. Но мне пришло в голову, что вам мог помогать Избранный.

Кровь отхлынула от лица Фотира, и на сей раз Шерик улыбнулся при виде реакции собеседника.

— Не беспокойтесь, кузен. Я пытался объяснить вам одно: в споре между моей верностью Кентигерну и любовью к нашему народу всегда будет побеждать последняя. — Он сел и, положив локти на стол, подался к Фотиру. — Вы давно знаете Избранного или встретились с ним здесь?

Фотир покачал головой:

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Я не знаю никакого Избранного и не имею никакого отношения к побегу Тависа. — Он говорил довольно твердым голосом, но никого не сумел бы обмануть. Впрочем, это уже не имело особого значения. Шерик все равно не верил ни единому его слову. Но Фотир хотел дать ему понять, что ни в чем не признается.

Улыбка медленно сползла с лица советника; он еще несколько мгновений пристально смотрел на Фотира, потом выпрямился.

— Я сказал вашему герцогу правду, Фотир. Когда Андреас сочтет необходимым прибегнуть к пыткам, он не пощадит никого. Ни вас, ни Явана, ни даже мальчика. Вы видели, что он сделал с Тависом. И на сей раз он примет все меры предосторожности. У вас не останется ни малейшей надежды на побег. Согласитесь сотрудничать со мной — и я спасу всех вас. Откажете мне — и я обещаю вам медленную, мучительную смерть.

Фотир мрачно улыбнулся.

— И на этом покончим с разговорами о вашей беззаветной любви к нашему народу.

— Разрази вас гром, Фотир! Неужели вы не понимаете, что поставлено на карту?

— Очевидно, не понимаю. Вероятно, вы хотите объяснить мне.

В первый раз за вечер Шерик заметно смешался, словно человек, сболтнувший лишнее. Советник снова поднялся с места.

— Пора возвращаться в тюрьму.

Фотир поднял кружку.

— Но я еще не допил свое пиво.

— Прискорбно. Вставайте.

Он подчинился, и Шерик подтолкнул его к двери.

В главном зале таверны былолюдно и шумно. В воздухе плавали ароматные клубы табачного дыма, несколько мужчин и женщин смеялись и пели фальшивыми голосами в глубине помещения. Пробираясь сквозь толпу, Шерик придерживал Фотира за талию. Однако они еще не успели достичь двери, когда хозяин таверны окликнул советника, вынудив последнего остановиться.

— Так рано уходите, господин советник?

Ответа Фотир не расслышал, ибо в этот момент он увидел Избранного. Предсказатель сидел один, в ближайшем к выходу углу зала, и пристально смотрел на него. Встретившись с ним глазами, он приподнялся, словно намереваясь подойти. Фотир бросил быстрый взгляд на Шерика, проверяя, не наблюдает ли за ним советник, а потом легко помотал головой. Гринса кивнул, встал и скользнул за дверь.

— Пойдемте, — мгновение спустя сказал Шерик, снова подталкивая Фотира вперед.

Фотир шел медленно, надеясь дать Гринсе время скрыться, но Шерик схватил его за руку и вытащил из таверны на улицу.

— Даю вам последний шанс, Фотир, — сказал советник, когда они зашагали по направлению к замку. — Расскажите мне все, что знаете, и я еще сумею спасти вас.

— Мне нечего рассказать вам. Шерик потряс головой:

— Вы глупец.

Фотир ничего не ответил. Он и так уже выдал слишком многое, и встреча с Избранным страшно потрясла его. Несомненно, Тавис скрывался в надежном убежище — иначе Гринса не оставил бы мальчика одного. Но Фотир-то надеялся, что сейчас они оба уже находятся далеко от Кентигерна. Пока они оставались здесь, под самым носом у Андреаса и кентигернских стражников, королевству все еще угрожала опасность.

ГЛАВА 20

Луна Адриели прибывает.

Он бродил по улицам и пустым рыночным площадям, покуда небо на востоке не побледнело и у городских ворот не зазвонили рассветные колокола. Только тогда Гринса направился обратно в храм Байана.

Кирси пытался убедить себя, что в эту Черную Ночь он хотел избежать единственно встречи с наемным убийцей, что после многих лет, на протяжении которых он постоянно видел Фебу, лежащую на холодном снегу в последнюю ночь месяца Байана, он перестал бояться призрака покойной жены. Но он все прекрасно понимал. Наемный убийца заслуживал смерти. Принеся свою кровь в жертву за этого человека, Гринса сделал больше, чем от него требовалось. Однако даже сейчас, по прошествии многих лет, после того, как он полюбил Кресенну и пережил предательство любимой женщины — особенно после всего этого, — одна мысль о встрече с покойной женой причиняла Гринсе такую острую боль, словно кинжал пронзал его сердце.

Он стыдился своей трусости — не столько перед Фебой, сколько перед Мериел. Живя в храме, настоятельница встречалась со своими умершими каждый месяц — не с одной Фебой, но также с родителями и ребенком, которого она родила вне брака, до своего прихода в храм, и который умер в младенчестве. Гринса спрашивал себя: «Если Мериел может видаться со своими умершими каждый месяц, почему же ты не можешь увидаться с Фебой хотя бы раз?» И тут же отвечал: «Потому что это слишком больно».

Возвратившись в храм на рассвете, когда все еще спали, Гринса не ожидал встретить там никого, кроме священнослужителя, охранявшего ворота. Но, пересекая главный двор, он заметил одинокую фигуру у входа в святилище. Он понял, что это Мериел, и поспешно направился к ней, испугавшись, не случилось ли чего с Тависом.

Когда он приблизился, настоятельница прижала палец к губам и тихо вошла в святилище. Кирси последовал за ней.

Мериел стояла сразу за дверью и смотрела в дальний конец зала. Он перевел туда взгляд и увидел человека, лежавшего на полу перед алтарем.

— Это Тавис? — спросил он, делая шаг вперед.

Настоятельница положила руку на плечо Гринсы, останавливая его.

— С ним все в порядке. Он просто спит.

— Он давно здесь?

— С полуночных колоколов.

— Бриенна приходила к нему? Вы видели ее?

Мериел посмотрела на него.

— Мне не дано видеть мертвых, которые являются к другим. Никому из нас не дано. Лукавец не допускает такого. Но она действительно приходила к нему. Я слышала, что он говорил ей.

— Ну и?..

Она снова перевела взгляд на мальчика.

— Думаю, Тавис невиновен. Он искренне плакал о смерти девушки и говорил о своей

любви и скорби. Он не убийца.

Гринса закрыл глаза, испытывая глубокое облегчение. С самого дня своего отъезда в Кентигерн он мучился сомнениями насчет мальчика. Обычно он доверял своим видениям и картинам будущего, которые вызывал в Киране, но в данном случае приходилось принимать во внимание слишком много разных обстоятельств.

— А ведь ты сомневался, — сказала Мериел.

Гринса открыл глаза и увидел, что она насмешливо улыбается.

— Ты так горячо настаивал на невинности Тависа во время нашего первого разговора, что я никогда не заподозрила бы ничего подобного.

Гринса улыбнулся в ответ.

— Я рад, что сумел выступить убедительно.

— Однако невинность молодого лорда не меняет того факта, что он груб, безрассуден и избалован. Тебе придется нелегко, если ты собираешься опекать Тависа.

Кирси кивнул:

— Я знаю. Но наши с ним судьбы связаны неким образом. Я еще не знаю почему и зачем, но думаю, это важно. Сейчас мне остается только находиться рядом с ним — по крайней мере пока.

— В таком случае тебе следует знать еще одну вещь, — сказала настоятельница. — Из их разговора я поняла, что Бриенна сумела показать мальчику лицо убийцы.

— Что? Разве такое возможно?

— Я никогда прежде не слышала ни о чем подобном, но, с другой стороны, в моем святилище еще никому не являлся призрак человека, убитого буквально на днях. — Мериел пожала плечами. — После многих лет служения Лукавцу я уже ничему не удивляюсь.

— Просто уму непостижимо, — тихо проговорил Гринса. — Вы знаете, как выглядит убийца?

— Нет, но мальчик вспомнил его. Похоже, это какой-то певец, выступавший на ярмарке.

Кирси кивнул, и Мериел недоуменно взглянула на него.

— Ты так и знал? — спросила она.

— Я предполагал нечто подобное. Наемник, которого я убил в Кентигернском лесу, тоже пел на ярмарке. По всей видимости, они работали вместе.

— Значит, ты знаешь убийцу.

— Вероятно.

Несколько мгновений Гринса смотрел на Тависа. После вчерашней безмолвной встречи с Фотиром в таверне он решил покинуть Кентигерн как можно скорее. По городу ходили слухи, что после побега мальчика Андреас заключил в тюрьму герцога Кергского и всех его людей. Увидев Фотира с кентигернским советником, Гринса усомнился в достоверности этих слухов, но потом заметил, как человек Андреаса толкает кергского советника в спину, и понял, что люди говорили правду. Несомненно, кентигернские стражники по-прежнему разыскивали Тависа, и в настоящее время было трудно сказать, что они сделали бы с ним, если бы поймали. После ухода из «Серебряного медведя» он даже переговорил с одним знакомым торговцем-кирси, который согласился доставить Гринсу и мальчика в Тримейн. Они могли выбраться из города еще до рассвета.

Однако теперь приходилось принимать во внимание новые обстоятельства.

Гринса пристально посмотрел в глаза настоятельнице.

— Вы сможете повторить герцогу Кентигернскому то, что сейчас рассказали мне?

— О наемном убийце?

— Да. А также о разговоре мальчика с Бриенной, убедившем вас в невинности Тависа. Обо всем.

Мериел смотрела на него, плотно сжав губы.

— Рассказав герцогу обо всем, я признаюсь в укрывательстве человека, которого он считает убийцей своей дочери. Кто знает, что он сделает со мной или с храмом?

— Два дня назад вы говорили, что храм неприкосновенен и что даже Андреас понимает это.

— Да, говорила, — согласилась Мериел. — И тогда мальчик напомнил мне, что Андреас из-за случившегося готов даже развязать войну с будущим королем. По правде говоря, я уже не знаю, чего можно ожидать от герцога. Но нет никого опаснее человека, жаждущего мести.

— Тавис невиновен. Теперь вы знаете это. Нам необходимо убедить в этом и Андреаса. Он удерживает Явана в замке и преследует Тависа, словно дикого зверя. С каждым днем угроза междоусобной войны становится все более реальной. И чем дольше я думаю об этом, тем яснее понимаю, что именно этого и добивался убийца Бриенны. — Гринса обвел взглядом святилище и снова посмотрел на Мериел. — Я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с вашим храмом, и, уж конечно, не хочу, чтобы вы пострадали. Но вы не вправе хранить молчание, ибо на карту поставлено слишком многое.

Настоятельница стиснула зубы и отвела глаза.

— Едва ли разговор с герцогом принесет пользу, даже если я пойду к нему. Подобно своему отцу, Андреас не питает почтения к храмам. Он поклоняется Ину и в вопросах веры полагается на мнение Баррета, своего прелата. А Баррет скажет, что я приспешница демонов и колдунья.

Она была права. Странствуя с ярмаркой, Гринса видел, как относятся к храмам при дворах королевства. Поклонение древним богам считалось религией кирси и, подобно многим вещам, связанным с племенем беловолосых, открыто презиравлось. Невольно он снова подумал о герцоге своей сестры, надеясь, что Кезии удастся уговорить Керни отправиться в Кентигерн. Из всех правителей главных эйбитарских домов герцог Глендиврский сохранял самую тесную связь со Старой Верой. Гринсе оставалось только ждать прибытия Керни — и ждать по возможности дальше от Андреаса.

— Вероятно, вы правы, — сказал он. — Вероятно, сейчас еще не время рассказывать Андреасу все, что вы знаете. Но когда это время наступит, смогу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Настоятельница улыбнулась через силу.

— Конечно. Байан позволил девушке показать Тавису лицо убийцы. По-видимому, он сделал это с некой целью. Кто я такая, чтобы идти против воли бога?

Гринса не попытался скрыть своего облегчения.

— Спасибо.

Они замолчали, глядя на спавшего мальчика.

— Я сожалею, что не остался здесь сегодня ночью, — наконец сказал Гринса.

— Тебе нет необходимости оправдываться передо мной, — сказала настоятельница и мгновение спустя добавила: — Или перед Фебой, коли на то пошло.

— Трудная была ночь?

— Для мальчика — наверняка.

Он искоса взглянул на Мериел.

— А для вас?

Она принужденно улыбнулась.

— Я живу в храме более десяти лет и встречаюсь со своими мертвыми в конце каждого месяца и каждую ночь в месяце Байана. Порой мне кажется, что мне легче общаться с ними, чем с живыми.

— Вы сказать Фебе, что я был здесь?

— Я сказала, что видела тебя и что ты хорошо выглядишь. Но не сказала, что ты сейчас в Кентигерне. — Мериел на мгновение умолкла и подалась вперед, заглядывая Гринсе в глаза. — Но даже если бы я сказала, она не осудила бы тебя за то, что ты ушел из храма. Феба знает, как ты любил ее. И знает, как ты скорбишь до сих пор.

Он кивнул, не решаясь произнести ни слова.

— Сейчас у тебя достаточно поводов для волнения. Не терзайся мыслями о прошлой

ночи. Это ни к чему.

Гринса глубоко вздохнул. Мериел и в этом была права.

— Хорошо, — с трудом проговорил он.

Они снова погрузились в молчание, которое, впрочем, настоятельница вскоре нарушила.

— Таким образом, ты еще не готов встретиться лицом к лицу с Андреасом. Значит ли это, что ты останешься с нами на какое-то время?

Гринса снова взглянул на Тависа.

— Нет. Думаю, нам пора покинуть Кентигерн.

— Ты уверен? Мне кажется, в храме вы находитесь в безопасности — по крайней мере пока; и вы можете жить здесь сколь угодно долго.

— Еще раз спасибо. Но в сложившейся ситуации держать мальчика здесь слишком рискованно. Один мой друг согласился доставить нас в Тримейн. Мы тронемся в путь во второй половине дня.

— Тримейн? — повторила Мериел. — Я знаю тамошнюю настоятельницу, женщину по имени Джаная. Она служит в храме Адриели, поэтому ей предстоит трудный месяц; но она наверняка предоставит вам убежище, если вы сошлетесь на меня.

Кирси улыбнулся и покачал головой.

— Сколько можно благодарить вас? Может, мне стоит еще раз принести свою кровь в жертву?

Но Мериел помотала головой:

— На твоём месте я бы подождала. Насколько я помню, нож у Джанаи жаден до крови.

Проснувшись на холодном каменном полу, Тавис поначалу решил, что он снова находится в кентигернской темнице. Он резко сел, морщась от боли в затекших плечах и шее.

— Все в порядке, — раздалось позади него. — Вы в храме.

Тавис осторожно повернул голову и увидел предсказателя, сидевшего на ближайшей деревянной скамье.

— Ты вернулся, — сказал он. — Надо полагать, Черная Ночь закончилась.

Казалось, кирси на мгновение весь напрягся.

— Да, уже утро. — Он помолчал, словно стараясь расслабиться. — Настоятельница сказала, что вам выпала трудная ночка.

Тавис закрыл глаза и потер лоб.

— Да, верно. — Внезапно он широко раскрыл глаза, поняв смысл последних слов. — Она тоже видела Бриенну? Она знает, что произошло?

— Она знает, что убийца не вы и что вы знаете, кто убил девушку.

— Хвала Ину! — прошептал мальчик.

— На самом деле вам следует благодарить Байана — вы согласны?

Тавис ухмыльнулся:

— Я готов благодарить любого бога, какого прикажешь. — Он с трудом встал на ноги, двигаясь медленно и осторожно. — Когда мы вернемся в замок?

— Вы имеете в виду Кентигернский замок? — Гринса нахмурился.

— Да. Мой отец по-прежнему там, и Ксавер тоже. Они должны знать. И нам нужно рассказать все Андреасу.

— Боюсь, все не так просто, Тавис. Андреас питает к Старой Вере еще меньше почтения, чем ваш отец. Сейчас можно сказать только одно — настоятельница и я считаем вас невиновным. Но отец Бриенны не придаст значения нашим словам.

— Но Бриенна сказала, что я невиновен!

— Так вы утверждаете.

— Но ты сказал, что настоятельница...

— Она знает, что Бриенну убили не вы. Но и только. — Предсказатель тяжело

вздохнул. — В отличие от Мериел я не знаком с обычаями Лукавца. Насколько я понял, она могла только слышать то, что вы говорили Бриенне. Самого призрака настоятельница не видела и не слышала, так же как не видела и образа убийцы. Услышанного из ваших уст оказалось достаточно, чтобы она убедилась, что девушку убили не вы. Однако в этом мало толку. Андреас поверит ей не больше, чем верил вам.

Тависа точно обухом по голове ударило.

— Значит, все было напрасно, — горько сказал он. — Встреча с ней ничего мне не дала.

— Это не так. Встречаться со своими мертвыми всегда трудно. По крайней мере, прошлой ночью вы получили доказательства собственной смелости. Даже более того...

— Извини, предсказатель, — прервал его Тавис, не желая выслушивать подобные вещи сейчас. — Но я не нуждаюсь в твоих лекциях о смелости, необходимой для встречи с мертвыми.

Гринса резко встал и покраснел.

— Да как вы смее! Ради вас я рискую жизнью каждый день со времени своего отъезда с ярмарки! Как вы смее осуждать меня за поступки, понять которые не в силах? — Он круто развернулся и направился к выходу. — Восстанавливайтесь в своих правах на престол сами! — бросил он, не потрудившись оглянуться. — Я больше не желаю иметь с вами дела!

Тавис стоял совершенно неподвижно, ошеломленный столь сильной вспышкой гнева. Однако, когда Гринса достиг двери, он окликнул кирси по имени.

— Прошу прощения, — сказал мальчик. — Я не... мне не следовало говорить так.

Гринса стоял спиной к нему, опершись о дверь.

— Пожалуйста. Ты нужен мне. Я... один я не сумею никого убедить в своей невинности.

— Да, — сказал Гринса, поворачиваясь к Тавису. — Не сумеете. Чем раньше вы поймете это, тем скорее перестанете вести себя, как избалованный ребенок.

Тавис прикусил язык, удерживаясь от резкого ответа. Он не привык к подобному обращению. Но, с другой стороны, совсем недавно он вынес много оскорблений, по сравнению с которыми это казалось мелочью.

— Ты прав. Мне пришлось тяжело в последнее время. Я не привык ни от кого зависеть так сильно, как завишу от тебя сейчас. Мне это не очень нравится.

Кирси поджал губы, потом кивнул:

— Понимаю.

— Ты начал говорить о том, что дала мне встреча с Бриенной, — заискивающе сказал Тавис, пытаясь заманить Гринсу обратно в святилище. — Думаю, мне нужно выслушать тебя. Это пойдет мне на пользу.

— И больше никаких оскорблений?

— Даю слово.

Гринса еще с минуту постоял у двери, словно борясь с желанием уйти, но в конце концов отпустил дверную ручку и медленно вернулся к алтарю.

— Я хотел сказать, что ваша встреча с Бриенной все же дала положительные результаты, пусть вы и не получили достаточно доказательств, чтобы заставить Андреаса переменить свое мнение. Во-первых, теперь я уверен в вашей невинности, и настоятельница тоже. — Он помолчал, пристально глядя на Тависа. — И теперь вы сами уверены в своей невинности, чего не могли сказать еще вчера, не так ли?

У молодого лорда отвалилась челюсть. Откуда предсказатель это знал?

— Я прав? — спросил кирси.

Тавис кивнул:

— Я так и думал. Хотя мы и не можем сейчас же пойти к Андреасу, — продолжал Гринса, — наши дела обстоят лучше, чем прежде. Вам необходимо сохранять терпение, милорд, сколь бы трудным это ни казалось.

— Но если вы с настоятельницей не в силах убедить Андреаса, кто сделает это?

Но Тавис тут же сам ответил на свой вопрос. Вероятно, в конечном счете встреча с Бриенной дала ему именно то, что требовалось.

— Убийца, — сказал он, и слово отдалось звучным эхом под потолком святилища.

Гринса удивленно взглянул на мальчика.

— Что?

— Если мы найдем убийцу, Андреасу придется поверить нам.

— Вы так полагаете? — спросил предсказатель, приподняв бровь. — Вы рассчитываете привести к нему убийцу живым? Ибо труп ничего не докажет. Но даже если он будет жив, как вы рассчитываете вырвать у него признание?

— Но я знаю, кто убил Бриенну! — Тавис почувствовал, как надежда вновь угасает в его душе. — Я видел лицо человека! Это же имеет какое-то значение!

— В общем-то да. Но с другой стороны, пока еще рано бросаться на поиски убийцы. Терпение, Тавис. Сейчас вам нужно только терпение.

Мальчик потряс головой:

— Нет! С этим медлить нельзя! Бриенна показала мне его лицо. Она попросила меня найти убийцу. «Докажите свою невиновность и спасите королевство», — так она сказала мне.

— Именно это мы и сделаем. Но в данный момент мы даже не знаем, где он. Вероятно, он уже давно покинул Кентигерн.

— Значит, мы разыщем его!

— Каким образом, Тавис? Все, кому он известен в Прибрежных Землях, знают его как музыканта. Его никто не ищет. А вы беглец, скрывающийся от правосудия.

Тавис снова потряс головой, хотя на сей раз не так энергично.

— Он все верно рассчитал, правда?

— Он планировал все не один. Знаю, вас это не утешит, но это правда. Здесь речь идет не об одном человеке, а скорее о целом заговоре. Для того, чтобы его разрушить, потребуется время.

— Откуда ты знаешь о заговоре?

— Я не знаю наверняка, но есть немало оснований предполагать это. Думаю, в ночь вашего освобождения из темницы вы слышали, как я говорил первому советнику, что убил человека в Кентигернском лесу. А незадолго до своей смерти он сказал мне, что его наняла одна женщина-кирси, которую я знал по ярмарке.

Что-то в голосе Гринсы навело Тависа на мысль, что упомянутая женщина значила для кирси больше, чем простая знакомая.

— Она тоже Избранная? — спросил он.

Мужчина метнул на него пронзительный взгляд, но ответил на удивление спокойным голосом:

— Нет, она не Избранная.

Тавис хотел задать еще вопрос, но сразу же передумал.

— Мы можем поговорить об этом в другой раз, — сказал кирси. — Сейчас мне необходимо заняться кое-какими приготовлениями.

— Приготовлениями к чему?

— К нашему отъезду. Мы покидаем Кентигерн сегодня ближе к вечеру. Мне нужно переговорить с торговцем, который поможет нам.

— А что делать мне?

Гринса пожал плечами:

— Поешьте. Поспите. На ваш выбор. Просто приготовьтесь тронуться в путь с предзакатными колоколами.

Мальчик кивнул и проводил взглядом предсказателя, который во второй раз повернулся к нему спиной и вышел из святилища. Тавис никогда не испытывал особого уважения к кирси. В этом отношении, как и во многих других, он был истинным сыном

своего отца. Но его утешала мысль, что Гринса останется рядом с ним на какое-то время, и он точно знал, что никогда прежде не встречал ни одного кирси, похожего на этого человека.

Друг Гринсы тоже оказался кирси, торговцем тканями, который направлялся в Тримейн. Его повозка, подкатившая к задним воротам храма, была нагружена огромными полотнищами сукна и холста, сложенными в кипы высотой в несколько ярдов. В повозку были впряжены две крупные деревенские лошади — одна белая, другая серая в яблоках.

— Вам надо спрятаться под тканью, — объяснил Гринса без особой на то необходимости. — Хьюсон говорит, лучше под сукном. Холст слишком жесткий; под ним стражники скорее вас обнаружат.

— Похоже, они в любом случае меня обнаружат, — сказал Тавис, с сомнением разглядывая повозку.

— Я уже не раз проворачивал такие дела, господин, — сказал торговец, сидевший на козлах. Он говорил с сильным везирнийским акцентом и вдобавок сжимал в зубах трубку, поэтому Тавис с трудом разобрал слова. — Вам нужно только свернуться калачиком и не дергаться — и поверьте, все пройдет как по маслу.

С помощью нескольких священнослужителей они сняли с телеги почти все сукно, оставив лишь тонкий слой ткани на деревянном днище повозки. Потом торговец скатал в рулон несколько полотнищ и уложил их таким образом, чтобы образовалась полость, в которую предстояло забраться Тавису. Мальчик покивал, начиная понимать, в чем заключается хитрость. Сзади и с боков кипа сукна выглядела совершенно обычно. А с четвертой стороны, загороженной кипой холста, в ней оставалось узкое отверстие, дававшее доступ воздуху.

— Теперь убедились? — спросил торговец, взглянув на Тависа с лукавой улыбкой.

Тавис невольно рассмеялся.

— Да.

— Отлично. Тогда забирайтесь в телегу. Мне пора трогаться в путь.

Молодой лорд повернулся к Мериел, внимательно смотревшей на него.

— Приношу вам глубокую благодарность, мать настоятельница. Когда я стану королем, я вознагражу вас за услугу.

— Вы ничем мне не обязаны, лорд Тавис. Если кто и заслуживает вашей благодарности, то только Гринса. И, вероятно, Байан.

Мальчик мельком глянул на кирси, а потом кивнул на прощание Мериел. Он забрался в телегу и лег на сукно, как велел торговец. Затем священнослужители принялись укладывать поверх него полотнища ткани.

Это заняло довольно много времени, и, хотя часть веса пришлась на рулоны материи, Тавис скоро почувствовал тяжесть наваленных сверху полотнищ. Он начал обливаться потом и, лежа в темноте, изо всех сил старался не поддаться панике. Он дышал с трудом, хотя чувствовал, что сквозь узкое отверстие все же поступает свежий воздух.

«Это лучше, чем темница», — снова и снова повторял он про себя. Он ничего не слышал, и, когда повозка внезапно тронулась, у него чуть сердце не выскочило из груди.

— Могли бы и предупредить меня, — крикнул Тавис, прекрасно понимая, что его никто не услышит.

Повозка прыгала и тряслась по камням мостовой едва ли не целую вечность — и наконец мальчика стало сильно мутить. Однако тут они остановились, и мгновение спустя Тавис услышал, как Гринса окликает его по имени.

— Да, — прокричал он в ответ. — Где мы?

— Недалеко от восточных ворот. Я хотел убедиться, что с вами все в порядке, прежде чем мы встретимся со стражниками Андреаса.

— Недалеко от восточных ворот? Всего-то?

— Да, а что?

— Гром и молния! — тихо воскликнул Тавис. Это было немногим лучше темницы. — Да нет, ничего. Все в порядке. Езжайте дальше.

— Хорошо.

Через несколько секунд повозка тронулась с места, но очень скоро опять остановилась — несомненно, у городских ворот. Тавис лежал совершенно неподвижно, еле дыша и напрягая слух в попытках разобрать, что говорят стражники Гринсе и торговцу. Поначалу он не слышал ничего, но потом различил несколько голосов, в том числе голос Гринсы. Повидимому, они стояли совсем рядом. Тавис задрожал от страха и испугался, что сотрясает всю кипу сукна. Впрочем, вскоре голоса стихли в отдалении. Однако повозка продолжала стоять на месте, и Тавис лежал там, казалось, целую вечность, ожидая, когда они поедут дальше, и строя догадки насчет происходящего.

Наконец повозка снова покатила вперед, и мальчик закрыл глаза, радуясь тряскому, шаткому ходу телеги больше, чем сам ожидал.

Потом он потерял счет времени — возможно, даже уснул. В неизменной темноте и тепле своей странной постели он потерял чувство реальности. Однако в какой-то момент Тавис осознал, что повозка остановилась, и снова услышал голоса.

— Тавис! — крикнул Гринса.

Казалось, мальчик вздохнул свободнее под тяжестью наваленных на него полотнищ.

— Я в порядке! — отозвался он. — Почему мы остановились?

Внезапно всю кипу сукна, давившую на него, подняли. Гринса и торговец стояли в телеге над ним.

— Пошевеливайся, приятель! — проговорил Хьюсон сквозь стиснутые зубы. — Дай нам положить на место эти поганые тряпки!

Тавис выкатился из-под кипы материи. Все мышцы у него мучительно ныли — как все последние дни. Он невольно задался вопросом, не причинил ли ему Андреас больше вреда, чем полагает Гринса.

Наступила ночь, которую им предстояло провести в Кентигернском лесу. Кромешную тьму рассеивал лишь слабый свет маленькой масляной лампы — кирси зажег ее и поставил на землю. Низко над западным горизонтом висел Илиас — тонкий красный полумесяц, робко выглядывавший из-за деревьев и означавший начало прибывания лун. Панья в первые ночи месяца вообще не всходила.

— Где мы? — спросил Тавис, когда двое кирси уложили кипу ткани на прежнее место.

— Приблизительно в лиге от Кентигерна, — ответил Гринса. — Сегодня ночью мы здесь в безопасности.

— Завтра мне снова придется залезть под тряпки? — Он не особенно хотел услышать ответ, но все же не удержался от вопроса.

Хьюсон пожал плечами:

— От этого не будет никакого вреда.

Гринса рассмеялся — очевидно, выражение лица молодого лорда его позабавило.

— Думаю, это зависит от того, сидишь ты перед горой тряпок или лежишь под ней.

Тавис указал на свою одежду, которую ему дала Мериел. Простое платье, все в пятнах, походило на одеяние обычного ремесленника.

— В такой одежде меня и так никто не узнает, — сказал он. — Все примут меня за подмастерье.

Торговец хихикнул.

— Сомневаюсь. У вас вид мальчика голубых кровей. Ваше платье не имеет значения.

Тавис умоляюще посмотрел на Гринсу.

— Мы можем немного испачкать его одежду и лицо, — сказал Избранный. — Это поможет.

Хьюсон покачал головой:

— Вряд ли вы проведете кентигернских стражников, коли мы столкнемся с ними. Ты всего лишь предсказатель, Гринса. Если нам случится бежать, именно мне придется вызывать туман.

И снова Тавис бросил взгляд на Гринсу, который пристально смотрел на него,

повелевая молчать. Возможно, Хьюсон был другом, но он явно ничего не знал о других магических способностях Гринсы.

— Вряд ли мы встретим здесь стражников Андреаса, — сказал Гринса, снова переводя взгляд на торговца. — Если бы мы направлялись в Керг, мы, вполне вероятно, столкнулись бы с ними. Но у них нет оснований искать Тависа на дороге в Тримейн.

Хьюсон махнул рукой, словно потеряв интерес к разговору.

— Ладно. Делайте что хотите. Только не вините меня, когда нам накинута петля на шею.

Он отошел, бормоча что-то насчет дров для костра.

— Он не знает? — спросил Тавис.

Гринса принялся вынимать пакеты с едой из ящичка, прикрепленного к телеге сзади.

— Нет, не знает.

— Как же ты объяснил ему все это?

Кирси на мгновение остановился и посмотрел на Тависа как на человека, неспособного понять очевидное.

— Я сказал Хьюсону, что вас вытащили из темницы, — наконец сказал он, возвращаясь к своему занятию. — Что меня вызвали в храм и попросили помочь вам выбраться из Кентигерна и найти надежное убежище.

— И он удовлетворился таким объяснением?

— Хьюсон не задает лишних вопросов, и я тоже ни о чем его не расспрашиваю. Человек, умеющий столь ловко обманывать городских стражников, едва ли расположен обсуждать дела такого рода.

Тавис на минуту задумался.

— Что ж, благодарю тебя, — наконец сказал он. — Я рад, что мы выбрались из Кентигерна.

— Еще бы вам не радоваться. Надеюсь, путешествие в Тримейн пройдет гладко. Вам придется снова спрятаться перед въездом в город, но это будет только через несколько дней. — Гринса спрыгнул с повозки, прижимая к груди пакеты с едой. — А сейчас, лорд Тавис, вы свободный человек. Наслаждайтесь своей свободой, пока можете.

Время обеда настало совсем недавно, и до закрытия городских ворот оставалось еще несколько часов, но Кентигернский замок уже погрузился в такую тишину, словно была полночь. Солдаты у барбаканов и караульных переговаривались приглушенными голосами. Иоанна по-прежнему лежала в постели, а ее фрейлины находились в своих комнатах, как предписывали правила приличия и обычай. Герцог сидел один в пиршественном зале, прилагая все усилия к тому, чтобы опустошить кентигернские винные погреба. Советники, в том числе Шерик, отпущенные Андреасом на день, обедали в своих покоях.

Со дня смерти Бриенны так проходили все вечера. В замке было тихо, как в монастыре, и мрачно, как на кладбище. В прошлом здесь всегда царило оживление, почти каждый вечер звучала музыка и по залам разносились ароматы пиршественных яств. Герцог и тогда много пил, но обычно в компании и почти всегда под плотную закуску. Поэтому он так растолстел.

Но эти дни миновали. Шерик задавался вопросом, станет ли когда-нибудь Кентигернский замок прежним. Конечно, он надеялся, что не станет. В нынешнем своем состоянии обитатели замка едва ли сумеют выдержать предстоящую осаду.

Закончив есть, первый советник приказал своим слугам убрать со стола грязные тарелки и велеть конюхам оседлать его коня. Они пятась вышли в коридор, беспрестанно кланяясь и бормоча «Да, господин советник», и только потом бросились выполнять распоряжения. Никто не спросил, зачем ему понадобилась лошадь в такой час и куда он собирается ехать. Они даже не поинтересовались, желает ли он известить герцога о своих планах. Все было так легко, что Шерик невольно рассмеялся.

Он спустился во двор, и помощник конюха подвел к нему коня, доложив, что только сегодня почистил животное. Паренек прямо-таки засиял от удовольствия, когда Шерик

заметил, что конь выглядит великолепно. Стражники у внутренних и внешних ворот поклонились советнику и пожелали приятной прогулки и доброго вечера. Солдаты у городских ворот зашли еще дальше, пообещав непременно впустить Шерика в город, даже если он вернется после вечерних колоколов, с которыми закрывались ворота. Он был Шериком джал Маренном, первым советником герцога Кентигернского, а они тупоголовыми инди. Могли ли они поступить иначе?

Выехав из города, кирси двинулся прямо к Тарбину, чтобы стражники решили, будто он направляется в лагерь кентигернских солдат, несших дозор у реки. Только когда городские стены скрылись из виду, он повернул на юг, к окраине болота Хэриер, где Тарбин было легче перейти вброд по мелководу. В первые ночи месяца Панья не всходила, а Илиас сейчас представлял собой всего лишь тонкий красный полумесяц, низко висевший над восточным горизонтом, поэтому советник не боялся, что его увидят. Правда, он и сам плохо видел в темноте, но предоставил своему коню свободно идти вдоль берега и благополучно доставить седока к месту встречи.

По дороге Шерик вновь обратился мыслями к разговору с кергским первым советником, состоявшемуся накануне вечером. Он с самого начала был уверен, что Тависа вызволил из темницы кирси. Это казалось совершенно очевидным, и он страшно удивился, что даже Андреас не понял этого. Поразительно, но в деле определенно принимал участие Избранный. Кентигернский советник явственно видел ужас, который отразился в глазах Фотира, когда он высказал такое предположение. Шерик прекрасно понимал, что значит сотрудничать с Избранным и сознавать, что за одно только общение с таким кирси можно поплатиться жизнью. Он не мог осуждать Фотира, который бледнел при одном упоминании об Избранном и упорно продолжал лгать, даже когда обман стал очевиден.

Но Шерику нужно было знать, не является ли Избранный Фотира именно тем Избранным, на которого работал он сам.

Он вполне допускал такую возможность. Человек, плативший советнику, время от времени обнаруживал склонность натравливать своих наемников друг на друга. Если принять во внимание нынешние цели Избранного — междоусобную войну, ослабление главных эйбитарских домов и войну между Эйбитаром и Анейрой, — то ему, безусловно, имело смысл сделать это снова.

Так ли обстояло дело сейчас или нет, не имело особого значения; хозяин в любом случае ожидал от Шерика выполнения своих приказов. Тем не менее советник невольно задавался вопросом, был ли побег Тависа частью плана Избранного или непредвиденным осложнением. Могут ли они с Фотиром в конечном счете оказаться союзниками? Должен ли он помогать Андреасу в поимке беглеца или ему следует препятствовать усилиям герцога?

Внимание Шерика привлекла короткая вспышка. Он придержал коня и всмотрелся в противоположный берег реки. Мгновение спустя он снова увидел крохотный огонек, подобный пламени свечи, который вспыхнул и сразу же погас. Ялла.

Шерик направил коня вниз по отлогому берегу и в холодные воды Тарбина.

«Все скажут, что я второй Картах, — подумал он, чувствуя, как намокают бриджи и брызги летят в лицо и на волосы. — Все будут считать меня очередным предателем-кирси». Ему не следовало беспокоиться на сей счет. Какая разница, что скажут о нем Андреас и остальные? К тому же это не имело ничего общего с правдой. Картах предал свой народ, чтобы спасти свою жизнь и набить карманы золотом. Шерик, хотя и предавал герцога-инди и получал за это деньги, делал это ради славы племени кирси. Конечно, советник тешился мыслью, что поступок, который он совершал сегодня ночью, поможет исправить ужасное зло, много веков назад совершенное Картахом на берегах Рассора.

Но все же, когда он выехал на противоположный берег из Тарбина и направился к месту встречи с Яллой и герцогом, в уме у него неотступно звучали слова: «Путь предателя одинок». Эта старая пословица появилась задолго до предательства Картахы, но Шерик не мог не сознавать, что и сегодня она не утратила своей истинности.

Через несколько минут он натянул поводья и остановил коня прямо перед ними. Он с

трудом различал в темноте две темные фигуры, которые смутно вырисовывались на фоне звездного неба, залитого розоватым светом Илиаса. Оба они тоже сидели верхом, Ялла на маленькой лошади, которая казалась просто крохотной рядом с породистым жеребцом герцога.

— Шерик джал Марсин, первый советник Кентигерна, позвольте представить вам лорда Роула, герцога Мертесского. — Голос Яллы, заглушаемый журчанием реки, звучал еле слышно.

— Рад с вами познакомиться, господин герцог, — сказал Шерик, стараясь говорить как можно приветливее.

— Все готово? — раздраженно осведомился мужчина.

— Пока нет, но будет готово, когда я получу свои деньги.

Последовала короткая пауза, потом герцог бросил:

— Заплатите ему.

На камне, лежавшем в руке у Яллы, вспыхнул язычок пламени, подобный ножу, которым жонглер балансирует на ладони. Другой рукой она протянула Шерику соблазнительно зазвеневший кошелек.

— Можете пересчитать, если хотите, — сказал герцог, когда Шерик взял у Яллы мешочек с деньгами, легко дотронувшись до пальцев женщины.

Советник засунул кошелек во внутренний карман плаща.

— В этом нет необходимости, милорд. Я уверен, здесь все.

Герцог нахмурился. Он был крупным мужчиной, широким в плечах и груди, хотя и не таким толстым, как Андреас. У него были соломенные волосы, выпуклый лоб и холодные голубые глаза.

— По дороге сюда я говорила герцогу, что с учетом последних событий в Кентигерне нам стоит дожидаться полных лун, прежде чем начинать осаду, — сказала Ялла.

Они встретились взглядами, и Шерику показалось, что в уголках ее рта играет еле заметная улыбка.

— Вынужден согласиться, — сказал он. — Вполне возможно, к тому времени дома Кергов и Кентигернов уже начнут войну, и тогда взять холм будет гораздо легче.

— Правда ли, что молодой Керг убил дочь Андреаса? — спросил герцог.

— А, так вы уже знаете. Да, боюсь, это правда.

— Я всегда говорил, что эйбитарцы настоящие скоты.

Шерик ухмыльнулся:

— Странно, что смерть Бриенны так тронула вас, милорд.

Мужчина свирепо посмотрел на него.

— Я вражду с вашим королем и вашим герцогом, а не с невинными детьми.

— Разумеется, милорд.

На анейранском берегу, за спинами Роула и Яллы, заржала лошадь. Шерик вздрогнул и резко натянул поводья, подняв своего жеребца на дыбы. Только так он смог сдержать встревоженного коня.

— Успокойтесь, первый советник, — сказал Роул, не скрывая насмешки. — Там всего лишь мои люди. Я не рискую отъезжать так далеко от замка без охраны.

Шерик глубоко вздохнул и потрепал своего коня по холке. Он попытался улыбнуться, но безуспешно. Внезапно он почувствовал себя беззащитным и мысленно пожелал, чтобы Ялла погасила свой огонь.

— Так значит, договорились? — спросила Ялла. — Мы подождем еще немного?

— Полмесяца, — сказал герцог. — Но не дольше. Если дома начнут воевать к Ночи Двух Лун, мы воспользуемся этим в своих интересах. Но я намерен ждать только до третьей ночи убывания лун, не дольше. Нам нужен лунный свет, чтобы переправиться через реку, и я хочу начать штурм задолго до рассвета. — Он бросил на Шерика мрачный взгляд. — Если дома развяжут войну раньше, вы известите нас?

— Постараюсь, милорд, — сказала Ялла. — Но может, нам просто следует сразу

назначить наступление на третью ночь убывания лун? Эти встречи опасны для всех нас. Я бы предпочла не рисковать еще раз.

— Такое возможно? — спросил герцог Шерика.

Советник чувствовал, что своим предложением Ялла преследует некую цель, но не понимал, какую именно. Полмесяца ему хватило бы с лихвой на все необходимые приготовления, но он не знал, развяжут ли дома войну так скоро.

— Да, милорд, — ответил он. — Полагаю, возможно.

Герцог кивнул:

— Хорошо. — Он развернул своего коня и начал подниматься по откосу берега. — Поехали, Ялла, — крикнул он не оборачиваясь.

— Да, милорд. — Но она задержалась еще на несколько секунд, пристально глядя в глаза Шерику.

— Я не уверен, что Андреас и Яван начнут войну к тому времени, — прошептал он.

Женщина улыбнулась, и выражение ее темно-желтых глаз заставило Шерика вспомнить о ночах, которые они проводили вместе в далеком прошлом.

— А я уверена, — сказала она и погасила свой огонь.

ГЛАВА 21

Глендивр, Эйбитар

Дочитав наспех написанное послание, Гершон положил пергамент на стол и пронаблюдал, как он снова сворачивается в трубочку, словно сухой лист в огне.

— Я понимаю, к чему вы клоните, — промолвил он после непродолжительной паузы. — Похоже, Андреас хочет войны.

— Я не могу винить Андреаса, — сказал герцог. — Но это уже не имеет никакого значения. Когда они с Яваном просто угрожали друг другу, я мог выждать и наблюдать. Но теперь... — Он пожал плечами. — Я по-прежнему не хочу выступать в Кентигерн, но не уверен, что вправе остаться в стороне и позволить им уничтожить королевство.

— Так вы говорите, что предложение отправиться в Кентигерн поступило от первого советника? — снова спросил Гершон, все еще сомневаясь, что правильно понял герцога.

Керни кивнул и слабо улыбнулся, словно сам не верил в это.

— Я тоже удивлен. Но она привела довольно убедительные доводы и даже посоветовала мне обсудить все с вами.

Капитан задумался, недоуменно покачивая головой. Кирси постоянно преподносили сюрпризы, и он еще не понимал, делалось это с хитрым расчетом или нет. Гершону всегда казалось нелепым, что представителям племени волшебников, которые некогда пришли сюда с намерением завоевать Прибрежные Земли, теперь доверяли посты советников при всех дворах во всех королевствах. Неужели никто из знатных инди не изучал историю? Неужели они не знали, что сделала магия кирси с войсками Прибрежных Земель во время древней войны? Неужели они забыли, что сами кирси были побеждены только после того, как их предал соплеменник? Они были опасны и лживы, но порой капитану казалось, что только он один понимает это.

Возможно, как часто говорил Керни, Гершон просто смотрел на мир глазами воина. Он не вполне доверял и сириссцам, хотя Сирисс и Эйбитар в течение двух веков были союзниками и уже четыре века не воевали друг с другом. Враг всегда остается врагом — вот кредо истинного солдата, которое внушил Гершону отец много лет назад. Он понимал, что подобный принцип может завести слишком далеко, ибо на протяжении своей истории Эйбитар воевал почти со всеми королевствами Прибрежных Земель и уже давно остался бы без союзников, когда бы следовал оному. Но Гершон не представлял себе, чтобы эйбитарские герцоги или таны обращались за советом к везирнийцам или сириссцам. Однако все они без колебаний прибегали к помощи беловолосых.

Гершон считал своего герцога самым умным и благородным человеком из всех, кого

встречал в жизни. Керни видел мир таким, каков он есть, в отличие от людей, неспособных выйти за рамки своих собственных представлений о мире. Как командующий глендиврской армии, он хорошо понимал важность тренировок и знал цену хорошему оружию. Как глава одного из влиятельных эйбитарских домов, он знал, когда следует говорить, а когда применять военную силу. Как друг, он высказывал свои мнения откровенно и требовал в ответ такой же откровенности, даже если знал, что может услышать неприятные вещи.

Мужчина и солдат не мог требовать от своего герцога большего. По мнению Гершона, у Керни была лишь одна слабость: привязанность к первому советнику.

Гершону не нравилось уже то, что он на каждом шагу обращался к ней за советом. Но любовь герцога к Кезии казалась капитану совсем уж непростительной глупостью.

Гершон и Салвен подружились с Керни и его женой много лет назад, еще до того как молодой человек стал герцогом, унаследовав титул своего отца. Капитан знал, что порой Лейла бывает капризна и несговорчива, даже холодна и неприветлива. Он знал также, что многие правители держат любовниц. Но одно дело — любовница, и совсем другое дело — любовница-кирси, к тому же занимающая пост первого советника. Ладно еще, что они состояли в преступной связи и рисковали навлечь позор на себя и на дом Глендивров каждую ночь, которую проводили вместе. Но мог ли Керни трезво оценивать советы своего советника, если слушал Кезию как любовник, а не как правитель? Кирси неоднократно показывали себя людьми, недостойными доверия, и все же Керни допустил эту женщину не только к своему двору, но и в свою постель.

Гершону не составляло никакого труда ненавидеть Кезию и подвергать сомнению мотивы, которыми она руководствовалась, и разумность ее советов. Поэтому он всегда испытывал глубокую тревогу в тех редких случаях, когда был вынужден соглашаться с нею.

— Что-то вы притихли, капитан.

Гершон поднял глаза. Керни пристально смотрел на него все с той же улыбкой.

— Насколько я понимаю, предложение вам не по душе.

Капитан откашлялся.

— На самом деле я толком не знаю, как к нему относиться. Похоже, Кентигерн и Керг готовы перегрызть глотки друг другу, причем в самое ближайшее время. Я бы не задумываясь выступил с нашей армией против любого из них, но мне не хочется вставать между ними.

Герцог недоуменно поднял брови.

— Значит, по-вашему, нам лучше остаться в стороне?

— Не уверен, что мы вправе бездействовать. Здесь она права. Если у нас есть хоть один шанс предотвратить междоусобную войну — особенно войну на самой границе с Анейрой, — мы обязаны сделать для этого все возможное.

— Наступили странные времена. — Герцог рассмеялся и потряс головой.

— Милорд?

— Сначала Кезия советует мне поговорить с вами, а теперь вы заявляете, что согласны с ней. Я не удивлюсь, если завтра в мой кабинет войдет король Сирисса и сообщит, что подписал договор о союзе с Анейрой.

— Да не допустит такого Ин, — нахмурившись, сказал Гершон.

Раздался стук в дверь, и капитан внутренне напрягся.

— Вы уверены, что готовы к разговору? — спросил герцог.

— Конечно, милорд. Мы — ваши самые надежные советники, и вам необходимо посовещаться с нами обоими. Так тому и быть.

Герцог кивнул, потом повернулся к двери и сказал:

— Войдите.

Дверь открылась, и в кабинет вошла первый советник, благодаря своим белым волосам и мертвенно-бледной коже напоминавшая скорее призрак, чем человека.

Керни встал с кресла и вышел из-за стола, чтобы поприветствовать женщину.

— Доброе утро, первый советник.

— Милорд. — Она отвесила легкий поклон, несомненно рассчитанный главным образом на Гершона. — Вы посылали за мной?

— Да. — Керни указал на Гершона. — Мы как раз обсуждали ваше предложение отправиться в Кентигерн.

Советник повернулась к нему, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Доброе утро, капитан.

Он молча кивнул.

— Вы приняли решение, милорд? — спросила Кезия.

— Пока нет. Но вам следует знать, что сегодня утром я получил еще одно послание, в котором говорится, что лорду Тавису удалось бежать из темницы и что Андреас заключил в тюрьму Явана, его первого советника и всех его слуг и солдат. Похоже, он намерен держать их под стражей, пока не поймает мальчика.

Женщина нервно потерла руки.

— Кто написал послание?

— Странное дело. Оно не подписано, а гонец не знает.

— Возможно, это какая-то хитрость, уловка, с помощью которой вас хотят заманить в Кентигерн.

— Я думал, вы хотите, чтобы он отправился туда, — сказал Гершон.

Кезия замаялась, и капитан ясно видел, что в ней ведут борьбу разноречивые чувства. Герцог явно знал не все.

— Я вообще ничего не хочу, — сказала наконец женщина. — Если своим присутствием в Кентигерне герцог сумеет предвратить междоусобную войну, значит, он должен отправиться туда. Но только в том случае, если этот шаг не сопряжен с риском для его жизни. — Она слабо улыбнулась. — Именно поэтому я посоветовала герцогу поговорить с вами, капитан. Кто лучше вас сможет решить, что опасно и что нет?

— По вашему мнению, послание является какой-то уловкой? — спросил Керни, вновь привлекая к себе взгляды обоих.

— Меня тревожит, что оно не подписано, — сказал Гершон. — Но с учетом всех уже известных нам фактов и всего, что мы знаем о Яване и Андреасе, я склонен верить письму.

Женщина-кирси скрестила руки на груди.

— Я тоже.

И снова у Гершона возникло впечатление, что она чего-то не договаривает.

Однако герцог, похоже, ничего не заметил.

— Я тоже верю, — сказал он, — пусть мне и неприятно признавать это. — Он медленно подошел к камину и задумчиво уставился в него, хотя там не горел огонь. — Если мы не вмешаемся в дело, Яван и Андреас уничтожат друг друга и оставят весь юго-запад Эйбитара не защищенным от нападения со стороны Анейры. — Вы оба считаете, что все закончится именно так, верно? Если я не остановлю их?

— Кроме вас, никто не сумеет остановить их, милорд, — сказал Гершон, тщательно подбирая слова. — По слухам, король совсем плох. Тоббар не пользуется никаким влиянием в других домах, то же самое можно сказать и о новых правителях Галдастена.

Капитан взглянул на первого советника и увидел, что она внимательно смотрит на него, словно видит впервые. Он почувствовал себя неловко под пристальным взглядом кирси.

— Я сморозил глупость? — раздраженно спросил он.

— Нет, — ответила женщина. — Напротив. Я как раз собиралась сказать то же самое. — Она улыбнулась. — Я не привыкла соглашаться с вами так часто.

— Значит, остается надежда, что и Яван с Андреасом в конце концов договорятся, — с ухмылкой заметил Керни.

Гершон натянуто улыбнулся, но чувство тревоги не покинуло его.

— Иными словами, — мгновение спустя продолжил герцог, — мне ничего другого не остается, кроме как вмешаться.

— Полагаю, капитан хотел сказать не это, милорд. Возможно, вообще никому из

эйбитарских правителей не стоит вмешиваться. Возможно даже, вам захочется посоветоваться с ними, прежде чем предпринимать какие-то шаги. Но если вы считаете нужным сделать что-то, вам придется действовать самостоятельно. Только вы в силах повлиять на Явана и Андреаса.

Кезия все правильно поняла, хотя Гершону не понравилось, что она говорит за него.

Герцог вопросительно посмотрел на капитана. Гершон кивнул:

— Она права.

— Думаю, у нас нет времени совещаться с другими домами, — сказал Керни. — Мы и так можем не успеть в Кентигерн вовремя, чтобы предотвратить войну. — Он вернулся за стол, достал кусок пергамента из выдвижного ящика и принялся писать. — Сколько дней вам понадобится, чтобы подготовить солдат к походу? — спросил он, не поднимая глаз.

Гершон ответил без колебаний:

— Мы будем готовы выступить через два дня. Как много людей вы хотите взять с собой?

— Столько, сколько можно взять, не оставляя Глендивр незащищенным.

Капитан на минуту задумался. Он решил оставить триста лучников и двести меченосцев охранять замок и городские ворота. Хватило бы и меньшего количества солдат, но в подобных случаях он считал нужным перестраховаться. «Позаботься сначала об обороне, ибо победа на поле боя ничего не значит, если ты сдаешь неприятелю свой город». Это было еще одним из высказываний отца — вероятно, самым разумным из всех.

— Я возьму семьсот человек, милорд. Двести лучников, остальные меченосцы.

— Звучит неплохо. — Герцог поднял глаза от пергамента. — Вы позаботитесь о провизии?

— Разумеется, милорд.

— Значит, вы приняли решение, — сказала советник.

— Да. Учитывая ваше с Гершоном мнение, я не вижу иного выхода.

— Что вы пишете?

— Послание к Андреасу, в котором уведомляю последнего о своем намерении явиться в Кентигерн и прошу до моего приезда не предпринимать никаких шагов, угрожающих миру в стране.

— Уже слишком поздно, — спокойно заметил Гершон.

Керни с улыбкой взглянул на него.

— Вы уверены, что поступаете разумно, милорд? — спросила кирси.

— Нет, — ответил герцог, по-прежнему улыбаясь.

Советник молчала, и улыбка медленно сползла с лица Керни.

— Я понимаю, насколько это рискованно. Но думаю, что поступаю правильно.

Несколько мгновений Кезия стояла на месте, словно желая сказать еще что-то, но потом повернулась и направилась к двери.

— Тогда оставлю вас вдвоем. Я плохо разбираюсь в вопросах подготовки и снабжения войск.

— Пойдите, Кезия. — Герцог снова встал с кресла и вышел из-за стола. — Должен признаться, я пребываю в таком же недоумении, в каком недавно пребывал Гершон. Сначала вы говорите, что я должен отправиться в Кентигерн, а когда я принимаю решение последовать вашему совету, вы держитесь так, словно я страшно обманул ваши ожидания.

Кирси остановилась у двери, но не повернулась к Керни.

— Я не имела в виду ничего подобного, милорд. Я согласна, что вы поступаете правильно. Я... я буду молить богов о вашей безопасности.

— О нашей безопасности, Кез. Вы поедете со мной.

Тут она наконец повернулась к нему:

— Я не воин.

Гершон с трудом подавил желание выразить свое согласие с женщиной: она не воин, и ей нечего делать в отряде, который отправится от Глендиврских гор к Кентигернскому

холму.

— Да, но вы мой первый советник. Вот Гершон — воин, и, возможно, он понадобится нам, прежде чем все закончится. Но мне нужно предотвратить войну, и я нуждаюсь в человеке, который умеет вести переговоры так же хорошо, как мой капитан умеет командовать солдатами.

Взгляд ее желтых глаз просветлел.

— Да, милорд, — сказала она. Они оба продолжали стоять неподвижно в разных концах комнаты. Однако, взглянув на них и увидев, какими глазами они смотрят друг на друга, Гершон невольно отвернулся. Он никогда не одобрял их любви, но не мог сомневаться в ее силе.

— Так я оставлю вас, милорд, — еле слышно повторила Кезия.

— Хорошо. Мы еще поговорим сегодня.

Она снова поклонилась, а потом удалилась.

Несколько мгновений Керни продолжал смотреть на дверь, словно по-прежнему видел там женщину. Наконец он перевел взгляд на капитана, вспомнив о его присутствии.

— Хотите сказать еще что-нибудь, Гершон?

«Ничего, я не могу сказать ничего такого, что не положило бы конец нашей дружбе».

— Нет, милорд. Я займусь подготовкой солдат к походу и переговорю с квартирмейстером.

— Благодарю вас. — Герцог в последний раз взглянул на дверь, а потом вернулся за стол и вновь взялся за письмо к Андреасу.

Капитан вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре он увидел первого советника, которая направлялась к лестнице, выходящей в верхний двор замка. Гершон поспешил ей вдогонку. Его шаги отдавались звучным эхом от низкого каменного потолка, и он не сомневался, что женщина их слышит. Но кирси не обернулась. На самом деле она ускорила шаг.

— Первый советник, — позвал он.

Она продолжала идти.

— Может, вы все-таки остановитесь?

Она остановилась, но повернулась к нему не сразу.

— Что вам угодно? — Щеки у нее пылали, кровь под бледной кожей казалась темной до синевы, и Гершон вдруг увидел, какая она еще юная.

— Вы что-то скрываете от нас. Я хочу знать, что именно.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Гершон махнул рукой в сторону кабинета Керни:

— Я наблюдал за вами, когда вы разговаривали с герцогом. Вы явно о чем-то умалчивали. Я не знаю, хотите вы, чтобы он отправился в Кентигерн, или не хотите, но в любом случае вы что-то от нас скрываете.

Кезия закусила губу, метнула на него быстрый взгляд и мгновенно опустила глаза. Она казалась совсем еще ребенком, и Гершон невольно задался вопросом, сколько же ей лет. Немногие кирси, которых он знал, доживали до сорока. И в тот момент он подумал, что советнику вряд ли многим больше двадцати.

— Вы верите, что я люблю Керни?

Он растерянно моргнул, не веря своим ушам.

— Что?

— Я знаю, что вы ненавидите меня и всех моих соплеменников. Несомненно, вы боитесь нашей магической силы и видите в нас угрозу для королевства. Вы считаете, что нам нельзя доверять. Вероятно, вы даже находите странной нашу внешность. — Кезия улыбнулась, хотя ее глаза оставались печальными. — По вашему лицу я вижу, что права. Но если оставить все это в стороне, вы верите, что я по-настоящему люблю герцога?

— Какое это имеет отношение к...

— Пожалуйста, ответьте мне.

Капитан не хотел признавать правду, но сейчас, когда она смотрела ему в глаза и задавала прямой вопрос, он не мог ответить иначе.

— Да, я думаю, вы его любите.

Она искренне улыбнулась.

— Благодарю вас. Вам было непросто сказать это.

— Любите вы его или нет, какое это имеет отношение к моему вопросу?

— Самое прямое. Вы хоть представляете себе, что значит быть его советником и его возлюбленной?

Гершон невольно ухмыльнулся.

— Боюсь, не очень-то.

Первый советник рассмеялась, хотя в глазах у нее стояли слезы.

— Наверное, сейчас вы впервые заставили меня рассмеяться, капитан.

Гершон густо покраснел.

— К чему вы клоните? — спросил он.

Кезия смахнула слезу со щеки.

— Каждый раз, когда я даю совет, я разрываюсь между мыслью о том, что надлежит сделать герцогу Глендиврскому, и мыслью о том, что бы мне хотелось, чтобы сделал Керни. Он должен отправиться в Кентигерн. Мы оба это понимаем. Но я боюсь, что он там погибнет.

Гершон был воином. Он часто испытывал подобный страх и научился подавлять его. Но он совершенно не ожидал услышать такие слова от кирси. Капитану показалось, будто кровь застыла у него в жилах, как если бы сам Байан прикоснулся ледяным пальцем к его сердцу.

— Вы прозрели будущее? Герцогу грозит опасность?

— Нет, насколько мне известно. Мои опасения ни на чем не основаны. — Она снова печально улыбнулась. — Я боюсь за Керни, потому что люблю его. Именно поэтому быть советником герцога мне так... трудно.

Гершон не знал, верить Кезии или нет. Он слишком долго видел в их связи угрозу для дома Глендивров. Ничего подобного ему никогда не приходило в голову.

— Похоже, дело не только в этом, — наконец сказал он. — Похоже, послание, пришедшее сегодня утром, совсем не удивило вас. — Это была просто догадка, но, по всей видимости, верная.

— Вы правы, — сказала женщина. — Дело не только в этом. Но уверяю вас, это никак не повлияет на мою преданность герцогу и не поставит под угрозу наше путешествие в Кентигерн.

— Вы полагаете, я просто приму ваши слова на веру?

— Боюсь, у вас нет выбора.

— Конечно есть! Я могу...

Кезия подняла палец, прерывая Гершона.

— Я могла бы ничего не говорить вам, капитан. Я могла бы солгать, сказав, что я ничего не утаиваю от вас, — и таким образом положить конец нашему разговору. Но если нам предстоит отправиться в Кентигерн вместе и ограждать Керни от беды, нам придется научиться доверять друг другу.

— Такие-то у вас представления о доверии?

— На самом деле — да. Я верю, что вы не расскажете Керни о нашем разговоре. А вы, в свою очередь, должны верить, что прежде всего я буду всеми силами блюсти интересы герцога и дома Глендивров, что бы ни случилось.

— Вы можете объяснить мне, почему я должен вам верить?

— В этом нет необходимости: вы уже все знаете.

Таким образом, они вернулись к тому, с чего начали. Кезия любила герцога. Она хотела избежать выяснения отношений с Гершоном — она практически пыталась спастись от него бегством. Однако капитан внезапно понял, что весь разговор прошел именно так, как она

рассчитывала.

Кирси повернулась, собираясь уйти.

— Вы не сказали мне еще кое-что, — быстро проговорил Гершон, вновь останавливая женщину. — Это опасно для вас?

— Какое это имеет значение, капитан?

— Если вам грозит опасность, я должен знать. — Он на мгновение замялся. — Возможно, я сумею помочь.

У Кезии чуть округлились глаза, словно Гершон впервые за утро удивил ее.

— Еще раз благодарю вас, — сказала она. — Я бы хотела ответить вам, честное слово. Но я не знаю.

Через два дня рано утром они собрались в нижнем дворе. Керни в своем походном платье, сидевший на рослом гнедом коне, выглядел таким же бывалым воином, как Гершон. Небо заволакивали дымчатые облака, накрапывал дождь, от которого светлые стены замка потемнели. Герцогские солдаты стояли шеренгами в сером свете туманного утра, ожидая приказов. Они заполняли весь нижний двор, а также широкую лестницу в южной части онога, ведущую в верхний двор. Позавчера Гершон говорил о семистах солдатах, но Кезии казалось, что их многие тысячи.

Все они были инди, разумеется; и в отличие от большинства древних кирсийских армий, войска эйбитарских герцогств, больших и малых, состояли из одних мужчин. Кезия чувствовала себя служительницей храма Морны, оказавшейся посреди одного из монастырей Ина. Ей было не место здесь.

Словно в подтверждение этого здесь же находился Марван, прелат Глендиврского монастыря, — с мокрой от дождя лысой головой, в коричневом балахоне, усеянном крохотными серебристыми капельками. Он возносил Ину молитву о безопасности герцога и его людей, не считая нужным упомянуть имя Кезии и даже не удостоивая ее взглядом.

Гершон тоже не смотрел на первого советника. Кезия надеялась, что после разговора, состоявшегося между ними третьего дня, они, по крайней мере, начали преодолевать взаимную неприязнь. Но, похоже, она обманулась в своих надеждах.

Кроме того, накануне вечером Керни счел своим долгом сказать ей то, что она и без него знала: они не смогут быть вместе во время похода.

— В армии любой человек на виду, Кез, — сказал он. — Все узнают о нашей связи.

Она не стала спорить — просто кивнула головой и удалилась, чтобы Керни мог поужинать и провести ночь с герцогиней.

И вот она собиралась выехать в Кентигерн в сопровождении семисот человек, однако предстоящее путешествие обещало быть самым одиноким из всех, которые она совершала в жизни. Это казалось забавным, но Кезия не могла заставить себя улыбнуться.

Прелат закончил свое обращение к богу и отступил назад, встав рядом с Лейлой, которая вышла проводить мужа. Как и все остальные, герцогиня не желала смотреть на первого советника, но Кезия знала, что червь страдания гложет сердце женщины, видящей ее рядом с герцогом. На самом деле эта мысль была весьма слабым утешением, но все же утешением.

На замок спустилась тишина — тяжелая, как туман. Серый конь Гершона заржал, и сотни солдат начали беспокойно переминаясь с ноги на ногу, пристально глядя на Керни.

— Мы отправляемся в Кентигерн, — внезапно разнесся над двором голос герцога, — не для того, чтобы развязать войну, но для того, чтобы предотвратить ее. Мы не враждуем с другими домами, но не станем сидеть сложа руки, позволяя им уничтожить королевство. Я хочу спасти Эйбитар от разрушительной междоусобной войны, и для этого мне потребуется ваша сила и ваше военное мастерство. Вы станете мечом, который я подниму во имя мира. Солдаты Глендивра, вы со мной?

Все солдаты ответили как один, вскинув над головами мечи и луки и испустив протяжный громовый рев, отразившийся эхом от каменных стен замка и, как показалось

Кезии, едва не разрушивший оные.

— Вперед, в Кентигерн! — выкрикнул герцог.

— Вперед, в Кентигерн! — прогремело в ответ.

В следующий миг Керни медленно двинулся к воротам замка. Справа и слева от него ехали два молодых солдата: один держал в руке серебристо-черное знамя Глендивра, другой пурпурно-золотое знамя Эйбитара. Гершон и Кезия ехали сразу за герцогом и знаменосцами, а им вослед двигались пехотинцы. Выехав за крепостные стены, они увидели сотни приветственно кричавших людей, выстроившихся вдоль широкой улицы, которая вела от северных ворот замка к западным городским воротам, известным под названием горных. Дети завороженно смотрели на боевых коней и солдат, а женщины прощально махали руками своим мужьям, братьям и сыновьям.

— Можно подумать, мы отправляемся на войну с анейранцами, — прокричал Гершон, перекрывая гул толпы.

Поначалу Кезия ничего не ответила, решив, что слова капитана адресованы Керни, но секунду спустя осознала, что герцог едет впереди и Гершон обращается к ней.

Она кивнула и с усилием улыбнулась, не находя ответа.

— Они ждали этого дня всю жизнь, — продолжил он. — Для многих из этих солдат возможность выступить в поход с герцогом — величайшая честь, выше которой они никогда не узнают. — Он указал на людей, толпившихся вдоль дороги. — Их родные тоже понимают это.

— Вы говорите так, словно они хотят войны. — Кезии пришлось кричать, чтобы капитан ее услышал.

Он нахмурился:

— Я имел в виду совсем другое. Сражения и убийства здесь ни при чем. Они служат своему герцогу и своему королю. Они выступают в поход под знаменами Эйбитара и Глендивра. Больше им ничего не надо.

И снова Кезия не нашла что ответить.

— Вы меня совсем не понимаете, верно? — Гершон потряс головой и снова устремил взгляд вперед, словно поставив точку в разговоре.

Скоро они достигли городских ворот и выехали в гористую местность. Даже сегодня, когда небо затягивали темные облака и моросил дождь, над серыми каменистыми долинами, поросшими высокой травой, дул сильный ветер. В городе они его не замечали, но здесь, среди холмов и скал, он резал лицо и глаза, словно один из демонов Байана.

— Я все понимаю, — наконец сказала Кезия, вновь привлекая к себе взгляд Гершона. — Я посвятила свою жизнь служению дому Глендивров, и я рискую жизнью ради спасения Эйбитара. Не говорите мне, что я ничего не понимаю, капитан. Вы недостаточно хорошо меня знаете, чтобы судить о таких вещах.

Она прищипорила свою лошадь, чтобы опередить Гершона, и в течение всего дня они ехали порознь, всячески стараясь избегать друг друга.

Несмотря на ветер и труднопроходимую гористую местность, отряд сумел преодолеть почти три лиги, прежде чем остановился на ночной привал возле маленького притока Сассина. На следующее утро они переправились через него и продолжали двигаться на запад, пока не достигли второго притока, который также перешли вброд. Вечером того же дня они остановились на привал возле третьего и последнего притока Сассина, который преодолели утром, после чего продолжали путь до тех пор, пока не подошли к самому краю равнины. Переходить речки вброд было непросто, особенно для людей квартирмейстера, отвечавших за фургоны с продовольствием. Но севернее, ближе к границе равнины, все потоки сливались в бурную широкую реку — поэтому лучше было перейти вброд три малых речки, чем с риском для жизни переправляться через бушующие воды Сассина.

Несмотря на трудные переправы, Кезия находила путешествие скучным. После разговора, состоявшегося в первый день похода, Гершон избегал ее. Солдаты в большинстве

своем боялись первого советника или слишком недоверчиво относились к беловолосым волшебникам, чтобы подходить к ней. Истинная причина не имела значения, ибо в конечном счете все сводилось к одному. Никто с ней не разговаривал. Никто даже не смотрел на нее. Кроме Керни, конечно. Большую часть дня герцог проводил рядом с ней. Время от времени они обсуждали положение дел в Кентигерне, но в основном просто молча ехали рядом, наслаждаясь тем малым, что осталось от их близости после выступления из Глендивра.

Ночи были не лучше, хотя, по правде сказать, Кезия не имела причин жаловаться. Каждый вечер несколько солдат устанавливали для нее маленькую палатку, где она находила тепло и уют, которых в походе не знал никто, кроме Керни. Ее ужин состоял не из одного лишь черствого сыра и вяленого мяса, выдававшихся солдатам в качестве пайка. Она ужинала с Керни и Гершоном и потому получала все, что квартирмейстеру удавалось раздобыть для герцога. В первый вечер это было мясо кроликов, которых солдаты подстрелили по дороге. Во второй и третий вечер к столу подавали куропаток, зажаренных на вертеле и облитых шалфейным соусом. Квартирмейстер даже принес немного вина, которое герцог пожелал распить со своим первым советником и капитаном.

Несмотря на необходимость каждый вечер ужинать в обществе Герсона, который в угрюмом молчании сидел напротив нее за столом в палатке Керни, Кезия понимала, что должна радоваться. По сравнению с солдатами глендиврского войска она не терпела никаких лишений.

Но сытная еда и теплая постель не отменяли того факта, что она чувствовала себя бесконечно одинокой. Наконец-то они с Керни находились далеко от Глендиврского замка, во многих лигах от Лейлы и фрейлин с их пытливыми, холодными взглядами, — и все же они не могли быть вместе. Они даже не могли прикоснуться друг к другу, не опасаясь привлечь к себе нежелательное внимание. И даже если бы они скрылись от взглядов солдат, рядом все равно находился бы Гершон — и пристально смотрел бы на них, всеми чертами своего грубого лица выражая отвращение.

Поэтому Кезия просто продолжала ехать, останавливаясь на привалы вместе с остальными. Но ее дни и ночи проходили без любви, без дружеского общения. После трех дней путешествия она уже была готова отказаться от теплой постели и хорошей еды ради одного доверительного разговора или сердечной улыбки. Но она по-прежнему ужинала с герцогом и капитаном, всякий раз тихо извиняясь и удаляясь в свою палатку, когда меркли последние лучи дневного света и над горизонтом всходили прибывающие луны.

Кезия не хотела спать, ибо не слишком утомилась в течение дня, и поэтому просто лежала на походной постели, приготовленной для нее солдатами Керни, глядя в полотняный потолок палатки, прислушиваясь к звукам лагеря. Мужские голоса и смех разносились над каменистой равниной, местами поросшей высокой травой, и смешивались с трелями соловьев и шепотом ветра. Кто-то пел в отдалении высоким и чистым мальчишеским голосом. Кезия не узнавала мотива. Неподалеку от палатки фыркнула лошадь и переступила ногами.

В конце концов на лагерь спустилась тьма, подобная густому туману, и веки Кезии смежил сон. Однако через мгновение она вновь открыла глаза и обнаружила, что находится посреди широкой равнины. Высоко в небе опять стояло солнце, частично затянутое тонкими облаками. Керни и солдаты исчезли.

«Я вижу сон».

Кезия услышала голос, окликнувший ее по имени, и обернулась. Навстречу шел Гринса.

— Почему ты не даешь мне спать? — спросила она, когда брат приблизился. — Наши разговоры выматывают меня.

Гринса усмехнулся:

— Не больше, чем меня.

Он выглядел лучше, чем несколько дней назад, хотя по-прежнему казался усталым.

— Ты покинула Глендивр, — сказал он. — Насколько я понимаю.

— Да, с отрядом из семисот солдат.
— Ты молодец, Кези! — Гринса улыбнулся еще шире, — Где вы сейчас?
— Мы еще в степи, но уже переправились через Сасснн и завтра начнем спускаться с гор.

Брат помолчал, словно оценивая расстояние, пройденное войском герцога.
— Что там происходит? — спросила Кезия. — Они уже начали войну?
— Насколько мне известно, нет. Мы с лордом Тависом выбрались из Кентигерна. Сейчас мы находимся недалеко от Тримейна. Мне нужно, чтобы ты завернула туда — вместе с Керни, разумеется.

— Это не составит труда. На пути от Глендивра в Кентигерн там все останавливаются. Думаю, Керни в любом случае рассчитывал зайти в Тримейн. У него хорошие отношения с Латропом.

Гринса кивнул:
— Хорошо.
— Тебя не беспокоит, что мы выдадим наше знакомство?
— Конечно, беспокоит, — сказал он, нахмурившись. — Но мне необходимо поговорить с твоим герцогом, и Тримейн — единственное место, где я могу сделать это, не подвергая опасности жизнь лорда Тависа.

— Зачем тебе говорить с Керни?
Он заколебался.
— Ты уверена, что хочешь знать?
Кезии показалось, что ветер вдруг подул сильнее, пронизывая все ее тело. По правде говоря, она не хотела знать. Но в любом случае Керни спросит у нее совета, и она хотела быть готовой ко всему.

— Ответь мне.
— Я собираюсь просить Керни дать Тавису убежище в доме Глендивров.
Кезия не была удивлена. На месте брата она сделала бы то же самое. Только Керни мог предотвратить войну — и только он мог спасти Тависа. Глендиврские герцоги редко вступали на престол, и остальные дома не подозревали в представителях династии Глендивров честолюбия или угрозы своим амбициям. Вдобавок, если учесть отдаленность Глендивра от других герцогств, это место было бы более безопасным для Тависа, чем любое другое. Намерение Гринсы представлялось совершенно разумным.

— Ладно, — сказала Кезия. — Ты хочешь, чтобы я внушила эту мысль герцогу до нашего прибытия в Тримейн, или предпочитаешь сам высказать ее при вашей первой встрече?

— И все? — спросил Гринса, приподнимая бровь. — Никаких возражений? Ты просто соглашаешься?

Она пожала плечами:
— Похоже, другого выхода нет, верно?
— Да, но...
— Тогда ответь на мой вопрос, — сказала Кезия с едва заметной улыбкой, — и дай мне поспать.

Гринса рассмеялся.
— Ты права. Нет, не говори ничего герцогу. Возможно, это облегчило бы нам задачу, но, боюсь, вызовет подозрения. Они посчитают такое предложение слишком смелым. Они не поверят, что мы одновременно и независимо друг от друга пришли к такой мысли.

— Хорошо. Тогда я ничего не скажу. Но сделаю все возможное, чтобы мы остановились в Тримейне.

— Когда вы там будете?
Кезия на секунду задумалась.
— Как я сказала, мы еще в степи. До Тримейна осталось, по крайней мере, двадцать лиг, и нам еще предстоит спуститься с гор — так что раньше чем через неделю мы там не

появимся.

— Значит, у нас тоже остается время, чтобы добраться туда. Надеюсь, мы остановимся в храме, но тебе не стоит беспокоиться. Я сам разыщу тебя.

Кезия снова зябко поежилась и потерла руки.

— Ты в порядке, Кези?

Она кивнула и принужденно улыбнулась.

— Я в полном порядке. Просто устала.

— Разумеется. — Гринса обнял ее своими длинными руками и поцеловал в макушку. — Спи, сестренка. Береги себя. Скоро увидимся.

Он отпустил Кезию и пошел прочь.

— Гринса, подожди! — крикнула она почти непроизвольно.

Брат снова повернулся к ней.

— Что-то должно случиться, да?

Он нахмурился:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Во время нашего последнего разговора у меня возникло такое ощущение, будто ты что-то скрываешь. Мне кажется, ты знаешь, что нас ожидает впереди, но не говоришь.

Несколько мгновений Гринса молча смотрел на нее; его лицо хранило непроницаемое выражение, но в светлых глазах читалась печаль.

— Ты права, — наконец сказал он. — Я знаю.

— Ты скажешь мне?

— Я не могу, Кези. События следует предоставить их естественному ходу, и никто из их участников не должен знать будущего. Один человек может все изменить, а это очень опасно.

— Но ты ведь знаешь.

Он пожал плечами:

— Я Избранный.

В прошлом, много лет назад, Кезия завидовала дару брата. Но когда она начала понимать, сколь тяжкое бремя нес Гринса, зависть прошла — и теперь она испытывала только восхищение при мысли, что мальчик, которого она помнила с детских лет, обладает мудростью и мужеством, необходимыми для того, чтобы с таким спокойствием произносить эти слова. «Я Избранный». Ни один инди в Прибрежных Землях — даже такой умный, как Керни, — не мог понять этого.

— Будущее, которое тебе открылось... — сказала Кезия. — Оно ужасно?

— Кези, я не могу...

— Оно ужасно? — настойчиво повторила она.

Гринса протяжно выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Я не знаю, хорошее оно или плохое. Я видел лишь отдельные картины. Я знаю наверняка лишь одно: мы должны сделать это. На карту поставлено слишком многое.

Кезия не ответила. Она замерзла и была слишком усталой и испуганной, чтобы говорить.

Гринса ласково улыбнулся и снова подошел к ней. Он нежно положил ладонь сестре на лоб, поцеловал ее в щеку и произнес единственное слово:

— Спи.

Кезия открыла глаза в темной палатке. Ночью сильно посвежело, и она дрожала от холода. Ей безумно хотелось пойти к Керни — просто заснуть, прижавшись к нему. Но она плотнее закуталась в грубое одеяло и забылась лишенным сновидений сном.

ГЛАВА 22

Город Королей, Эйбитар

Они говорили приглушенными голосами, чтобы не потревожить короля, спавшего в

своей постели в дальнем конце огромной спальни. Слуги входили и выходили, принося блюда с едой и чашки с водой, до которых Айлин не дотрагивался, и позже унося подносы. Возле королевского ложа сидел травник, на случай, если Айлину понадобится эликсир для облегчения боли или снотворное, и священники замкового монастыря молились рядом. Иногда заходили целители, но они уже давно не дежурили у постели больного. Эйбитарский король умирал, и вся магия мира не могла спасти его.

Натан до сих пор помнил свою первую встречу с Айлином, состоявшуюся почти семнадцать лет назад. К тому времени король уже достиг среднего возраста и находился у власти больше шестнадцати лет. Волосы у него начинали редеть и седеть, и он уже не казался сильным и ловким воином, каким, по слухам, был в молодости. Но все равно на Натана произвела глубокое впечатление спокойная сила, чувствовавшаяся в Айлине, и уверенная зрелость его суждений.

Тогда Натан был совсем молодым человеком; он никогда раньше не видел королей, тем более не разговаривал с ними. Он даже не собирался приезжать в Одунский замок, но на этом настоял его герцог, Филиб Торалдский, сын Айлина. Главный советник короля недавно умер, и Айлин искал нового кирси на эту должность.

— Мне страшно не хочется расставаться с вами, — сказал молодой герцог, — но, думаю, вам следует поехать. Моему отцу вы нужнее, чем мне; и при королевском дворе ваши способности принесут больше пользы.

До сего дня Натан считал тот поступок Филиба величайшей услугой из всех, какие ему когда-либо оказывали инди.

Он нервничал перед встречей с королем, поскольку не разделял уверенности герцога в своих способностях. Но несмотря на разницу в возрасте и явное недоверие Айлина ко всем кирси, они с королем почти сразу поняли, что найдут общий язык. В последующие годы Натан понял, что Айлин не был выдающимся правителем. Он был компетентным военачальником и щедрым опекуном королевства, но и только. Вот Филиб стал бы великим королем, если бы не умер. И Натан видел семена величия в его сыне, внуке Айлина, который несколько раз посещал Одунский замок до своей трагической гибели, произошедшей два года назад.

Однако, даже не являясь великим правителем, Айлин делал все, что мог потребовать Эйбитар от своего короля. Он старался сохранить мир в стране и разумно использовал военную силу, стараясь не рисковать жизнями солдат. Он находился у власти дольше всех королей, вступавших на престол в последние два века, и в годы правления Айлина Эйбитар оставался одним из трех могущественнейших королевств в Прибрежных Землях, вместе с Брэдоном и Санбирой. Королевство не могло требовать большего от своего правителя. Айлин заслуживал лучшей участи, чем такой печальный конец, такое медленное угасание в постели, — без наследников, без жены, которая бы утешала и проливала слезы. Поэтому, хотя целители больше не дежурили у постели умирающего, Натан счел своим долгом позаботиться о том, чтобы Айлин не оставался в одиночестве. Он и другие советники по очереди сидели у смертного одра и собирались сидеть, куда Лукавец не призовет короля к себе.

— Натан, вы хорошо себя чувствуете?

Кирси оторвал взгляд от короля и увидел, что остальные советники смотрят на него.

— Я в полном порядке. — Он взглянул на Венду, задавшую вопрос, и деланно улыбнулся. — О чем вы говорили?

Она подалась вперед и легко потрепала его по колену.

Венда жила в Одунском замке и служила Айлину почти столько же лет, сколько Натан. Свою первую встречу с ней он тоже хорошо помнил. В молодости она была довольно невзрачна (с возрастом, смягчившим резкие черты бледного лица, она стала красивее), но Натан все равно влюбился в нее. Она блистала умом и носила в своем сердце дух Бодана. Даже король ценил ее остроумие. Оба, и Венда, и Натан, уже состояли в браке ко времени своего знакомства, поэтому его любовь к ней не имела никаких последствий. Но он утешался

мыслью, что и она тоже не вполне равнодушна к нему.

Венда заняла должность старшего советника вскоре после Натана, и четыре года назад, когда умер главный советник Айлина, король дал понять, что рассматривает кандидатуры обоих на этот пост. В конце концов король выбрал Натана — главным образом потому, что тот служил престолу дольше. Но никто не сомневался, что, если вдруг случаем Натан умрет раньше Айлина, его преемником станет Венда.

— Пэгар спрашивал, можем ли мы действовать как полномочные представители короля.

Натан обвел взглядом присутствующих. Все внимательно смотрели на него, ожидая ответа. В данном случае последнее слово оставалось за ним. Вообще-то решения всегда принимал Айлин. Но сейчас, когда король не мог принять участия в обсуждении, эта обязанность ложилась на главного советника.

Он откашлялся.

— С какой целью?

— Чтобы послать королевских гвардейцев в Кентигерн, — ответил Пэгар. — Чтобы помешать Андреасу и Явану развязать войну. — Мужчина нахмурился, и в его желтых глазах отразилась тревога. — Вы действительно хорошо себя чувствуете, главный советник?

— Да, разумеется. Просто я немного отвлекся, вот и все. — Он снова улыбнулся, хотя подобные приступы рассеянности беспокоили его. Отец и мать Натана умерли, не дожив до тридцати, а ему уже было под сорок. Главному советнику следовало благодарить Кирсара за столь долгую жизнь, но он не мог не проклинать годы за то, что они сделали с ним. В последнее время мысли у него блуждали, как у малого ребенка, и он с трудом преодолевал сонливость во время тайных заседаний советников. Три дня назад он попробовал вызвать ветер в своей комнате — просто для того, чтобы посмотреть, сумеет ли. Слабый сквозняк, который нельзя было назвать ветром, едва шевельнул оконные занавески. Однако Натан задыхался и обливался потом, обессиленный самой попыткой.

— Так что вы думаете, главный советник? — спросил Пэгар, не в силах скрыть своего раздражения за натянутой улыбкой.

— Думаю, это плохая мысль. — Натан с трудом удержался от смеха, когда увидел лица других советников. Даже Венда и Пэгар выглядели удивленными.

— Вы серьезно? — спросила Венда.

— Мы всего лишь советники, — сказал Натан. — Одно дело — собирать десятину с герцогов от имени Айлина или даже предоставлять привилегии торговцам из других королевств; и совсем другое дело — отправлять королевских гвардейцев в одно из герцогств.

— Но в данных обстоятельствах подобный шаг, безусловно, покажется оправданным, — сказал Дайр. Он был одним из самых молодых кирси, так называемых младших советников, хотя в действительности любой первый советник в любом эйбитарском герцогстве с радостью отказался бы от своего места, чтобы стать одним из них.

— Кому покажется? — спросил главный советник. — Нам самим? Вполне вероятно. Но для капитана гвардейцев и солдат мы остаемся волшебниками. Наши приказы для них значат не больше, чем приказы сирийского короля.

— Даже если речь идет о предотвращении междоусобной войны?

— Мы не знаем, закончится ли дело войной. Мы не сумеем убедить людей. Если только вы не прозрели в будущем что-нибудь, о чем я не знаю.

Дайр покраснел и помотал головой.

Он напоминал Натану его самого в молодости, когда он только-только поселился в Одунском замке и горел единственно желанием использовать свои способности во славу короля. Натану повезло служить в молодые годы мудрому правителю, уже много лет находившемуся у власти. Что должен был чувствовать молодой человек, прибывший в Одунский замок в качестве младшего советника и увидевший своего короля немощным стариком, неспособным управлять страной? Натан спросил себя, не слишком ли поспешно он отверг предложение Дайра.

— Я готов обсудить дело с капитаном гвардейцев, — сказал он после непродолжительного молчания. — Возможно, эта мысль понравится ему больше, чем я предполагаю.

Молодой советник кивнул:

— Благодарю вас, главный советник.

— Мы можем призвать одного из герцогов действовать от имени короля? — спросил другой кирси.

— Эта мысль мне нравится еще меньше, — сказала Венда, прежде чем Натан успел раскрыть рот. — Попытка заручиться поддержкой любого герцога от имени короля очень опасна. Как знать, не послужит ли она сигналом к началу войны, которую мы стараемся предотвратить.

— Вынужден согласиться, — сказал Пэгар. — Если главный советник не сумеет убедить капитана выступить с войском в Кентигерн, мы мало что сможем сделать.

Рядом с ложем Айлина открылась дверь, и в опочивальню вошел прелат Обид. Он бросил взгляд на советников-кирси, но мгновенно отвел глаза, торопливо прошел к своему обычному месту подле короля и начал шептать молитвы. Служители Ина относились ко всем кирси с презрением, и прелат не являлся исключением. Однако через минуту Обид украдкой взглянул в сторону кирси и, встретившись глазами с Натаном, незаметно кивнул. Прелат начал свою службу в Одунском замке всего за месяц до вступления Натана в должность королевского советника, и с течением времени двое мужчин научились понимать друг друга. Они не были друзьями. Натан, который каждый день предавался созерцательным молитвам в одном из четырех городских храмов, слишком часто слышал злобные выпады служителей Ина против кирсийской ереси и Старой Веры, чтобы дружить с прелатами. Обычно двое мужчин давали Айлину взаимоисключающие советы и всячески старались умалить друг друга в глазах короля. Но хотя во многих случаях Натан ставил под сомнение здравый смысл Обида, он никогда не сомневался в преданности прелата Айлину и знал, что Обид, в свою очередь, не сомневается в его преданности. Натан хорошо понимал, что чувствовал прелат в тот момент, когда молился своему богу в ожидании смерти короля, ибо кирси сам испытывал такие же чувства.

Он снова потерял нить разговора, но даже не расстроился. Натан очень устал и хотел лишь вернуться в свои покои и лечь спать.

— Мне не хочется спрашивать об этом, — произнес Пэгар, пристально глядя на Натана. — Но сказали ли целители, сколько еще король... сколько ему осталось?

Все остальные повернулись к нему. Венда, младшие советники. Бросив взгляд в сторону постели, главный советник увидел, что даже прелат выжидающе смотрит на него.

— Со слов целителей я понял, что они могут только строить предположения. — Натан возвысил голос, чтобы Обид тоже слышал. — Но королю осталось недолго. Несколько дней. Возможно, полмесяца. Похоже, он чуть не умер прошлой ночью.

Пэгар кивнул, словно не ожидал другого ответа.

— А что, если он умрет и Яван станет королем до того, как разрешится конфликт в Кентигерне?

— Об этом я тоже думала, — сказал Венда. — Если Андреас действительно намеревается воспрепятствовать восшествию Явана на престол, смерть короля послужит поводом к началу войны.

— Тем больше у нас оснований выслать войско в Кентигерн, — сказал Дайр, упорно избегая взгляда Натана.

Главный советник покачал головой:

— Тем больше у нас оснований не делать этого.

— Что?

— Подумайте сами. Если король умрет, когда королевская гвардия будет находиться в Кентигерне, все войско перейдет под начало Явана. Сейчас мы имеем двух герцогов, приблизительно равных по силе, угрожающих друг другу войной, исход которой не может с

уверенностью предсказать ни один из них. Если вдруг Керг получит подкрепление в виде королевской гвардии, дело закончится страшным кровопролитием. — Натан оглядел советников. — Разве этого мы хотим?

Дайр просто потряс головой с таким изумленным видом, словно главный советник продемонстрировал новый вид волшебной силы, некий новый способ использования магического дара, прежде неизвестный молодому человеку. «Ну вот! — так и подмывало сказать Натана. — Ты видишь? Даже старый человек, уже стоящий одной ногой в Подземном Царстве, может додуматься до вещей, которые просто не приходят тебе в голову».

Венда лукаво улыбнулась Натану. — Полагаю, на сегодня можно закончить. — Она окинула взглядом присутствующих. — Утром мы снова соберемся. А вы тем временем молитесь о короле и о легком переходе Айлина в Подземное Царство.

Распустить всех надлежало Натану, но в данных обстоятельствах он ничего не имел против того, чтобы это сделала Венда. Он сказал свое слово.

Почти все младшие советники встали и начали один за другим медленно выходить из королевской опочивальни. Однако Дайр задержался, явно намереваясь оставить за собой последнее слово.

— Так вы поговорите с капитаном? — спросил он.

Натан на миг задумался, прежде чем вспомнил о своем обещании.

— Разумеется. — Он заранее знал, чем закончится разговор, но он дал слово.

— Благодарю вас. — Молодой человек немного поколебался, бросив взгляд сначала на Пэгара, потом на Венду, но в конце концов повернулся и вышел из комнаты.

— Он глуп, — пробормотал Натан, провожая Дайра глазами.

Венда улыбнулась, снова положив руку ему на колено.

— Он просто молод, Натан. Я помню нас, когда мы были такими же.

— Он не просто молод, — сказал Пэгар. — Он еще и испуган. — Советник бегло взглянул на прелата, а потом добавил, понизив голос: — И я тоже, по правде говоря.

Главный советник понимал, что он тоже должен испытывать страх. Со времени своего образования королевство знало не одну междоусобную войну; главные эйбитарские дома воевали между собой чаще, чем Эйбитар воевал с Анейрой. Натан ни на минуту не сомневался, что Яван и Андреас способны втянуть страну в очередную кровопролитную бойню. Но в последнее время подобные вещи совершенно не волновали его. Он должен был ощущать страх, или возмущаться глупостью герцогов, или хотя бы печалиться о том, что королевству до сих пор может угрожать подобная опасность. Но он не испытывал равным счетом никаких чувств.

— Будет лучше, если Яван просто отречется от престола, — мгновение спустя продолжил Пэгар.

— И отдаст королевство Андреасу? — спросила Венда. — Он никогда не пойдет на такое.

Это было одним из слабых мест в эйбитарских Законах Престолонаследия. Они создавались девять веков назад главами всех двенадцати домов и, по мнению Натана, до сих пор были самым надежным и справедливым способом избрания верховного правителя. Поскольку взойти на престол разрешалось только старшему сыну короля, эйбитарские герцоги могли надеяться, что один дом не завладеет властью раз и навсегда. Но, утверждая Законы Престолонаследия, каждый из них рассчитывал также сохранить власть весьма продолжительное время. На протяжении многих веков господство дома Торалдов неоднократно вызывало негодование других домов, которое приводило к междоусобным войнам и не раз заставляло герцогов опробовать другие способы избрания короля.

Но они жили в странное время. Дом Галдастенов еще до сих пор не оправился от опустошительного нашествия чумы, унесшей жизнь герцога и всех его близких. Согласно упомянутым Законам, новые правители Галдастена могли претендовать на эйбитарский престол лишь через четыре поколения. Дому Торалдов, трагически лишившемуся герцога и

его блистательного сына, приходилось ждать не так долго, как южному сопернику, но он тоже мог заявить о своих правах на престол только через поколение. Когда самые могущественные династии утратили право притязать на верховную власть, стабильности в стране настал конец, но не прекратилось соперничество между другими главными домами, равно как и попытки нарушить закон, предпринятые после смерти Бриенны и заточения Тависа. Герцог Торалдский и даже герцог Галдастенский в подобных обстоятельствах еще могли поддаться на уговоры и отказаться от эйбитарского престола, поскольку знали, что, согласно Законам Престолонаследия, их дома — самые могущественные в стране — в обозримом будущем все равно вернут себе корону. Но для Кергов и Кентигернов, чьи дома приходили к власти всего один или два раза за минувший век, отречение от престола представлялось просто невыносимым. Яван наверняка ревностно пекся о новом статусе своего дома в королевстве.

— Вы думаете, Яван отречется от своего сына, если Андреас откажется от притязаний на корону? Тогда страной будет править Яван, но после его смерти престол перейдет к сыну Андреаса.

Венда покачала головой:

— Такое возможно только в том случае, если Андреас признает Явана своим правителем, а Яван признает виновность Тависа. А будь возможно такое, нам не пришлось бы волноваться по поводу предстоящей войны.

Пэгар тихо выругался и поднялся с места.

— Мы совершенно ничего не можем сделать. — Он произнес это утвердительно, но выжидающе взглянул сначала на Венду, потом на Натана, словно надеясь, что один из них возразит ему.

— Мы ничего не можем сделать без короля, — сказал Натан. — В любых других обстоятельствах я предложил бы оповестить все дома о состоянии Айлина и попросить герцогов разрешить преемнику короля вступить на престол. Но сейчас мы даже этого не можем сделать.

От городских ворот донесся звон полуденных колоколов, который раскатился эхом между огромными башнями Одунского замка и достиг королевских покоев, подобный сладостному пению призраков Подземного Царства. Священники, молившиеся у постели Айлина, неловко поднялись на затекшие ноги и с мрачным видом удалились. Однако Обид остался.

— Я вернусь позже. — Пэгар плотно сжал губы. Он еще раз взглянул на короля, а потом тоже покинул опочивальню, но через другую дверь.

Венда поднялась с места и с улыбкой посмотрела на Натана.

— Я собиралась прогуляться до рыночной площади. Составите мне компанию?

Главный советник помотал головой:

— Как-нибудь в другой раз. Я бы хотел побыть с Айлином, а потом мне нужно отдохнуть.

— Понимаю. — Она коротко пожала Натану руку и мгновение спустя скрылась за дверью.

Кирси встал с кресла, подошел к постели короля и остановился рядом с Обидом.

Прелат шептал молитву, и потому главный советник хранил молчание, глядя на Айлина. Мертвенно-бледный, с редкими белыми волосами, король походил на кирси. Даже в преклонном возрасте Айлин выглядел так, как надлежало выглядеть королю-инди: высокий, красивый, с холодными голубыми глазами и крупными правильными чертами лица. Но сейчас он производил впечатление дряхлого больного старика, со спутанными волосами и впалыми щеками, тонкая кожа которых, казалось, вот-вот лопнет. Его губы запеклись и потрескались, грудь вздымалась в такт неровному хриплому дыханию. Эйбитар нуждался в чуде, нуждался в короле. Но глядя сейчас на Айлина, Натан понимал, что он уже никогда не откроет глаз. Им оставалось только надеяться, что он не умрет раньше чем разрешится конфликт на Кентигернском холме.

Прелат закончил молитву и поднялся с колен, отряхивая свое одеяние.

— С каждым днем он выглядит все хуже, — сказал он.

— Да.

— Ваши целители больше ничего не в силах сделать? Конечно, это были не его целители, а целители короля.

Но они были кирси, поэтому Обид так выразился.

— Он стар, — сказал Натан. — Если бы речь шла просто о болезни, они помогли бы. Но тело короля отслужило свой срок.

Обид кивнул.

— Я слышал ваш разговор с советниками. Вы разделяете тревогу остальных?

«Я должен, но ничего не чувствую».

— Опасность представляется вполне реальной. Нам остается только ждать, исполнят ли Яван и Андреас свои угрозы или в конце концов образумятся.

— Я встречался с обоими, — сказал прелат. — Ни один из них не отличается здравомыслием.

Натан рассмеялся, и мгновение спустя Обид присоединился к нему. В своей жизни главный советник видел многих прелатов, и, насколько он мог судить, Обид единственный из них обладал чувством юмора. Смех быстро стих, и они еще немного постояли в молчании, глядя на короля.

— Настал час моих молитв, — наконец сказал Обид. — Всего доброго, главный советник.

— И вам также, отец прелат. Молитесь о долгой жизни нашего короля.

Он не мог избавиться от чувства, что за ними следят, что кто-то наблюдает за ними и задается вопросом, о чем они беседуют, прогуливаясь по внутреннему двору. Он понимал, что это глупо, что никто не обратит внимания на одного из советников короля, беседующего с одним из целителей-кирси — во всяком случае сейчас, когда король тяжело болен. Конечно, никто из инди не мог ничего заподозрить. Большинство стражников даже не знали его в лицо, хотя он жил в Одунском замке уже одиннадцать лет. Для них он был просто очередным советником-кирси. Он мог пересчитать по пальцам одной руки всех стражников, достаточно осведомленных, чтобы называть его старшим советником при встрече. Ему нечего было бояться. И у него не было причин опасаться своих коллег. Только позавчера он видел, как главный советник точно так же разговаривал с одним из целителей. Ему не следовало нервничать. И все же Пэгару пришлось заложить руки за спину, чтобы целитель не заметил, как они дрожат.

— Главный придворный целитель ревностно оберегает своего пациента. Он не подпускает к нему никого из нас в свое отсутствие. Как я уже говорил, я ничего не могу сделать. Поскольку Натан требует, чтобы вы и ваши товарищи дежурили у постели Айлина, вы успешнее других можете обо всем позаботиться.

Пэгар кивнул, но ничего не ответил. То, о чем они его просили, не шло ни в какое сравнение со всеми услугами, которые он оказывал им прежде. Вероятно, советнику, много слышавшему о делах такого рода, следовало ожидать этого, но почему-то он надеялся избежать такого поворота событий. Айлин был стар, и он умирал. Пэгару хотелось верить, что они могут подождать полмесяца, пока Байан не заберет короля в Подземное Царство. Но после всех разговоров, состоявшихся между королевскими советниками в последние несколько дней, ему стало ясно, что ждать больше нельзя.

Пэгар рассчитывал приказать кому-нибудь сделать это. Являясь одним из руководителей тайного движения кирси здесь, в Городе Королей, он имел возможность поручить задание любому другому. При условии, что оно будет выполнено.

— А как насчет травника? — спросил советник, приветствуя взмахом руки садовника, работавшего возле оружейной башни.

— Вы об этом инди? — Целитель неодобрительно нахмурился.

— Мы ему платим. В прошлом он готовил для нас солодовую настойку. Пусть не для убийства, но тем не менее у него нет причин отказываться сделать это еще раз.

— На самом деле есть.

Пэгар прикусил язык, чтобы не выругаться.

— Когда король умрет, — сказал его собеседник, — главный целитель обследует тело, независимо от причины смерти. Он сразу обнаружит, что желудок Айлина не пуст. Если бы король до сих пор принимал пищу или хотя бы пил воду, это могло бы остаться незамеченным. Но в данных обстоятельствах отравление исключено.

— Тогда что остается? — спросил советник, с трудом выговаривая слова.

— Удушение. — Голос целителя звучал раздражающе-спокойно. — Я предлагаю использовать подушку.

Пэгар почувствовал желание ударить кирси — или лучше вонзить кинжал ему в сердце. Но это ничего бы не решило. Избранный хотел, чтобы король умер, и Пэгар знал, что смерть Айлина должна казаться естественной. Целитель здесь был виноват не больше, чем сам король.

— Хорошо, — сказал он невыразительным голосом.

— Сначала накройте его лицо платком, а потом уничтожьте последний. На подушке не должно остаться никаких подозрительных следов. Сегодня ночью я буду дежурить с главным целителем, так что мы найдем тело вместе. Если вы оставите какие-то улики, я постараюсь скрыть их.

Кирси говорил таким беззаботным тоном, словно вел речь о цветах, распустившихся вдоль дорожки. Пэгар невольно задался вопросом, был бы целитель столь же спокоен, если бы именно ему предстояло совершить убийство.

Они достигли королевской башни, откуда начали свою прогулку. Целитель остановился и повернулся к нему.

— Главный целитель ждет меня в своих покоях, — сказал он. — У вас еще какие-нибудь вопросы, господин советник?

Конечно, у него были вопросы. Он еще никогда в жизни не убивал. И никогда не думал, что ему придется убить человека. Многие умирали, становясь жертвами заговора кирси. Пэгар знал это. И многие участники заговора убивали. Но советнику никогда не приходило в голову, что однажды ему тоже придется пойти на такое. Как он наберется смелости убить эйбитарского короля? И нужна ли вообще смелость для убийства немощного старика?

— Советник?

— Нет, — сказал он. — У меня нет никаких вопросов.

— Ну и отлично. — Целитель еще немного потоптался в нерешительности на месте, но наконец коротко кивнул на прощание и вошел в башню.

Пэгар закрыл глаза и глубоко вздохнул. Внезапно он почувствовал острое желание покинуть Город Королей — хоть ненадолго, хотя бы до наступления ночи.

— Советник!

Он открыл глаза и повернулся на голос. Навстречу к нему торопливо шел Дайр; его белые волосы развевались на легком ветру, желтые глаза казались почти белыми в свете солнца.

— Могу я поговорить с вами?

«Нет. Оставь меня в покое».

— Конечно, советник. Чем могу служить?

— Я видел, как вы разговаривали с целителем, — сказал молодой человек, останавливаясь прямо перед ним. — Все в порядке?

— Мои разговоры с целителем вас не касаются. — Пэгар поморщился, услышав нотки раздражения в своем голосе. Он отвел глаза, стараясь справиться с сердцебиением. — Прошу прощения, — сказал он, снова устремляя взгляд на советника. — Сейчас у всех нас... трудное время.

— Конечно, советник. Именно поэтому я надеялся поговорить с вами. — Он махнул рукой, приглашая Пэгара пройти.

Несмотря ни на что, старший советник едва не расхохотался. Если так будет продолжаться, он проведет весь день, гуляя по кругу.

Когда они двинулись по дорожке, шедшей по периметру внутреннего двора, Дайр принялся выражать свое беспокойство из-за нежелания главного советника отправить королевскую гвардию в Кентигерн. Пэгар ожидал этого, памятуя о недавно состоявшемся заседании советников. Но он продолжал думать о том, как рывкнул на Дайра, когда тот задал вопрос насчет разговора с целителем. Как он собирался обмануть Венду и Натана, которые знали его очень давно, если не сумел сохранить самообладание даже перед одним из младших советников? Если он не будет осторожен, его повесят как предателя еще до того, как он доберется до королевских покоев.

Молодой советник продолжал говорить, высказываясь с такой откровенностью, словно они были закадычными друзьями. Пэгар не мог уследить за ходом всех рассуждений своего собеседника, да особенно и не старался. Но он услышал достаточно, чтобы знать, как ответить, когда Дайр наконец вновь повернулся к нему и спросил:

— Так вы поговорите с ним, старший советник?

— Я попробую, Дайр. Но вы должны понимать, что никто из нас не знает короля или капитана гвардейцев лучше Натана. Он дольше всех нас живет в замке, и хотя я сам в последнее время нахожу поведение главного советника странным, я считаю, что он прав, утверждая, что капитан не станет действовать, покуда не получит приказов непосредственно от Айлина.

— Но разве капитан не знает, как тяжело болен король? Разве он не понимает, что Айлин уже не в состоянии отдавать приказы?

— Он говорил с целителями. Я уверен, он все знает.

Молодой человек вздохнул и провел рукой по губам.

— Главный советник пообещал мне поговорить с капитаном. Вы хотя бы напомните ему, чтобы он это сделал?

Пэгар кивнул, обрадовавшись возможности положить конец разговору.

— Даю слово. Если Натан забудет, я напомню.

— Спасибо вам, старший советник, — сказал Дайр с неподдельно благодарным видом.

— Не за что.

Он остановился и взглянул на солнце.

— Если у вас все...

— У меня все, — быстро сказал молодой человек. — Я и так отнял у вас слишком много времени. — Он отступил назад, теперь улыбаясь. — Еще раз благодарю вас. Мне полегчало после разговора с вами.

— Рад слышать это.

Пэгар повернулся и пошел прочь, надеясь, что Дайр не окликнет его и никто другой тоже не остановит. Ему нужно было побыть наедине с самим собой, подготовиться к предстоящему делу. Советник никак не мог покинуть Город Королей сейчас, когда король находился при смерти. Поэтому он просто направился обратно в свои покои: поднялся по лестнице тюремной башни и зашагал по прохладным коридорам замка. Было бы проще просто пересечь внутренний двор, но в такой теплый солнечный день в замке было меньше вероятности встретить кого-нибудь.

Войдя в свою маленькую комнату, Пэгар запер дверь и подошел к узкому окну. Его лицо овеял теплый ветерок, принесший запах жарившегося на кухне мяса. Он не ел с самого утра, и в желудке у него громко заурчало. Предзакатные колокола еще не прозвонили, и солнце стояло довольно высоко над горизонтом. Конечно, у старшего советника оставалось время поесть, но от одной мысли о еде его чуть не стошнило.

Он долго стоял у окна, уставившись неподвижным взглядом на стену внутреннего двора замка и высокие крепостные башни. Солнце медленно вершило свой путь вниз в

безоблачном небе, и северный барбакан отбрасывал длинную тень на зеленую лужайку, раскинувшуюся перед ним. Спустя какое-то время у городских ворот прозвонили предзакатные колокола. Но Пэгар не пошевелился. Стая голубей кружила над стенами и башнями замка, словно отряд вышколенных всадников на тренировке. На западе сгустились темные облака, застывшие солнце. Воздух посвежел, и в отдалении послышался громовый раскат.

Вскоре разразилась гроза, и порывистый ветер начал в окно швырять крупные капли дождя. Кирси неохотно закрыл деревянные ставни и зажег свечу у своей кровати. Он собрался было лечь и попытаться заснуть, но почти сразу передумал, испугавшись, что может проспать. Посидев при свете свечи всего пару минут, он погасил пламя. Он находился в своей комнате уже довольно долго. Лучше было вернуться в королевскую опочивальню и оставаться в ней сколько понадобится, чем неожиданно появляться там незадолго до смерти Айлина.

Когда он пришел туда, у постели короля сидели Венда и Натан, а также вездесущие священники. Пэгар надеялся (тщетно, как он сам понимал), что Айлин умрет до полуночи, но больной выглядел точно так же, как утром.

Советник подступил к изножью кровати и поклонился повелителю, а потом присоединился к своим старшим товарищам, сидевшим у постели.

— Он пошевелился, когда ударил гром, — тихо проговорил Натан, не сводя взгляда с лица короля. — Мы надеялись, что он придет в сознание. Но с тех пор он не шелохнулся и не издал ни звука.

Пэгар содрогнулся при одной мысли, что этот немощный старик, находящийся на пороге смерти, вообще может шевелиться. У советника снова задрожали руки, и он сжал пальцы в кулаки.

— Вам нехорошо, Пэгар? — спросила Венда.

— Я просто надеялся, что король пошел на поправку.

Натан потряс головой:

— Нет, об этом речи уже не идет.

Венда подошла ближе к Пэгару.

— Мне бы хотелось немного поспать, — прошептала она. — Тогда я смогу просидеть с королем до самого утра. Вы можете остаться с главным советником до моего возвращения? Я опасаюсь за его здоровье.

— Конечно, — сказал Пэгар, также понизив голос. — Я поспал днем, так что могу отпустить вас обоих.

Она улыбнулась, несколько удивленно.

— Очень любезно с вашей стороны.

— В чем дело? — спросил Натан.

— Пэгар готов подежурить у постели короля сегодня ночью, так что мы с вами можем поспать.

— Я не хочу спать.

Венда нахмурилась:

— Натан, не заставляйте меня обращаться к травнику за снотворным.

Несколько секунд главный советник свирепо смотрел на нее, но потом пожал плечами и опустил глаза.

— Ладно, — пробормотал он и тут же снова поднял взгляд. — Но не сейчас. Я еще немного побуду с ним.

Венда взяла его руку.

— Хорошо, — мягко сказала она. — Мы останемся.

В скором времени, когда прозвонили полночные колокола, опочивальню покинули священники. Они собирались провести ночь в монастыре и вернуться сюда на рассвете. По крайней мере, именно так они делали почти каждую ночь. Сегодня все будет иначе.

Венда и главный советник задержались гораздо дольше, чем хотелось бы Пэгару. Когда

они наконец собрались удалиться, явились целители проверить состояние короля. Натан, разумеется, пожелал присутствовать при осмотре больного, и прошел еще час, прежде чем Венда уговорила его уйти.

И вот наконец Пэгар остался наедине с королем. Комнату освещали лишь слабый огонь, горевший в огромном камине, и единственная свеча, мерцавшая у постели Айлина. В замке воцарилась тишина. Почти все отошли ко сну. Но он все равно выжидал. Советник говорил себе, что в его распоряжении целая ночь и что он навлечет на себя подозрение, если убьет короля слишком рано. Но он сам понимал, что медлит не поэтому.

На кровати лежало еще несколько подушек, помимо двух, на которых покоилась голова короля. Пэгару нужно было только взять одну из них. Он почувствовал кислый привкус во рту, и у него так пересохло в горле, что он не мог сглотнуть.

Король никогда не выказывал ему особой благосклонности, с какой относился к Натану и Венде. Но равным образом он никогда не проявлял жестокости или хотя бы неучтивости. Он не сделал ничего, чтобы заслужить такую смерть. Все участники движения предлагали Пэгару деньга и говорили о славном будущем, ожидающем племя кирси. И наконец, после многих лет жизни в Одунском замке и служения королю-инди, который чаще всего оставлял без внимания его советы, Пэгар решил, что с него довольно. Именно поэтому Айлин должен был умереть. Только по этой причине.

Кирси шагнул вперед и взял одну из подушек. Он тяжело дышал, и ладони у него вспотели. Уже в последнюю минуту, когда он собирался положить подушку на лицо короля, Пэгар вспомнил, что говорил целитель насчет платка. Он вытащил платок из кармана и осторожно накрыл им рот и нос Айлина. Король не пошевелился.

Зажмурившись, Пэгар опустил подушку на лицо старика и навалился сверху всем телом. Айлин не оказал никакого сопротивления, и долгое время старший советник лежал неподвижно, спрашивая себя, умер старик или нет.

Наконец он поднялся с постели и убрал подушку и платок с лица короля. Последний выглядел точно так же, как прежде. Пэгар наклонился над постелью и приложился ухом к груди Айлина. Он не услышал биения сердца и не заметил никакого движения тела. Выпрямившись, кирси подошел к камину и бросил платок в огонь. Он коротко вспыхнул и сморщился в огне, превратившись в черный комок, который кирси разбил кочергой и размешал с золой.

Руки у него по-прежнему дрожали, но это уже не имело значения. Никто не удивится, увидев трясущиеся руки старшего советника, равно как и при виде слез, струящихся по его щекам.

— Стража! — крикнул он, возвращаясь к постели короля. — Бейте в набат! Король умер!

ГЛАВА 23

Тримейн, Эйбитар

«Спроси знатного инди, чем отличается малый дом от крупного, и по ответу ты поймешь, к какому дому он принадлежит», — гласила старинная эйбитарская пословица.

Как многие старинные изречения, она вполне соответствовала истине. Единственную разницу между собой и правителями крупных герцогств главы малых домов видели в том, что первые держали в своем войске на несколько сотен солдат больше, хранили в своей казне на несколько тысяч киндов больше и имели возможность вступить на престол, согласно Законам Престолонаследия. Однако главы крупных домов — даже Керни, чей дом занимал самое низкое положение среди пяти главных, — считали означенную разницу гораздо более существенной. Поскольку армия каждого дома редко насчитывала свыше двух тысяч солдат, разница в несколько сотен человек представлялась весьма ощутимой. Кроме того, войска Торалда, Галдастена, Керга, Кентигерна и Глендивра были подготовлены и вымуштрованы лучше всех остальных в стране. Кентигерн и Глендивр защищали границы Эйбитара,

проходившие по суше; Торалд, Галдастен и Керг охраняли берега королевства. Их армии должны были быть лучшими. А поскольку правители пяти главных герцогств являлись возможными претендентами на эйбитарский престол, они держали дворы, позволявшие достойно принимать знатных особ из всех королевств Прибрежных Земель. Их замки превосходили размерами и красотой все прочие, а города процветали. «Никто из живших в крупном герцогстве никогда не спутает малый дом с одним из пяти главных, — говорили в народе. — И ни один человек, перебравшийся из малого дома в один из пяти главных, уже никогда не вернется домой».

Кезия, которая провела детство в герцогстве Ирдли, самом процветающем из малых домов, а потом перебралась в Глендивр, разделяла это мнение. Замки главных династий были во всех отношениях лучше. Ирдлиская армия ненамного уступала глендиврской в численности, но солдаты Ирдли не шли ни в какое сравнение с войском, находившимся под командованием Керни. Да, действительно, положение всех домов определилось много веков назад, по окончании войны кланов, в соответствии с могуществом каждого. Возможно даже, сложившаяся иерархия к настоящему времени уже не отражала истинного соотношения сил. Многие считали, что Сассин, занимавший самое низкое положение среди эйбитарских домов, на самом деле был могущественнее и богаче, чем Домнол и Лабруин. Большинство сходилось во мнении, что между армиями Галдастена, Керга и Кентигерна уже нет никакой разницы.

Но никому не приходило в голову оспаривать тот факт, что только пять герцогств достойны называться главными домами. Различие между главными и малыми домами отнюдь не являлось пережитком давно забытых времен, но продолжало служить законным основанием того, кто из эйбитарских герцогов станет следующим королем.

Кезия вспомнила об этом, когда они приблизились к Тримейнскому замку через восемь дней после ее последнего разговора с Гринсой. Среди семи малых домов королевства Тримейн занимал четвертое место. Замок, стоявший на самом берегу Хенеи, неподалеку от восточной окраины Кентигернского леса, поднимался высоко над городом; над круглыми крепостными башнями развевались черно-коричнево-золотые знамена. Кезия увидела знаменитые фруктовые сады Тримейна, раскинувшиеся с восточной стороны замка, прямо под низкой серой стеной, окружавшей город. Безусловно, Тримейн входил в число красивейших крепостей Эйбитара, но он был не больше и не величественнее, чем замки графов и танов, живших в Глендиврских горах. По сравнению с самим Глендиврским замком Тримейн казался маленьким и беззащитным.

Всего через несколько часов после полудня Кезия вместе с Керни и Гершоном проехала через Тримейнский мост и приблизилась к северным городским воротам. Там гостей встречал Латроп, герцог Тримейнский, с полным отрядом стражников. Двумя днями раньше Керни отправил вперед нескольких солдат, чтобы спросить у Латропа позволения остановиться со своим войском в его герцогстве.

Конечно, герцог дал согласие. Как сказала Кезия брату, Керни находился в добрых отношениях с герцогом, и они ежегодно навещали друг друга, чтобы вместе поохотиться на лося в горах или на кабана в окрестных лесах. Латроп не только позволил глендиврскому войску стать лагерем под сенью городских стен, но и пригласил в свой замок Керни, Гершона и Кезию.

Латроп дружил с отцом Керни до самой смерти старого герцога. Его седые волосы и борода отливали сталью, и вокруг бледно-голубых глаз уже давно появились глубокие морщины. Он сильно хромал и заметно растолстел в последние годы. Но он все так же сердечно улыбался и приветствовал Керни и Гершона с великим воодушевлением, побратски обняв обоих, когда всадники спешили.

Латропа сопровождала молодая жена, Табия, которая, к явному изумлению Керни, была беременна.

— Герцогу нужны наследники, — тихо сказал Латроп, хихикнув при виде покрасневшего лица Керни. — Моя первая жена, да хранит ее Байан, подарила мне одних

дочерей.

Герцогиню, казалось, совершенно не взволновало внимание, уделенное ее животу. Она просто стояла рядом с мужем, рассеянно играя своими рыжими локонами и улыбаясь. По всей видимости, она прошла Посвящение три-четыре года назад, не больше.

Здесь же находилась и первый советник герцога Тримейнского — пожилая женщина-кирси по имени Иветта, которую Кезия тепло приветствовала. Она с удовольствием провела бы вечер за беседой с советником, потягивая грушевую настойку из погребов Тримейна. Но она уже напряженно всматривалась в лица людей, толпившихся за городскими воротами, отыскивая среди них Гринсу. Сразу за городской стеной возносились ввысь шпили храма Адриели. Со своего места Кезия слышала пение священнослужителей. Брат находился где-то рядом. Она чувствовала его близкое присутствие.

— Первый советник? — услышала она голос Керни.

Кезия повернулась к герцогам, залившись румянцем.

— Да, милорд.

Керни кивнул в сторону Латропа:

— Герцог спросил вас, понравилось ли вам путешествовать по стране в сопровождении такого войска.

— Прошу прощения, господин герцог, — сказала она, низко кланяясь седовласому мужчине. — Я устала с дороги и уже забыла, как красив ваш город и замок. — Кезия украдкой взглянула на Гершона и увидела, что он хмурится. — Путешествовать с герцогом и его войском для любого большая честь, но я была бы благодарна вам за удобную постель и еду, приготовленную на вашей замечательной кухне.

Латроп улыбнулся:

— Вы очень любезны, первый советник. Добро пожаловать в Тримейн. Насколько мне известно, мой первый советник с нетерпением ожидала встречи с вами.

— Я тоже, — сказала Кезия, хотя у нее заныло под ложечкой.

Покинуть замок, чтобы разыскать Гринсу, будет непросто.

Через минуту Гершон направился обратно к глендивским солдатам, чтобы отдать приказ разбить лагерь. Одновременно Латроп, герцогиня и тримейнский первый советник повели гостей через город к замку. Иветта шагала рядом с Кезией, рассказывая о последних событиях, случившихся в Тримейне. В самом начале посевного сезона здесь произошло наводнение — слухи о нем доходили до Глендивра, — и несколько десятков человек умерло от чумы в одном отдаленном баронском поместье, но дальше эпидемия не распространилась. Кезия изо всех сил старалась слушать первого советника, но все время невольно искала взглядом брата. Рослого Гринсу она должна была заметить сразу. В городах малых герцогств жило меньше кирси, чем в Глендивре, Торалде и других крупных герцогствах. Здесь перед ними открывалось меньше возможностей. Но Кезия нигде не увидела брата, хотя они уже прошли мимо храма и пересекли рыночную площадь. Она задалась вопросом, прибыл ли он вообще в Тримейн, не пришлось ли ему изменить планы в связи с какими-нибудь новыми обстоятельствами.

— Он бы мне сообщил, — сказала себе Кезия. — Он бы снова явился ко мне.

— Прошу прощения?

Побледнев, она посмотрела на Иветту:

— Я говорила вслух?

— Вы сказали что-то, но я не разобрала слов.

— Извините, Иветта. Боюсь, я не самый хороший собеседник. Я все время занята своими мыслями.

Женщина откинула со лба белую прядь.

— Разумеется. Я бы тоже терзалась тревогой, если бы сейчас направлялась в Кентигерн.

— Благодарю вас за понимание. Вероятно, мне нужно просто выспаться.

Иветта странно улыбнулась.

— Возможно. А возможно, вам нужно ненадолго уединиться в нашем храме. Это успокаивает, насколько мне известно.

От неожиданности Кезия замедлила шаг, но, прежде чем она успела ответить, советник вынула из кармана своего платья маленький, сложенный в несколько раз кусок пергамента и вложила его ей в руку таким быстрым и плавным движением, которое мог бы заметить только человек, пристально наблюдавший за ними.

— Это мне передали для вас сегодня утром, — тихо проговорила Иветта. — Записку принес один из священнослужителей. У меня создалось впечатление, что дело срочное. Разумеется, я не читала записку, но поняла, что вам необходимо как можно скорее явиться в храм. Я помогу вам выбраться из замка и провожу вас до рыночной площади. Я бы проводила вас и дальше, но, думаю, вы предпочтете проделать остаток пути в одиночестве.

— Благодарю вас, — прошептала Кезия, не поднимая глаз и торопливо разворачивая пергамент. Она бросила на записку лишь один короткий взгляд, но успела увидеть, что это послание от Гринсы и что оно состоит всего из двух слов: «предзакатные колокола».

— Все в порядке? — спросила Иветта.

— Да, конечно. — Она посмотрела на солнце, пытаясь определить время. — Давно ли прозвонили полдневные колокола?

— Несколько часов назад. Предзакатные колокола прозвонят примерно через час. Вам нужно быть в храме к этому времени?

Кезия заколебалась. Иветта ей всегда нравилась. Но одно дело — приятно проводить время в обществе милой женщины, и совсем другое дело — доверяться ей в подобных обстоятельствах. Гринса счел возможным передать записку через нее, но послание содержало всего два слова, которые практически ни о чем не говорили.

Советник заметила нерешительность Кезии и посуровела.

— Я понимаю, — сказала она, вновь устремляя взгляд вперед.

— Простите меня, Иветта. Я никак не ожидала получить записку.

— Неужели? — спросила женщина, по-прежнему не глядя на Кезию. — Мне показалось, вы высматривали кого-то в толпе с той самой минуты, как вошли в городские ворота.

Кезия похолодела. Неужели это было так заметно?

— Выбор за вами, первый советник, — продолжила Иветта, не дав ей сказать ни слова. — Я предложила свою помощь. Решайте сами, нужна ли она вам.

— Нужна, — сказала Кезия, в ту же секунду приняв решение. — Вы правы. Мне надо быть в храме к предзакатным колоколам. Я встречаюсь с...

— Нет. — Женщина помотала головой. — Не говорите мне ничего. Я не уверена, что желаю принимать участие в этом деле.

«Конечно, не желаете, — хотела сказать Кезия. — И я тоже».

Но вместо этого она сказала лишь:

— Я буду благодарна вам за любую помощь.

Скоро они достигли замка и вошли в больший из двух внутренних дворов. Там Латроп представил гостям своих дочерей и капитана своего войска, угрюмого мужчину, едва удостоившего взглядом двух первых советников. Кезия с уверенностью предположила, что они с Гершоном станут закадычными друзьями.

Их проводили в гостевые покои — Кезию поселили в том же коридоре, что и Керни, правда, через несколько дверей от него. Комната была маленькой, но уютной, с широкой кроватью и умывальником, рядом с которым стоял кувшин горячей воды, все еще исходившей паром. Через единственное окно открывался прекрасный вид на реку и высокие отвесные скалы в отдалении.

Латроп сказал, что вечером будет дан пир в честь Керни и остальных гостей Тримейна, но начнется он только с наступлением сумерек. Знал Гринса о предстоящем торжестве или нет, он отлично рассчитал время встречи.

Кезия оставалась одна в комнате всего несколько минут, а затем раздался стук в дверь.

Открыв дверь, она увидела в коридоре Иветту, по-прежнему хранившую отчужденный вид. Кезия устыдилась своей глупой подозрительности. Она испугалась, что потеряла друга.

— Если вы хотите добраться до храма к предзакатным колоколам, нам уже нужно выходить.

Кезия кивнула. Больше всего на свете ей хотелось умыться еще не остывшей водой.

— Вы по-прежнему хотите идти? — спросила женщина, пытливо глядя на нее.

Кезия помотала головой:

— Нет. Но у меня нет выбора.

Иветта невольно улыбнулась.

Кезия вышла из комнаты и затворила за собой дверь.

— Извините, что я не доверилась вам раньше, — сказала она, когда они направились к ближайшей башне и лестнице, которая вела во внутренний двор замка. — Дело вовсе не в вас. Просто я не имею права открыть вам все; честно говоря, я вообще не вправе ничего вам рассказывать. Я боялась сболтнуть лишнее, и до сих пор боюсь.

— Понимаю. — Иветта снова улыбнулась. — Людям в нашем положении порой трудно забыть об интересах наших герцогов.

Кезия не стала поправлять женщину; пока лучше было позволить ей думать, что она действует в интересах Керни. Они спустились по винтовой лестнице башни, торопливо прошли через внутренние дворы замка и вышли на улицы Тримейна, до сих пор оживленные, хотя уже не так, как днем, когда все жители города высыпали из своих домов, чтобы приветствовать Керни и глендиврское войско. Солнечные лучи косо освещали низкие здания, которые отбрасывали странные тени на узкие мощеные дороги. Когда двое советников подошли к скоплению торговых лотков на рыночной площади, прозвонили колокола, заставив всех на мгновение замолчать.

— Идите по этой улице по направлению к северным воротам, — сказал Иветта, останавливаясь на северной окраине рыночной площади. — Рядом с ними вы увидите храм. Вы проходили мимо него, когда вошли в город.

Кезия кивнула:

— Я помню. Спасибо, Иветта. Встретимся на пире.

Она уже видела шпили и торопливо зашагала в их сторону. У нее колотилось сердце; несмотря ни на что, она жаждала снова увидеть брата. Со времени последнего приезда ярмарки в Глендивр прошло уже более полугода, но даже тогда они мало общались, опасаясь привлечь к себе внимание.

Ворота храма оказались открытыми, и Кезия направилась через двор к огромному святилищу с высокими тонкими шпилями. Был месяц Адриели, и позже, вечером, когда сгустятся сумерки, храм заполнят молодые влюбленные, желающие получить благословение богини и вознести молитвы в предвкушении Ночи Двух Лун, которая наступит через три дня. В эту ночь — вероятно, самую долгожданную в году для всех мужчин и женщин Прибрежных Земель — все влюбленные лягут вместе и, согласно легенде, поклянутся друг другу в вечной любви. Но сейчас в святилище, озаренном золотыми лучами предзакатного солнца, лившимися через сверкающие витражные окна за алтарем и по обеим стенам зала, было почти пусто.

Кезия медленно двинулась к алтарю, внезапно задумавшись, здесь ли ей предстоит встретиться с Гринсой и не находится ли он в другой части храма.

— Могу я помочь вам? — раздалось позади нее.

Она повернулась так резко, что едва не потеряла равновесие. Перед ней стояла женщина — священнослужительница, судя по цвету ее одеяния.

— Похоже, вы заблудились, — сказала женщина, дружелюбно улыбаясь.

— Нет. Я просто... ищу одного человека.

Священнослужительница окинула взглядом святилище. На деревянной скамье в глубине помещения сидела молодая пара, а перед алтарем стояла на коленях пожилая женщина, которая тихо плакала. Больше в зале никого не было.

— Вероятно, этот человек собирается встретиться с вами здесь ближе к ночи. Вы пришли слишком рано.

Кезия улыбнулась, хотя у нее запылали щеки. Она хотела объяснить, что встречается здесь не с возлюбленным, но сразу же поняла, что таким образом только возбудит любопытство женщины. Лучше уж было обойтись без лишних объяснений.

— Нет, — сказала Кезия. — Мы условились встретиться, когда прозвонят предзакатные колокола. Я уверена.

— Возможно, тогда нам стоит посмотреть в...

— Все в порядке, сестра, — раздался другой голос.

Кезия снова повернулась и увидела женщину в темно-красном одеянии, стоявшую за алтарем. Настоятельница.

— Она пришла повидаться со мной.

Священнослужительница удивленно подняла брови, но через мгновение коротко кивнула и удалилась.

— Вы желаете принести свою кровь в жертву? — спросила настоятельница, знаком подзывая Кезию к алтарю.

— Конечно, — ответила она, не особенно веря, что у нее есть выбор.

Она направилась к алтарю, сделанному из темного дерева с широкими завивающимися прожилками и украшенному затейливыми резными изображениями разных богов и богинь. Посреди алтаря находился вычурный канделябр с четырьмя тонкими восковыми свечами красного и белого цвета. Рядом стояла каменная чаша и лежал нож с длинной рукояткой, тоже каменный.

Кезия обошла плачущую женщину, обогнула алтарь и приблизилась к настоятельнице. Она вытянула вперед руку и мгновение спустя, спохватившись, отвела глаза.

— Меня зовут Джаная. — Женщина подняла чашу и провела лезвием по руке советника. — Насколько я понимаю, вы — Кезия.

— Да. — Она почти не ощутила боли, хотя почувствовала, как теплая кровь стекает по руке в чашу.

— Вам неприятен вид крови, Кезия?

— Во всяком случае, своей. И я предпочитаю не смотреть на нее без необходимости.

Настоятельница рассмеялась.

— Сейчас я отведу вас к ним, — сказала женщина после непродолжительного молчания.

К ним. Гринса был с Тависом. Кезия настолько сосредоточилась на мыслях о брате, что начисто забыла о молодом лорде. Ей не хотелось встречаться с ним почти так же, как не терпелось увидеться с братом. Именно из-за него они покинули Глендивр, нарушив мирное течение ее жизни и подвергнув опасности жизнь Керни.

— Ну вот, — сказала Джаная, промокая порез куском мягкой ткани. — Сейчас мы забинтуем вам руку, а потом пойдем к ним. Если только вы не хотите заживить рану сами.

Кезия помотала головой:

— Я не обладаю целительным даром.

Настоятельница кивнула, извлекла из кармана длинный бинт и принялась уверенными движениями перевязывать рану.

— У вас ловко получается, мать настоятельница.

— А как же иначе? Я поднимала этот нож множество раз.

Через несколько секунд она закончила перевязку.

— Следуйте за мной. — Джаная двинулась к маленькой двери, расположенной рядом с алтарем.

Кезия подчинилась. Минуту спустя они вышли во второй двор, не такой большой, как двор между воротами и святилищем. Здесь находилось несколько маленьких зданий — по всей видимости, обители священнослужителей. Настоятельница прошла к самому последнему зданию и, распахнув дверь, жестом пригласила Кезию войти.

Советник заколебалась, но лишь на мгновение. Гринса лежал на узкой кровати у противоположной стены; он выглядел усталым, но не более усталым, чем в ее последнем сне. При виде сестры он встал с постели, подошел к ней, широко улыбаясь, и обнял ее своими длинными сильными руками.

На уровне зрительных, осязательных и обонятельных впечатлений все происходило точно так же, как и в видениях. Но сны — сколь бы реальными они ни были — не шли ни в какое сравнение с явью.

Гринса поцеловал ее в макушку.

— Я страшно рад видеть тебя, Кези.

Кезия кивнула, но еще не могла произнести ни слова. Она просто вытерла мокрые от слез щеки о рубашку брата и отступила назад, отвечая на улыбку.

Гринса посмотрел в сторону окна, и Кезия проследила за направлением его взгляда. Там в кресле сидел молодой человек, наблюдавший за ними с бесстрастным выражением лица. У него были прямые пшеничные волосы, синие глаза и по-юношески тонкие черты, но отнюдь не женственные, какие зачастую встречались у молодых инди знатного происхождения. Если бы он улыбался и если бы не багровые шрамы — один на виске, другой под правым глазом и еще один на щеке, — Кезия сочла бы юношу красивым. Но даже со шрамами на лице, даже в тонком белом балахоне послушника молодой лорд выглядел совсем не так, как она ожидала. Он совсем не походил на убийцу или на испорченного герцогского сыночка. Кезии пришлось признать, что он производит впечатление сильного и умного человека, каким и должен быть молодой король.

— Кезия джа Даффид, первый советник Глендивра, — сказал Гринса, по-прежнему глядя на мальчика, — позвольте представить вам лорда Тависа Кергского.

Кезия поклонилась, подбирая соответствовавшие случаю слова.

— Милорд Тавис, я... счастлива познакомиться с вами. Мне бы хотелось, чтобы наша встреча произошла при более благоприятных обстоятельствах.

Молодой лорд лишь еле заметно кивнул в ответ, переводя свои темные глаза с Кезии на Гринсу и обратно.

— Так значит, вы брат и сестра, — наконец произнес он, сохраняя все то же бесстрастное выражение лица. — Глядя на вас, я бы никогда не догадался.

Кезия метнула взгляд на брата, встревоженная замечанием Тависа.

— Все в порядке, — мягко сказал Гринса. — Из всех советников герцога Глендиврского Кезия пользуется наибольшим доверием, — обратился он к молодому лорду. — Я подумал, что вам двоим стоит встретиться, прежде чем мы попросим герцога предоставить вам убежище.

Казалось, Тавис задумался.

— Глендивр никогда не производил на меня впечатления смелого человека, — наконец сказал он Кезии. — Вы думаете, он согласится?

Она с трудом подавила желание развернуться и выйти прочь. Тавис собирался просить Керни о величайшем одолжении, чреватом самыми неприятными последствиями для всего герцогства, — однако он не только оскорбил герцога, но даже не потрудился приличия ради назвать его лордом Глендивром. Несмотря на свой царственный вид, молодой лорд очень легко вызывал неприязнь. Она уже и не знала, сможет ли посоветовать Керни удовлетворить просьбу мальчика.

— Я не знаю, милорд, — сказала она. — Вы собираетесь держаться с ним так же неуважительно, как держитесь со мной?

— Кезия!

Она пропустила мимо ушей восклицание брата и продолжала пристально смотреть на Тависа.

— Я не собирался высказывать вам неуважение, — сказал Тавис. — Вы должны простить меня за то, что я не встал, чтобы приложиться к вашей ручке. После двух недель пыток в кентигернской темнице и двух дней путешествия в тележке торговца под горой

сукна я до сих пор с трудом передвигаю ноги. Но полагаю, вы правы. Мне следует быть повежливее. Вероятно, вам хочется также, чтобы я ликовал и радовался. Почему нет? Ведь я страстно мечтаю провести остаток своих дней в Глендиврских горах. Такая судьба гораздо лучше той безотрадной участи, которая ожидает меня, если я стану герцогом Кергским и королем Эйбитара.

— Довольно. — Гринса бросил неодобрительный взгляд на Кезию. — Замолчите оба.

Комната казалась страшно маленькой. Кезии хотелось очутиться подальше от Тависа. Она даже не желала находиться рядом с братом в эту минуту. С одной стороны, она так сердилась на мальчика, что была готова его ударить. С другой стороны, она настолько стыдилась своего негодования, что не могла поднять глаз. Она не представляла, через какие испытания довелось пройти Тавису в течение последнего месяца. Однако ее удручало то обстоятельство, что она даже не старалась это представить. Ей следовало проникнуться состраданием к молодому лорду. Достаточно было посмотреть на его шрамы. Однако поведение мальчика практически исключало возможность сочувствия, и она ненавидела Тависа за это.

В комнате воцарилось неловкое молчание — тяжелое, как первый мокрый снег. Кезии нужно было вернуться в замок, чтобы подготовиться к пиру. У них оставалось мало времени, и им еще надлежало обсудить важные вопросы, но она не могла заставить себя заговорить.

— Керни собирается покинуть Тримейн завтра? — наконец спросил Гринса.

Кезия кивнула, продолжая смотреть в каменный пол.

— Значит, сегодня тебе придется уговорить герцога встретиться со мной.

— Я попытаюсь.

— Нужно не просто попытаться, Кези.

Она подняла голову и увидела, что брат пристально смотрит на нее с выражением муки в желтых глазах.

— Мы уже не раз говорили об этом, — умоляющим тоном сказал он. — Ты знаешь, что поставлено на карту. Не заставляй меня снова убеждать тебя, Кези.

Она провела рукой по своим белым волосам, бегло взглянув на Тависа. Он по-прежнему смотрел на нее все с тем же невозмутимым видом. Если мальчик и сердился на нее или боялся получить отказ в помощи, он никак не выказывал своих чувств. «О чем ты думаешь? — хотелось крикнуть Кезии. — Ты еще способен чувствовать хоть что-нибудь?»

Она снова перевела взгляд на брата.

— Керни не захочет задерживаться здесь. Он вообще не хотел останавливаться в Тримейне. Сегодня мы могли пройти еще лигу — и прошли бы, если бы Гершон не заявил, что солдаты нуждаются в отдыхе.

— А если ты скажешь Керни, что я только на днях приехал из Кентигерна и располагаю сведениями об убийстве Бриенны?

— Возможно, тогда он согласится встретиться с тобой, — сказала Кезия. — Но если я скажу, что ты прибыл сюда с лордом Тависом, он согласится наверняка.

Гринса помотал головой:

— Нет. Он и герцог Тримейнский считают Тависа убийцей и беглецом. Я не хочу, чтобы молодого лорда взяли под стражу, как только он переступит порог замка.

— Керни никогда не пойдет на такое! Если он согласится встретиться с вами обоими, он не нарушит своего слова!

— Насчет Керни я не беспокоюсь, — сказал Гринса. Кезия почувствовала, что он с трудом сохраняет спокойствие. — Но рядом с ним обязательно будет Латроп, ибо правила приличия предписывают Керни пригласить герцога на подобную встречу. А как глава малого дома, последний не рискнет навлечь на себя гнев Андреаса, укрывая в своем герцогстве человека, которого все в королевстве считают убийцей леди Бриенны.

Конечно, брат был прав. Как всегда. «Нет ничего хуже, — поняла Кезия в эту минуту, — чем оказаться между Керни и братом, когда оба твердо стоят на своем».

— Хорошо, — сказала она. — Когда ты хочешь поговорить с ним?

— Завтра утром. Мы будем у ворот замка с утренними колоколами.

Она кивнула:

— Я попрошу Иветту приказать стражникам, чтобы они пропустили вас. Как вы будете одеты, лорд Тавис?

— Он будет все в том же платье послушника. А я буду в одеянии священнослужителя. Стражники ожидают посетителей из храма?

Кезия снова кивнула и посмотрела в окно. Небо потемнело.

— Мне пора идти, — сказала она. — Меня ждут на торжественном обеде.

Гринса натянуто улыбнулся:

— Конечно.

Ей хотелось обнять брата, но в данную минуту это казалось невозможным. Почему они были бесконечно далеки друга от друга, хотя находились в одной маленькой комнате?

— Милорд. — Кезия легко поклонилась мальчику.

— Я слышал, ваш герцог справедлив, первый советник. Уверен, он удовлетворит нашу просьбу.

Советник сочла последнее замечание странным. Но у нее возникло ясное ощущение, что мальчик пытается выразить благодарность.

— До завтра, милорд.

Она направилась к двери, но Гринса поймал ее за руку.

— Кези, — сказал он, заглядывая ей в глаза, — когда все это закончится, мы с тобой проведем время вместе — просто ты и я. Даю слово.

Он словно извинялся, словно признавал, что уже попросил о многом и впоследствии попросит о большем.

Кезия попыталась улыбнуться, ибо брат заслуживал этого. Но попытка оказалась безуспешной.

— Мне бы очень хотелось, — сказала она. — Но когда все закончится?

Они шли к воротам замка круглым путем. В храмах Прибрежных Земель служило мало кирси, но достаточно для того, чтобы Гринса в коричневом балахоне не вызвал подозрений. Однако Тавис даже в белом одеянии совсем не походил на послушника — особенно со своими шрамами на лице. Гринса решил, что лучше обойти стороной людную рыночную площадь; довольно и того, что пройти мимо стражников, охранявших ворота замка, будет непросто.

Пока они шагали по узким городским улочкам, Тавис говорил мало, и Гринса был благодарен ему за это. Мальчик умел находить именно такие слова, которые приводили кирси в ярость. Накануне вечером, едва Кезия покинула храм — с печальным видом, заставившим Гринсу пожалеть о том, что они вообще приехали в Тримейн, — Тавис повернулся к нему и спросил:

— И давно она спит с герцогом?

Ладно еще, что молодой лорд обнаружил пугающую проницательность. Но ему вообще не следовало задавать такой вопрос. Тавис знал, что любовная связи инди и кирси запрещена законом. Все знали. Он понимал также, что одни только разговоры на эту тему порочили репутацию и Кезии, и герцога.

Гринса не считал нужным отвечать Тавису. Он молча вышел из домика и вернулся только к ужину. С тех пор они не возвращались к этому предмету, но Гринса опасался, что еще до вечера мальчик брякнет что-нибудь лишнее.

— Никто не знает, что Кезия моя сестра, — сказал он, искоса взглянув на Тависа.

— Знаю. Ты говоришь это уже в третий раз.

— Никто не знает также, что я Избранный.

Мальчик невесело усмехнулся.

— Это я тоже знаю.

— Если кто-нибудь спросит вас, скажете, что вас исцелил другой кирси в

Кентигернском храме.

— Еще что-нибудь? — невыразительным голосом спросил Тавис.

— Да. Будет неплохо, если вы постараетесь обращаться с лордом Глендивром поучтивее. Герцог поставит под угрозу свой дом, коли предоставит вам убежище. Андреас может расценить такой поступок как объявление войны и напасть на него.

— К нему на помощь придет Керг. Кентигерн не сможет одержать победу над двумя домами.

Гринса остановился, схватив мальчика за руку. Тавис вырвал руку из цепкой хватки кирси и свирепо уставился на предсказателя.

— Вы не понимаете сути дела, глупец! — сказал Гринса. — Мы стараемся предотвратить войну, а не развязать ее в условиях, более благоприятных для дома Кергов. Пока вы остаетесь под официальным покровительством Глендивра, вы не можете вступить на престол. Надеюсь, Андреас удовлетворится таким положением дел и не станет воевать с вашим отцом.

— Понимаю, — процедил мальчик сквозь зубы. — Но ты сказал, что над Глендивром нависнет угроза войны с Кентигерном, а я просто ответил, что мой отец не даст Глендивра в обиду, если герцог согласится предоставить мне убежище.

Гринса отвел глаза и мгновение спустя кивнул. Он напомнил себе, что Тавис совсем недавно прошел Посвящение и за последний месяц выдержал больше испытаний, чем многим знатным молодым инди выпадало за целую жизнь.

— Пойдемте. — Он двинулся дальше. — Скоро прозвонят колокола.

Через несколько минут Гринса и Тавис достигли ворот, и стражники дали им знак проходить. Однако, когда они торопливо вошли во внутренний двор и направились через сад к покоям герцога, один из стражников крикнул им вслед:

— Что у малого с лицом?

— Грабители, — бросил Гринса через плечо, не потрудившись остановиться и надеясь, что стражники не спросят, с какой стати грабителям нападать на послушника, не имеющего при себе ни денег, ни ценностей.

В дальнем конце второго внутреннего двора их ждала Кезия. С ней находилась еще одна кирси, пожилая женщина с короткими белыми волосами, в которой Гринса узнал тримейнского первого советника, — именно к ней он посылал священнослужителя с запиской.

По виду сестры он понял, что она толком не знает, как их представить, и потому назвалса первому советнику сам.

— Насколько я понимаю, вы не священнослужитель, — сказала Иветта.

Гринса ухмыльнулся и помотал головой.

— Нет.

Советник прищурилась.

— У вас знакомое лицо. Мы с вами встречались раньше?

— Вообще говоря, нет. Я странствовал с ярмаркой. Возможно, вы видели меня на пирах.

— Да, разумеется. — Она кивнула и улыбнулась. — Точно. — Она повернулась к Тавису. — А кто ваш спутник?

Гринса и Кезия переглянулись, и мгновение спустя она кивнула.

— Лорд Тавис Кергский, — сказал Гринса.

Иветта бросила на него быстрый взгляд, словно пытаясь понять, не шутит ли он, а потом снова посмотрела на мальчика, со страхом и неприязнью.

— Зачем вы привели его сюда? — сурово осведомилась она. — Вы хотите вовлечь Тримейн в междоусобную войну?

— Я стараюсь предотвратить междоусобную войну, — сказал Гринса. — Мы явились сюда, чтобы просить Керни предоставить мальчику убежище. Если он согласится, мы уйдем из Тримейна с глендиврским войском. Если откажет, мы попробуем обратиться за помощью

к одному из других главных домов. В любом случае мы покинем Тримейн до наступления ночи. Даю вам слово.

— Что заставляет вас думать, что Керни согласится пойти на такое?

— Глупость. Слепая надежда. Отчаяние. Выбирайте сами. Вероятно, все вместе.

— Вчера мы с Гринсой обсудили это дело, — сказала Кезия. — Мне кажется, мы вполне можем надеяться, что герцог удовлетворит просьбу мальчика. Само собой, я посоветую Керни сделать это.

Иветта продолжала пристально смотреть на молодого лорда.

— Его раны хорошо заживают, — наконец сказала она, к великому удивлению Гринсы. — Целитель постарался на славу. — Она взглянула на предсказателя. — Ваша работа?

Он помотал головой:

— Нет. Тависа исцелил один мой друг в Кентигерне.

Женщина кивнула и вновь перевела глаза на молодого лорда.

— Все королевство хочет знать, вы убили девушку или нет, друг мой.

— А они готовы поверить, что я не убивал? — спросил мальчик.

— Это правда?

— Да, — сказал Гринса, не дав Тавису открыть рот. — Он невиновен. Я в этом уверен, как и настоятельница кентигернского храма Байана, которая слышала его разговор с духом Бриенны в последнюю Черную Ночь.

Похоже, слова предсказателя произвели на Иветту впечатление.

— Даже служа своему герцогу, я остаюсь приверженцем Старой Веры. Мнение настоятельницы имеет для меня значение. Но мне бы хотелось услышать ответ из уст самого мальчика.

Гринса увидел, как ошетинился Тавис, и затаил дыхание, опасаясь, что молодой лорд заговорит раздраженным тоном, каким изъяснялся накануне с Кезией.

— Я не убивал Бриенну, — сказал молодой лорд после непродолжительного молчания. — Похоже, я никого не могу убедить в своей невиновности, но я уже почти полюбил девушку. Я хотел, чтобы она стала моей королевой.

— Похоже, Гринсу вы сумели убедить, — заметила женщина. — И Кезию тоже. Для начала неплохо.

— А как насчет вас? — спросила Кезия. — Вас он убедил?

Советник еле заметно улыбнулась.

— Пока нет. Но я позволю вам отвести лорда Тависа к моему герцогу и не стану звать стражников.

О большем Гринса и просить не мог.

— Благодарю вас, — сказал он, когда советник направилась к главному зданию замка.

Они прошли по темным коридорам к покоям Латропа. Иветта постучала в дверь и, услышав приглашение войти, распахнула ее и провела посетителей в кабинет.

Латроп сидел за столом в кресле, казавшемся слишком маленьким для человека столь внушительных размеров. Рядом с ним сидел Керни, небрежно закинув ногу на ногу; серебристые волосы и непринужденное изящество позы придавали герцогу поистине аристократический вид, какой Гринса редко встречал у других людей, даже у представителей эйбитарской знати. Подле Керни стоял третий человек — лысый, с грубыми неправильными чертами лица и тяжелым взглядом. На поясе у него висел меч, и Гринсе показалось, будто он непроизвольно потянулся рукой к эфесу, когда они вошли в комнату. Предсказатель прежде никогда не видел этого мужчину — даже на пирах, устраивавшихся в Глендивре по случаю ярмарки; но, памятуя о рассказах Кезии, он понял, что видит перед собой Герсона Траскера, капитана глендиврского войска. Он понял также, что в присутствии капитана разговаривать с герцогами будет гораздо труднее.

Кезия взглянула на Иветту, словно ожидая, что она представит их Латропу. Но тримейнский первый советник помотала головой.

— Вы просили об этой встрече, — сказала Иветта. — Вам и карты в руки.

— Кто эти люди, Кезия? — спросил Керни, поднимаясь на ноги.

— Это Гринса джал Арриет, милорд. Он ярмарочный предсказатель.

Герцог внимательно смотрел на Тависа. Затем бросил короткий взгляд на Гринсу и кивнул.

— Я видел вас на пирах, — сказал он. — Я встречал и мальчика, но не помню, когда и где именно. — Он подступил ближе к молодому лорду, разглядывая шрамы у него на лице.

Тавис стоял совершенно неподвижно, потупив взор.

— Откуда у тебя эти шрамы, мальчик? — спросил герцог.

Тавис посмотрел на Гринсу.

— Все в порядке, — сказал кирси. — Именно поэтому мы здесь.

Молодой лорд поднял взгляд и смело посмотрел прямо в глаза Керни.

— Я получил их в кентигернской темнице, милорд. От руки самого герцога.

Гринса увидел, как полыхнули зеленые глаза Глендивра.

— Тавис, — прошептал он, потом отступил назад и резко повернулся к Кезии. — Гром и молния! И вы привели его сюда? О чем вы думали?

— Это я привел его сюда, милорд, — сказал Гринса. — Кезия просто устроила нашу встречу. В виде великого одолжения.

— С какой целью? — осведомился герцог.

— Насколько я понимаю, это лорд Тавис Кергский? — спросил Латроп, тоже вставая с места и выходя из-за стола.

У мальчика хватило ума поклониться.

— Господин герцог, — сказал он. — Я понимаю, что подвергаю ваш замок опасности одним своим присутствием здесь. Я бы не явился к вам, когда бы мог обратиться еще к кому-нибудь.

— Обратиться зачем? — спросил Латроп. — Что вам угодно?

— Мы пришли просить герцога Глендиврского предоставить Тавису убежище, — сказал Гринса, — и взять мальчика под покровительство до тех пор, покуда не сумеем доказать его невиновность.

Герцог Тримейнский изумленно витаращился на него, явно не веря своим ушам. Однако Гринсу больше волновал Керни, который несколько мгновений молчал, сохраняя бесстрастное выражение лица, а потом повернулся к Кезии.

— Вы знали об этом?

— Я встречалась с Гринсой вчера, милорд, в храме. Мы говорили об этом.

Это был умный ход. Кезия давала Гринсе понять, что не собирается лгать своему герцогу больше, чем необходимо. Он думал, что в конце концов у сестры не останется выбора, но теперь казалось, что сказанной правды достаточно, чтобы ввести Керни в заблуждение и сохранить их тайну.

— А откуда вы знаете этого человека? — спросил Керни дрогнувшим голосом, подобающим скорее любовнику, нежели господину.

Кезия определенно заметила это, ибо на ее лице промелькнула улыбка.

— Мы с Гринсой воспитывались вместе. Я давно знаю его, и всегда ему доверяла.

Герцог нахмурился, но, похоже, поверил.

— Какое тебе дело до всего этого, предсказатель? — спросил он Гринсу. — Ярмарка так же далека от Тримейна, как от Кентигерна.

— Да, милорд, конечно. Но я предсказывал мальчику будущее, когда ярмарка останавливалась в Керге, и увидел, что ждет его в Кентигерне.

— Неужели предсказатели имеют обыкновение вмешиваться в жизнь людей, которых принимают в своей палатке?

— Нет. Но предсказателям редко выпадает случай предвидеть столь очевидную несправедливость. Кем бы я был, если бы просто сидел сложа руки?

Герцог холодно смотрел на него. Если он и услышал вызов в словах Гринсы, то никак

не показал этого.

— Вы считаете мальчика невиновным.

— Да. В последнюю Черную Ночь он находился в храме Байана, милорд. Настоятельница храма слышала разговор Тависа с духом леди Бриенны. Они разговаривали как влюбленные, милорд. Она не обвиняла мальчика, и он явно не боялся призрака.

— Колдовство и колдовская магия, — пробормотал капитан, трясая головой.

Керни приподнял бровь.

— Вы хотите что-то сказать, Гершон?

— Вы же читали послание из Кентигерна, милорд. — Он махнул рукой в сторону Тависа. — Вы знаете, в каком виде они нашли молодого лорда и девушку. Если этот кирси говорит, что он невиновен...

— Настоятельница — не кирси, — сказал Гринса.

Гершон метнул на него яростный взгляд, потом снова повернулся к герцогу.

— Если этот кирси говорит, что он невиновен, это еще ничего не значит.

— По-вашему, настоятельница солгала? — спросил Керни.

— Вполне возможно. Но речь не о ней. Я уверен, этот кирси запросто солжет насчет того, что сказала настоятельница.

Гринса увидел, как Кезия гневно сверкнула светлыми глазами и открыла рот. Он энергично потряс головой, и сестра плотно сжала губы, отворачиваясь в сторону.

— Предсказатель не лжет.

Все обратили взоры на Тависа, подавшего голос.

— Я не убивал Бриенну, и я разговаривал с ней в храме. Да, именно мой кинжал нашли в груди девушки. И действительно, они обнаружили меня всего в крови, в запертой изнутри комнате. Но я клянусь памятью Бриенны, что не убивал ее.

— Но почему мы должны верить вам, лорд Тавис? — спросил Керни на удивление мягким тоном.

— Вы видите шрамы на моем лице, милорд. Шрамы на моей спине и груди еще ужасней. Андреас применил ко мне все возможные пытки. Только потому, что хотел вырвать у меня признание, которого я не собирался давать. — У мальчика искривились губы, словно он пытался улыбнуться. — Можете называть это гордыней Кергов, коли вам угодно. Конечно, мне было бы легче признаться и положить конец своим мучениям. Но я не убивал Бриенну, и я скорее умру, чем возьму на себя преступление другого человека. Андреас хотел заклеить меня как убийцу, оставляя на моем теле все эти шрамы, но на самом деле они являются очевидным свидетельством моей невиновности.

Несколько минут все молчали. Керни подошел к окну и уставился в него невидящим взглядом. Утреннее небо затянулось серыми облаками, и в воздухе пахло дождем.

— Почему ты просишь убежища для мальчика? — спросил герцог. — Ты вытащил его из Кентигерна? Почему бы Тавису просто не бежать из королевства? За границей он находился бы в такой же безопасности, как под моим покровительством.

— Да, верно, — сказал Гринса. — Но куда он спасается бегством, Андреас будет преследовать его. И они с Яваном по-прежнему будут угрожать друг другу войной.

Керни повернулся к нему и широко улыбнулся.

— Вы хотели бы, чтобы Андреас угрожал войной мне?

Гринса улыбнулся в ответ. Теперь он понимал, почему Кезия полюбила этого человека.

— Пока Тавис находится под покровительством одного из домов, он не имеет права претендовать на трон. Я надеюсь, что Андреас удовлетворится этим.

— Насколько мне известно, — сказал Латроп, — он даже намерен воспрепятствовать вступлению Явана на престол.

Гринса кивнул:

— Я тоже слышал об этом. Но ни один из домов не выступит вместе с Андреасом против Явана — во всяком случае, пока Тавис не утратит свои права на престол. Нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. Если вы предоставите мальчику убежище, а

мы найдем убийцу Бриенны, Тавис снова сможет заявить о своих законных притязаниях на верховную власть. Если же он сбежит из страны, никто никогда не признает его герцогом или королем. Он невиновен, милорд. Кто-то убил Бриенну, чтобы лишить Тависа законных прав на престол. Нельзя допустить, чтобы они достигли своей цели.

Казалось, Керни на минуту задумался над словами кирси, а потом повернулся к своему капитану.

— Гершон?

Мужчина пожал плечами:

— Я не уверен, что все эти соображения помешают герцогам начать войну.

— Возможно, они одни и не помешают, — сказал Гринса. — Но вкупе с вашим присутствием в Кентигерне такие соображения вполне могут остановить Явана и Андреаса.

— А где будет мальчик, пока мы будем находиться в Кентигерне? — спросил Гершон.

— С вами, разумеется.

— Что? — воскликнул капитан. — Это чистое безумие.

— Вовсе нет, — сказал Керни, не дав Гринсе открыть рот. — Скрываясь от Андреаса, лорд Тавис как бы признает свою вину. Но, возвращаясь в Кентигерн, даже под моим покровительством, он демонстрирует свою уверенность в собственной невинности.

— Значит ли это, что вы решили удовлетворить его просьбу? — спросил Гершон.

Прежде чем герцог успел ответить, зазвонили городские колокола, эхо которых раскатилось между башнями и высокими стенами замка, подобное пению служителей храма в Ночь Двух Лун.

Керни недоуменно взглянул на Латропа.

— Ничего не понимаю, — сказал герцог Тримейнский, тоже подходя к окну. — До полдневных колоколов еще несколько часов.

Однако колокола продолжали звонить, и теперь они слышали возбужденные крики людей, с каждой минутой звучащие все ближе и громче.

— Что там случилось? — спросила Иветта. — Неужели война? Или эпидемия чумы?

Никто не ответил советнику. Все напряженно прислушивались, закрыв глаза. Тавис дрожал всем телом, словно кентигернские стражники опять пришли за ним.

Первым все понял Гершон, лицо которого вдруг стало блее волос Кезии.

— Да хранит всех нас Ин, — выдохнул он, глядя на Керни.

— В чем дело, Гершон?

По лицу мужчины неудержимым потоком струились слезы.

— Милорд, — сказал он прерывающимся голосом. — Король умер.

ГЛАВА 24

Керг, Эйбитар

Шона еще не успела пройти через внутренние ворота в городской двор, когда услышала, как Хаган выкрикивает команды лающим голосом, который отражался эхом от крепостных стен. Последние полмесяца капитан гонял солдат как никогда раньше. Герцогине не нужно было наблюдать за тренировками, чтобы понять это. Она слышала разговоры стражников в коридорах. Она видела, какой усталый вид у самого Хагана, и не сомневалась: если капитан так измучен, солдатам наверняка приходится много тяжелее.

Сначала Шона думала, что Хаган столь немилосердно истязает своих солдат от досады и разочарования. С тех пор как из Кентигерна пришли известия о случившемся, она сама постоянно срывала злость на фрейлинах и служанках. Она понимала, как трудно сохранять самообладание, когда страх и гнев владеют душой. В убийстве обвиняли не сына Хагана, но все равно мальчик оставался на Кентигернском холме, как и сын Шоны. Если кто-нибудь еще в герцогстве любил Явана так же сильно, как она, то только Хаган. Кто мог винить капитана, обуреваемого яростной ненавистью к Андреасу и неспособного совладать со своими чувствами?

Лишь несколько дней назад, после прибытия в Керг гонца с известием о побеге Тависа и заточении Явана, Шона осознала, насколько глупа она была. Внезапно она поняла, что Хаган просто готовит солдат к войне.

Они не говорили на эту тему. Правду сказать, они вообще не разговаривали со дня получения последних известий. Даже при жизни Дарии, умершей восемь лет назад, Хаган чувствовал себя неловко в обществе женщин, особенно герцогини. После смерти жены он стал избегать Шону. Возможно, она напоминала капитану Дарию — многие отмечали их внешнее сходство. А возможно, боль утраты была столь велика, что он просто не мог общаться с женщинами. Так или иначе, они никогда не встречались — разве только сталкивались время от времени на пирах или в коридорах замка.

Именно поэтому сегодня Шона решила наконец разыскать Хагана. В отсутствие мужа и сына всеми делами в замке заправляла она. Настала пора поговорить с капитаном герцогского войска.

Пройдя через ворота, она направилась по мощеной дорожке в южный конец городского двора, где тренировались солдаты. Они фехтовали, разбившись на пары, — и не деревянными мечами, а стальными, звон которых разносился по двору, словно музыка ярмарочных музыкантов. Они даже были в кольчугах и доспехах. Шона невольно задрожала, хотя ярко светило солнце и с океана Амона дул теплый ветерок.

— Следите за ногами, дурни! — орал Хаган, прохаживаясь между фехтовальщиками. — Самое главное — равновесие!

Когда Шона приблизилась к солдатам и, не замедляя шага, направилась к Хагану, несколько человек опустили мечи и уставились на нее такими глазами, словно увидели одного из прелатов Ина входящим в бордель.

Мгновенно вспыхнув яростью на нерадивых солдат, Хаган резко повернулся кругом.

— Лентяи! Кто разрешил вам?.. — Он осекся при виде герцогини. — Миледи! — Он вытаращился на нее с таким же изумлением, как солдаты.

— Добрый день, капитан. — Шона окинула взглядом мужчин. — Насколько я понимаю, занятия проходят успешно.

— Да. — Хаган прищурился. — Могу я быть чем-нибудь полезен вам, миледи?

— Да, мне бы хотелось поговорить с вами.

— Конечно. — Капитан взглянул на солдат, которые все прислушивались к разговору и глазели на герцогиню. — Продолжайте, болваны! — рявкнул он. — Это вас не касается!

Шона и капитан отошли немного в сторону и остановились в тени южных ворот.

Хаган стоял напротив герцогини; легкий ветерок ерошил его светлые кудри.

— Чем могу служить, миледи?

— Вы больше не получали никаких известий? — спросила она.

У него дернулись губы.

— Нет. А вы?

Несмотря ни на что, Андреас, похоже, не запрещал Явану — да и Ксаверу — писать сколь угодно часто. Весточки от них обоих приходили каждые несколько дней. Но хотя Шона знала почерк мужа, она не могла сказать, пишет он сам или под диктовку. Письма казались в лучшем случае туманными. В каждом он заверял герцогиню, что находится в добром здравии и не подвергается никаким оскорблениям со стороны Андреаса или его людей. Но он ни разу не упомянул о Тависе и не указал, что ей нужно делать, чтобы ему помочь. Шона не понимала, старается ли Яван оградить ее от лишних волнений или мужу просто говорят, что можно писать, а что нет. Судя по лицу Хагана, он питал такие же сомнения.

Герцогиня покачала головой:

— Я не знаю, сколько еще мы можем бездействовать. Но я точно знаю, что Яван не стал бы медлить так долго.

Лицо капитана не изменило выражения, но спустя мгновение он кивнул.

— Согласен. Я... я не хотел давить на вас. — Он махнул рукой в сторону солдат. — В

отсутствие герцога эти люди подчиняются вам. Я позаботился о том, чтобы они были готовы выполнить любой ваш приказ.

— И какой приказ, по-вашему, мне следует отдать?

Хаган отвел глаза.

— Не мое дело давать советы, миледи.

— Чепуха! Если бы такой вопрос вам задал Яван, вы без колебаний высказали бы свое мнение. Я прошу вас о том, о чем попросил бы герцог.

— На самом деле это не так, миледи. — Он по-прежнему не смотрел Шоне в глаза. — У герцога есть первый советник, мнение которого он учитывает наряду с моим. Но кресла здесь нет. Кроме того, в вопросах командования войском герцог и сам разбирается неплохо. А вы нет. Вы просите меня принять решение за вас, а я не желаю делать этого.

Герцогиня признала, что отчасти Хаган был прав: ей действительно придется положиться главным образом на его суждение. Но все остальное казалось вздором, и сейчас пришла пора кое-что растолковать ему.

— Послушайте меня хорошенько, капитан, — сказала герцогиня тоном, заставившим Хагана наконец взглянуть на нее. — Пусть я женщина, и пусть я никогда не ходила в бой, но это не значит, что я передам вам командование войском!

— Миледи! — с ошеломленным видом воскликнул он. — Вы меня неправи...

— Вы можете дать мне любой совет, какой сочтете нужным, но только я одна буду решать, что делать с Кентигерном и обвинениями, выдвинутыми против моего сына. И даже если я приму решение начать войну, которой вы не желаете, я буду требовать от вас неукоснительного выполнения всех моих приказов. Если вы считаете, что не сможете подчиняться мне, скажите об этом сейчас — и я отстраню вас от командования войском до возвращения моего мужа.

С минуту Хаган изумленно смотрел на нее, не произнося ни слова. Потом он несколько раз кивнул, еле заметно улыбаясь одними уголками губ.

— Я вас понял, миледи. Приношу свои извинения.

Шона постаралась сохранить серьезное выражение лица.

— В этом нет никакой необходимости, Хаган. Теперь, пожалуйста, ответьте на мой вопрос. Как вы посоветуете мне поступить?

Капитан оглянулся на своих людей, словно оценивая успехи, которых они достигли в тренировке.

— Честно говоря, миледи, я не знаю. Одно дело, когда Кентигерн обвинил и посадил в темницу лорда Тависа. Но держать под стражей герцога — это совсем другое. Складывается такое впечатление, будто Андреас хочет войны.

Шоне не хотелось спрашивать — она боялась не столько услышать ответ, который будет вежливым и уклончивым, сколько увидеть выражение лица Хагана, — но она слишком долго мучилась этим вопросом.

— По вашему мнению, девушку убил Тавис?

Хаган метнул на нее быстрый взгляд и тут же отвел глаза.

— Я не могу судить о таких вещах, миледи.

Ничего иного Шона и не ожидала услышать, но она уже задала вопрос, и отступать было поздно.

— Но вы же видели, что он сделал с вашим сыном.

— Да. — Он снова коротко взглянул на герцогиню. — Мне очень жаль, миледи.

— Все в порядке. Я сама уже передумала все, что возможно. Хотите верьте, хотите нет, Хаган, но мальчик не убийца. Его нападение на Ксавера непростительно; я не стала бы винить вас, возненавидь вы Тависа за это. Если бы Ксавер напал на моего сына, я бы испытывала такие же чувства.

— Если бы Ксавер напал на вашего сына, — спокойно сказал мужчина, — его бы повесили.

Шона уставилась на него, медленно заливаясь румянцем. Спорить не имело смысла.

Капитан был прав.

— Насколько я могу судить, миледи, Ксавер разделяет ваше мнение. В своем единственном письме, где упоминается имя лорда Тависа, он дает понять, что считает лорда невиновным. А если он до сих пор верит в невиновность вашего сына, кто я такой, чтобы сомневаться в ней?

Герцогиня коротко улыбнулась.

— Благодарю вас, Хаган. — Она посмотрела на солдат, как минуту назад смотрел капитан. — Готовы ли ваши люди выступить в поход, если мы... если я решу начать войну?

На сей раз капитан ответил без промедления:

— Готов, миледи. Войску Кентигерна не выстоять против них. Но мне бы не хотелось посылать солдат в бой, пока герцога удерживают в замке. Трудно сказать, на что может пойти Андреас, если мы начнем брать верх.

Шона вздохнула с глубоким облегчением. Она тоже думала об этом, но боялась, что Хаган сочтет опасения подобного рода признаком слабости.

— Значит, все остается по-прежнему.

Хаган бросил через плечо взгляд на солдат.

— Похоже, что да. Значит, мы будем ждать?

Мужчина говорил спокойным тоном, но герцогиня прочитала недовольство в его глазах и заметила, как у него напряглась челюсть. Это было замечательно. Она сама испытывала такие же чувства.

— Я устала ждать. — Она посмотрела в глаза капитану. — Возможно, начинать войну сейчас неблагоприятно, а возможно, дело сдвинется с мертвой точки, если мы продемонстрируем свою решимость.

— Миледи?

— Подготовьте людей к походу. Если в ближайшие три дня мы не получим никаких известий, мы поведем войско на Кентигерн. Таким образом, у квартирмейстера будет достаточно времени, чтобы запастись продовольствием.

— Более чем достаточно, миледи.

Шона кивнула:

— Я знаю. Но мы дадим Андреасу еще несколько дней, чтобы он образумился. Вероятно, Яван действовал бы решительнее, но я должна действовать, как умею.

— Возможно, вам стоит поговорить с другими советниками герцога, миледи, чтобы удостовериться в правильности своего решения. Пускай первого советника сейчас нет, но здесь остался второй и младшие советники.

Шона понимала, что поговорить с кирси следует. Она понимала также, как трудно было Хагану предложить такую вещь. Он согласился с решением герцогини, но советники могли и не согласиться. Однако, хотя с течением времени Шона стала уважать и даже полюбила Фотира, к остальным советникам Явана она относилась иначе. Она считала их высокомерными и знала, что они держатся невысокого мнения о ней. Ей не хотелось обращаться к ним за советом. Герцогиня улыбнулась собственным мыслям. Похоже, кербская гордость, которой славился Яван и его предки, неким непостижимым образом передалась и ей.

— Я сообщу советникам о своих намерениях, — сказала она. — Я не вижу необходимости обращаться к ним по другим вопросам.

Хаган приподнял бровь и снова еле заметно улыбнулся.

— Вы уверены, миледи?

Герцогиня кивнула, словно прогнав последние сомнения.

— Да. Пожалуйста, Хаган, проследите за тем, чтобы квартирмейстер получил все необходимое, — велела она напоследок.

— Непременно, миледи.

Шона направилась обратно в свои покои, испуганная собственным решением, но одновременно ободренная мыслью, что они наконец-то начали действовать. Однако не

успела она пройти и нескольких шагов, как Хаган окликнул ее:

— Миледи!

Она остановилась и повернулась.

— Думаю, герцог гордился бы вами.

Шона не сумела сдержать улыбки. Она не сомневалась, что Хаган прав.

— Пожалуйста, капитан, докладывайте мне о ходе приготовлений, — сказала она, снова трогаясь с места.

— Конечно, миледи.

В течение следующего дня весь замок кипел жизнью — словно люди, жившие и работавшие там, только и ждали, когда герцогиня поставит перед ними какую-нибудь задачу, выполнением которой они смогут заняться. Возможно, Шоне следовало бы понять это раньше (Яван наверняка понял бы), но она была слишком поглощена собственными страхами. Однако теперь она видела их воодушевление, их рвение. Герцог говорил ей о том, как зачастую сплачивается группа людей, не имеющих между собой ничего общего, когда они вместе делают одно дело; или как солдаты черпают силу и мужество друг в друге, просто готовясь вместе к войне. Но до сих пор она не понимала этого.

Ближе к вечеру, сразу после предзакатных колоколов, Хаган доложил Шоне, что квартирмейстер и его люди приготовили продовольствие.

— Все фургоны нагружены, миледи, — сказал капитан, когда они медленно шли по внутреннему двору, оценивая работу квартирмейстера. — Мы можем выступить, когда вы пожелаете.

Солдаты Хагана опять тренировались, сразу за последними фургонами. Шоне показалось, будто в движениях мужчин появилась живость, которой им не хватало еще вчера. Очевидно, даже на них подействовало возбуждение, охватившее замок.

— Пожалуйста, похвалите квартирмейстера от моего имени, — сказала герцогиня. — И передайте ему благодарность от меня.

— Слушаюсь, миледи.

С минуту они шли в молчании. Потом Хаган набрал в грудь воздуха, словно собираясь с духом, и Шона поняла, что именно он скажет, еще прежде, чем мужчина открыл рот. Сегодня они оба получили послания — он от Ксавера, она от герцога. Как всегда, капитан стеснялся спросить, что пишет герцог, словно Яван стал бы строчить ей из тюрьмы Андреаса любовные письма.

— Все в порядке, Хаган. — Шона с трудом сдерживала улыбку. — Можете спрашивать.

— Благодарю вас, миледи. Герцог сообщил что-нибудь новое?

— Боюсь, что нет. — Письмо было коротким, как большинство посланий. Они с Фотиром находились в добром здравии. Остальных своих людей он не видел, но у него не было оснований полагать, что с ними обращаются дурно. На сей раз Яван упомянул о Тависе, но сообщил лишь, что о местонахождении сына ничего неизвестно, — в остальном же письмо не содержало ничего, достойного внимания. — А Ксавер?

Мужчина помотал головой; несмотря на свой огромный рост и могучее телосложение он выглядел в тот момент как маленький мальчик.

Шона взяла Хагана за руку.

— Терпение, капитан. До сих пор Андреас не причинил им никакого вреда, и теперь ему нет смысла делать это.

Он кивнул, но продолжал хранить молчание.

Они прошли между фургонами с продовольствием, а потом обошли все повозки. Когда они вернулись к тому месту, откуда начали путь, Хаган остановился, и герцогиня отпустила его руку.

— Если у вас все, миледи, мне следует вернуться к занятиям с солдатами.

— Вы не обманете меня, Хаган Маркуллет. Вам просто хочется заорать на кого-нибудь, но вы боитесь заорать на меня.

Он ухмыльнулся:

— Да, миледи.

Шона тоже улыбнулась:

— Хорошо, Хаган. Ступайте к своим солдатам. Только не обращайтесь с ними чересчур жестоко. Им предстоит долгое путешествие.

Капитан открыл рот, собираясь ответить, но еще не успел вымолвить ни слова, когда в дальнем конце города начали звонить колокола.

Шона нахмурилась. Предзакатные колокола уже прозвонили, а до вечерних еще оставалось несколько часов.

— Как вы думаете, что...

Хаган потряс головой и поднял руку, призывая Шону к молчанию. Минуту спустя зазвонили и другие колокола.

— Первыми были вересковые ворота, — тихо проговорил капитан, склонив голову к плечу и прислушиваясь. — Сейчас к ним присоединились каменные ворота и дальние ворота.

Теперь герцогиня слышала гул голосов. В дальнем конце города кричали люди. Солдаты прекратили тренировку с первым ударом колокола и теперь приближались к герцогине и капитану, держа наготове мечи.

У Шоны бешено забилося сердце, и кровь застыла в жилах; она дрожала всем телом и задыхалась.

— Что случилось, Хаган? — прошептала она. — На нас напали?

Крики приближались, и колокола звонили уже у всех городских ворот.

— Нет, на нас не напали, — ответил капитан, и единственная слеза скатилась у него по щеке. — Прислушайтесь к крикам, и вы все поймете.

На памяти Хагана такое произошло лишь однажды. Айлел Торалдский умер, когда он был еще ребенком, слишком маленьким, чтобы понять весь смысл события. Но он все равно помнил смерть первого Айлина так же отчетливо, как и день рождения своего сына и день смерти жены. Тогда ему было всего восемь и он жил при дворе своего отца, кергского тана. Теперь отцовский замок принадлежал брату Хагана. Как младшему сыну, Хагану досталось поместье Маркуллетов и вместе с ним графский титул. В поместье находилась могила Дарии, и несколько раз в году Хаган ездил туда, часто вместе с Ксавером.

Постоянно живя в Кергском замке, они оба считали свое родовое поместье всего лишь большой деревней. Даже замок Маркуллетов казался ничтожным и захудалым. Разумеется, он не являлся крепостью. И хотя Хаган по-своему любил родные места, он нисколько не огорчился, что живет далеко от них.

Но тридцать три года назад, когда умер старший Айлин, отцовский замок казался ему самым величественным и роскошным в мире. Слуга и стражники обращались с мальчиком как с принцем, и он целыми днями воображал себя таковым. Но однажды в поместье прискакал всадник, весь запыленный и еле живой от усталости, — он принес известие о смерти короля, задержался ровно настолько, чтобы напоить свою лошадь и на скорую руку подкрепиться самому, а потом продолжил путь в Кергский замок. Но за это короткое время — буквально за несколько минут — Хаган Маркуллет понял, что за стенами замка Маркуллетов лежит огромный мир, частью которого ему безумно захотелось стать.

В целом смерть Айлина Первого никак не повлияла на течение жизни во владениях тана. Но Хаган уже никогда не смотрел на замок такими глазами, какими смотрел до прибытия гонца. Внезапно он показался мальчику слишком маленьким, слишком тихим, слишком незначительным. Позже Хаган понял, как ему повезло, что отец не возложил на него обязанности, сопряженные с графским титулом, ибо он сошел бы с ума, если бы прожил в поместье всю жизнь. Так или иначе, годы, оставшиеся до его Посвящения, тянулись мучительно медленно, словно срок тюремного заключения. Впоследствии Хаган понял также, что столь сильное впечатление смерть короля произвела отнюдь не на него одного.

Почти все люди, достаточно взрослые, чтобы помнить тот день, сохранили на удивление ясные воспоминания о нем. И многие из них до сих пор называли его самым незабываемым днем своей жизни.

Несомненно, и сейчас в Керге жили дети, которые навсегда запомнят день, принесший известие о смерти Айлина Второго.

Еще прежде, чем гонец вступил в замок, чтобы сообщить печальную весть герцогине, до двора донеслись крики «Король умер!» и «Байан, помилуй нашего короля!» Шона побледнела, и из ее ярко-зеленых глаз неудержимым потоком хлынули слезы. В тот миг она была так похожа на Дарию, что у Хагана перехватило дыхание.

Солдаты столпились вокруг них, ожидая появления гонца. Но весть о кончине короля уже настолько потрясла многих, что они просто неподвижно стояли на месте, бессильно опустив руки и касаясь земли остриями мечей. Обычно Хаган не допускал такого. Любого солдата, коснувшегося мечом земли, ожидала пробежка по башням. Но не сегодня. Почти все они не знали иного короля Эйбитара — и, вероятно, даже не представляли кого-либо другого на месте Айлина. Сейчас было самое неудачное время, чтобы посылать людей на войну. Но со смертью короля война стала неизбежной.

От барбакана донесся гул голосов. Несомненно, толпа следовала за гонцом от самых вересковых ворот, и теперь стражники преградили ей путь. Через секунду гонец прошел в ворота и вступил во внутренний двор замка. Хаган уставился на него, не веря своим глазам. Гонец, сообщивший в свое время его отцу о смерти Айлина Первого, давно состарился, но этот мужчина был как две капли воды похож на него.

Он едва держался на ногах. По всей видимости, он преодолел тридцать пять лиг, отделявших Город Королей от Керга, сделав лишь несколько коротких остановок по пути. Вероятно, он пересел на новую лошадь в одной из деревень, расположенных на Вересковых пустошах. Гонцы из Одунского замка часто так поступали, зная, что любой человек, находящийся в здравом уме, с радостью обменяет своего коня на королевского скакуна. Скорее всего, мужчина не спал больше суток. Его платье было в грязи, лицо покрыто темными разводами пота и пыли. За ним следовал один из стражников, который вел его жеребца в конюшню. Животное шло медленно, низко опустив голову. Оно тоже выбилось из сил.

Гонец остановился перед герцогиней и с трудом отвесил низкий поклон.

— Миледи, — сказал он хриплым голосом. — Я принес вам скорбную весть. Наш повелитель, король Айлин Второй, умер.

— Когда?

— Позапрошлой ночью, миледи. Королевские советники послали гонцов во все двенадцать домов на рассвете следующего дня.

Шона посмотрела на Хагана:

— До Кентигерна известие дойдет только завтра.

Капитан подумал о том же.

— Вам велели разговаривать с герцогом? — спросил он гонца.

— Нет, милорд. Мне велели обратиться к леди.

Хаган кивнул. Очевидно, королевские советники знали о случившемся в Кентигерне. По крайней мере, хоть что-то прояснилось, пусть и немного.

— Они просили передать еще что-нибудь? — спросила Шона.

— Нет. Только то, что король умер.

Они с Хаганом переглянулись. Советники знали достаточно, чтобы послать гонца к Шоне, но ничего не предложили. Похоже, событиям в Кентигерне предстояло разворачиваться без вмешательства королевской гвардии.

— Хорошо, — наконец промолвила герцогиня. Она даже сумела улыбнуться мужчине. — Наверное, вы устали с дороги и голодны.

— Да, миледи.

Шона знаком подозвала двух солдат:

— Отведите гонца в пиршественный зал. Проследите за тем, чтобы его накормили досыта, а потом найдите ему комнату.

Солдаты поклонились и увели мужчину прочь.

— Отпустите ваших людей, капитан, — сказала Шона, снова поворачиваясь к Хагану. — Нам нужно многое обсудить. Я буду ждать вас в кабинете герцога, вместе с советниками. Присоединяйтесь к нам.

Прежде чем Хаган успел ответить, она повернулась и направилась в сторону герцогского двора. Капитан невольно ухмыльнулся: в подобной ситуации Яван поступил бы точно так же.

— Вы слышали приказ, — крикнул он солдатам. — Я вас отпускаю. Но не уходите далеко. Думаю, завтра мы выступим в Кентигерн.

Оставив своих людей, Хаган поспешил на поиски квартирмейстера, а после короткого разговора с ним направился в кабинет Явана, где герцогиня уже обсуждала с советниками-кирси известие о смерти короля.

— Хаган, вот и вы! — сказала Шона, когда он вошел. Она сидела за столом Явана, явно раздраженная, с пылающими щеками.

Второй советник тоже казался недовольным — хотя скорее появлением Хагана, нежели предшествующим разговором.

— Какие-нибудь проблемы, миледи? — спросил капитан, занимая свое обычное место за столом герцога.

— Мы встревожены намерением герцогини выступить с войском в Кентигерн, — сказал второй советник, опережая Шону. — Это безрассудство. Герцог не одобрил бы такого решения.

Хаган никогда не любил кирси. Его раздражали как их высокомерие, так и странная внешность. Возможно, он слишком привык полагаться на силу оружия, но он положительно не доверял магии беловолосых: таким даром подобало обладать богам, а не простым смертным. Со временем Хаган смирился с тем, что Яван доверяет Фотиру, — но почему герцог считал возможным доверять Даниору джал Дании, второму советнику? Когда приходилось выбирать между решительными действиями и осторожностью, он неизменно выбирал последнее. Хаган ни разу не слышал, чтобы советник высказывался за применение военной силы. Складывалось такое впечатление, будто он хотел, чтобы мечей и луков вообще не существовало на свете.

— По-вашему, вы знаете Явана лучше герцогини или меня?

— Герцогиня, понятное дело, тревожится за своего мужа и сына. Едва ли она способна в данном случае рассуждать здраво. А поскольку ваш сын тоже находится в Кентигерне, я вынужден поставить под сомнение и здравость ваших суждений.

Хаган посмотрел на него волком.

— Да как вы смеете!

— Я не хочу вас обидеть, капитан, но вы должны признать, что в данный момент думаете не об одном только благополучии дома Кергов.

— Гром и молния! А как иначе? Герцог является наследником престола. С этого дня каждый час нашего промедления станет часом, который Эйбитар проведет без верховного правителя, под угрозой нападения анейранцев и императора Брэдона. Мы должны действовать безотлагательно — ради спасения не только дома Кергов, но и всего королевства!

Даниор фыркнул. Хаган не сразу понял, что кирси смеется.

— Вы говорите как истинный воин, капитан. Мы должны развязать войну, чтобы не позволить нашим врагам начать войну.

— Лучше быть воином, чем трусом, беловолосый ублюдок!

— Довольно! — Шона резко встала и подошла к окну. Хаган тысячу раз видел, как герцог делает то же самое. — До прихода Хагана вы начали говорить еще что-то, — продолжила она, через плечо взглянув на Даниора. — Что вы хотели сказать?

— Насчет сообщения гонца. Вы сказали, что королевские советники не передали вам ничего, кроме известия о смерти короля.

— Да.

— Это должно говорить вам о чем-то. Если бы они считали, что вам следует выступить в Кентигерн, они посоветовали бы сделать это. Возможно, они даже предложили бы выслать туда королевских гвардейцев.

— Не болтайте глупости, — сказал Хаган. — Они не могли сделать ничего подобного. Они не имеют права давать советы герцогу и знают, что не получают такого права, когда он взойдет на престол. Яван возьмет в Одунский замок своих собственных советников. — «Надеюсь, у него хватит ума оставить тебя здесь». — Они не вправе ничего советовать ни Явану, ни Андреасу. А что касается королевской гвардии, то со смертью Айлина они утратили право отдавать приказы его войску. Гвардейцы им не подчиняются.

— Полагаю, здесь вы ошибаетесь, — сказал Даниор. — До официального вступления на престол нового короля правление Айлина продолжается. Советники короля могут действовать от его имени.

Хаган нахмурился.

— Значит, со смертью короля вся власть в стране вдруг переходит к его кирси? Да я ни на минуту не поверю в такое.

— Хотите верьте, хотите нет, капитан. Но факт остается фактом: королевские советники могли известить вас о своем согласии с решением, принятым герцогиней по вашему совету. Однако они ничего нам не передали, а это должно заставить нас задуматься.

С минуту все молчали; тишину в комнате нарушало лишь нежное воркование голубя, сидевшего на выступе стены поблизости от окна. Младшие советники вообще благоразумно предпочитали помалкивать. Какой бы совет они ни дали, он в любом случае оскорбил бы кого-нибудь. А каждый из присутствующих в кабинете мог навсегда лишиться их возможности продвижения по службе.

— Айлин умер, — наконец проговорила герцогиня. Она все еще казалась немного испуганной, но глаза ее светились решимостью. — Я не знаю, как велел бы мне поступить герцог в данных обстоятельствах, но уверена в одном: он никогда не отречется от престола, по крайней мере без боя. — Шона повернулась к советнику. — Надеюсь, вы простите меня, Даниор, но у меня нет выбора. Да, я боюсь за мужа и сына, но поступаю так не поэтому. Просто такое решение в духе Явана. В духе Кергов. Безусловно, вы это понимаете.

— Понимаю, миледи, хотя и не уверен, что решения в духе Кергов, как вы выражаетесь, являются самыми благоразумными. Конечно, вы сознаете, что, выступая с войском в Кентигерн, вы подвергаете опасности жизнь своего мужа. — Кирси бросил взгляд на Хагана. — И жизнь своего сына.

Герцогиня кивнула:

— Знаю. Я намерена дать Андреасу понять, что кергская армия сотрет Кентигерн с лица земли, если он убьет герцога. — Она повернулась к Хагану. — Мы можем выступить немедленно?

— Нет, миледи. Перед своим приходом сюда я переговорил с квартирмейстером. Возможно, нам придется осадить Кентигернский замок, в каком случае потребуются еще люди, чтобы построить осадные орудия, а квартирмейстеру понадобится еще несколько часов, чтобы собрать дополнительный провиант. Боюсь, нам придется подождать до рассвета.

— Значит, вы заранее знали, что я поведу войско на Кентигерн?

Капитан почувствовал на себе взгляд второго советника, но не посмотрел на кирси.

— Я верил, что вы выберете самую разумную линию поведения.

— Понимаю, — с благодарностью сказала Шона. — Хорошо, мы выступим завтра.

— Должен заметить, миледи, что, несмотря на свою уверенность в правильности принятого вами решения, я не вижу необходимости в вашем участии в походе. Опасность для вашей жизни...

Герцогиня подняла руку, останавливая капитана.

— Это моя война, Хаган, если войны не миновать. Разве вы посоветовали бы Явану остаться здесь, когда его солдаты идут сражаться?

Он ухмыльнулся:

— Советовал каждый раз, миледи. Но он тоже меня не слушал.

— Миледи, — сказал советник, — я должен повторить в последний раз, что, по моему мнению, вы совершаете серьезную ошибку.

— Я понимаю, Даниор. Вы и ваши советники свободны. Я благодарна вам за совет. Вы можете мне не верить, но это правда. Надеюсь, вы поедете с нами. Вы ведь умеете вызывать туманы, верно?

— Да, миледи.

— Хорошо. Возможно, нам понадобится ваша помощь. — И она вновь повернулась к Хагану, давая кирси понять, что он может удалиться.

Даниор обвел взглядом остальных советников, словно не зная, как поступить. Мгновение спустя все они встали и гуськом вышли из кабинета. Второй советник задержался у двери, явно собираясь сказать еще что-то, но потом просто покачал головой и тоже вышел.

— Вы держались замечательно, миледи. — Хаган тоже поднялся с места.

— Спасибо. Вероятно, вы полагаете, что я многому научилась у своего мужа?

— Вы не первая и не последняя, миледи.

— Разве женщине нужно учиться таким вещам у мужа? Неужели вам никогда не приходило в голову, что я обладала способностью управлять людьми еще до своего вступления в брак?

Хаган невольно улыбнулся. Такие слова могла бы сказать Дария.

— Конечно, приходило. Вряд ли Яван полюбил бы вас так сильно, если бы не знал за вами подобной способности.

С минуту они стояли молча, но наконец капитан кашлянул и посмотрел на дверь.

— Мне нужно сообщить людям о принятом вами решении. Так или иначе, они проведут большую часть ночи за сборами и прощанием с близкими.

Шона кивнула, и он направился к двери.

— Хаган.

Капитан остановился и выжидательно посмотрел на нее.

— Неужели нам придется начать войну? Неужели все идет к этому?

— Возможно, дело закончится войной. — В голосе Хагана слышались ожесточенные нотки. — Но мы не хотели войны. И Андреас не хотел. Вся вина лежит на убийце леди Бриенны. Но Кентигерн посадил в тюрьму нашего герцога, а теперь он содержится под арестом нашего короля. Кем мы будем, если останемся сидеть здесь сложа руки?

ГЛАВА 25

Кентигерн, Эйбитар, луна Адриели убывает

Сквозь окна в кабинет сочился слабый серый свет, подобный речному туману; он освещал пергаментные свитки на столе Андреаса, но предметы в нем не отбрасывали тени. По крыше замка тихо стучал дождь, от которого потемнели деревянные ставни. Перед герцогом стоял обед, нетронутый и еще теплый. Бутылка санбирийского красного вина была почти пуста.

Иоанна сказала бы, что пить в такой час еще рано; что человек, собирающийся вести на войну солдат, должен быть трезвым, должен мыслить ясно и принимать решения молниеносно. Она бы страшно расстроилась, если бы узнала, что это вторая бутылка. Она бы даже устыдилась. Если бы узнала. Если бы ее еще хоть что-то волновало.

Кергский мальчишка отнял у него не только дочь, но и жену. Ин свидетель, Андреас был не лучшим из мужей. За годы брака он успел развлечься почти со всеми служанками в замке и никогда не прилагал усилий к тому, чтобы скрыть свои похождения от Иоанны. Но

он никогда не заводил любовниц и никогда не любил ни одну женщину, кроме своей герцогини. Он до сих пор помнил, как красива она была в тот вечер, когда он впервые увидел свою будущую жену в замке ее отца. Золотистые волосы Иоанны свободно спадали до пояса, темные глаза сияли при свете свечей; она казалась прекраснейшей из смертных, такой изысканной и утонченной, что он почти боялся подойти к ней. Бриенна выглядела точно так же в ночь своей смерти. Она блистала подобно алмазу, которым Андреас дорожил больше, чем всеми сокровищами в своей казне. Мальчишка отнял у него все. По крайней мере, так казалось. Иногда он напоминал себе, что у него еще остались Аффери и Эннис, что они страдают даже больше него, ибо потеряли не только сестру, погибшую от руки убийцы, но и родителей, всецело предавшихся горю. Герцогу следовало находиться рядом с ними. Несмотря на нависшую над Кентигерном угрозу войны, ему следовало утешать детей, уверять их, что они по-прежнему любимы. Но он не мог отказаться от вина, как Иоанна не могла отказаться от своего уединения в спальне, откуда она не выходила со времени смерти Бриенны.

Андреас отодвинул в сторону тарелки с едой, опустошил бокал и вылил в него остатки вина из бутылки. Потом он взял со стола пергаментные свитки. Первый он получил несколько дней назад — в тот самый день, когда из Одунского замка прибыл гонец с известием о смерти короля. Андреас никак не думал, что после такой новости какое-нибудь послание покажется ему достойным внимания. Но это показалось. Оно было от Керни, герцога Глендиврского, и содержало сообщение о намерении последнего прибыть в Кентигерн в качестве миротворца.

Керни был неплохим человеком. Его отец и отец Андреаса были друзьями и союзниками, и уже по этой причине Андреас питал к нему теплые чувства. Но — вероятно, в силу отдаленности своего герцогства от центра страны и невысокого положения своего дома — Керни не вырос с возрастом. Он по-прежнему верил в идеалы, не имевшие ничего общего с реальной жизнью, и сохранил склонность к глупым широким жестам, как явствовало из его письма. Глендиврское войско, пусть и хорошо обученное, было малочисленным. Даже если бы Керни оставил минимум людей для охраны своего замка, он не мог бы привести с собой больше семи-восьми сотен солдат. Могло ли такое маленькое войско помешать армиям Кентигерна и Керга начать войну? Письмо определенно не заслуживало внимания. Глендивр никак не мог предотвратить войну и не имел права даже делать подобных попыток.

Все же послание по-прежнему лежало на столе у Андреаса, и, хотя оно не заставило герцога переменить свое решение, он никак не мог выбросить из головы настойчивую просьбу Керни сохранять самообладание. Возможно, это объяснялось тем, что письмо и известие о кончине Айлина пришли в один день, словно сами боги предостерегали Кентигерна против войны; а возможно, Андреаса просто тронуло явное безрассудство предпринятого Глендивром шага. Безусловно, Керни и его знаменитый капитан знали, что не могут тягаться с двумя армиями, — однако это не остановило их.

Андреас сам толком не понимал, почему сохранил письмо и почему перечитывает его снова и снова. На самом деле оно не содержало ничего особенного: они с Лейлой глубоко опечалены известием о смерти Бриенны; он собирается немедленно выступить со своими солдатами в Кентигерн и надеется, что Андреас не предпримет никаких шагов, могущих приблизить угрозу междоусобной войны в королевстве, — вот и все. Даже написано оно было довольно простым языком, если не считать заключительных слов.

«Смерть Бриенны — трагедия для всей страны. Люди будут воспевать ее красоту и силу еще долгое время после того, как мы с вами покинем сей мир. Давайте же не допустим, чтобы эти песни стали погребальным плачем по молодым солдатам Кентигерна и Керга. Не допустим, чтобы тень междоусобной войны омрачила светлую память Бриенны».

По получении известий о смерти Айлина Андреас собирался пойти в тюремную башню и еще раз сказать Явану, что он не позволит ему вступить на престол и, несмотря на Законы Престолонаследия, до конца своих дней будет добиваться того, чтобы представители дома

Кергов навсегда лишились права на одунскую корону. Однако, прочитав письмо Керни, он отправился в часовню и провел весь вечер в молитвах о короле. С тех пор он не заглядывал в тюремную башню. Несомненно, Яван слышал колокольный звон и крики людей во дворах замка и на улицах города. Керг знал, что Айлин умер и что престол должен перейти к нему. Андреас был вполне доволен этим — по крайней мере, до сегодняшнего утра.

Герцогу следовало ожидать второго послания, пришедшего всего несколько часов назад. Удивительным казалось лишь то, что оно не пришло раньше. И все же письмо застало его врасплох. Андреас честил себя на чем свет стоит. Дурацкие сантименты Керни затмили его рассудок и отвлекли от неотложных дел, сопряженных с подготовкой людей и замка к сражению.

Согласно посланию, отправленному за день до прибытия в Кентигерн гонца с известием о смерти короля и подписанному одним из шпионов Андреаса на севере, армия Явана под командованием Хагана Маркуллета и герцогини выступила из Керга четыре дня назад. Андреас всегда хорошо относился к Шоне и не находил удовольствия в том, чтобы начать войну с ней. Но она не оставила ему выбора. У него было всего пять-шесть дней на подготовку, и он не мог тратить время на раздумья о герцогине. Хаган наверняка хорошо подготовил свое войско к сражению — несомненно, он изнурял солдат тренировками с того самого дня, когда узнал, что Тавис убил Бриенну. Андреасу оставалось только надеяться, что Виллид, кентигернский капитан, занимался тем же самым. Он тихо выругался, сознавая, что уже давно должен был лично удостовериться в этом. Раздался стук в дверь. Наконец явился Шерик.

— Войдите! — крикнул Андреас.

В кабинет вошел кирси, похожий на живой труп в серебристом свете пасмурного дня.

— Вы звали меня, милорд?

— Сразу после утренних колоколов, — едко сказал герцог. — Где вас носит?

— Прощу прощения, милорд. Я наблюдал за тренировкой солдат. А потом сходил проведать наших гостей из Керга. Я вернулся, когда вам подали обед, и решил, что вы пожелаете отобедать в одиночестве.

Андреас махнул рукой, отменяя извинения советника.

— Ну ладно, ладно. Вы все-таки явились.

— Да, милорд.

— Как успехи у Виллида?

— Сэр Темстен прекрасно подготовил солдат. Я плохо разбираюсь в фехтовании, но они произвели на меня сильнейшее впечатление.

— Хорошо. Похоже, скоро они пойдут в бой.

— Милорд?

Андреас протянул кирси пергамент. Шерик пробежал глазами письмо, удивленно приподнял брови, а потом положил свиток обратно на стол.

— Вы думаете, кергские солдаты будут сражаться за свою герцогиню так же, как сражались бы за своего герцога?

— Хаган позаботится об этом, — сказал Андреас. — И они станут сражаться не за герцога и не за герцогиню. Они будут сражаться за своего короля. Кергскую армию будет нелегко одолеть.

— Разумеется, милорд.

Андреас бросил взгляд на кубок. Он страшно хотел допить вино и приказать хранителю погребов принести еще бутылку, но благоразумно решил подождать, когда первый советник уйдет.

— Возвращайтесь к Виллиду. Пусть он со своими людьми проверит все оборонительные сооружения. Потом прикажите квартирмейстеру подготовиться к осаде. Я хочу, чтобы замок был готов отразить нападение через четыре дня. Тогда у нас останется еще немного времени до прибытия Хагана и кергского войска.

— Прощу прощения, милорд, но мне кажется, это не самое разумное решение.

Андреас уставился на кирси, явно не веря своим ушам.

— Что? Почему?

— После сбора урожая прошел почти год, милорд. Нынешний урожай будет богатым, но он еще не собран, и наши запасы продовольствия на исходе. Замок не готов выдержать осаду.

— Не болтайте глупости! Вы говорите о Кентигернском замке. Эта крепость выдерживала осады самых могущественных армий Прибрежных Земель. Она не сдастся Кергу!

— Надеюсь, милорд. Но факт остается фактом: наши запасы продовольствия на исходе, и, если вы не готовы обделить жителей города или, по крайней мере, позволить Явану и остальным узникам умереть от голода, нам придется кормить слишком много народу.

— Значит, вы говорите, что замок падет? — спросил Андреас, все еще не веря словам советника.

— Я говорю, что такое возможно.

— Нет, невозможно, — сказал герцог. Но он был вынужден признать, что уже несколько месяцев не проверял запасы провизии. Он потер лоб, сильнее прежнего мучаясь желанием выпить вина. — Сколько дней мы сможем продержаться?

Кирси пожал плечами:

— Точно не знаю, милорд. Я могу выяснить.

Вряд ли бы это изменило что-нибудь. За время своего правления Андреасу ни разу не приходилось выдерживать осады, но он читал воспоминания своих предков и знал, что одна угроза голодной смерти может сломить дух осажденного войска.

— Что вы посоветуете мне делать?

— Возможно, замок и не готов к осаде. — Кирси расплылся в широкой улыбке. — Но армия вполне готова к боевым действиям. Выступите навстречу неприятелю, милорд. Герцогиня и капитан Маркуллет думают, что вы будете ждать их на холме. Но если вы встретите кергское войско на северной окраине леса, то вынудите противника принять бой на берегу Хенеи, где ему будет некуда отступить.

Ничего подобного Андреас не ожидал услышать. Столь смелая мысль ему самому даже не приходила в голову. Вероятно, герцогу настала пора протрезветь и снова взяться за меч. Он зажмурил глаза, стараясь сосредоточиться. Северная опушка Кентигернского леса находилась в двенадцати лигах от замка. Если выступить сегодня же и идти ночами при свете лун, они дойдут туда через три дня. С другой стороны, если погода не переменится, продвижение армии станет более медленным, а ночные переходы — труднее.

— Сколько времени нужно квартирмейстеру, чтобы подготовиться к походу? — спросил Андреас.

— Нужно спросить у него, милорд. Но идти недалеко, и нам потребуется запас провизии всего на полмесяца. Кроме того, квартирмейстер уже занимается подготовкой. Ни для кого не секрет, что вы угрожали лорду Кергу войной. Он успеет подготовиться меньше чем за день.

— А если они переправятся через реку прежде, чем мы достигнем опушки? Тогда нам придется вступить в бой в лесу?

— Мы знаем лес лучше них, милорд. Думаю, капитан учил своих людей вести боевые действия в лесных зарослях и оврагах. В радиусе двенадцати лиг от Керга нет ни одного леса. Возможно, солдаты Явана готовы к войне в условиях Вересковой пустоши, но в лесу преимущество за нами. И не забывайте, что кентигернской армией будет командовать герцог. А кергскими солдатами командует женщина.

Андреас кивнул, но ничего не сказал. Он повернулся в кресле и посмотрел в окно. Дождь усилился, хотя небо у горизонта немного прояснилось. Герцог чувствовал, что советник пристально смотрит ему в затылок своими желтыми глазами, но мог лишь сидеть на месте, мечтая о глотке вина и задаваясь вопросом, как поступил бы его отец в подобных обстоятельствах. Этот замок и холм, на котором он стоял, всегда являлись залогом силы его

дома. Казалось безумием покидать замок сейчас. Но поскольку запасы провизии подходили к концу, а кергским войском командовала герцогиня, совет Шерика представлялся весьма разумным.

— Вероятно, я зашел слишком далеко, — сказал кирси, неправильно истолковав молчание Андреаса. — Прошу прощения, милорд. По всей видимости, замок выдержит осаду. Под конец нам придется сократить дневной рацион, но, скорее всего, мы возьмем верх над врагом. Идти к реке рискованно. Было бы глупо предпринимать столь безрассудный шаг.

Герцог бегло глянул на него через плечо, а потом снова уставился в окно. Он никогда не считал себя осторожным человеком. Яван был осторожным. Айлин тоже. Но не он. Обитателям Кентигерна, расположенного в непосредственной близости от Тарбина, поневоле приходилось быть бесстрашными и отчаянными. Анейранцы видели в осторожности признак слабости. Ни один другой эйбитарский герцог не мог понять этого, поскольку никто из них не жил под ежедневной угрозой войны. Остальные герцоги считали Андреаса таким же безрассудным, как и его отца.

Андреас сам не узнавал себя. Кергскую армию вела на Кентигерн женщина, а он довольствовался тем, что сидел в замке и ждал осады. Возможно, так было принято в Везирне или Сириссе, но не в Эйбитаре — и, уж конечно, не на Кентигернском холме. Андреасу стало стыдно, что он вспомнил об этом только после слов кирси.

— Вам нездоровится, милорд?

— Нет, все в порядке. — Герцог снова повернулся к советнику. — Ступайте к Виллиду и квартирмейстеру. Скажите, что мы выступаем с предзакатными колоколами. Если квартирмейстер не успеет все приготовить к этому часу, не беда. У него есть фургоны. Он со своими людьми нагонит нас, когда мы сделаем привал.

— Но до предзакатных колоколов осталось всего несколько часов, милорд. Если мы подождем до рассвета, мы все равно успеем достичь реки раньше кергской армии.

— Возможно. Но если мы выступим сегодня, то наверняка придем первыми. — Он встал, широко улыбаясь советнику.

— Вы вывели меня из оцепенения, Шерик. Сейчас не время осторожничать.

Кирси еле заметно улыбнулся.

— Конечно, милорд.

— Тогда за дело. Проследите за ходом приготовлений. Виллид не любит, когда его подгоняют, даже если это необходимо. Поэтому позаботьтесь о том, чтобы он понял, что к предзакатным колоколам я буду готов тронуться в путь. Прикажите подать моего коня к герцогской башне. Пусть солдаты видят, что я выступаю в поход с ними.

— Хорошо, милорд. — Кирси повернулся, собираясь выйти.

— Шерик.

Советник остановился и выжидательно посмотрел на герцога.

— Надеюсь, вы понимаете, что идете в поход с нами.

— Разумеется, милорд. Ничего иного я и не желал бы.

Кирси отвесил поклон и удалился. Андреас отодвинул кресло от стола и встал. Он немного поколебался, глядя на бокал с темным вином, но потом тряхнул головой и вышел на середину комнаты. Там он извлек из украшенных драгоценными камнями ножен свой меч и внимательно осмотрел клинок. Даже в сером свете пасмурного дня он сверкал, словно Панья в ясную холодную ночь, и герцог довольно улыбнулся. Он уже давно не ходил с мечом в бой. Именно это ему было нужно сейчас — больше, чем вино, больше, чем поимка Тависа. Свое письмо с просьбой сохранять самообладание Керни отправил не в тот замок. Кергская армия шла на Кентигерн, и, хотя Андреас тянул с местью дольше, чем от него могли ожидать, теперь час пробил. Они хотели войны, и они ее получают. Он нанесет удар по всему Кергу не из своего кабинета, но из своего седла, не как защитник осажденной крепости, но как воин. Вероятно, это был самый мудрый совет, какой Шерик когда-либо давал герцогу.

Одежда Ксавера провоняла потом, загрязнилась и заскорузла. Волосы у него свалялись,

голова чесалась. Время от времени стражники приносили узникам теплую воду для умывания, но постельное белье не менялось со дня их заточения в тюремной башне, а единственное окошко в крохотной камере не пропускало достаточно свежего воздуха, чтобы выветривались отвратительные запахи.

Прошлой ночью, когда стало совсем уж невмоготу, Фотиру пришлось вызвать ветер, чтобы разогнать спертый воздух. Потом он послал ветер через коридор в камеру герцога, вызвав раздражение двух стражников, которые приказали ему прекратить это. Сначала советник не послушался и продолжал направлять струю воздуха в маленькое зарешеченное окошко в двери напротив, но когда они пригрозили лишить пищи всех, в том числе Явана, он подчинился приказу.

Они находились в тюрьме почти полмесяца, хотя Ксаверу казалось, что это длится гораздо дольше. Все это время они не слышали никаких известий о Тависе, и это внушало Ксаверу надежду, что другу удалось выбраться из города. Несомненно, Андреас пришел бы позлорадствовать, если бы поймал молодого лорда. Но они уже много дней не видели ни герцога Кентигернского, ни первого советника.

Они узнали о смерти короля, услышав колокольный звон и крики людей в замке. В скором времени явился один из стражников и сообщил узникам новость, тем самым оказав им любезность, резко контрастировавшую с обращением, которое они встречали до и после этого. Яван никак не отреагировал на известие о смерти Айлина — сказал лишь, что он был замечательным правителем. До конца дня он хранил молчание и даже не подошел к двери, чтобы получить свой ужин. Позже вечером Фотир шепотом объяснил Ксаверу, что обычно после смерти короля все герцоги из главных эйбитарских домов съезжались в Город Королей на похороны и церемонию коронации следующего короля. Однако Яван, понятное дело, не мог поехать, и Фотир предположил, что Андреас тоже не поедет.

— Герцоги поймут, что у них нет короля. — Яркие-желтые глаза кирси мерцали в свете свечи.

— И что они предпримут?

— Трудно сказать. Я не могу представить, что кто-то из них захочет встать между Кергом и Кентигерном. Если бы герцоги объединились, они могли бы вмешаться, — но такое вообразить еще сложнее.

Ксавер потряс головой.

— Вы хотите сказать, что они позволят нам начать войну?

— Я не уверен, что они в состоянии сделать еще что-нибудь.

Следующие два дня ничем не отличались от предыдущих. Стражники приходили и уходили, иногда принося узникам еду или свежую воду. Но ни Андреас, ни Шерик в башне не появлялись, и никто не признавал факта, казавшегося Ксаверу совершенно очевидным: Яван теперь был королем, и, продолжая держать его в тюрьме, Андреас совершал акт государственной измены.

На третий день с утра зарядил дождь, который принес долгожданное облегчение узникам, измученным в последние несколько дней жарой и солнцем. Во всех других отношениях это утро ничем не отличалось от предыдущих. Но через час или два после полдневных колоколов Ксавер услышал громкие голоса на лестнице и чуть погодя топот ног по каменным ступенькам.

Двое стражников резко выпрямились и стали навтыжку. Мгновение спустя в коридор вошел Андреас. Он был в перчатках, походных сапогах и серебристо-голубом плаще с гербом Кентигерна. На поясе у герцога красовался меч, и еще один, двуручный, висел на перевязи у него за спиной.

Однако, несмотря на свой воинственный вид, выглядел Андреас ужасно. У него были воспаленные, глубоко ввалившиеся глаза и неестественно красное лицо. Ксавер никогда не подумал бы, что человек столь внушительных размеров может казаться таким изможденным и больным.

Ксавер посторонился, подпуская к двери Фотира, чтобы тот тоже мог поглядеть в

зарешеченное окошко. Яван стоял у своей двери и пристально смотрел на Андреаса, плотно сжав губы.

— Вы пришли сразиться со мной, Андреас? — спросил герцог. — Или вы начали войну с анейранцами?

Кентигерн улыбнулся зловещей улыбкой, от которой у Ксавера мороз побежал по коже.

— Ни то ни другое, Яван. Хотя я действительно иду на войну. Здесь ты не ошибся. — Он немного помолчал, глядя сначала на Явана, потом на Ксавера и первого советника. — Ну так что? — наконец спросил он. — Ты не хочешь спросить, с кем мы собираемся сражаться?

Ксаверу не нужно было спрашивать. Как и всем остальным.

— С кем? — спросил наконец Яван ничего не выражавшим голосом.

— С твоим войском, разумеется. Сегодня я получил донесение. Четыре дня назад они выступили из Керга.

Четыре дня назад. Скорее всего, в тот день, когда в Керг пришло известие о смерти Айлина. Ксаверу следовало ожидать этого еще до прихода Андреаса. Его отец никогда не позволил бы Кентигерну лишить Явана престола. Во многих отношениях Хаган не уступал Кергам в гордости. Если учесть горячий нрав Маркуллета, казалось странным, что они не выступили в поход раньше.

— Вам следует находиться не здесь, Андреас, — сказал герцог. — Вам следует находиться в храме, молить Байана о милосердии и пощаде. Это вам понадобится, если вы собираетесь сражаться с войском Хагана.

Кентигерн подошел к двери Ксавера так близко, что мальчик мог рассмотреть крохотные красные прожилки, испещрявшие белки его глаз.

— Ты тоже так считаешь, мальчик? — спросил он. — Папочка намерен прийти и спасти тебя?

— Оставьте его в покое, Андреас! Он ничего вам не сделал.

Андреас расхохотался, обдав Ксавера перегаром. Он повернулся и медленно подошел к двери герцога Кергского.

— На самом деле, Яван, твоей армией командует вовсе не Хаган. Он идет с ними, — добавил он, оглядываясь через плечо и явно адресуя последние слова Ксаверу. — Но командует кергской армией герцогиня.

Яван побледнел.

— Не может быть. Хаган не допустил бы такого.

Ксавер так не считал. Его отец не смог бы воспрепятствовать этому.

— Тем не менее мне сообщили, что она едет впереди войска, как подобает полководцу. Насколько я понял, она даже вооружена мечом, каковое обстоятельство, если я не ошибаюсь, дает мне право убить ее.

— Ах ты ублюдок! Ты не посмеешь!

— Мы оба знаем, чего лишил меня твой сын. Почему бы мне не отнять нечто столь же дорогое у вас обоих?

— Да обречет тебя Байан на вечные муки!

— Угомонись, Яван, — с ухмылкой сказал Андреас. — Я не виноват. Это она решила начать войну. Каким бы я был солдатом, если бы не отразил удар ее меча своим собственным? — Он помолчал с хитрым видом. — Конечно, если ты действительно хочешь спасти герцогиню, ты можешь кое-что сделать.

— Что именно?

— Выдай мне Тависа, — быстро проговорил Андреас, вплотную подступая к двери Явана, как минуту назад подступил к двери противоположной камеры. — Скажи мне, где искать мальчишку, и я отпущу тебя и твоих людей. Тогда война закончится, не начавшись, и Шона останется жива.

Яван в изумлении уставился на него, тряся головой.

— Ты предлагаешь мне обменять сына на жену? Ты спятил! Я никогда не пойду на такое, и Шона никогда не простила бы меня, согласись я на подобное предложение.

— Тогда я отниму у тебя жену, — холодным голосом сказал Андреас, — как твой сын отнял у меня Бриенну.

— Ты погибнешь, если попытаешься сделать это.

— Сомневаюсь. Впрочем, я задавался вопросом, падут ли духом кергские солдаты, если увидят голову своего герцога, насаженную на пику, которую понесут перед моим войском вместе со знаменем Кентигерна.

Яван оскалился:

— Давай проверим, а? Думаю, это окажет на моих солдат прямо противоположное действие. Они будут драться, как демоны Байана, ибо ты убьешь не только их герцога, но и их короля.

— Ты не король! — рявкнул Андреас, хватаясь за меч.

— Да неужели? Разве я не слышал колокольный звон на улицах твоего города три дня назад? Разве я не слышал крики людей, оплакивавших Айлина?

— Это не делает тебя королем!

— Законы Престолонаследия говорят иное.

— Плевать на Законы Престолонаследия! Они ничего не значат без согласия эйбитарских герцогов! И, покуда я жив, я не признаю законными притязания Кергов на престол! Ты никогда не станешь королем! Клянусь тебе всеми богами! Клянусь памятью Бриенны!

— Невинность Тависа будет доказана, — сказал Яван. — И когда это произойдет, все дома признают меня королем. Если ты откажешься сделать то же самое, тебя заклеят как изменника и казнят, а твой дом на сто лет лишится права притязать на престол. Подумай об этом, Андреас. Ты знаешь Законы. При нынешнем положении дел твой сын однажды может стать королем. Но, если ты не прекратишь это безумие, он не унаследует ничего, кроме опозоренного дома.

— И ты смеешь говорить мне о позоре! Ты продолжаешь защищать своего сына, хотя всем в стране известно, что он пьяница, убийца и трус! Ты позоришь все королевство! И ты обрек свою жену на страшную смерть!

Он круто повернулся и зашагал к лестнице.

— Андреас! — крикнул ему вслед Яван. — Не делай этого! Ты еще можешь предотвратить войну!

Герцог остановился на верхней ступеньке, но лишь на мгновение. Он даже не повернулся.

— Андреас! — снова крикнул Яван, когда огромный мужчина исчез из виду. — Андреас! — Кергский герцог закрыл глаза и прижался лбом к прутьям решетки. — Прости меня, Ин! — прошептал он. — Я убил ее.

— Нет, милорд, — сказал Фотир. — Герцогиня возглавила войско по собственному выбору и, я уверен, вопреки возражениям Маркуллета. Ваши люди будут так же готовы отдать свою жизнь за нее, как она готова рисковать своей жизнью ради вашей свободы. Гордитесь своей женой, милорд. Она незаурядная женщина. Думаю, герцог Кентигернский найдет в ней более грозного врага, чем предполагает.

— Возможно, — сказал герцог, — Шона незаурядная женщина. Но она не воин. Одно дело — вести армию на войну, и совсем другое — вести солдат в бой.

— Мой отец знает это, милорд, — сказал Ксавер. — Он не позволит герцогине участвовать в сражении.

Герцог через силу улыбнулся:

— Вы еще очень молоды, господин Маркуллет, и не знаете, что женщины вроде герцогини — или вашей матери, коли на то пошло, — редко спрашивают позволения. Если моя жена решит повести солдат в атаку, ваш отец не сможет помешать ей. Мне остается только надеяться, что у нее хватит ума держаться позади войска, когда начнется битва.

— Странно, что герцог вообще решил дать бой, — сказал Фотир. — Зачем ему покидать замок, который славится своей способностью выдержать любую осаду?

— По-видимому, он рассчитывает получить какое-то преимущество, выступив навстречу кергской армии, — сказал Ксавер. — Может, он рассчитывает завязать сражение в лесу?

Кирси кивнул:

— Или на берегу Хенеи. Если кергское войско выступило в поход всего четыре дня назад, Андреас еще успеет прийти в реке первым.

Яван протяжно вздохнул.

— Вполне возможно, — сказал он. — И возможно, Андреас так рвется в бой, что принимает неразумные решения.

Фотир нахмурился.

— Милорд?

— Он полмесяца занимался розысками Тависа, и безуспешно. Своими обещаниями убить меня или воспрепятствовать моему вступлению на престол он меня не испугает. Ибо в таком случае все решили бы, будто он сам пытается завладеть короной, и над ним нависла бы угроза войны с другими домами. Сейчас Андреасу представилась выгодная возможность нанести удар по дому Кергов. Вероятно, он так жаждет войны, что не способен рассуждать здраво.

— Ну и хорошо, — сказал Ксавер. — Это нам только на руку.

Герцог покачал головой:

— Доведенные до отчаяния люди — самые опасные противники, господин Маркуллет. Я думал, ваш отец объяснил вам это.

Конечно, он объяснял, хотя только на примере отдельного поединка. Ксаверу не пришлось в голову применить это правило к столкновению с командиром целой армии. Ему оставалось лишь надеяться, что отец не совершит такую же ошибку.

Еще до встречи с кентигернским герцогом Шерик приказал Виллиду и квартирмейстеру подготовиться к трехдневному маршу до Хенеи — настолько он был уверен, что Андреас последует его совету. Герцог и в лучшие свои дни легко поддавался внушению. Когда же он был пьян, управлять им становилось до смешного просто. Однако на сей раз советник преуспел сверх всякой меры. Он рассчитывал выступить в поход завтра на рассвете, а не сегодня. Шерику еще требовалось выполнить одно задание перед тем, как покинуть замок, и при свете дня сделать это было гораздо труднее, чем ночью. Но он не мог настойчиво советовать герцогу повременить с выступлением войска до завтра, после того как убедил его в необходимости предпринять попытку прийти к Хенее первым.

Советник вернулся во внутренний двор, чтобы проверить, как продвигаются дела у квартирмейстера. Две повозки нуждались в починке, но герцогский колесник уже занимался ими. С другой стороны, от главного повара за несколько шагов несло съестным, в частности, сыром и вяленым мясом. Квартирмейстеру пришлось послать нескольких своих людей на рынок за продуктами. Очевидно, запасы продовольствия в замке подходили к концу, хотя дело обстояло не так плохо, как изобразил Шерик в разговоре с герцогом.

Оставив квартирмейстера, кирси медленно прошел в другой двор, где Виллид выкрикивал команды кентигернским солдатам.

При виде первого советника кентигернский капитан поднял руку, подзывая его, и озабоченно нахмурился.

Виллид, мужчина плотного телосложения, в действительности был чуть выше Шерика, но из-за своих широких плеч, могучей груди и развитой мускулатуры выглядел коротышкой. У него было круглое лицо и маленькие, вечно прищуренные голубые глазки. Несмотря на свою наружность, капитан искусно владел холодным оружием и сумел заслужить безусловное уважение и преданность своих солдат. Для военного человека он также на удивление терпимо относился к кирси, служившим в Кентигернском замке.

— Первый советник, — промолвил он, когда Шерик остановился перед ним. — Герцог сказал вам, сколько человек он хочет оставить в замке?

Вероятно, кирси мог бы солгать и приказать капитану взять в поход к Хенее больше солдат, чем требовалось. Но рисковать не стоило: такая ложь была слишком очевидной, слишком легко разоблачалась.

— Нет, капитан. Он ничего мне не сказал. Думаю, он предоставил решать вам самому.

Виллид кивнул:

— Он часто так делает. В таком случае я оставлю семьсот солдат здесь, а остальных возьму с собой. Это тысяча человек. Вряд ли у Хагана будет больше.

Шерик нахмурился. Семьсот человек для обороны замка и города. Он задался вопросом, ожидают ли Ялла и герцог Мертесский, что защитников крепости будет так много.

— По-вашему, мне следует взять больше? — с обеспокоенным видом спросил капитан. — Мне бы очень не хотелось оставлять замок без должной защиты. Анейранцы будут знать, что мы покинули Кентигерн. Они могут воспользоваться случаем и напасть на нас.

— Полагаю, вы правы, — сказал Шерик. — Уверен, тысячи человек достаточно. А если кербское войско все же прорвется к холму, столь многочисленный отряд наверняка сумеет удержать крепость.

— Значит, вы считаете, что мне следует взять больше людей?

— Я всего лишь советник, капитан. Я плохо разбираюсь в таких вещах.

— Но вы знаете герцога. Вы знаете, чего хочет он.

Шерик ухмыльнулся.

— Он хочет выиграть эту войну. Он хочет отомстить за убийство леди Бриенны. Как и все мы.

Виллид кивнул:

— Да, да, конечно. — Он немного помолчал, словно обдумывая слова советника. — Полагаю, мы можем взять еще две сотни человек, — наконец сказал он.

— Как вы сочтете нужным. — Шерик с трудом подавил улыбку.

— Пятисот человек будет достаточно для обороны Кентигерна, — продолжал Виллид, словно стараясь убедить сам себя. — А если мы выступим против кербской армии с двенадцатью сотнями солдат, то вернемся в замок довольно скоро.

— Мне кажется, вы рассуждаете здраво. — Шерик взглянул на солнце. До предзакатных колоколов оставалось совсем немного времени. — А теперь, если вы не возражаете, мне нужно заняться другими неотложными делами.

— Что? О, разумеется, первый советник. Пожалуйста, простите меня.

Шерик уже шагнул прочь.

— Не берите в голову, капитан.

— Спасибо, — крикнул мужчина ему вслед.

Кирси поднял руку, не потрудившись оглянуться. Разговор с Виллидом мог затянуться до самой ночи.

Шерик вышел из внутреннего двора через южные ворота, потом вошел в ближайшую башню наружной стены и по узким темным коридорам прошел к западным воротам замка, известным под названием Тарбинских. В отличие от городских ворот, которые всегда (за исключением военного времени) были открыты в течение дня, Тарбинские ворота почти постоянно оставались закрытыми, даже калитка. Ворота выходили на Анейру. В самом деле, Кентигернская крепость располагалась ближе к анейранской границе, чем любой другой эйбитарский замок, и все единодушно признавали, что Тарбинские ворота являлись первым укреплением, защищавшим Эйбитар от нападения Анейры.

Стоя под каменной аркой, Шерик невольно восхищался неприступной мощью ворот. Все четыре опускные решетки толщиной в мужское бедро были сделаны из дуба, доставленного из Кентигернского леса, и железа, выкованного в городских кузницах. За решетками находилась огромная дверь такой же толщины и тоже дубовая, запертая на тяжелые железные засовы. За ней возвышался подъемный мост — разумеется, поднятый, — который при необходимости перекидывался через глубокий ров, отделявший барбакан от

дороги, ведущей от реки на вершину холма. По обеим сторонам от ворот располагались помещения для герцогских лучников — с бойницами в стене и люками в потолке, через которые солдаты могли поражать нападавших. Но поскольку подступы к замку с этой стороны защищали столь сильно укрепленные оборонительные сооружения, стражники здесь стояли только снаружи, охраняя участок стены между двумя башнями, возвышавшимися по сторонам от ворот, и остроконечные башенки Тарбинского барбакана. Под каменной аркой Шерик находился один.

Многие годы он говорил всем, что владеет тремя видами магической силы: пророческим даром, способностью вызывать огонь и умением говорить на языке животных. То же самое он сказал Фотиру во время их первой беседы в «Серебряном медведе». То же самое он говорил герцогу и всем остальным — однако это было правдой лишь отчасти. Шерик действительно обладал тремя перечисленными способностями. Но, в отличие от большинства кирси, он владел и четвертым видом магии — магией преобразования форм. Очень давно он решил сохранить это в тайне. Многие кирси, наделенные всего тремя магическими способностями, становились советниками; Шерику не требовалось открывать всю правду о своих возможностях для того, чтобы приобрести положение или влияние. И он уже давно понял, что человеку полезно знать о своих соперниках больше, чем они знают о нем.

По понятной причине он редко пользовался даром преобразования форм и знал, что сегодня быстро устанет. Но ему нужно было не разрушить дверь и решетки полностью, а только ослабить их.

Шерик начал с железных дверных петель, закрыв глаза и усилием мысли направив вовне магическую силу, словно она была дурным воспоминанием, от которого он хотел избавиться. Почти сразу он почувствовал тупую пульсирующую боль, нараставшую за глазными яблоками. Он понял, что будет чуть жив по завершении дела, и засомневался, сумеет ли отправиться в поход вместе с герцогом. Он слышал, как скрежещет металл, поддаваясь воздействию магической силы, и остановился, прежде чем петли разрушились полностью.

Советник ослабил только две из четырех дверных петель, предоставив разбираться с двумя другими Мертессу и его людям. С подъемным мостом он ничего не мог поделать, но анейранцам предстояло самим найти способ преодолеть эту преграду. Больше всего кирси беспокоили опускные решетки, и, покончив с дверью, он направил свою магическую силу на них, на толстые деревянные брусья всех четырех огромных решеток сразу. Он работал с предельным усердием, вытирая пот со лба и борясь с тошнотой, которая нарастала с каждым ударом сердца, болезненно отдававшимся в висках. Шерик ощущал, как сквозь него проходят токи магической силы, и это напоминало ему былые времена. Но возраст давал о себе знать — уже много лет советнику не приходилось так напрягаться, — и он чувствовал, как жизнь буквально вытекает из его тела. На какой-то миг он испугался, что, прежде чем ослабит укрепления замка, сам окончательно ослабеет.

Впрочем, он воздействовал не на все брусья опускных решеток. Все стало бы слишком очевидным, если бы все они вдруг одновременно сломались. Но Шерик постарался растянуть и истончить древесину в определенных местах таким образом, чтобы анейранским таранам было легче пробить заграждения.

Покончив с делом, Шерик, шатаясь, подошел к ближайшей стене и привалился к ней, судорожно хватая ртом воздух. Он обливался потом, в голове у него шумело, и земля ходила ходуном под его ногами, подобно палубе пляшущего на волнах корабля.

Кирси заранее знал, что будет чувствовать себя ужасно (хотя и не думал, что настолько), и знал, как объяснить свое состояние герцогу. Он даже предвидел реакцию Андреаса и солдат и был готов вынести их ядовитые насмешки, хотя мысль о предстоящем унижении ничуть его не радовала. Оттолкнувшись от стены, он неверным шагом вошел в башню, снова пересек узкие коридоры и вернулся во внутренний двор, еще раз удостоверившись, что никто не следит за ним.

Войдя во двор, Шерик сразу же увидел герцога, сидевшего на могучем коне, в серебряно-голубом плаще, насквозь промокшем от дождя. Лошадь первого советника, не такая крупная, стояла рядом, и он торопливо подошел к ней.

— Мы искали вас, первый советник, — сказал Андреас, когда Шерик приблизился.

— Я... я гулял, милорд.

— Вы скверно выглядите. Вы нездоровы?

Шерик бросил взгляд на солдат, постаравшись принять смущенный вид.

— Я... я уже давно не был на войне, милорд, — сказал он, понизив голос.

Андреас изумленно вытаращился на него, а потом расхохотался. Кирси услышал также несколько сдавленных смешков, которые донеслись со стороны стоявших поблизости солдат.

— У вас медвежья болезнь, первый советник, — сказал герцог, продолжая смеяться. — Все мы хоть раз да испытывали нечто подобное. Вам нечего стыдиться. На своем веку я видел многих искусных бойцов, которые превращались в дрожащих младенцев перед настоящим сражением. — Он указал на лошадь Шерика. — Вам станет лучше, как только вы сядете на коня и тронетесь в путь.

— Да, милорд, — сказал советник, вскакивая в седло. У него закружилась голова, но боль в висках начала стихать.

Через мгновение Андреас прокричал войску приказ выступать и прищиприл своего жеребца. Кентигернские солдаты испустили оглушительный воинственный клич и строем двинулись к воротам замка. Шерик знал, что вдоль улиц города будут толпиться люди, которые тоже станут приветственно кричать, провожая своих героев на войну и не подозревая, что она начнется здесь еще прежде, чем эти солдаты вступят в сражение.

Когда они медленно поехали впереди войска, герцог снова посмотрел на Шерика и рассмеялся, тряся головой.

— Медвежья болезнь, — сказал он. — От вас я этого никак не ожидал, Шерик.

«Смейся сколько твоей душе угодно, жирный болван. Благодаря мне прославленные стены Кентигерна наконец падут».

— Я сам не ожидал этого, милорд, — сказал кирси. — Но, как вы справедливо заметили, скоро мне станет лучше.

ГЛАВА 26

Мертесс, Анейра

Ялле показалось, что она едва успела заснуть, когда начался сон. Она сразу его узнала, и у нее заныло под ложечкой и задрожали руки. Даже во сне, даже двинувшись вперед по знакомой местности, представшей в видении, женщина спрашивала себя, откуда Избранный знает, когда она спит, а когда бодрствует.

Она осторожно пробиралась между разбросанными по земле валунами и зарослями высокой травы, направляясь к холму, где ждал он. Раньше Ялла пыталась определить, где она находится, но безуспешно. Подобные места встречались в Прибрежных Землях повсюду: среди южных равнин Анейры и вересковых пустошей западного Эйбитара, в степях северного Сирисса, в горах Глендивра и Везирна. Если бы ей удалось рассмотреть что-нибудь, кроме ближайших валунов и зарослей травы, она, возможно, сумела бы определить, в каком королевстве находится. Но в этих снах небо всегда было темным и беззвездным. Даже луны здесь не светили. Казалось, Избранный подчинил своей воле Элинеду и Морну, Кирсара и Амона, придав земле и небу такой вид, который отвечал его желаниям. В царстве сна он был сильнее богов.

Начался подъем, и Ялла поняла, что скоро взойдет на холм Избранного. Сердце у нее забилося учащенно, и не только от усилий, которых требовало восхождение. Она служила первым советником при дворе герцога Мертесского почти девять лет. Дважды она встречалась с королем Анейры. В первый год своей службы у Роула она участвовала с ним в

походе на Кентигерн. Уже больше трех лет она участвовала в движении кирси, ставившем своей целью захват власти в Прибрежных Землях, и каждый день жила и подвергала свою жизнь опасности. Но ничто не вселяло в нее такого холодного, всепоглощающего ужаса, какой охватывал ее в этих снах. Никто, кроме Избранного, не мог повергнуть ее в трепет одним звуком своего голоса.

Ялла продолжала подниматься по крутому склону, с трудом переставляя ноги и тяжело дыша; наконец земля под ногами начала выравниваться, и она поняла, что достигла вершины холма. Она остановилась и напряженно всмотрелась в темноту — в заведомо тщетной попытке хоть мельком увидеть лицо Избранного.

Свет вспыхнул так неожиданно, что Ялла подняла руку, прикрывая глаза. Яркий, как солнце, и белый, как Панья, он изливался, казалось, из самой земли — словно пар, поднимающийся от горячих источников в Серых горах Везирна. Мгновение спустя она увидела Избранного, выступившего навстречу из ослепительного света. В накинутах на плечи плаще, он казался всего лишь живой тенью на сияющем фоне, безликой и бесформенной. Ялла видела, что он высокого роста и идет широким уверенным шагом. Но и только. Даже волосы мужчины — наверняка белые, как у нее, — казались черными и взлохмаченными, словно грива дикого зверя из Подземного Царства.

Он остановился перед ней, и она поклонилась так низко, как если бы перед ней находился король кирси.

— Они уже начали войну? — спросил мужчина; его голос прорезал тишину наподобие острого кинжала.

— Нет, Избранный. Но скоро начнут. — Ялла сама слышала, что говорит тонким испуганным голосом, словно ребенок, отвечающий рассерженному отцу.

— Почему они медлят? Айлин умер. Кергская армия идет на Кентигерн.

— Да, но...

— Андреас уже выступил из замка со своим войском?

— Они покинули замок еще вчера, Избранный. Лазутчики моего герцога видели, как войско выходило из городских ворот сразу после предзакатных колоколов на третий день убывания лун.

— Это позже, чем мы договаривались.

Ялла заколебалась. Она хотела защитить Шерика, но не желала навлечь на себя гнев Избранного.

— Ну?

— Я уверена, этому есть причина, Избранный. У Андреаса вообще трудный характер, а в данных обстоятельствах...

Внезапно Ялле показалось, будто Избранный зажал ей ладонью рот, не давая договорить, хотя ни один из них не пошевелился. Она почувствовала, как страх поднимается в душе, словно морской прилив при полной луне.

— Никогда не ссылайся на обстоятельства, на трудности, на причины. Мы — участники великого движения, которое покончит с господством инди в Прибрежных Землях и приведет к власти короля-кирси. Наши соплеменники мечтали об этом дне с тех самых пор, когда впервые ступили на эту землю. Девять веков назад предательство одного человека обрекло всех нас на рабство и гонения. До сего дня наши соплеменники вынуждены служить и угождать людям ограниченных способностей, как вынуждена делать ты. До сего дня Избранные постоянно живут под страхом казни. И все из-за предателя Картаха.

Теперь мы близки к осуществлению нашей мечты, как никогда не были близки со времени древних войн. Однако даже сегодня ошибка одного человека может погубить наше дело. Обстоятельства не имеют значения. Трудности меня не интересуют. Каждый из нас должен выполнять поставленную перед ним задачу. Каждый из нас держит в своих руках судьбу движения. Этого достаточно для того, чтобы обеспечить успех всего дела. А если ты считаешь иначе, то тебе и твоим друзьям хорошо платят, чтобы вы делали то, что я вам приказываю, и тогда, когда я вам приказываю. Выполняй мои распоряжения — и ты будешь

обладать влиянием и богатством до конца своей жизни. Подведи меня еще раз — и рука, которая сейчас закрывает тебе рот, схватит тебя за горло. Ты все поняла?

Ялла кивнула, все еще не в силах вымолвить ни слова.

— Хорошо, — сказал Избранный. — Надеюсь, ты постарайшься, чтобы Шерик тоже все понял.

Незримая рука, зажимавшая ей рот, исчезла так же внезапно, как и появилась. Ялла глубоко вздохнула, на мгновение закрыв глаза.

— Да, Избранный, — проговорила она. — Я все скажу ему.

— Когда Мертесс пойдет на Кентигерн?

— Мы можем напасть на город сегодня ночью, Избранный. Мой герцог уже готов. — Она замолчала, боясь снова вызвать его гнев.

— Продолжай. Что ты хотела сказать?

— Мне кажется, имеет смысл подождать еще день и убедиться, что Кентигерн со своим войском уже находится слишком далеко, чтобы вернуться и защитить замок. Я знаю, вы хотите начать наступление безотлагательно, но если мы нанесем удар слишком рано...

— Согласен. Твой герцог готов ждать еще день?

Она кивнула. Роулу не терпелось начать войну почти так же, как Избранному, но Ялла не сомневалась, что сумеет уговорить герцога немного подождать.

— Еще что-нибудь?

Она вновь замаялась, но лишь на мгновение.

— Думаю, мне следует напомнить вам, что Кентигернский замок выдерживал осады на протяжении многих веков. Шерик обещал ослабить укрепления замка, и я уверена, что он выполнил свое обещание. Но все равно Кентигерн остается хорошо защищенной крепостью.

— Мне наплевать, падет крепость или нет. Я хочу, чтобы между Анейрой и Эйбитаром началась война. Все остальное не имеет значения. Если осада окажется успешной, войны не миновать, но даже если в конечном счете осада ничего не даст — неважно: она все равно станет шагом к войне.

— Да, Избранный.

— Мы еще поговорим в скором времени, — сказал Избранный.

Ялла хотела спросить, что он намерен делать, когда начнется война. Она до сих пор почти ничего не знала о его планах. На самом деле она даже толком не понимала, как работает созданное Избранным движение. Он знала, что у него есть так называемые канцлеры — кирси, выступавшие от его имени; но, похоже, всех остальных людей, работавших на него, Избранный наделял весьма ограниченными полномочиями. Ялла даже не знала, как он умудрялся платить ей. Все деньги, заработанные ею, появлялись у нее в комнате словно по волшебству. По-видимому, кто-то приносил их — вероятно, какой-то герцогский слуга, завербованный Избранным. Но она ни разу не видела этого человека и не имела понятия, кто он.

Ялла знала, что Избранный требует, чтобы участники движения приводили в организацию новых кирси, и щедро платит за это. Однажды Шерик сказал, что получил двести киндов за то, что убедил ее присоединиться к заговору. Однако больше она ничего не знала. Ялла изнывала от любопытства, но она уже давно поняла, что вопросы раздражают Избранного и что магическую силу, посредством которой он недавно заставил ее замолчать, можно использовать для причинения боли.

Последние слова Избранного еще звучали в ее сознании, когда она проснулась, судорожно хватая ртом воздух, словно человек, вынырнувший на поверхность воды из глубины холодного озера. Она сидела в постели; в золотистом свете раннего утра стены комнаты сияли. Ялла совершенно не выспалась и мысленно обругала Избранного, тут же испугавшись, что он почувствует это.

Она выпрыгнула из постели и прошлепала по холодному каменному полу к умывальнику. Вода за ночь остыла, но Ялла все равно ополоснула лицо и, легко дрожа, вытерлась полотенцем.

Несомненно, герцог уже встал и сейчас раздавал приказы своим людям, наблюдая за ходом последних приготовлений к походу. Разумеется, у него был квартирмейстер, а также главный оружейник. Но он относился к числу людей, не имеющих обыкновения доверять другим дела, которые можно выполнить самостоятельно. Хотя Ялла заверила Избранного, что сумеет уговорить Роула подождать еще день, она думала о предстоящем разговоре с ужасом.

Советник оделась и спустилась в северный двор, где она с уверенностью предполагала найти герцога. Роул, уже одетый в походное платье, широким шагом расхаживал между фургонами и людьми, и черно-золотой плащ развевался у него за спиной. Обычно командующий анейранской армией не брал в поход ничего лишнего, но, поскольку враг находился так близко — Мертесский замок стоял всего в лиге от южного берега Тарбина, а Кентигерн располагался еще ближе к реке на противоположном берегу, — Роул счел целесообразным взять с собой все необходимое для осады. Ялла признала такое решение разумным. Тогда они смогут начать осаду немедленно, не тратя драгоценное время на добывание материала для постройки осадных орудий и камнеметов. Сейчас, когда кентигернская армия покинула город, а Шерик ослабил западные ворота замка, главное преимущество мертесского войска заключалось в быстроте действий. Все, что могло ускорить штурм крепости, увеличивало шансы на успех.

Огромные телеги, нагруженные тесаными дубовыми бревнами, стояли в ряд во дворе, еще не запряженные лошадьми, которым предстояло тащить повозки через реку и на холм. Помимо солдат Роул намеревался взять с собой свыше сотни рабочих и дюжину придворных плотников, поэтому квартирмейстеру пришлось нагрузить свои фурунны большим количеством продовольствия, чем обычно.

В целом поход на Кентигерн обещал стать одной из самых масштабных военных операций, предпринятых мертесской армией со времени Осенней Войны, имевшей место почти полтора века назад. Неудивительно, что Роулу так не терпелось начать наступление.

Ялла пошла в ногу с герцогом, держась на шаг-другой позади него, и тоже принялась разглядывать повозки и солдат. Похоже, все были почти готовы к походу. Ничто из увиденного не давало советнику оснований просить Роула отложить выступление войска из города на день.

Через пару минут она осознала, что герцог еще не заметил ее, и осторожно кашлянула.

— Доброе утро, милорд.

Роул остановился и обернулся.

— Доброе утро, первый советник. — Он наклонил голову к плечу. — Вы уже давно здесь?

— Несколько минут, милорд.

Он кивнул и двинулся дальше, знаком руки велел Ялле следовать за ним.

— Ну, что вы думаете? — спросил он.

— Похоже, приготовления идут успешно.

— Согласен. Многие века обитатели Кентигерна похвалялись неприступностью своего замка. Но, думаю, этой осады они не выдержат.

Ялла решила не напоминать Роулу, что, если бы не магия Шерика, они даже не предприняли бы попытки взять крепость. Злить герцога не имело смысла — особенно сейчас.

— Я хотела обсудить с вами один вопрос, милорд.

— Эй, ты! — крикнул Роул, резко останавливаясь возле двух солдат, фехтовавших на мечах. — Любoй кентигернский солдат проткнет тебя насквозь, если ты будешь так драться! Щит нужно держать выше, — сказал он, показывая, как надо. — Он немного постоял, наблюдая за ними, а потом кивнул. — Уже лучше. Отработай это движение. — Он двинулся дальше, недовольно хмуря брови. — Плохо, что мне приходится указывать на такие грубые ошибки.

Несколько мгновений они шли в молчании, потом герцог снова взглянул на Яллу.

— Прошу прощения, первый советник. Вы начали говорить что-то.

— Да, милорд. — Лучше было просто сказать все и покончить с делом. — Мне кажется, нам стоит отложить наступление на день.

Роул снова остановился и повернулся к ней.

— Гром и молния, женщина! Зачем нам тянуть время?

— Чтобы наверняка добиться победы.

— Глупости! — Он пошел дальше, тряся головой. — Мы пойдем на Кентигерн сегодня! Мы и так уже прождали дольше, чем я хотел. Я не намерен откладывать снова.

— Если мы начнем наступление сегодня, штурм не увенчается успехом. Я уверена.

— С чего вы взяли? Ваш друг не выполнил свою задачу? Дело в этом?

— Шерик здесь ни при чем, милорд. Он ушел в поход со своим герцогом два дня назад — а значит, он уже ослабил западные ворота крепости. Он сделал для нас все возможное.

— Тогда зачем нам медлить? Во время нашей с ним встречи мы договорились начать штурм на третью ночь после убывания лун. Я внятно объяснил, что нам нужен лунный свет. Условленная ночь уже прошла, а мы все еще мешкаем.

— Да, милорд. Но Кентигерн покинул замок позже, чем мы предполагали.

— Значит, ваш друг не справился с делом.

Герцог шагал так быстро, что Ялла едва поспевала за ним. Похоже, он шел куда глаза глядят, и советник наконец протянула вперед руку, останавливая его.

— Пожалуйста, милорд, выслушайте меня. Кентигерн потерял дочь. Он начал войну против Керга, движимый жадной мести. Мы не могли рассчитывать, что он выступит из замка именно тогда, когда нам удобно. В этой задержке никто не виноват.

— Конечно, виноват! Мы заплатили вашему другу уйму денег, чтобы осада увенчалась успехом, а теперь узнаем, что он не сумел заставить своего герцога покинуть замок пораньше.

Ялла чуть не расхохоталась. Если бы кто-нибудь предположил при Роуле, что она может заставить его сделать что-то, когда ей угодно, он пришел бы в ярость. Но она знала, что таковы все инди. Они вечно искали виноватых, если события развивались не так, как им хотелось. Отчасти поэтому служить им было столь трудно.

Ялла с удовольствием оставила бы эту тему, но она не могла допустить, чтобы Роул винил в задержке Шерика. Она познакомилась с кентигернским первым советником почти двадцать лет назад, вскоре после своего Приобщения, когда они начали обучаться у одного наставника-кирси в Сириссе. Они вместе учились пользоваться своим магическим даром, и она одна из немногих в Прибрежных Землях знала всю правду о способностях Шерика. Он даже был ее первым мужчиной, а она — его первой женщиной. Ялла и поныне помнила свою первую ночь с Шериком так живо, что при желании могла ощутить прикосновение его губ к своему телу. Они стали любовниками в ночь, когда прошли Посвящение, и, хотя с тех пор у нее были другие мужчины, она часто возвращалась в объятия Шерика — даже сейчас, несмотря на опасность, грозившую им обоим.

Теперь, когда Шерик предал своего герцога, перед ним могла возникнуть необходимость искать убежище в Анейре. Роул никогда не согласится оказать кентигернскому советнику покровительство, если будет считать его виновным в этой задержке.

— Если вам нужны виноватые, вините меня, — сказала Ялла. — Вы пожелали встретиться с Шериком еще раз. Именно я предложила начать наступление на третью ночь после убывания. Мне следовало предусмотреть возможность задержки.

Роул ответил не сразу, но по его лицу было видно, что он предпочитает винить Шерика. Вдобавок герцог казался глубоко разочарованным, словно ребенок, которому велели подождать со сладким. Он не хотел откладывать штурм, но слишком зависел от советов Яллы, чтобы отвергать ее предложение.

— Почему вы считаете, что нам нужно подождать? — тихо спросил он наконец, глядя себе под ноги.

— Кентигерн выступил из замка меньше двух суток назад, милорд. Как только мы начнем наступление, как только кентигернские стражники увидят нас на равнине у реки, они пошлют гонца к своему герцогу. Верховой сумеет нагнать Андреаса за день. Кентигернская армия вернется прежде, чем мы успеем перебить всех солдат, оставшихся в крепости. Но если мы подождем, если мы дадим Андреасу еще день, чтобы он отошел дальше на восток, гонцу придется ехать дольше и войску потребуется больше времени на обратный путь. К моменту возвращения Андреаса мы уже займем крепость. Тогда холм и укрепления замка станут нашими союзниками.

Роул признал доводы советника убедительными. Ялла поняла это по тому, как он потер выпуклый лоб и стиснул челюсти.

— Наш план разумен, милорд. Ущерб, причиненный Шериком западным воротам, не обнаружится в течение завтрашнего дня. Такой блестящей возможности взять и удержать Кентигерн еще не представлялось ни одному герцогу вашего дома. Нельзя допустить, чтобы нетерпение погубило все наши планы. Один-единственный день не имеет особого значения.

Они пошли дальше. Герцог долго молчал, погрузившись в раздумья, но в конце концов легко, почти незаметно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Сообщите остальным. На самом деле я думаю, что квартирмейстер только обрадуется. А у меня останется время показать тем солдатам, как нужно драться, чтобы не подставляться под удар противника.

Ялла улыбнулась с неподдельным облегчением.

— Да, милорд. Мы возьмем Кентигерн. Я уверена.

Герцог снова кивнул, а потом пошел прочь. Ему требовалось время, чтобы справиться с разочарованием. Так было всегда. Но, по крайней мере, он согласился. Советник надеялась, что Избранный ненадолго оставит ее в покое, если известие об успешном штурме крепости дойдет до него достаточно скоро.

Она отправилась к главному оружейнику и квартирмейстеру, чтобы уведомить их о решении Роула. Вин Стридбар, оружейник, никак не отреагировал на сообщение, но квартирмейстер явно почувствовал глубокое облегчение, как и предполагал герцог. Поговорив с ними, Ялла вернулась в свою комнату. В ходе подготовки к сражению Роул не давал ей никаких поручений — то ли потому, что она была женщиной, то ли потому, что он предпочитал следить за всем сам. Остаток того дня и утро следующего она занималась своими делами и вновь спустилась во двор лишь после полдневных колоколов на четвертый день убывания лун.

Слуги запрягали упряжки лошадей в повозки с бревнами, предназначенными для строительства осадных орудий, и увязывали последние тюки с продовольствием. Солдаты тихо переговаривались, полируя свои мечи или подтягивая тетивы на луках. Тренировались немногие. Похоже, время тренировок прошло.

Как и накануне, Роул был в походном платье. Увидев, что Ялла тоже надела походное платье и пристегнула к поясу меч, он подошел к ней, широко улыбаясь.

— У вас вид настоящего солдата, первый советник.

Она заставила себя улыбнуться в ответ.

— Вряд ли, милорд.

— Я приказал почистить и оседлать вашу лошадь. Надеюсь, вы не возражаете.

— Нисколько, милорд. Благодарю вас.

Роул неловко кашлянул, бросил через плечо взгляд на главного оружейника, а потом снова посмотрел на Яллу.

— Мне кажется, нам имеет смысл выступить из замка чуть раньше, чем мы планировали, — сказал он. — Мы должны быть уверены, что выйдем на открытую местность у реки сразу по наступлении темноты, а таким образом мы получим запас времени на случай непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть на пути. Лес скроет наше приближение от эйбитарцев.

Узкая полоса Мертесского леса пролегала между замком и рекой. По сравнению с

Великим Анейранским лесом, простиравшимся южнее, он казался всего лишь садом виконта. Он даже не мог соперничать с Кентигернским лесом, который большинство анейранцев считало жалкой рощей. Но он действительно обеспечивал хорошее прикрытие для продвигавшегося к Тарбину войска.

Герцог стоял перед ней — снова с видом ребенка, ожидающего суждения строгого родителя.

— Думаю, это разумная мысль. — Ялла притворилась, будто не замечает, как обрадовал Роула ее ответ. — Тогда наши разведчики сумеют выяснить, сколько солдат осталось в Кентигерне и где выставлены посты.

— Согласен. — Голубые глаза герцога округлились от возбуждения. — Я сообщу капитану.

Он поспешно отошел, а Ялла направилась к своей лошади, приветственно кивая встречным мужчинам. Вообще-то солдаты не питали уважения к советникам-кирси. В обычное время Ялла могла пройти по всем коридорам Мертесского замка и удостоиться лишь равнодушных взглядов встретившихся по пути стражников. По рассказам Шерика она поняла, что в Кентигерне к нему относятся так же.

Но сегодня мертесские солдаты приветствовали советника как равную. Ибо они знали, что сегодня ночью она применит свой магический дар ради их общего дела. Вызванный ею туман скроет их от кентигернских лучников, а ее огонь сожжет ворота и двери, преграждающие доступ во вражескую крепость. Даже если она ни разу не обнажит свой меч, сейчас она стала, по крайней мере на время, таким же воином, как любой из них. Ялла вынуждена была признаться себе, что ей нравится подобное отношение.

Она шла не таким трудным путем, как Шерик и многие другие. Она уже давно знала это, но только сегодня поняла, как сильно ей повезло. Ее измена была неочевидной. Она могла продолжать служить своему герцогу со всем усердием и по-прежнему оставаться верной делу кирси. Если все сложится удачно, Роул не узнает о ее обмане еще долгое время после того, как она покинет Мертесс. С другой стороны, Шерика, скорее всего, будут считать предателем до конца жизни, независимо от того, как повернутся события. Ему выпала горькая участь, и, осознав это, Ялла исполнилась еще большей решимости обеспечить безопасность друга, когда тому придется бежать из Кентигерна.

Подойдя к своему коню, она погладила его по гриве и поцеловала в нос. Седло еще требовало незначительной подгонки, но помощники конюха потрудились на славу, подготавливая животное к походу. Ялла натянула кожаные перчатки и еще раз проверила меч. До начала штурма оставалось несколько часов, однако она уже чувствовала радостное волнение. Она никак не предполагала, что будет с таким нетерпением ожидать битвы, и постаралась убедить себя, что ей просто хочется поскорее приступить к действиям, которые принесут реальную пользу движению кирси. Но в глубине души она все понимала. По правде говоря, мысль о предстоявшем сражении возбуждала женщину. Мертесское войско нуждалось в ее магическом даре, но она надеялась, что ей доведется обнажить свой меч. Ялла занималась фехтованием почти всю жизнь, и, хотя она безусловно уступала в физической силе солдатам Роула или Кентигерна, она двигалась проворно и владела мечом искусно.

Она понимала, что предается несбыточным мечтам: Роул никогда не позволит ей участвовать в бою — не только потому, что она женщина, но и потому, что он слишком дорожит ее магическим даром. И все же, пока Ялла ждала, когда герцог и остальные закончат последние приготовления к походу, она вытащила свой меч из ножен, осмотрела клинок и вытерла с него крохотное пятнышко грязи и несколько отпечатков пальцев, чтобы сталь засверкала.

Скоро войско выступило из замка; Роул ехал впереди в сопровождении двух солдат с черно-золотыми знаменами Мертесса. Ялла следовала сразу за герцогом, как и Вин. На городских улицах толпились люди, которые приветствовали своего герцога и мертесских солдат громкими криками; советник испугалась, что эти крики донесутся до Кентигерна и

предупредить эйбитарцев о приближении неприятеля. Потребовалось довольно много времени, чтобы вся процессия, состоявшая из солдат, рабочих, фургонов с продовольствием и повозок со строительными материалами для осадных орудий, покинула обнесенный стеной город.

Однако, оказавшись за воротами Мертесской крепости, они прибавили шагу. Они надвигались не прямо на север, к Кентигерну, а немного уклонялись к востоку, к окраине болота Хэриер. Там Тарбин становился мельче, а крупные сторожевые лагеря кентигернских солдат располагались западнее, ближе к замку. Войско достигло опушки леса задолго до заката, но Роул благоразумно предпочел оставаться под прикрытием деревьев до наступления темноты. Они слышали журчание реки, медленные воды которой казались темными и зловещими под серыми облаками, затягивавшими небо с самого утра. Белая громада Кентигернского холма вздымалась над речной долиной — гораздо ближе к Мертесскому лесу, чем предполагала Ялла. На вершине холма стоял Кентигернский замок, каменные стены которого были в точности такого цвета, как пасмурное небо.

Когда наконец на землю спустились сумерки и на крепостных стенах зажглись факелы, герцог вывел свою армию из тенистого леса на равнину. Они двигались быстро и на удивление бесшумно для столь многочисленного войска. Ялла чувствовала запах болота, но земля под ногами по-прежнему оставалась твердой — ничего похожего на зловонную жижу самой трясины.

Люди переправились через реку гораздо быстрее, чем ожидала советник, но с повозками дело обстояло иначе. Несколько тяжело нагруженных телег завязло в песке и иле речного дна. Солдаты бросились обратно в реку и принялись толкать повозки, но переправа оказалась трудной. Прежде чем все телеги выкатились на берег, две или три лошади начали пронзительно ржать от изнеможения.

Роул, наблюдавший за переправой с северного берега, выругался и резко повернулся в седле, устремив взгляд на замок. В первую минуту ничего не происходило, но потом со стороны сторожевого лагеря, стоявшего выше по реке, донеслись крики. На крепостных башнях вспыхнули яркие сторожевые огни, и на городских стенах появились новые стражники, многие из которых несли факелы.

— Вытаскивайте повозки на берег! — проревел герцог, заставив своего коня взвиться на дыбы от испуга. Он снова обернулся и взглянул на солдат, стоявших поблизости на берегу. — Вы, зажгите факелы! Потом разгрузите телеги, которые уже переправились, и пусть плотники принимаются за работу. Мне нужны сначала черепахи, потом тараны, потом камнеметы. Лорд Стридбар отдаст все необходимые распоряжения.

Герцог и главный оружейник быстро переглянулись, и Вин спрыгнул с коня, выкрикивая приказы своим людям. Они рисковали, хотя и не очень сильно. У реки неподалеку стоял лагерь кентигернский сторожевой отряд, но он был малочисленным. В его задачу входило отражение мелких набегов анейранцев на дома и деревни, расположенные в окрестностях Кентигерна. Отбить полномасштабное наступление столь ничтожными силами не представлялось возможным. Несомненно, эти люди уже спешили обратно в замок, чтобы занять оборону вместе с другими солдатами, не ушедшими с Андреасом навстречу кербской армии. Уже сейчас крепость готовилась к осаде — к разочарованию Роула, который, надеясь застать противника врасплох, нарочно дожидался темноты, чтобы переправиться через реку. Но, по крайней мере, герцог находился со своим войском вне пределов досягаемости стрел кентигернских лучников.

Все же, едва услышав крики эйбитарских солдат, обращенные к защитникам крепости, и увидев вспыхнувшие в ответ ярко-желтые костры, от которых в ночное небо поднялись клубы черного дыма, Ялла задрожала в седле. Она снова вспомнила о своем мече, но сразу же поняла, как глупо было с ее стороны воображать себя солдатом. Она хотела сейчас лишь одного: немедленно вызвать туман и скрыться в нем.

Ялла держалась рядом с герцогом, дожидаясь, когда все повозки вытащат из воды на берег. Потом они спешили, чтобы помочь Вину следить за сооружением осадных

приспособлений. Так называемая черепаха представляла собой низкий навес на колесах, использовавшийся нападающими для того, чтобы приблизиться к крепостным стенам. Он обшивался уложенными в два слоя толстыми досками, которые не могли пробить стрелы луков и даже арбалетов. Доски покрывались мокрыми шкурами, служившими защитой от огня. Сооружение двигалось медленно, особенно вверх по крутому склону (отсюда и происходило его название), но обеспечивало надежное укрытие для людей, которые засыпали камнями и землей крепостной ров.

За черепахой обычно следовал таран, тоже защищенный деревянным навесом, покрытым мокрыми шкурами. Если Шерик сумел ослабить укрепления, выломать ворота и опускные решетки удастся всего с нескольких ударов, но таран потребуется в любом случае.

Камнеметы могли и не понадобиться. Как только мертесское войско получит доступ в замок, необходимость в них отпадет. Но все войска использовали камнеметы при осаде — и кентигернские солдаты наверняка ожидали, что нападающие построят орудия. Отказываясь от сооружения камнеметов, Роул рисковал привлечь внимание защитников замка к ослабленным Шериком укреплениям.

На постройку черепахи и тарана ушло довольно много времени — хотя гораздо меньше, чем потребовалось бы в случае, если бы они не привезли дерево из Мертесса. Как только оба орудия были готовы, Роул и Ялла повели половину войска по берегу Тарбина к подножию холма. Остальные солдаты остались с главным оружейником достраивать камнеметы. Советник и герцог не встретили по пути никакого сопротивления, никто не ждал их и на дороге, поднимавшейся по каменистому склону холма к воротам замка. Несомненно, все люди Андреаса скрывались за стенами Кентигерна, ожидая начала штурма.

Ялла подняла глаза к небу, проверяя, не летят ли в них стрелы кентигернских лучников.

— Их невозможно увидеть издали, — сказал Роул, проследив за направлением ее взгляда.

— Может, они будут стрелять зажженными.

Герцог помотал головой.

— Не будут, пока мы не подойдем к самым воротам. До той поры их стрелы представляют гораздо больше опасности, оставаясь невидимыми для нас.

Ялла кивнула, но невольно взглянула в небо еще раз.

Почти сто человек поместилось под черепахой, и несколько дюжин шли под навесом, сооруженным над тараном. Но остальным предстояло подниматься на холм без всякого прикрытия.

— На дороге растянитесь цепочкой, солдаты! — крикнул герцог. — Если пойдете толпой, станете удобной мишенью для кентигернских лучников.

Он снова повернулся к Ялле:

— Теперь нам нужен ваш туман, первый советник, который бы держался над дорогой как можно дольше.

— Да, милорд.

Но прежде чем она успела обратиться к своей магической силе, со стороны крепости донесся голос, отрывисто выкрикнувший команду.

— Щиты! — рявкнул Роул, поднимая над головой щит.

Ялла схватилась за свой щит, притороченный к седлу. Однако, едва она отвязала его, он выскользнул у нее из руки и упал на землю. Мгновение спустя она услышала резкий свист падавших стрел. Судорожно глотнув и задержав в груди пахнувший смертью воздух, она сделала единственное, что ей оставалось: прикрыла голову руками и наклонилась низко к холке коня. Стрелы падали вокруг нее, вонзались в щиты, втыкались в землю, отскакивали от камней, высекая искры. Пронзительно кричали от боли люди и, по крайней мере, одна лошадь, чей жуткий визг отразился эхом от склона холма подобно воплю некоего демона. Но советник осталась невредимой.

— Ваш туман, первый советник! Быстрее!

Ялла закрыла глаза и сосредоточилась, словно певица, собравшаяся исполнить

«Элегию, посвященную Шанае». Только она сосредоточилась не для того, чтобы взять блистательную первую ноту, а для того, чтобы вызвать к жизни свою магическую силу, извлекая ее из крови, из сердца, из самого своего существа. Она не раз слышала, как соплеменники часами спорили по поводу истинного источника своей магической силы: одни утверждали, что она является частью телесной природы кирси и именно поэтому они страшно устают и значительно сокращают себе жизнь всякий раз, когда используют свои способности; другие — например, отец Яллы — считали, что магический дар принадлежит к сфере сознания, как память и мышление, и расплачивается за него скорее дух, нежели тело. В такие минуты, как эта, Ялла не находила возможным провести различие между первым и вторым. Ей казалось, что она живет единственно ради того, чтобы возбуждать в недрах своего существа и изливать вовне токи чудесной энергии, словно тело и дух являлись всего лишь проводниками пребывавшей в ней силы. Она испытывала восхитительные ощущения. Она чувствовала себя языком пламени, лучом света. Она уже давно решила, что именно это и значит быть кирси. Инди смотрели на ее соплеменников и видели белые волосы, желтые глаза, бледную кожу и слабые тела. Но Ялла знала, что это далеко не все: еще есть способность предсказывать будущее или вызывать огонь на ладони. Способность вызывать туман из земли.

Советник открыла глаза и увидела, как первые бледные струйки тумана поднимаются от земли и плывут над головами мертвеческих солдат. В считанные минуты их обволокло огромное клубящееся облако, продолжавшее разрастаться на глазах. Она вызвала легкий ветер, который разнес туман над всем войском Роула и над дорогой, ведущей к крепости; в скором времени густая туманная пелена заволокла весь склон холма. Кентигернские лучники по-прежнему могли пускать свои стрелы в направлении дороги, но теперь они не видели мишеней. Даже свет факелов, которые несли люди Роула, не пробивался сквозь тяжелый покров тумана. В то же время Ялле удалось немного приподнять нижнюю границу своего облака над землей. Герцог и солдаты довольно хорошо видели друг друга и дорогу.

— Вы с вашими людьми можете приближаться к замку, — сказала Ялла сдавленным от напряжения голосом.

— Как долго вы сумеете удерживать туман на месте? — спросил Роул.

— Не знаю. Самое трудное — вызвать туман. Для того чтобы его поддерживать, требуется гораздо меньше усилий.

— Но какие-то все же требуются.

— Да. Я сделаю все возможное, милорд. Но, ради всех нас, действуйте быстро.

Герцог кивнул, развернул своего коня и крикнул солдатам следовать за ним к крепости.

Стрелы продолжали сыпаться градом, злобно шипя, словно змеи Кебба. Кентигернские лучники больше не видели неприятельского войска, но они знали изгибы и повороты дороги, а туман заглушал все звуки, лишая мертвеческих солдат возможности услышать предупредительный свист летящих стрел. Тем не менее все последующие выстрелы лучников наносили войску гораздо меньший урон, чем первый, и оно неуклонно поднималось по склону холма.

У Яллы застучало в висках, холодная сырость тумана пронизывала ее насквозь. Если бы она стояла на земле, у нее бы уже подкосились ноги. Но она крепко обхватывала обеими руками шею своего коня, словно несомую по темным волнам мачту потерпевшего крушение корабля, зажмурив глаза, сосредоточившись только на своей магии.

Советник настолько отрешилась от всего остального, что герцогу пришлось выкрикнуть ее имя, чтобы она не наехала на шедших впереди людей. Открыв глаза, Ялла увидела, что черепаха уже достигла глубокого рва в конце дороги и солдаты под панцирем засыпают ров камнями, большими и маленькими. Стрелы луков и арбалетов, в том числе зажженные, сыпались теперь на черепаху почти безостановочно. Дерево начинало гореть, и дым смешивался с туманом и ярким светом факелов и костров, отчего ночная тьма приобретала зловещий оранжевый оттенок.

Падавшие сверху горшки с известью и горячей смолой разбивались об осадные

орудия, разбрызгивая свое содержимое на людей, которые выли от боли, словно объятые пламенем призраки Подземного Царства. У Яллы слезились глаза от дыма и едких испарений зажигательной смеси. Она зашлась в таком сильном приступе кашля, что едва не потеряла сознание, в горле у нее мучительно саднило. Повсюду вокруг нее умирали солдаты, но она по-прежнему оставалась невредимой — как и Роул, который объезжал черепаху то с одной, то с другой стороны, выкрикивая команды и подгоняя людей.

Скоро они засыпали ров и, откатив черепаху назад, подступили к воротам с тараном. Ялла на несколько минут прекратила сгущать туман, чтобы поджечь подъемный мост с помощью своей магии. Когда он загорелся, солдаты принялись наносить тараном тяжелые мерные удары, от которых, казалось, сотрясаясь весь холм. С крепостной стены продолжали сыпаться зажигательные снаряды, люди вопили от боли и умирали. Даже под прикрытием тумана они сейчас представляли собой удобные мишени для кентигернских лучников. Никакой тайны больше не было. Неприятель находился у самых ворот, и солдаты Андреаса лихорадочно выпускали стрелы одну за другой.

Несмотря на оглушительный шум сражения, советник услышала глухой грохот другого осадного орудия, поднимавшегося по дороге.

Очевидно, Роул тоже слышал.

— Рассеивайте туман, первый советник! — крикнул он. — Подошел Вин с камнеметами!

Ялла мгновенно позволила своему облаку рассеяться и даже вызвала ветер, который развеял последние клочки тумана, словно сухие семена осенних цветов. Люди Вина уже отвели назад длинные лапы всех трех камнеметов и положили по крупному валуну в каждый из огромных ковшей. Как только стал виден верх крепостной стены, главный оружейник выкрикнул команду, и первый камнемет послал снаряд в ближайшую башню. Кентигернские лучники метнулись в стороны, но камень все равно описал высокую дугу над их головами.

Второй камень пролетел слишком низко и ударился о крепостную стену, никому не причинив вреда. Однако третий снаряд попал в цель и смел нескольких человек с башни у южных ворот.

Как разворачивалось сражение дальше, Ялла не видела. Теперь, когда туман рассеялся, опасность угрожала всем, а поскольку в боях такого рода в первую очередь обычно уничтожали беловолосых, Роул приказал советнику укрыться под черепахой вместе с ранеными. Она галопом поскакала вниз по дороге, спешила возле осадного орудия и пробралась под навес, почти сразу пожалев об этом. Там было ужасно тесно, очень жарко, и пахло кровью, потом и страхом. И там уже скопилось слишком много раненых, чтобы можно было устроиться удобно. Казалось, люди лежали друг на друге, громко стонали от боли. Между ними ползали двое целителей-кирси, стараясь как можно быстрее облегчить муки несчастных.

— Первый советник! — воскликнул старший из двух мужчин при виде Яллы. — Вы ранены?

Она тяжело сглотнула и помотала головой.

— Меня сюда отправил герцог. Он не хочет, чтобы меня убили.

— Вы умеете исцелять? — спросил он.

— Нет. Только туманы, огонь и пророчества.

Целители нахмурились и переглянулись. В ту минуту Ялла охотно отказалась бы от всех трех своих магических способностей, лишь бы иметь возможность помочь раненым.

— Вы хотя бы поможете нам с перевязкой?

— Конечно, — быстро сказала она.

На бесконечно долгое время вся жизнь советника свелась только к тому, чтобы рвать на узкие полосы рубашки и перевязывать раны, при виде которых у нее подступала тошнота к горлу. У одних мужчин были страшные ожоги на лице и руках. Другие были ранены стрелами, проникшими в тело так глубоко, что целителям оставалось только обламывать древки и пытаться остановить кровотечение. Ялла не смотрела на лица солдат, которых

перебинтовывала. Она просто переходила от раны к ране, стараясь судить о ходе сражения по звукам, доносившимся до нее сквозь стоны и всхлипывания вокруг.

Спустя какое-то время Ялла услышала торжествующий вопль мертесских солдат и предположила, что подъемный мост наконец рухнул. Вскоре раздался многоголосый ликующий крик, потом еще один. Рушились опускные решетки. Похоже, Шерик заработал свои деньги.

Снова крики, звон извлекаемых из ножен мечей — и наконец иступленные вопли сошедшихся в рукопашной схватке солдат и бешеный лязг стальных клинков. Бой происходил недалеко от черепахи. Ялла услышала голос Роула, перекрывший все остальные: «Вперед, за Мертесс!»

И все же она, вся измазанная в крови, продолжала рвать рубашки на бинты и перевязывать раны. Постепенно звуки битвы отдалились, переместившись в замок. Один из отставших солдат заглянул под навес; на его молодом лице играла свирепая улыбка.

— Мы вошли в крепость! — крикнул он. — Ворота Кентигерна пали!

Ялла коротко взглянула на него и кивнула, а потом вновь занялась раненым, лежавшим перед ней.

Но минутой спустя появился другой солдат. У него была рваная рана на виске, из которой темная, полусвернувшаяся кровь медленно стекала по щеке до самого подбородка и капала на кольчугу.

— Вам нужна помощь целителей, — сказала Ялла, когда он заглянул под навес.

— Со мной все в порядке, первый советник. Герцог вызывает вас в замок.

Неужели Кентигерн уже пал? Она вышла в ночь вслед за солдатом.

Повсюду вокруг черепахи лежали мертвые тела, по большей части проткнутые стрелами, словно вертелами. Над землей, выжженной известью и смолой, все еще поднимался дым, и в серых стенах замка темнели выбоины от снарядов, посланных камнеметами. Подъемный мост, обугленный огнем Яллы, был расколот на две части, которые по-прежнему висели на толстых железных цепях, протянутых от крепостных ворот. Сразу за мостом лежали разбитые опускные решетки, словно сокрушенные неким могучим ураганом.

Ялла все еще слышала крики, доносившиеся из глубины крепости. Темные клубы дыма поднимались в ночное небо, отражая свет факелов и сторожевых костров. Она слышала звон стали где-то наверху. Солдаты сражались на крепостных стенах; штурм замка еще продолжался.

Она столкнулась с Роулом сразу за воротами; лицо герцога было покрыто копотью, грязью и потом. Он был легко ранен в плечо и бедро, но в остальном выглядел целым и невредимым.

— Вы посылали за мной, милорд? — спросила Ялла, останавливаясь перед ним.

— Как там раненые?

Она пожала плечами и сглотнула.

— Одни лучше, другие хуже, милорд.

— Их много?

— Да.

Герцог глубоко вздохнул и обернулся на звук голосов, раздававшихся в глубине двора.

— Как наши дела, милорд?

Он снова повернулся к Ялле и кивнул, оскалив зубы в подобии улыбки.

— Кентигернские солдаты оказывают яростное сопротивление. Они знают крепость лучше, чем мы, поэтому нам потребуется время, чтобы одержать окончательную победу. Но мы уже вошли в замок благодаря вам и вашему другу. Теперь они не смогут оттеснить нас за стены Кентигерна.

— Да, милорд.

— Я вызвал вас потому, что дым от всех этих факелов и костров летит в северо-восточном направлении, прямо к Андреасу и его людям.

Ялла бросила взгляд в темноту. Герцог был прав.

— Вы можете вызвать ветер, который повернул бы весь дым в направлении Мертесса или в сторону моря?

Ялла едва не расхохоталась. Даже если бы сейчас она не чувствовала страшную слабость, даже если бы она не потратила столько сил на туман для прикрытия мертесского войска, она все равно не сумела бы вызвать такой мощный ветер. Она была всего лишь одинокой кирси, а никак не Морной.

— Нет, милорд. Мои силы не столь велики. Извините.

Роул нахмурился и поднял глаза к небу.

— Андреас увидит дым и поймет, что случилось.

— Да, милорд.

— Мы правильно сделали, что отложили наступление на день.

— Да. — Но внезапно она подумала совсем о другом. Господствующие ветра как в Кентигерне, так и в Мертессе дули с океана Амона в глубь суши. Поэтому дым должен был лететь в направлении болота Хэриер и Сириской степи, но никак не в сторону Хенеи. Складывалось такое впечатление, будто кто-то хочет предупредить Андреаса. Возможно, Морна. Или Избранный. Ибо он действительно обладал великой силой и хотел войны между Эйбитаром и Анейрой как никто другой.

ГЛАВА 27

Северная окраина Кентигернского леса, Эйбитар

Почти с самого начала все пошло не так, как надеялся Андреас. В первый день, сразу после полдневных колоколов, когда люди Виллида закончили подготовку к походу, небо немного прояснилось, хотя дождь по-прежнему моросил. Герцог убедил себя, что еще перед выступлением войска из замка — или, по крайней мере, к вечеру — распогодится. Ничуть не бывало. Напротив, как только они вышли за крепостные ворота и начали спускаться к городу, дождь усилился.

Он приказал всем жителям Кентигерна выйти на улицы провожать войско, и, разумеется, никто не осмелился его ослушаться. Но людям пришлось довольно долго стоять под холодным проливным дождем в ожидании, когда войско выйдет из замка и спустится по крутому склону холма в город. К тому времени, когда Андреас со своими солдатами вступил на городские улицы, жители Кентигерна уже промокли насквозь, и приветственные крики звучали неискренне и принужденно. Это заметил не только Андреас. Вместо того чтобы воодушевиться настроением толпы, солдаты заметно помрачнели, даже раздражились, словно недовольные необходимостью идти на войну в такую мерзкую погоду.

Едва они вышли из города на широкую дорогу, которая вела к Кентигернскому лесу, Андреас принялся подгонять солдат. Что еще он мог сделать? Они должны были дойти до Хенеи раньше Хагана и кергского войска. Но, выехав на открытую равнину, простиравшуюся между городом и лесом, герцог увидел, что небо затягивают тяжелые серые облака. Дорога превратилась в узкую тропу, покрытую толстым слоем красновато-коричневой грязи и местами почти непроходимую. Он позволил солдатам сломать строй и идти по высокой траве, чтобы не брести по месиву.

Однако упряжкам лошадей ничего другого не оставалось, кроме как держаться дороги. Повозки глубоко увязали в грязи, и лошади тащили их с трудом, громко всхрапывая и дрожа от напряжения. У двух фургонов отвалились колеса, которые пришлось ставить на место при меркнувшем свете дня. К счастью, съестные припасы из накренившихся фургонов не выпали, но это была единственная удача за весь день. Они еще даже не вошли в лес, а на землю уже спустились сумерки.

Если Андреас и питал надежду остановиться на привал в первую ночь, она умерла еще на равнине. Им предстояло проделать еще очень длинный путь, и они успели пройти лишь ничтожное расстояние. Разумеется, луны затягивала плотная облачная пелена, и им

пришлось разгонять мрак светом факелов. По-прежнему лил дождь, но густые ветви деревьев служили надежной защитой от него. Однако, хотя теперь они не мокли под дождем, одежда не высыхала на влажном воздухе. Андреас говорил себе, что ему приходится хуже, чем солдатам. Они, по крайней мере, согревались от ходьбы, а он прискорбнейшим образом мерз на своем коне — да так сильно, что в конце концов спешился и повел животное в поводу. Мгновение спустя он услышал, что Шерик сделал то же самое.

Герцог через плечо взглянул на первого советника и еле заметно улыбнулся; кирси ответил улыбкой, которая, впрочем, сразу погасла. Андреас перевел взгляд на своих солдат и нахмурился. Он не рассчитывал увидеть счастливые лица. Он был не настолько глуп. Но люди даже не казались сердитыми или возмущенными. На лицах солдат отражалось полное безразличие, словно всем было наплевать на свое дело и своего герцога. Никто не разговаривал. Тишину в лесу нарушал лишь тяжелый топот тысячи пар ног, раздававшееся изредка конское ржание да беспрестанный шум дождя в листве над их головами.

— Вы знаете какую-нибудь походную песню, Шерик?

Советник уставился на герцога таким взглядом, словно тот спросил, умеет ли он летать.

— Нет, милорд. Ни одной.

— Нам нужна походная песня. У людей такой вид, словно они возвращаются домой после поражения, а не идут на великую битву.

Андреас мучительно напряг память; в дни его детства отец постоянно пел походные песни. По правде говоря, герцог их терпеть не мог, но сейчас это не имело значения.

Ведомы богиней, мы к славе шагаем.
Сверкают клинки, и колчаны полны.
О подвигах предков своих вспоминаем
И верим, что их повторить рождены.

Это была одна из любимых песен отца — она называлась «Марш Орлы», в честь богини войны — и одна из немногих походных песен, которые действительно нравились Андреасу. Герцог снова обернулся. Многие солдаты подняли глаза и изумленно смотрели на него, некоторые улыбались. Когда он запел следующий куплет, уже не один лишь его голос разнесся по лесу, перекрывая шум дождя.

Нам волю к победе богиня дарует,
Жестокую доблесть вселяя в сердца.
Она вместе с нами врага атакует;
Она учит биться с врагом до конца.

Ведомые Орлой, мы шествуем смело,
Минуя долины, холмы и поля.
Вершим мы великое ратное дело
Во славу отечества и короля.¹

К последнему куплету «Марша» в лесу уже гремел тысячеголосый хор. А допев песню до конца, солдаты испустили такой громкий восторженный вопль, который наверняка донесся до самого Брэдона. Несмотря на все сегодняшние неудачи, Андреас невольно улыбнулся.

— Вы молодец, милорд, — тихо сказал Шерик, шагнувший теперь рядом с герцогом.

— Пустяки, — ответил он. — Мне вообще не пришлось бы делать этого, если бы не проклятый дождь.

¹ Пер. С. Антонова.

— Да, милорд. — Мужчина немного помолчал, а потом спросил: — Мы скоро остановимся на привал?

Андреас взглянул на кирси. Он казался больным и усталым, измотанным до последнего предела. Просто не верилось, что такая грозная магическая сила может обитать в телах, столь хрупких и слабых.

— Нет, — ответил герцог. — Не скоро. Мы потеряли много времени между городом и лесом. Если вы устали, советую вам ехать остаток ночи верхом. Пусть ваш конь потрудится.

Советник попытался улыбнуться, но без всякого энтузиазма.

— Да, милорд. Пожалуй, я так и сделаю.

Возможно, Шерику приходилось тяжело, но остальные солдаты, похоже, воспрянули духом, воодушевленные собственным пением. Остаток ночи пролетел быстро. Дождь не прекратился, и они шли еще не один час, но, по крайней мере, мужчины теперь разговаривали и смеялись, как подобало воинам.

Они сделали короткий привал незадолго до рассвета — только чтобы наспех перекусить да немножко вздремнуть на влажной земле. Едва забрезжил первый серый свет дня, войско двинулось дальше.

Только к полудню дождь наконец стих. Но небо по-прежнему затягивало плотной облачной пеленой, и ближе к вечеру Андреас понял, что ночью опять придется обходиться без лун. Чтобы продолжать путь после заката, требовался свет, а герцог не хотел истратить все факельное масло. Сегодня первый советник выглядел несколько лучше, чем накануне, хотя он все сильнее сникал в седле по мере того, как войско двигалось через лес, делая лишь короткие привалы. Андреасу не хотелось просить кирси расходовать свои силы без необходимости. Но погода не оставляла герцогу выбора.

Он немного придержал коня и поравнялся с Шериком.

— С наступлением темноты вам придется осветить лес для нас, первый советник. Мы не можем позволить себе жечь факелы на протяжении еще одной ночи.

Шерик посмотрел на него:

— Конечно, милорд. Я сделаю все, что в моих силах.

Герцог не услышал ничего необычного в голосе мужчины. Но за долю секунды до того, как он заговорил, Андреасу показалось, будто на бледном лице кирси промелькнуло выражение глубочайшего презрения и злобы. Несомненно, то была всего лишь игра света, оптическая иллюзия, порожденная серыми тенями сумрачного леса. Он просто устал, как и все. И все же Андреас невольно задержал пристальный взгляд на лице советника, словно ожидая, что на нем вновь появится это странное выражение.

— Еще что-нибудь, милорд?

— Нет. — Герцог помотал головой. — Мы будем благодарны вам за любое освещение. Когда вы устанете, мы остановимся на привал до утра.

— Хорошо, милорд.

Андреас прищелкнул языком, подгоняя коня, и снова поехал впереди кирси, говоря себе, что ему все померещилось.

Когда на лес наконец спустилась ночь, Шерик поднял над головой кинжал и вызвал яркий золотой огонь; ослепительные языки пламени плясали на клинке и сияли среди деревьев наподобие маяка. Солдатам, шедшим в конце колонны, все же пришлось зажечь факелы, но вдвое меньшее количество против вчерашнего.

Довольно скоро лицо первого советника заблестело от пота и державшая кинжал рука начала дрожать. Через некоторое время он поменял руку быстрым движением, каким слуги на кухне перекидывают блюдо с одной ладони на другую. Но с каждой минутой становилось все заметнее, насколько он устал.

Герцог снова подъехал к Шерику.

— Вам нужно отдохнуть, первый советник?

— Пока нет, милорд. Но скоро понадобится.

Услышав сдавленный, прерывистый голос мужчины, Андреас решил, что он

выдохнется через несколько минут. Но в конечном счете они успели пройти еще пол-лиги, прежде чем Шерик погасил свое пламя.

Герцогу не хотелось останавливаться, но он понимал, что люди нуждаются в отдыхе. Да и он тоже. Коли он со своими солдатами пойдет дальше, преодолевая усталость, у них не останется сил сражаться, даже если они встретят кергское войско у самой реки. Они еще не преодолели расстояние, которое он рассчитывал пройти к концу второй ночи похода. Но им удалось частично наверстать время, потерянное накануне.

Наступило утро, такое же пасмурное и холодное. Дождь не возобновился, но небеса были сплошь затянуты тучами. Стоя на маленькой поляне в лесу и глядя в свинцовое небо, Андреас разразился потоком проклятий. Почему после всего, что он пережил, боги не помогали ему в этой войне? Он заслуживал лучшего.

Через час после рассвета герцог снова повел войско вперед. Даже несмотря на упущенное время, он не сомневался, что они еще до темноты успеют достичь северной окраины Кентигернского леса, и приказал Виллиду вести солдат сколь возможно быстро. Первый советник выглядел лучше, чем накануне и днем раньше, когда они выступили из замка. Ночной сон явно пошел ему на пользу. Андреас решил, что, если потребуется, у кирси еще достанет сил освещать войску путь в ночной тьме.

Такой необходимости не возникло, но по совершенно другой причине. Как и надеялся герцог, они достигли северной опушки леса к тому времени, когда начал меркнуть последний серебристый свет дня. Но из своего укрытия они увидели, что кергское войско становится лагерем на широкой равнине, простиравшейся перед ними. Они уже переправились через реку и отошли от берега достаточно далеко, чтобы получить преимущество в любом сражении на открытой местности. В начале битвы кентигернское войско будет находиться слишком близко к лесу, чтобы иметь возможность обойти противника с флангов. Андреас мог попытаться заманить людей Явана в лес, где они сражались бы на равных, но он понимал, что Хаган не пойдет на такое, а станет выжидать удобного момента, предоставив Андреасу начать наступление первым.

Конечно, бой в лесу казался более предпочтительным. Несколько дней назад Шерик сказал, что в лесной местности кентигернские солдаты непременно добьются преимущества над неприятелем. Сейчас, глядя на кергское войско — на самое малое тысячу сильных мужчин, шлемы и мечи которых сверкали в угасавшем свете дня, — Андреас не был уверен в этом. Но в лесу они, по крайней мере, смогли бы сражаться на равных, тогда как на равнине, при существующем расположении войск, на это не приходилось рассчитывать.

Герцог подумал, не стоит ли отвести войско на лигу назад, чтобы устроить там засаду кергским солдатам. Разведчики Хагана еще не обнаружили их, и если они неожиданно нападут на неприятеля в лесу, то наверняка возьмут верх.

Однако мгновение спустя Андреасу пришлось отказаться и от этой мысли. Неподалеку из леса вылетели два разведчика — один справа, другой слева от кентигернского войска. Оба гнали своих коней во весь опор и громко кричали. Даже с далекого расстояния Андреас увидел, как кергские солдаты оборачиваются и смотрят в их сторону.

— Лучники! — гаркнул Виллид.

Несколько лучников выбежали вперед, уже натягивая тетивы.

— Стойте! — крикнул Андреас.

Капитан посмотрел на него:

— Но, милорд...

— Слишком поздно. Пускай живут. — Он бы с радостью убил разведчиков своими собственными руками. Но люди Явана уже сражались за своего герцога — даже за своего короля, как они полагали. Он бы ничего не выиграл, дав кентигернским солдатам повод отомстить еще за две смерти. В ту минуту он был готов отдать свой меч за бутылку вина.

— Они знают, что мы здесь, — сказал Андреас, посмотрев сначала на Шерика, потом на Виллида. — Что теперь?

Капитан прочистил горло.

— Они занимают более выгодную позицию, чем мы, милорд.

— Гром и молния! Это я и сам вижу! Я спрашиваю, что нам теперь делать.

— Нужно провести переговоры с ними, — тихо сказал Шерик. — Выяснить, насколько они уверены в своих силах. Они удерживают равнину, но у них нет своего герцога. А у нас есть. У нас также есть сын Маркуллета. Возможно, они вообще не хотят вступать в бой, в таком случае преимущество остается за нами.

Герцог кивнул. Сейчас действительно имело смысл провести переговоры.

— Начинайте, — сказал он.

Кирси взял одно из серебряно-голубых знамен, которые несли солдаты Андреаса, и выехал с ним на равнину; длинные белые волосы развевались у него за спиной. Отъехав на значительное расстояние от леса, он остановил коня, спешил и воткнул древко знамени в землю, а потом снова вскочил в седло и поскакал обратно. Знамя Кентигерна трепетало на легком ветру посреди широкого поля.

Шерик остановился рядом с герцогом, и они вместе стали ждать реакции Керга. Прошло несколько минут, но наконец из лагеря противника выехал одинокий всадник с коричнево-золотым знаменем Керга. Это был инди со светло-каштановыми волосами — вполне вероятно, сам Хаган. Он остановился неподалеку от знамени Кентигерна и тоже воткнул в землю свой флаг, точно так же затрепетавший на ветру.

Рысь и медведь. Совсем недавно, чуть больше месяца назад, два дома были готовы вступить в союз. Теперь они готовились провести переговоры перед войной.

— Шерик, Виллид. Вы оба будете сопровождать меня. И четверо лучников. — Он бы чувствовал себя спокойнее под более многочисленной охраной, но обычай предписывал брать с собой только четырех солдат.

— Да, милорд, — сказал капитан. — Вы желаете выехать сейчас же?

Андреас помотал головой:

— Подождем, пока они выедут.

— Они будут ждать вас, милорд, — тихо сказал Шерик. — Предложение о переговорах исходило от вас.

«Они идут на мой замок, — хотел сказать герцог. — Разве это ничего не значит?» Но он просто кивнул:

— Хорошо. Тогда давайте поскорее покончим с этим делом.

Свет дня быстро угасал, хотя на равнине было светлее, чем в лесу. К чести Хагана, он не заставил долго себя ждать. Андреас со своими людьми еще не достиг кентигернского знамени, а кергский капитан уже ехал к ним навстречу в сопровождении герцогини, худого лысоватого кирси, незнакомого Андреасу, и четырех лучников.

— Ваше войско кажется немногочисленным, Хаган, — сказал герцог, когда капитан остановил своего коня. — Вы рассчитывали взять мой замок столь малыми силами?

Хаган ошетинился, но промолчал.

Вместо него заговорила герцогиня.

— Вы должны обращаться ко мне, Андреас. В отсутствие Явана это мое войско и мое знамя.

Она была в кольчуге, и на поясе у нее висел меч в простых кожаных ножнах. Ее золотистые волосы были зачесаны назад, щеки пылали. Она казалась маленькой и хрупкой на своем рослом белом коне, но сидела в седле уверенно. Если герцогиня и боялась предстоящей битвы, то умело скрывала свой страх. На памяти Андреаса она еще никогда не выглядела столь привлекательно.

— Как вам угодно, моя дорогая, — сказал он. — Тем приятнее мне. Герцогам нечасто доводится вести переговоры со столь очаровательным врагом.

— Придержите язык, Кентигерн! — сказал Хаган. — Вы разговариваете с королевой.

Шона подняла руку.

— Все в порядке, Хаган. — Она пристально смотрела на Андреаса; в сумерках ее глаза казались зелеными, похожими на изумруды. — Вы просили об этой встрече. Что вам угодно?

— Возможно, я первым поднял флаг переговоров, но это вы идете на мой замок. Я хочу задать вам тот же вопрос.

Герцогиня ответила без малейших колебаний:

— Хорошо. Я требую, чтобы вы немедленно освободили моего мужа, кергского первого советника, сына Маркуллета и всех остальных. Если вы откажетесь, я разобью ваше войско и возьму ваш замок.

Это было хорошо сказано. Андреасу пришлось признать, что они с Шериком недооценивали герцогиню. Разумеется, он оставил эти мысли при себе и рассмеялся, трясая головой.

— Пустые угрозы, Шона. Любой более опытный воин понял бы это. Кентигерн не сдавался на протяжении многих веков и не сдастся вам.

— Неужели? Сколько солдат осталось в крепости, Андреас? Пятьсот? Мое войско не уступает в численности вашему, и мы удерживаем равнину. Если мы разобьем вас здесь, кто остановит нас, когда мы подойдем к вашему замку?

Несомненно, лазутчики Хагана сообщили герцогине все необходимые сведения о силах Андреаса — как здесь, так и в Кентигерне. Но все же герцога встревожила уверенность, с которой она говорила.

— Это глупо, Шона, — сказал он, стараясь сохранять самообладание. — Вы исходите из ошибочного предположения. Яван и его люди вовсе не узники в моем замке. Они мои гости. Неужели вы действительно думаете, что они пожелают покинуть Кентигерн прежде, чем мы найдем вашего сына и решим его судьбу?

Хаган угрожающе наставил на него палец, словно кинжал.

— Вы лжете!

— А теперь вам следует придержать язык, капитан. Я герцог Кентигернский и требую почтительного обращения.

— Вы изменник, заключивший в тюрьму своего короля!

— Довольно! — резко сказала Шона, гневно взглянув на обоих.

Хаган отвел глаза, однако положил руку на эфес меча. Андреас продолжал свирепо смотреть на капитана, но чувствовал на себе взгляд Шоны.

— Вы говорите, что Яван ваш гость, — сказала герцогиня ровным голосом. — Но письма моего мужа свидетельствуют о другом. Он находится в тюремной башне, как и все остальные его люди. Ему запрещено выходить, запрещено разговаривать с подданными. Вы со всеми своими гостями так обращаетесь?

— Не со всеми, миледи. Только с теми, чьи наследники убивают моих детей. — Он метнул на Шону яростный взгляд, больше не думая о том, кто удерживает равнину и чье войско многочисленнее. Он уничтожит всех, не только капитана, но и герцогиню. — Будь Яван моим узником, он сидел бы в моей темнице, как сидел ваш сын, покуда не сумел сбежать. Мне следовало повесить их всех в день убийства Бриенны. Я совершил большую ошибку, которую намереваюсь исправить сразу, как только уничтожу вас и ваше войско.

Андреас не стал дожидаться ответа. Он даже не взглянул на Шерика или на Виллида. Он просто развернул своего коня и, пришпоривая его, галопом поскакал обратно к лесу. Герцог слышал, что креси и капитан скачут следом, но он уже был всецело поглощен мыслями о предстоящем сражении. Позиция неприятельского войска создавала известные трудности, но он с ними справится. Тавис сбежал от него, и он пощадил Явана — хотя сейчас Андреас сам толком не понимал почему. Но завтра на рассвете он наконец отомстит за смерть своей дочери.

Герцогиня молчала, когда они медленно поехали обратно к лагерю. Хаган внимательно наблюдал за ней, стараясь понять, о чем она думает, но она не хуже герцога умела скрывать свои мысли и чувства.

— Ничего иного и ожидать не приходилось, миледи, — сказал второй советник, ехавший рядом с Шоной. — Лорд Кентигерн не заинтересован в предотвращении войны.

Думаю, скорее всего, он пытался выяснить, готовы ли вы пойти в наступление.

Хаган не любил советника, но в данном случае не мог не согласиться с ним.

— Даниор прав, миледи. Никакими словами вы не сумели бы решить дело мирно.

— Что? — спросила Шона, переводя взгляд с одного на другого. Потом она раздраженно махнула рукой, словно поняв наконец, о чем они говорят. — О, я все это знаю. Перестаньте обращаться со мной как с тупицей. Андреас хотел посмотреть, боюсь ли я войны, поэтому и предложил провести переговоры. — Она покачала головой, и выражение ее лица смягчилось. — Но мне жаль его. Он так жаждет отомстить за свою дочь, что не отдает себе отчета в своих действиях.

Хаган и советник переглянулись.

— Миледи, — сказал капитан, — он заключил герцога в тюрьму. Он минуту назад заявил о своем намерении убить Явана. Этот человек не заслуживает жалости.

— Конечно, заслуживает, Хаган. Вы считаете меня излишне мягкосердечной, поскольку я женщина. Но сейчас вы говорите глупости. Оба, — добавила она, взглянув на кирси. — Я не намерена щадить Андреаса и его войско. Если Кентигерн хочет войны, он получит войну, да еще какую. Но вы не правы: он действительно заслуживает нашей жалости, и не только жалости. Он потерял дочь, и вы, капитан, — вы, потерявший жену и теперь боящийся потерять сына, — лучше других должны понимать Андреаса. К тому же вам следует знать: чтобы победить врага, нужно сначала понять его.

Она была поистине незаурядной женщиной, достойной стать королевой Эйбитара. Хаган невольно задался вопросом, сознает ли Андреас, чем может закончиться для него предстоящая битва.

— Да что тут понимать? — спросил Даниор. — Что он сумасшедший?

Хаган помотал головой, не сводя глаз с герцогини.

— Что в своих действиях он руководствуется горем и яростью. Что он хочет не сокрушить дом Кергов, а скорее причинить боль врагу. Мне кажется, сейчас он готов пожертвовать всеми своими солдатами, лишь бы убить герцогиню собственными руками.

Шона еле заметно улыбнулась.

— Полагаю, я должна быть польщена.

— Если это и вправду так, миледи, вам придется держаться позади войска, — сказал советник встревоженным голосом. — В первую очередь мы должны позаботиться о вашей безопасности.

— И опять он прав, — сказал Хаган.

— Нет, не прав, капитан, и вы должны понимать это не хуже меня. Человек, ослепленный яростью, совершает ошибки. Пока Андреас будет видеть меня и направлять на меня свою ненависть, он будет руководствоваться скорее своими страстями, нежели здравым смыслом.

— Человек, ослепленный яростью, действительно зачастую совершает ошибки, но он также становится опаснее любого другого врага. Он непредсказуем. Он не следует общепринятым правилам ведения войны. Мы не можем рисковать вашей жизнью в надежде, что Андреас допустит оплошность.

— Это не вам решать, капитан! — отрезала герцогиня.

Хаган отвел глаза.

— Да, миледи.

Достигнув лагеря, герцогиня спрыгнула с коня и отдала поводья одному из своих слуг.

— Прикажите солдатам приготовиться к бою, — сказала она, глядя на Хагана снизу вверх. — К рассвету войско должно находиться в полной боевой готовности. И усиьте охрану, особенно на флангах. Пусть Андреас не думает, что может захватить нас врасплох.

— Да, миледи.

Шона двинулась прочь, но тут же остановилась и с глубоким вздохом повернулась к Хагану.

— Простите меня, Хаган. Я совершенно уверена в вас и ваших людях. Но это мое

первое сражение.

— Никто вас не осудит, если вы позволите мне повести солдат в атаку. Войском командуете вы, но вы также отвечаете за герцогство и, как многие скажут, за все королевство. Мы не можем потерять вас.

— И не потеряете. Но если Андреас не увидит меня впереди войска, он решит, что уже победил, а это только придаст ему смелости.

— Но вы позволите мне, по крайней мере, приставить к вам охрану из нескольких солдат?

Шона помотала головой.

— В бою с Кентигерном нам понадобятся все люди до единого. Кроме того, — добавила она с улыбкой, — я не собираюсь отъезжать от вас ни на шаг. Никакой другой охраны мне не требуется.

Капитан покраснел.

— Хорошо, — быстро проговорил он, направляя своего коня вперед. Временами герцогиня слишком сильно напоминала ему Дарию.

— Капитан!

Он обернулся и на миг нахмурился при виде Даниора, ехавшего следом за ним.

— Да, второй советник.

— Вы по-прежнему полагаете, что вам потребуется мой туман?

Хаган пожал плечами:

— Пока не могу сказать. Увидим по обстановке завтра утром.

— Понятно, — сказал криси.

— Вас что-то беспокоит?

Прежде чем советник успел ответить, один из солдат окликнул Хагана. Неподалеку стояли несколько мужчин, напряженно вглядываясь в Кентигернский лес.

Посмотрев в том же направлении, Хаган увидел две длинные цепочки горящих факелов, двигавшиеся в разные стороны вдоль опушки.

— Что они делают? — спросил Даниор.

Действительно, что? Казалось, огни не приближались к лагерю, но кентигернское войско явно меняло расположение.

— Капитан! — послышался голос герцогини.

— Да, миледи, — откликнулся он, не оборачиваясь. — Я все вижу.

Мгновение спустя Шона стояла рядом с Хаганом и тоже наблюдала за перемещением факелов.

— Они уже наступают?

— Не думаю.

— Тогда что?

Хаган потряс головой, и с минуту они просто стояли и наблюдали за огнями. Капитан чувствовал, что все кербские солдаты побросали свои дела и пристально смотрят на юг — как он, Шона и второй советник.

Вскоре замысел Андреаса стал проясняться. Похоже, перемещались не все солдаты. Герцог разделил свое войско на три части, одна из которых заняла позицию к западу от неприятельского лагеря, другая к востоку, а третья осталась на месте.

— Проклятье! — пробормотал Хаган.

Шона нахмурилась.

— В чем дело?

— Похоже, Андреас знает, что наш советник умеет вызывать туман. Разделив таким образом свое войско, он лишает нас возможности окутать туманом поле боя. Мы не сможем уследить за всеми тремя отрядами.

— А мы можем тоже разделить наше войско?

— Можем, но мы не знаем, какова численность каждого из трех отрядов противника. Мы видим только факелы. Возможно, Андреас как раз и хочет хитростью заставить нас

разделить войско. Проклятье, — повторил он. — Говорите о нем что угодно, но он умен.

— Так что мы будем делать? — спросил Даниор.

Хаган на минуту задумался, потирая подбородок и продолжая осматривать равнину.

— Пока ничего, — наконец сказал он. — Будем следить за ними и посмотрим, что Андреас предпримет утром. Будь у него подкрепление — еще один отряд, готовый вступить в бой, — я бы беспокоился за наши фланги. Но мне кажется, у нас с ним по-прежнему равные силы, а следовательно, мы сможем укрепить наши фланги с востока и запада, не особо ослабляя центр.

— Хорошо, — сказала герцогиня. Она еще несколько минут стояла на месте, по-прежнему пристально глядя на факельные огни в отдалении, и наконец сказала: — Разбудите меня, если что-нибудь изменится.

— Да, миледи.

Шона ушла, оставив Хагана наедине со вторым советником.

Даниор кашлянул.

— Если у вас нет ко мне никаких поручений, капитан, я бы тоже хотел пойти спать.

— На самом деле есть, советник. — Хаган повернулся к кирси. Он по-прежнему питал к нему неприязнь и даже не был уверен, что вполне ему доверяет. Но в данных обстоятельствах у капитана не оставалось выбора. — Я обещал герцогине находиться рядом с ней во время сражения и намерен выполнить свое обещание. Но вы тоже должны быть поблизости. Если со мной что-нибудь случится или если я буду слишком занят битвой, чтобы защитить герцогиню, а вы решите, что ей грозит опасность, вам придется вызвать туман и увести ее с поля боя.

Советник уставился на Хагана с нескрываемым изумлением; желтые глаза кирси слабо мерцали в свете кергских факелов, костлявое лицо придавало ему сходство с ястребом.

— Вас что-то смущает?

Мужчина помотал головой:

— Нет, ничего. Просто я не думал, что вы вообще доверите мне хоть какое-нибудь дело, не говоря уже об охране герцогини.

Хаган замялся, не зная толком, что сказать.

— Уверен, с вами она будет в безопасности.

— Благодарю вас, капитан. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

Хаган проводил взглядом кирси, поскакавшего в глубь лагеря, а потом занялся наблюдением за кентигернским войском и расстановкой часовых на ночь. Он не рассчитывал хорошо выспаться сегодня, но и не собирался самолично следить за противником до самого рассвета. Поэтому ему еще предстояло отдать ряд распоряжений. Хаган никогда не признался бы в этом герцогине — тем более сейчас, — но прежде он ни разу не водил войско в бой. Он свыше десяти лет тренировал кергских солдат и возглавлял небольшие отряды, которые выходили на Вересковые пустоши и прибрежные холмы, чтобы захватывать разбойничьи шайки. Но кергская армия уже более ста лет не участвовала в крупных сражениях.

Своей репутацией опытного воина, которой он пользовался во всех королевствах Прибрежных Земель, Хаган был обязан исключительно своим победам на турнирах, устраивавшихся в замках Эйбитара, Везирна и Сирисса. Он изучал искусство ведения боя почти всю жизнь. Он знал, как командовать войском. Но, в отличие от Андреаса и кентигернского капитана, Виллида Темстена, которые, по крайней мере, постоянно отражали набеги анейранцев, Хаган практически не имел опыта ведения настоящих боевых действий.

Он пытался убедить себя, что это не имеет значения, что Андреас и Виллид тоже уже много лет не воевали и солдаты обеих армий одинаково неопытны. Но он прекрасно понимал всю несостоятельность подобных доводов. Сейчас он отдал бы половину своего войска, лишь бы Яван находился рядом. Нет, герцог отнюдь не был опытнее капитана, но все же Хаган чувствовал бы себя гораздо спокойнее, полагаясь на чутье Явана, а не на свое собственное.

Отстояв на посту положенное время, капитан проехал между солдатами, краем глаза продолжая наблюдать за Кентигернским лесом, а потом улегся на свою влажную постель и попытался уснуть. Он не увидел больше никакого движения на позициях противника, да и не ожидал увидеть. Хагану не хотелось спать, но он понимал, что должен уснуть, что завтра утром будет сражаться лучше, если выспится.

Капитан думал, что не сомкнет глаз большую часть ночи, но почти сразу погрузился в глубокий сон и проснулся, только когда первый бледный свет дня забрезжил на востоке. Многие солдаты уже встали, как и герцогиня, которая разъезжала на коне по лагерю, приветствуя мужчин уверенной улыбкой и ободрятельными словами.

«Она подходит для этого дела лучше, чем я, — подумал Хаган, чувствуя приступ страха. — Это мне следовало бы подбадривать солдат».

Он поднялся на ноги и посмотрел в сторону леса. Во всех трех лагерях Андреаса наблюдалось оживленное движение, и капитан выругал себя за то, что спал так долго.

— Капитан!

— Да, миледи, — откликнулся капитан, отрывая взгляд от факелов кентигернского войска.

В слабом свете едва занявшейся зари герцогиня казалась усталой, словно совсем не спала ночью, и — несмотря на улыбку, предназначенную солдатам, — бледной и испуганной.

— Вы подумали, как расставить людей, чтобы успешно противостоять войску Андреаса?

Хаган кивнул. По крайней мере, это он сделал.

— Мы разделим отряд лучников на три части и две из них поставим по флангам, чтобы не дать противнику обойти нас с тыла. С третьей группой лучников мы пойдем в наступление. Я попробую нанести ощутимый удар по противнику еще до начала ближнего боя. Поскольку Андреас так далеко отошел от замка, чтобы встретить нас, вряд ли он станет ждать, когда мы первыми двинемся в атаку. Он не может пропустить нас — иначе потеряет свою крепость. Мы же, напротив, вполне можем занять оборонительную позицию. Покуда наши ряды не дрогнут, все будет в порядке.

Шона слабо улыбнулась.

— Мне придется положиться на вас, Хаган. Я в этом ничего не понимаю.

Капитан кивнул, ничего не отвечая, но спрашивая себя, заслуживает ли он доверия герцогини.

Несколько мгновений она выжидательно смотрела на него и наконец спросила:

— Наверное, нужно привести войско в боевую готовность?

— Да, конечно. Прошу прощения, миледи. Я... я еще толком не проснулся.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Вполне. — Он подошел к своему коню, стоявшему неподалеку, вскочил в седло и вместе с герцогиней вернулся к солдатам. Со всей возможной быстротой Хаган и лейтенанты построили людей во фронт длинными шеренгами, протянувшимися по широкой дуге; в соответствии с замыслом капитана, войско прикрывали с флангов два отряда лучников, окруженных меченосцами и копьеносцами.

Небо оставалось пасмурным. Они не видели солнца, всходившего у них за спиной, но ясно видели свет, медленно заливавший равнину, и столь же ясно слышали звуки «Марша Орлы», которые доносились со стороны неприятельского войска.

Солдаты Андреаса приготовились наступать тремя тесно построенными отрядами; средний отряд возглавлял сам герцог, грозно возвышавшийся на своем огромном коне, а другими двумя командовали Шерик и Виллид. Кентигернские солдаты пели все громче, но еще не начали двигаться к центру равнины. Хаган не понимал, почему они медлят.

Он оглянулся на своих солдат и увидел, что почти все смотрят на него. Почти все они были очень юными, не старше Ксавера — и у капитана болезненно сжалось сердце. Сколько из них останется в живых после сражения? Да, они владели оружием: он хорошо подготовил

своих людей. Но, увидев страх в их глазах, Хаган внезапно усомнился, что одного умения будет достаточно.

Он не сразу понял, что солдаты ждут от него каких-то слов. Охваченный смущением, Хаган взглянул на герцогиню и Даниора и увидел, что они тоже выжидательно смотрят на него. Только этого ему не хватало. Он никогда не отличался красноречием. Воодушевлять войско надлежало герцогу, а Хаган, несмотря на свое благородное происхождение, всю жизнь был простым воином.

Он прочистил горло и выкрикнул:

— Мы идем в бой за Керг!

Солдаты издали воинственный клич, хотя и не такой, который мог бы вселить страх в сердца людей Андреаса.

— Мы идем в бой за нашего герцога, который стал королем!

Они вновь выразили свое согласие громким криком.

— Но в первую очередь, — сказал Хаган, поворачиваясь к Шоне и извлекая меч из ножен, — мы идем в бой за нашу королеву. — Он дотронулся клинком до своего лба и поклонился герцогине.

На сей раз войско испустило оглушительный вопль, который прогремел над равниной подобно раскату грома.

Солдаты Андреаса тоже издали воинственный клич, словно отвечая на вызов, и через мгновение из центра кентигернского войска в небо взмыла одинокая стрела. Последнее эхо воинственных кличей стихло, и Хагану показалось, что все взгляды устремлены на стрелу, которая на миг зависла над равниной, прежде чем начать стремительное падение. А когда она вонзилась в землю между двумя станами, оба войска хлынули вперед, и воздух огласился хриплым ревом солдат и звоном мечей, извлекаемых из ножен.

ГЛАВА 28

Шоне казалось, что именно так чувствует себя человек, оказавшийся в центре смерча. В ушах у нее гудело от жутких воплей, перед глазами все плыло от мелькания рук, ног и сверкавших мечей, которые со свистом рассекали воздух, — и герцогиня уже плохо понимала, где она находится и где чьи солдаты. Взаимное истребление людей носило чудовищно стихийный характер. Это было не сражение — по крайней мере в понимании Шоны, — а ураган, сотканный из крови, боли и смерти. Ни о каких организованных действиях, ни о какой тактике боя не было и речи. Солдаты просто калечили и убивали друг друга, истекая кровью, от которой трава на равнине вскоре потемнела и стала скользкой. Это было безумие. Это было сумасшествие. Назвать происходившее иначе значило бы солгать.

Герцогиня сжимала в руке окровавленный меч. Держась рядом с Хаганом с первой минуты боя, она билась наравне со своими людьми, как бился бы Яван, и рубила налево-направо кентигернских пехотинцев, которые пытались стащить ее с коня. Она находилась так близко к Андреасу, что видела, как у него изо рта брызжет слюна, когда он выкрикивает команды. Герцог дрался, как демон Байана, с поразительным проворством разворачивая своего огромного коня то в одну, то в другую сторону и повергая наземь солдат Явана сокрушительными ударами меча, следовавшими один за другим.

Накануне вечером Шона сказала Хагану, что надеется своим присутствием на поле боя заставить Андреаса совершить ошибку. Но, похоже, появление герцогини только придало смелости Кентигерну и его людям. Они все разом бросились к ней, словно одна ее смерть являлась залогом победы. Всего через несколько минут — хотя они показались Шоне часами — войско Хагана дрогнуло под мощным натиском неприятеля, и капитан крикнул ей, чтобы она уходила.

Герцогиня попыталась пробиться в задние ряды своего войска, по-прежнему рубя мечом набрасывавшихся на нее кентигернских солдат. Но пути к отступлению не было. Над ее головой свистели стрелы, и еще несколько человек устремились к ней.

«Я погибну здесь», — подумала Шона, и страх сжал ей сердце, словно когтистая лапа.

Но в этот миг позади нее раздался на удивление спокойный голос:

— Сюда, миледи.

Шона обернулась и увидела рядом Даниора, на бледных губах которого играла ободряющая улыбка. Он указал рукой на маленькую брешь в толпе бившихся солдат, и герцогиню мгновенно окутал туман — холодный, как дождь, и непроницаемый, как кольчуга. Она еще видела советника, но больше почти ничего. Даже крики мужчин и лязг мечей зазвучали тише, приглушенные облаком, которое вызвал кирси.

— Следуйте за мной, — сказал Даниор. — И не отставайте.

Герцогиня заколебалась, пытаясь рассмотреть Хагана сквозь клубившуюся туманную пелену. Она не хотела покидать капитана, хотя понимала, что в сражении она не принесет никакой пользы, а скорее поставит под удар все дело.

— Прошу вас, миледи.

— Да, сейчас.

И все же Шона медлила. Она словно воочию видела кергского капитана в самой гуще сражения, неистово размахивающего мечом, который расплывался в воздухе сплошным пятном сверкающей стали и алой крови. Хаган уступал Андреасу в росте, весе и мускульной силе, но он был проворнее герцога и наверняка умнее. Однажды, много лет назад, Яван сказал Шоне, что он всегда обменяет силу на ловкость и сообразительность, если дело дойдет до битвы.

— Герцогиня, нам нельзя медлить!

На сей раз она прищипорила своего коня и последовала за кирси. На их пути оказалось скопление людей, сошедшихся в яростной схватке, и советник быстро лавировал между ними, стараясь оставаться незамеченным. При виде Шоны несколько кентигернских солдат предприняли попытку напасть на нее, но люди Керга остановили их. Когда один из солдат все же сумел схватить герцогиню за ногу и попытался стащить с коня, она сплеча рубанула его мечом. Мужчина взвыл от боли, и герцогиня ускакала вперед на безопасное расстояние.

Как только они с советником миновали последние ряды кергского войска, вызванный Даниором туман начал рассеиваться, и вскоре Шона получила возможность снова наблюдать за битвой. С поля брани по-прежнему доносились воинственные кличи, а также стоны раненых и умиравших. Но с такого расстояния было трудно судить о ходе сражения.

— Мы берем верх? — спросила она советника, не сводя глаз с равнины.

— Не знаю, миледи. Похоже, Кентигерн теснит наш центр, но, мне кажется, наши фланги успешно держат оборону.

Шона не была уверена в этом. Ей следовало остаться там, на поле боя. Это было ее войско. С самого начала похода она не раз говорила это — не только Хагану, но и Андреасу. И вот теперь она скрывалась в тылу своей армии, ожидая победы или поражения, к которым она не будет иметь никакого отношения. Шона отдала бы все на свете, только бы сейчас рядом с ней находился Яван.

«Он бы сражался плечом к плечу с Хаганом, как должна сражаться и ты», — подумала она.

— Мне следует вернуться туда.

— Вас убьют, миледи. И десятки солдат погибнут, пытаясь защитить вас.

Раздраженная справедливостью слов советника, она прикусила язык, чтобы не произнести ругательство, которое привело бы в ужас ее мужа.

— Прошу прощения, миледи, — спокойно сказал он.

Шона помотала головой, на мгновение закрыв глаза.

— Вам нет нужды извиняться, Даниор. Вы просто сказали то, что я и без вас знаю. — Она посмотрела на кирси и через силу улыбнулась. — Вы спасли мне жизнь, и я благодарю вас.

— Меньшего герцог и не ждал бы от меня. Он требует... — Кирси осекся; глаза у него расширились, а бледное худое лицо побледнело еще сильнее. — Гром и молния! —

прошептал он.

Шона обернулась, и у нее мучительно заныло под ложечкой. С востока к полю боя приближалась длинная колонна солдат, следовавшая берегом реки. Впереди войска развевалось знамя: черно-серебряное, с красным и белым. Волк и луны. Глендивр.

Яван никогда не враждовал с Керни, но они никогда и не дружили. С другой стороны, отец Керни всегда состоял в союзе с домом Кентигернов.

— Сейчас начнется резня, — проговорила Шона. — У Хагана нет ни малейшего шанса.

— Прикажете вызвать тум...

Герцогиня не дослушала советника. Пришпорив своего коня, она помчалась во весь опор навстречу глендиврскому войску; ее золотистые волосы распустились и теперь развевались у нее за спиной. Возможно, она и не была воином, но она крепко сидела в седле — и знала, что сумеет доскакать до Керни прежде, чем он вступит в битву. Шона еще не знала, что она скажет или сделает, когда предстанет перед герцогом, но сейчас ей нужно было только добраться до него — все остальное не имело значения. Она слышала за спиной крики Даниора, призывавшего ее вернуться, но даже не оглянулась.

Только приблизившись к глендиврскому войску, Шона увидела Керни в совершенно неожиданном окружении. Герцога сопровождали два кирси и еще один человек, казавшийся до боли знакомым.

Она резко остановила своего коня, и внезапно руки у нее затряслись так сильно, что она выронила меч. Тавис. Рядом с Керни ехал Тавис.

Герцог направлялся к Шоне, вместе с двумя кирси, ее сыном и еще одним мужчиной — по всей видимости, глендиврским капитаном.

Тавис подскакал к ней первым и спрыгнул со своего коня, прежде чем тот остановился. Спешившись, Шона подбежала к сыну, заключила его в объятия и уткнулась лицом ему в плечо, сотрясаясь от рыданий. Наконец она отстранилась и сквозь слезы посмотрела на Тависа. Все лицо его было в шрамах, словно он уже побывал в сражении. У него дрогнули губы, и он на миг отвел глаза в сторону; по щекам мальчика тоже текли слезы. Шона не могла представить себе, что довелось вынести сыну. При одной мысли об этом у нее болезненно сжалось сердце.

— Ты... как ты?

— Нормально для человека в моем положении.

Герцогиня открыла рот, но тут же снова закрыла, не зная, как задать вопрос, мучивший ее больше всего. Но похоже, в словах не было необходимости.

— Я не убивал Бриенну, мама. Даю слово Кергов.

Она снова обняла сына.

— Я тебе верю.

Шона действительно верила, хотя только сейчас, когда чувство облегчения теплой волной накрыло на нее, она поняла, как сильно сомневалась в невиновности Тависа.

— Почему ты здесь? — спросила она через мгновение, снова отстраняясь от него. — Почему ты с Керни?

Тавис потряс головой.

— Трудно сразу все объяснить. Достаточно сказать, что герцог предоставил мне убежище.

— Убежище? — Шона посмотрела на Керни, остановившего своего коня в нескольких шагах от них. — Вы предоставили Тавису убежище, а потом привезли сюда?

— Мама...

Она подняла руку, повелевая мальчику замолчать.

— В чем дело, Керни? Вы играете жизнью моего сына?

— Едва ли, миледи, — сказал герцог. Он был красивым мужчиной; его молодое лицо никак не сочеталось с седыми волосами, даже сейчас, когда оно хранило серьезное выражение. — Лорд Тавис здесь по собственной воле — и по настоянию своего товарища.

— Товарища?

— Это я, миледи, — сказал один из кирси.

До этой минуты Шона не обращала на него внимания, но теперь, внимательно посмотрев на мужчину, она увидела, что он отличается от всех представителей племени волшебников, которых ей доводилось встречать. Высокий, мускулистый и широкоплечий, он походил скорее на солдата, чем на советника. Как и у всех кирси, у него были желтые глаза и бледная кожа, но они придавали мужчине внушительный, даже грозный вид, а вовсе не болезненный, характерный для кирси. Свои длинные волосы он носил распущенными, и сейчас они развевались на ветру.

— Кто вы такой? — спросила герцогиня.

— Меня зовут Гринса джал Арриет. Я ярмарочный предсказатель.

— А каким образом вы... — Она осеклась, изумленно уставившись на него. — Предсказатель? Не вы ли присутствовали при Посвящении Тависа?

— Я, миледи.

Кирси перевел глаза вдаль, и на мгновение герцогине показалось, что он не хочет встречаться с ней взглядом.

— Какую роль вы сыграли в событиях, случившихся с моим сыном?

— Я с радостью отвечу вам, миледи. Позже. Но сейчас у меня на глазах умирают люди. Думаю, пора остановить битву.

Вспомнив о сражении, Шона обернулась и посмотрела на поле боя. У нее путались мысли. Тавис, война, Яван. Слишком много всего. Конечно, надо было что-то предпринять. Ей следовало помнить о погибавших солдатах и без этого странного кирси.

Похоже, солдаты Кентигерна и Керга еще не заметили глендиврское войско, поглощенные кровопролитным сражением.

Шона подняла с земли свой меч и вскочила в седло. Тавис тоже сел на коня.

Керни подъехал к герцогине и устремил взгляд на равнину.

— Как нам остановить их?

— Может, ввести в бой ваше войско? — предложила она.

— Нет, — сказал кирси. — Так только прольется больше крови.

Шона прищурившись разглядывала мужчину. В нем чувствовалась сила, вызывавшая у нее уважение. Она не сомневалась, что он не тот, за кого себя выдает. Безусловно, простой ярмарочный предсказатель не стал бы разговаривать таким тоном.

— Тогда что? — спросил Керни.

— Ветер. — На сей раз голос подала женщина-кирси. Она была столь же привлекательна, сколь Гринса внушителен. Волосы у нее были заплетены в две косы, и она была в кольчуге и при мече, который выглядел несколько нелепо на поясе столь хрупкой и изящной женщины. С другой стороны, ростом и телосложением она не отличалась от Шоны. «Неужели я тоже так выгляжу?» — подумала герцогиня.

— Мой первый советник, — сказал Керни, бросив быстрый взгляд на Шону. — Объяснитесь, Кезия. Зачем нам ветер?

— Чтобы привлечь их внимание. Возможно, больше нам ничего и не понадобится.

Глендивр кивнул:

— Начинайте.

Женщина быстро взглянула на предсказателя, а потом закрыла глаза и глубоко вздохнула. Сперва ничего не произошло — над равниной лишь воцарилось противоестественное безмолвие, и Шоне на миг показалось, что в мире стихли все звуки, кроме лязга стали и криков раненых солдат. Однако в следующую минуту воздух вокруг пришел в движение, словно сама Морна взмахнула рукой над тремя войсками. Ветер быстро крепчал и скоро превратился в ураган, который с воем понесся над равниной. Волосы у Шоны отчаянно трепетали за спиной, и ее конь попятился под мощным напором ветра.

Через несколько секунд он достиг двух войск, налетев на солдат с такой силой, что они волей-неволей отвлеклись от битвы, чтобы посмотреть в сторону, откуда налетела буря. При виде знамени Глендивра многие кентигернские солдаты испустили торжествующий вопль.

Но Андреас и Хаган неподвижно сидели на своих конях, пристально глядя друг на друга, словно каждый пытался угадать намерения другого.

— Все в порядке, Кезия! — прокричал Керни, стараясь перекрыть рев урагана. — Достаточно!

Почти сразу ветер начал слабеть. Женщина открыла глаза и снова взглянула на предсказателя, еле заметно улыбнувшись.

Андреас прокричал приказ своим людям, и хотя Шона не разобрала слов, по тону герцога она предположила, что сейчас войска возобновят сражение. Однако солдаты обеих армий опустили свои мечи.

Андреас направился к ним, и мгновение спустя его нагнал кентигернский первый советник. Хаган следовал сразу за ними. Все они вложили мечи в ножны, но при виде Тависа герцог вновь обнажил меч и ударил коня пятками по бокам.

Глендивр поскакал навстречу Кентигерну, тоже выхватив свой меч из ножен.

— Прочь с дороги, Керни! — крикнул Андреас, когда герцог Глендиврский приблизился. — Я ничего против вас не имею. Мне нужен мальчишка.

— Ни шагу дальше, Андреас. Сейчас лорд Тавис находится под моей защитой.

Кентигерн резко остановил коня, и его лицо исказилось от гнева и удивления.

— Что?

— Я предоставил лорду Тавису убежище. Пока не выяснились все обстоятельства дела, любым действием, направленным против него, вы навлекаете на себя месть дома Глендивров.

С минуту Андреас яростно смотрел на герцога, медленно багровея. Наконец он поднял над головой меч и привстал на стремях.

— Да будет так.

— Гершон! — отрывисто произнес Керни.

Гершону потребовалось лишь взмахнуть рукой, и в тот же миг рядом с герцогом Глендиврским появились шесть лучников, которые держали наготове луки с натянутыми тетивами.

— Дом Кентигернов уже понес тяжелую потерю, Андреас. Не вынуждайте меня отнимать у него еще и герцога.

— Чтоб вас Байан обрек огню! — проревел огромный герцог. — Почему вы защищаете мальчишку? После зверского убийства моей дочери...

— Он утверждает, что невиновен.

— А в Кентигерне есть шлюхи, которые утверждают, что они девственницы!

— Вы пытали мальчика, но он все равно не сознался. Разве это ни о чем не говорит?

Шона взглянула на сына и снова содрогнулась при виде ужасных шрамов на его лице. К чести Тависа, он стойко выдерживал свирепый взгляд Андреаса. Он сидел в седле прямо, бледный, но спокойный. Она всегда считала своего сына красивым, но шрамы, оставшиеся после пыток Кентигерна, все изменили. Он не казался старым, его кожа по-прежнему оставалась гладкой, и у него еще даже не начала пробиваться растительность на подбородке. Но он уже никогда не будет выглядеть молодым.

— Это говорит мне только о том, — сказал Андреас, — что вы гораздо глупее, чем я думал.

Глендиврский капитан открыл было рот, но седовласый герцог быстро помотал головой, останавливая его.

— Возможно, вы правы, и я действительно глуп. Но я не позволю вам уничтожить королевство.

— Неужели вы думаете, что сможете противостоять моему войску, Керни? Если я захочу забрать у вас мальчишку — неужели вы думаете, что сможете остановить меня?

— Сможет, если кергские солдаты будут сражаться на его стороне, — сказала Шона, выдерживая испепеляющий взгляд Андреаса. — Если вы выступите против Глендивра, наши два дома возьмут верх над вами.

— Лорд Кентигерн, — начал Тавис.

Но Андреас вытянул вперед свой меч, направив острие клинка прямо в сердце молодого лорда.

— Ни слова больше, мальчишка, — прорычал он, трясая головой. — Ни слова — иначе, клянусь, я зарублю тебя на месте. Пусть они убьют меня, коли пожелают. Лучше умереть, обогрив клинок твоей кровью, чем жить, зная, что ты на свободе.

— Андреас...

— Как вы могли пойти на такое, Керни? Подумайте о союзе, скрепленном нашими отцами? Неужели это ничего не значит для вас?

— Напротив, это значит для меня очень многое. Но мальчик...

— Он убийца! Разрази вас гром, приятель! Неужели вы не понимаете? Он убил мою дочь. Я видел кровь Бриенны на его руках и одежде. Я видел его кинжал в ее... — У Андреаса прервался голос, и все его тело сотряслось от рыданий. Он крепко зажмурился, слезы стекали у него по щекам в рыжую бороду. Шона видела, как он скрежещет зубами в мучительной попытке сохранить самообладание.

Никто не произнес ни слова. Керни и предсказатель смотрели в землю. Даже у Тависа хватило ума отвести глаза в сторону. Шона взглянула на Хагана, который еле заметно потряс головой. Она все понимала. Больше всего на свете она хотела возненавидеть Андреаса. Он пытал ее сына, он заключил в тюрьму ее мужа и вынудил ее начать войну, которой она не хотела. Но она сама однажды потеряла ребенка и до сих пор помнила свое горе так живо, что слезы наворачивались на глаза. Да, ребенок умер вскоре после рождения, но от этого ее боль не стала меньше. Шона даже не могла представить себе, как страдали Андреас и Иоанна с самого дня смерти Бриенны. «Если вдруг выяснится, что Тавис виновен, — подумала она, — я сама прикажу повесить его».

— Мне следовало убить мальчишку, когда у меня была такая возможность, — наконец проговорил Андреас хриплым голосом.

— Тогда вы убили бы невиновного, — сказал предсказатель.

Андреас подозрительно уставился на кирси.

— А ты кто такой?

— Друг лорда Тависа — и ваш друг, хотя вы вряд ли верите в это.

Глаза герцога расширились.

— Это ведь ты освободил мальчишку, верно? Ты и есть тот самый ублюдок, который вытащил его из моей темницы!

— Да, я помог молодому лорду бежать из Кентигерна.

Губы Андреаса скривились в злобещей улыбке.

— Уж тебя-то я точно могу убить.

— Довольно, Андреас! — сказал Керни. — Если понадобится, я предоставлю убежище и ему тоже. Но с разговорами о мести следует покончить.

Кентигерн недоверчиво потряс головой.

— Теперь вы защищаете еще и кирси? Это заговор, да? До меня доходили слухи о заговоре. Но я никак не думал, что в нем участвуете вы, Керни.

— Слухи, доходившие до вас, соответствуют действительности, — сказал Гринса. — В Прибрежных Землях набирает силу движение кирси, которое преследует цель отнять у инди власть в Брэдоне и шести королевствах. Мне кажется, ваша дочь пала жертвой заговора. Но герцог Глендиврский имеет к нему не больше отношения, чем к магии, — и то же самое можно сказать о лорде Тависе. На самом деле я думаю, что он тоже стал жертвой движения кирси.

— Мальчишка? Глупости!

— Вы так полагаете? Есть ли лучший способ ослабить власть инди в Эйбитаре, чем ввергнуть страну в междоусобную войну? И есть ли лучший способ разжечь войну, чем натравить друг на друга два самых сильных дома страны и посеять смертельную вражду между ними?

— Значит, вы считаете, что Бриенну убили кирси? — спросила Шона. — А потом обставили все таким образом, чтобы подозрение пало на Тависа?

— Я считаю, что кирси заплатили наемному убийце. Больше я ни в чем не уверен.

Тавис открыл рот, но предсказатель сурово посмотрел на него и помотал головой. Шоне хотелось знать, что думает сын, но она доверяла Гринсе и не собиралась продолжать разговор на эту тему, если он приказывал мальчику молчать. Если заговор действительно существовал (при одном упоминании о такой возможности она похолодела от ужаса), любой из присутствующих мог оказаться участником одного.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил Андреас, пристально глядя на своего первого советника.

Мужчина легко пожал плечами.

— До всех нас доходили подобные слухи. Это не новость. Но я не замечал никаких признаков существования такого движения в Кентигерне, и я не верю, что шайка кирси могла незаметно проникнуть в замок, чтобы убить леди Бриенну и бросить подозрение на мальчика.

— Я склонен согласиться с вами.

— Несомненно, — подала голос женщина по имени Кезия. — А два месяца назад вы сказали бы то же самое, если бы вас спросили, может ли человек убежать из вашей темницы.

Андреас покраснел.

— Оба наших дома пострадали, Андреас. — Шона говорила таким мягким тоном, словно обращалась к испуганному ребенку. — Хотя я не стану отрицать, что Кентигерн понес гораздо более тяжелую утрату, чем мы. Но если есть хоть ничтожная вероятность существования заговора, не должны ли мы — ради безопасности королевства — разобраться в деле поосновательнее, прежде чем пытаться уничтожить друг друга?

— Вы все просто хотите, чтобы я отпустил мальчишку и забыл картину, представшую моим глазам наутро после убийства Бриенны, да? — Андреас потряс головой. — Вы все сумасшедшие.

— У вас нет выбора, Андреас, — сказал Керни. — Если только вы не готовы вступить в войну с двумя домами: моим и Явана.

— Кентигернские герцоги никогда вам этого не забудут, Глендивр. Еще долго после моей смерти мои подданные будут проклинять вас, как сейчас проклинали Керга, за один ваш сегодняшний поступок.

— Мне очень жаль, Андреас. Я обещал мальчику покровительство. Я действительно не хотел оскорбить вас или ваших подданных.

— Вы предпочли Керга Кентигерну!

— Я предпочел мир войне и сделал бы это снова без колебаний! Но я знаю одно. — Керни на мгновение умолк и посмотрел на Шону. — Если выяснится, что Тавис виновен, я самолично возвращу его в кентигернскую тюрьму. Глендивр не укрывает убийц.

Герцогиня бросила взгляд на Тависа, и он коротко кивнул.

— Я вас понимаю, господин герцог, — сказала она. — Я благодарю вас за услугу, оказанную моему сыну, и принимаю ваши условия.

Керни кивнул, а потом повернулся к Андреасу.

— Лорд Кентигерн?

— Как вы сказали, Керни, — проворчал герцог, не глядя ни на кого из них, — мне остается только начать войну с двумя вашими домами. — Через несколько секунд он поднял глаза и посмотрел на Тависа волком. — Если вам угодно укрывать этого демона в своем замке, пожалуйста. Но если у вас осталась хоть капля здравого смысла, вы сгноите мальчишку в темнице.

— Значит ли это, что войну можно считать законченной? — осведомилась Шона. — Вы отпустите моего мужа?

С минуту Андреас колебался, стискивая эфес с такой силой, что костяшки пальцев у него стали белыми, как волосы кирси.

— Да, — наконец сказал он. — Я отпущу Явана. Но я не позволю ему вступить на престол.

Хаган обнажил свой меч.

— Тогда войны все равно не избежать.

Герцог развернул своего коня и стал прямо напротив капитана.

— Значит, будет война, Маркуллет. Но я не позволю дому лжецов и убийц править страной.

— А я не позволю человеку, движимому слепой жаждой мести, нарушить Законы Престолонаследия.

— Эта война закончена! — Пришпорив коня, Керни немного проехал вперед и встал между двумя мужчинами. — Если понадобится, между вами двумя встанет все мое войско. Но я не позволю вам уничтожить королевство. — Он указал на предсказателя. — Разве вы не слышали, что он сказал? Разве вы не понимаете, что война ослабит нас?

Ни один из них еще не успел ответить, когда с поля брани донесся громкий крик. Шона резко повернулась, ожидая увидеть, что войска возобновили сражение. Однако вместо этого она увидела нескольких солдат, кергских и кентигернских, которые бежали к ним. Впереди скакал Виллид, капитан Андреаса. Все они показывали руками в сторону Кентигернского леса.

Посмотрев туда, герцогиня мгновенно увидела, что встревожило солдат. Низкие тяжелые облака, заволакивавшие небо последние несколько дней, сегодня утром поднялись. Они еще не рассеялись полностью и по-прежнему закрывали солнце, но угроза дождя миновала, и там, где обзору не мешали деревья, горизонт был ясно виден. Однако на юге небо оставалось темным, и легкий туман, висевший над лесом накануне вечером, сменился серой пеленой дыма. За лесом что-то горело.

— Я чувствую запах гари.

Герцогиня поняла, что произнесла эти слова вслух, только когда Хаган посмотрел на нее и кивнул.

— Может, просто лес горит, — предположил Керни.

— Или мой замок, — проговорил Андреас, угрюмо глядя вдаль. Он перевел взгляд на Хагана. — Ваших рук дело?

— Нет, клянусь перед лицом всех богов. Все наше войско находится либо здесь, либо в Кергском замке.

Андреас повернулся к Глендивру.

— Керни?

— У меня нет причин нападать на крепость, Андреас. Думаю, вы сами это понимаете.

Тут к ним подскакал Виллид, запыхавшийся, с вытаращенными глазами.

— Это анейранцы, милорд! Вероятно, Мертесс. Готов поспорить на все свои деньги, до последнего кинда.

— Наверное, аиейранские лазутчики видели, как вы покинули город, — сказал Хаган.

Андреас кивнул:

— Похоже на то.

— Не стоит спешить с выводами, — сказал кентигернский первый советник. — Как говорит лорд Глендивр, возможно, это просто горит лес или равнина к востоку от холма.

— После трех дней проливного дождя? — спросил Хаган. — С трудом верится.

С каждой минутой небо темнело все сильнее, и запах дыма становился все удушливее.

— Он прав, Шерик, — сказал Андреас. — Это горит не лес и не равнина. Мне надо вернуться с войском к замку.

— Вы позволите мне присоединиться к вам, милорд? — спросил Керни. — Вам предстоит неблизкий путь, и, возможно, анейранцы уже возьмут крепость к тому времени, когда вы доберетесь до холма. Второе войско даст вам необходимое преимущество над противником.

Кентигерн глубоко вздохнул и кивнул.

— Благодарю вас.

— Мы тоже присоединимся к вам, если вы позволите, — сказала Шона. — Да, еще на рассвете мы с вами были врагами, но все мы — подданные Эйбитара и почтем за великую честь для себя выступить вместе с вами против анейранцев. «И мой муж сидит в твоей тюрьме».

У герцога скривились губы, словно одна мысль о совместном походе вместе с кергским войском вызывала у него отвращение. Но через мгновение он снова кивнул. Потом Андреас повернулся к Тавису, и его лицо приняло ожесточенное выражение.

— Полагаю, ты тоже поедешь с нами?

Мальчик метнул взгляд сначала на Шону, потом на предсказателя. Ни один из них не пошевелился и не произнес ни слова.

— Да, милорд, — сказал наконец Тавис. — Я готов защищать Кентигерн до последней капли крови.

— Отлично. — Андреас отвернулся, но сразу же вновь посмотрел на молодого лорда. — Только держись от меня подальше, парень. Если ты окажешься в пределах досягаемости моего меча, клянусь, я убью тебя на месте — мне плевать на покровительство Глендивра.

Он резко развернул коня и поскакал обратно к своему войску, не дожидаясь ответа. Шерик и Виллид последовали за ним, ничего не сказав.

Герцогиня и остальные в неловком молчании провожали их взглядами.

— Я не убивал Бриенну, — повторил Тавис. Он смотрел на Шону, но она понимала, что слова обращены ко всем присутствующим.

— Я тебе верю, Тавис. Я уже говорила.

Он кивнул, продолжая смотреть вслед Андреасу.

— Я знаю. Но иногда мне кажется, что придется доказывать свою невиновность до последнего дня жизни.

— Вы сумели убедить герцога, — сказал Хаган, кивая в сторону Керни. — И предсказателя тоже. Для меня этого вполне достаточно.

Впервые с момента встречи с сыном Шона увидела улыбку на лице мальчика.

— Спасибо, Хаган, — сказал Тавис. — Вы с Ксавером оказались гораздо лучшими друзьями, чем я заслуживаю.

— Самое время понять это, парень. — Хаган смягчил свои суровые слова широкой улыбкой. Он повернулся к герцогине. — Я подготавливаю людей к походу.

— А как же убитые? — Улыбка на лице герцогини погасла. — Неужели мы бросим их здесь?

— Вы предложили Кентигерну нашу помощь, миледи. Если мы действительно хотим помочь Андреасу, нам нужно выступить безотлагательно.

Она кивнула, признавая правоту капитана.

— Хорошо. Подготовьте солдат. «Да простит нас Орла».

Шона снова повернулась к Тавису и улыбнулась.

— Ты поедешь со мной?

— Это было бы неблагоразумно, миледи, — сказал Гринса, не давая мальчику ответить. — Он находится под покровительством лорда Глендивра и потому должен ехать под знаменем герцога. Если Тавис возглавит кергское войско, это может быть воспринято как вызов. Вдобавок это опасно.

У герцогини отхлынула кровь от лица. Она очень хотела, чтобы все это закончилось. Но даже сейчас, когда армии Керга и Кентигерна готовились сражаться плечом к плечу, никто из них не мог чувствовать себя в безопасности.

— Все в порядке, мама, — сказал Тавис, хотя Шона увидела выражение боли в темных глазах мальчика. — В обществе лорда Глендивра и предсказателя мне ничего не грозит.

Она натянуто улыбнулась.

— Разумеется.

Они еще с минуту стояли на месте, глядя друг на друга. Шоне хотелось обнять сына и прижать к своей груди, как в детстве. Похоже, он чувствовал такое же желание. Но то время казалось бесконечно далеким.

— Мы будем рады, если вы поедете с нами, миледи, — сказал Керни. — Если вы ничего не имеете против того, чтобы ехать под знаменем Глендивра.

— Благодарю вас, лорд Глендивр. Разумеется, я ничего не имею против. Я считаю, что мне подобает самой увести кергское войско с поля сражения. Но, как только мы двинемся в путь, я почту за великую честь для себя присоединиться к вам.

Керни улыбнулся:

— Тем самым вы окажете честь нам, миледи.

Шона наклонила голову в знак благодарности. Она в последний раз взглянула на сына, пытаясь найти какие-нибудь слова. Но в конце концов просто повернулась и поскакала вслед за Хаганом к кергским солдатам.

Дым по-прежнему заволакивал небо на юге, и серая пелена теперь нависала не только над лесом, но и над равниной.

Войско Андреаса собралось на опушке Кентигернского леса, а Хаган выстроил своих людей на ближнем краю залитого кровью поля. Между двумя войсками лежали тела убитых, разбросанные по равнине, словно сломанные игрушки избалованного ребенка. Пара канюков уже кружила над ними. Несколько ворон опустились на землю неподалеку и вприпрыжку ходили неуклонно сужавшимися кругами вокруг мертвых, словно собираясь с духом, чтобы начать пир.

Эти люди заслуживали лучшей участи, но горевшие за лесом огни не оставляли Шоне иного выхода, кроме как бросить убитых здесь. Возможно, уже сейчас Яван сражался не на жизнь, а на смерть. Они не могли терять ни минуты.

— Будь милосерден к ним, Байан, — прошептала герцогиня, поворачиваясь спиной к полю сражения. — Милосерднее, чем были мы.

ГЛАВА 29

Кентигерн, Эйбитар

Когда с западной башни наружной стены крепости донесся первый крик часовых, Ксавер спал. Поначалу он подумал, что ему снова снится ночь убийства Бриенны, когда его разбудили голоса кентигернских стражников и громкий стук в дверь молодого лорда. Но поскольку крики продолжались, Ксавер с трудом разлепил веки и увидел, что комната залита оранжевым светом сторожевых огней, горевших на крепостных башнях. На мгновение он испугался, что Андреас уже поймал Тависа и вернулся.

— На замок совершено нападение.

Ксавер повернулся к Фотиру, решив, что эти слова произнес советник. Но кирси смотрел в сторону двери.

— Вы что-то сказали, милорд? — громко спросил Фотир.

— Да, — ответил герцог.

Яван уже поднялся с постели и смотрел в коридор сквозь маленькое зарешеченное окошко в двери; глаза герцога мерцали в свете факелов.

— Я сказал, что на замок совершено нападение.

— Откуда вам знать? — раздался в ответ испуганный, ужасно молодой голос одного из стражников.

— Прислушайся к крикам своих товарищей, приятель! Посмотри на сторожевые огни! Что еще это может быть?

— Наш герцог выступил навстречу кергской армии. Он не мог потерпеть поражение, а даже если и потерпел, ваше войско не могло оказаться здесь так скоро.

Яван закрыл глаза, словно подавляя желание обругать охранника.

— На замок напал не Керг. Это анейранцы; вероятно, Мертесс.

— Не может быть. — Однако голос стражника звучал неуверенно.

— Наверное, мне стоит сходить выяснить, в чем дело, — тихо сказал его товарищ.

Стражник настороженно взглянул на Явана, но через мгновение кивнул.

— Если вы правы, милорд, — сказал Фотир, — и если Мертесс найдет вас здесь, он вас казнит. Насколько анейранцам известно, вы — король Эйбитара.

Герцог легко пожал плечами.

— Вполне возможно. Но это Кентигернский замок, первый советник. Даже в отсутствие Андреаса и большей части его войска штурм вряд ли увенчается успехом.

— И что нам делать? — спросил Ксавер.

— Мы ничего не можем поделать, господин Маркуллет. Во всяком случае, если наш друг не пожелает выпустить нас из камер.

Стражник нахмурился и отвел глаза; герцог довольно ухмыльнулся.

Через несколько минут вернулся второй мужчина, запыхавшийся и покрасневший.

— Он прав, — проговорил он, кивая на дверь Явана. — Это анейранцы. Они все еще у реки, строят осадные орудия. Но, похоже, они готовятся к штурму.

— И что нам делать, спрашивается?

Мужчина махнул рукой в сторону камер:

— Оставайся здесь и охраняй узников — по крайней мере пока.

Несколько бесконечно долгих минут они стояли на месте и напряженно прислушивались ко всем звукам, пытаясь понять, что происходит за крепостными стенами. Потом Ксавер подошел к окну и посмотрел вниз. Кентигернские солдаты сновали взад-вперед по наружному двору — несомненно, готовясь к предстоящему штурму. Но Ксавер не понимал, что они делают. Казалось, ничто не свидетельствовало о близости анейранцев. В конце концов мальчик снова вернулся к двери.

— Вся беда в том, что здесь нет Андреаса, — внезапно сказал Яван, словно продолжая начатый ранее разговор. — Для защиты столь хорошо укрепленного замка не требуется много людей. На самом деле, когда солдат слишком много, в осажденной крепости может возникнуть неразбериха и сумятица. Но без опытного командира солдаты зачастую совершают ошибки. Если замок падет, то по этой причине. — Он взглянул на стражников. — Кто командует гарнизоном сейчас?

Двое мужчин переглянулись, словно не зная, отвечать на вопрос или нет.

— Начальник ночного караула, — наконец сказал один из них.

Яван помотал головой:

— Нет, я спрашивал про того, кто отвечает за оборону крепости, а не того, кто надзирает за часовыми сегодня ночью.

— Начальник ночного караула, — повторил стражник. — Он является также вторым капитаном герцогского войска. — Мужчина снова бросил взгляд на своего товарища и судорожно сглотнул. — Он хороший солдат и опытный воин.

Герцог открыл было рот, но тут от западной стены крепости донесся еще один крик. Через несколько секунд крик повторился, а потом донесся опять.

— Командир лучников, — сказал Яван. — По-видимому, Мертесс приближается к западным воротам.

Ксавер нервно потер руки, надеясь, что первый советник не заметит, как они дрожат. Несмотря на уверенность герцога в неприступности Кентигернской крепости, мальчику совсем не нравилось сидеть взаперти в тюремной камере во время осады.

— Ты уверен, что нам следует оставаться здесь? — спросил один из стражников.

Второй кивнул, но не произнес ни слова.

Командир лучников продолжал громко отдавать команды через равные промежутки времени, а вскоре к его голосу присоединились другие, которые тоже отрывисто выкрикивали приказы. Ксавер всмотрелся в лицо герцога, пытаясь понять, встревожен он происходящим или нет. Яван напряженно прислушивался к звукам сражения, но казался спокойным.

По крайней мере, до тех пор, пока замок внезапно не сотряс тяжелый удар, похожий на подземный толчок. Через несколько секунд последовал второй удар, потом еще один и еще.

Яван нахмурился.

— Это таран. Вероятно, они пытаются разрушить подъемный мост.

Секундой позже крепость сотряслась от удара иного рода, не такого мощного, как таранный, но более резкого. За ним последовали еще несколько, а вместе с ними раздались пронзительные крики боли.

— Камнеметы? — спросил Фотир.

Яван кивнул:

— Похоже. Мертесс не жалеет сил.

Они вновь погрузились в молчание, прислушиваясь к тяжелым ударам камней о крепостные стены и мерному грохоту тарана, бившего в подъемный мост. В камеру вползал темный едкий дым; до них доносились истошные хриплые вопли раненых. За стенами замка умирали люди, и Ксавер задавался вопросом, сколько еще продержатся оборонительные сооружения, прежде чем неприятель сокрушит их.

Они сразу поняли, когда рухнул подъемный мост. Замок в последний раз содрогнулся от мощного удара, и анейранские солдаты испустили оглушительный воинственный клич. Ксавер судорожно вздохнул и стиснул зубы, борясь с приступом тошноты.

— Не падайте духом, господин Маркуллет, — сказал герцог. — Мост — лишь первое укрепление на пути анейранцев, и притом самое слабое. У Тарбинских ворот Кентигернской крепости несколько опускаемых решеток и неприступная дверь, которая остановит саму Орлу.

— Да, милорд, — слабым голосом проговорил Ксавер. — Простите меня. Я еще никогда не видел штурма крепости.

— Вам нет нужды извиняться. Я видел куда более закаленных мужчин, которые теряли самообладание в подобных обстоятельствах. — Яван бросил взгляд на стражников. — На самом деле, как мне кажется, не вы один здесь нервничаете. Эти двое...

Замок снова сотрясся, даже еще сильнее, чем прежде. Яван покачал головой и нахмурился.

— Это мне не нравится.

Еще один мощный удар — и ликующие вопли анейранцев.

— Не может быть! — выдохнул герцог. — Что-то здесь неладно. Эта дверь должна была выдерживать натиск несколько часов, если не больше.

Через пару минут еще три удара сотрясли замок, и снова мертесские солдаты радостно взревели.

— Ничего не понимаю, — проговорил Яван.

Стражники побледнели, и после очередного победоносного вопля анейранцев один из них покинул пост с намерением выяснить, что происходит.

Штурм ворот продолжался. Замок, казалось, стонал под мощными ударами тарана, и мертесские солдаты вновь и вновь издавали победоносные кличи.

Вскоре вернулся стражник, на лице которого застыло выражение полного отчаяния.

— Укрепления рушатся! — крикнул он. — Одно за другим!

— Как такое может быть? — с неподдельным испугом спросил Яван.

— Магия.

Все посмотрели на Фотира.

— Вероятно, Мертессу помогает преобразователь форм, — продолжал советник. — Кирси не обязательно разрушать ворота — достаточно просто ослабить их.

Герцог снова потряс головой.

— Наверняка командир кентигернских лучников достаточно умен, чтобы убить любого кирси, который пытается приблизиться к воротам. Преобразователю форм не хватило бы времени ослабить укрепления.

— Вероятно, это было сделано заранее, — сказал Фотир. — Это единственное разумное объяснение. Обычным тараном такие ворота не разрушить.

— Если вы правы, — сказал Яван, — значит, наружные ворота скоро падут, и анейранцы начнут штурмовать внутренние стены крепости.

Словно в ответ на эти слова, замок вновь дрогнул, и еще один торжествующий вопль прокатился эхом по внутреннему двору.

— Вы должны освободить меня и всех кергских солдат, которых содержите под стражей, — сказал Яван стражникам. — Когда ворота падут, вам понадобятся все крепкие мужчины, способные держать в руках оружие.

Один из мужчин помотал головой, хотя и не слишком уверенно.

— Вы узники герцога. Мы не можем освободить вас без его приказа.

— Уверяю вас, герцог приказал бы вам сделать все возможное для защиты Кентигернского замка. Именно такой приказ я отдам своим людям. Вы знаете, кто я. Вы знаете, что я должен стать королем. Кто, по-вашему, успешнее возглавит оборону крепости — ваш начальник караула или я?

Стражники тупо уставились на Явана. Они были не способны принять столь важное решение, и, похоже, оба понимали это. Замок снова содрогнулся, словно корабль под ударом ураганного ветра.

— Разве вам не нужна помощь еще одного кирси в сражении с анейранцами? Разве вам не нужны еще сорок три бойца, вооруженных мечами?

— Вы хотите, чтобы мы дали меч мальчику?

Яван указал на Ксавера:

— Этот мальчик, между прочим, сын Хагана Маркуллета, о котором вы, несомненно, много слышали. Возможно, он молод, но я готов поспорить на сто киндов, что он возьмет верх над половиной солдат вашего войска.

Несмотря на жуткий страх, от которого холодело в животе, и бешеное сердцебиение, Ксавер невольно улыбнулся, услышав похвалу герцога. Насколько он понимал, Яван просто пытался убедить стражников выпустить их, но все равно мало кому доводилось слышать столь лестные отзывы от своего герцога — или короля?

Каменные стены вновь содрогнулись, словно от подземного толчка, и на сей раз воинственный клич прозвучал с таким воодушевлением, от которого кровь леденела в жилах. Ксавер бросился к окну и увидел хлынувший в крепость поток солдат, в большинстве своем одетых в черно-золотые цвета Мертесса.

— Последнее укрепление пало, милорд! — крикнул он через плечо. — Анейранцы вошли в замок!

— Вы слышали? — спросил герцог. — Больше нельзя медлить ни минуты! Освободите нас, пока не поздно!

Но все же стражники ничего не отвечали. Ксавер немного постоял у окна, глядя на толпу мертесских солдат, которая текла через двор. За последний месяц он возненавидел герцога Кентигернского и его замок. Но сейчас, когда у него на глазах пали прославленные стены Кентигерна, он чувствовал себя как ребенок, который впервые понял, что отец смертен и небезупречен. Если пал даже этот замок, ни одна крепость во всем Эйбитаре не могла устоять против натиска неприятеля.

— Если вы не выпустите нас, — услышал Ксавер голос Фотира, — я разрушу запоры на дверях. Я сам владею магией преобразования форм, и это мне вполне по силам.

Тут мальчик повернулся и снова подошел к двери.

Стражники смотрели на кирси с таким страхом, словно видели перед собой некоего жуткого призрака из Подземного Царства.

— Думаю, ты лжешь, — сказал один из них без всякой уверенности. — Если ты можешь разрушить запоры, то почему не сделал это до сих пор?

— Потому что я ему запретил, — ответил Яван. — Из этого не вышло бы ничего хорошего. Даже если бы он разрушил дверные замки и ваши мечи, внизу нас обязательно ждали бы другие стражники. В конце концов он устал бы, и тогда скорее всего всех нас убили бы.

— Но...

— Довольно! — воскликнул герцог. — Мертесс вошел в ваш замок! Теперь он штурмует внутренние стены, а оборону крепости держит меньше половины войска. Выпустите нас сейчас же — или отойдите в сторону, и мы сами выберемся отсюда!

Стражники переглянулись с таким видом, словно каждый ждал, что решение примет другой.

— Ну? — требовательно спросил герцог.

— Хорошо, — наконец сказал один из мужчин, трясущейся рукой нащупывая ключи.

Когда стражник подошел к двери камеры, Яван одобрительно кивнул.

— Вот и молодец. Твой герцог похвалил бы тебя, я уверен.

Ксавер сильно в этом сомневался, но не собирался сообщать о своих сомнениях ни герцогу, ни солдатам.

Безуспешно попытавшись отпереть замок сначала одним, потом другим ключом, стражник наконец открыл дверь и посмотрел на Явана с опаской, словно ожидая, что герцог мгновенно набросится на него.

— Нам также нужно наше оружие, — сказал Яван, выходя в коридор.

Стражник отпер дверь противоположной камеры и только потом снова повернулся к герцогу.

— Я не знаю, где оно.

— Тогда подойдет любое другое.

Стражник заколебался.

— Гром и молния, приятель! Какой смысл выпускать нас, если ты не намерен дать нам возможность сражаться?

— На складе оружия внизу есть пики и мечи, — сказал стражник, сдавая позиции.

Яван кивнул:

— Веди нас туда, дружище. Что бы ты ни думал обо мне, я в первую очередь подданный Эйбитара и только потом правитель Керга. Если понадобится, я умру, защищая ваш замок, как и все мои люди, которых вы держите в заточении.

Мужчина наконец искренне улыбнулся.

— Да, милорд.

Двое стражников спустились вместе с ними на нижний этаж и в считанные минуты освободили всех кергских солдат. Затем все прошли на склад, где люди Явана нашли свое оружие, с которым пришли в Кентигерн. Меча самого Явана там не оказалось, как не оказалось мечей Ксавера и Фотира. Скорее всего, Андреас забрал их в свои покои. Но в ту минуту это не имело особого значения. Клинков, щитов и кольчуг хватило на всех, и, вооружившись, они вышли из башни. Кентигернские солдаты спешно отступали от наружных стен крепости через северные ворота, теснимые анейранцами, которые стремились прорваться во внутренние дворы замка.

— Разыщите начальника караула и пришлите ко мне, — приказал Яван, зорко осматриваясь по сторонам. — Возьмите еще людей и помогите защищать вон те ворота. Если мы не отразим наступление неприятеля сейчас, у нас не останется ни малейшей надежды.

— Да, милорд.

— Господин Маркуллет, — сказал герцог, поворачиваясь к Ксаверу. — Вы останетесь со мной. Мне нужен вестовой, который передавал бы мои приказы Фотиру и начальнику караула. И мне понадобится ваш меч, если крепость падет окончательно.

Мальчик кивнул и судорожно сглотнул.

— Конечно, милорд.

Через несколько минут вернулся стражник вместе с мужчиной зрелого возраста — по всей видимости, начальником караула. Своей обритой головой последний напоминал прелата замкового монастыря, но на этом сходство заканчивалось. Он был высокого роста, широкоплечий, с густыми усами и бородой. У него были свежие ожоги на обеих руках и кровоточившая рана на лбу, но в остальном он казался невредимым.

— Милорд, — сказал он, останавливаясь перед Яваном и сердито хмуря брови. — Я вижу, эти люди освободили вас. Я бы так не поступил.

— Ничуть не сомневаюсь, капитан. Но они приняли правильное решение. Я добавил к вашему войску более сорока человек и предоставил в ваше распоряжение кирси, способного вызывать ветра и туманы, а также воздействовать на формы. С вашей стороны было бы глупо держать нас в тюремной башне.

Капитан коротко кивнул, признавая правоту герцога.

— Насколько я понял, вы намерены возглавить оборону крепости.

— Я надеялся разделить обязанности командующего с вами. Полагаю, у меня больше опыта по части командования войсками. Но вы лучше меня знаете Кентигерн и своих людей.

— Хорошо, — сказал капитан после непродолжительной паузы. — К началу ночи у нас было в общей сложности около шестисот человек, если считать всех солдат, находившихся в замке, в городе и в сторожевом лагере у реки.

Яван приподнял бровь.

— Всего лишь?

— Герцог поставил своей целью разбить ваше войско, — сказал мужчина, пожав плечами. — Когда анейранцы переправились через реку, здесь находилось меньше половины нашей армии, хотя люди, несшие дозор у реки, успели вернуться в крепость вовремя, чтобы подготовиться к штурму. Однако сейчас замок обороняют всего четыре сотни солдат — маловато, конечно, но я не хочу ослаблять оборону городских стен.

— Согласен. Сколько у вас волшебников?

— Шестеро. Два преобразователя форм, трое с ветрами и туманами, один предсказатель. Все они также целители.

— Что случилось с внешними воротами?

Капитан потряс головой, и у него дернулись губы.

— Понятия не имею. Они просто рухнули. У меня нет объяснений.

— Мой первый советник предположил, что кто-то ослабил укрепления с помощью магии.

— Во время штурма к воротам не приближался ни один кирси, — сказал мужчина, повышая голос. — Я не допустил бы такого.

— Тогда я сказал бы, что в вашем замке действует предатель. Если только вы не хотите заставить меня поверить, что слава Кентигерна является мифом.

Капитан покраснел.

— Что вы прикажете мне делать сейчас, милорд?

Яван еще несколько секунд смотрел на мужчину, еле заметно улыбаясь.

— Обеспечьте защиту северных ворот, — сказал он. — А потом поставьте своих лучников на внутренние стены. Сейчас перевес на стороне Мертесса, но, пока мы держим оборону центральной части крепости, нам нечего бояться, если только внутренние ворота не ослаблены тоже.

— Лучники уже поднимаются на башни, а в бою у ворот мы брали верх над неприятелем.

— Хорошо. Возвращайтесь к своим людям. — Яван положил руку Ксаверу на плечо. — Это Ксавер Маркуллет. Он будет нашим связным. Используйте моих солдат, как сочтете нужным. Скажите моему первому советнику, что он должен неукоснительно выполнять ваши приказы, как если бы они исходили от меня.

— Да, милорд. — Мужчина двинулся было прочь, но тут же, словно спохватившись, повернулся и отвесил Явану легкий поклон.

— Ах да, капитан! Я забыл спросить. В безопасности ли семья герцога?

Мужчина с сомнением сузил глаза, словно не зная, вправе ли он отвечать на такой вопрос.

— Да, — наконец сказал он. — Как только я узнал, что анейранцы переправились через реку, я велел отвезти герцогиню с детьми в храм.

— Вы поступили разумно, — сказал Яван.

Мужчина кивнул и пошел прочь.

— Стражники говорили правду, — пробормотал герцог, провожая его взглядом. — Он хороший солдат. — Он посмотрел на Ксавера. — Пойдемте, господин Маркуллет! Нам нужно быть на стене.

После смерти Бриенны Яван, казалось, старился прямо на глазах; с каждым днем его лицо становилось все более худым и изможденным, спина сутулилась все сильнее. Но сейчас, когда герцог с мечом в руке стремительно поднимался по винтовой лестнице башни, бремя лет и горя словно свалилось с его плеч. Ксавер невольно подумал, что Явану нравится все происходящее.

Сам же мальчик еще никогда не испытывал такого страха. Ему совершенно не хотелось расхаживать по стенам вместе с герцогом, на виду у анейранских лучников, заполонивших наружный двор крепости. Да, он хорошо владел мечом. Отец многому научил его. Но он никогда не дрался до крови и, уж конечно, никогда не убивал и не сражался с противником, по-настоящему желавшим его смерти.

— Вы очень молчаливы, господин Маркуллет.

— Да, милорд.

— Вы напуганы?

— Извините, милорд.

— Все в порядке. Только дураки ничего не боятся. О храбрости воина судят по его умению преодолевать страх. Всегда помните это.

— Да, милорд.

— Кроме того, я намерен гонять вас так нещадно, что у вас не будет времени о нем вспоминать.

Они вышли из башни, и Яван выругался. Люди в черном и золотом уже взобрались на стену и сражались с кентигернскими солдатами. Многие в эту минуту перелезали через парапеты. Окинув взглядом всю крепостную стену, Ксавер увидел мертвеских воинов повсюду. Защитники крепости пытались отталкивать приставные лестницы от стены рогатинами и даже пиками, но на месте каждой поверженной на землю лестницы появлялись две новые. Лучники пускали стрелы в людей, карабкавшихся наверх, но тех было слишком много. Представлялось очевидным, что скоро анейранцы захватят стену.

Яван бросился вперед, подняв меч. Ксавер последовал за ним, хотя у него так дрожали колени, что он едва держался на ногах.

— Нет, господин Маркуллет. — Яван через плечо взглянул на Ксавера, готовясь отразить удар одного из мертвеских солдат, наступавшего на него. — Мне нужны ваши ноги, а не ваш меч. Бегите к капитану. Скажите, чтобы он немедленно прислал сюда Фотира и остальных преобразователей форм. Если мы не разрушим осадные лестницы, все пропало.

— Но милорд...

— Бегите, дружище! Скорее, иначе будет слишком поздно!

Ксавер неохотно повернулся и бросился вниз по лестнице, лишь на мгновение замедлив шаг, когда у него за спиной раздался звон скрестившихся мечей. Через минуту он уже выскочил во двор и помчался по притоптанной траве к северным воротам, где скоро нашел капитана.

— Да, в чем дело? — Мужчина бросил быстрый взгляд в сторону Ксавера и вновь перевел глаза на сражавшихся прямо перед ними солдат. — Скажи кирси, чтобы они вызвали огонь! — проорал он, прежде чем Ксавер успел ответить. — Нам нужно оттеснить неприятеля назад и опустить решетки! — Он снова посмотрел на мальчика. — Говори живее, малый! У меня нет времени на возню с застенчивыми детьми!

— Анейранцы уже на стене, сэр. У них лестницы, и солдаты не смогут долго держать оборону. Герцог хочет, чтобы первый советник и остальные преобразователи форм разрушили лестницы. Он считает, что это единственный способ остановить наступление.

— Гром и молния! — пробормотал капитан. — Я могу дать вам одного своего кирси и

вашего советника. Мой второй преобразователь форм владеет также магией огня. Он нужен мне здесь.

Ксавер говорил от имени герцога, но он находился в Кентигерне и не мог спорить с капитаном.

— Хорошо, сэр.

— Скажи герцогу, что кирси скоро подойдут. Я самолично прослежу за этим.

— Благодарю вас, сэр.

Ксавер помчался обратно к башне и минуту спустя уже бежал вверх по лестнице, прыгая через ступеньку. Из-за тяжелой кольчуги он двигался несколько медленнее обычного и обливался потом, хотя ночь была отнюдь не жаркой, но дышал все равно ровно. «Отец похвалил бы меня», — подумал мальчик, слегка улыбнувшись. Пробежки по башням Кергского замка хорошо подготовили его к этой ночи.

Выйдя на стену, Ксавер похолодел от ужаса. Теперь там было еще больше людей в черно-золотой форме, чем несколько минут назад. Кентигернские солдаты продолжали сражаться, но медленно отступали перед превосходившими их силами противника. Яван по-прежнему находился недалеко от входа в башню; он бился сразу с двумя анейранцами. Отец Ксавера часто отзывался о нем как о блестящем фехтовальщике, но до сих пор мальчик ни разу не видел своего герцога в бою. Анейранцы, с которыми дрался Яван, значительно превосходили его ростом и силой. На самом деле рядом с ними герцог выглядел слабым стариком. Но в тот миг Ксаверу показалось, что Яван просто прирожденный фехтовальщик. Он пользовался щитом словно продолжением своей руки, с поразительной ловкостью отражая каждый выпад противников. В то же время меч герцога мелькал и вращался в воздухе как живой, время от времени молниеносно вылетая вперед наподобие змеиного жала, чтобы поразить неприятеля. Оба рослых мужчины были обагрены кровью, сочившейся из неглубоких порезов на лице, руках и плечах. Ни одна из этих ран сама по себе не могла бы свалить человека наземь, но все вместе они были смертельно опасными.

По лицу Явана струился пот, словно потоки дождевой воды по равнине, и он скалил зубы в свирепой ухмылке. Позади двух анейранцев лежал мертвый солдат, пронзенный мечом герцога. Яван уже должен был выбиться из сил, однако он не выказывал никаких признаков усталости. Напротив, это солдаты двигались с трудом и в слепом отчаянии наносили все менее точные удары. Даже сражаясь с двумя противниками, каждый из которых был моложе и сильнее него, герцог явно брал верх в этой схватке.

Именно поэтому Ксавер все еще стоял у выхода из башни, когда один анейранец, поднявшийся по невидимой лестнице, перепрыгнул через парапет прямо за ним. Он был ростом с Ксавера, но гораздо шире в плечах и в груди. У него было молодое, гладко выбритое лицо, и Ксавер успел мысленно отметить, что он, вероятно, прошел свое Посвящение не более двух лет назад.

Несколько мгновений они оба просто смотрели друг на друга: казалось, анейранец так же удивился при виде мальчика, как удивился Ксавер неожиданному появлению врага. Потом противник набросился на него, и неожиданно Ксавер обнаружил, что бьется не на жизнь, а на смерть, отражая мечом мощные удары, от которых немела рука. Он услышал, как поблизости кто-то захрипел и повалился наземь, но не смог даже повернуть голову и посмотреть, был ли это Яван или один из мертесских солдат, с которыми сражался герцог.

Краем глаза Ксавер увидел, как еще один анейранец поднимается по той же лестнице, по которой минутой раньше взобрался на стену его противник, но ничего не мог поделать. Мертесский солдат оттеснил мальчика к парапету и продолжал яростно размахивать мечом. До сих пор Ксаверу удавалось отражать каждый его выпад, но теперь плечо у него сводило судорогой, и клинок зазубрился.

Анейранец широко замахнулся левой рукой и обрушил свой щит на голову Ксавера. Мальчик успел прикрыться щитом, но от тяжелого удара у него подогнулись ноги. Однако в тот момент, когда он старался собраться с силами, чтобы отбить очередную атаку противника, в его сознании зазвучал голос. Голос отца.

«Первое, о чем забывает неопытный боец в разгар сражения, так это о том, что у него две руки. Каждый раз, когда ты отбиваешь удар своим клинком, ты упускаешь возможность поразить врага».

Ну конечно.

Когда анейранец снова взмахнул мечом, Ксавер поднял щит, защищаясь от удара, и одновременно сделал стремительный выпад, целясь противнику в бок. Солдат вовремя опустил свой щит, но Ксавер уже предпринял следующую атаку, на сей раз целясь в плечо анейранца. И опять солдат успел защититься, но теперь он отступил назад, словно осознав, что перед ним серьезный противник. Ксавер не дал ему времени опомниться и прыгнул вперед, снова занес меч над головой. Он все еще чувствовал усталость, правая рука у него мучительно ныла. Но страха как не бывало. Мысленно он находился во внутреннем дворе Кергского замка и слышал громкий наставительный голос своего отца.

«Не теряй бдительности! Ты должен соблюдать наибольшую осторожность именно тогда, когда уверен в своем преимуществе. Человек, чувствующий близость поражения, способен на все».

Мужчина отразил удар Ксавера, а потом широко размахнулся, словно собираясь сокрушить противника ударом в голову. Ксавер поднял щит, но в следующий миг обнаружил, что солдат упал на одно колено и старается достать мечом до его ног. В отчаянной попытке увернуться мальчик тяжело повалился на спину, и воздух с шумом вырвался из его легких. Но солдат, по-прежнему стоя на одном колене, попытался прикончить его рубящим ударом.

Ксавер снова успел вовремя поднять щит и одновременно полоснул мужчину клинком по руке.

Солдат вскрикнул от боли, вскочил на ноги и попятился. Ксавер с трудом поднялся с земли. Он тяжело дышал и вытер пот со лба тыльной стороной руки, сжимавшей меч. У анейранца хлестала кровь из раны на кисти, сразу под рукавом кольчуги. Они встретились взглядами, и Ксаверу показалось, что весь мир на мгновение замер. У солдата было имя, жизнь, родные и близкие. Ксавер мог представить, как этот анейранец со своими матерью и отцом трудится на маленькой ферме в мертесской деревушке. Возможно, он был женат. Возможно, у него уже были дети.

«Всегда помни, что в бою ты вооружен не только мечом и щитом. Любая часть твоего тела может стать оружием. Твои локти и плечи, колени и ступни, даже твоя голова. Большинство солдат забывает об этом. Они помнят только о своем мече. Человек, который использует все свое оружие, имеет безусловное преимущество».

Они одновременно прыгнули друг другу навстречу, подняв мечи, выставив вперед щиты. Ксавер пошатнулся от столкновения с более крупным противником. Он с трудом удержал равновесие, но был вынужден опять отступить к стене. Не теряя времени, солдат бросился на него. Ксавер занес меч над головой, но когда анейранец выставил вперед щит, чтобы отразить удар, мальчик неожиданно с силой пнул его в бедро.

Этого было недостаточно, чтобы сбить противника с ног, но все же он потерял равновесие на пару секунд, и их Ксаверу хватило, чтобы рубануть мужчину мечом по боку. Меч скользнул по кольчуге, не причинив солдату вреда, но от удара он упал на живот. Не колеблясь и не размышляя ни о чем, Ксавер прыгнул на поверженного врага и вонзил клинок ему в спину. Тело мужчины сильно выгнулось, словно у ярмарочного акробата во время представления, и он протяжно, судорожно вздохнул, а потом разом обмяк и замер, распластавшись на каменной дорожке.

Ксавер не шевелился. Он стоял на коленях, глядя на кровь, которая вытекала из раны, скатываясь по серым металлическим колечкам кольчуги. Он убил человека ударом в спину. Он поступил подло.

Кто-то выкрикнул его имя, предупреждая об опасности; Ксавер обернулся и увидел еще одного анейранца, который наступал на него с поднятым мечом, яростно сверкая темными глазами. Ксавер даже не успел вскинуть над головой щит. Раздался резкий мелодичный звон,

похожий на звон колокольчика, и меч мужчины раскололся пополам. Анейранец с потрясенным видом уставился на сломанный клинок. Потом он круто повернулся кругом, и в тот момент Фотир пронзил его мечом. Мужчина захрипел и повалился на колени, соскользнув с окровавленного клинка кирси, а затем почти нежно лег на каменный пол. Анейранец был безоружен. Кирси тоже поступил нечестно.

Первый советник крупным шагом подошел к мальчику, по-прежнему стоявшему на коленях, и попытался поднять его на ноги.

— Вставайте, Ксавер, пока вас не убили!

— Мы поступили недостойно, — сказал мальчик, тряся головой.

— Ты о чем?

— Я всадил меч ему в спину. — Ксавер посмотрел на кирси. — А вы убили безоружного. — Он снова потряс головой. — Так нельзя делать.

— Ксавер... — Фотир шумно выдохнул, на мгновение закрыв глаза. Потом он поднял мальчика на ноги. — Это не турнир, Ксавер. Это война. Ты убиваешь как можешь и делаешь все необходимое, чтобы остаться в живых.

— Но так нельзя. — По щеке у него скатилась слеза, потом другая, и в конце концов он разрыдался, бессильно опустив руки.

Лицо Фотира приняло страдальческое выражение, и на долю секунды показалось, будто он хочет обнять мальчика. Но тут позади него послышался шум, и он резко обернулся, стремительно взмахивая мечом в попытке поразить еще одного анейранца, перелезавшего через парпет. Солдат прикрылся щитом и в свою очередь занес меч для удара. Однако советник расколол и его клинок тоже, а потом отвел назад руку, словно собираясь убить противника, но в последний момент, по-видимому, передумал. Он опустил меч и полоснул анейранца по колену. Мужчина упал, схватившись за ногу, и Фотир оглушил его сильным ударом эфеса по затылку.

Кирси подошел к парпету и уставился вниз. Он стоял совершенно неподвижно, но минуту спустя Ксавер услышал звук, похожий на треск расщепляющегося дерева, а потом пронзительные крики, которые почти сразу оборвались.

Фотир вновь повернулся к Ксаверу:

— Мне нужна ваша помощь, господин Маркуллет. — Он указал рукой на кирси, который стоял у выхода из башни, белый, как Панья. — Мы с младшим советником должны добраться до остальных лестниц, пока мертесские солдаты не захватили стену целиком. Нам нужен еще один меч.

Ксавер кивнул, продолжая вытирать слезы. Он вернулся к убитому анейранцу и, крепко ухватившись за эфес, выдернул свой меч из спины солдата. Мальчику страшно хотелось стереть кровь с клинка, но он не знал чем.

Повернувшись, он увидел Явана — с темным синяком на лбу и кровоточившей раной на плече. Они с Фотиром тихо разговаривали. Когда Ксавер приблизился к ним, герцог серьезно посмотрел на него.

— Первый советник рассказал мне о вашем поединке, господин Маркуллет, и о ваших сомнениях. Как ваш герцог, я должен похвалить вас и за первое, и за второе.

Мальчик залился краской, не в силах понять, сердится он на кирси или благодарен ему.

— Спасибо, милорд, — только и сказал он, надеясь, что на этом разговор закончится. К счастью, времени на разговоры не было.

Они двинулись по стене — Яван впереди, за ним двое кирси, а следом Ксавер, — сметая на своем пути встречных анейранцев, чтобы кирси могли разрушать осадные лестницы, гроздьями висевшие на крепостных стенах. Один за другим к ним присоединялись кентигернские солдаты, и в скором времени их группа насчитывала человек двадцать, если не больше; они неуклонно продвигались вперед, подобно мощной приливной волне, тесня неприятеля и сдерживая наступление анейранцев.

Ксавер оставался в середине небольшого отряда, и хотя он попытался поразить мечом нескольких мертесских солдат, ни один удар не достиг цели. Другие мужчины были старше

и опытнее него — и в большинстве своем несколько крупнее. Но кровь на клинке Ксавера, при виде которой он совсем недавно терзался душевной болью, теперь сверкала в факельном свете, словно медаль, свидетельствуя о том, что он является одним из них.

В скором времени они очистили от неприятеля всю западную стену и значительную часть южной. Но около башен южных ворот мертесское войско сплотило свои ряды. Ксавер видел, как вражеские солдаты по-прежнему забираются на стену в дальнем конце крепости и рассыпаются в разные стороны. Он видел также маленькие группы кентигернских солдат, пытавшихся отеснить анейранцев за ворота, но они были обречены, поскольку в бой вступали все новые и новые силы противника.

Ксавер понял, что Яван тоже увидел это. Герцог рубил мечом налево и направо, словно сам Бинтар, крича Фотиру и второму кирси, чтобы они разрушали клинки мертесских солдат. Но советники уже устали, а на подмогу анейранцам спешила толпа товарищей. Вскоре Яван и остальные вновь начали отступать, сдавая позиции медленно, с боем — но все же сдавая.

Один из кентигернских солдат закричал, показывая рукой вниз, за стену. Подскочив к парапету, Ксавер похолодел от ужаса. Анейранцы вкатили таран в наружный двор и медленно толкали орудие к южным воротам. До сих пор основное сражение велось у северных ворот, и Ксавер испугался, что кентигернский капитан по-прежнему всецело поглощен происходившим там. Видимо, Яван подумал о том же.

— Господин Маркуллет! — крикнул он через плечо, продолжая биться с одним из солдат в черно-золотой форме. — Спуститесь к капитану! Скажите ему о том, что мы видели! Быстрее!

Ксавер повернулся, но тут же застыл на месте. Анейранцы снова захватили значительную часть западной стены. Более того, похоже, они уже сумели починить или заменить сломанные кирси лестницы, ибо опять один за другим перелезали через парапеты и спрыгивали на каменную дорожку. Ксавер подумал, что успеет добежать до ближайшей башни прежде, чем там окажутся мертесские солдаты. Тогда, по крайней мере, он сумел бы предупредить капитана. Но мальчик боялся, что он никогда больше не увидит герцога и Фотира, если оставит их сейчас. Они оказались в ловушке.

ГЛАВА 30

Ялла ничего не знала о войне, хотя однажды уже участвовала в сражении. В свой первый военный поход она ходила с Роулом еще в молодости, но, к счастью, тогда мертесское войско быстро отеснили обратно за Тарбин, и на том битва закончилась. На самом деле это был не настоящий бой, а скорее короткая схватка, к тому же не имевшая никакого значения. Поэтому, вероятно, Ялле не следовало удивляться, что ее ожидания во многих отношениях не оправдались. Но, наблюдая за ходом сражения, она чувствовала, как одно за другим рушатся все представления, сложившиеся у нее в течение жизни. Ее научили думать, что война есть некое организованное действие. Солдаты выполняют приказы. Сражение идет по намеченному плану. Многочисленные войска берут верх над малочисленными, и неожиданное предательство в рядах противника непременно ведет к поражению последнего. Она даже не предполагала, что военная фортуна может быть так переменчива или что приливы и отливы сражения так же внезапны и непродолжительны, как штормовые ветра в заливе Ножен.

Когда наконец рухнула последняя опускная решетка западных ворот Кентигерна и солдаты Роула ворвались в крепость, размахивая мечами и испуская воинственные кличи, она была уверена, что замок вот-вот падет. Похоже, герцог тоже не сомневался в этом, ибо оставил таран у наружной стены и попытался взять центральную часть крепости. Однако вскоре отчаянное сопротивление кентигернских солдат начало приносить свои плоды. С помощью осадных лестниц люди Роула сумели забраться на внутреннюю стену, но многих поразили стрелы луков и арбалетов, а другие разбились насмерть или покалечились, когда кентигернские кирси разрушили лестницы.

В скором времени герцогу пришлось вновь обратиться к тарану, и на сей раз укрепления замка держались гораздо дольше, поскольку Шерик не ослабил внутренние ворота. Постепенно в бою на стене они начали брать верх, но не потому, что мертесские солдаты были основательнее подготовлены или мертесские капитаны лучше знали свое дело, а просто потому, что анейранцы значительно превосходили численностью защитников Кентигерна.

При виде множества солдат в черном и золотом на крепостной стене Ялла вновь исполнилась уверенности в близкой победе. Но эйбитарцы опять оказали упорное сопротивление. Они дрались яростно и умудрялись вносить смятение в ряды противника, даже когда стало ясно, что им не выстоять против натиска анейранцев. Сдав крепостные стены мертесскому войску, кентигернские солдаты отступили к башням, где было легче держать оборону. Не имея доступа к лестницам, анейранцы превратились в удобные мишени для лучников Андреаса, которые посылали в них тучи стрел с башен. После нескольких часов такого боя мертесские солдаты начали спускаться со стены обратно в наружный двор в поисках относительной безопасности. Некоторые попытались остаться на стене и поднять осадные лестницы, чтобы с их помощью спуститься во внутренний двор, но ни Ялла, ни герцог не верили, что у них это получится.

Пока Роул и советник наблюдали за ходом сражения, к ним явился один из мертесских капитанов и сообщил, что защитниками крепости теперь командует Яван Кергский со своим могущественным кирси, Фотиром джал Саленом.

Герцог вовсе не рассчитывал сражаться с войском без военачальника, но сейчас внезапно обнаружил, что имеет дело с человеком, которого все считали гораздо более смелым и хитрым полководцем, чем Андреас.

Ночь сменилась утром, пасмурным и холодным, а бой все продолжался. По всему наружному двору полыхали огни, частично зажженные мертесскими солдатами, частично возникшие из-за горшков с горючей смесью, которые защитники крепости сбрасывали со стен. В небо валил черный дым, и почему-то ветер уносил его на север, в сторону Хенеи.

Грохот тарана эхом раскатывался по крепости, словно грохот волн, набегающих на анейранский берег. Незадолго до рассвета массивная дверь внутренних ворот наконец рухнула, но первая опускная решетка все еще не поддавалась.

С внутренней крепостной стены доносились крики солдат, и хотя со своего места Ялла по-прежнему видела там людей в черно-золотой форме, их становилось все меньше и меньше. Казалось, Мертесс с каждым часом терял свое преимущество, изначально заключавшееся в численности войска и внезапности нападения.

Она чувствовала, как возрастает разочарование Роула, и, хотя уже начинала верить, что все происходит в согласии с замыслом Избранного, не могла не жалеть своего герцога. Сколько она помнила, он всегда мечтал об этой войне и действительно верил, что сумеет взять Кентигерн, невзирая на заслуженную славу крепости. Никто, помимо членов королевской семьи, никогда не правил Анейрой, но это не мешало анейранским герцогам бороться друг с другом за влияние. Дом Мертессов уже был одним из самых влиятельных в королевстве, и Роул надеялся, что после успешной осады он станет вторым по значимости после королевского дома.

Довольно долго герцог оставался неподалеку от внутренних ворот, наблюдая за попытками своих людей сокрушить последние две опускные решетки. Но даже когда поздно утром первая из них рухнула, он не обрадовался. Мертесские солдаты испустили было торжествующий вопль, но он мгновенно заставил их замолчать.

— Прекратите орать! — рявкнул он, привлекая к себе недоуменные взгляды солдат, находившихся под крышей тарана. — Нам следовало сделать это еще много часов назад. Так что заткнитесь и займитесь делом.

Они еще несколько секунд растерянно смотрели на него, а потом подчинились приказу. Однако Ялла видела, что все начинали уставать, в том числе и герцог. Они покинули Мертесс почти сутки назад, и еще дольше никто из них не спал. А к полудню сражение

приняло новый, неприятный для анейранцев оборот. Кентигернские солдаты знали свою крепость так же хорошо, как люди Роула знали свой замок. Конечно, удивляться этому не приходилось. Но герцог и его люди стали понимать, что захватить Кентигернский замок еще труднее, чем они предполагали. Используя ворота для вылазок и потайные туннели, солдаты Андреаса атаковали противника со всех сторон, внезапно посылая тучи стрел из луков и арбалетов и мгновенно скрываясь. За время, которое понадобилось для того, чтобы сломать первую опускающую решетку, анейранцы потеряли не один десяток человек.

Из люков над воротами защитники крепости бросали горшки с известью на таран, покуда навес не сгорел почти полностью. Тем временем лучники, стоявшие на стене над воротами, поражали своими стрелами людей, скрывавшихся под крышей тарана. Солдаты Роула пытались ответить тем же, но, поскольку они находились у самой стены, почти все стрелы, пущенные вверх по крутой траектории, отскакивали от нее и падали на землю, никому не причиняя вреда.

Ялла даже не могла поджечь вторую опускающую решетку, как подожгла первую и тяжелую дубовую дверь еще раньше, поскольку кентигернские солдаты никого к ней не подпускали. Она попробовала вызвать туман, но здесь, под узкой аркой ворот, ее магия не принесла никакой пользы. За стенами скрывалось слишком много лучников, и, даже стреляя вслепую в туман, они не давали ей приблизиться к последней опускающей решетке. Не преуспев в этой своей попытке, Ялла уже ничем не могла помочь герцогу. Теперь она стала скорее обузой, еще одним человеком, которого приходилось защищать солдатам вместо того, чтобы защищать свою жизнь. Второй советник Роула приносил не больше пользы. Люди Роула гибли так быстро, что герцог приказал своим целителям оказывать помощь только легкораненым, чтобы они могли быстро вернуться в строй; остальных приходилось обрекать на смерть.

Когда Ялла уже решила, что инди приспособлены к войне гораздо лучше, чем ее соплеменники, волшебники из числа защитников замка доказали, что она не права. Заглянув под арку ворот, чтобы посмотреть, как продвигаются дела у мертесских солдат, орудующих тараном, она увидела за опускающей решеткой группу лучников, которые держали наготове луки с вложенными в них стрелами. Находившиеся внутри тарана люди криком предупредили об опасности и начали разбегаться в стороны в поисках укрытия. Но кентигернские солдаты не стали натягивать тетивы. Вместо этого вперед выступил еще один человек. Это был кирси — высокий, бородатый, с убранными назад длинными белыми волосами. Ялла не могла отвести взгляда от глаз мужчины, ярко-желтых, как у кота.

Мгновение спустя мужчина исчез в клубящемся облаке густого тумана — несомненно, им же порожденном.

Услышав взволнованные крики своих людей, Роул поспешил к советнику и стал рядом, а теперь он приказал своим лучникам стрелять в эйбитарцев. Однако, прежде чем они успели выполнить приказ, кирси вызвал страшной силы ветер, который понесся сквозь арку с пронзительным воем, похожим на предсмертный крик какого-то дикого зверя. Подхваченный мощным потоком воздуха, туман поплыл вперед, на мертесских солдат. Ялла не видела ни волшебника, ни даже тарана. Но сквозь шум ветра она слышала металлический звон, похожий на лязг скрестившихся мечей, и на миг испугалась, что сейчас из тумана выступят кентигернские солдаты и поубивают их всех. Потом до нее донесся другой звук, подобный треску ломающегося дерева, и она поняла, что случилось. Она поняла также, кого она видела перед тем, как сгустился туман.

В следующий момент ветер начал слабеть, как будто отступала буря, унося с собой последние струи белого тумана.

Разумеется, кирси исчез, и кентигернские солдаты тоже. Ничто не свидетельствовало о том, что кто-либо из лучников выпустил хоть одну стрелу. Никто из людей Роула не был ранен или убит. Но когда герцог увидел свой разрушенный таран, он бессильно сгорбился, словно все его войско полегло в бою с Кентигерном. Стальные цепи, на которых толстое бревно свисало с крыши тарана, полопались, а остатки самой крыши раскололись, словно

стекло.

— Это был Фотир, — пробормотала Ялла. Она не хотела говорить вслух и потому залилась краской, когда Роул угрюмо посмотрел на нее.

— Вы это точно знаете?

Ну конечно, она точно знала. У кого еще из кентигернских и кергских кирси хватило бы силы вызвать такую бурю, а потом еще и разрушить таран? Кроме того, она не раз слышала разговоры о странных глазах кергского советника и поэтому была уверена в том, кого именно видела.

— Да, милорд.

— А какая разница, кто это был?

Смутившись, Ялла опустила взгляд и покачала головой.

— Никакой, милорд. Приношу свои извинения.

Роул тоже тряхнул головой и выругался.

— Мы не можем даже оттащить от ворот остатки тарана. Лучники Андреаса убьют каждого, кто туда сунется.

— Возможно, стоит использовать черепаху, милорд. Она обеспечит людям защиту, и нам не придется строить новый таран.

Лицо герцога просветлело.

— Да, черепаха! Отличная мысль, первый советник! Благодарю вас.

Повернувшись, он окликнул одного из вестовых и приказал проследить за тем, чтобы черепаху подкатили к внутренним воротам. Потом он снова повернулся к Ялле и открыл рот, собираясь сказать еще что-то.

Все случилось так быстро, что поначалу советник ничего не поняла. Мгновение назад Роул стоял перед ней, снова улыбаясь, а в следующий миг он падал назад, словно срубленное дерево, и во лбу у него торчала стрела арбалета, вонзившаяся в череп почти по самое оперение.

Несколько секунд Ялла могла только тупо смотреть на герцога, по лицу которого стекала кровь, лившаяся из раны. Солдаты истошными голосами звали на помощь целителей, но они ничем не могли помочь Роулу. Байан уже забрал Мертесса к себе.

У Яллы стеснилась грудь, и она вдруг с великим удивлением обнаружила, что плачет, хотя понятия не имела почему. Она давно предала герцога, еще когда поклялась служить Избранному. И неважно, что она продолжала находиться рядом с ним и даже не обманывала его, по большому счету. Все равно она уже многие годы не служила Роулу верой и правдой.

Но увидеть герцога мертвым было совсем другое дело. Именно они с Шериком убедили его начать войну — пусть по приказу Избранного, но это не имело значения. Роула убила она; с таким же успехом она могла пустить в него стрелу из арбалета. Но даже это не объясняло слез Яллы. Если смерть герцога лежала на ее совести, не она ли была виновна также в смерти каждого солдата, погибшего в замке или на Тарбинской дороге? А может быть, на самом деле она любила Роула и потому теперь оплакивала его, как друга?

— Первый советник?

Ялла подняла глаза и увидела перед собой солдата, совсем еще мальчика, прошедшего Посвящение всего пару лет назад, не больше.

— Что нам теперь делать? — спросил он.

— Ты о чем?

— Нам продолжать осаду?

— Я не... — Ялла крепко сжала губы и с трудом сглотнула, борясь с приступом тошноты. Она не имела желания командовать войском, да и не могла рассчитывать на успех, если бы взялась за такое дело. Но она по-прежнему оставалась первым советником Мертесса и облеченным наибольшей властью представителем дома здесь, в Кентигерне. — Пришли ко мне главного оружейника. — Голос у нее дрожал, словно крылышки мотылька. — Сообщите ему о случившемся и скажите, что мне требуется его помощь в командовании войском.

— Да, первый советник.

Мальчик убежал, и вперед выступил другой солдат, словно ожидая следующего приказа.

Один из целителей опустился на колени рядом с телом герцога — Ялла даже не заметила, как он подошел. Он посмотрел на нее и печально покачал головой.

Ялла отвернулась и поискала глазами, на чем бы остановить взор, лишь бы не смотреть на мертвого Роула. Наконец ее взгляд упал на разрушенный таран под аркой ворот.

— Герцог послал за черепахой, — сказала она, снова поворачиваясь к солдату.

— Да, первый советник. Думаю, они уже тащат ее сюда.

— Поди проверь. И поторопи их.

Мужчина коротко кивнул и побежал к наружным воротам.

Ялла уже много лет не служила своему герцогу честно. Но он платил и доверял ей. Больше всего на свете он хотел взять Кентигернский замок, и в данном случае его желание совпадало с желанием Избранного. Она могла верно служить обоим.

— Вы собираетесь продолжать сражение? — спросил целитель, все еще не поднимаясь с коленей.

— Да. Этого желал бы герцог.

— Мы уже потеряли не одну сотню человек. А теперь и герцога. Что, если мы не возьмем замок?

— Возьмем, — убежденно сказала она.

Главный оружейник наверняка знал, что делать. Совместными усилиями они точно захватят крепость, несмотря на все ее сомнения. Внезапно Ялле захотелось лишь одного: отомстить за смерть герцога. Вероятно, иного способа искупить свое предательство у нее не оставалось. Так или иначе, она не собиралась отступать сейчас.

Целитель встал, не пытаясь скрыть своего неодобрения. «Ты кирси, — казалось, говорило выражение его лица. — Тебе следует быть поумнее».

— Что мне делать с герцогом?

Ялла в последний раз посмотрела на тело Роула, с трудом подавляя желание отвести взгляд.

— Прикажете двум солдатам отнести его к наружным воротам. Мы похороним герцога со всеми почестями, когда возьмем замок. А пока, — продолжала она, не потрудившись повернуться к кирси, — возвращайтесь к раненым. Нам понадобятся все солдаты, которых вам удастся спасти.

Слухи о смерти Роула Мертесского разнеслись по замку, словно клубы черного дыма, поднимавшиеся над десятками костров в наружном дворе. Фотир и Яван в первый раз слышали толки о гибели анейранского герцога около полудня, но удостоверились в правдивости оных лишь вечером. К тому времени стало ясно, что смерть главнокомандующего не сломила дух войска. Теперь речь шла не просто о штурме — речь шла о войне возмездия.

«Еще одна», — подумал Фотир, устало проводя рукой по лицу.

Советник надеялся, что, разрушив таран, он вынудит анейранцев отказаться от штурма южных ворот. Однако, как и в случае со смертью Роула, это побудило мертесских солдат только удвоить усилия. Всего за несколько часов они, прячась под черепахой, оттащили от ворот остатки осадного орудия и к следующему утру восстановили его настолько, чтобы возобновить попытки проломить опускающую решетку. Яван послал Фотира и лучников обратно к воротам, чтобы советник попробовал снова разрушить таран, но на сей раз их ждали анейранские лучники. Кирси не мог подойти к орудию достаточно близко, чтобы применить свою магию, и в конце концов ему и его людям пришлось отступить к башням. Вскоре последняя опускающая решетка пала.

Получив доступ во внутренний двор, мертесские солдаты хлынули в центральную часть крепости и начали наступление на внутренние башни, где оказались в западне защитники Кентигерна и немногие кергские солдаты, еще оставшиеся в живых. Покуда люди

Явана удерживали внутренний двор, они могли свободно переходить из башни в башню. Но теперь, когда мертессцы захватили стены и двор, все переменялось. Каждая группа солдат была вынуждена защищаться собственными силами, без всякой надежды на помощь или подкрепление. Кентигернскому капитану все еще удавалось передавать сообщения Явану — он поистине великолепно знал замок. Но мертессцы по-прежнему превосходили противника в численности и с падением южных ворот вновь сумел успешно воспользоваться этим преимуществом.

Когда дело дошло до ближнего боя, Фотир и остальные кирси превратились в простых солдат. Он и другие преобразователи форм по-прежнему могли раскалывать клинки и, если повезет, стрелы. Но в разрушении осадных лестниц и орудий больше не было необходимости, а туман и ветер не приносили никакой пользы.

Первый советник держался рядом с герцогом и молодым Маркуллетом. Яван по-прежнему сражался как юноша, неистово размахивая окровавленным мечом и поражая анейранцев одного за другим. Ксавер оправился после своего первого убийства и тоже дрался храбро, хотя уступал в силе старшим воинам. Но все они ужасно устали. Они сражались почти два дня без передышки. Когда на замок начала спускаться тьма, возвещавшая о наступлении очередной ночи, Фотир невольно задался вопросом, доживет ли кто-нибудь из них до утра.

К счастью, мертесские солдаты устали не меньше. С наступлением темноты битва стихла, и люди Явана получили возможность отдохнуть, поочередно неся дозор в ожидании следующих атак. Небольшие группы анейранцев всю ночь беспокоили защитников крепости, словно давая понять, что это затишье никоим образом не свидетельствует о конце осады и что на рассвете сражение продолжится в полную силу.

Фотир проснулся за минуту до очередной атаки, и хотя несколько часов сна отчасти восстановили его силы, он отнюдь не чувствовал себя отдохнувшим. Все по-прежнему выглядели усталыми, даже герцог. Вдобавок ко всему они ничего не ели с тех пор, как вчера утром рухнули западные ворота, и запасы воды у них подходили к концу.

Когда анейранцы с воинственными криками подступили к башне и принялись ломиться в дверь, кентигернские лучники заняли места у бойниц, расположенных через равные промежутки вдоль винтовой лестницы. В отличие от ворот двери башен были высотой всего лишь с человеческий рост. Таран, столь успешно сокрушивший опускные решетки, бил бы в стену выше дверного проема и не принес бы никакой пользы. Анейранцам приходилось выламывать двери руками, плечами и ногами, и, хотя двери башен не могли сравниться в прочности с крепостными воротами, они были достаточно надежными, чтобы продержаться какое-то время.

— Стреляйте, когда сочтете нужным, — крикнул Яван лучникам. — Как только они подойдут на близкое расстояние, можете начинать.

— У нас осталось меньше ста стрел на всех, милорд, — крикнул один из лучников.

— Гром и молния! — пробормотал герцог. — А сколько осталось арбалетных стрел? — спросил он и закрыл глаза, словно ожидая услышать неприятный ответ.

— Примерно столько же, милорд.

У первого советника сжалось сердце, словно стиснутое когтистой лапой демона. Арбалетные стрелы позволят им продержаться дольше, чем обычные — просто потому, что на выстрел каждой такой стрелой уходило гораздо больше времени. Но с двумя сотнями стрел им не удастся долго противостоять натиску противника.

Герцог повернулся к молодому Маркуллету.

— Загляните в оружейную комнату. Посмотрите, нет ли там еще стрел.

— Да, милорд.

Когда мальчик убежал, Яван посмотрел на Фотира:

— Вряд ли он найдет там что-нибудь, кроме дюжины пик. У вас есть какие-нибудь соображения?

— В одной из комнат наверху еще осталось немного извести и несколько

зажигательных снарядов. Но когда они закончатся, нам придется положиться на свои мечи.

— Если дело дойдет до рукопашного боя, мы пропали. Они значительно превосходят нас в численности.

— Нам же не придется держать оборону вечно, милорд, — сказал один из кергских солдат. — Только до возвращения герцога Кентигернского.

Советник увидел, как у Явана напряглась челюсть, и с легкостью догадался, о чем подумал герцог.

— Ветер все время относил дым на север, — сказал кирси, понизив голос. — Возможно, Андреас повернул обратно еще прежде, чем войска встретились.

— А возможно, он дождался, когда погибнут Шона и Хаган.

Советник не нашел никаких слов, способных рассеять страх, который отразился в темных глазах Явана. Когда мгновение спустя герцога окликнул Ксавер, Фотир с великой радостью воспользовался возможностью отвести взгляд.

— Арбалетных стрел мы не нашли, милорд, — сказал мальчик, подходя к ним с охапкой стрел. — Но там еще сотни две обычных стрел. Я принес лишь малую часть.

Яван улыбнулся, но Фотир видел, что улыбка далась герцогу с трудом.

— Отлично, господин Маркуллет. Оставьте стрелы здесь и принесите остальные. Я прикажу раздать их лучникам.

— Да, милорд.

Это давало хоть что-то, пусть и небольшое: гораздо меньше часа, даже если экономно тратить стрелы, поровну распределенные между всеми лучниками.

— Возьмите нескольких солдат, чтобы они помогли вам с зажигательными снарядами, — сказал герцог, вновь переводя взгляд на кирси. — Но не высовывайтесь. Я не хочу, чтобы какая-нибудь случайная стрела поразила вас.

Фотир кивнул и направился к лестнице, знаком приказав нескольким кергским солдатам следовать за ним.

Анейранцы продолжали яростно ломиться в дверь и издали торжествующий вопль, когда она затрещала после одного особенно сильного удара.

— Быстрее, первый советник! — крикнул герцог, когда Фотир и остальные бросились вверх по ступенькам. — Скоро они войдут в башню!

Достигнув помещения, расположенного прямо над дверным проемом, советник выругался. Большинство горшков с горючей смесью и известью исчезло. Там находились три кентигернских лучника, каждый из которых по очереди подступал к окну и стрелял в анейранцев, покуда двое других заряжали луки.

— Где остальные снаряды? — осведомился кирси.

— Они понадобились наверху, советник. Для защиты двери, выходящей на стену.

Разумеется. Гневаться не имело смысла. Анейранцам достаточно было сокрушить любую из дверей, чтобы захватить всю башню.

— Нам нужно приберечь оставшиеся снаряды?

— Нет. Герцог хочет сбросить их на людей, которые ломают нижнюю дверь.

— Герцог? — переспросил один из мужчин. — Неужели Андреас вернулся?

— Прошу прощения. — Внезапно Фотир почувствовал себя неловко. — Я имел в виду своего герцога.

Мужчина нахмурился и отвернулся.

Кирси бросил взгляд на солдат, сопровождавших его, и коротко кивнул. Двое мужчин подступили к снарядам, лежавшим на полу, и приготовились. Двое других подошли вместе с Фотиром к окну.

Десятки стрел, в том числе зажженных, торчали из деревянных ставень, подобно иглам на спине дикобраза. Не страшно стать удобной мишенью для мертесских лучников, Фотир выглянул во двор и увидел толпы людей в черном и золотом возле всех крепостных башен. Несколько дверей уже рухнули, и подле них шли кровопролитные бои. Две башни горели, и из бойниц валили клубы черного дыма, уносимые в небо легким ветром. Было ясно, что, если

ход сражения не переменится в самое ближайшее время, анейранцы захватят замок. И Фотир не представлял, каким образом Яван и кентигернский капитан сумеют вдруг взять перевес над противником.

— Мы готовы, первый советник, — сказал один из кергских солдат. — С чего нам начинать, с зажигательных снарядов или с извести?

«Не имеет значения».

— Начинайте с извести. Может быть, нам удастся отогнать их от двери.

Мужчина кивнул и вместе со своим товарищем осторожно поднял первый горшок. Они подступили к окну и начали лить известь на солдат, находившихся у двери в башню. Почти сразу снизу послышались душераздирающие вопли.

— Хватит, — приказал Фотир. — Не надо выливать все сразу.

В комнату влетела стрела, которая со звоном ударилась о стену и упала на пол, чудом никого не задев. За ней последовала еще одна, а потом еще несколько — и в конце концов им пришлось закрыть ставни.

— Они вернутся к двери через минуту, — сказал один из кентигернских солдат, словно хотел несколько поддеть кирси.

Фотир понимал, что он прав, но все же невольно метнул на него свирепый взгляд.

— Зажгите еще один снаряд, — приказал кирси.

Кергский солдат подпалил снаряд с помощью огнива и стали. Фотир взял горшок и на четвереньках подполз к окну. Сделав глубокий вдох, он распахнул одну из ставень и швырнул снаряд вниз, а потом снова присел на корточки. Почти сразу еще четыре стрелы влетели в комнату, причем две из них были горящими. Кентигернский солдат схватил одну из стрел, чтобы зажечь от нее четыре последних горшка.

— Мы вполне можем использовать все снаряды, — сказал он. — Они нам уже не понадобятся, когда анейранцы войдут в башню.

Советник открыл рот, намереваясь возразить, но сразу же закрыл. Мгновение спустя он коротко кивнул.

В окно продолжали лететь стрелы, по большей части раскрашенные в цвета Кентигерна. Теперь, когда мертесские солдаты взяли внутренние дворы, они могли пользоваться оружием противника. Все же Фотир и солдаты не собирались закрывать ставни. Они находились в безопасности, покуда пригибались и держались в стороне от окна, а анейранские солдаты не понимали, откуда летят зажигательные снаряды.

— Что теперь, первый советник? — спросил один из людей Явана.

Кирси бросил взгляд на лучников:

— Как там дела наверху?

Солдат, поджигавший снаряды, помотал головой.

— Дверь пока держится, но у лучников там недостаточно стрел, чтобы долго отражать натиск.

— Мы нашли запас стрел в оружейной комнате. Скоро они получат стрелы.

— Как много?

Фотир сузил глаза, пытаясь понять, прозвучал вопрос с вызовом или нет. Через мгновение он покачал головой.

— Немного.

Мужчина обвел помещение взглядом, словно ища, что бы еще такое сбросить на головы анейранцев.

— Будь здесь герцог, мы бы взяли верх. Они даже не решились бы предпринять такой штурм.

Советник напрягся всем телом.

— Яван сделал все возможное...

— Я не виню вашего герцога. Он сделал все, что можно было сделать, имея в своем распоряжении столь немногочисленное войско. Однако я считаю, что во всем виноват ваш молодой лорд. Именно по его вине мы начали войну с Кергом. Если бы герцог со всем своим

войском находился в крепости, анейранцы сюда не сунулись бы, и сегодня я спал бы допоздна.

Фотир хотел сказать, что Тавис невиновен, что леди Бриенну убил другой человек, но времени на словесные поединки не было, и мужчина в любом случае не поверил бы ему. Но все же советнику казалось, что своим молчанием он предает и герцога, и мальчика.

— Наши дома не должны воевать, — сказал он наконец. — Здесь я с вами согласен.

Мужчина собирался ответить, но не успел, ибо с лестницы донеслись громкие крики. Все они бросились к двери, и едва они добежали до нее, башня сотряслась от мощного удара и наверху раздался оглушительный треск.

— Верхняя дверь! — воскликнул кентигернский стражник. Он бросил лук на пол и выхватил меч из ножен. — Похоже, мы зря теряли время с зажигательными снарядами.

Советник считал, что мужчина и в этом не прав. Лучше было, чтобы пала одна дверь, чем обе. Но и этот спор сейчас был бы неуместным. Обнажив меч и увидев, что кентигернские солдаты сделали то же самое, Фотир выскочил из комнаты и помчался вверх по лестнице, прыгая через ступеньки.

Они встретились с анейранцами недалеко от верхней лестничной площадки, и, прежде чем люди в черно-золотой форме успели поднять свое оружие, Фотир расколол клинки и пронзил солдат мечом. «Это нечестно», — прозвучал у него в уме голос Ксавера Маркуллета, и на мгновение он заколебался. Но когда на них хлынула следующая волна анейранцев, советник снова призвал на помощь магию. А честно ли бросать людям на головы известь и горящую смолу из высокого окна? Честно ли пускать стрелы из потайных люков и бойниц? Фотир никогда не считал себя воином; со времени предательства Картаха племя кирси растеряло былую воинственность. Но он служил герцогу-инди и поклялся сражаться и умереть за своего господина. Советник пробил мечом кольчугу очередного мертесского солдата. Он чувствовал запах крови, пота и дыма. «Это война», — сказал он молодому Маркуллету. Но он не мог не удивляться своей собственной жажде крови. Казалось, весь гнев и разочарование последнего месяца изливались из него, направляя его меч, придавая дополнительную силу магии. Он больше не чувствовал усталости. Напротив, с каждым расколотым клинком, с очередным убитым солдатом он жаждал крови все сильнее. И то, что он обрушивал свою ярость не на Кентигерна и его людей, а на мертесских солдат, не имело значения. Наконец-то он оказывал сопротивление.

Довольно долго магии Фотира и мастерства воинов, сражавшихся рядом с советником, было достаточно, чтобы сдерживать натиск анейранцев. На ступеньках повсюду валялись обломки мечей; мертвые солдаты — по большей части в черно-золотой форме — лежали друг на друге, и реки крови стекали вниз по лестнице, словно потоки талой воды с высокой горы. Но анейранцев было слишком много, и, несмотря на свою неистовую ярость, Фотир, мало спавший и ничего не евший последние два дня, начинал слабеть. В конце концов мертесские солдаты стали теснить защитников крепости вниз. Советник пытался воздействовать своей магией на мечи, но он быстро терял силы, и с каждым расколотым клинком ему становилось все труднее отражать удары очередного противника.

По мере того как они спускались, лестница сужалась, и удерживать равновесие на ней становилось все труднее. Мышцы правой руки, плеча и спины у Фотира горели, точно угли в костре. У него были легко ранены левое плечо и челюсть под самым ухом. Он уже некоторое время взывал к Явану о помощи, надеясь, что герцог пришлет подкрепление, чтобы оттеснить анейранцев обратно наверх. Но до сих пор ни один человек не пришел на подмогу. Яван даже не откликнулся на призывы советника.

Через несколько минут Фотир понял почему. Снизу до них донеслись яростные крики и звон мечей, отразившиеся гулким эхом от каменных стен. Нижняя дверь тоже рухнула. Под натиском противника Яван со своими солдатами отступал наверх так же, как Фотир со своими людьми отступал вниз.

— Как вы там, милорд? — крикнул Фотир, продолжая отражать удары.

— Я жив.

— А господин Маркуллет?

— Он со мной. Многие ведут бой во дворе. Боюсь, они обречены.

«А разве мы не обречены?»

Они продолжали драться; доносившийся снизу звон стали с каждой минутой звучал все громче и ближе. Очень скоро первому советнику предстояло сражаться спина к спине со своим герцогом.

Фотир услышал громкие крики за стенами башни, и его сердце сжалось от отчаяния. Анейранцы брали одну башню за другой. Кентигерн пал.

— Вы слышали? — раздался голос Ксавера, и что-то в тоне мальчика заставило кирси на миг остановиться и прислушаться повнимательнее.

На сей раз он услышал. То были не предсмертные вопли кентигернских солдат и не торжествующие возгласы анейранцев. Голоса летели из всех уголков крепости, и все они повторяли одно слово.

— Герцог! — кричали солдаты. — Герцог! Герцог!

С согласия герцога Глендиврского и Шоны Андреас повел три войска обратно к Кентигернскому холму убийственно быстрым шагом. С того момента, когда они покинули поле битвы, они спали не более одного-двух часов и ели на ходу. Тавис так устал, что не мог даже разговаривать, а тем более поднять меч и сражаться. А ведь он всю дорогу ехал верхом. Он просто не представлял, как пехотинцы еще держатся на ногах.

Однако, когда они наконец вышли из Кентигернского леса и увидели замок, который изрыгал пламя и дым, словно некое чудовище из детского кошмара, бремя усталости разом свалилось с плеч молодого лорда, и он загорелся желанием ринуться в бой.

Тавис страшился увидеть Кентигерн снова — жуткие видения кентигернской темницы являлись мальчику в снах каждую ночь со времени побега. Но с осадой крепости все изменилось. Пусть Кентигерн и был домом Андреаса, но он являлся также первым укреплением Эйбитара на пути анейранских захватчиков. Несмотря на все случившееся, несмотря на все, что герцог сделал с ним, Тавис твердо намеревался сдержать свое обещание, данное несколько дней назад на берегу Хенеи. Он был готов отдать жизнь ради спасения крепости.

Уже больше двух дней мать ехала с ним и с войском Глендивра, но сейчас, при виде замка, она придержала своего коня и повернулась к Тавису, который тоже остановился.

— Мне нужно вернуться к кергскому войску, — сказала она. — Мое место рядом с ними.

«Мое тоже».

Шона взглянула на Керни, словно желая что-то сказать. Но мгновение спустя просто печально улыбнулась и развернула своего коня.

— Да хранят тебя боги, мама, — сказал Тавис. — Встретимся в крепости.

— Береги себя. — Шона обернулась и посмотрела на сына широко раскрытыми глазами. — Да направит Орла твой меч.

Она поскакала прочь, больше не оборачиваясь, и Тавис проводил ее взглядом.

— Не волнуйтесь, лорд Тавис, — наконец сказал Керни. — Хаган не даст в обиду вашу мать.

Мальчик кивнул и вновь двинулся вперед, вслед за герцогом и угрюмым глендиврским капитаном.

Когда они пересекали широкую равнину, простиравшуюся между лесом и холмом, Андреас отделился от своего войска и подъехал к Хагану и Шоне. Несколько минут они разговаривали втроем, а потом герцог развернул своего коня и поскакал к Керни и Тавису.

— Я сказал Маркуллету и герцогине, чтобы они огибали холм и направлялись к Тарбинским воротам, — крикнул он, приблизившись к ним. — Ваше войско останется вместе с моим. Мы пройдем через город и войдем в крепость с востока.

— Хорошо, — сказал Керни. — Сегодня нами командуете вы, лорд Кентигерн.

Распоряжайтесь мной и моими людьми, как сочтете нужным.

Андреас нахмурился, словно недовольный уступчивостью герцога.

— Благодарю вас, — грубовато буркнул он. Потом скользнул взглядом по Тавису, но ничего не сказал мальчику. После короткой неловкой паузы Кентигерн развернул коня и поскакал обратно к своим солдатам, предоставив Тавису задаваться вопросом, не затем ли Андреас берет с собой глендиврское войско, чтобы получить возможность отомстить за Бриенну во время битвы.

— Никто не осудит вас, если вы не примете участия в сражении, Тавис.

Мальчик повернулся на голос и увидел Гринсу, который пристально смотрел на него. На мгновение молодому лорду показалось, что предсказатель читает его мысли. По силам ли такое кирси? По силам ли Избранному?

— Если учесть, что Кентигерн сделал с вами... — продолжал мужчина.

— Я поклялся на своем мече защищать Кентигернский замок, — сказал Тавис более резким тоном, чем намеревался. — Керги не нарушают свое слово.

Кирси пожал плечами:

— Как знаете.

— Вам уже доводилось ходить в бой, лорд Тавис? — спросил герцог.

У Тависа запылали щеки.

— Нет, милорд. Не доводилось.

— Тогда я посоветовал бы вам держаться рядом со мной и Гершоном. На моем счету немного сражений — и уж точно ни одного столь крупного. Но кое-какой опыт у меня есть.

Тавис с трудом подавил желание решительно отвергнуть предложение герцога. Только сейчас он стал понимать, что слишком уж похож на своего отца. Да, он был Кергом, но это не значило, что он должен был пасть жертвой собственной гордости.

— Буду вам признателен, милорд. — Он нашел в себе силы улыбнуться. — Полагаю, моя мать тоже была бы благодарна вам.

Керни широко улыбнулся.

— В таком случае постараемся для нее. — Герцог повернулся к своему первому советнику, сестре предсказателя. — Вас тоже прошу держаться рядом со мной, Кез.

— Не беспокойтесь, милорд. Я не допущу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

Впервые за много дней все рассмеялись, даже капитан, который явно недолюбливал и Кезию, и ее брата.

В скором времени они достигли городских ворот, и, в то время как Хаган и мать Тависа вели кергских солдат вокруг холма к Тарбину, войска Кентигерна и Глендивра начали двигаться по городским улицам в направлении замка. В городе было мало стражников — несомненно, большинство ушло защищать крепость. Но когда войска вступили в город, толпы людей высыпали из домов и лавок, чтобы приветствовать Андреаса и его воинов, а равно Керни и глендиврских солдат.

Тавис сидел в седле неподвижно, устремив взгляд на дорогу; он опасался, что толпа стащит его с коня и свершит свою месть за смерть леди Бриенны. Но если кто из мужчин и женщин на улицах и узнал молодого лорда, они не подали виду.

— Какая бы участь ни ждала вас, Тавис, — тихо сказал Гринса, — сегодня вы герой. Все мы герои. Радуйтесь.

Мальчик искоса взглянул на предсказателя, и тот улыбнулся. Тавис коротко кивнул и вновь устремил взгляд вперед, машинально положив руку на рукоять меча.

Когда они приблизились к подножию холма, на дорогу градом посыпались стрелы, со свистом рассекавшие воздух. Войска еще находились вне досягаемости анейранских луков, но предупреждение было совершенно недвусмысленным: подъем на холм чреват смертельным риском.

Андреас снова направился к ним, на сей раз в сопровождении своего первого советника.

— Я надеялся, что мне никогда не придется отбивать свой замок у неприятеля, —

сказал он, останавливая своего коня. — Именно по этой причине.

— Мой советник может вызвать туман для прикрытия войск, лорд Кентигерн, — сказал Керни. — Если вы считаете, что это поможет.

— Считаю.

— Там по-прежнему полыхают пожары, — сказал Гринса. — Думаю, анейранцы еще не захватили крепость. Возможно, оставшиеся в живых защитники сумеют ненадолго отвлечь от нас мертесских лучников.

Андреас скривил рот, словно не желая разговаривать с предсказателем. Он снова взглянул на Тависа, но лишь мельком.

— Возможно, — наконец сказал он, а потом перевел взгляд на Кезию. — Вызывайте туман, первый советник. Ветер тоже поможет нам.

Женщина кивнула:

— Я сделаю все, что в моих силах, милорд. Кентигерн снова отъехал прочь, но его советник ненадолго задержался, пристально глядя на Гринсу.

— Мой герцог требует от нее слишком многого. — Он кивнул в сторону Кезии. — Может, вы поможете ей?

— Я не владею магией туманов, — сказал предсказатель.

Советник еле заметно улыбнулся.

— Ну разумеется. Очень жаль. — Прищелкнув языком, он прищпорил своего коня и поскакал вслед за Андреасом.

— Что это значит? — спросил Керни.

— Ничего особенного, милорд, — ответил Гринса. — Многие придворные кирси держатся невысокого мнения о нас, ярмарочных предсказателях.

Герцог приподнял бровь и кивнул, словно удовлетворенный ответом. Но по быстрым взглядам, которыми обменялись Гринса и его сестра, Тавис понял, что дело тут не только в этом.

Кезия глубоко вздохнула, закрыла глаза — и странная тишина воцарилась над двумя войсками. Мгновение спустя от дороги начали подниматься струи серого тумана, который вскоре окутал людей и лошадей, словно плотная облачная пелена, затягивающая склоны гор. Одновременно поднялся сильный ветер, дувший через дорогу с севера. Тавис думал, что кирси направит ветер прямо на замок, чтобы сбить стрелы, выпущенные мертесскими солдатами. Но он сразу понял, что Кезия поступила более разумно. Туманная пелена, повисшая над войсками Кентигерна и Глендивра, уже сильно затрудняла задачу анейранским лучникам, а при боковом ветре прицельиться как следует стало практически невозможно.

Окутанные облаком, которое создала кирси, солдаты двинулись вверх по дороге, обнажив мечи и держа щиты над головами. Время от времени стрелы вонзались в щиты, и несколько человек упали, но в целом туман и ветер, вызванные Кезией, служили надежной защитой.

Тавису, не знавшему дороги, подъем показался бесконечным. Его страх возрастал с каждой минутой, и он несколько раз вытирал о штаны вспотевшую руку, которой сжимал рукоять меча. Туман был чрезвычайно густым, и молодой лорд понял, что они достигли крепости, только когда прямо перед ним возникли очертания огромных каменных ворот.

Андреас проревел приказ своим солдатам; Керни выкрикнул: «За Глендивр!» — и люди, шедшие за ними, хлынули навстречу несметным полчищам солдат в черно-золотой форме. Внезапно Тависа подхватило и повлекло вперед бурное море людей и лошадей.

Где-то позади него Керни крикнул своему советнику рассеять туман. Почти мгновенно туманная пелена начала таять, и ветер стих. Но Тавису по-прежнему казалось, будто вокруг бушует буря, — только вой ветра уступил место воплям раненых, а непроглядный серый туман сменился головокружительным хаосом сражения. Не зная, что еще делать, он бил своего коня пятками по бокам и неистово размахивал мечом из стороны в сторону, пытаясь вырваться из тисков битвы.

Он и опомниться не успел, как оказался за воротами, в первом дворе. Гринса что-то

кричат ему, Керни тоже, но они оба остались далеко позади. Со всех сторон Тависа окружали анейранцы. Солдаты хватали его за ноги, стараясь стащить с седла, и он рубил мечом по рукам. Мальчик натянул поводья, пытаясь развернуть коня и возвратиться к предсказателю. Конь взвился на дыбы, едва не скинув седока, но анейранцы на мгновение расступились, и Тавис получил возможность прищпорить скакуна и прорваться обратно к воротам. В следующий миг солдаты вновь сомкнулись вокруг него плотным кольцом, и вновь он рубил мечом как сумасшедший, не обращая внимания на тошнотворный запах крови и вопли раненых.

Предсказатель и герцог находились всего в нескольких ярдах от него; воины Кентигерна и Глендивра захватили двор и теперь теснили мертесских солдат. Тавису чудом удалось остаться в живых. По крайней мере, ему так казалось.

Внезапно конь молодого лорда снова встал на дыбы, его исступленное ржание эхом отозвалось от каменных стен, заставив всех людей на миг застыть на месте. Когда он начал медленно заваливаться на бок, Тавис увидел стрелу, глубоко вонзившуюся в шею животного, и выпрыгнул из седла, оттолкнувшись, чтобы конь не придавил его.

Он тяжело рухнул на плечо, перевернулся и упал на спину, судорожно хватая ртом воздух, оглушенный падением. Прежде чем он успел подняться, к нему подскочил солдат с занесенным над головой мечом. Тавис сам не понимал, как ему удалось вскинуть свой меч и отразить удар. Откатившись в сторону, он вскочил на ноги как раз в тот миг, когда анейранец вновь бросился на него, широко замахиваясь мечом. Молодой лорд отбил и второй удар, но при этом руку у него обожгло болью, и он потерял равновесие. Потирая вывихнутую кисть, Тавис попытался, а солдат ухмыльнулся, словно уверенный в беспомощности противника, и двинулся на него.

Он снова взмахнул мечом, и на сей раз Тавис сумел лишь отклонить удар, но не отразить полностью. Клинок обрушился мальчику на ребра сбоку, и он повалился на землю, задыхаясь от боли. Кольчуга спасла Тависа от проникающего ранения, но его грудь пронзило острой болью; он испугался, что у него сломаны ребра. Тавис попытался отползти, но едва сумел пошевелиться.

Анейранец пошел на него, занеся меч для смертельного удара. По лицу Тависа потекли слезы, и он с трудом подавил рыдание. Неужели он вынес все пытки Андреаса только для того, чтобы погибнуть, защищая замок своего мучителя? Конечно, он уже ничего не мог сделать, чтобы остановить солдата. Мальчик поднял меч, надеясь оказать хоть какое-то сопротивление. Но, приблизившись к нему вплотную, анейранец вдруг споткнулся и начал падать вперед, потеряв равновесие. Он раскинул руки в отчаянной попытке уцепиться за что-нибудь, но уцепиться было не за что. Солдат упал на молодого лорда, напоравшись шеей на клинок Тависа. Горячая кровь хлынула на мальчика, словно вода из опрокинутого ведра. Он открыл рот, чтобы закричать, но захлебнулся чужой кровью.

Вокруг сражались и умирали солдаты. Любой анейранец, который увидел бы Тависа и счел нужным потратить на него время, легко убил бы его одним ударом. Но у мальчика хватило сил лишь выбраться из-под мертвого тела и перевернуться на живот, а потом его начало рвать, точно больного ребенка.

ГЛАВА 31

Шерик дрался не на жизнь, а на смерть; конь плясал под ним, словно лихой скакун ярмарочного наездника, и он орудовал мечом столь неистово, что в конце концов испугался, как бы у него не отнялась рука раз и навсегда. Самым краешком сознания, не охваченным страхом, он понимал весь юмор ситуации. После битвы Андреас похвалит его за мужество, проявленное при защите Кентигерна, когда на самом деле он дрался единственно за свою жизнь.

Воинов-инди учили убивать в сражениях такого рода в первую очередь советников-кирси. Никто не мог изменить ход боя быстрее кирси, обладавших способностью

воздействовать на формы или вызывать ветра и туманы. С помощью беловолосого чародея даже самое малочисленное войско могло взять верх в бою. Поскольку по внешнему виду мужчины или женщины из племени волшебников нельзя было определить, какого рода магией они владеют, инди считали всех беловолосых одинаково опасными врагами. Шерик не мог винить мертесских солдат, наступавших на него со всех сторон. Они не знали, что он не умеет вызывать ветра и туманы или что он не может обнаружить свой дар воздействия на формы. Они видели белые волосы, желтые глаза — и потому нападали.

«Да знаете ли вы, кто я такой? — хотелось крикнуть советнику. — Да знаете ли вы, что я сделал для вас и вашего герцога?»

Но ему ничего другого не оставалось, кроме как сражаться. С помощью магии огня Шерику удалось поджечь рубашки и волосы у нескольких солдат, и это заставило остальных ненадолго отступить. Однако вскоре они собрались с духом и вновь окружили кирси.

Из последних сил стараясь удержаться в седле, Шерик все же краем глаза следил за ходом битвы и видел, что мертесское войско находится на грани поражения. Кергские солдаты под предводительством Хагана Маркуллета и своей удивительной герцогини уже сломили сопротивление анейранцев у Тарбинских ворот и постепенно захватывали западную часть крепости. Анейранцам, остававшимся во внутреннем дворе, отступить было некуда. Отойти назад они не могли — путь к реке теперь перекрывало кергское войско, — и эйбитарцы безжалостно убивали их. Им оставалось только сдаться или сражаться до последнего человека. Шерик полагал, что в любом случае они не продержатся до утра.

Поэтому солдаты-инди, наступавшие на него со всех сторон, представлялись наименьшей проблемой. Избранный хотел, чтобы война затянулась на много дней. По крайней мере, Шерику так казалось. Избранный не посвятил его в свои планы, да и Яллу тоже. Но из разговоров с ним Шерик понял, что Избранный хочет, чтобы анейранцы захватили Кентигерн и тем самым вступили в длительную войну с другими домами Эйбитара. Королевству, ослабленному смертельной враждой Явана и Андреаса и оставшемуся без короля, пришлось бы обратиться к союзникам на юге и востоке, то есть к Сирису и Везирну. Анейранцы, в свою очередь, прибегли бы к помощи Брэдона. Через несколько месяцев в войне участвовали бы практически все королевства Прибрежных Земель. Это неминуемо ослабило бы власть инди и дало бы Избранному возможность возглавить восстание кирси.

Шерик был совершенно уверен, что Избранного никак не устраивает скорое и безуспешное окончание штурма, особенно если поражение Мертесса послужит к упрочению союза между домами Глендивра, Керга и Кентигерна. Шерик сделал свое дело. Он целых два дня приходил в себя после того, как израсходовал столько магической силы на Тарбинские ворота. Ялле еще придется объяснить ему, как это анейранцы умудрились потерпеть поражение, несмотря на его помощь.

При последней мысли советника вдруг охватил ужас. А что, если ее убили? Что, если она до сих пор оставалась в замке, обреченная попасть в плен? Андреас еще мог пощадить простых солдат, но наверняка собирался казнить Роула, его советников и капитанов. Больше всего на свете Шерик хотел отыскать Яллу, убедиться, что она жива и здорова, и найти способ вывезти ее из Кентигерна. Но даже если бы он сумел пробиться сквозь толпу солдат, стоявшую у него на пути, Андреас все равно не отпустил бы его от себя ни на шаг. Полоснув мечом ближайшего анейранца, советник привстал на стремянах и окинул взглядом двор в поисках Яллы.

Сначала он увидел только солдат — одних в черно-золотой форме Мертесса, других в цветах Глендивра, Кентигерна и Керга. Он едва не вскрикнул, когда заметил в отдалении белые волосы кирси, но мгновение спустя увидел, что это не Ялла, а первый советник Явана, который сражался плечом к плечу со своим герцогом. Они находились у самого входа в тюремную башню. С ними были молодой Маркуллет и еще несколько людей Явана — вероятно, уцелевшие солдаты из отряда, прибывшего в Кентигерн в прошлом месяце.

— В чем дело, Шерик? — крикнул Андреас. — Что вы там увидели?

Советник бросил взгляд на герцога, а потом указал рукой на Явана и Фотира.

Лицо Андреаса налилось кровью, губы сжались в тонкую темную полоску. Однако мгновение спустя он потряс головой, словно споря с самим собой.

— Они нуждались в его мече, — сказал он. — И в мечях его солдат. Я не могу винить их.

— Конечно, милорд.

Но Шерик невольно подумал, что Избранному это совсем не понравилось бы.

Советник снова окинул взглядом двор и увидел, что Хаган и герцогиня уже пробились к внутренним воротам. Если Ялла не успела бежать, она уже могла прощаться с жизнью. С дальнего конца крепости донесся торжествующий вопль солдат, и, посмотрев в ту сторону, Шерик все понял. Анейранцы подняли знамя Мертесса, только перевернутое: золотой дуб стоял кроной вниз. Они объявляли о своей капитуляции.

Бой продолжался еще несколько минут. В последних судорогах сражения солдаты не сразу заметили флаг на другом конце двора. Однако в конце концов битва стихла, и Андреас выехал навстречу человеку со знаменем. Шерик и Виллид Темстен двинулись вслед за герцогом, равно как и Керни со своим первым советником и капитаном. К ним присоединился Гринса вместе с лордом Тависом, который сидел на коне позади кресла, сплошь покрытый запекшейся кровью. За ними последовали Хаган и герцогиня, которых через мгновение нагнали Яван, Фотир и молодой Маркуллет. Хаган и Шона спешили одновременно, и капитан крепко прижал к груди своего сына, а герцогиня бросилась в объятия мужа. Тавис подбежал к родителям, и они оба обхватили его руками.

Андреас пронаблюдал за этой сценой с плохо скрываемым отвращением, а потом повернулся к анейранцу.

У мужчины были длинные черные волосы, схваченные в хвостик на затылке, и почти черные глаза, казавшиеся слишком большими на худом лице. Он был сложен как борец: жилистый и мускулистый, хотя и не особенно крупный.

— Кто вы такой? — осведомился Андреас. — Где ваш герцог?

— Меня зовут Вин Стридбар, — ровным голосом ответил мужчина. — Я главный оружейник Мертесса.

— А где же ваш герцог, сэр Стридбар?

— Мой герцог погиб.

— Почему я должен вам верить? Насколько я знаю, он просто бежал, оставив вас умирать.

— Роул Мертесский никогда не пошел бы на такое. Мужества у него было больше, чем у всех так называемых герцогов Эйбитара вместе взятых.

В смелости этому человеку нельзя было отказать, хотя многие посчитали бы такое поведение просто глупым. Эйбитарские солдаты возмущенно загудели, и Шерик заметил, что, по крайней мере, несколько человек вытащили стрелы из своих колчанов. Андреас поднял руку, приказывая всем замолчать.

— Все в порядке, — крикнул он. — Любой солдат из присутствующих здесь сказал бы то же самое о своем герцoge. Иначе и быть не может. — Он снова посмотрел на анейранца. — Так вы единственный из приближенных Роула, кто остался в живых?

— Нет. Я отослал нашего первого советника обратно в Мертесс, вместе с телом герцога и всеми людьми, которых мы могли спасти.

— И вы готовы умереть за них?

Стридбар усмехнулся:

— Разве ваш капитан повел бы себя иначе?

Герцог махнул рукой в сторону анейранских солдат, которые оставались во дворе, со всех сторон окруженные эйбитарцами.

— А как насчет этих людей? Они тоже готовы умереть?

Стридбар побледнел.

— Только безжалостный палач стал бы казнить солдат, сложивших оружие. В ваших

руках полководец. Отпустите их.

Андреас кивнул:

— Возможно, я так и сделаю. Но сначала вы должны ответить мне на несколько вопросов.

Стридбар посмотрел на герцога волком, но через секунду кивнул.

— Кентигерн — самая неприступная крепость во всех Прибрежных Землях. Однако вашему войску едва не удалось захватить ее в считанные дни. Как такое стало возможно?

У Шерика мучительно заныло под ложечкой.

— Возможно, ваша крепость не такая уж неприступная, как вам кажется, — сказал человек, едва заметно улыбаясь. — А возможно, мертесское войско гораздо сильнее, чем вы предполагали.

Андреас потряс головой.

— Я так не думаю. Я думаю, вам кто-то помогал.

— И он что-то сделал с западными воротами, — подал голос Яван, привлекая к себе пристальный взгляд Андреаса.

— С чего вы взяли?

— Другого объяснения нет. Все случилось не в считанные дни, Андреас. Анейранцы прорвались в крепость через Тарбинские ворота в считанные минуты. По всей видимости, укрепления кто-то ослабил.

Андреас еще несколько секунд буравил Явана взглядом, а потом повернулся к анейранцу.

— Что скажете?

— Я не знаю, о чем он говорит. Мы проломили ваши ворота тараном, как сделало бы любое войско Прибрежных Земель.

Шерик немного расслабился. Этот человек твердо решил умереть за Яллу и солдат Мертесса. Андреас не мог страхом заставить Стридбара признаться в чем-либо. По крайней мере, так казалось советнику.

— Лучники! — крикнул Андреас. — Приготовьте свои луки и приведите сюда одного анейранского солдата.

Главный оружейник широко раскрыл глаза и стал похож на испуганного ребенка.

— Что вы собираетесь делать?

Андреас пожал плечами:

— Я собираюсь убивать ваших людей одного за другим, покуда вы не скажете мне то, что я желаю знать.

«Может, он не знает, — подумал Шерик. — Может, Ялла и герцог никому не рассказали».

Мужчина бросил молниеносный взгляд в сторону советника — и этого мгновения хватило, чтобы его последняя надежда рухнула.

— Вам не пристало опускаться до убийства простых солдат, милорд, — спокойно сказал Шерик. — Это поступок, достойный анейранца, но не эйбитарского герцога.

— Вынужден согласиться, лорд Кентигерн, — сказал Глендивр. — Я не сторонник пыток, но, думаю, в данном случае имеет смысл прибегнуть к ним.

Андреас посмотрел на советника волком, словно он предал его одними своими словами, но в конце концов кивнул.

— Хорошо, — сказал он ледяным тоном. — Отведите его в темницу.

— А мои люди? — спросил Стридбар.

Он поистине оставался полководцем до конца и заслуживал уважения. К тому же теперь, вероятно, Шерик мог на него положиться. Советнику оставалось лишь надеяться, что, избавив анейранских солдат от смерти, он заручился молчанием Стридбара — по крайней мере, на время, которое ему понадобится, чтобы добраться до Мертесса.

— Мы отберем у них оружие и отправим обратно в Мертесс. — Андреас выпрямился в седле. — Даю слово.

Анейранец глубоко вздохнул и кивнул. Андреас чуть заметно шевельнул пальцем, и двое мужчин подошли к Стридбару, подхватили его под руки и повели к тюремной башне.

— Виллид, — сказал герцог, поворачиваясь к своему капитану. — Распорядитесь забрать у анейранцев мечи и щиты. Потом прикажите двум вашим лейтенантам с сотней солдат проводить пленных до реки. И никого не трогать, если они будут вести себя смирно. — Он на минуту умолк и, угрюмо нахмурившись, обвел двор глазами. — Остальные пусть начинают приводить крепость в порядок и восстанавливать ворота.

— Да, милорд.

— Мои люди с радостью окажут вам посильную помощь, — сказал Яван, глядя на Андреаса.

Керни кивнул:

— Мои тоже.

У Андреаса напряглась челюсть. Он явно не желал принимать никакой помощи от Явана, но Кентигернский замок лежал в руинах. Только для того, чтобы убрать мертвые тела, нужен был почти целый день.

— Благодарю вас, — проговорил он хриплым голосом.

Мгновение спустя капитан Андреаса принялся выкрикивать приказы своим солдатам; герцоги Глендиврский и Кергский сделали то же самое. Вскоре по двору забегали взад-вперед люди, которые начали убирать тела убитых и восстанавливать крепость.

— Вы что-то говорили насчет ворот. — Андреас вновь повернулся к Явану. — Объяснитесь, будьте любезны.

— Я ничего не знаю наверняка, — сказал герцог Кергский. — Но мой первый советник предположил, что ворота были ослаблены с помощью магии. Я с ним согласен.

— Какого рода магии? — спросил Андреас, переводя взгляд на Фотира.

— Скорее всего, преобразование форм. У вас в замке есть кирси, обладающие даром воздействия на формы?

Герцог взглянул на Шерика.

— Есть?

— Да, — ответил Шерик, с удовольствием отметив, что голос у него не дрогнул. — Два младших советника владеют магией преобразования форм.

— И все?

Шерик обернулся на голос и увидел, что Гринса пристально смотрит на него. У советника мороз пробежал по коже. Казалось, предсказатель ясно видел, что он говорит не всю правду.

Со времени своего последнего разговора с Фотиром в «Серебряном медведе» Шерик считал, что Тависа вызволил из темницы именно кергский советник, причем с помощью Избранного. А со времени своей первой встречи с Гринсой он постоянно задавался вопросом, не является ли Избранным этот самый предсказатель. Избранный мог с первого взгляда определить, какими способностями обладает тот или иной кирси, — поэтому он, вполне возможно, знал, что Шерик тоже владеет магией преобразования форм. Но когда они пристально смотрели друг на друга, словно два воина, пытающиеся оценить силу противника перед поединком, советник вдруг понял, что ни один из них ничего не может сказать о другом. Предсказатель не мог уличить Шерика во лжи, не обнаружив истинную природу своего магического дара, а Шерик не мог обвинить мужчину, не выдав свою собственную тайну. Похоже, предсказатель тоже понял это, ибо через несколько секунд он отвел глаза, не произнеся ни слова.

— Я совершенно уверен, что это все, — сказал советник, вновь поворачиваясь к Андреасу. — Конечно, ничто не мешает кирси утаить свои способности. Любой кирси в замке может оказаться преобразователем форм.

— Включая вас, — произнес Фотир.

Шерик натянуто улыбнулся.

— Да, первый советник, включая меня. И вас.

— Я никогда не скрывал того факта, что владею магией воздействия на формы. Но я находился в тюрьме, когда рухнули ворота.

— Это глупо, — раздраженно сказал Андреас. — Я хочу поговорить с этими двумя младшими советниками, если они еще живы. Разыщите их, Шерик.

— Непременно, милорд.

Он развернул своего коня и неспешно направился к ближайшим из двух внутренних ворот, стараясь сохранять невозмутимый вид. В комнате у него оставались вещи, которые Шерику хотелось бы забрать с собой: набитый монетами кошелек, несколько книг в кожаном переплете, кое-какая одежда, изысканно украшенный кинжал, подаренный ему отцом много лет назад. Но сейчас все это не имело значения. Если предсказатель не выдал его, то анейранский оружейник выдаст точно. В любом случае скоро он поплатится жизнью. Вероятно, другой возможности бежать уже не представится. Никто из кентигернских солдат даже не подумает остановить его, и в кои-то веки он не боялся встретить на противоположном берегу дозорных анейранцев, большая часть которых, скорее всего, вернулась в Мертесс с Яллой и остатками войска Роула.

Проезжая через северные ворота, советник размышлял о том, сколь неожиданно закончилась его многолетняя служба при дворе Кентигерна. Он всегда знал, что этот день придет, и все же испытывал странное чувство, приняв решение так быстро. Но оставался ли у него выбор? Он сделал все от него зависевшее, чтобы помочь делу Избранного. Возможно, этого оказалось недостаточно, и, возможно, Избранный убьет его за это. Но Шерик не хотел умирать от руки Андреаса. Глупый инди не заслуживал такого удовольствия.

Это был Шерик. Гринса не сомневался. Он встретился взглядом с Фотиром и мгновенно понял, что советник исполнен такой же уверенности. Разумеется, он ничего не мог сказать здесь, в присутствии инди, не вызвав у них подозрений на собственный счет. Но ничто не мешало предсказателю последовать за кентигернским советником и допросить его без свидетелей.

Но когда он уже собрался извиниться и поехать вслед за Шериком, разговор между герцогами внезапно принял скверный оборот, и Гринсе пришлось задержаться еще на несколько минут.

Андреас спешил и теперь стоял лицом к лицу с Яваном. Оба они были покрыты ранами и ссадинами, но герцогу Кергскому в сражении досталось явно больше.

— Похоже, стены моей тюрьмы не в состоянии удержать ни одного из вас, — сказал Андреас, положив руку на рукоять меча. — Интересно почему?

Яван пожал плечами, не сводя своих голубых глаз с лица Кентигерна.

— Не знаю. Говорят, боги не допускают, чтобы невиновные сидели в тюрьме. Это объяснение ничуть не хуже любого другого.

— Вы хотите, чтобы я поверил в существование заговора кирси и отпустил вашего сына, признав его невиновным? Да никогда!

— Вы видели сегодня Тависа во время боя, лорд Кентигерн? — спросил Гринса.

Оба герцога повернулись к нему.

— Нет, — сказал Андреас. — А что?

— Вы бы увидели юношу, совсем еще ребенка, который изо всех сил старался преодолеть страх. И вы бы увидели, как мальчика вырвало, когда он убил человека, хотя тот человек собирался убить его. Тавис не убийца, он еще даже не воин. Он недостаточно жесток и недостаточно мужествен. — Кирси взглянул на Явана. — Простите меня, милорд, но я говорю правду.

Тавис, по-прежнему измазанный кровью анейранца, смотрел в землю. Гринса не хотел унижить мальчика, но лучше было слыть трусом, чем убийцей. По крайней мере, такой выбор сделал бы предсказатель на его месте. Он не знал, согласен ли с ним Тавис.

— По-твоему, это что-то доказывает? — спросил Андреас. — Это не доказывает ровным счетом ничего! Конечно, он был напуган сегодня. На сей раз он имел дело не с

беззащитной девушкой. — Он свирепо взглянул на молодого лорда и сжал рукоятку меча. — Мне следовало убить тебя в первый же день, парень. Зря я решил дать тебе возможность сознаться.

Тавис поднял глаза и посмотрел в лицо герцогу.

— У вас это так называется? У нас в Керге это называется пытками.

Андреас выхватил меч из ножен, зарывав, словно дикий зверь. Яван поднял свой меч, готовясь встать на защиту сына; Фотир и Хаган Маркуллет сделали то же самое.

— Стойте! — воскликнул Керни. — Лорд Тавис по-прежнему находится под моим покровительством, Андреас. Если вы причините мальчику вред, Глендивр объявит вам войну.

— И Керг, — добавил Яван.

— Это дело вас не касается, Яван, — сказал Керни. — Ваш сын попросил убежища у дома Глендивров. Если вы хотите сами защищать лорда Тависа, я возьму обратно свое предложение о покровительстве. Но, поскольку в таком случае он не сможет избежать кентигернского суда, я советую вам предоставить дело мне.

Герцог Кергский покраснел и открыл рот, собираясь ответить, но герцогиня предостерегающе положила ладонь на руку мужа.

— Конечно, вы правы, лорд Глендивр, — сказала она. — Пожалуйста, примите наши извинения.

Керни кивнул и вновь посмотрел на Андреаса. Мгновение спустя Кентигерн неохотно вложил меч в ножны, глядя в сторону.

— Хорошо, Керни. Ваша взяла. Но вам лучше увезти мальчишку из моего замка, пока кто-нибудь из моих солдат не решил взять дело в свои руки.

— Это тоже стало бы поводом для войны, — сказал Керни, продолжая сверлить герцога взглядом.

— Именно поэтому вам стоит увезти его отсюда поскорее. Вы угрожаете войной, Керни, но мы оба знаем, что глендиврскому войску не тягаться с моим.

Глендиврский капитан издал резкий смешок.

— Я в этом не так уверен.

— Спокойно, Гершон, — сказал Керни. Он снова повернулся к герцогу и глубоко вздохнул. — Угрожать друг другу не имеет смысла, Андреас. Для этой земли, для этого замка одной войны достаточно. Нам нужно отдать дань уважения нашим погибшим солдатам и восстановить Кентигерн. Неужели мы не можем сделать это сообща, когда совсем недавно мы сражались как союзники, чтобы изгнать анейранцев из нашего королевства?

Андреас и Яван обменялись молниеносными взглядами. Похоже, они оба обдумывали слова Керни, и Гринсе показалось, что лица обоих смягчились.

Предсказателю хотелось верить, что они смогут сотрудничать — по крайней мере в ближайшее время. Не только потому, что от этого зависело будущее королевства, но и потому, что кирси не терпелось поскорее оставить герцогов. В его сознании пронзительно кричал какой-то голос, приказывавший последовать за Шериком. Если советник предал Кентигерна, он определенно не собирался возвращаться. Это было бы слишком рискованно.

С каждым новым днем, с каждым следующим открытием Гринса все больше убеждался, что различные толки о заговоре кирси в Прибрежных Землях — не просто пустая болтовня испуганных инди. Он не располагал подлинными доказательствами; он лишь строил предположения в поисках ответов на вопросы, ставившие его в тупик. Но Кресенна (при одной мысли о ней у него заныло сердце) послала за ним наемного убийцу, чтобы не позволить ему добраться до Кентигерна. Кто-то убил Бриенну и обставил все таким образом, чтобы виновным сочли Тависа. А теперь Шерик предал своего герцога и сдал Кентигернский замок анейранцам. Между всеми этими событиями существовала связь. Гринса не сомневался в этом.

Он не сомневался также, что никогда уже не увидит Кресенну. И предсказатель почти наверняка знал, что, даже если они найдут убийцу Бриенны, последний сможет рассказать о

заговоре кирси не больше чем человек, нанятый Кресенной. Однако с Шериком дело обстояло иначе. Он был первым советником одного из главных домов Эйбитара. Если он участвовал в заговоре, то наверняка знал многое. Больше всего на свете Гринсе хотелось разыскать и допросить первого советника, пусть даже ответы пришлось бы из него выколачивать.

Но трем герцогам, стоявшим перед ним, надлежало сделать нечто большее, чем просто похоронить погибших солдат и восстановить ворота замка.

— При всем своем уважении к вам, лорд Глендивр... — Гринса оглянулся на северные ворота, словно мысленно умоляя Шерика задержаться в Кентигерне еще ненадолго. — Боюсь, вам и другим герцогам следует подумать о более важных делах, нежели погребение павших воинов.

Керни сузил глаза.

— Вы о чем?

— Ваш король умер, и страна ждет его преемника.

— Преемником короля является Яван Кергский, — сказал Хаган Маркуллет. — Согласно Законам Престолонаследия.

— Плевать на Законы Престолонаследия! — Андреас наставил палец на герцога Кергского. — Я говорил вам, Яван, что вы не взойдете на престол, покуда я жив! С мальчиком я ничего не могу поделать, но здесь я волен поступать по своему усмотрению. Я никогда не признаю короля из дома Кергов.

— Даже рискуя развязать войну? — спросил Керни.

Герцог кивнул:

— Даже так.

Глендивр повернулся к герцогу Кергскому:

— Яван?

— Что? — сказал мужчина. — Это он угрожает войной, а не я.

— Но вы можете предотвратить войну, отказавшись от своих притязаний на престол.

Яван уставился на Керни как на сумасшедшего.

— И отдать корону Кентигерну? Да никогда в жизни!

— Похоже, остается только один выход, лорд Глендивр, — сказал Гринса. — На престол должны взойти вы.

— Что? — Голос подала Кезия, которая в ту минуту выступила от лица всех присутствующих. — Вы шутите!

— Другого выхода нет, — сказал Гринса. — Торалдов и Галдастенов мы не можем принимать в расчет. У них нет не только законного наследника престола, но даже достаточного влияния, чтобы идти против Законов Престолонаследия. Если мы вынесем вопрос на обсуждение главных домов, они выберут Керга, независимо от того, как проголосует Кентигерн. Если какое-то решение проблемы существует, то найти его должны три герцога, присутствующие здесь. Кентигерн не признает короля из дома Кергов, а Керг не признает короля из дома Кентигернов. Таким образом, остается лорд Глендивр.

Гринса видел, что причиняет сестре боль, что каждым своим словом отнимает у нее жизнь и любовь. Если герцог еще мог себе позволить взять в любовницы женщину-кирси, то эйбитарский король и помыслить о таком не мог. «Прости меня, — хотел сказать он. — Другого выхода нет». Но он лишь пристально смотрел в светлые глаза Кезии, надеясь, что она поймет.

— Я не хочу быть королем, — сказал Керни. — И никогда не хотел.

В устах любого другого человека это прозвучало бы неискренне и фальшиво, но Глендивру Гринса поверил. Предсказатель кивнул и еле заметно улыбнулся.

— Именно поэтому лучше вас никого не найти.

Он посмотрел на Явана, потом на Андреаса.

— Милорды?

— Угрозы Кентигерна не помешают лорду Кергу взойти на престол! — сказал Хаган,

тряся головой. — Законы Престолонаследия...

Яван положил руку капитану на плечо.

— Все в порядке, Хаган. — Крепко сжав губы, он посмотрел сначала на Гринсу, потом на Керни и, наконец, остановил взгляд на Кентигерне. — Я подумаю над этим, Андреас, если вы тоже подумаете. Мы оба потеряли много солдат сегодня, и наши дома претерпели жестокие испытания в последний месяц.

Андреас неохотно кивнул.

— Я подумаю.

— Лорд Глендивр? — спросил Гринса.

Керни пристально смотрел на Кезию; казалось, он тоже вдруг понял, что означает для них двоих его восшествие на престол.

— Если другого способа избежать междоусобной войны нет, — сказал герцог, — я не вправе отказаться.

Гринса чувствовал, что он не столько отвечает на вопрос, сколько убеждает Кезию, пытается объяснить свое решение. Но другие этого не понимали — кроме, пожалуй, Тависа, который наблюдал за обоими с непроницаемым выражением лица.

— Нам нужно позаботиться об убитых, — сказал Яван после продолжительного молчания. — Скоро стемнеет.

Остальные кивнули и начали расходиться, но Гринса поймал взгляд Фотира.

— Можно вас на пару слов? — спросил он.

Советник взглянул на своего герцога, который кивнул, а потом направился к одной из башен, держа за руку герцогиню. Тавис проводил родителей глазами, а затем поплелся вслед за Керни с видом брошенного ребенка.

— Я хочу разыскать Шерика, — сказал предсказатель тихим голосом, слышным только Фотиру.

— Прямо сейчас?

— Думаю, другой возможности нам не представится. На его месте я постарался бы поскорее добраться до Тарбина.

— Тогда вперед.

Гринса протянул руку; Фотир схватился за нее и вскочил на коня, пристроившись за спиной предсказателя. Они быстро выехали через северные ворота в наружный двор, потом повернули на запад, к Тарбинским воротам. Гринса нигде не видел Шерика. Советник тоже был верхом. Возможно, он уже находился в Анейре, но, скорее всего, он ехал медленно, чтобы не привлекать к себе внимания.

Двое кирси проехали через наружные ворота мимо груды погнутых железных прутьев и расколотых брусьев, которые остались от разрушенных опускных решеток, и направились по извилистой дороге вниз к реке. У подножия холма они повернули на юг и двинулись вдоль изогнутого широкой дугой берега Тарбина к броду. Только тогда они увидели Шерика. Он ехал далеко впереди и уже свернул с дороги и спустился с откоса к самой воде. Они никак не могли догнать и задержать советника на эйбитарском берегу.

— Проклятье! — Гринса пустил коня в галоп, хотя и понимал, что это бесполезно.

— Мы можем использовать магию? — спросил Фотир.

— На таком расстоянии — нет. Если только вы не рассчитываете остановить его с помощью ветра.

— Надо попробовать.

— Вы можете вызвать ветер на ходу?

Фотир ничего не ответил, но мгновение спустя подул ветер; слабый поначалу, он быстро крепчал, и скоро река забурлила и вспенилась, словно Западное море во время шторма. Конь Шерика с трудом двигался против ураганного ветра и бурных волн, но предатель продолжал переправу. Будь здесь река глубже, возможно, он бы отступил перед разбушевавшейся стихией. Как бы то ни было, Гринсе и Фотиру предстояло потратить на погоню не меньше сил, чем тратил советник на переправу через Тарбин.

— Вы можете мне помочь своей магией? — напряженным голосом спросил Фотир.

— Нет. Тогда Шерик поймет, что один из нас Избранный.

К тому времени, когда они достигли брода, Шерику уже удалось добраться до противоположного берега. Он смотрел на них с насмешливой улыбкой человека, уверенного в своей безопасности. Фотир позволил ветру стихнуть, и Шерик заулыбался еще шире. Мгновение спустя он поднял меч, словно салютуя своим преследователям, а потом развернул коня, поскакал прочь от реки и скрылся в Мертесском лесу.

— Мы еще можем догнать его, прежде чем он достигнет Мертесского замка, — сказал Фотир.

— А если мы натолкнемся на остатки мертесского войска?

— Вы же Избранный!

Гринса посмотрел на советника:

— Вы серьезно?

— Я не предлагаю сражаться с ними. Но в случае необходимости мы можем вызвать туман и скрыться.

— Нет. — Предсказатель покачал головой. — Сегодня Шерик взял верх. Больше мы ничего не можем поделать.

Он снова повернулся к реке и устремил взгляд на темную полосу леса, росшего на противоположном берегу. Частью своего существа он рвался в погоню. Этот человек заслуживал наказания — не только за свое предательство, но и за все страдания, перенесенные по его милости Тависом. Однако, хотя Гринса отказался усилить ветер Фотира своей магией, он начинал задаваться вопросом, уж не знает ли случаем Шерик о том, что он Избранный. Он неотступно думал о странном замечании, оброненном Шериком накануне по дороге к замку, и о многозначительном взгляде, которым советник смотрел на него во время недавнего бессловесного спора в крепости. Скорее всего, у него просто разыгралось воображение. Будучи Избранным, Гринса всю жизнь постоянно боялся обнаружить свои истинные магические силы и никогда не пытался бороться со страхом такого рода. Но в данном случае он чувствовал опасность особенно остро. Шерик уже показал себя хитрым врагом. Вооруженный этим знанием, он мог угрожать жизни Гринсы и, возможно, жизни Кезии.

— Рано или поздно я найду его, — тихо проговорил Гринса. — Мне даже не придется особенно стараться. У меня такое чувство, что Шерик тоже будет искать встречи со мной.

ГЛАВА 32

Ксавер и Хаган все еще оставались во внутреннем дворе крепости, когда Фотир с предсказателем вернулись. Капитан следил за людьми, убиравшими тела кергских солдат; в любое другое время Хаган считал бы подобное зрелище слишком тяжелым для мальчика, но с момента своего недавнего воссоединения с сыном он не отходил от него ни на шаг. Ксаверу почти казалось, что отец не спускает с него глаз из страха потерять его снова. По правде говоря, мальчику и самому не хотелось отходить от Хагана.

Он уже рассказал отцу многое о своем пребывании в Кентигерне, особенно о последних нескольких днях, когда они сражались с анейранцами, и капитану не терпелось поблагодарить Фотира за все, что он сделал для спасения жизни Ксавера.

Однако они не успели подойти к нему, ибо советник и Гринса сразу же направились к Андреасу. Оба кирси спешили и заговорили с герцогом, указывая на ворота.

— Быть такого не может! — донесся до Ксавера голос герцога. Тряся головой, Андреас двинулся прочь от кирси со словами: «Даже слушать не желаю!»

Гринса нагнал Кентигерна и снова заговорил, но так тихо, что Ксавер ничего не услышал.

Мгновение спустя Андреас резко повернулся к предсказателю и предостерегающе поднял палец. К этому времени к ним присоединился Керни, а через несколько секунд

подошли Яван и герцогиня.

— Пойдем, парень, — сказал Хаган, торопливо направляясь к герцогу Кергскому. Ксавер следовал за ним по пятам.

— Это что, какие-то кергские хитрости, Яван? — грозно осведомился Андреас, багровея от гнева.

Герцог недоуменно уставился на него.

— Вы о чем?

— Предсказатель и ваш первый советник говорят, что мой первый советник — предатель и что именно он ослабил ворота.

— Это правда? — спросил Яван, взглянув на Фотира.

— Думаю, да, милорд.

Андреас снова потряс головой.

— Не может быть. Шерик даже не владеет магией преобразования форм.

— Так он говорил вам, лорд Кентигерн, — сказал Гринса. — Но, возможно, он лгал.

— Или говорил правду, — добавил Фотир, — но действовал сообща со вторым предателем, обладающим даром воздействия на формы. В любом случае он предал вас. А теперь бежал в Анейру.

— Что? — спросил Яван. — Вы видели, как он переправляется через Тарбин?

— Да, милорд. Гринса... — Советник запнулся и бросил взгляд на предсказателя. — Мы оба подозревали Шерика и последовали за ним, когда увидели, что он покинул крепость. Он сумел переправиться на другой берег прежде, чем мы его настигли.

— Этому наверняка есть другое объяснение. — Андреас принялся расхаживать взад-вперед. — Я знаю Шерика почти десять лет. Он никогда не поступил бы так со мною.

— Вы не замечали никаких странностей в его поведении? — спросил Керни.

— Он кирси! Конечно, он ведет себя странно!

— А в последнее время он не вел себя более странно, чем обычно? Например, перед самым выступлением вашего войска из замка?

Андреас резко остановился и метнул взгляд на своего капитана.

— Гром и молния! — прошептал он. — В тот самый день. Когда он сказал, что ходил прогуляться и что плохо себя чувствует. Я назвал это медвежьей болезнью. Он обливался потом и казался таким усталым, словно не спал несколько ночей подряд.

Фотир бросил взгляд на предсказателя.

— Именно так выглядел бы я после того, как ослабил все те опускные решетки.

Герцог зажмурил глаза, словно у него раскалывалась голова.

— Да обречет его Байан огню! — Он открыл глаза и подозрительно уставился на Гринсу и советника. — Клянусь, больше я никогда не поверю ни одному кирси.

— Не все мы предатели, — сказал Фотир.

— Возможно, но вы вероломны по своей природе.

Фотир бросил на герцога жесткий взгляд, но промолчал.

— Мы уже ничего не можем поделать, — сказал Гринса. — В настоящее время он находится в глубине Мертесского леса.

Яван кивнул:

— Значит, нам нужно вернуться к нашим делам. Я хотел бы разбить лагерь до наступления темноты, и мы еще не все закончили здесь.

Трое герцогов вновь разошлись в разные стороны, словно воины на турнире, возвращающиеся в свои углы ристалища. Хаган повернулся, собираясь последовать за Яваном, однако Ксавер задержался, провожая взглядом Тависа, который тащился за Керни. Молодой лорд смыл с лица запекшуюся кровь, но ходил по-прежнему скованным шагом — несомненно, из-за ранения, полученного в битве. Он упорно смотрел себе под ноги. Никто с ним не разговаривал и никто не шел рядом. Казалось, он был существом из другого мира и ни один человек в замке просто не видел его.

Они не обменялись ни единым словом со времени их последней встречи в темнице

Андреаса. Днем, когда все они стояли посреди внутреннего двора, Тавис даже не посмотрел на него. Ксавер хотел подойти к молодому лорду. В глубине души он чувствовал, что должен сделать это. Несмотря на все случившееся, он по-прежнему оставался вассалом Тависа. Однако что-то удержало его. Ксаверу казалось, что они далеки друг от друга как никогда. Он не мог даже представить, что пришлось вынести молодому лорду со дня смерти Бриенны и что он чувствует сейчас. Из-за выражения глаз Тавис выглядел гораздо старше своих шестнадцати лет, а шрамы изменили еще недавно молодое и красивое лицо, теперь ставшее теперь мрачным и суровым. Если бы Ксавер встретил его на проселочной дороге, далеко от стен Кентигерна или Керга, он вряд ли узнал бы друга. Теперь, когда Тавис находился под защитой Глендивра, они даже не принадлежали к одному дому.

— Ты идешь, Ксавер? — крикнул отец.

Ксавер продолжал смотреть вслед молодому лорду, не зная, как поступить. Наконец он повернулся к отцу и помотал головой.

— Я скоро, — сказал он.

Хаган метнул молниеносный взгляд на Тависа, словно прочитав мысли сына, а потом кивнул.

Набрав в грудь воздуха, Ксавер бросился вслед за Тависом и чуть погодя окликнул его.

Молодой лорд замер на месте, но повернулся не сразу. Казалось, он пытался решить, заговорить ему с Ксавером или пуститься в бегство.

Ксавер остановился в нескольких шагах от него.

— Если ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я так и сделаю.

Он увидел, как Тавис глубоко вздохнул.

— Нет, — сказал мальчик, наконец поворачиваясь к нему. — Поначалу я сам собирался разыскать тебя. Я хотел поговорить с тобой. Просто я... — Он пожал плечами и слегка поморщился, потирая рукой бок.

— Ты в порядке?

— Ты об этом? — спросил Тавис, похлопав себя по боку. — Я в полном порядке. — Он опустил взгляд. — Мне повезло, Колючка. Он убил бы меня, если бы я не упал.

Ксавер содрогнулся, вспомнив о своем первом убийстве, совершенном в первую ночь штурма.

— Ты знаешь, как говорит мой отец: «Лучше быть плохим воином, но везучим, чем хорошим, но невезучим».

Тавис улыбнулся, хотя его лицо осталось печальным.

— Плохой воин, но везучий, — повторил он. — Это определенно обо мне.

— Ты бы видел меня несколько дней назад, — сказал Ксавер. — Мы с тобой уже в десять лет лучше владели мечом. Будь там мой отец, он бы заставил меня бегать по башням. Прямо тогда же, в разгар сражения.

Улыбка задержалась на лице Тависа еще на мгновение, а потом погасла, словно последний луч заката.

— Как твоя рука?

Ксавер понял не сразу.

— Все в порядке. Я уже и забыл о ней.

— С трудом верится.

Ксавер напрягся, пытаясь найти нужные слова, но на ум ничего не приходило.

— Я видел Бриенну, — сказал молодой лорд, и Ксавер снова содрогнулся. — Я был в храме Байана в Черную Ночь, и она приходила ко мне. — Он судорожно сглотнул, и Ксаверу показалось, что в глазах у Тависа блеснули слезы. — Она сказала, что это не я убил ее. И даже показала мне лицо убийцы.

— Я не удивлен. Я уже давно знаю, что ты невиновен.

— А я не был уверен, пока не увидел Бриенну. Я хотел верить в свою невиновность, но все время помнил о том, что сделал с тобой.

Ксаверу совершенно не хотелось говорить на эту тему. Минуту назад он сказал правду.

Он сумел все забыть. Но при напоминании о случившемся в нем снова вспыхнуло негодование, и сердце опять болезненно сжалось. Ему показалось даже, что рука у него вновь заболела.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил он. — Жить в Глендивре, пока не найдут убийцу?

— Тогда бы мне пришлось остаться там до конца своих дней. Я должен сам отправиться на его поиски, Ксавер. Я должен найти убийцу.

— Ты шутишь.

— Никто, кроме меня, не станет его разыскивать. Ни один человек в Кентигерне не верит в его существование, и я не хочу просить никого из подданных Керга сделать это за меня. Помимо всего прочего, только я один знаю, как он выглядит.

— Он наемный убийца, Тавис. Даже если ты найдешь его, он убьет тебя при первой же возможности — а если не он, то наемные убийцы Кентигерна. Керни не сможет защитить тебя, если ты покинешь Глендивр.

— А какой выход у меня остается, Ксавер? Жить до конца своих дней среди людей, которые считают меня убийцей, вдали от семьи и двора моих предков? — Он потряс головой. — Лучше уж умереть. По крайней мере, тогда я хотя бы попытаюсь сделать что-то. — Он улыбнулся, и это была первая искренняя улыбка, которую Тавис увидел на лице друга с тех пор, как они выехали из родного замка в Кентигерн. — Я Керг, Колючка. Ты можешь представить моего отца, живущего под чьим-то покровительством? Ты можешь представить моего отца, прозябающего в горах, в сорока лигах от Керга?

Ксавер тоже невольно улыбнулся. Он действительно не мог представить ни Явана, ни Тависа в подобных обстоятельствах.

— Тебе, по крайней мере, нужно взять кого-нибудь с собой, — сказал он. — Ты не можешь рассчитывать только на свои силы.

— Я и не рассчитываю. Думаю, мне поможет Гринса.

— Предсказатель?

— Да. Я понял не все из того, что он говорил мне, но наши с ним судьбы неким образом связаны. Он прозрел это в своих видениях. Гринса говорит, что именно поэтому он вызволил меня из темницы Андреаса.

— Значит, ты доверяешь ему.

— Пожалуй да. Он спас мне жизнь, здорово рискуя собственной головой. У меня немного людей, которым я могу доверять. Мои родители, ты, твой отец, Фотир и предсказатель. Кроме Гринсы, никто не может пойти со мной, а я не хочу отправляться на поиски один.

— Насколько я понял, — сказал Ксавер, — Фотир тоже доверяет предсказателю. Он сказал твоему отцу, что лучшего опекуна для тебя не смог бы найти.

— Думаю, так оно и есть.

В голосе Тависа Ксаверу послышалась какая-то недоговоренность, и он подумал, не продолжить ли разговор на эту тему. Но что-то в поведении молодого лорда остановило его. Впервые Ксавер почувствовал себя гораздо моложе своего друга. Возможно, дело было в шрамах на лице молодого лорда или в шрамах, невидимых глазу. Так или иначе, он не мог не признать, что Тавис заслужил право умалчивать о некоторых вещах.

— Я никого больше не посвятил в свои намерения, — сказал Тавис. — Даже Гринсу, хотя, мне кажется, он знает, что у меня на уме.

Ксавер кивнул:

— Понимаю. Я буду молчать, пока ты не найдешь удобный случай поговорить с родителями.

Друг снова улыбнулся, хотя его глаза оставались серьезными.

— Нет, Колючка. Ты не понял. Я ничего не собираюсь говорить родителям — по крайней мере пока. Отец сочтет меня дураком, а мать будет мучиться тревогой за меня день и ночь.

— Честно говоря, я думаю, ты заблуждаешься насчет своих родителей. Ты сам сказал, что твой отец не стал бы сидеть сложа руки в чужом замке, когда человек, сломавший ему жизнь, свободно расхаживает по Прибрежным Землям. И твоя мать тоже все поймет, хотя и будет терзаться тревогой. Она точно так же, как ты, не хочет, чтобы тебя считали убийцей до конца твоих дней.

Тавис отвел взгляд, словно обдумывая слова друга.

— Наверное, ты прав, — сказал он минуту спустя. — Возможно, я поговорю с родителями. Но не сейчас, сначала мне нужно посоветоваться с Гринсой.

— И с Керни. Ты должен поставить его в известность.

Молодой лорд кивнул:

— Знаю.

Они оба замолчали и принялись рассеянно озираться по сторонам, словно не желая встречаться взглядами. Минуту спустя Ксавер решил оставить друга — по крайней мере до завтра. Однако прежде чем он успел попрощаться, молодой лорд удивил его.

— Мне будет не хватать тебя, Ксавер. Я страшно скучал по тебе в последнее время. Знаю, я никогда не говорил тебе этого раньше, когда мы... ну, до того нашего отъезда из Керга. Но ты был хорошим другом. Лучшим, чем я заслуживаю.

Ксавер потряс головой.

— Тавис...

— Дай мне договорить. Ты был для меня больше чем вассалом, хотя я частенько обращался с тобой как с простым слугой. — Он замолчал и глубоко вздохнул. — Но я думаю, мне пора освободить тебя от клятвы.

— Мы уже говорили об этом.

— Да, я знаю. Но сейчас все изменилось. Теперь я не наследник престола и даже не наследник герцогского титула. Я уже не лорд Кергский. Человеку моего положения не нужен вассал. А человеку твоего положения не стоит связываться с обесчещенным дворянином.

Ксавер понимал, что молодой лорд прав. Едва ли он мог оставаться вассалом Тависа, если тот собирался жить в Глендивре или рыскать по Прибрежным Землям в поисках убийцы Бриенны. Но хотя с тех пор, как Тавис впервые предложил освободить его от клятвы, многое изменилось, позиция Ксавера осталась прежней. Коли уж на то пошло, на сей раз ему совсем не хотелось принимать предложение Тависа. Несмотря на все унижения и страдания, которые он претерпел с тех пор — а возможно, именно благодаря им, — молодой лорд заслуживал сейчас преданности Ксавера как никогда раньше. Стоя рядом с ним посреди Кентигернской крепости, Ксавер видел отнюдь не испорченного мальчишку, который всего два месяца назад напился до невменяемого состояния и набросился на него с кинжалом. Он видел в Тависе пугающую угрюмость, но также зрелость, которую он давно надеялся увидеть, хотя никогда всерьез на это не рассчитывал.

— Я уже говорил, Тавис: я не хочу, чтобы ты освобождал меня от клятвы.

— Не будь дураком, Колючка. Ты больше не можешь служить мне. Позволь мне освободить тебя, и все наконец закончится.

— Ты собираешься найти убийцу Бриенны?

Друг на мгновение замаялся, потом кивнул.

— И когда найдешь, ты вернешься в Керг, так ведь?

— Наверное.

— Тогда тебе понадобится вассал.

— Возможно, я вернусь через много лет, Ксавер.

— Тогда позволь мне, пока ты отсутствуешь, служить дому Кергов в любой должности, к которой твой отец сочтет меня пригодным. А когда ты вернешься, я стану снова служить тебе.

Молодой лорд обдумал слова друга.

— Пожалуй, на это я могу согласиться.

— Так будет проще. И нам не придется впутывать в дело наших отцов.

Тавис улыбнулся:

— Веский довод.

Казалось, герцог давно выжидал удобного момента, чтобы подойти, ибо внезапно он появился перед мальчиками с мрачным выражением лица. Ксавер, который слишком часто присутствовал при неприятных разговорах отца с сыном, с радостью ушел бы, но уйти было некуда.

— Мы с Керни собираемся покинуть город, — сказал герцог Тавису. — Сегодня мы сделали все, что в наших силах, и нам нужно многое обсудить.

Молодой лорд кивнул, явно испытывая неловкость.

— А что делать мне?

— Присоединяться к нам, разумеется. — Яван взглянул на Ксавера. — И вы тоже, господин Маркуллет. Дело касается также вас и вашего отца.

— Да, милорд. Наш разговор закончен, лорд Тавис?

Друг улыбнулся:

— Вроде бы да.

Все трое направились к ближайшим воротам, и через минуту к ним присоединились Шона, отец Ксавера, Гринса и герцог Глендиврский со своими советниками. Они покинули замок, спустились по извилистой дороге в город и через северные ворота вышли на широкую равнину. Войска Глендивра и Керга уже принялись разбивать лагерь, и легкий ветерок разносил вокруг запах жарившегося мяса, от которого у Ксавера заурчало в желудке. Он уже и забыл, когда ел приличную пищу в последний раз.

— Я уж начал думать, что никогда не вырвусь за стены Кентигерна, — сказал Яван, вызвав своим замечанием улыбку герцогини.

Ксавер оглянулся на замок, вспоминая, каким он впервые предстал его взору больше месяца назад. Крепость выглядела не столь грозной, как в тот день. Холм казался ниже, крепостные стены более уязвимыми. И все же у Ксавера холодок пробежал по спине. Кентигернский замок больше не вызывал у него благоговейного ужаса, но мальчик знал, что он будет сниться ему до конца жизни. В глубине души он надеялся, что уже никогда не войдет в ворота крепости снова.

Двое герцогов со своими спутниками направились к палатке Керни, расположенной в центре глендиврского лагеря. Никто не стал спрашивать почему, но Ксавер не сомневался, что это делается ради Тависа. На территории кергского лагеря он оказался бы под покровительством своего отца, а не Керни. Однако, пока они шли к палатке герцога, Ксавер начал сомневаться, что с Керни его друг в большей безопасности, чем с Яваном. Глендиврские солдаты смотрели на молодого лорда с такой злобой и ненавистью, что у Ксавера мучительно сжалось сердце. Они составили мнение о нем. Тавис был прав: лучше уж гоняться за убийцей Бриенны по всем Прибрежным Землям, чем пытаться жить в Глендиврских горах.

Солдаты жарили оленину и дичь, выданную главным поваром Андреаса. Несомненно, Кентигерн совсем не хотел показывать знаки гостеприимства одному и другому герцогу, и, конечно же, Яван отказался бы принять таковые, но, поскольку Глендивр и Керг помогли спасти замок, Андреас был вынужден обеспечить союзников продовольствием. Самое малое, что он должен был сделать в данных обстоятельствах, — это снабдить оба войска мясом, хлебом и пивом.

Какое-то время Тавис, Ксавер и остальные молча ели, наслаждаясь пищей. Ксавер просто был слишком голоден, чтобы разговаривать; по всей видимости, Фотир и Яван тоже. Но мальчик понимал также, что никому не хочется начинать разговор.

— Кто-нибудь из вас подумал о том, что я говорил сегодня? — наконец спросил Гринса, внимательно посмотрев сначала на Явана, потом на Керни. Казалось странным, что этот кирси мог столь непринужденно вовлекать герцогов в разговор, как сделал днем в замке и теперь. Он был всего-навсего ярмарочным предсказателем. Однако герцоги, советники и воины охотно полагались на него в таких делах, и Ксавер понимал почему. В отличие от

многих кирси, которых Ксавер встречал прежде, этот мужчина телосложением напоминал богатыря и держался с поистине королевской уверенностью. У него был низкий звучный голос. Большинство чародеев магический дар истощал — Гринса же, похоже, черпал в нем силы. Со своими желтовато-белыми волосами и светло-желтыми глазами он казался самым грозным и величественным человеком из всех, кого Ксаверу доводилось встречать в жизни.

— Я подумал, — сказал отец Ксавера, прожевывая кусок хлеба. — По-моему, Законы Престолонаследия требуют, чтобы короля выбирали все дома Эйбитара. Конечно, король должен принадлежать к одному из главных домов, но сказать свое слово должны герцоги всех двенадцати династий. Один дом не вправе идти против воли остальных, особенно если при этом он не считается с Законами Престолонаследия.

Гринса кивнул, пристально глядя на пламя костра.

— В любое другое время я бы согласился с вами. Но сейчас сложилась чрезвычайная ситуация. Если дома поступят в согласии с традицией и отдадут корону Явану, это может привести к междоусобной войне.

— А что будет, когда нам придется выбирать короля в следующий раз? Что помешает еще одному герцогу угрожать войной на том основании, что ему не нравится законный наследник престола?

— Он говорит дело, — спокойно сказал Фотир. — Законы предполагают единодушный выбор всех домов. Если мы сейчас позволим одному дому нарушить волю остальных и тем самым изменить Законы Престолонаследия, мы подорвем устои королевства.

— Разве война не подорвет их сильнее?

— Возможно и нет, — сказал Хаган. — Если все остальные дома выступят вместе против Андреаса, война в конечном счете только сплотит нас. В прошлом все попытки нарушить Законы приводили к междоусобным войнам, но только потому, что они предпринимались сразу несколькими главными домами. На сей раз Андреас один.

— Откуда вы знаете? — спросил Гринса. — Слухи о смерти Бриенны продолжают распространяться по королевству. И в преступлении по-прежнему обвиняется Тавис. Другие герцоги запросто могут присоединиться к Андреасу, когда узнают об убийстве девушки и об уликах, говорящих против сына лорда Керга.

— Но не воспротивятся ли они восшествию на престол Глендивра? — спросила первый советник Керни. — Особенно когда узнают, что он предоставил убежище лорду Тавису?

— Нет, если Андреас согласится признать его королем. В этом случае Глендивру отдадут предпочтение и перед Кергом, и перед Кентигерном.

Женщина-кирси опустила взгляд на свои руки, которые она потирала одну о другую, словно замерзнув.

— А что, если с ним что-нибудь случится? Торалды получают право претендовать на престол только через поколение, а Галдастены — через три. Очень скоро история может повториться.

— Со мной ничего не случится.

Все разом повернулись к Керни, который до сих пор хранил молчание.

— Мне кажется несколько странным, что самые заинтересованные в деле лица говорят меньше всех.

Яван ухмыльнулся:

— Я тоже обратил на это внимание.

— Мало кто в королевстве мне поверит, — продолжал Керни, — но я говорил правду, когда сказал сегодня, что не хочу быть королем. Ибо тогда мне пришлось бы покинуть свой дом и своих подданных. — Он опустил глаза. — Мне пришлось бы отказаться от многого, чем я дорожу в жизни. Иными словами, — он снова посмотрел на герцога Кергского, — отказываясь от престола, я ничего не теряю, в отличие от вас. Но решение принимать не мне. — Он помолчал, коротко взглянув на Тависа. — Однако я должен также сказать вам, что, если вы решите взойти на престол, я не смогу принять вашу сторону в любом вашем конфликте с Кентигерном. Ибо в таком случае я подверг бы смертельной опасности всех

моих подданных, в том числе вашего сына. Особенно вашего сына. Я обещал Тавису защиту и покровительство и не сделаю ничего, что заставило бы меня отступить от своего слова.

— Очень удобно! — воскликнул Хаган, недобро улыбаясь. — Сначала вы заявляете, что не хотите быть королем, но потом сразу же говорите, что, если герцог не уступит престол вам, вы не сделаете ничего, чтобы помешать Кентигерну свергнуть королевство в войну.

Глендиврский капитан ошетинился:

— Он не говорил ничего подобного!

Отец Ксавера начал подниматься с места, но Яван остановил его, схватив за руку.

— Довольно, Хаган, — тихо сказал он. — Керни прав. В первую очередь он должен выполнить свое обещание, данное Тавису. Вы же не думаете, будто я хочу, чтобы он нарушил свое слово?

Хаган помотал головой, хотя и продолжал испепелять взглядом Гершона Траскера.

— Не стану вам лгать, — продолжал Яван. — Я хочу стать королем. И хотел этого всю жизнь. Прошло уже шестьдесят лет с тех пор, как умер Скерис Четвертый. А он вступил на престол почти через век после того, как Эйбитаром правил представитель дома Кергов. Кто знает, когда еще нашему дому представится такая возможность? Я горько сожалею о трагических событиях, поставивших дом Кергов в такое положение, но с моей стороны было бы глупо не воспользоваться ими в своих интересах. Во всяком случае, я сделал бы это при других обстоятельствах. — Взглянув на герцогиню, он взял ее руку и поднес к своим губам. — Больше всего на свете я хотел, чтобы ты стала моей королевой. Надеюсь, ты простишь меня.

Шона испустила беззвучный смешок, и ее зеленые глаза засияли, словно изумруды, в свете костра.

— Тебе не за что просить прощения, любовь моя. Ты поступаешь правильно, но я и не ожидала от тебя ничего иного.

— Вы уверены, милорд? — спросил Хаган. — Вы же сами сказали, что всю жизнь хотели стать королем.

— Да, я знаю. Но мои честолюбивые устремления ничего не значат, когда речь идет о благополучии королевства. — Он поднялся на ноги и посмотрел на Керни, который тоже встал. — Лорд Керни Глендивр, я, Яван Керг, торжественно клянусь вам отказаться от своих притязаний на престол — при условии, что Андреас Кентигерн сделает то же самое.

— Лорд Яван Керг, — отвечал герцог, — я, Керни Глендивр, услышал вашу клятву и в свою очередь клянусь вам подчиниться требованию вступить на престол, когда оно будет подтверждено двенадцатью домами Эйбитара. — Он поклонился, а потом снова посмотрел Явану в глаза. — Я никогда не забуду о том, что вы сделали сегодня, и не позволю остальным подданным Эйбитара забыть об этом. Вы были бы прекрасным и во всех отношениях достойным королем. Мне остается лишь надеяться, что я смогу соответствовать чести, оказанной мне вами здесь и сейчас.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Яван. — И с радостью отдаю свой меч и свой дом в полное ваше распоряжение.

Когда мужчины обнялись, сердце Ксавера преисполнилось гордостью за своего герцога. Ему казалось, что он присутствует при событии не менее значительном, чем вступление первого короля, Одуна, на престол Эйбитара. Он взглянул на своего отца, который продолжал пристально смотреть на Явана.

— Он был бы превосходным королем, — прошептал капитан. — Ничем не хуже самого Скериса.

Герцоги пожелали друг другу доброй ночи, и почти сразу все кергские гости, в том числе Ксавер, поднялись со своих мест и принялись разминать затекшие ноги, собираясь направиться в расположение кергского войска.

Тавис проводил их до границы лагеря и на прощание обнял отца и мать.

— Мне очень жаль, отец, — услышал Ксавер голос молодого лорда. — По моей милости мы лишились престола.

— Вся вина лежит на убийце Бриенны, — сказал Яван с печальным видом. — И боюсь, тебе это обошлось гораздо дороже, чем мне.

— Но я...

— Не думай больше об этом. Ты, твоя мать и я остались в живых после двух сражений. Боги милостивы к нам. Я остаюсь герцогом одного из могущественнейших домов Эйбитара. Чего еще желать человеку?

Мальчик кивнул и снова крепко обнял отца, а потом резко отстранился и направился обратно к палатке Керни.

— Теперь ему станет только тяжелее, — сказала Шона, глядя вслед сыну.

Яван обнял жену.

— Да, но он Керг.

Она покачала головой.

— Он еще ребенок.

Кезия смотрела на запад, в сторону кергского лагеря. Она уже давно потеряла из виду Явана и герцогиню, но не хотела встречаться глазами с Керни или братом.

Все случилось так быстро, что она еще не успела оправиться от потрясения. Ее герцог — ее возлюбленный — готовился взойти на престол. Он даже не спросил у нее совета. Вероятно, Керни знал, как страстно она желает, чтобы он отказался от короны. Еще он, вероятно, знал, что она посоветовала бы ему поступить именно так, как он поступил, но самые слова причинили бы ей невыносимую муку.

Кезия чувствовала на себе взгляд Гринсы, но не хотела поворачиваться к брату. Она словно воочию видела выражение его лица. Огорченно нахмуренный лоб, полные сожаления глаза. Он чувствовал себя виноватым перед ней, хотя они оба знали, что на нем нет никакой вины. Разумеется, Кезия понимала, что, предложив такое решение проблемы, Гринса спас страну от междоусобной войны. Но она не могла заставить себя произнести это вслух — по крайней мере пока.

Поэтому она по-прежнему стояла у палатки, глядя на запад, когда вернулся Тавис — бледный, как белая луна, если не считать багровых шрамов, оставленных мечом Андреаса. Несмотря на всю свою боль, Кезия понимала, что ее страдания не идут ни в какое сравнение со страданиями этого мальчика. Одно присутствие молодого лорда заставило женщину устыдиться своей жалости к себе, как заставляло не раз в последние несколько дней.

Но внимание Кезии привлек не сам мальчик, а полные ненависти взгляды, которыми его провожали солдаты Керни. Днем она слышала тихие разговоры между людьми Кентигерна и Глендивра. Слух о преступлении Тависа быстро распространился по всей войску Керни. Советник даже слышала, как несколько глендиврских солдат выражали недовольство решением герцога предоставить молодому лорду убежище. Пока Тавису приходилось терпеть лишь злобные взгляды и шепот за спиной, но в самом скором времени враждебное отношение к нему могло вылиться в нечто гораздо более серьезное.

— Дай им волю, — тихо сказал Гринса, — они бы убили его на месте.

Кезия обернулась, но брат обращался к Керни.

— Я предоставил мальчику убежище, и мои солдаты знают, что любую попытку причинить ему вред я буду рассматривать как измену.

— Может, оно и так, милорд, — сказал Гершон. — Но нам никак нельзя ослаблять наше войско, особенно сейчас.

— Я понимаю, о чем вы, Гершон. Я сам думал об этом.

Капитан кивнул:

— Хорошо, милорд.

Тавис вступил в круг света, отбрасываемого костром, и все трое замолчали.

— Извините, — покраснев, сказал мальчик. — Я не хотел прерывать ваш разговор.

— Вы и не прервали, лорд Тавис, — Керни жестом предложил мальчику сесть. — Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Нужно многое обсудить.

Тавис опустился на землю, не сводя глаз с герцога; он явно чувствовал себя неуверенно.

— Ваш отец совершил сегодня очень смелый и благородный поступок. Немногие люди в Прибрежных Землях сделали бы такой выбор.

— Да, милорд.

— Я предоставил вам убежище, будучи герцогом Глендиврским, и, хотя мое вступление на престол никоим образом не освобождает меня от клятвы, оно все же меняет условия нашего соглашения.

— Милорд?

— Я могу предложить вам по-прежнему укрываться в моем замке, но уже не смогу лично заботиться о вашей безопасности. Я перееду в Город Королей, и, мне кажется, вам не подобает жить в Одунском замке.

Мимолетная тень улыбки скользнула по губам мальчика.

— Конечно, милорд. Я понимаю.

Керни тоже улыбнулся, с явным облегчением.

— Рад слышать это. Через день-другой Гершон с частью войска отправится обратно в Глендивр, чтобы сопроводить мою жену и детей в Город Королей. Вы можете присоединиться к нему.

— Честно говоря, милорд, у меня другие планы.

Керни прищурился.

— Прошу прощения?

— Я благодарен вам за ваше предложение о покровительстве, и я не сомневаюсь, что в Глендиврском замке я находился бы в полной безопасности. Но у меня отняли жизнь, милорд, как отняли жизнь у Бриенны. Да, я все еще жив, но я потерял титул, право на Кергское герцогство и даже право жить со своими родными и близкими. Я хочу найти человека, который сделал это со мной, со всеми нами. Я хочу найти убийцу Бриенны. Только так я сумею доказать свою невиновность — не только вам и Андреасу, но и всем жителям Эйбитара.

— Мы уже говорили об этом, Тавис, — сказал Гринса.

— Я остался при своем мнении. Ты сказал, что наши с тобой судьбы связаны неким образом, что ты прозрел это в видениях. Но это не дает тебе права распоряжаться мной.

— Я никогда...

— Я должен найти убийцу, предсказатель. При всем моем уважении к герцогу, я не останусь в Глендивре. Я буду одинок и несчастен там.

— Я не смогу защищать вас вне стен моего города.

Мальчик улыбнулся, но с горечью, с трудом сдерживая слезы.

— Я видел, как ваши люди смотрят на меня, милорд. Я не уверен, что вы в силах обеспечить мою безопасность в вашем городе.

Герцог пристально посмотрел на него, но ничего не сказал. Похоже, он и сам начинал в этом сомневаться. Тавис снова повернулся к Гринсе:

— Я отправлюсь на поиски один, коли придется, но я был бы признателен тебе за помощь. Если заговор, которого ты опасаясь, действительно существует, с поимкой наемного убийцы ты сможешь больше узнать о людях, возглавляющих его.

— Вы уже говорили с отцом о своих намерениях? — тихо спросил Керни.

— Еще нет, милорд. Теперь отец не несет за меня ответственности. Я счел нужным сначала поговорить с вами и Гринсой.

Керни кивнул и после непродолжительного молчания повернулся к Гринсе:

— Я не вправе мешать Тавису. Он находится под моим покровительством, но он не мой подданный. Равным образом я не вправе оказывать давление на вас. Но думаю, мы оба понимаем, что с вами он будет находиться в большей безопасности. Вы попросили меня взойти на престол, теперь я прошу вас позаботиться о нем.

Кезия видела, что брат заколебался. Он боролся с какими-то сомнениями, хотя она

могла лишь догадываться, в чем именно они заключались.

— Все началось с Посвящения мальчика, — наконец сказал он. — Я сразу понял, что это кончится нескоро. — Он повернулся к Тавису и даже попытался улыбнуться. — Да, я отправлюсь с вами на поиски убийцы. Заговор кирси действительно существует, и, думаю, никто во всех Прибрежных Землях не заинтересован больше вас в поражении заговорщиков.

Мальчик снова улыбнулся, на сей раз искренне.

— Спасибо. — Он взглянул на Керни. — И вам спасибо за все, милорд. Надеюсь, вы не считаете меня неблагодарным.

— Конечно нет, лорд Тавис. Правду сказать, я не завидовал участи, ожидавшей вас в Глендивре. Вы идете на большой риск, но именно так я бы поступил на вашем месте.

Тавис кивнул и глубоко вздохнул.

— Сегодня был тяжелый день, — сказал он. — Думаю, мне нужно немного поспать. — Он бросил взгляд на Кезию и Гершона, еще раз кивнул герцогу и Гринсе, а потом отправился на поиски своей постели.

— Пойду удостоверюсь, что с ним все в порядке, — сказал Гершон, поднимаясь с земли и направляясь вслед за мальчиком. — Я тоже не прочь поспать.

Мгновение спустя Гринса тоже встал и пристально посмотрел на Кезию. Она хотела о многом расспросить брата, поскольку до сих пор очень многого не понимала. Но Кезия знала, что здесь, в присутствии Керни, в окружении глендиврских солдат, она не может сделать этого и что с вопросами придется подождать.

— Вы с Тависом отправитесь в путь завтра же? — спросила она, со страхом ожидая ответа.

— С позволения герцога я бы проводил вас до Города Королей. Я хочу присутствовать на коронации лорда Глендивра и, кроме того, дать Тавису возможность немного побыть с отцом и матерью.

— Вы можете оставаться с нами до конца церемонии, — сказал герцог. — Правда, мне не хотелось бы начинать правление конфликтом с Андреасом.

— Разумеется, милорд. — Брат поклонился. — Благодарю вас. — Гринса снова повернулся к Кезии. — Похоже, вам придется еще какое-то время потерпеть меня. — Он поклонился и ей, лукаво улыбаясь одними уголками губ.

Кезия улыбнулась. В детстве они всегда кланялись друг другу при прощании, передразнивая церемонные манеры подданных герцогского двора, при котором служил их отец. Конечно, Керни этого не знал. Разумеется, он счел совершенно естественным, что ярмарочный предсказатель кланяется первому советнику одного из главных домов.

— Я уже много лет терплю вас, — сказала она. — Мне не составит труда потерпеть еще месяц-другой. Доброй ночи, Гринса.

Широко улыбнувшись и еще раз поклонившись герцогу, брат удалился. Впервые за много дней Кезия осталась наедине с Керни.

— Ты сердись на меня, — сказал он, заглядывая ей в глаза.

— Имею ли я право сердиться? Ты спасаешь королевство.

— Но я не спросил у тебя совета. Я даже ничего не обсудил с тобой.

Она пожала плечами, глядя в сторону.

— Ты знаешь, какой совет я дала бы тебе.

— Да, знаю.

Несколько минут они оба молчали. Кезия слышала смех солдат в отдалении; кто-то даже пел. Ей пришлось напомнить себе, что сегодня они выиграли сражение. Она украдкой взглянула на герцога. Он смотрел на пламя костра широко раскрытыми глазами, словно пытаясь увидеть в огне будущее, на которое обрек себя, согласившись стать королем и принять все преимущества и тяготы власти.

— Я должен взять ее с собой, — внезапно сказал он. — Ты понимаешь.

У советника сжалось горло.

— Конечно. Она должна стать твоей королевой.

— Дело не только в этом, Кез. Мне предстоит стать королем, живым символом страны и ее законов. Нарушить эти законы значило бы ослабить самые устои Эйбитара — даже если речь идет о тебе, о нас с тобой.

Кезия хотела сказать, что король заслуживает счастья, заслуживает любви. Она хотела спросить, неужели он действительно полагает, что все остальные короли Прибрежных Земель бросали своих любовниц, когда вступали на престол. Но Керни был не такой, как все. Она, любившая герцога безумной любовью, неожиданной для нее самой, знала это лучше других.

Спустя минуту он поднял взгляд и посмотрел Кезии в глаза.

— Ты согласишься стать моим главным советником?

— Вы вольны выбрать любого кирси в королевстве, милорд, в том числе любого из многих кирси, служивших Айлину. Вам не следует предлагать мне этот пост, не посоветовавшись с остальными.

— Разве мне нужен другой советник, Кез?

Она хотела снова отвести глаза, но не сумела.

— Не знаю, по силам ли мне это, — прошептала она. — Как я смогу служить тебе, если потеряю право тебя любить?

— Не знаю. Но ты мне нужна, Кез. Никто не понимает меня лучше, чем ты, и я никому не доверяю больше, чем тебе. — Он помолчал, страдальчески глядя на нее. — Ты хотя бы подумаешь над моим предложением?

Она кивнула:

— Хорошо. — После непродолжительного молчания она поднялась на ноги и вымученно улыбнулась. — Уже поздно, милорд. Мы можем поговорить утром.

Керни быстро встал.

— Подожди, Кез. — Он замялся и внезапно стал похож на робкого мальчика, несмотря на свои седые волосы и синяки на лице. — Я надеялся, что ты останешься со мной сегодня ночью. В такую ночь нам нельзя расставаться.

Она пристально смотрела на герцога; сердце у нее колотилось так сильно, что она практически слышала удары. У нее пересохло в горле, по щекам струились слезы. Больше всего на свете ей хотелось взять Керни за руку и отвести в палатку. Но как она могла сделать это после всего, что было сказано сегодня вечером?

— Я не могу провести ночь с вами, милорд, — еле слышно проговорила Кезия. — Если отныне и до конца моих дней мне суждено считать вас своим сеньором, а не возлюбленным, я должна начать сегодня же.

Она резко помотала головой, и капли слез с ее лица разлетелись в стороны.

— Пожалуйста, — сказала она, отворачиваясь от герцога. — Не говори ничего.

Она пошла прочь, хотя и не знала, куда деться. Керни был повсюду: его солдаты, его палатка, его знамена. Здесь она не могла убежать от него.

Кезии почти хотелось, чтобы он окликнул ее, поняв, что она не сможет отказать во второй раз. Но герцог позволил ей удалиться, и Кезия спросила себя, найдет ли она когда-нибудь силы разлюбить его.

ГЛАВА 33

Мертесс, Анейра

Ялла возвращалась в замок вместе с телом Роула, которое везли на одной из повозок, прежде нагруженной бревнами и досками для строительства осадных орудий. Она ни на шаг не отходила от телеги, даже когда колеса глубоко увязали в илистом песке Тарбина, а ее конь беспокойно ржал и упирался, испуганный бурным течением реки. Но она и не смотрела на герцога. За последние три дня она видела слишком много крови и смерти — и больше уже не могла на это смотреть.

Ялла пыталась придумать слова и выражения, в которых она сообщит герцогине о

гибели мужа. Она все еще слышала приглушенные расстоянием крики позади и с содроганием думала, правильно ли она поступила, оставив Вина и остальных солдат в крепости. Главный оружейник посоветовал ей уехать — на самом деле приказал, хотя она являлась первым советником герцога. Клятва верности дому Роула Мертесского обязывала ее остаться. Но долг перед Избранным требовал прямо противоположного — и она бежала с поля боя, хотя знала, что будет сожалеть о своем решении до конца жизни.

Советник и сопровождавшие ее солдаты достигли стен Мертесса незадолго до наступления темноты. Слухи о возвращении отряда быстро распространились по городу и замку, и люди высыпали из домов на улицы. Многие пронзительно вскрикивали при виде мертвого герцога, и еще прежде, чем повозка с телом приблизилась к воротам замка, на сторожевых башнях городских стен и на колокольне храма Элинеды зазвонили колокола.

Процессия двигалась медленно, словно похороны Роула уже начались. Народ на улицах толпился все теснее, люди выглядели все более печальными и подавленными — и наконец Ялле показалось, будто тело герцога везут по территории самого храма. Они вошли в замок через городские ворота, пересекли северный двор и вступили в герцогский двор, где их ждала герцогиня. Она уже рыдала, а при виде своего мужа, изо лба которого все еще торчала смертоносная стрела, испустила душераздирающий вопль, повторенный гулким эхом и слившийся с колокольным звоном.

Рядом с герцогиней стоял ее сын, и она уткнулась лицом ему в грудь, содрогаясь всем телом в приступе невыносимого горя.

Рован — новый герцог — обнимал мать, глядя на тело отца сухими, ничего не выражавшими глазами. Рыжеволосый, как мать, мальчик во всем остальном как две капли воды походил на отца. Он прошел Посвящение всего два года назад, но уже был почти так же широк в плечах и груди, как Роул. У него был такой же крупный рот, выпуклый лоб и холодные голубые глаза.

— Где Вин? — спросил он, быстро посмотрев на Яллу и вновь переведя взгляд на изуродованное лицо отца.

— Мы оставили его в Кентигерне, милорд. Он с многочисленным отрядом солдат по-прежнему сражался с эйбитарцами. — Она нервно сглотнула. — Он приказал мне отвезти тело герцога домой и отрядил часть людей сопровождать меня.

— Настолько успешно шел штурм?

— Нет, милорд. Настолько безуспешно.

Рован снова посмотрел на нее.

— Как такое возможно?

— Вернулся лорд Кентигерн со своим войском, милорд. А с ним пришли войска Глендивра и Керга. К тому времени мы уже взяли большую часть крепости, но не смогли выстоять против превосходивших сил противника.

— Значит, Вина мы тоже потеряли?

— Боюсь, да, милорд.

— А сколько солдат?

— Мы еще не подсчитывали. Я привела с собой полторы-две сотни человек, а Кентигерн может пощадить солдат, уцелевших после битвы. Я доложу вам о наших потерях при первой же возможности.

Он кивнул:

— Да, пожалуйста. Я намерен продолжить разговор с вами.

— Конечно, милорд.

Рован еще на миг задержал взгляд на мертвом отце, а потом повернулся, собираясь увести мать.

— Проследите за тем, чтобы тело обмыли и убрали подобающим образом, первый советник, — сказал он напоследок. — Позже мы с вами обсудим план похорон.

Ялла недоуменно уставилась на него, не находя слов. Первые советники не занимались такими делами — по крайней мере, она никогда не занималась. Но Ялла не набралась

смелости сказать это, а к тому времени, когда она наконец пробормотала «да, милорд», Рован уже находился слишком далеко, чтобы ее услышать.

Солдаты, сопровождавшие тело герцога обратно в Мертесс, смотрели на советника, словно ожидая приказов.

— Отнесите тело в герцогские покои, — сказала она, по-прежнему стараясь не смотреть на труп Роула. — И вызовите хирургов. Они знают, что делать.

— Да, первый советник.

Ялла спешила, отдала поводья одному из солдат и направилась в свои покои. Больше всего на свете ей хотелось снять тяжелую кольчугу, грязное походное платье и вымыться чистой горячей водой. Тошнотворные запахи крови, дыма и лошадиного пота, казалось, намертво въелись в тело. Но у нее едва хватило сил добраться до комнаты, повалиться в постель и сомкнуть веки. Все мышцы у нее ныли, и голова кружилась от усталости.

Однако едва она начала погружаться в сон, как раздался стук в дверь. Советник лежала неподвижно, надеясь, что ее оставят в покое, но когда стук повторился, она открыла глаза.

— Гром и молния! — пробормотала она. — В чем дело?

— Там у наружных ворот человек, первый советник. — Мужской голос, несомненно, принадлежал одному из стражников. — Он спрашивает вас.

Ялла вскочила с постели, подошла к двери и, взявшись за дверную ручку, подождала, пока у нее рассеется туман перед глазами и перестанет кружиться голова. Потом она распахнула дверь.

— Что за человек? — спросила она стоявшего перед ней солдата.

— Имени я не знаю. Он кирси и утверждает, что он — первый советник Кентигерна.

Солдат еще не договорил, а она уже шагала по коридору.

— Он действительно кентигернский первый советник, — бросила она через плечо. — По крайней мере, являлся таковым до недавнего времени. Надеюсь, вы не причинили ему вреда?

— Нет, первый советник. Мы просто задержали его у ворот, отобрали у него меч — но и только.

— Хорошо.

Ялла не ожидала Шерика так скоро. Возможно, завтра или послезавтра, но никак не сегодня. Вероятно, появление кирси означало, что сражение уже закончилось. Ей повезло: она вовремя убралась из Кентигерна.

Шерик широко улыбался, хотя выражение его светлых глаз оставалось усталым. Он стоял в окружении мертвесских стражников, рядом с которыми казался щуплым ребенком.

— Все в порядке. — Ялла махнула рукой, отпуская солдат. — Верните ему меч, распорядитесь отвести его коня в конюшню и оставьте нас.

Стражники подчинились, и через минуту двое кирси остались наедине.

— Все кончено? — спросила Ялла, когда они направились во внутренний двор.

— Ваш главный оружейник сдался незадолго до того, как я покинул крепость.

— Значит, Вин еще жив?

— Пока да. Но Андреас посадил его в темницу. Мой герцог намерен выяснить, почему его драгоценные ворота так быстро рухнули.

— Ты поэтому сбежал?

Шерик пожал плечами и улыбнулся знакомой иронической улыбкой. Но Ялла видела, что он встревожен.

— Я сбежал, потому что один из кирси, сопровождавших Керни Глендиврского, знает, что это моих рук дело.

— Не может быть.

Он бросил на нее взгляд.

— Может.

До нее дошло не сразу.

— Ты думаешь, он Избранный? — спросила она, понизив голос до шепота.

— Вполне вероятно. Я просто не знаю, наш это Избранный или нет.

— Зачем нашему Избранному помогать Глендивру? Зачем обращать тебя в бегство?

— А зачем ему вообще все это? Я думаю, что этот Избранный помог сыну Керга бежать из темницы, тем самым на шаг приблизив нас к войне между Кергом и Кентигерном. Однако потом он сплотил дома Эйбитара и положил конец наступлению мертесского войска. — Шерик потряс головой. — Я просто теряюсь в догадках. Как по-твоему, что более вероятно: что по Прибрежным Землям разгуливают двое Избранных или что наш Избранный влияет на обе стороны конфликта?

Ялла ненадолго задумалась. Оба предположения казались одинаково бессмысленными, но оба имели право на существование.

— И что нам теперь делать?

— На этот вопрос у меня тоже нет ответа. Мне бы не хотелось лезть к Избранному с подобными вопросами, но, если существует второй Избранный, он должен знать.

— Вот сам с ним и разговаривай.

Шерик снова ухмыльнулся.

— Трусиха.

Они прошли через внутренние ворота и по узкой дорожке зашагали к башне, расположенной неподалеку от покоев Яллы. В другое время она бы незамедлительно отвела Шерика к герцогу. Кентигернский советник искал убежища в доме Мертесса, но, хотя Роул заранее согласился предоставить убежище, требовалось соблюсти некоторые формальности. Однако, поскольку Роул погиб, а Рован скорбел о смерти отца и еще не освоился со своим новым положением, Ялла считала нужным немного подождать.

Она объяснила это Шерику, когда они вошли в освещенный факелами коридор, где под каменным потолком прыгало громкое эхо шагов, и направились к ближайшей лестнице.

— А где ты меня положишь спать? — спросил он.

— Мои покои к твоим услугам. — Увидев ухмылку на лице советника, она помотала головой. — Спать, Шерик. И ничего больше. — Потом она тоже улыбнулась. — По крайней мере, сегодня.

На следующее утро Ялла вместе с Шериком отправилась в герцогские покои, но стражники у двери сказали, что Рован до сих пор сидит с убитой горем матерью и сможет поговорить с ней только во второй половине дня. Они же сообщили советнику, что из Кентигерна вернулось чуть более двухсот солдат, все без оружия и в большинстве своем целые и невредимые. В общей сложности мертесское войско потеряло семьсот с лишним человек — много больше половины всех солдат, выступивших в поход на Кентигерн несколько дней назад. Подобные новости никак не облегчали предстоящий ей разговор с новым герцогом.

Большую часть дня Ялла провела, наблюдая за приготовлениями к похоронам Роула. Не имея возможности поговорить с Рованом или герцогиней, она была вынуждена принять ряд решений самостоятельно, но в конце концов поняла, что едва ли они найдут повод для недовольства. Герцог будет похоронен со всеми почестями, подобающими воину и главе дома. Чего еще можно требовать?

Когда Рован поручил ей заняться похоронами, Ялла содрогнулась от ужаса, но впоследствии обнаружила, что за делами день прошел быстро и, как ни странно, она отвлеклась от горестных мыслей, не покидавших ее с момента смерти Роула. Шерик оставался с ней почти весь день, но сразу после предзакатных колоколов вернулся в ее комнату. Чуть позже Ялла зашла за ним, и они вновь направились в герцогские покои. На сей раз стражники пропустили их к герцогу.

Рован стоял у письменного стола своего отца и читал пергамент при свете свечи. Все окна в замке были закрыты ставнями и должны были оставаться закрытыми целый месяц. При этой мысли Яллу передернуло. Темная комната казалась маленькой, и воздух здесь уже стал спертым.

— Кто это? — с нескрываемым отвращением спросил Рован.

Ялла прочистила горло.

— Шерик джал Марсин, милорд. До вчерашнего дня — первый советник Кентигерна. Первый советник, вы видите перед собой Рована, герцога Мертесского.

— Для меня великая честь познакомиться с вами, господин герцог. Я глубоко сожалею о смерти вашего отца. Он был мудрым и отважным человеком.

Несколько мгновений Рован пристально смотрел на советника, храня молчание, а потом перевел взгляд на Яллу.

— Зачем вы привели его сюда? Я не желаю разговаривать с ним сегодня.

— Шерик помог вашему отцу составить план нападения на Кентигерн, милорд. А ваш отец, в свою очередь, пообещал предоставить ему убежище.

— Мой отец воспользовался услугами предателя-кирси? — прищурившись, спросил герцог.

На лице Шерика мелькнуло выражение лютной ненависти: оно появилось на долю секунды, которая необходима лучнику, чтобы послать стрелу в сердце стоящего перед ним врага, и тут же исчезло. Если Рован и заметил его, то не подал виду.

— Ваш отец понимал, что штурм Кентигерна едва ли увенчается успехом без моей помощи, милорд. — Советник натянуто улыбнулся одними уголками губ. — Даже ваши доблестные солдаты не смогли бы сокрушить крепостные ворота без моей магии.

— Однако, несмотря на вашу магию, мертесское войско потерпело поражение и мой отец погиб. — Герцог устремил мрачный взгляд на Яллу. — Мне сказали, что мы потеряли больше половины солдат, которых отец взял в поход на Кентигерн. Это правда?

Отрицать не имело смысла.

— Да, милорд. Полагаю, это около семисот человек.

Рован потряс головой — в тот момент он настолько походил на Роула, что казался скорее одним из призраков Подземного Царства, чем осиротевшим мальчиком.

— Похоже, сэр, ваша магия не принесла моему отцу никакой пользы.

— При всем моем уважении к вам, милорд, благодаря моей магии ваш отец чуть не захватил замок. Штурм не увенчался успехом только потому, что лорд Кентигерн вернулся слишком быстро и привел с собой войска Керга и Глендивра. Это прискорбно, но здесь я ничего не мог поделать.

Молодой герцог устался в стол, кривя губы.

— Насколько я понимаю, вам уже хорошо заплатили.

— Да, милорд.

— Я плохо разбираюсь в таких вещах, но могу предположить, что мы должны заплатить вам еще.

Шерик бросил молниеносный взгляд на Яллу.

— Мы так договаривались, милорд. Но в сложившихся обстоятельствах — поскольку штурм не увенчался успехом, а герцог погиб, — я не рассчитываю на дополнительную плату. Однако в Кентигерне мне не жить, да и в любом другом городе Эйбитара, коли на то пошло. Я смиренно прошу вас о покровительстве.

— Да, хорошо, — сказал Рован с недовольным выражением лица. — Я предоставлю вам убежище. И если мой отец обещал заплатить вам еще, вы получите деньги. Слово Мертессов незыблемо, как солнце.

Насколько Ялла знала, это была древняя поговорка — древняя, как сам дом.

— Вы чрезвычайно добры, милорд, — сказал Шерик. — Как ваш отец.

Несколько мгновений Рован пристально смотрел на него.

— Сколько мы вам должны?

Шерик вновь бросил взгляд на Яллу.

— Ваш отец обещал мне триста киндов, милорд, — сказал он. — И остался должен половину суммы.

У герцога слегка округлились глаза, но затем он кивнул.

— Позаботьтесь об этом, первый советник. А потом проследите за тем, чтобы он

держался подальше от меня.

Ялла на миг замялась, мельком взглянув на Шерика.

— Конечно, милорд.

— Милорд слишком добр, — сказал Шерик, вновь отведывая поклон. Ялла слышала саркастические нотки в его голосе, но герцог, казалось, опять ничего не заметил.

Не удостоив Шерика ответом, Рован вновь углубился в документы, лежавшие перед ним.

Двое кресел переглянулись.

— Мы оставим вас, милорд, — сказала Ялла. — Вероятно, вы очень устали.

— Почему вы это сделали? — спросил Рован.

Ялла нахмурилась:

— Милорд?

Однако, подняв глаза, герцог посмотрел в лицо Шерику.

— Почему вы помогали моему отцу? Только из-за денег?

Внезапно сердце у Яллы застучало, словно кузнечный молот. Она уставилась на Шерика, судорожно пытаясь найти ответ, который удовлетворил бы Рована, но ничего бы не выдал. Ее друг, однако, не обнаружил ни малейших признаков смущения.

— Я служил Андреасу Кентигернскому почти десять лет, — сказал он. — И никогда не чувствовал, что герцог ценит мои советы или мои способности. Более того, я никогда не считал, что служу при дворе достойного правителя. Вы представляете себе, милорд, что значит посвятить жизнь служению человеку, которого не уважаешь?

Ялла знала, как много правды в ответе Шерика — не только потому, что он часто выражал подобные чувства в разговорах с ней, но и потому, что она сама поклялась в верности Избранному по той же причине.

— Да, я хотел заработать, — после короткой паузы продолжил кресло. — Но я также впервые в жизни хотел служить человеку, достойному моего уважения.

Она не сомневалась, что Шерик говорит об Избранном, но Рован этого не знал.

— Понимаю, — тихо сказал герцог. — Я ценю вашу искренность.

— Ваш вопрос требовал искреннего ответа, милорд.

Рован кивнул и внезапно показался усталым и бледным.

— Теперь оставьте меня. Я хочу побыть один.

— Да, милорд, — сказала Ялла.

Двое кресел в последний раз поклонились Ровану и вышли из кабинета; они хранили молчание, покуда не оказались далеко от герцогских стражников, в темном коридоре, который вел в комнату Яллы.

— Ты выступил великолепно, — наконец сказала она. — Я бы так не сумела.

— Я просто сказал мальчику то, что он хотел услышать, и в таких неопределенных выражениях, что мне даже не пришлось лгать. — Шерик ухмыльнулся. — Но ты себя недооцениваешь. На моем месте ты сделала бы то же самое.

Ялла покачала головой, не в силах разделить веселость друга.

— Объяснить все Избранному будет гораздо труднее. Он рассчитывал на успешный штурм крепости и на затяжную войну между Анейрой и Эйбитаром. Но не получил ни того ни другого.

— Я не знаю, на что он рассчитывал. Как я уже сказал, я допускаю, что он имеет прямое отношение к нашей неудаче. — Он остановил Яллу под одним из факелов и взял ее за обе руки. — Мы сделали все, что могли. Мы выполнили все распоряжения Избранного. Чего еще он может требовать от нас?

В дальнем конце коридора слышались шаги, и Ялла испуганно встрепенулась.

Двое кресел пошли дальше, но Шерик по-прежнему держал ее за руку.

Они миновали стражника, который кивнул им и скользнул взглядом по их сплетенным пальцам.

— Он видел, — прошептала Ялла, когда шаги мужчины стихли в отдалении.

— Ну и что? — спросил Шерик. — Мне уже надоело притворяться перед этими тупыми инди. Вдобавок теперь я живу здесь. Вполне вероятно, скоро я стану одним из младших советников герцога. Разве не естественно, что я добиваюсь любви его очаровательного первого советника?

Ялла улыбнулась.

Через минуту они достигли ее двери и на миг задержались в коридоре.

— Мне опять придется спать на моей походной постели? — с улыбкой спросил Шерик, подступая ближе.

Ялла зарделась и едва не рассмеялась вслух над собой. Неужели она юная девушка, которая собирается впервые лечь в постель с мужчиной? Она обвила руками шею Шерика и легко поцеловала его в губы.

— Герцог велел позаботиться о том, чтобы ты ни в чем не нуждался.

— Славный малый этот новый герцог.

Ялла снова поцеловала Шерика, на сей раз страстно, а потом открыла дверь и втащила его в комнату.

Лежа в темноте рядом с обнаженной Яллой, которая ровно и глубоко дышала во сне, положив легкую руку ему на грудь, Шерик изо всех сил старался справиться с сердцебиением. Несмотря на свои недавние смелые речи, он боялся Избранного, как боялся бы любой кирси, находившийся в здравом уме. Шерик считал себя могущественным человеком. Немногие кирси могли похвастаться тем, что владеют тремя видами магии — не говоря уже о четырех, которыми владел он. Он служил при дворе одного из самых влиятельных эйбитарских герцогов и последние несколько лет успешно скрывал свою измену. Пусть он был не лучшим воином в войске Андреаса, но размахивать мечом надлежало инди. С точки зрения своих соплеменников, он во всех отношениях заслуживал уважения.

Однако по сравнению с Избранным он казался полным ничтожеством. Этот человек мог читать мысли и управлять магической силой любого кирси как своей собственной. Он мог посещать сны своих подданных и приводить людей к повиновению, не сказав ни слова и не шевельнув пальцем. Шерик давно мечтал о подобном могуществе; он никогда не предполагал, что кто-то возымеет такую власть над его собственной волей.

Если бы он мог понять, какую цель преследует Избранный, отдавая свои распоряжения, ему стало бы легче, хотя даже тогда этот человек остался бы для него загадкой. Разгневался ли Избранный, узнав о поражении мертесского войска, или он сам несет ответственность за провал? Шерик был уверен, что повелитель уже ждет, готовый войти к нему в сон и увлечь на вершину таинственного холма, где они всегда разговаривали. Поэтому советник бодрствовал, борясь с усталостью, подыскивая слова, чтобы объяснить все неудачи последних нескольких дней. Ему страшно хотелось встать, подойти к окну и посмотреть на луны, подставив лицо прохладному ночному ветру. Но сейчас, когда Роул умер и замок был в трауре, он не мог сделать даже этого. Он медленно погружался в сон, и все попытки побороть дремоту были такими же тщетными, как попытки плыть против волн в штормовом море. Казалось, Избранный нашел способ воздействовать не только на сознание, но и на тело Шерика.

Наконец сон смежил его веки — на мгновение, как полагал советник. Но, открыв глаза, он обнаружил, что стоит в высокой траве посреди равнины, покрытой огромными валунами, которые отбрасывали нелепые тени. Небо над головой было черным, но беззвездным и безлунным. Еще не успев ни о чем подумать, он направился к холму, на котором ждал Избранный.

Он всегда задыхался и обливался потом, поднимаясь по крутому склону, но сегодня ночью восхождение было особенно трудным, словно Избранный уже начал наказывать своего нерадивого слугу. Шерику казалось, что он поднимается на самый высокий пик Базакской гряды, а не на знакомый издавна травянистый холм. Ноги у него гудели от усталости, и склон становился все круче и круче — так что под конец советнику пришлось

карабкаться на четвереньках. Когда он добрался до вершины, он едва держался на ногах и дышал с трудом, чувствуя острую боль в груди при каждом хриплом вдохе.

Шерик долго стоял, согнувшись пополам; у него сильно кружилась голова, и тошнота неудержимо подкатывала к горлу. Ветер стих и воцарилась тишина, словно весь мир ждал, когда он придет в себя. Наконец он выпрямился, и только тогда вспыхнул ослепительный свет, бритвой полоснувший по глазам. Советник отвернул лицо в сторону и поднял ладонь, загораживаясь от света. Когда он снова посмотрел вперед, навстречу уже шел Избранный, с взлохмаченными длинными волосами, в ниспадавшем свободными складками плаще — окруженный ярким ореолом, словно набежавшее на солнце облако.

Избранный остановился в нескольких шагах от Шерика. Он казался выше ростом, чем помнилось советнику, сильнее и страшнее; на его лице лежала густая тень.

— Штурм закончился. — Избранный произнес это утвердительно, голосом холодным и тяжелым, как валуны, разбросанные по темной равнине.

— Да, Избранный.

— И война не началась.

— Нет.

— Как ты умудрился потерпеть столь позорную неудачу?

«Сколько можно объяснять?»

— Кентигерн вернулся слишком скоро и привел с собой войска Керга и Глендивра.

— Об этом я тоже слышал. Ты не только не разжег войну, которой я хотел, но и позволил главным домам Эйбитара сплотиться. Всего несколько дней назад Керг и Кентигерн стояли на грани междоусобной войны. Теперь они вместе сражаются против злейшего врага своего королевства. Кто знает, сколько месяцев потребуются, чтобы снова натравить их друг на друга?

— Я ничего не мог сделать...

Голова у Шерика резко откинулась назад, и щеку обожгло, словно пощечиной. Но Избранный даже не пошевелился.

— Ты первый советник Кентигерна! — сказал он тихим угрожающим голосом. — Ты находился там во время всех этих событий! И ты хочешь, чтобы я поверил, будто ты ничего не мог сделать?

— Там действовали и другие силы, Избранный.

— Да, разумеется.

Шерик услышал сарказм в голосе Избранного и с трудом воздержался от дальнейших объяснений.

— Мальчик снова на свободе? — спросил мужчина после короткой паузы. — Под покровительством лорда Глендивра?

— Да.

— Иными словами, единственное, что у тебя получилось из задуманного, — это найти убежище в Мертессе. Тебе здорово повезло. В подобных обстоятельствах любой человек на моем месте посчитал бы, что его щедростью злоупотребили, что он выбросил деньги на ветер.

— Пребывание мальчика в Глендивре может сыграть нам на руку, — торопливо сказал Шерик, каждый миг ожидая нового удара. — Хотя мой бывший герцог и воспользовался помощью Керга и Глендивра, он по-прежнему убежден, что леди Бриенну убил Тавис. Думаю, со временем вражда между Яваном и Андреасом разгорится с новой силой. Если мальчик будет жить в Глендивре, вовлечь Керни в конфликт не составит труда.

— Интересно. Может, ты и прав. Но до той поры кто будет терять время зря? Кто будет тратить деньги на разжигание вражды между Кентигерном и Глендивром?

Еще не успев открыть рот, Шерик пошатнулся от удара, на сей раз пришедшегося в висок.

— Я! — рявкнул Избранный, и эхо его голоса прогрехотало над равниной подобно раскату грома. — Всегда помни об этом! За каждую твою неудачу приходится платить мне.

Я человек терпеливый. Я ждал много лет, чтобы достичь того, что имею сейчас. Но мое терпение истощается, и моя снисходительность к ошибкам иссякает. Отныне после каждой своей неудачи ты будешь нести суровое наказание. И не ты один, а все кирси, служащие мне, в том числе и женщина, которая спит рядом с тобой. Можешь сказать ей об этом утром, когда проснешься.

— Да, Избранный.

Шерик думал, что теперь мужчина отпустит его, но он ошибался.

— Минуту назад ты сказал, что там действовали другие силы. Что ты имел в виду?

Советник заколебался. Он не испытывал ни малейшего желания заводить разговор на эту тему сейчас, когда Избранный и так уже кипел яростью.

— Ты прекрасно помнишь свои слова.

— Да, Избранный. Но я всего лишь хотел сказать, что с побегом Тависа в конфликт оказался втянутым Глендивр и что герцогиня Кергская проявила поразительное великодушие, предложив Андреасу помощь в защите Кентигернского замка.

— Я тебе не верю. Ты чего-то не договариваешь. Я чувствую твой страх, твое нежелание открыть мне всю правду.

— Все остальное — просто мои предположения. Ничего больше.

— Так позабавь меня своими догадками. Только быстро. Я начинаю уставать от этих игр. Мне так же легко заставить тебя говорить, как задать тебе вопрос. Вряд ли ты хочешь этого.

У Шерика перехватило дыхание. В тот момент он даже не был уверен, что сможет произнести хоть слово. Он почувствовал странное давление на глазные яблоки, которое уже через несколько мгновений переросло в мучительную боль. Избранный, как и прежде, не поднял руки и не сделал ни единого шага вперед, но советнику показалось, что мужчина вдавливая большими пальцами глаза ему в череп и что он сейчас ослепнет.

— Хорошо! — крикнул Шерик. — Я все скажу! Перестаньте, пожалуйста!

Давление на глазные яблоки мгновенно прекратилось.

— Конечно, — мягко сказал Избранный. — Я не хочу причинять тебе боль. Я просто хочу знать, что ты имел в виду.

Советник протяжно, судорожно вздохнул, жалея о том, что принялся оправдываться, когда следовало держать язык за зубами.

— Ну? — спросил Избранный суровым голосом.

— Как я уже говорил, — начал Шерик, — я не предвидел вмешательства Глендивра, да и побега Тависа из кентигернской темницы, коли на то пошло. Насколько я понимаю, и первое и второе устроил один человек. Он кирси. Полного имени я не знаю, но все называли его Гринсой — или предсказателем, каковое обстоятельство заставило меня предположить, что он работал на ярмарке.

— Так значит, ты поднимаешь шум из-за какого-то ловкого кирси?

— Нет, Избранный. Думаю, он не просто ловкий кирси. Люди, вызволившие Тависа из темницы, сумели проделать отверстие в каменной стене крепостной башни. А когда я сказал, что не владею магией преобразования форм, у меня возникло четкое ощущение, что он распознал мою ложь.

— И каковы твои предположения? — Но по голосу собеседника Шерик понял, что тот уже сам догадался. Впервые за все время своего служения делу Избранного советник услышал страх в голосе мужчины. Если Гринса и был Избранным, то явно не этим.

— Возможно, в Прибрежных Землях есть еще один Избранный. — Шерик старался говорить спокойно. Если он был прав, то сейчас этот человек нуждался в нем больше, чем когда-либо. Кто еще знал, где находится Гринса или как он выглядит? Кто еще знал дворы Эйбитара достаточно хорошо, чтобы с уверенностью предсказать, куда он направится в следующую очередь? — Думаю, другого объяснения нет.

— Конечно, в Прибрежных Землях есть другие Избранные, глупец. Неужели ты действительно полагаешь, что я считаю себя единственным в своем роде? Опасность

представляет не сам факт его существования, а интерес, который он проявил к судьбе мальчика и к твоей деятельности. В большинстве своем Избранные предпочитают держаться подальше от политических интриг именно из страха разоблачения. Вероятно, поэтому-то он и скрывался, странствуя с ярмаркой. Но, по всей видимости, произошло нечто такое, что заставило его покинуть палатку предсказателя. Нечто такое, что...

Он умолк и застыл перед Шериком — неподвижный, как валуны вокруг.

— Избранный? — наконец нарушил молчание советник.

— Ты должен оставаться в Мертессе, — отозвался Избранный. — Ты и твоя подруга. В свое время я дам задание вам обоим, но пока я хочу, чтобы вы оставались там. Заслужите доверие нового герцога. Узнайте побольше об анейранских дворах. Все понятно?

— Да, конечно. Но как насчет другого Избранного?

— Никогда больше не заговаривай о нем. Ни с кем.

— Но я знаю, кто он. Я видел его. Я могу помочь вам найти его и следить за ним.

— Ты изгнанник, а значит, ничем не можешь мне помочь.

— А если...

Горло Шерика сжала рука — незримая, но сильная, как лапа демона.

— Довольно! — сказал Избранный. — Ты останешься в Мертессе. Поставь под сомнение мои приказы еще раз — и я сотворю с тобой такое, что ты пожалеешь о том, что не остался в Кентигерне терпеть пытки своего герцога. Ослушайся меня — и я убью тебя.

Шерик задыхался. Казалось, сейчас Избранный свернет ему шею. Он хотел взмолиться о пощаде, но не сумел издать ни звука.

Потом он проснулся в комнате Яллы; сквозь щели в ставнях уже сочился слабый утренний свет. Она сидела рядом, закутавшись в халат, — вся в слезах, с расширенными от ужаса глазами.

— Я не могла разбудить тебя, — прошептала она дрожащим голосом. — Я старалась изо всех сил, но ты словно ничего не слышал.

Шерик лежал неподвижно, закрыв глаза, жадно глотая ртом воздух.

— Ты встречался с Избранным?

Советник кивнул.

— Он в ярости?

— Да, — проговорил он слабым хриплым голосом, — но не только. Мне показалось, что он испуган.

ГЛАВА 34

Город Королей, Эйбитар, луна Шессира прибывает

Представители эйбитарской знати съехались в Город Королей со всех концов страны, чтобы присутствовать на коронации Керни. Разумеется, туда прибыли главы всех двенадцати домов, в том числе старший сын Глендивра — тоже носивший имя Керни, — который после восшествия отца на трон становился герцогом. Приехали также лица рангом пониже, от самого влиятельного торалдского тана до самого незначительного сассинского барона. Со времени вступления на престол последнего короля прошло почти тридцать лет, а когда к власти придет следующий, никто не знал, ибо Керни был молод и все Глендивры славились долголетием.

На коронацию приехали также знатные особы из Везирна, Сирисса и северной Санбиры. Ходили даже слухи, что император Брэдона собирался прислать своего представителя, хотя пока еще из империи никто не прибыл. Многие гости привезли с собой свои семьи, а семьи привезли с собой деньги. Поэтому Гринса не удивился, увидев, что широкие улицы города запружены разносчиками и торговыми лотками. «Где золото, там и торговцы», — гласила старинная поговорка, до сих пор не потерявшая актуальности.

Но ни знатные семейства Прибрежных Земель, ни торговцы со своими товарами не интересовали предсказателя. Он думал только о ярмарке Бодана, которая прибыла в город

накануне поздно вечером, когда они с Тависом уже вернулись в свою комнату в огромном замке. Разумеется, ярмарка прибыла из Ирдли, где всегда останавливалась в месяце Морны, после чего направлялась на запад и следовала до Лабруина. Это был один из самых длинных переходов ярмарки, который в этом году стал еще длиннее из-за торжества, намечавшегося в Одунском замке. Музыкантам, танцорам и предсказателям пришлось преодолеть дополнительные двадцать лиг и пересечь ручей Бинтара и реку Торалд, вздувшиеся от обильных дождей, обычных в сезоне цветения и роста. Несомненно, все они устали с дороги, изголодались по горячей пище и страшно хотели спать. Но это была ярмарка. Когда Гринса и молодой лорд проснулись, палатка предсказателей уже стояла на рыночной площади, и из окна они видели вывешенные над ней разноцветные флаги.

Предсказателю не хотелось оставлять Тависа одного — особенно в городе, переполненном народом. Андреас согласился признать Керни королем и больше не угрожал мальчику, хотя заявления Тависа, настаивавшего на своей невиновности, явно не произвели на него впечатления. Но кентигернские солдаты и подданные были повсюду. Керни поклялся призвать Андреаса к ответу за любой вред, причиненный молодому лорду, но на самом деле он ничего не смог бы поделать, если бы один из кентигернских подданных покусился на жизнь мальчика.

Однако, когда при виде палатки сердце у Гринсы запрыгало подобно ярмарочному акробату и желудок свело мучительным спазмом, он понял, что ему придется оставить мальчика одного — по крайней мере ненадолго.

— В чем дело? — спросил Тавис, пристально глядя на него. — Ты болен?

Гринса принужденно улыбнулся.

— Нет. Я должен сделать одно дело сегодня утром. «Я должен убить женщину, которую люблю».

— Эта палатка, — сказал Тавис, проследив за направлением его взгляда. — Приехала ярмарка, да?

— Да.

— Ты хочешь повидаться с той женщиной. О которой я спрашивал тебя в храме.

Гринса стиснул зубы, продолжая смотреть на палатку предсказателей. Он не желал говорить на эту тему.

— Вы найдете чем заняться здесь до моего возвращения? — спросил он. — Я ненадолго.

— Конечно. Я могу пойти посмотреть на танцоров, но к полудню вернусь, если хочешь.

Гринса предпочел бы, чтобы Тавис оставался в замке, в полной безопасности, но он не мог превращать мальчика в узника.

— Это было бы замечательно, — сказал он после короткой паузы. — Только соблюдайте осторожность.

Тавис ухмыльнулся:

— Я же не дурак, Гринса. Я разыщу Ксавера или отца. Я буду не один.

Через несколько минут предсказатель покинул комнату и кратчайшим путем вышел из замка на городские улицы. Он шел скорым шагом, с трудом подавляя желание перейти на бег.

Как бы он ни жаждал встречи с Кресенной, он понимал, что очень сильно рискует. У Гринсы хватало ума понимать, что он не разлюбил ее — даже после всего случившегося. В глубине души он хотел снова обнять эту женщину, почувствовать вкус ее губ, вдохнуть запах волос. Ему пришлось напомнить себе, что она предала его, что она послала за ним наемного убийцу.

У палатки предсказателей уже стояла длинная очередь детей, но Гринса стремительно прошел мимо, откинул в сторону полог и вступил в сумрачное пространство. За столом перед камнем сидел Трин, а напротив него — девочка, которая обернулась и посмотрела на Гринсу. Лицо у нее было почти таким же бледным, как у толстого кирси.

— Гринса! — весело воскликнул Трин, расплываясь в улыбке. — Какой сюрприз!

Боюсь, однако, ты явился не вовремя. Мы только что приступили к Приобщению этой юной леди. Может, мы увидимся попозже...

— Выйди, — сказал Гринса девочке, с трудом сдерживая гнев.

— Но она только что вошла.

Яростным взглядом он заставил Трина замолчать.

— Она вернется чуть позже. — Гринса снова посмотрел на девочку. — Встань в начало очереди. Ты войдешь первой, когда предсказатель освободится.

Она кивнула и выбежала из палатки, оставив двух криси наедине.

— Ты меня удивляешь, Гринса. Я и не предполагал, что ты настолько груб, чтобы...

Гринса подступил к Трину, оттолкнул в сторону стол и схватил толстяка за грудки, рывком приподняв со стула.

— Где она? — спросил он.

— Кто именно?

Гринса занес руку для удара.

— Ты о Кресенне?

Он наотмашь хлестнул криси по щеке ладонью.

— Конечно, я о Кресенне, жирный болван. Говори живо, где она.

— Она покинула нас! Клянусь!

— Что значит покинула? Куда она делась?

— Я имею в виду, она покинула ярмарку.

Гринса разом обмяк всем телом. Мгновение спустя он опустил Трина обратно на стул, но по-прежнему держал его за ворот.

— Она сказала, куда направляется?

— Обратно на Везирнийскую Корону повидать своих близких. Она сказала, что у нее заболела сестра.

Вероятно, это была очередная ложь. Насколько Гринса знал, Кресенна ни дня не жила на Везирнийской Короне, да и в Брэдоне, коли уж на то пошло.

— Мне жаль, что у вас с ней ничего не получилось. — Трин говорил медленно, словно опасаясь каждым следующим словом опять привести Гринсу в бешенство. — Мне казалось, вы будете вместе очень долго.

— Прекрати. — Гринса тряхнул мужчину. — Я хочу знать, какую роль сыграл ты во всей этой истории.

— В какой истории? Я не понимаю, о чем ты.

— Ты практически толкнул нас в объятия друг друга. Зачем? Это соответствовало твоим планам? Ты выбрал меня с самого начала или после Посвящения Тависа?

— Ты несешь вздор, Гринса! Я понятия не имею...

Он снова дал Трину оплеуху, на сей раз сильнее. Через несколько секунд на щеке толстяка проступил отпечаток его ладони.

— Хватит врать, Трин! Я знаю о заговоре! Я знаю, что вы оба участвуете в нем!

— Я тоже знаю о заговоре, — сказал Трин. — Но я не имею к нему никакого отношения. И впервые слышу, что Кресенна в нем участвует.

Что-то в голосе мужчины остановило Гринсу, заставило прислушаться, несмотря на гнев и боль, стеснявшие грудь.

— Поверь, Гринса, я здесь не при чем. Мне жаль, что Кресенна замешана в этом деле. Честное слово.

Гринса потряс головой. Ему казалось, будто он находится в плотном облаке тумана, порожденного магической силой криси.

— Но ты ненавидишь инди. Ты отзывался о Картахе так, словно он был демоном.

— Я действительно ненавижу инди. И Картах действительно был истинным демоном. — Толстяк улыбнулся. — Я не говорю, что не симпатизирую заговорщикам. Будь я моложе и смелее, вполне вероятно, я присоединился бы к ним. — Он положил руку себе на грудь, продолжая улыбаться, хотя в его бледно-желтых глазах отразилась печаль. —

Посмотри на меня, Гринса. Я стар. Возможно, по понятиям инди и даже наших соплеменников я не так уж стар. Но в моем возрасте и с моим ожирением у меня едва хватает сил делать свою часть предсказаний. Думаю, мне осталось жить лет пять — или чуть больше, если повезет. У меня нет ни малейшего желания изменить мир. А даже если бы таковое было, с какой стати людям, возглавляющим подобный заговор, обращаться к старому жирному кирси вроде меня?

Гринса еще несколько мгновений пристально смотрел на Трина, а потом отпустил его и выпрямился, отведя взгляд в сторону.

— Извини, Трин.

— Ты очень любил ее?

Он кивнул.

— По словам Кресенны, ты покинул ярмарку, когда она сказала, что не любит тебя. Она сказала, что ты не мог оставаться рядом с ней, поскольку не надеялся на взаимность.

Странная ложь. Не знай Гринса всего остального, он подумал бы, что Кресенна действительно любила его и говорила все это из гордости, пытаясь скрыть боль разлуки.

— И ты ей поверил? — спросил он.

— У меня не было причин не верить. Так она говорила правду?

Уже многие знали о том, что он сопровождает Тависа, — а значит, лгать не имело смысла.

— Нет. Я отправился в Кентигерн, чтобы попытаться вызволить лорда Тависа из темницы Андреаса. Увидев будущее мальчика, я понял, что обязан помочь ему.

Трин приподнял бровь.

— Похоже, у тебя это получилось.

— Сразу после моего отъезда Кресенна послала за мной человека, чтобы остановить меня. Он был ярмарочным певцом и наемным убийцей. Ты знаешь, о ком я говорю?

Трин изумленно вытаращил глаза. Если бы они разговаривали на любую другую тему, выражение его лица показалось бы забавным.

— Нет, — наконец сказал кирси. — Помнится, я слышал, что один музыкант покинул ярмарку вскоре после твоего отъезда, но я не знал, кто именно, и, честно говоря, особенно не задумывался. — Он потряс головой. — Кресенна послала за тобой наемного убийцу?

— Да.

— И как ты убежал от него?

— Никак. Я его убил.

— Понимаю, — еле слышно проговорил Трин, и его от природы бледное лицо стало совсем белым. — В таком случае, надо полагать, ты принадлежишь к числу людей, ведущих борьбу с заговором?

Гринса заколебался, не находя ответа. Мог ли он честно сказать мужчине, что никакого реального противостояния движению кирси не существует? Мог ли признаться, что сам рассчитывает только на поддержку Кезии и Фотира? Или он слишком рано признал слабость своей позиции в предстоящей борьбе? Разве Тавис не союзник? И разве поддержка Тависа и Фотира не заставит Явана присоединиться к ним? Если он полагался на Кезию, разве не вероятно, что он сможет обратиться за помощью к новому королю?

— Да, — наконец сказал он. — Пожалуй да. Теперь мы с тобой враги, Трин?

Кирси помотал головой.

— Нет. Я не люблю инди, и я понимаю, какие чувства движут заговорщиками. Но меня вполне устраивает жизнь ярмарочного предсказателя, и я не хочу, чтобы война между инди и беловолосыми нарушила ее течение. Как бы мне ни хотелось увидеть кирси у власти в Прибрежных Землях, я не заинтересован в коренных переменах.

Гринса пристально смотрел на мужчину, не зная, правильно ли он его понял.

— О чем ты говоришь?

— О том, что, возможно, я соглашусь помогать тебе. Но учти: только по мелочам. Я не собираюсь рисковать жизнью и предпочел бы, чтобы никто из представителей

противоположного лагеря не знал о моей деятельности. Но, если тебе понадобится информация или потребуется передать сообщение из одного эйбитарского дома в другой, возможно, я сумею помочь тебе.

— За плату? — с ухмылкой спросил Гринса.

Трин улыбнулся, и его круглое лицо приняло невинное выражение.

— Ты стал бы доверять человеку, который делает подобные вещи за плату?

Гринса рассмеялся.

— Разумный вопрос. — Он еще несколько мгновений испытующе смотрел на толстяка, а потом кивнул. — Хорошо. Спасибо, Трин. В случае необходимости я обращусь к тебе.

— Ты поработаешь с нами, пока мы здесь? — спросил Трин, переменив тему с такой легкостью, словно они обсуждали недавние дожди. — Видит Кирсар, нам нужна помощь.

— Нет, не думаю, — сказал предсказатель. — Но я постараюсь еще раз заглянуть к вам перед отъездом из города.

Кирси кивнул:

— Буду рад тебя видеть.

Гринса поставил на место стол, перевернутый им, положил Киран обратно на подставку, а потом направился к выходу.

— Как тебе удалось спасти мальчика? — спросил Трин, когда он уже протянул руку к пологу палатки.

Гринса остановился и повернулся к толстяку.

— Думаю, мне лучше не отвечать. Чем больше ты знаешь, тем большей опасности подвергаемся мы оба.

Трин кивнул:

— Пожалуй, ты прав. Но скажи мне одно: леди Бриенну убил мальчик?

— Нет.

— Похоже, ты уверен.

— Я действительно уверен.

— Сейчас мы приехали из Ирдли, как тебе известно. А до этого останавливались в Торалде. Почти все жители обоих городов считают лорда Тависа убийцей. Мы покинули Торалд прежде, чем туда пришло известие о вступлении Глендивра на престол, но в Ирдли все признали разумным решение избрать королем Керни. Однако это не помешало людям принимать одну или другую сторону в конфликте между Андреасом и Яваном. Даже после прихода к власти нового короля события, случившиеся в Кентигерне, все еще способны расколоть страну на два враждующих лагеря.

Примерно то же самое Гринса слышал и о других городах Эйбитара. Дома начинали примыкать к одному и другому герцогу. Большинство домов — в том числе Галдастен, один из главных — встало на сторону Андреаса, поскольку главы оных по-прежнему считали Тависа виновным. Но несколько домов выступили в поддержку Явана — включая Хенею и Лабруин, связанных прочными узами с Кергом. Торалд и Глендивр еще не взяли ничью сторону, и Глендивр скорее всего не собирался принимать участия в конфликте, поскольку Керни вступал на престол. Пока Торалд занимал нейтральную позицию, угроза гражданской войны оставалась отдаленной. Но если в конце концов все самые могущественные дома Эйбитара объединятся либо с Кергом, либо с Кентигерном, даже такому разумному королю, как Керни, вряд ли удастся сохранить мир в стране.

— Спасибо, Трин, — спокойно сказал Гринса. — Благодарю за информацию.

— Не за что. Будь осторожен, Гринса. Если Кресенна послала за тобой наемного убийцу, другие поступят так же.

Он кивнул, принужденно улыбнувшись, а потом вышел из палатки и вернулся обратно в замок. Он нашел Тависа в наружном дворе замка гуляющим среди разносчиков, которые разложили свои товары на траве. С ним был Ксавер Маркуллет; герцог и герцогиня Кергские находились неподалеку. Удостоверившись, что мальчику ничего не грозит, Гринса направился во внутренний двор с намерением разыскать сестру. С того вечера, когда Керни

согласился взойти на престол, они успели немного пообщаться, но Кезия держалась отчужденно. Поскольку завтра должна была состояться коронация, а вскоре после нее они с Тависом собирались покинуть Город Королей, Гринса не знал, представится ли ему еще возможность поговорить с ней наедине.

Предсказатель нашел сестру в огромном зале, где всегда проводились церемонии коронации. Она наблюдала за слугами, развешивавшими знамена двенадцати эйбитарских домов. Все они размещались в порядке, соответствовавшем положению домов, — кроме знамени Керни, которому надлежало висеть первым все время, покуда он и его потомки будут оставаться у власти. Скамьи для знатных гостей уже стояли на местах, выстроенные вдоль стен и частыми рядами поперек зала. На них должно было поместиться не меньше тысячи человек. На стенах в глубине зала висели гобелены — по одному от каждого дома, — прославлявшие деяния величайших представителей каждого рода. В передней части зала стоял Одунский трон, перенесенный сюда для церемонии со своего обычного места в приемной короля. Дубовый, украшенный затейливыми резными изображениями богов и богинь, он до сих пор блестел так же, как девять веков назад. Рядом стоял трон поменьше, тоже из резного дуба, предназначавшийся для королевы. Гринса невольно задался вопросом, что чувствует сестра при виде него.

— Все еще низковато, — крикнула Кезия одному из мужчин, стоявшему на лестнице под самым потолком. — Уже лучше, чем раньше, но хорошо бы они висели чуть выше.

Мужчина прокричал что-то в ответ; Гринса не разобрал слов, а Кезия кивнула.

— Зал выглядит великолепно, — сказал предсказатель.

Она повернулась и просияла при виде брата.

— Уж точно лучше, чем вчера. В любом случае к утру мы все успеем сделать.

— Я надеялся поговорить с тобой, но если ты занята... — Он пожал плечами, не закончив фразы.

— Похоже, я всегда занята. Сейчас такое же удобное время, как любое другое.

Она окинула зал быстрым взглядом, словно желая удостовериться, что может отлучиться на пару минут, а потом провела Гринсу к ближайшей двери и вышла во внутренний двор, ярко освещенный солнцем.

Они пошли по мощеной дорожке, тянувшейся между садами, и сразу же погрузились в неловкое молчание — как делали со времени отъезда из Кентигерна всякий раз, когда оставались наедине.

— Похоже, я должен попросить у тебя прощения, — сказал наконец Гринса, украдкой взглядывая на сестру, упорно смотревшую себе под ноги. — Я не знаю за что, но мне кажется, ты ждешь от меня извинений.

— Ты знал, что это случится? — спросила она. — Ты знал, что Керни станет королем?

— Да, я предполагал. Другого выхода просто не было. Нам всем следовало понимать это с самого начала.

— А я не понимала, — сказала она, возвысив голос.

— Ты просто не хотела понимать. И Керни не хотел. Безусловно, Яван и Андреас тоже. Поэтому говорить пришлось мне.

— Ты видел именно это, да? Это и есть то самое будущее, о котором я спрашивала тебя во время нашего разговора на равнине?

— Да. Ты спросила, ужасное ли будущее ожидает тебя, а я сказал, что не знаю, ужасное оно или нет. Ты помнишь?

— Конечно.

— Как бы ты теперь ответила на этот вопрос?

— На какой?

— Кажется ли тебе ужасным, что человек, которого ты любишь, стал нашим королем? В течение последнего месяца ты выглядела так, словно скорбела о смерти дорогого друга. Неужели это повод для горя? Неужели ты действительно считаешь, что твои страдания могут сравниться со страданиями, выпавшими на долю Тависа или герцога и герцогини

Кентигернских?

Они оба остановились. Кезия покраснела и посмотрела на брата так яростно, словно хотела наброситься на него с руганью. Но через мгновение она покачала головой и опустила глаза.

— Я люблю его, Гринса. И я его потеряла. Возможно, никто не видит в этом трагедии, но мне больно.

— Я знаю. И глубоко сочувствую тебе. Если бы был другой выход, я бы нашел его. Надеюсь, ты мне веришь.

Кезия подняла взгляд и еле заметно улыбнулась.

— Верю.

Они пошли дальше по дорожке, петлявшей среди цветов и маленьких деревьев.

— Насколько я понимаю, вы с Тависом скоро покидаете город? — спросила она через минуту.

— Сразу после коронации. С нашей стороны было бы неблагоприятно задерживаться здесь дольше.

— И куда вы направитесь?

— На юг. Шерик бежал в Анейру, и я думаю, что убийца Бриенны сделал то же самое. Я не хочу рисковать, переправляясь через Тарбин, поэтому мы пересечем Сирисскую степь и войдем в Анейру с востока.

Кезия сжала губы и потрясла головой.

— Мне это совсем не нравится. Уже и то плохо, что вы отправляетесь на поиски наемного убийцы, но разыскивать его в Анейре... — Она снова потрясла головой.

— Честно говоря, мне это тоже не нравится. Я бы предпочел разыскать Шерика. О людях, возглавляющих заговор, он наверняка знает больше, чем наемный убийца. Я еще надеюсь убедить Тависа, что Шерик — более легкая добыча.

— А ты уверен, что не хочешь найти в Анейре другого человека?

На сей раз настала очередь Гринсы покраснеть. Он мало чего рассказал сестре о Кресенне, но никто не знал его лучше Кезии, и некоторые вещи от нее невозможно было скрыть.

— Откуда ты знаешь? До сегодняшнего утра я думал, что она по-прежнему странствует с ярмаркой.

— Я знала, что ты пойдешь искать ее сегодня. И ты бы сказал что-нибудь, если бы нашел. Остальное — просто догадка.

— Она тоже в Анейре, — сказал Гринса. — Я уверен. Но я не знаю, что я сделаю, если найду ее. Думаю, мне лучше искать Шерика или наемного убийцу. Кресенна... это слишком опасно.

Кезия взяла брата за руку, и они еще немного погуляли, разговаривая о предстоящей церемонии и о трудностях, которые ожидали нового короля.

Но когда они, описав по двору круг, вернулись к дверям зала, она остановилась и посмотрела Гринсе прямо в глаза.

Она открыла рот, потом опять закрыла, словно не зная толком, что сказать.

— Я люблю тебя, Гринса, — наконец сказала Кезия. — Обещай, что ты вернешься ко мне.

— Обещаю. А пока, — добавил он с улыбкой, — я знаю, как тебя найти.

Кезия сумрачно взглянула на брата.

— Мне предстоит стать главным советником короля. Мне нужно хорошо высыпаться.

Рассмеявшись, он обнял сестру, на мгновение крепко прижал к груди, а потом наклонился и поцеловал в лоб.

— Будь здорова, Кезия, — сказал он. — Да хранят тебя боги и ниспошлют тебе покой.

— Желаю тебе того же, — прошептала она, а потом отстранилась от него и скорым шагом вошла в зал. Но Гринса увидел, как она смахнула слезу со щеки, переступая порог.

Церемония коронации Керни Первого Глендиврского началась на следующий день с утренними колоколами. Длинная процессия, возглавляемая королевскими гвардейцами и солдатами всех эйбитарских домов, прошествовала по улицам Города Королей и вступила в Одунский замок через южные ворота. За солдатами следовали представители низшего дворянства начиная с баронов и графов и кончая танами. За ними шли гости из других королевств.

Далее следовали герцоги двенадцати домов, в порядке, соответствовавшем положению оных, — только сын Керни занимал последнее почетное место в самом конце колонны. Поскольку Тавис находился под покровительством Глендивра, он шел со священниками и младшими советниками из дома Керни, сразу за сыновьями и дочерью нового короля. Он оделся в коричнево-золотые цвета Керга, хотя знал, что будет выделяться из окружения, — и очень скоро пожалел об этом.

Выстроившиеся вдоль улиц люди, которые радостно приветствовали солдат и представителей знати, умолкали, когда он проходил мимо, или, наоборот, раздражались негодующими криками, называя его убийцей и другими бранными словами. Один мужчина вышел на дорогу и плюнул ему под ноги. Если бы не Гринса, который шел в нескольких шагах позади него, молодой лорд имел бы все основания опасаться за свою жизнь. Так или иначе, он замечал каждый ненавидящий взгляд, слышал каждый недоброжелательный шепот в продолжение всего пути к Одунскому замку.

Когда Тавис наконец прошел через наружные ворота замка и вступил на подъемный мост, оставив позади городские улицы и враждебные взгляды, он испытал глубокое облегчение — но оно оказалось мимолетным. Солдаты, возглавлявшие процессию, теперь выстроились по сторонам наружного двора, чтобы отдать честь гостям, которые двигались вокруг центральной части замка, направляясь к восточным воротам. Они стояли неподвижно, подняв мечи, но при виде Тависа на лицах у них отражалась такая же ненависть, какую он видел на лицах простолудинов за стенами замка.

Но даже когда он миновал последнего солдата — потупив взгляд, чувствуя, что щеки у него горят жарче огня кирси, — Тавис обнаружил, что испытания еще не кончились. Вступив во внутренний двор и пройдя мимо статуи Бинтара, подданные эйбитарских дворов вереницей входили в огромный зал и занимали места, причем менее знатные гости садились в задних рядах. У двери стоял слуга, который громко объявлял имя каждого входившего гостя. Пока Тавис ждал своей очереди, холодея от ужаса, он в какой-то момент едва не решил выйти из колонны и удалиться в свою комнату в замке. Мальчик знал, каково ему придется, как они будут смотреть на него, что будут говорить друг другу, когда он будет проходить мимо. Он уже почти слышал их приглушенные голоса.

— Все знают, что вы здесь, — раздался шепот позади.

Тавис обернулся и увидел, что Гринса стоит совсем рядом, пристально глядя на него своими желтыми глазами.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

— Если вы уйдете сейчас, — сказал кирси, пропустив вопрос мимо ушей, — они все поймут почему. Они сочтут это дополнительным доказательством вашей вины.

Тавис судорожно сглотнул и кивнул.

— Это очередное испытание, лорд Тавис. Одно из многих, которые вас ждут в ближайшие годы. Если вы действительно хотите вернуть свою жизнь, вы должны бороться за нее. И должны начать сегодня же, когда вам нужно всего лишь пройти к своему месту в первых рядах.

Гринса был, конечно, прав. Но, думая о предстоящем испытании, Тавис засомневался, что хочет вернуть свою жизнь. Наверное, лучше было спокойно жить в изгнании, чем терпеть такие муки.

— Лорд Тавис Кергский! — Звучный голос глашатая отозвался эхом в стенах зала.

Все повернулись к нему. Все до единого. На него смотрели даже герцоги, выстроившиеся по обеим сторонам от двух тронов в дальнем конце зала, расстояние до

которого казалось Тавису непреодолимым. Рядом с Яваном стоял Андреас, с выражением лютой ненависти в бледно-зеленых глазах.

— Идите, Тавис, — прошептал кирси. — Держите голову высоко. Вы невиновны, и вы по-прежнему сын герцога.

Мальчик двинулся вперед; ноги у него подкашивались, щеки пылали. Он спиной чувствовал враждебные взгляды. Как много раз прежде, Тавис ощутил желание закричать на всех них, сказать, что он не убивал Бриенну. Но ему оставалось только идти, с трудом сдерживая слезы. Он не сводил глаз с Одунского трона, не желая ни с кем встречаться взглядом. Он знал, что в зале находятся Ксавер и Хаган, которые сидят с другими кергскими графами; он знал также, что через несколько шагов пройдет мимо матери и Фотира. Но он не осмеливался искать знакомые лица. Мать Бриенны, Иоанна, тоже находилась где-то в зале, вместе с двумя другими своими детьми. Тавис просто шел вперед, и зал казался бесконечным, словно унылая прямая дорога в Вересковых пустошах.

Наконец он достиг первого ряда и опустился на одно из свободных мест, которое оказалось рядом с дочерью Керни, Коринной. Она ничего не сказала Тавису и посмотрела на него глазами, полными ужаса. Но это он еще мог вынести. Она была совсем ребенком; на ее месте он бы тоже испугался.

Через несколько секунд рядом с ним сел Гринса, на бледном лице которого угадывалась едва заметная улыбка.

— Поздравляю, — сказал он все так же шепотом. — Вы выиграли свое первое сражение.

— Мне так не кажется.

— Победы бывают разными, лорд Тавис. Вам предстоит познать все.

Молодой лорд непонимающе нахмурился, но Гринса больше ничего не сказал. Прежде чем Тавис успел попросить предсказателя объяснить свои слова, все в зале встали. Прибыл король.

Мальчик тоже встал и обернулся к дверям зала. По центральному проходу шел прелат, облаченный в белое одеяние, а не в коричневое, как обычно. В одной руке он держал толстую книгу — несомненно, Книгу Ина, — а в другой длинный золотой жезл. За ним шли несколько священнослужителей, все в коричневых балахонах. Двое несли кадильницы, от которых поднимался ароматный дым благовоний, курившихся в монастырях. Все они пели молитву во славу Ина.

Вслед за священнослужителями шли Керни и Лейла, с подобавшим случаю торжественным выражением лиц. Тавис никогда раньше не видел королеву, но слышал рассказы о ее красоте. У нее были черные волосы и очень темные, почти черные глаза. Она была в длинном голубом платье со шлейфом, который несли две одинаково одетые маленькие девочки. На шее, в ушах и на пальцах Лейлы сверкали бриллианты. Она даже надела сверкающую диадему, явно призванную соперничать с короной, которую должны были возложить на голову ее мужа. Но, несмотря на роскошное убранство, она производила жалкое впечатление. По всей видимости, в молодости она действительно была красива, но сейчас сильно располнела, и ее лицо казалось слишком толстым для таких тонких черт, а фигура слишком тучной для тесно облегающего платья. Она выглядела гораздо старше своего мужа, хотя у него волосы серебрились, а у нее не были даже тронуты сединой.

Керни был в походном платье, в начищенных до блеска сапогах и с мечом, рукоять которого сияла точно золотая. Но простотой своего наряда он сразу внушал доверие. Такой человек, думалось каждому, будет править без высокомерия, держась столь же скромно, сколь и при вступлении на престол. Керни был одет в пурпурно-золотые цвета Эйбитара, как надлежало королю. Но второй меч висел у него на красно-черно-серебряной перевязи, которую веками носили глендиврские герцоги. Цвета Глендивра не бросались в глаза, каковое обстоятельство, впрочем, только подчеркивало непритворную скромность Керни. Он ничем не походил на свою королеву, и Тавис не сомневался, что все присутствующие поняли это.

Керни и Лейла остановились перед тронном. Прелат тоже остановился там, повернулся к королю и открыл книгу. Он начал громко читать, и все в зале умолкли. В монастыре подобные чтения всегда казались Тавису занудными, и сейчас он тоже заскучал. Он осторожно осмотрелся по сторонам и с облегчением увидел, что все смотрят на нового короля. Хотя бы на время о нем забыли.

Спустя какое-то время он снова устремил взгляд вперед, хотя смотрел не столько на Керни, сколько на своего отца. На лице Явана не отражалось ни горечи, ни зависти, но Тавис знал, что эти чувства полыхают в груди герцога Кергского подобно огню в кузнечном горне.

Отец сказал, что Тавис ни в чем не виноват, и хотя мальчик по-прежнему чувствовал себя в ответе за случившееся, он искренне верил, что Яван не винит его. Но, глядя на своего отца, вынужденного присутствовать при коронации другого человека, мальчик еще раз поклялся найти убийцу Бриенны. Это не вернет отцу корону и даже не вернет самому Тавису прежнее положение в доме Кергов, но, по крайней мере, докажет всем людям, находящимся сегодня в замке, что не он виноват в отречении Явана от престола.

Наконец прелат закончил читать, закрыл книгу и передал ее одному из священнослужителей. Потом он обошел трон и подступил к маленькому столику, которого Тавис не заметил прежде. На нем стояла простая деревянная шкатулка. Прелат поднял крышку и осторожно извлек оттуда золотой венец — ничем не украшенный, если не считать сверкающего фиолетового камня спереди. Прелат вернулся к Керни и поднял корону над головой короля.

— Повторяйте за мной слова, — велел священнослужитель. — Я, Керни Первый Глендиврский...

— Я Керни Первый Глендиврский...

— ...торжественно клянусь посвятить свою жизнь и свой меч служению Эйбитару в качестве верховного правителя и воина...

— ...торжественно клянусь посвятить свою жизнь и свой меч служению Эйбитару в качестве верховного правителя и воина...

— ...дабы управлять подданными королевства и следить за соблюдением законов, предусмотренных Законами Престолонаследия...

— ...дабы управлять подданными королевства и следить за соблюдением законов, предусмотренных Законами Престолонаследия...

— ...с благословения и во славу Ина.

— ...с благословения и во славу Ина и всех богов.

Прелат нахмурился, но после короткого колебания возложил корону на голову Керни. Король повернулся к своим подданным, которые опустили на одно колено в знак почтения.

— Встаньте, пожалуйста, — сказал Керни, наконец улыбаясь.

Все встали и как один закричали: «Ин, храни короля!» — повторяя слова снова и снова.

В глубине зала появились слуги с огромными подносами, уставленными разнообразными яствами, и бесчисленными бутылками вина. Во внутреннем дворе заиграли ярмарочные музыканты, и Тавис заметил танцоров, которые прыгали и кружились в садах.

— Празднество будет продолжаться весь день и всю ночь, — сказал Гринса. — Вы хотите остаться?

Тавис посмотрел на предсказателя, пытаясь понять, шутит ли он. Но лицо кирси хранило мягкое выражение, и в желтых глазах не было ни тени насмешки.

— Конечно, — сказал Тавис. — А ты разве не хочешь?

Гринса пожал плечами, но ничего не ответил.

Керни медленно направился в глубину зала, ведя под руку Лейлу; они оба приветственно кивали и махали руками людям, следившим за каждым движением королевской четы.

Удостоверившись, что Андреас удалился в противоположный конец зала, Тавис присоединился к отцу, и они отыскивали Шону, Фотира, Ксавера и Хагана, а потом все вместе прошли к столам, ломившимся от яств. Мальчик заметил, что Гринса вскоре подошел к

своей сестре.

Поначалу Тавис так радовался возможности побыть среди родных и близких людей, что не обращал никакого внимания на остальных. Но спустя какое-то время он снова стал замечать враждебные взгляды. Люди смотрели на него так, будто он одет был в цвета Анейры или, что еще хуже, покрыт кровью Бриенны. Постепенно молодой лорд начал понимать, почему Гринса спросил, хочет ли он остаться.

Когда кирси снова подошел к нему, Тавис вздохнул с облегчением.

— Веселитесь? — спросил предсказатель, отпивая вина из бокала и скользя рассеянным взглядом по залу.

— Нет. Как ты и предвидел.

Гринса посмотрел мальчику в глаза:

— Мне не доставляет удовольствия мысль, что я оказался прав. Надеюсь, вы понимаете это, Тавис. Они не готовы отнестись к вам благосклонно, а вы пока еще не в силах обойтись без их благосклонности.

— Похоже. Я готов уехать, когда ты пожелаешь.

Кирси пожал плечами.

— Да хоть сейчас.

— А как же твоя... А как же главный советник?

— Мы уже попрощались.

Тавис кивнул. Он не был уверен, что уже готов отправиться в путь, но ему было достаточно позора для одного дня.

— Дай мне попрощаться с родителями.

Расставание с отцом и матерью оказалось не таким мучительным, как он предполагал. Мать вскрикнула, но она ожидала этого. Отец в последний раз попытался уговорить Тависа отправиться в Глендивр, но мальчик уже принял решение. Поняв бесполезность всех попыток переубедить сына, Яван вручил ему кошелек, полный монет.

— Не знаю, на сколько тебе этого хватит, — сказал герцог. — Но ты будешь обеспечен пищей и жильем, по крайней мере, несколько месяцев.

К великому удивлению молодого лорда, прощание с Ксавером оказалось неожиданно тяжелым. Когда они обнялись, на глазах друга выступили слезы, и Тавис посмеялся бы над ним, когда бы сам не плакал.

— Да хранят тебя боги, Тавис, — прошептал Ксавер, все еще крепко обнимая его. — Чего бы еще ты ни искал, надеюсь, ты обрешь душевный покой.

Тавис отступил назад и через силу улыбнулся, с трудом сдерживая слезы.

— Да хранят тебя боги. — Он хотел бы сказать больше, но слова, казалось, не имели никакого значения. Ему оставалось лишь надеяться, что Ксавер понял это.

Фотир пожал Тавису руку и пожелал удачи; то же самое сделал Хаган. И внезапно мальчик почувствовал, что больше ничто не удерживает его здесь. Или почти ничто.

Они с Гринсой уже двинулись к выходу, когда он понял, что еще нужно сделать.

— Подожди минутку, — сказал молодой лорд, придержав кирси за локоть.

Гринса недоуменно взглянул на него, но Тавис, ничего не объясняя, направился к королю, который разговаривал с герцогами Сассина и Торалда.

— Прошу прощения, ваше величество. — Тавис низко поклонился Керни. — С вашего позволения, я отправлюсь в путь. Но прежде я хотел бы смиренно поблагодарить вас за вашу доброту и великодушие.

Несколько мгновений король внимательно смотрел на него, а потом положил руку мальчику на плечо. Разговоры вокруг стихли, и Тавис почувствовал, что все смотрят на него. Однако в ту минуту ему было все равно.

— Я отпускаю вас, лорд Тавис, — сказал Керни. — И остаюсь вашим другом. Надеюсь, вы сумеете найти то, что ищете, а я буду ждать вашего возвращения.

О большем Тавис и просить не мог; вероятно, иной милости и нельзя было ожидать от короля, только что вступившего на престол. Мальчик еще раз поклонился и пошел прочь.

Гринса нагнал его у самой двери, и они вышли во двор, залитый солнечным светом.

— Это был смелый поступок, — сказал кирси. — И самый умный из всех, которые я знаю за вами.

Тавис взглянул на предсказателя и ухмыльнулся.

— Ты мог бы, по крайней мере, попытаться сказать это не таким удивленным голосом.

Они вернулись в свою комнату, собрали самые необходимые вещи и уложили их в походный мешок. Потом они вышли из замка и проследовали к южным воротам города — так называемым степным воротам. Выйдя за городские стены, они увидели впереди отвесные скалы Сирийской степи. Тавис разглядел вдаль, на юго-западе, Кровавые водопады — там стекала с гор река Сассин. Если они пройдут вдоль реки к самым истокам, то окажутся всего в нескольких лигах от сирийской границы.

— Вы окончательно все решили? — спросил кирси в последний раз. — Еще не поздно отправиться в Глендивр.

— Я уже говорил: мне нечего делать в Глендивре.

— И вы по-прежнему не хотите отыскать Шерика? По крайней мере, мы знаем, где он находится.

— Бриенну убил не Шерик. Он ничем не поможет мне доказать свою невиновность.

Гринса открыл было рот, но усилием воли заставил себя промолчать. Молодой лорд наверняка видел, что он недоволен. Предсказатель дал Керни слово оставаться рядом с Тависом и оберегать мальчика от опасности, но уже глубоко сожалел о своем обещании.

— Я хочу найти его, Гринса, — сказал Тавис с мольбой в голосе. — Я знаю, что ты хочешь разыскать Шерика. Но если мы найдем убийцу, то наверняка узнаем, кто заплатил ему. Разве это несущественно?

Предсказатель смотрел неподвижным взором на далекие водопады; таким печальным Тавис еще никогда его не видел.

— Думаю, я знаю, кто заплатил убийце, — тихо проговорил Гринса. — Но мы в любом случае попытаемся найти его. Возможно, в конце концов он приведет нас к Шерику.

ГЛАВА 35

Нолтьер, Анейра

Он больше любил южные города — любил всегда, как он понял, потягивая пиво в садике при гостинице, в которой остановился. Отчасти это объяснялось тем, что они напоминали ему родные места в Сирийсе. Понятное дело, Нистаадский замок не шел ни в какое сравнение с Нолтьерской крепостью, однако известное сходство между ними имелось. Но даже не будь такого сходства, Кадел все равно отдавал бы предпочтение архитектуре юга. Замки Эйбитара и Везирна, а также северной Анейры и Сирийса строились с расчетом на войну, и только. Они были тяжеловесными и безобразными, словно строители надеялись восполнить грубой мощью своих творений недостаток изящества и легкости.

Однако Нолтьерской крепости удалось сочетать в себе грозную силу с удивительной изысканностью и красотой. Замок и обнесенный стеной город стояли на холме, на восточном берегу Черной реки, неподалеку от южной окраины Великого Анейранского леса. Стены крепости, сложенные из камня, давшего название реке, были черными как смоль и такими же высокими, как стены Кентигерна или Торалда. Стройные, почти хрупкие на вид башни возносились высоко над городом и обеспечивали лучникам, стоявшим у затейливо вырезанных бойниц, прекрасный обзор в сторону реки, холмов и дорог, которые вели к городским воротам. Даже здания лавок, тянувшиеся вдоль изогнутых улиц, были построены со вкусом и знанием дела. Двери и окна у них имели не прямоугольные очертания, а арочные. Фасады почти всех строений украшала лепнина, каковую роскошь на севере позволяли себе лишь самые знатные особы. На всех садовых участках росли цветы, и даже мелкие торговцы выставляли свои товары наиболее приглядным образом.

Кадел находился в Нолтьере уже почти месяц и старался найти повод задержаться

здесь еще немного после прибытия Джедрека. Анейранская ярмарка, не шедшая ни в какое сравнение с санбирийской или эйбитарской, предоставляла такую возможность, хотя в конечном счете она привела бы их обратно в Мертесс или в другой, еще менее привлекательный город. В Нолтьере было несколько постоянных музыкальных трупп, но они с Джедреком пели слишком хорошо и очень скоро прославились бы, чего не нужно ни одному наемному убийце.

Последние несколько дней Кадел впервые в жизни стал всерьез задумываться о том, чтобы оставить свое ремесло, поселиться в Нолтьере и ничего не делать. Им даже не пришлось бы петь. Они с Джедреком уже заработали больше денег, чем могли потратить до конца своих дней. При этой мысли Кадел усмехнулся. Он не сомневался, что ему денег хватит. Однако Джедрек запросто мог промотать целое состояние.

Наемный убийца помотал головой, удивляясь собственной глупости. Даже если бы он нашел повод остаться здесь, работодатели-кирси не позволили бы им долго задержаться на одном месте. Конечно, они не позволят им бросить работу. Они знали, кто такой Кадел, откуда он родом, какие дела за ним числятся. Они могли заставить его сделать практически все. Пока они по-прежнему платили очень щедро — Кадел даже не мечтал о таких деньгах. Но задания становились раз от раза все неприятней. Последнее было самым ужасным. У него перед глазами до сих пор стояло лицо девушки, которая мило улыбнулась ему в пиршественном зале Кентигернского замка, когда он подал бутылку вина Тавису. С тех пор она постоянно являлась к нему во сне — за все годы работы наемным убийцей такое случалось с ним впервые.

Кадел усилием воли отвлекся от мыслей о девушке и, допив пиво, знаком приказал служанке принести еще кружку. Он ждал Джедрека самое малое через полмесяца и до прибытия товарища мог, по крайней мере, приятно проводить время в Нолтьере.

Он сам не знал, почему заметил ее еще издали. Кирси жили во всех городах южной Анейры, как жили во всех королевствах Прибрежных Земель. Пока он сидел во дворе, мимо прошли десятки беловолосых, не привлекая его внимания.

Возможно, дело было в том, что ее лицо показалось очень знакомым, или в том, что она пристально смотрела на него. А возможно, и в том, что он в жизни не видел такой красивой женщины-кирси, и вспомнил, что подумал то же самое на скалистом берегу в окрестностях Керга. Как бы то ни было, Каделу оставалось лишь смотреть на нее, пока она приближалась; ее белые волосы свободно ниспадали на плечи, светло-желтые глаза казались почти белыми при солнечном свете.

Он напрягся всем телом, как перед убийством. Очередное задание, так скоро. Этому надо положить конец.

Женщина остановилась возле его стола и окинула двор рассеянным взглядом.

— Можно к вам присоединиться? — спросила она.

Она выглядела моложе, чем он помнил, и, несмотря на свой беззаботный тон, казалась мрачной.

— Пожалуйста, — ответил он без всякого тепла в голосе.

Она села и сделала знак служанке.

— Я уже несколько дней ищу вас. Я слышала, что вы в Нолтьере, но...

— Что вам угодно? — осведомился он, стараясь говорить тихо. — Я не готов браться за новую работу так скоро. Это слишком рискованно. Пусть вы хорошо платите, но это не дает вам права подвергать опасности нашу жизнь.

Кадел умолк, когда подошла служанка с кружкой пива.

— Я явилась не для того, чтобы дать вам очередное задание, — сказала она, когда служанка удалилась.

— Тогда зачем?

Женщина на мгновение замялась и отвела глаза.

— Мне нужно поговорить с вашим другом.

— С моим другом?

— С Джедреком. У меня к нему есть несколько вопросов.

— Он еще не приехал. Я ожидаю его через самое раннее полмесяца.

Женщина побледнела.

— Он уже давно должен быть здесь.

— Нет. Мы договорились...

— У него изменились планы. Когда вы покинули ярмарку, за вами последовал предсказатель, который пророчествовал молодому Кергу. Я велела Джедреку догнать этого человека и позаботиться о том, чтобы он не добрался до Кентигерна. Он должен был отправиться к вам в Нолтьер, как только... — Она судорожно сглотнула. — Как только покончит с делом.

— Какое вы имеете право отдавать приказы моему человеку?

— Вы сами говорили, что в обязанности вашего товарища входит заботиться о вашей безопасности, устранять непредвиденные трудности, особенно если они ставят под угрозу вашу жизнь. Вы даже назвали мне его имя, чтобы я могла обратиться к нему при необходимости. В данном случае я сочла, что такая необходимость возникла.

Она была права. Именно в этом заключались обязанности Джедрека. «Мне нужно, чтобы ты защищал мои тылы». Кадел уже и не помнил, сколько раз повторял это Джеду. Возможно ли, что Джедрек погиб, выполняя задание?

— Зачем было предсказателю ехать в Кентигерн? — спросил он не столько женщину, сколько себя самого. — И как он мог справиться с Джедреком?

Женщина снова замаялась, опустив взгляд на свою кружку.

— Думаю, предсказатель чувствовал себя в ответе за мальчика. Думаю, он увидел, что должно случиться в Кентигерне, и хотел предотвратить эти события. Что же касается вашего друга, — она снова подняла взгляд, — то он сказал мне, что никогда раньше не убивал кирси. Возможно, страх перед магической силой оказался сильнее него.

Джедрек никогда раньше не убивал кирси? Кадел вспомнил задания, которые они выполняли вместе. Да, всех беловолосых действительно убивал он сам.

— И все равно, — сказал он, отказываясь верить в такое. — Он простой предсказатель. — Конечно, Джедрек не мог погибнуть.

— Возможно, не простой, — проговорила женщина так тихо, что Кадел усомнился, правильно ли он ее понял.

— Что вы имеете в виду? Что значит не простой?

Она помотала головой:

— Не знаю точно. Это не важно.

— Очень даже важно! — сказал Кадел чересчур громко. Люди, сидевшие за другими столами, внимательно посмотрели на них, а потом снова вернулись к своим разговорам. — Очень даже важно, — повторил он, на сей раз тихо. Он стиснул руку женщины — крепко, словно рукоятку кинжала. — Мой самый близкий друг, человек, с которым я работал шестнадцать лет, возможно, умер. Я хочу знать, что вы имеете в виду.

— Мне больно! — процедила она сквозь зубы, вырывая руку. Она потерла кисть, яростно глядя на Кадела. Он видел красные отпечатки своих пальцев на бледной коже женщины. — Вероятно, он обладает и другими магическими способностями, — наконец сказала она. — Владеет магией ветров и туманов; возможно, другими видами магии. Я правда не знаю. Но если ваш друг рассчитывал встретиться с человеком, обладающим одним только пророческим даром, он, вполне вероятно, недооценил силу противника.

Джедрек. Погиб.

— Когда это случилось? — спросил он.

— Два с половиной месяца назад.

Довольно давно. Он уже давно должен был прибыть в Нолтьер.

— Мне очень жаль, — сказала женщина.

Их последнее дело — кентигернское дело, как говорил Джедрек. Ничего хорошего из него не вышло. Сколько они заплатили, не имело никакого значения, если на деньгах была

кровь Джеда. Внезапно Кадел почувствовал, что не желает иметь ничего общего с этой женщиной или с любым другим кирси. Они слишком много знали о нем, поэтому рано или поздно ему снова придется убивать для них. Но пока он собирался держаться подальше от всех чародеев — за исключением одного.

— Как зовут предсказателя?

У женщины чуть округлились глаза.

— Почему вы спрашиваете?

Потому что Джедрек был его другом, почти братом, и Кадел знал единственный способ почтить память товарища.

— Потому что, — ответил он, — если предсказатель знал достаточно много, чтобы последовать за мной в Кентигерн, он представляет опасность для всех нас. И потому что вы достаточно сильно желали его смерти, чтобы послать за ним Джедрека. Я считаю себя обязанным закончить работу друга.

Она заколебалась, явно не желая отвечать, но мгновение спустя еле слышно проговорила:

— Гринса джал Арриет.

Кадел кивнул, резко поднялся со стула и, порывшись в кармане, бросил на стол золотую монету.

— Этого хватит еще на несколько кружек, — сказал он, направляясь прочь. — Наслаждайтесь пивом. Приятно проводить время в Нолтьере. Именно этим я занимался, пока вы не нашли меня.

Кресенна не могла отвести взгляда от золотой монеты. Насколько она понимала, это была монета из кошелька, который она вручила наемному убийце в Керге три месяца назад.

Уже второй раз она посылала человека убить Гринсу. Или принять смерть от его руки.

«Он простой предсказатель», — сказала она Джедреку. А сегодня сказала: «Возможно, не простой». Но насколько далеко простирались его способности? Кресенна задавалась этим вопросом с тех самых пор, когда Избранный явился к ней во сне в месяце Адриели и потребовал, чтобы она рассказала все, что знает о Гринсе. Ярмарка тогда находилась в Торалде, и Кресенна, не получившая к тому времени никаких известий от Джедрека, уже пришла к выводу, что Гринса мертв.

С самого начала сна она поняла, что эта встреча с Избранным будет отличаться от всех предыдущих. Ей не пришлось идти по темной, открытой всем ветрам равнине — она сразу же оказалась на вершине холма. Ей даже не пришлось ждать появления Избранного — он уже ждал под странным черным небом. И он мгновенно начал расспрашивать о предсказателе. Как его имя? Давно ли он странствует с ярмаркой? Где он жил до того, как присоединился к ней? Знает ли она, что он увидел в будущем лорда Тависа? Где он сейчас? Когда она сказала, что послала Джедрека убить предсказателя на пути в Кентигерн, Избранный немного успокоился, но продолжал задавать вопросы.

— Он когда-нибудь давал понять, что обладает другими способностями помимо пророческого дара? — спросил он.

Кресенна прекрасно понимала, с кем имеет дело, и подавила желание солгать, ибо знала, что ложью только навредит себе.

— Да, — ответила она. — Он признался, что владеет магией ветров и туманов, хотя назвал свои способности ограниченными.

— Еще что-нибудь?

— Нет. — Потом она спросила не подумав: — Какое это имеет значение? Я же сказала вам: он мертв.

Избранный молчал так долго, что Кресенна испугалась, уж не оскорбила ли она его. Но он не причинил ей боли.

— Ты все еще любишь его. — Это было утверждение. Избранный не мог не знать.

— Да.

— И все же ты послала за ним наемного убийцу.

— Да.

— Ты сделала это прежде, чем ты осознала свои чувства, прежде, чем успела полностью отдать себе отчет в своем поступке?

Вопрос застал Кресенну врасплох, заставил задрожать — даже во сне. И снова ей пришлось напомнить себе, что от Избранного ничего невозможно скрыть.

— Да, — сказала она. — В противном случае мне было бы труднее принять такое решение.

— Разумеется, — сказал он. — Тем не менее я доволен тобой. Поистине, Кирсар был со мной в ту ночь, когда я избрал тебя своим канцлером. Если все остальные участники нашего движения похожи на тебя, мы не можем проиграть.

Когда он наконец удалился и Кресенна пробудилась в своей комнате, все еще погруженной в ночную тьму, она испытывала такой ужас, что не заболела лишь благодаря глубине пережитого потрясения. Однако, когда страх улегся и она нашла в себе силы вспомнить весь свой разговор с Избранным, женщина начала задаваться вопросом, почему он так интересуется предсказателем. Тогда она впервые предположила, что Гринса все еще жив. Более того, ей пришлось заподозрить, что Гринса обладает далеко не одним только пророческим даром или даже способностью вызывать крохотные туманчики вроде того, который он сотворил для нее, когда они лежали вместе в постели.

В последующие дни она пыталась выбросить из головы все эти мысли. Выказывать слишком большой интерес к делам Избранного было опасно. Это знали все участники движения.

И все же она продолжала мучиться вопросами. А что, если Гринса не умер? Что, если Избранный так настойчиво расспрашивал о предсказателе потому, что видел в нем возможного противника? На самом деле подобное предположение казалось лишенным всякого смысла. В ком еще Избранный мог видеть противника, если не в другом Избранном? Каковой вопрос, как она поняла со временем, заставлял докопаться до сути дела. Покидать ярмарку и отправляться на юг было опасно. Избранный не посылал ее в Анейру и мог остаться недовольным таким поступком. Но ей нужно было узнать, жив ли Гринса. Даже Избранный должен был понять это.

Поговорив с Каделом, Кресенна только утвердилась в своих предположениях. По всей видимости, Гринса остался в живых после встречи с Джедреком. И снова, глядя на золотую монету, оставленную убийцей, она невольно вспомнила о ночи в кергской гостинице, когда держала на ладони крохотное взвихренное облачко, сотворенное предсказателем. Она никогда прежде не видела, чтобы кто-нибудь делал нечто подобное. Гринса сказал, что умеет вызывать лишь маленькие туманы, но она точно знала, что очень и очень немногие кирси обладают способностью создавать и подчинять своей воле такие вот крохотные облачка.

С самого начала Кресенна почувствовала в нем некую не поддававшуюся определению силу, которую она никак не ожидала найти в простом ярмарочном предсказателе. Как бы еще удалось Гринсе внушить ей столь страстную любовь? Он был Избранным. Это все объясняло.

И это все меняло. Гринса становился не просто неким препятствием, проблемой, которую можно устранить и забыть. Он представлял угрозу для всего движения.

Или нет? Сидя в залитом солнцем дворе в Нолтьере, она впервые задумалась о новых заманчивых перспективах. До сих пор Кресенна считала, что только тот Избранный, которого она знает, — входивший к ней в сны под черным небом, — сумеет привести кирси к власти в Прибрежных Землях. Но что, если есть другой путь? Что, если Гринса, который любил ее и скорее всего любит по-прежнему, чьего ребенка она носит под сердцем, согласится примкнуть к движению кирси? Да, сейчас он выступал против них. Однако новая жизнь, которую она вынашивала в себе, наверняка заставит Гринсу переменить убеждения. Как знать, возможно, их сын или дочь унаследует дарования Избранных. Подчиняясь законам инди, их ребенок проживет всю жизнь в страхе и вынужденной лжи, как Гринса и

все его предшественники.

Но если движение достигнет своей цели и приведет криси к власти в Прибрежных Землях, все будет иначе. Избранных будут почитать, а не преследовать. Вместо того чтобы скрывать свои способности, они будут с радостью использовать оные. Вместо того чтобы притворяться простыми предсказателями, они будут держаться как короли и королевы.

Какой отец — какой криси — не пожелал бы создать подобный мир для своего ребенка?

Проблемой оставался наемный убийца. Гринса взял верх над Джедреком, но Кадел представлял гораздо большую опасность. Любой понимал это с первого взгляда. Кресенна могла бы солгать ему сегодня и не назвать имени Гринсы, но тогда она подвергла бы опасности свою жизнь и жизнь своего ребенка. Ей ничего другого не оставалось, кроме как послать за ним наемного убийцу во второй раз. «В противном случае мне было бы труднее принять такое решение», — сказала она Избранному. Она говорила истинную правду.

Ей оставалось только верить, что Гринса сумеет защитить себя. Она верила, что боги оградят от беды отца ее будущего ребенка.

И в первую очередь Кресенна надеялась, что она найдет Гринсу раньше, чем Избранный.